

ББК 63.3
К 52

Художник *О. Шамова*
Оформление *Т. Неклюдова*
Вступительная статья *В. С. Савчук*

Куглер
К 52 История крестовых походов. Ростов н/Д. «Феникс»
1995 г. 512 с.

ББК 63.3

К $\frac{4700000000}{4MO(03)-95}$ Без объявл.

ISBN 5-85880-035-1

© Обложка О Шамова
© Оформление Т Неклюдова
© Феникс, 1995 г

Крестовые походы: религиозные идеалы и воинственный дух

В европейской истории найдется не так уж много событий и явлений, давших название целой эпохе. Эллинизм, «великое переселение народов», Ренессанс, Реформация. Этот перечень можно продолжить, но он не будет слишком большим. К числу подобных событий, в значительной мере определивших дальнейшее развитие Европы, несомненно относятся и крестовые походы. Неслучайно некоторые широко известные книги по истории так и озаглавлены, например: Эпоха крестовых походов. Под редакцией Э. Лависса и А. Рамбо. М., 1914 (отдельное издание второго тома их же «Всеобщей истории с IV столетия до нашего времени»), О. А. Добиаш-Роджественская. Эпоха крестовых походов (Запад в крестоносном движении.). Пг., 1918; и др.

Более того: можно с полным основанием утверждать, что в историческом сознании европейцев крестовые походы стали олицетворением всей средневековой эпохи, а не только XI—XIII вв. Само упоминание о средневековье вызывает в памяти многих людей вполне определенные ассоциации — образ рыцаря-крестоносца, одновременно и склонного к религиозной экзальтации, и готового к ратным подвигам. Воинская доблесть рыцарей нередко оборачивалась гибелью не только врагов, «неверных», но и самих «воинов Христа», а то и ни в чем неповинного мирного населения. Этот воинственный дух средневековья лучше других воспел в конце XII века знаменитый провансальский трубадур Бертран де Борн:

«...Здесь гибель ходит по пятам,
Но лучше смерть, чем стыд и срам.
Мне пыл сражения милей
Вина и всех земных плодов.
Вот слышен клич: «Вперед! Смелей!»—
И ржание, и стук подков...»

О неизгладимом впечатлении, которое произвела крестоносная эпопея и на современников, и на последующие поколения, свидетельствует еще одно обстоятельство.

Сами выражения «крестовый поход», «рыцарь-крестоносец» и т. п. вошли во многие европейские языки, утратив при этом первоначальный смысл. Об этом писал в одной из своих работ М. А. Заборов, ведущий специалист по данной проблематике в отечественной историографии. (Кстати, подчеркнем, что настоящий очерк в значительной степени опирается на его труды.) Любопытно, однако, то, что трактовка указанных выражений в западной литературе и в литературе, выходящей у нас в советский период, была принципиально различной.

На Западе утвердилось представление о крестовом походе, как о благородном, преследующем высокие, можно сказать, идеальные цели предприятия. Так, например, участником «крестового похода» чувствует себя герой, быть может, лучшего романа Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол», сражающийся на стороне республиканцев в годы гражданской войны в Испании. «Памятник крестоносцу» — так назвал один из своих романов современник Хемингуэя, английский писатель Арчибалд Кронин. Герой Кронина отказывается от устроенной, обеспеченной жизни и умирает в неизвестности и нищете, следуя своему высокому призванию художника-новатора. Подобные примеры можно привести не только из художественной литературы. Дуайт Эйзенхауэр, верховный главнокомандующий войсками союзников в Европе в годы Второй мировой войны, а позднее президент США, озаглавил свои мемуары о военных операциях против нацистской Германии «Крестовый поход в Европу».

Прямо противоположную, откровенно негативную окраску имело употребление понятий «крестовый поход» и «крестоносец» в советской публицистике и даже в исследовательской литературе. Своеобразным газетным штампом были в минувшие десятилетия выражения типа «крестовый поход современных мракобесов» (возможные варианты «гонителей культуры», «заокеанских ястребов», «парагвайской военщины» и т. п.) Такая позиция, конечно, не была случайной. Она объясняется прежде всего тем, что участников крестовых походов, особенно поначалу, вдохновляло искреннее и глубокое религиозное чувство, а руководящую роль в крестовом движении играла католическая церковь, папская курия. Естественно, что в эпоху тотального официального атеизма любое религиозное движение объявлялось «реакционным»,

а его цели и результаты извращались или по меньшей мере трактовались односторонне.

Впрочем, беспристрастная оценка и объективная характеристика крестоносного движения не была присуща ни историкам предшествующих поколений, ни современникам самых крестовых походов. Вероятно, читателям книги Бернгарда Куглера будет полезно, хотя бы в общих чертах, познакомиться с тем, какими свидетельствами о крестовых походах располагают ученые и как эти свидетельства интерпретировались на протяжении многих веков.

Важнейшими источниками для воссоздания истории походов западноевропейского рыцарства на Восток в XI — XIII вв. служат латинские хроники, авторы которых являлись современниками (а часто и участниками) описываемых ими событий. Имена некоторых из них остались нам не известны (анонимность — типичная черта литературного и художественного творчества средневековой эпохи). Так, «Деяние франков и прочих иерусалимцев» написал, очевидно, итало-норманнский рыцарь, служивший вначале у князя Боэмунда Тарентского (выходцы из Нормандии завоевали в середине XI в. большую часть Южной Италии). Судя по рассказу этого Анонима, позднее он воевал в отряде графа Раймунда Тулузского, а затем — герцога Роберта Нормандского. Его судьба типична для воинов-крестоносцев, часто переходивших от одного сеньора к другому. Среди свидетельств о Первом крестовом походе хроника Анонима выделяется тем, что принадлежит перу светского автора. Ее отличает также полнота и достоверность сведений о событиях 1097—1099 гг. Хотя анонимный автор был, видимо, малообразованным рыцарем, но он предстает в своем сочинении человеком ясного ума, наблюдательным и достаточно точным в изображении батальных сцен и быта крестоносцев.

Провансальский священник Раймунд Ажилский написал «Историю франков, которые взяли Иерусалим». Являясь духовником графа Раймунда Тулузского, он был близок и к папскому легату, сопровождавшему войско крестоносцев. Сочинение Раймунда Ажилского наполнено рассказами о необыкновенных происшествиях, из которых самым знаменитым является эпизод о т. н. «чуде святого копья». Стоит вкратце изложить эту историю, поскольку она характеризует не только данную хронику, но

и литературу того времени в целом. По свидетельству Раймунда Ажильского, в середине июля 1098 г. крестоносцы, окруженные армией сельджукского эмира Кербоги Мосульского во взятой ими Антиохии, оказались в тяжелом положении. Но всевышний не оставил их в беде. Он сообщил свою волю через апостола Андрея, который неоднократно являлся в видении простому провансальскому крестьянину Петру Варфоломею. Узнав о местонахождении священной реликвии (подразумевается копьё, которым, согласно Евангелию от Иоанна, римский воин пронзил распятого Христа), крестоносцы обнаружили ее и тем самым обрели средство для победы над грозным противником. Благодаря чудодейственному копьё, армия Кербоги была разбита. Исследователи хроники Раймунда Ажильского большей частью характеризуют его как религиозного фанатика, глубоко верующего человека. Но некоторые протестантские историки обратили внимание на то, что Раймунд Ажильский иногда бывает достаточно «рационалистичен». Так, может быть, его религиозная экзальтация являлась сознательным приемом для поддержания духа «воинов христовых»? Действительно, для подобных предположений сам хронист дает известные основания. Вот как описывает он взятие Антиохии крестоносцами: «Между прочим, случилось там нечто, для нас весьма приятное и доставившее нам истинное удовольствие. Несколько турок пытались бежать через пропасть... Они повстречались с нашими, принуждены были отступить, их опрокинули со стремительностью; они припустились бежать столь поспешно, что все попадали в пропасть. Нам же была радость оттого, что они туда сваливались; скорбели мы только из-за того, что более трехсот коней сломали там себе шею. Сколько же было взято добычи в Антиохии, мы не в состоянии и сказать: вообразите, сколько сумеете и считайте сверх того. Не ведаем, и сколько пало тогда турок и сарацин. Жестоко рассказывать, как погибали они разными видами смерти и как различными способами умерщвлялись...»

Еще одним важным свидетельством о Первом крестовом походе является «Иерусалимская история» французского клирика Фульхерия Шартрского. Сначала он был в свите герцога Роберта Нормандского, а позже стал капелланом графа Балдуина Фландрского. Дальнейшая жизнь Фульхерия оказалась тесно связанной с перипетия-

что они написаны не на латинском, а на французском языке (записки Робера де Клари — к тому же на пикардийском диалекте). Оба автора являются светскими, а не духовными лицами; и тот, и другой принимали непосредственное участие в событиях Четвертого крестового похода, приведшего, как известно, к захвату и разгрому западноевропейскими рыцарями столицы Византийской империи.

И все же сочинения Жоффруа де Виллардуэна и Робера де Клари существенно отличаются друг от друга, что не в последнюю очередь объясняется разницей в социальном положении их авторов. Жоффруа де Виллардуэн, родившийся около 1150 г., был младшим сыном в достаточно знатном семействе. Его отец владел замком Виллардуэн в Шампани, а сам Жоффруа, удостоенный в 1172 г. звания рыцаря и находившийся на службе графа Шампанского, довольно успешно продвигался вверх по иерархической феодальной лестнице. В 1185 г. он получил титул маршала Шампани. (Следует, однако, иметь в виду, что в Шампани конца XII века маршальский чин считался значительно ниже званий «сенешаля» и «коннетабля».) В 1190 г. Жоффруа де Виллардуэн вместе со своим сюзереном принял участие в Третьем крестовом походе и в конце того же года попал в плен к мусульманам, в котором находился несколько лет. Вернувшись на родину, он выполняет различные административные, судебные и политические поручения и постепенно входит в круг наиболее знатных сеньоров не только самой Шампани, но и других областей Франции.

Велика роль Жоффруа де Виллардуэна в подготовке и проведении Четвертого крестового похода (об этом без ложной скромности постоянно напоминает сам мемуарист). Большинство историков XIX—XX вв., в том числе Бернгард Куглер (в прежней транскрипции имя хрониста выглядит как Готфрид Вильгардуэн), также подчеркивается значение политической деятельности маршала Шампани. Можно согласиться с мнением одного из новейших биографов Жоффруа де Виллардуэна, назвавшего его «душой крестового похода» и сравнившего его функции с ролью как бы «начальника штаба» крестоносного войска. Действительно, он вел переговоры с Венецией, добиваясь предоставления флота крестоносцам, он предложил кандидатуру Бонифация Монферратского на должность командующего войском; немалые усилия предпринял он, говоря

современным языком, по координации действий отдельных рыцарских отрядов. После взятия Константинополя в середине июля 1203 г и восстановления на престоле Исаака II Ангела именно Жоффруа де Виллардуэну поручили обратиться к византийскому императору с речью. Эта речь, которую он приводит в своих записках, свидетельствует о непомерных, можно сказать, невыполнимых требованиях, предъявленных руководителями крестового войска Исааку II: «Прежде всего поставить всю империю Романии в повиновение Риму, от которого она некогда отпала, потом выдать 200 тыс. марок серебром тем, кто находится в войске, и обеспечить малых и великих съестным на год, и доставить 10 тыс. человек на своих кораблях и содержать их за свой счет в течение года, и содержать за свой счет в заморской земле до конца жизни 500 рыцарей, которые будут охранять эту землю...»

Не будет перечислять все ответственные дипломатические и военные поручения, которые выполнял Жоффруа де Виллардуэни позднее, уже после разгрома Константинополя и образования Латинской империи, став одним из главных сановников нового императорского двора. Очевидно, он прочно обосновался в Латинской империи. Во всяком случае историки не располагают какими-либо сведениями о том, что «маршал Романии и Шампани», как он теперь себя называл, возвратился на родину. Точная дата его смерти тоже неизвестна. По имеющимся источникам можно лишь сказать, что это случилось не ранее 1213 г. и не позднее 1218 г.

Вернемся, однако, к оценке самой хроники Жоффруа де Виллардуэна. «Теоретически», если дозволено употребить это слово, он убежден в том, что «события приключаются так, как хочет Бог», но «на практике», рассказывая о конкретных фактах, он предстает большей частью рационалистически мыслящим человеком. Амбивалентность сознания, присущая людям средневековой эпохи, нередко проявляется в записках Виллардуэна: вряд ли он подозревал, что через много столетий читателям его хроники будет трудно хоть как-то «согласовать» в душе подчеркиваемые автором «благие цели» крестового предприятия с его рассказом о жестокостях и грабежах «воинов христовых»! «... И добыча была столь велика, что никто бы не мог сказать вам, сколько там было золота и серебра, и утвари, и драгоценных камней, и шелковых

материй, и одеяний из атласа, и одеяний на беличьем меху и подбитых мехом горностаем, и всяческих драгоценных вещей, какие когда-либо имелись на земле... Всякий взял себе жилище, какое ему понравилось, а их было достаточно... И велика была радость из-за чести и победы, которую им дал Бог, ибо те, кто находился в бедности, теперь пребывал в богатстве и роскоши... И они должны были, конечно, как следует восхвалять за это нашего Господа: ведь их всего-то было не более 20 тыс. вооруженных людей, а с Божьей помощью они одолели 400 тыс. человек или даже больше...»

Хотя, как и любое историческое сочинение, хроника Жоффруа де Виллардуэна не лишена тенденциозности, но внешне ее автор сохраняет бесстрастность летописца. Умудренный житейским и политическим опытом, достаточно образованный и, в силу своего положения, хорошо информированный человек, «маршал Романии и Шампани» оставил последующим поколениям сочинение, ставшее главным источником сведений о Четвертом крестовом походе.

Иной характер носит хроника Робера де Клари. Мы не располагаем биографическими данными о ее авторе: ученые обнаружили единственный документальный источник (грамоту 1202 г.), где упоминается имя Робера де Клари. Да и сам он, в отличие от Виллардуэна, не склонен рассказывать о собственной персоне. На основании косвенных сведений, разбросанных в самой хронике, можно утверждать, что Робер де Клари был мелким рыцарем, лишь незадолго до крестового похода получившим и феодал, и «благородный» титул. Его земельный надел в Пикардии, по остроумному замечанию одного из историков, был достаточен для приобретения рыцарского звания, но мал для того, чтобы прокормить его носителя. Подобные малоимущие (но воинственные и гордые!) рыцари как раз и составляли большую часть крестоносного войска. Сюзереном Робера де Клари был Пьер Амьенский, о деяниях которого во время похода хронист не забывает упомянуть. Судя по восторженному тону его повествования, Робер де Клари был в начале XIII века совсем молодым человеком. Вероятно, в 1205 г он вместе с другими пикардийскими рыцарями возвратился во Францию. Последние события, о которых рассказывает Робер де Клари, датируются 1216 г. — значит, в это время

он еще был жив. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Малообразованный рыцарь, стоявший в стороне от руководителей крестоносного войска и не посвященный в их планы и закулисные интриги, Робер де Клари часто путает факты и восполняет недостаток информации собственными домыслами и предположениями. Поэтому фактологическая ценность его записок весьма сомнительна. Он плохо осведомлен о предыстории Четвертого крестового похода, о положении дел в Византии и на Ближнем Востоке и т. д. Значение его сочинения состоит совсем в другом: вчитываясь в бесхитростный рассказ наивного, но любопытного пикардийского рыцаря, мы как бы «вживаемся» в эпоху крестовых походов, лучше понимаем и идеалы, и повседневную жизнь рядовых участников этого движения. Памятники, подобные запискам Робера де Клари, важны для современных исследователей и с точки зрения более общей проблемы менталитета средневекового западноевропейского общества, нравов и быта рыцарского сословия. Кстати заметим, что у Робера де Клари иногда прорывается недовольство действиями знатной верхушки крестоносного войска, склонной к коварству и даже к вероломству: «И тогда собрались знатные люди, могущественные люди и держали совет между собою, так что ни меньшей люд, ни бедные рыцари вовсе ничего об этом не знали, и порешили, что они возьмут себе лучшие дома города, и именно с тех пор они начали предавать меньшей люд, и выказывать свое вероломство, и быть дурными сотоварищами, за что и заплатили потом очень дорого...»

Перечисленные выше хроники, естественно, не дают исчерпывающего представления о западноевропейской литературе о крестовых походах, но все же позволяют судить о ее основных тенденциях. Но в распоряжении историка есть и другие источники — они вышли из-под пера людей, настороженно или даже враждебно относившихся к крестоносцам. Из византийских авторов следует прежде всего назвать Анну Комнину, дочь императора Алексея I Комнина. Прекрасно образованная и честолюбивая принцесса, пытавшаяся возвести на престол своего мужа Никифора Вриенния, Анна в конце жизни удалилась в монастырь, где и написала «Алексиаду» — книгу, прославившую ее в веках. Умерла Анна Комнина в 1148 г. (или чуть позже), прожив около 65 лет. Само название ее произведения говорит о том, что оно

посвящено главным образом возвеличиванию императора Алексея Комнина. Но, рассказывая в панегирических тонах о деятельности своего отца, Анна сообщает и важные подробности о Первом крестовом походе. Будучи еще подростком, она наблюдала действия крестоносцев в Византии, а позднее пользовалась воспоминаниями очевидцев и официальными документами. Несмотря на некоторую путаницу в хронологии событий, сведения Анны Комниной в целом заслуживают доверия.

О рыцарях-крестоносцах, которых она обычно называет «франками», византийская принцесса невысокого мнения. Вот как она рассказывает о приближении к Константинополю крестоносного войска. «Это известие не было приятно Алексею, который с справедливой боязнью смотрел на этот подозрительный народ. Он знал крайнюю запальчивость франков, легкость, с которою они решаются на что-нибудь и снова изменяют свои намерения, их чрезвычайную вкрадчивость, подобные и другие качества, как дар природы, этот народ несет с собою безотлучно, в какую бы страну он ни являлся... Сверх того, что он сам знал по опыту, о франках говорили повсюду, что они умеют сплетать козни, а если и заключат договор, то нарушат его под самым ничтожными предлогами.»

Наконец, надо иметь в виду, что сведения о крестовых походах содержатся во многих сочинениях восточных (арабских, еврейских, армянских и др.) авторов. (Особая тема — отражение крестоносного движения в памятниках древнерусской литературы. Мы оставляем ее за рамками настоящего очерка, поскольку значение этих памятников отнюдь не в сообщаемых ими конкретных фактах.) В отличие от западноевропейских хронистов, посвятивших крестовым походам немало специальных трудов, арабские авторы обычно включают сведения об этих военных экспедициях и о государствах крестоносцев на Востоке в исторические повествования о своих странах. Как правило, в этих сочинениях участники крестоносного движения лишены ореола борцов за веру, а выглядят откровенными захватчиками. Такой взгляд, конечно, не менее тенденциозен, чем апологетические работы писателей Запада.

Знаменитый арабский писатель Усама ибн Мункыз (1095—1188) играл заметную роль при дворах сирийских и египетских правителей. Будучи полководцем, участвовал

в ряде сражений с крестоносцами. Путешествовал также по Палестине и Месопотамии. Богатая наблюдениями жизнь Усамы ибн Муикыза отразилась в «Книге назидания» — автобиографической хронике, многие страницы которой посвящены отношениям арабов с крестоносцами и повседневной жизни в государствах крестоносцев. Вот характерный отрывок из этой книги: «... У франков, да покинет их Аллах, нет ни одного из достоинств, присущих людям, кроме храбрости. Одни только рыцари пользуются у них преимуществом и высоким положением. У них как бы нет людей, кроме рыцарей. Они дают советы и выносят приговоры и решения... Все франки, лишь недавно переселившиеся из франкских областей на Восток, отличаются более грубыми нравами, чем те, которые обосновались здесь и долго общались с мусульманами»

Крупнейшим арабским историком конца XII—первой трети XIII вв. был Ибн ал-Асир, участвовавший в войнах знаменитого египетского султана Саладина. Его главный труд «Совершенный в истории» или «Полная история» рассказывает о мусульманских странах от «сотворения мира» до 1231 г. При этом Ибн ал-Асир не оставляет без внимания и события, связанные с крестовыми походами.

Наконец, о военных экспедициях западноевропейских рыцарей на Восток упоминает Абу-ль-Фарадж Бар-Эбрей (1226—1286), классик сирийской средневековой литературы, автор широко известной «Книги знаминательных историй». Но он писал не только забавные и поучительные прозаические миниатюры, но и труды по философии, богословию, медицине, истории. Энциклопедизм как характерная черта средневековой учености предстает в его творчестве очень отчетливо.

Мы рассказали вкратце о наиболее важных, по нашему мнению, источниках для воссоздания истории крестовых походов. Наряду с нарративными (повествовательными) источниками, современные исследователи широко привлекают данные археологии, нумизматики, геральдики, сфрагистики и других вспомогательных дисциплин. Памятники средневековой архитектуры и актовый материал XI—XIII вв., нормы феодального права (в частности, знаменитые «Иерусалимские ассизы») и фольклорные произведения — все эти и многие другие источники помогают современным ученым уточнить и расширить существующие представления о крестоносном движении. И все же можно с уверенно-

стью констатировать, что именно западноевропейские хроники, написанные преимущественно самими участниками походов на Восток, дают нам основной материал об этих событиях.

На интерпретацию источников, самих по себе достаточно тенденциозных, в последующие столетия оказали влияние различные факторы: общий уровень исторических представлений, господствующие религиозные и политические идеи, а также конкретные политические обстоятельства, наконец, особенно в XIX — XX вв., совершенствование источниковедческой критики. Не имея возможности подробно охарактеризовать даже наиболее известные труды по истории крестовых походов, обратим внимание лишь на некоторые основные тенденции в освещении этой проблемы в исторической литературе.

Любопытно заметить, что в сочинениях гуманистов XIV — XV вв. крестовые походы не занимают сколько-нибудь существенного места. Вероятно, это можно объяснить тем, что в эпоху пробуждения национального сознания больший интерес вызывают события локального, а не общеевропейского масштаба. К тому же новые черты, типичные для гуманистической историографии, в частности критический подход к источникам, очень слабо прослеживаются в экскурсах, посвященных крестовым походам. В этой связи можно назвать труд итальянского историка XV века, представителя «эрудитской» школы Флавио Бьондо «Три декады историй от падения Римской империи», в котором содержится рассказ о Первом крестовом походе. В духе средневековых латинских хроник гуманисты изображают военные экспедиции западноевропейских рыцарей на Восток как религиозную эпопею. Но некоторые новые нюансы в их сочинениях все же заметны. Хотя в целом сохраняется провиденциалистская трактовка событий, но усиливается героизация человеческих, «мирских» деяний. Следуя античным образцам, гуманисты как бы выдвигают на передний план воина-героя. Немецкие авторы при этом акцентируют внимание на патриотических мотивах участников крестоносного движения.

Во второй половине XV и особенно в XVI веке пробуждается все больший интерес к истории крестовых походов. Это объясняется по меньшей мере тремя обстоятельствами: во-первых, после падения Византийской империи в 1453 году турецкая опасность приобрела для

Западной Европы вполне реальные очертания, и тема борьбы с «неверными» стала едва ли не «злойбой дня»; во-вторых, религиозные конфликты эпохи Реформации обострили внимание к истории религиозно-политических движений — ведь история всегда предоставляет более чем достаточно аргументов каждой из противоборствующих сторон; в-третьих, в эпоху Великих географических открытий и последовавшей за ними колониальной экспансии вообще усилился интерес к истории «иных» земель и взаимоотношений европейцев с другими народами. Развитие книгопечатания способствовало в свою очередь ознакомлению более широких кругов европейского населения с сочинениями о крестовых походах, причем в это время стали появляться и публикации нарративных источников.

Реформация и Контрреформация наложили заметный отпечаток на историческую литературу XVI — XVII веков. Католические авторы, по-прежнему следуя провиденциалистской концепции, изображали крестоносное движение в апологетическом духе. Забота о единстве церкви и благополучии всех христиан — вот главные побудительные причины походов на Восток. Подобная их трактовка характерна для «Церковных анналов» кардинала Цезаря Барония, написанных в конце XVI в. и ставших едва ли не самым известным произведением католической историографии своего времени. В предпоследнем томе этого огромного труда (всего Бароний написал 12 томов) излагается предыстория и некоторые события Первого крестового похода, всячески подчеркивается роль папства (особенно Урбана II) в организации «священной войны». Будучи директором Ватиканской библиотеки, Цезарь Бароний мог использовать документы Ватиканского архива, что давало ему определенные преимущества по сравнению с протестантскими авторами.

В протестантской историографии усиливается негативное отношение к крестовым походам. Сторонники Реформации считают политические притязания папства и суеверия рядовых участников крестоносного движения его главными причинами. Само это движение привело к ничем не оправданному человеческим жертвам и бессмысленной растрате материальных ресурсов европейского общества. С позиций «антипапизма» написана, например, «История священной войны» англиканского теолога Тома-

са Фуллера, который вместе с тем уделяет внимание истории духовно-рыцарских орденов, развитию военного дела и пр. Немецкий протестантский историк Готфрид Арнольд не прошел мимо крестоносного движения в своей «Беспристрастной истории церкви и еретиков». Сторонник иезуитизма, особенно распространившегося в немецком лютеранстве в конце XVII — начале XVIII вв., Г. Арнольд видел сущность христианства не столько в догматических формулах, отстаиваемых официальной церковью, сколько в непосредственном религиозном чувстве.

К истории крестовых походов обращались отнюдь не одни теологи, но и светские авторы. Назовем имя замечательного французского ученого Шарля Дюканжа (1610—1688), составившего непревзойденный словарь средневековой латыни и словарь греческого языка. Он издал ряд памятников по истории Византии и уже знакомую нам хронику Виллардуэна о завоевании Константинополя. Дюканж подготовил обширные материалы по истории французской знати, обосновавшейся в Восточном Средиземноморье в эпоху крестовых походов. Для своего просопографического и генеалогического исследования ученый привлек самые разнообразные источники — хроники, «Иерусалимские ассизы», картулярии духовно-рыцарских орденов, актовый материал, торговые договоры, эпистолярные памятники и пр.

Полной противоположностью Дюканжу, ученому-эрудиту, прочитавшему неисчислимое количество древних и средневековых источников и скрупулезно выскивавшему пусть мелкие, но точные и конкретные факты, были историки-просветители. В советской литературе предшествующих десятилетий исторические взгляды просветителей, как правило, оценивались весьма высоко. Ниспровержение теологического взгляда на историю, рационализм, вера в прогрессивное развитие человечества, антиклерикализм — эти и другие черты исторической концепции просветителей ставились им в заслугу. Одновременно как бы затушевывался глубокий антиисторизм их трудов, особенно шокирующий у Вольтера. Вольтера никогда не интересовали исторические факты сами по себе. Они нужны были ему, как и некоторым другим просветителям, лишь в качестве сырого материала для собственных политических и историософских построений. Неслучайно Вольтер так любил сводить крупные исторические события

к пустякам («такова связь мировых событий»)?!

Огульное отрицание средневековой эпохи, резко критическое отношение к католической церковной организации, неумение и нежелание понять образ жизни и идеалы людей феодального общества — все это сказалось на трактовке крестоносного движения Вольтером и (в меньшей степени) другими просветителями. Сам Вольтер в 1751 г. издал брошюру «История крестовых походов». Примерно через 30 лет другой французский просветитель Ж.—Б. Майи опубликовал 4-томное исследование под длинным заголовком — «О духе крестовых походов, или политическая и военная история войн, предпринятых христианами против мусульман ради освобождения Св. Земли в XI, XII и XIII веках». Заслуживает упоминания также то обстоятельство, что истории крестовых походов коснулся в одном из томов своего огромного труда «История упадка и разрушения Римской империи» знаменитый английский историк второй половины XVIII века Эдуард Гиббон. Он, в частности, остановился на событиях Четвертого крестового похода в связи с теми последствиями, которые имел этот поход для судьбы Византии.

Коренным образом изменилось отношение к крестовым походам в начале XIX века, в период утверждения романтической историографии в европейских странах. Сопоставим некоторые высказывания просветителей и романтиков. Вольтер в письме к Екатерине II ядовито заметил, что папское правление «в продолжение многих веков заливало кровью половину Европы и тщилось жителей ее сделать скотами»; более умеренный Майи называет религиозную экзальтацию в период подготовки Первого крестового похода «разновидностью эпидемического бешенства», охватившего жителей Франции и других государств. Но вот в 1802 г. выходит сочинение Франсуа Рене де Шатобриана «Гений христианства, или красота христианской религии». Принадлежа к аристократической фамилии, далекие предки которой принимали участие в крестоносном движении, Шатобриан оценивает походы европейского рыцарства на Восток с точки зрения защиты христианской веры. По его мнению, «дух магометанства — гонение и завоевание; евангелие, напротив, проповедует лишь терпимость и мир». Таким образом, христианство — самая человеческая из всех религий, а средневековье, когда «гений христианства» преобладал, — эпоха высшей морали и высшего искусства.

Через несколько лет, в 1807 г., появился первый том «Истории крестовых походов» Фридриха Вилькена (1777—1840), профессора Гейдельбергского университета. Издание этого огромного труда (только авторский текст занимает в 7 томах около 4 тыс. страниц!) растянулось на четверть века. По мнению одного из позднейших исследователей, Вилькен «в течение целого поколения властвовал над умами в области истории крестовых походов — и не только в Германии» В чем же значение работы Ф Вилькена? Следуя за средневековыми хронистами, ученый стремится постичь и по возможности адекватно передать сам «дух эпохи» Пересказывая содержащиеся в источниках эпизоды о сверхъестественном и «чудесном», Вилькен объясняет подобные рассказы мироощущением людей средневековья, их, как бы мы теперь сказали, менталитетом. В отличие от Шатобриана, немецкий историк уважает религиозные чувства не только «воинов Христа», но и их противников — мусульман. Он признает, что «обе стороны отважно бились во славу своего бога» Рассказывая о деятельности папства в эпоху крестовых походов, Вилькен подчеркивает политические интересы католической церкви на Востоке и при этом аргументирует свои положения обильными ссылками на источники. Типичный для романтиков взгляд на историю в целом и средневековье в частности сочетается у Вилькена с пристальным вниманием ко всему многообразию фактов, с реалистичским изображением социальных порядков того времени.

Если Вилькен особенно обстоятельно описывает участие немецких рыцарей в крестоносном движении, то подвиги французских крестоносцев превозносит Жозеф-Франсуа Мишо (1767—1839) Роялист по своим политическим взглядам, приговоренный во время революции к смертной казни, Мишо как историк всецело принадлежит к романтическому направлению. Славу ему принес пятитомный труд «История крестовых походов», вышедший с 1811 по 1822 г (в качестве дополнения Мишо опубликовал в 1822 г еще два тома «Библиографии крестовых походов», где помещены с комментарием отрывки из различных источников) В изображении французского историка крестоносная эпопея предстает как великое деяние, олицетворяющее глубокое религиозное чувство и рыцарскую доблесть христиан Западной Европы. Вот в каком восторженном тоне описывает, например, Мишо

подготовку к Первому крестовому походу; «Столь велик был подъем религиозных чувств, оскорбленных неверными; так велико было влияние примера, поданного французами, что все христианские народы сразу же позабыли все, что составляло предмет их тщеславия или тревог, и предоставили на нужды крестового похода своих воинов, которые необходимы были им для собственной защиты». Хотя Мишо мимоходом упоминает о материальных, «мирских» интересах участников походов на Восток, хотя он не отрицает, что эти походы «послужили источником слез для тех поколений, которые были их свидетелями и участвовали в них», но подобные замечания меркнут на фоне описаний героических подвигов французского рыцарства, вдохновляемого католической церковью. Труд Мишо имел огромный успех при жизни автора. «Апогеем романтизма» назвал этот труд М. А. Заборов, и с такой оценкой можно согласиться.

Сравнивая еще раз взгляды просветителей на крестовое движение и работы историков-романтиков о крестовых походах, надо все же отдать предпочтение последним. На смену априорным, логически сконструированным и политически тенденциозным концепциям просветителей пришли сочинения представителей романтического направления. Во многом наивные, они выгодно отличались, во-1-х, тем, что были основаны на первоисточниках; во-2-х, тем, что их авторы стремились к установлению конкретных исторических фактов; в-3-х, тем, что, читая эти книги о крестовых походах, как бы невольно «погружаешься» в средневековье, ибо историки-романтики не только идеализировали, но и пытались по-своему понять и объяснить далекую эпоху.

Но подлинно научное изучение истории крестовых походов началось несколько позднее и связано с именами двух замечательных немецких историков XIX века — Леопольда фон Ранке (1795—1886) и его ученика Генриха фон Зибеля (1817—1895). В семинаре, которым руководил Ранке в Берлинском университете и из которого вышли многие известные ученые, была проведена тщательная работа по сопоставлению и критическому анализу источников Первого крестового похода. Начатая с учебными целями, эта работа привела к важным научным выводам. Так, было установлено, что хроника Гийома Тирского, о которой мы выше упоминали, не является оригинальной

в той части, где речь идет о Первом крестовом походе, а представляет собой компиляцию более ранних хроник (Альберта Аахенского, Раймунда Ажильского и др.)

Логическим продолжением работы, начатой в семинаре Ранке, стала монография молодого Зибеля «История первого крестового похода», вышедшая в 1841 году Эта книга произвела настоящий переворот в исследовании крестоносного движения и особенно в оценке источников по истории Первого крестового похода. Предшественники Зибеля (вплоть до Мишо) видели свою задачу в том, чтобы по возможности полно и хронологически последовательно, как бы «шаг за шагом», воссоздать события крестовых походов. При этом они, как правило, не отделяли легендарные рассказы от вполне достоверных сведений. Г. Зибель проявил себя тонким аналитиком, сумевшим пересмотреть и устоявшееся отношение к источникам, и многие вопросы истории самого крестоносного движения. Он доказал, что свидетельства Раймунда Ажильского, итало-норманнского Анонима и Фульхерия Шартрского заслуживают большего доверия, чем сообщения других, в начале XIX века более известных, средневековых хронистов. С научных позиций, а не иррационалистически Г. Зибель попытался объяснить причины походов европейских рыцарей на Восток, обратив внимание на особенности религиозного мировоззрения той эпохи, политические интересы папства и пр. В изображении немецкого ученого вожди Первого крестового похода выглядят людьми с вполне «земными» устремлениями, а отнюдь не бескорыстными защитниками Византии, хотя Зибель подчеркивает религиозный характер крестоносного движения в целом.

Дальнейшее изучение истории крестовых походов связано с именами целого ряда, прежде всего немецких и французских, ученых, среди которых одно из первых мест несомненно занимает Бернгард Куглер (1837—1898) Он был сыном известного историка искусства Франца Куглера, проявившего, кстати, себя и как поэт, и как собственно историк (его «История Фридриха Великого», впервые вышедшая в 1840 г с превосходными иллюстрациями А. Менцеля, переиздается в Германии и поныне) Молодость Бернгарда Куглера пришлась на те годы, когда не затихали споры о путях объединения Германии. В этих острых политических дискуссиях самое непосредственное

участие принимали и историки. (В частности Генрих фон Зибель был признанным вождем т. н. «малогерманской», или прусской, школы, ратовавшей за объединение Германии под эгидой Пруссии.)

Уже ранняя работа Бернгарда Куглера «Бозмунд и Танкред» (1862) свидетельствовала о его интересе к средневековой истории. Став профессором в Тюбингене, он расширяет сферу своей исследовательской деятельности. Вероятно, можно выделить два основных направления научного творчества Б. Куглера. Как медиевиста его привлекала прежде всего крестоносная эпопея, как историка нового времени — политика Пруссии и роль династии Гогенцоллернов в объединении Германии. Первая тема нашла отражение в таких работах ученого как «Исследование по истории второго крестового похода» (1866), «История крестовых походов» (1880; 2-е изд., 1891; рус. пер., по которому печатается настоящее издание, — СПб., 1895.), «Альберт Аахенский» (1885) и др. Второй проблеме были посвящены в частности такие труды Б. Куглера как «Гогенцоллерны и немецкое отечество» (совместно с графом Штильфрид, 1881; новое издание продолжено Гельмольтом, 1901) и «Император Вильгельм и его время» (1888).

Обратим внимание на то, что проблематика работ Б. Куглера перекликается с темами исследований Г. Зибеля (Зибель, начинавший как медиовист, позднее занимался преимущественно новой историей и выпустил огромный труд «Основание Германской империи Вильгельмом I» в 7-ми томах). На Куглера (вероятно, все же в меньшей степени, чем на Зибеля) влияла и та политическая обстановка, в которой проходила его научная деятельность. Надо иметь в виду, что в 70-е годы XIX века правительство О. Бисмарка провело ряд мер, направленных против влияния католической церкви как в политической сфере, так и особенно в области культуры (так называемый «Культуркампф», по определению Вирхова). Трудно сказать, является ли простым совпадением то, что примерно в это же время немецкие историки протестантского толка (Г. Хагенмейер, К. Кляйн и др.) выступили с критическим пересмотром многих положений католической историографии о крестовых походах.

Мы попытались кратко охарактеризовать наиболее

авторитетные источники по истории крестоносного движения и ведущие тенденции освещения этой проблемы в исторической литературе вплоть до второй половины XIX века (то есть до того времени, на которое приходится научная деятельность Бернгарда Куглера) Не будем пересказывать основные положения его книги. Не будем упрекать автора, как это еще недавно было у нас принято делать в подобных предисловиях, за то, что он чего-то не понял или в чем-то оказался не вполне точен. Его книга впервые вышла в свет более ста лет тому назад — естественно, за эти годы расширилась источниковая база исследований о крестовых походах, изменились многие представления ученых о средневековой эпохе в целом. Даже беглое перечисление наиболее крупных трудов о крестоносном движении, вышедших в конце XIX века по настоящее время, потребовало бы написания специального очерка. Скажем лишь, что и сегодня книга Бернгарда Куглера остается одной из лучших обобщающих работ о крестовых походах. А сами крестовые походы, наверное, всегда будут волновать воображение ученых (как и любого, «прикоснувшегося» к ним человека!). Хотя в их истории становятся известными или уточняются все новые и новые подробности, но по-прежнему остается некая «тайна» этого явления, «ускользающая» от исследователя, — подобно тому, как удаляется горизонт, сколько бы ни пытался к нему приблизиться...

В.С.САВЧУК

ПРЕДИСЛОВИЕ

(Посвящено Генриху Зибелю)

Я прошу сотоварищей-специалистов при обсуждении этой книги иметь в виду, что здесь в тесном объеме и скромных формах сделан опыт издать род руководства для истории крестовых походов. Имелось в виду дать читателю из широкого круга публики занимательное и поучительное чтение, начинающему исторические изучения и школьному учителю дать картину современного состояния наших знаний и руководство для дальнейших самостоятельных работ. Для этого последнего, как я думаю, достаточно будет даже тех немногих критических и литературных заметок, которые прибавлены к тексту: перекинуть мост, по которому ищущий более богатых знаний может сам перейти к ним. Но каждое замечание, которое может сделать эту книгу более доступной для общепользовательного употребления, я приму с благодарностью, и если будущее мне позволит, постараюсь им воспользоваться соответственно,

Тюбинген, конец 1879

Б КУГЛЕР

ГЛАВА I

Восток и Запад до крестовых походов¹

Борьба народов Востока с народами Запада почти так же стара, как история самого человеческого рода. В древности самостоятельному развитию европейской культуры грозили, главным образом, полчища персов, в средние века над византийцами и германцами разразился погром арабов.

¹ В первые десятилетия нынешнего века два писателя выступили с учеными и столь обстоятельными сочинениями по всей истории крестовых походов, что прежние книги об этом предмете с тех пор сохранили значение только для отдельных целей исследования. Это Мишо (Michaud) и Вилькен (Wilken). Мишо издал (Париж, 1812—1817) трехтомную «*Historie des Croisades*», которая выдержала несколько изданий, причем количество томов увеличилось (последнее

Но нападение персов основывалось, прежде всего, на политических причинах, тогда как арабы поднялись против христианства, и вместе с тем из чувства религиозной противоположности хотели не только бороться и побеждать, но и обратить побежденных в ислам. Кроме того персы после сравнительно короткой борьбы подчинились более высокой даровитости эллинов, и после того большая часть Азии была приобретена для греческой образованности и цивилизации: напротив того, магометане завоевали всю грецизированную Азию, северную Африку и самые богатые страны Европы и, несмотря на отдельные неудачи, целое тысячелетие стесняли господство креста все в более узкие границы; лишь несколько поколений назад, с освобождения Вены от осады в 1683 году — страх перед оружием полумесяца мало-помалу улегся, и только новейшее время снова достигло полного и всестороннего преобладания западной культуры над восточной.

было сделано в Париже, 1840) Кроме того, он издал (Париж, 1830) четырехтомную «Bibliothèque des Croisades», которая дает извлечения из писателей, ставших источниками для изучения крестовых походов. Хотя его история крестовых походов отличается привлекательным изложением, но вообще основывается на весьма недостаточной критике источников и, вследствие того, в сущности не удовлетворяет теперешним требованиям: его «Библиотека» отчасти представляет все еще ценный материал, а именно в том томе, который содержит извлечения из арабских источников, но который принадлежит не самому Мишо, а его сотруднику Рено (Reinaud) Вилькен издал (Лейпциг, 1807—1832) «Geschichte der Kreuzzüge» в семи томах, которая написана на основании обширных знаний с чрезвычайным трудолюбием, а в последних частях и с метким критическим тактом. Первый том (История первого крестового похода) для нас совсем устарел; следующие затем тома, по большей части, устраняются новейшими отдельными исследованиями, но около второй половины сочинения его имеет значительную важность и отчасти составляет главную основу наших сведений. В новейшее время явились главным образом два сочинения, которые хотя излагают всю историю крестовых походов, но стараются изобразить участие в них только одного народа. Это, во-первых, сочинение графа Риана (Riant) «Expéditions et pèlerinages des Scandinaves en Terre Sainte du temps des Croisades», один том, Париж, 1865, с приложением «Tables», Париж, 1869; а во-вторых, сочинение Рерихта (Röhricht), «Beiträge zur Geschichte der Kreuzzüge», два тома. Берлин, 1874 и 1878. Именно часть первого тома этих «Beiträge» и весь второй том содержит историю немецких странствий пилигримов и крестоносцев в Святую Землю. Эта история основывается на самом обширном изучении, представляет современное состояние исследований и облегчает дальнейшие работы об эпохе крестовых походов богатым научным материалом, который дан в примечаниях.

К этому ряду явлений относятся крестовые походы. Их надо понимать не только как сильное выражение потребности молиться с горячим благоговением в Иерусалиме у Гроба Господня, но как громадную, хотя в конце концов и неудачную, но имевшую в высшей степени важные последствия попытку всего христианского мира снова вернуть во всем объеме отнятые исламом древне-

Кроме того, Рерих дал целый ряд ценных монографических работ меньшего объема по истории крестовых походов (см ниже) Широко распространенная «Geschichte der Hohenstaufen» (6 томов, Лейпциг, 1824; 5-е изд. Лейпциг, 1878) Раумера, хотя по большей части заключает в себе и историю крестовых походов, но со стороны исследования давно была мало удовлетворительна, а теперь должна быть признана устарелой. Между тем, на место сочинения Раумера явилась «Geschichte der deutschen Kaiserzeit» Гизебрехта (теперь составляющая до 4-х томов, Брауншвейг, 1855 и след., 4-ое изд. 1874 и след., в частях, которых в ней недостает, дополняется обширными монографиями, о которых упомянем ниже.

История греков в эпоху крестовых походов увлекательно изложена у Джорджа Финлея (George Finlay) в «History of the Byzantine and Greek empires from 1057 to 1453», Эдинбург и Лондон, 1854. Но на более строгом знании основано сочинение Гопфа (Hopf) «Geschichte Griechenlands vom Beginn des Mittelalters bis auf unsere Zeit», напечатанное в «Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste» Эрша и Грубера, т. 85 и 86. Лейпциг 1867 и 1868. На превосходной основе, которую положил Гопф, продолжает работать Гейберг в своей «Geschichte Griechenlands», т. I и II, Гота, 1876 и 1877. Следует также указать Э. Муральта, «Essai de chronographie Byzantine 1057—1453», 2 т. Базель и Женева, 1871.

Обзор истории магометанского востока дает Вейль, «Geschichte der Chalifen», 5 томов, Мангейм и Штуттгарт, 1846—1862. Третий том этого сочинения обнимает историю 945—1258 годов. Этот же автор издал краткую «Geschichte der islamitischen Völker von Mohammed bis zur Zeit des Sultan Selim», Штуттгарт, 1866.

По истории культуры в веке крестовых походов высокое достоинство имеет богатое и достоверное сочинение Гейда (Heyd), «Geschichte des Levantehandels im Mittelalter», 2 т. Штутгарт, 1879. Далее Рейтер (Reuter), «Geschichte der religiösen Aufklärung im Mittelalter», 2 т. Берлин 1875 и 1877.

Важнейшие источники к истории крестовых походов, не считая совсем устаревших изданий, собраны Як. Бонгарзиусом. (Jac Bongarsius) в сочинении, до сих пор сохраняющем свою цену: «Gesta Dei per Francos, sive orientaliū expeditionum, et regni Francorum Hierosolymitani historia (ab a. 1095 ad 1420) a variis, sed illius aevi scriptoribus, litteris commendata. Hanoviae, 1611, два тома в одной книге. Но с 1841 года выходит в Париже новое собрание наших источников, которое дает для исследования гораздо более обширный материал: «Recueil des hist. des Croisades». Впрочем, источники этой истории не могут здесь быть все перечислены, главным образом потому, что к ним относятся не только те сочинения, которые заняты исключи-

христианские области, а также распространить господство креста даже в другие стороны далее прежних границ.

Поэтому нам надо прежде всего взглянуть, как далеко проникли магометане в христианские земли незадолго до начала крестовых походов.

Первое столетие по смерти их пророка дало им самые громадные успехи. Их полчища в энергическом победоносном шествии дошли через Персию до Индии и Турана; Сирию и Африку они отняли у византийцев. Испанию у вестготов. Затем они предприняли то двойное ужасное нападение на остатки христианского мира, когда с одной стороны они осадили с моря и суши столицу восточной римской империи. Константинополь, а с другой через Пиренеи вторглись в государство франков.

Но здесь их отважное предприятие рухнуло. Храбрый император Лев III, Исавриец, своим героическим сопротивлением (717—718) принудил их, наконец, по истечении года снова снять осаду Константинополя, а франкское войско, под предводительством Карла Мартелла, нанесло им осенью 732 г кровавое поражение на обширных равнинах между Туром и Пуатье. Тяжелые потери, которые они испытали на обоих театрах войны, имели то следствие, что в последующее время они уже не затевали таких гигантских предприятий, как перед тем, но их воинственное возбуждение против христиан тем не менее сохранилось и они продолжали шаг за шагом расширять область ислама. Большая часть островов Средиземного моря стала их добычей, особенно с тех пор, как в течение девятого века они утвердились на Крите и в Сицилии. Оттуда они грабили берега Балканского полуострова и Италии, поселялись здесь и там надолго и в десятом веке

тельно историей крестовых походов, но почти все хроники и большая часть писем и документов, откуда мы вообще можем ознакомиться с историей одиннадцатого, двенадцатого и тринадцатого веков Наряду с «Gesta Dei per Francos» и «Recueil des hist des Croisades» исследователь должен иметь в виду все восточные и западные источники для истории этой эпохи: знакомство с ними доставляют частью ученые указания других произведений новейшей литературы, названных в прилагаемой книге, частью, в очень удобной форме, прекрасное справочное сочинение Поттагаста, (Potthast), «Bibliotheca historica medii aevi», 1 т Берлин, 1862, и дополнение, Берлин, 1868.

Первая глава предлагаемой книги основывается, наконец, еще на труде Рерихта «Die Pilgerfahrten nach dem heiligen Lande vor den Kreuzzügen», напечатанном в Historisches Taschenbuch Раумера, издаваемом Рилем, 1875

еще раз проникли далеко во Францию, а через Альпы в самое сердце Граубиндена.

Сильное политическое положение, которое таким образом ислам приобрел оружием, представляется тем более замечательным, когда принять во внимание, что магометанские ученые и художники в то время по меньшей мере не уступали христианским, а в некоторых отношениях даже превосходили их. При этом, конечно, не надо преувеличивать заслуги арабов. Им выпало счастье завоевать страны с древней культурой и по большей части еще богатые и цветущие, и им оставалось только изучать, усваивать и развивать их торговлю и промышленность, искусство и науку, сообразно своим способностям. Но зато они делали это с усердием и ловкостью. Они одинаково разрабатывали философию и естественные науки, архитектуру и поэзию, и таким образом воинственная сила, богатство и умственное развитие вместе сделали то, что магометанский мир поднялся для того времени на высокую ступень совершенства.

Напротив, с самого начала очень дурно стояло политическое развитие этого мира. Преемники пророка, халифы, только короткое время находили полное повиновение в своих подданных. Честолюбие светских властей и фанатизм религиозного сектаторства пошатнули их господство. Мало-помалу образовалось три халифата: старый и правоверный (суннитский) халифат сначала в Дамаске, потом в Багдаде; испанский халифат Омайядов, который отделился не из-за религиозных, а из-за политических оснований, и еретический (шиитский) халифат Фатимидов в Египте. Кроме того, багдадский халиф потерял свою светскую власть над целым рядом более или менее независимых и друг с другом враждовавших владельцев, так что под конец у него осталось только духовное руководство своих приверженцев; а испанский халифат в начале одиннадцатого века также раздробился в руках властолюбивых властителей.

Эта государственная раздробленность магометанского мира дала возможность христианам не только утвердиться в их оставшихся владениях, но и вернуть себе не большую часть потерянного.

Испанские вестготы, остальные племена которых на самом севере полуострова сохраняли свою свободу, в беспрестанных войнах мало-помалу отняли у врагов около

трети прекрасной страны, а византийцы во второй половине десятого века завоевали Крит и главные пункты Сирии, в особенности большую и богатую Антиохию, второй город их государства.

Но страшное учение Магомета, которое вменяет правоверному в обязанность войну против неверных и обещает храброму воину завлекательную награду в раю, продолжало грозить христианам все новыми опасностями. В одиннадцатом веке дико-воинственные толпы туркменов, приняв ислам, покинули свое старое местопребывание у Каспийского моря и Аральского озера и вторглись в область Багдадского халифата. Их первый предводитель назывался Сельджуком и поэтому всех его преемников, а позднее и весь народ стали называть сельджуками. Им удалось мало-помалу оттеснить враждовавших между собой властителей Ирана и Месопотамии и соединить в своих руках почти всю магометанскую переднюю Азию. Как только это произошло, над византийской империей разразилось новое бедствие. Малая Азия подверглась нападению, страшно опустошена повторявшимися грабительскими набегами и, наконец, одержана была победа, решившая дело на все будущее время, когда 26 августа 1071 г., при Манцикерте, в Армении, великий султан сельджуков Альп-Арслан разбил наголову и взял в плен императора Романа Диогена. Немного лет спустя подобное произошло на крайнем западе, после того как храбрые и фанатичные альморавиды основали в западной части северной Африки большое государство и оттуда подчинили себе остатки Испанского халифата. Здесь освобожденная сила ислама также поднялась против христиан и наносила им почти уничтожающие удары.

При таком положении вещей должен был возникнуть вопрос, нельзя ли предпринять защиту креста против магометан иным образом, более единодушно, чем до тех пор. Прежде всего опасность угрожала Византийской империи, целую половину которой — Малую Азию — уже нельзя было удержать после битвы с сельджуками при Манцикерте. Эта империя, была, конечно, далеко не такая дряхлая, какую ее часто изображают. В последнее время на троне ее и во главе ее войск было много храбрых и умных людей; прекрасно обученные византийские легионы бывали не однажды грозой славян и арабов; в различных науках и промышленности византийцы все еще

превосходили своих соседей и господствующая в империи греческая национальность упорно преодолевала тяжелые потрясения, которые выпали на ее долю в начале средних веков. Тем не менее, положение вещей было в то время, по собственной вине греков, чрезвычайно тяжелое, потому что в течение целого поколения прежняя твердость правления подрывалась частыми дворцовыми революциями и восстаниями недовольных магнатов. В этом общем беспорядке усиливалось жалкое гаремное хозяйничание. Военная сила армии была глубоко ослаблена скупостью, не удовлетворявшей военных нужд, и, чтобы довести беду до крайности, на самых уязвимых границах велась ошибочная и постыдная политика. А именно на востоке Малой Азии почти уже два столетия существовало при династии Багратидов свободное армянское государство, на которое в Константинополе смотрели враждебно из страсти к захвату земель и из религиозной ненависти к отдельной церкви армян. Как раз в то время, когда надо было всеми средствами поддержать это государство, его принудили к подчинению коварством и насилием и этим, очевидно, не укрепили защиту границ, а значительно ее ослабили. После всего этого несколько не удивительно, что император Роман Диоген, несмотря на храбрость и энергию, был побежден врагами и что его преемник, Михаил VII (1071—1078), ученый педант без всякой энергии, совершенно отчаялся удержаться своими собственными оборонительными силами от напора победоносных магометан.

Но когда он искал помощи, куда ему надо было обратиться? За три столетия перед тем, после побед Карла Мартелла и его преемников на дальнем Западе снова утвердилась римская империя и Карл Великий обладал таким могуществом, что не только мог вступить в дружеские сношения с халифом Гаруном Аррашидом в пользу христиан Святой Земли, но мог даже обещать этим единоверцам, на случай притеснения, военную помощь против магометан, что послужило позднее темой для настоящей легенды о крестовом походе Карла. Преемники великого императора также были еще достаточно сильны для того, чтобы побудить византийцев и иерусалимских христиан искать у них поддержки против врагов их веры. Но вскоре франкская империя впала в дикую анархию и хотя сильные немецкие императоры из Сак-

сонского и Салийского дома снова объединили часть ее в своих руках, но казалось, что и их могущество в то время близилось к концу. В Германии с 1056 года правил, более по имени, чем на деле, молодой Генрих IV Вельможи империи захватили вместо него господство и старались навсегда подчинить корону своему произволу. В Италии повсюду возникали местные правления; Франция в царствование слабого короля Филиппа находилась в полном разложении; великого и твердого единства уже нельзя было найти в землях римского христианства.

Но зато теперь папство пыталось стать во главе западного мира. Григорий VII, проникнутый теократическими идеалами, которые постепенно возникли в западной Европе после падения империи Каролингов, тотчас положил свой ум, страсть, всю свою жизнь на то, чтобы подчинить одной своей воле церковь и государство, государей и народы. Духовенство должно быть свободно от всякого светского влияния и зависеть от него одного; от мирян он требовал послушания не только в делах религии, но столь же решительно и непосредственно в делах этого мира. Он хотел стать как бы духовным императором и по своей воле направлять политику государственного человека, меч, война и молитву каждого верующего христианина. План был так же грандиозен, как и заносчив, и в конце концов невыполним. Но на первый раз эти требования папы произвели самое глубокое впечатление и непреодолимо увлекли за собой умы людей. Григорий имел уже в своем распоряжении многих верных св. Петра, государей и военных людей Франции, Бургундии и Италии, послушных его мановению, чтобы мечом и копьём работать над созданием римской теократии.

Итак, в одном Риме была в ту минуту сила, которая могла бы дать спасение византийцам от сельджуков. Поэтому император Михаил именно обратил свой взгляд прежде всего на Григория, просил о помощи и даже давал надежду на соединение христианства восточного с западной церковью. Папа с восхищением принял эту весть, которая открывала ему новый, почти необозримый круг деятельности. Он решил исполнить эту задачу и надеяться, с обычным высокомерием, что ему удастся подчинить папской власти греков и армян, вытеснить при этом сельджуков из Малой Азии и дойти до Иерусалима к святым местам христианства. В течение 1074 года он

и нескольких посланиях призывал верующих оказать ему содействие в этом предприятии. Ему удалось даже собрать войско в 50.000 человек, во главе которого он сам хотел открыть поход. Но прежде чем дело дошло до этого, он был охвачен западными заботами и затруднениями, в особенности же начавшейся тогда борьбой с королем Генрихом Германским и был вынужден на некоторое время предоставить Константинополь и Иерусалим их судьбе.

Но с этого времени открыты были ворота, через которые христианские войска могли двинуться против ислама. Византийские императоры и впоследствии остались в самом затруднительном положении и скоро опять должны были обратиться к духовным владыкам запада. Преемники Григория были, как и он, заинтересованы подать помощь, а кроме того особенные условия и обстоятельства в среде западноевропейского христианства побуждали к тому же и все в усиливавшейся степени.

Романская и германская нации находились в то время в состоянии избытка юношеской силы, которая почти непрерывно и везде грозила привести к переполнению населения. В какой степени это действительно было, конечно, трудно выразить в числах, но уже то обстоятельство, что позднее, во время крестовых походов, действительно огромные массы преимущественно сильных людей терялись для отечества, не оставляя особенно заметных пробелов, указывает на то, как быстро восполнялись уничтоженные ряды. К этому прибавилось еще то, что у племен крайнего севера, скандинавов или норманнов, эпоха переселения народов еще не истекла, и старая потребность переселения продолжала действовать, напротив, так же сильно и успешно. Вначале эти норманны только плавали по морям, как пираты, и грабили берега, но затем они утвердились во Франции и уже оттуда незадолго перед тем, завоевали южную Италию и Англию. Кроме того, в далеких равнинах восточной Европы они основали русские княжества, и плотные толпы их (под именем варангов или варягов) постоянно стремились в Константинополь, где они своей бурной храбростью оказывали услуги императорам, как лучшие наемные войска. Следствием этого было то, что во многих местах не одни норманны искали новых случаев предпринимать военные и завоевательные походы, но что излишняя мужская сила всего Запада пришла в живое брожение и с горячей по-

требностью стремилась к рыцарским приключениям, чтобы приобрести для родины богатую добычу или завоевывать на чужбине замки, города и земли. Впоследствии это воинственное стремление при войнах христианства с исламом само собой направилось на области ислама.

Тогда уже, в начале одиннадцатого века, в южной Франции зашла речь о том, что христианское оружие должно обратиться не только против неверного соседства, но и бороться с самим магометанским Востоком; а в эпоху Григория VII такая же сама собой возникающая борьба западного рыцарства с исламом везде пошла в ход. Бургундские, аквитанские и норманские графы и владельцы все в больших массах стали помогать государям Испании сначала в победоносном расширении их господства, а потом в их защите против Альморавидов. Немцы, французы и англо-саксы выступили рядом с варангами против сельджуков в Малой Азии, а итальянские норманны под гениальным предводительством Роберта Гюискарда и его младшего брата, графа Рожера, в долгой и горячей борьбе, которая продолжалась до первого крестового похода, отняли мало-помалу у арабов всю Сицилию. Одновременно с этими рыцарскими отрядами поднимались также и горожане именно тогда расцветавших приморских городов. Амальфи и Венеция уже с давнего времени вели выгодную торговлю с византийцами и арабами. В шестидесятых годах одиннадцатого века Амальфи, по-видимому, имел торговые колонии в Константинополе, Иерусалиме и Антиохии и находился в оживленных торговых сношениях с промышленными городами по берегам Триполиса и Туниса. Но рядом с мирными отношениями, которые поэтому образовались между христианами и магометанами, обнаруживается и здесь участие во всеобщем воинственном движении против ислама. Это были главным образом пизанцы и генуэзцы, которые делали дерзкие набеги на все острова западного бассейна Средиземного моря и на берега Испании и Северной Африки и возвращались оттуда с громадной добычей. В 1078 году папа Виктор III потребовал от них большого предприятия. После этого они завоевали двойной город Эль-Медия-Цуила в Тунисской области, освободили много пленных христиан и принудили жителей платить дань и признать папскую верховную власть.

Если бы развитие пошло дальше вперед только до сих

пор избранными путями, то, может быть, ислам понес бы большие потери, чем было впоследствии. Разнообразная потребность в борьбе, победе и добыче, в завоевании имков, городов и земель уже сама по себе могла причинить серьезные опасности господству альморавидов и сельджуков, а именно когда воинственные и склонные к странствиям толпы Запада получали направление и цель своих стремлений от такого сильного ума, как был Григорий VII. Но в римском христианстве, начиная с его главы и кончая малейшим мирянином, было распространено в то время еще другое настроение, которое с одной стороны содействовало борьбе против ислама, хотя в самых странных, обманывающих всякие расчеты формах, но с другой стороны связывало эту борьбу и с такими элементами, которые опяты делали успех сомнительным.

Это действие призвел средневековый аскетизм. Потому что в то же время, когда возникли эти теократические идеалы, вся жизнь западнохристианского мира пошла по духовным путям. Одно помогало здесь другому. Стремление к основанию теократии было бы совсем безнадежно без глубокого религиозного возбуждения народных масс, а это возбуждение в свою очередь усиливалось новым положением церковной власти. Внешние побуждения, как падение государственных властей, военные тяготы, голод, чума, а после 1000 года и далеко в глубь одиннадцатого века страх перед концом мира и наступлением страшного суда — все и везде усиливали духовное движение. Миряне, как и духовенство, были все охвачены сознанием самой гнусной греховности. Князья покидали свои замки и становились монахами, чтобы более приблизиться к спасительному милосердию божию. Монахи покидали монастыри, и в дикой пустыне отшельниками добивались прощения своих грехов.

Бесконечное число людей молились, постились и бичевали себя, пока в минуту глубочайшего сокрушения небесная благодать не давала им утешения, что грех с них снят.

Это духовное течение охватывало один круг жизни того времени за другим. В южной Франции во время дикого воинского шума возник такой взгляд, что в честь Бога в известные времена надо соблюдать на земле мир и таким образом установился «Божий мир», *Tregna Dei*, по которому четыре дня в неделю, первоначально от вечера среды до утра понедельника, должна была прекра-

щаться всякая вражда Борьба с исламом по своему существу имела с самого начала много точек соприкосновения с аскетизмом, но сильнее всего подействовал здесь тот характер, который приняли странствия к Святым местам

Потому что странствия к святым, памятным для христиан местам, правда, делались всегда Уже с давних времен христиане с благочестивым умилением посещали те места в Палестине, «где ступала нога Госиода»; но только с тех пор, как церковь указала на похвальность путешествий к Святым местам, только с тех пор как в трудах, издержках и опасностях, которые брал на себя пилигрим, аскетичное настроение стало видеть приятное Богу дело покаяния, и в молитве на особо священном месте, в прикосновении к реликвиям стало видеть самое верное средство очищения от грехов, — только с этих пор, и главным образом в течение одиннадцатого века странствие к Святым местам стало важным фактором христианской средневековой жизни Тогда ежегодно многие тысячи стали отправляться к святыням Марии, в Сан-Яго де Компостелла и особенно в Рим, к гробам апостолов Петра и Павла, к цепям Петра, отпиленные кусочки которых производили чудеса, к остаткам святого креста, к изображениям Иисуса Христа и Божией Матери, словом, к бесчисленным реликвиям, которые собрала там благочестивая мечта. Но многие другие решались на крайне смелое дело и отправлялись «за море» в Палестину, где, по преданию, можно было шаг за шагом проследить следы его деятельности.

Скандинавы и здесь заняли особое положение. Они предпочитали отправляться не в Рим, а в Константинополь, потому что здесь их единоплеменники были на службе у императора и здесь также было бесчисленное множество реликвий для поклонения Но с путешествием к Святым местам «за море» соединялось в их груди стремление, пробужденное в них христианским учением, и темное языческое предание Потому что на далеком Востоке находилась для них блаженная страна Азов с священным городом Азгардом, где не было смерти, но где странника обнимал небесный свет и вечная жизнь. Туда — в Иерусалим — стремились все их религиозные представления.

В одиннадцатом веке мы находим в Палестине между многими другими целый ряд итальянских и французских, немецких и английских епископов, затем норвежского короля, датского принца, герцога норманнского, графов

барселонского, тулузского анжуйского, люксембургского, фландрского, голландского и кентского. Такие важные господа путешествовали обыкновенно с великолепной свитой, к ним присоединялись другие и таким образом мало-помалу составлялись толпы в сотни и тысячи пилигримов. Самая большая такая толпа двинулась в путь в 1061 году. По самым умеренным показаниям, она состояла из 7.000 человек немцев и англичан, и находилась под предводительством архиепископа Зигфрида Майнцского, нескольких немецких епископов, князей и аббата Ингульфа Кройландского. Пилигримы достигли цели своих стремлений после тяжелых битв, в которых большая часть из них нашла себе преждевременную могилу.

Когда люди Запада достигли Иерусалима, то ими естественно овладело двоякое чувство. Когда на долю их выпадало счастье иметь возможность молиться у Гроба Господня, они не только предавались безумному восторгу, но так же решительно охватывала их горячая злоба на то, что в святейших для них местах властвовали враги их веры. Таким образом благочестивое стремление само собою повело к воинственному задору. Аскетизм и воинственное направление того времени пришли в соприкосновение и слились в одно. Это уже сказалось в некоторых местах, где христиане и магометане были во вражде; в Сицилии, например, возбужденным умам впервые явился на белом коне святой Георгий, покровитель воинов и пилигримов, и недоставало только какого-нибудь внешнего толчка, чтобы вызвать на Западе громадный военно-религиозный взрыв, переселение народов самого странного свойства против Востока.

Наконец, этот толчок дали сельджуки и притом двояким образом. Потому что с одной стороны в течение семидесятых и восьмидесятых годов одиннадцатого века они завоевали почти всю Сирию, которая до тех пор почти целое столетие была подвластна фатимидским халифам Египта¹. Правда, сирийским христианам, как и западным пилигримам, не раз приходилось сильно терпеть от фанатизма и алчности Фатмидов, но после их падения притеснения и насилия стали так ужасны, что уже папа Виктор III был вынужден в 1087 году сделать воззвание к пизанцам и генуэзцам, следствием которого было заня-

¹ Антиохия, где с десятого века утвердились греки, также подпала тогда (1081) под господство сельджуков

тие Эль-Медиа-Цуилы. Но с другой стороны сельджуки во всех частях Малой Азии укреплялись все сильнее, и этим прежде всего вызвали общее восстание римских христиан на первый крестовый поход.

Слабый византийский император Михаил VII, который тщетно просил помощи у папы Григория, был свергнут с престола в 1078 году. Двое его полководцев одновременно подняли на него меч: Никифор Вриенний в Адрианополе и Никифор Вотаниат в Никее. Последний из них победил и правил как император с 1078 до 1081 г. Главной опорой его был сначала высокоодаренный и знатный человек Алексей, из рода Комненов, который уже дал империи нескольких способных полководцев и государственных мужей и даже отличного, только слишком недолго правившего императора (Исаака Комнена, 1057—1059). Но скоро между Никифором Вотаниатом и Алексеем возникли враждебные отношения. Комнен бежал от двора, быстро собрал войско, изменнически завладел столицей 1 апреля 1081 года и на следующий день был коронован императором.

Вместе с тем началось правление, которое отодвинуло падение Византийской империи в далекое будущее. Потому что Алексей был храбр и деятелен, умен и честолюбив, и главное, непоколебим в несчастьи. Только вступив на престол, он с помощью матери ввел в императорском дворце строгие нравы прежних времен и затем выступил против сельджуков. Здесь ему удалось оттеснить дальше, в глубь Азии, врагов, которые опустошали тогда, в виду Константинополя, берега Босфора, а самому опять стать твердой ногой на Вифинском берегу. Может быть, за этим хорошим началом тотчас же воспоследовало бы самое лучшее продолжение, если бы именно теперь освеженные силы старой империи не потребовались в других местах.

Потому что в эту роковую минуту, когда римское христианство должно было скорее настойчиво поддерживать Комненов, чем как-нибудь притеснять их, норманнский герцог Роберт Гюискард с сильным войском высадился на иллирийском берегу с желанием присоединить к своему итальянскому государству византийские провинции. Алексей мужественно выступил против нового врага и боролся с ним всеми средствами, какими располагал он и его страна. Войска были заботливо вооружены и обучены; драгоценности императорской семьи и даже

церковные сосуды обращались в монету, когда не стало наличных денег, венецианцы, которые с завистью смотрели на усиливавшееся могущество норманнов, получили полную свободу торговли в столице и провинциях и за это предоставили свой флот для войны против герцога, наконец все остальные враги Гюискарда в Италии и даже некоторые из его второстепенных военачальников были подкуплены, чтобы обратить свое оружие против него или покинуть свое войско и перейти на сторону императора. Таким образом после тяжелых сражений с переменным счастьем, мало-помалу удалось оттеснить норманнов, проникнувших уже в глубь страны, к тому берегу, на котором они высадились, и когда страшный противник, герцог Роберт, умер в июле 1085 г., его сыновья прекратили войну, которая стала для них безнадежна.

Но только что молодое государство Комненов отразило эту опасность, как родственные сельджукам дикие печенеги, которые давно выселились из глубины Азии и теперь из своих поселений на низовьях Дуная уже много раз теснили Византийскую империю, возобновили прежние враждебные действия и через долины балканских гор опустошительно ворвались внутрь Фракии. Алексею и здесь пришлось преодолеть большие военные трудности, и только после многолетней борьбы дело дошло до ужасной решительной битвы при Лебунионе в апреле 1091 года, когда печенеги были уничтожены до самых остатков.

После этого император мог, наконец, снова обратиться против сельджуков, и теперь их положение было в одном отношении далеко не благоприятно. Альп-Арслан, победитель при Манцикерте, и его сын и преемник Маликша (1071—1092 г.), как великие воители, могли завоевать обширные страны, но не могли основать твердо сплоченного государства. Полководцы и правители провинций, частью принцы из самого дома султана, имели право распоряжаться по своему произволу и скоро сделались независимыми государями. К тому же по смерти Маликши началась ожесточенная война, которую вели его братья и сыновья из-за наследства. Правда, старший сын Баркьярок, утвердился в султанском сане, но не мог помешать все большему распадению государственного единства, и в особенности область западных провинций распалась на множество больших или меньших эмиратов. Племенем Малой Азии с главными городами Никеей и

Иконией владел в то время Килидж-Арслан, но рядом с ним и притом в более богатых приморских местностях многие военачальники основали княжества

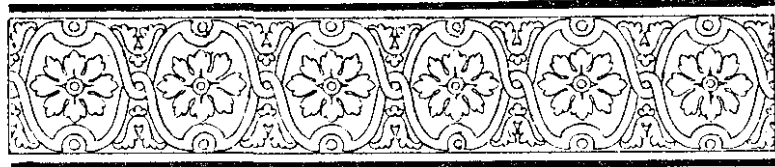
Но эта раздробленность султанской власти все-таки принесла мало пользы византийцам. Потому что ужасные войны последнего десятилетия отняли у них слишком много людей и денег, между тем сельджуки спокойно утверждались в Малой Азии. Правда, Алексей ревностно старался увеличить свои средства, ввиду стесненного положения, он беспощадно налагал подати на своих подданных, но вообще заботился о хорошем управлении, о строгом исполнении законов, о хорошей полиции, то есть об основах общественного благосостояния; он старался также противодействовать врагам то хитрыми переговорами, то открытой борьбой, и действительно, ему удалось возвратить целый ряд крепких пунктов на южном берегу Пропонтиды и несколько островов в Эгейском море, а именно Лесбос, Хиос и Самос, где также успели утвердиться сельджуки, но эти небольшие успехи составляли все, чего мог достичь деятельный император. Должен ли он был успокоиться на этом? Должен ли он был окончательно предоставить сельджукам обширные области, которые они завоевали в битве при Манцикерте? Это был жизненный вопрос для всей Византийской империи, удастся ли вернуть, по крайней мере, Малую Азию. Потому что Константинополь и Малая Азия всегда были подвержены опасности, пока в Никее и на малоазиатском берегу были сельджукские эмиры. Их надо было изгнать, в Никее и Иконии должны были опять содержаться христианские гарнизоны, чтобы можно было оказать прочное сопротивление натиску ислама и народным волнам, которые с дикой страстью к опустошению врывались из глубины Азии.

Но с одними своими силами уже нельзя было освободить Малую Азию. Тогда Алексей прибегнул к мере, которая получила всемирно-историческое значение. Он решился обратиться за помощью к римскому Западу, подобно тому, как это попробовал сделать его предшественник Михаил VII. Поэтому в 1095 году он обратился к папе Урбану II, очевидно, не для того, чтобы получить несколько небольших наемных отрядов, каких уже давно у него было много из стран всех государей, но с ожиданием более щедрой поддержки, какую мог доставить ему могущественный церковный глава римского мира.

ГЛАВА II

Первый крестовый поход¹

Папа Урбан II

Двадцать лет прошло с тех пор, как Григорий VII задумал смелый план отправиться в поход против сельджуков во главе верных святого Петра. Предприятие в то время не было приведено в исполнение, потому что папа, едва начавши приготовления к войне, принужден был

¹ История первого крестового похода, как мы уже говорили выше, не должна быть почерпаема из Истории крестовых походов Вилькена Главную книгу для изучения крестовых походов представляет «Geschichte des ersten Kreuzzuges», Г Ф Зибеля (II V Sybel), Дюссельдорф, 1841 Затем исследование было продолжено Куглером, «Kompendium und Kreuzfahrer», в Historische Zeitschrift Зибеля, т XIV, 1865, и Гагенмейером в его «Ekkehardi Hierosolymita» Тюбинген, 1877, и в его «Peter der Eremit», Лейпциг, 1879 Книги Гагенмейера содержат богатое количество научного материала, в особенности важен «Hiero solymita» не потому, что здесь вновь издано небольшое сочинение Эккегарда, которое носит это название, а благодаря критическим примечаниям издателя Кроме этих книг, главным образом имеют значение

употребить все свои силы на защиту папской теократии на западе. В конце концов он был даже при этом побежден и умер как беглец далеко от Рима. Теперь было иначе. Урбан II, который сидел на престоле св. Петра с 12 марта 1088 года, хотя и был проникнут теми же теократическими идеалами, как Григорий, но более гибкий, чем его великий предшественник, он избегал давать все новую пищу сопротивлению светских властей слишком грубыми действиями и этим именно достиг победы. В 1094 году он мог окинуть довольным взглядом круг римского владычества Англия и Франция, Испания и Германия склонялись перед его господствующим влиянием. Королю Филиппу, который возбудил гнев церкви похищением прекрасной Бертрады, жены графа Фулька, грозили самые тяжелые наказания, а император Генрих IV был так глубоко унижен, что его возвращение к прежнему могуществу или просто серьезное продолжение борьбы с величием папы едва могло казаться возможным.

относящиеся сюда отделы вышеназванных сочинений Риана и Рерихта о крестовых походах скандинавов и немцев, а также сочинения Финлея, Гопфа, Герберга, Вейля, Гейда и др., которые все вместе взятые, заметим теперь, легли в основу и следующих глав настоящей книги. Особенно высокое значение, которое первый крестовый поход, именно как первый в этом роде, приобрел в глазах современников и потомства, в истории и в саге, вынуждает нас сделать еще замечание, которое, в виде исключения, должно распространиться на главные источники об этом странствии к Святым местам. Мы имеем целый ряд драгоценных, беспристрастно и большей частью осторожно написанных небольших хроник, которые составлены были участниками крестовых походов, например анонимным норманном (*Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum*) провансальцем Раймундом де Ажилем, северным французом Фульшером, (Fulcher) Шартрским и др. Затем двумя десятилетиями позже Альберт Ахенский написал объемистую хронику священной войны (1095—1121), где он с полной наивностью, между прочим, рассказал множество саг, которые в то время сложились о подвигах и страданиях крестоносцев, в особенности о Петре Амьенском и Готфриде Бульонском. Наконец, в восьмидесятих годах двенадцатого столетия один знающий высокообразованный человек, архиепископ Вильгельм Тирский, написал очень подробную историю Иерусалимского государства до 1184 года, где старался согласить саги Альберта Ахенского и более достоверные исторические рассказы упомянутых древнейших небольших хроник. Этот опыт согласования, который был сам по себе ложным и не давал ни истории, ни саги, составлял до самого Зибеля основу большинства рассказов о первом крестовом походе, и даже более, определял то понимание, которое прилагали историки и к последующим крестовым походам. Поэтому было большой заслугой Зибеля, что он впервые в основных чертах установил отношение легендарных в исторически правдоподобных преданий, т. е. что он в доволь-

Но Урбан не думал отдыхать на лаврах. Он принадлежал к знатному французскому роду, и своеобразное духовно-воинственное направление того времени, которое до тех пор сильнее всего развито было среди французов, проникало его как и его соплеменников и людей его сословия. Кроме того, он был достаточно молод, — ему было около 50 лет, — чтобы с уверенностью взять на свои силы самое решение величайшей новой задачи, а потому он охотно последовал побуждению, которое получил с далекого Востока.

В первых числах марта 1095 года он созвал большой собор в Пиаченце, на котором собралось 4.000 духовных лиц и 30.000 мирян. Здесь были решены вопросы церковного благочиния, приняты решения относительно короля Филиппа и императора Генриха и в особенности выслушаны послы императора Алексея, которые прибыли из Греции, чтобы просить у папы и всех христиан помощи против сельджуков. Урбан тотчас же призвал верующих поддерживать византийцев, и действительно уже здесь многие обещали ему отправиться в Константинополь на борьбу с врагами креста.

Но еще летом 1095 года папа выехал из Пиаченцы через Альпы во Францию, проехал, как триумфатор, большую часть этой страны и наконец отправился в Клермон в Оверни, чтобы 18 ноября собрать там большой собор. Здесь также был принят целый ряд чисто церковных определений, затем король Филипп был отлучен от церкви в своем собственном государстве, «божий мир» объявлен

по большому объему отверг Альберта Ахенского и в соответственной мере Вилгельма Тирского и возвратил, наконец, тем первоначальным небольшим хроникам место, которого они заслуживают. Конечно, в настоящую минуту мы не стоим на точке зрения Зибеля, который, кажется, слишком далеко зашел в отрицании известий Альберта. Но мы должны непоколебимо держаться метода, который применен Зибелем, и только более вникая в подробности, чем это было возможно сорок лет назад, стараться отделить легендарное предание от исторического. Для этого прежде всего нужна подробная картина Альберта Ахенского, работа, скромные начала которой мы видим только в новейшее время. Кроме упомянутых латинских источников, на которых еще исключительно основывается история первого крестового похода Зибеля, у нас есть теперь также богатый цикл песен на старофранцузском языке: «Le chevalier au cygne et Godefroid de Bouillon», изданный Рейффенбергом (Reiffenberg) в Монне, pour servir a L'histoire de Namur etc

всеобщим законом церкви и наконец — 26 ноября созвано собрание, которое должно было навек запечатлеть в памяти людей Клермонский собор. К этому дню стеклось множество народа, потому что широко распространилось предчувствие ожидаемых событий. Папа увидел себя среди 14-ти архиепископов, 225-ти епископов и 100 аббатов, множества низших чинов духовенства и мирян нельзя было счесть.

Под открытым небом, так как никакое здание не могло вместить такого количества людей, папа начал говорить о том, чем бессознательно были проникнуты все сердца. Он говорил о постыдном осквернении христианских церквей в Иерусалиме, о тяжелых страданиях тамошних верующих и благочестивых пилигримов под грубым насилием сельджуков, о великих опасностях, которыми подвергало Константинополь и весь запад победоносное наступление врагов, и наконец, о былом времени, которое должно было зажечь мужество и воинственность французского рыцарства, предки которого уже поднимали меч против «сыновей Агари». Он, как глашатай Бога, звал на священную войну и требовал от всех, кто мог носить оружие, чтобы они шли на служение высшему полководцу Иисусу, на борьбу против неверных, для освобождения Иерусалима и для исполнения слова, что «его гроб опять будет славен».

Но, говоря это, папа создавал иное предприятие, чем то, которое некогда имел в виду Григорий VII. Помощь императору Алексею и вытеснение сельджуков из Малой Азии мало-помалу отошли на второй план. Взамен это-

2 divis Legendes historico-poëliques, t IV VIII, Bruxelles 1817 1859, далее Panlin Paris, «La chanson d'Antioche» 2 tom., Paris 1848, и C. Uirpcau, «La conguete de Ierusalem» Paris, 1868. Эти циклы песен наряду с самой пестрой фантазией саги и поэтического вымысла несомненно содержат исторически пригодные подробности. Они получили ту форму, в какой мы их знаем, конечно, гораздо позже первого крестового похода, когда именно они появились, пока еще спорный вопрос, но было бы трудно доказать, чтобы некоторые песни этих циклов не были сочинены в очень раннее время и, может быть, в эпоху самих крестовых походов, о чем легко догадаться. Ср Зибель, «Sagen und Gedichte über die Kreuzzüge», в «Allgemeine Monatsschrift für Wissenschaft und Litteratur» Киль, июль декабрь 1851 Зибель «Aus der Geschichte der Kreuzzüge» в «Wissenschaftliche Vorträge, gehalten zu München im Vinter 1858» Брауншвейг, 1858 Гагенмейер, «Peter der Eremit», в особенности стр 314 и след,

го, самой желанной целью в глазах всех стало восстановление господства христианства в Святой земле и молитва у свободного Гроба Господня. Урбан был не столько духовным императором, который бы для расширения своей теократии систематически старался воспользоваться верными святого Петра, — это гораздо более был возвышенный аскет, который в пламенных словах выразил мистическое стремление масс. Но именно поэтому его речь подействовала непреодолимо, как откровение. Уже пока он говорил, его прерывали бурные восклицания. Когда он кончил, тысячи воскликнули и тысячи повторяли лозунг священной войны: «Бог этого хочет! Бог этого хочет!» Многие проливали слезы или трепетали от внутреннего возбуждения, и они толпами теснились, чтобы получить знак воинственного пилигримства — красный крест на одежде у правого плеча.

Затем Урбан возобновил повеление церкви непоколебимо соблюдать божий мир, поставил имущество крестоносцев под особенное попечение папского престола и поручил духовенству способствовать проповедью на родине делу церкви и поручать крестоносцев молитве верующих. Вызываемый многими стать во главе движения, папа отклонил это, но попробовал удержать в руках церкви главное руководство предприятием, потому что один из первых, принявших крест, был Адемар Монтейльский, епископ в Пуи, человек совсем по сердцу Урбана, знаменитый своим благочестием и вместе римский поборник церковных прав¹. Папа с радостью дал ему свое благословение и поручил ему, как легату церкви, предводительство в крестовом походе.

Петр пустынный.

Таким образом, довольно сказочно была в действительности вызвана великая средневековая наступательная война Запада против Востока. Но сага этим не удовлетворялась и придумала еще гораздо более сказочную

¹ Хроника Пуи характерно называет его. *facilis ad omne bonum, gracilis ad equitandum* Ср. *Hist. de Lanqued* II, 8

историю возникновения крестового похода, которой до настоящего времени слишком часто придают веру. По этой саге, пустынный Петр Амьенский¹ в 1094 г. странствовал к Святым местам в Иерусалим и с прискорбием узнал, какие языческие ужасы производили там сельджуки. Однажды, — рассказывает сага, — он уснул, молясь в храме при Святом Гробе, тогда явился ему Спаситель в небесном сиянии и обратился к нему, слабому и хилому человеку: «Петр, дорогой сын, встань, пойдя к моему патриарху и возьми у него посланное мною письмо. На родине ты должен рассказать о бедствии Святых мест и должен побудить сердца верующих очистить Иерусалим и спасти святых от рук язычников. Потому что врата рая открыты для тех, кого я избрал и призвал». И Петр встал рано утром и пошел к патриарху, чтобы получить от него письмо. Патриарх дал ему письмо и очень благодарил его, а Петр отправился и совершил морское путешествие в большом страхе, пока наконец не прибыл в Бари, а потом в Рим. Там папа с смирением и радостью принял слово призвания и отправился в Клермон проповедовать путь Господа. И в целой Франции поднялись все области и все князья и рыцари, чтобы освободить Святой Гроб.

Эта небольшая история противоречит истине не только тем, что объясняет возникновение крестового похода сверхъестественным образом через непосредственное вмешательство Спасителя, но и тем, что Петр Амьенский хотя и предпринимал в 1095 году путешествие к Святым местам, но в то время не достиг Иерусалима².

Потому папе Урбану, а не Петру Пустыннику принадлежит слава призвания Запада к освобождению Палестины от господства сельджуков. Но Петр тем не менее уже в 1095 году играл значительную роль.

Потому что, хотя и после Клермонского собора папа еще долго оставался во Франции, побуждал во многих

¹ Место рождения Петра в точности неизвестно. Тем не менее Пустынный был несомненно родом по крайней мере из города или окрестности, относившихся к епархии Амьена. Потому его можно называть Петром Амьенским и уже этим указанием опровергнуть ошибочные мнения, которые ведут его происхождение из Бельгии, Германии и т. д.

² Это обстоятельство известно нам благодаря историческому сочинению Анны Комнены. кн. X, ed. Vol. II, 29.

местах к крестовому походу и главным образом старался привлечь к этому вельмож страны, но все-таки его дело мало-помалу отошло на второй план, так как однажды освобожденное движение порывисто пошло и стало распространяться теперь уже собственными силами. Быстрее всего были готовы принять крест толпы низшего слоя народа, потому что в последнее время они особенно сильно страдали от военных беспокойств, голода и различных болезней и смотрели на крестовый поход, как на освобождение от забот и бедствий, как на верное средство достижения земного счастья и небесного блаженства. Во главе их появились воодушевленные проповедники, которые с увлекательным красноречием призывали к борьбе за Спасителя, но никто с таким страстным порывом и большим успехом, как Петр Амьенский. С горящими глазами, похудевший от лишений и загоревший от южного солнца, выступил он перед крестьянами средней и северной Франции¹ и произвел такое сильное впечатление на их возбужденные умы, что они толпами шли за ним как за пророком Господним. Уже в зиму 1095—1096 года он собрал целое войско из пестрой смеси мужчин, женщин и детей, конечно, без дисциплины, но фанатически возбужденное и жаждавшее боя. В тех же местностях подобные толпы были собраны несколькими рыцарями, в числе которых особенно упоминаются Вальтер Пексейо и его племянник Вальтер Сензавеор (Голяк). Эти обе массы в скором времени соединились, вместе отправились на Восток и вступили на немецкую территорию.

Здесь они попали к народу, который должен был занять особенное место в истории крестовых походов. Потому что вообще справедливо то, что немцы в то время и после относились к призыву на крестовый поход более хладнокровно, чем французы и вообще романцы. Особенно весной 1096 г. их более холодная кровь и долгая борьба между императором и папой, которая еще не совсем окончилась, способствовали вместе тому, что они по большей части скептически отнеслись к вести о новом спасении, которое должно было приобретаться войной за

¹ Петр начал свою крестоносную проповедь, по-видимому, в местности Берри, следовательно не так далеко от Клермона в Оверни. Положительных сведений об его появлении до или даже во время собора в Клермоне вовсе нет.

Гроб Иисуса Христа. Они собирались у мостов и по большим дорогам, когда проходила мимо огромная толпа богомольцев, подсмеивались над бедняками, которые, «обманутые неверными и глупыми надеждами, покинули родину». Но для многих отдельных лиц пример западных соседей был непреодолимо заманчивой силой, и к тому же страшная междоусобная война, которая до сих пор требовала всей силы нации, благопрояствовала принятию креста, потому что, благодаря ей, широко распространились бедствия и нищета, избежать которых хотя бы путем самого рискованного предприятия, могло казаться избавлением. Полвека спустя, в таком же тяжелом положении и доведенный до отчаяния немецкий народ во внезапном порыве послал на далекий Восток сотни тысяч человек, а весной 1096 года приняли крест большие толпы преимущественно бедняков-крестьян и монахов, бродяг и уличных воров.

Участие немцев в крестовых походах, быть может, оказало влияние на их внешний вид. А именно, мы читаем, что пилигримы отправились не только с духовным воинственным призывом, как «Deus le volt» или со словами: Бог и Святой Гроб», но «там, откуда они выступали или куда приходили, они сначала пели духовную песнь как теперь моряки, отплывая от берега, призывают милость Божию и поют духовную песнь». Трудно определить, как стар этот обычай и как далеко он распространился, но весьма вероятно, что он в особенности принадлежит любящей пение Германии¹. В двенадцатом веке у всех на устах была следующая пилигримская песня:

In Gottes Namen vare wir,
Siner Gnanden gere wir
Nu helfe uns diu gotes kraft
und daz heilige grap,
da got selber inne lac.

Kyrieleis.

Вальтер Пексейо, Вальтер Голяк и Петр Амьенский шли вместе со своими толпами до Кельна, где празднова-

¹ Правда, мы слышим о песнях крестоносцев других народов, например, ломбардцев; но, по-видимому, в этом отношении все-таки немцы были впереди. Ср. Перихта, «Beiträge zur Geschichte der Kreuzzüge», стр. 40 и 47 и Гоффмана фон Фаллерслебена, «Geschichte des deutschen Kirchenliedes», 3 изд. Ганновер, 1864, стр. 39 и след.

ли Пасху. Тотчас после этого оба рыцаря отправились дальше, между тем как Петра удержал в Кельне успех его проповедей. А упомянутые рыцари прошли через южную Германию в Венгрию и еще в сносном виде достигли области болгар. Но здесь они стали жертвой жарких нападений, которые, беспрестанно повторяясь, разрушили шаткий порядок отряда, уничтожили его запасы и тысячам людей стоили жизни и свободы. Вальтер Пексейо по дороге погиб, и только совсем истощенный, слабый остаток, под предводительством Вальтера Голяка, достиг Константинополя и там в дружеском приеме нашел некоторое успокоение.

Несколько счастливее был Петр Амьенский, который тем временем собрал в Кельне и в глубине Германии новые значительные военные силы и почти с 40.000 человек пришел к венгерским границам. В Венгрии, как и в Болгарии, как говорит предание, ему пришлось, отчасти благодаря своеволию его воинства, перенести тяжелые битвы, в которых, как говорят, войско однажды было совсем разбито, но ему тем не менее удалось сохранить главную его массу и удержать его вместе так, что в конце июля он все-таки мог с значительной силой прибыть в Константинополь.

Между тем на родине образовались еще многие подобные толпы. Потому что зажигательная сила крестоносной проповеди мало-помалу произвела действие на самом далеком пространстве, в Италии и Испании, в Англии и Скандинавии. Корабль за кораблем приходил с северных островов и берегов в гавани Франции и Германии. Здесь соединились для совместного похода сыны самых различных земель. По существу эти шайки были одного закала с шайками Петра и двух Вальтеров. Только сумасбродного возбуждения и беспутного своеволия, если возможно, было в них еще больше. Наряду с людьми, которые в диком экстазе сами выжигали на своем теле знак креста и затем объявляли, что это сделала рука Божия, можно было видеть множество воров и беспутных девок. Во главе отряда бывали гусь или коза, потому что эти животные — гораздо более по староязыческим, чем по христианским представлениям — были проникнуты божественным духом и лучше всего могли указать верный путь. Плоскую страну грабили вдоль и поперек и, наконец, это с тех пор еще часто повторялось при снаряже-

нии крестовых походов, разразилась жестокая травля евреев, то есть преследование туземных врагов Христа. В особенности в Лотарингии, на Рейне и в Богемии, всего чаще из досады против епископов, которые хотели спасти несчастных, иудеев убивали, их имущества разграбляли, а синагоги разрушали.

Одну из подобных шаек прежде всего образовал некий Фолькмар и отправился с нею через Саксонию в Богемию и Венгрию. Но здесь он встретил энергичное сопротивление жителей, и после того, как большая часть пилигримов была убита или взята в плен, остаток рассеялся в диком ужасе.

Нечто подобное произошло с другой толпой, которую рейнский священник Готтшалк с ужасными насилиями провел через Баварию и Австрию в Венгрию. Венгерцы со злобой бросились на зажигателей и окончательно их вырезали.

Та же участь постигла третий и самый большой из этих отрядов, который состоял из французов, фламандцев, англичан и немцев и, как говорят, составлял более 200 000 человек¹, и эта толпа главным образом была под начальством двух диких и свирепых дворян, виконта Меленского и графа Эмиха Лейнингенского. Эти пилигримы сочли себя теперь в открытой войне с венграми и начали осаду крепкого Визельбурга. Умный венгерский король Коломан упорно защищал город, но уже стал отчаиваться в возможности оказать продолжительное сопротивление фанатической храбрости противников, когда нападения сразу прекратились и пилигримы рассеялись во внезапном бегстве.

Во время битвы на них напал необъяснимый и непреодолимый ужас и они думали только о том, как бы остаться живыми. Но большинство из них было изрублено преследовавшими их венграми. Немногие спаслись на родине или впоследствии примкнули к большому крестоносному войску.

Петр Амьенский со своими последователями в конце концов также не избег беды, которая постигла все эти орды. Когда он прибыл в Константинополь, он получил аудиенцию у императора Алексея, который объяснил ему,

¹ Число трудно принять. Оно показывает только, что собралось большое множество народа.

что его отряды очень мало годились для покорения сельджуков; и поэтому лучше было бы подождать прибытия других, более надежных войск. Петр был достаточно разумен, чтобы последовать этому совету, и обещал, если ему обеспечат необходимое содержание, спокойно и в порядке ждать в Константинополе прибытия более сильных войск. Но он не имел возможности сдержать свое слово. Одни из его людей с усилившейся жадностью грабежа бросились на сокровища большого города, перед которым они стояли лагерем; другие жаловались, что грешно терять здесь время так долго в мирских удовольствиях, что надо идти к Святому Гробу и на спасение христианской веры. К этому еще прибавилось, что император Алексей очень скоро раскаялся в добром совете, который дал этим слишком неудобным гостям, и стал сам настаивать на продолжении похода. Поэтому Петр вскоре был принужден переправиться через Босфор и приблизиться таким образом к границам христианского владычества¹

Но Петр и здесь все еще старался отдалить совсем близкую гибель, когда он со своими собственными людьми с Вальтером-Голяком и его слабым отрядом и с несколькими итальянскими толпами, которые к ним примкнули тем временем, одним словом, со всеми счастливо добравшимися до Константинополя пилигримами, стал лагерем на южном берегу Пропонтиды, у Цивитота, греческого Геленополиса, и там оставался довольно долго². Но необузданность и слепое рвение все-таки привели к катастрофе. Сначала были разграблены окрестности лагеря. Потом были сделаны более далекие нападения, особенно несколькими тысячами французов, которые дошли до Никеи и, хвастая, вернулись с богатой добычей. На это

¹ Гегенмейер, «Peter der Eremit» стр 175 и след., думает, что Алексей с самого начала велел войску пилигримов переправиться через Босфор и что его благонамеренный совет не вступать в борьбу с сельджуками до прибытия лучших войск относился только с спокойному пребыванию западных людей на азиатском берегу. Взгляд, изложенный в тексте, ближе подходит к источникам, но различие этих двух мнений не велико.

² В длинных спорах о положении Цивитота я принимаю мнение тех, которые считают его за Геленополис, теперешний Герсек, на северо-западе от Никеи, а не Кемлик (Циус) на западе от Никеи Ср Гегенмейера, Peter der Eremit, стр 179 и след.

разозлились немцы и итальянцы и требовали, чтобы и их вели на подобное счастье. В этих делах Петр потерял остаток своего значения и раздосадованный и огорченный вернулся в Константинополь. Но немцы действительно снова двинулись в путь, достигли до Ксеригордона, укрепленного, но покинутого гарнизоном места, по-видимому недалеко от Никеи, и завладели им. Вслед за тем появилось сельджукское войско, замкнуло их в этом месте и отрезало им воду. Несколько дней немцы переносили мучения жажды; наконец одна часть их перешла на сторону неприятеля, которому теперь не трудно было справиться с истощенными остальными людьми. Известия об этих битвах дошли до главного лагеря пилигримов у Геленополиса и возбудили там дикую жажду битвы. Напрасно предостерегали вожаки. Лагерь был покинут, и пилигримы прошли часть пути по направлению к Никее, пока, наконец, не наткнулись на сельджуков, которые, конечно, были готовы к решительной схватке. Здесь пали Вальтер-Голяк и те, кто еще остался из числа более значительных. Остальная масса была разбита, преследована в бегстве, и каждая толпа, которая снова старалась собраться, подвергалась нападению и истреблялась. Жалкие остатки были приняты на берегу византийским флотом и отведены обратно в Константинополь. Там несчастные продали свое оружие и в жалком убожестве рассеялись во все стороны (октябрь 1096 г.).

Так печально прошло и окончилось первое общее восстание христиан против ислама. Правда, благодаря этому, Европа освободилась от всякой сволочи; но гораздо тяжелее было то, что многие тысячи здоровых крестьян, которые составляли зерно всей этой толпы, от недостатка надлежащего руководства стали жертвою своих темных стремлений. Нельзя с точностью определить, как велико было число убитых неприятелем или взятых в плен и погибших на пути от нищеты и болезней, но на основании показаний наших источников можно сказать, что в то время погибло от ста до двухсот тысяч человек. Но кого в этом обвинить? Правда, сам папа Урбан дал повод к ужасному поражению, когда на Клермонском соборе обратился, главным образом, к мистическо-аскетическому настроению своих слушателей, вместо того, чтобы обдуманно приготовить войну с исламом в государственном смысле. Между тем настоящего обвинения здесь не может быть,

потому что папа, как и большинство его современников, сам был проникнут этим настроением. Кроме того, без обращения к духовному порыву, который жил в народах Запада от Испании до Норвегии, не было бы возможности пробудить везде такое горячее стремление к священной войне. И за несчастными крестьянскими толпами поднялись теперь государи и рыцари, которые, при всей теплоте религиозного чувства, имели и здравый смысл на вещи этого мира.

Великое крестоносное войско

Уже в Клермоне, на следующий день после своей великой крестоносной проповеди папа Урбан получил известие, что Раймунд Сен-Жилльский, граф Тулузский и маркграф Прованский, примет участие в походе против неверных. Этот Раймунд был чрезвычайно богат, ревностно привержен к церкви, деятелен и предприимчив, правда, при этом легко склонен к зависти и недоброжелательству, особенно впоследствии, когда, намереваясь сделать завоевания на Востоке для себя лично, он встретил умных и сильных соперников¹. Почти целый год он трудился над тем, чтобы тщательно снарядить себя и своих людей для предстоящей войны, и в конце концов он получил то удовлетворение, что графы и рыцари южной Франции не просто последовали его примеру отдельными толпами, но по большей части примкнули к нему сами. Даже несколько епископов, в том числе папский легат, с многочисленной свитой подкрепили войско, которое осенью 1096 г собралось под знаменами Раймунда.

Между тем дворянство в центре и на севере Франции также взялось за оружие и в разных провинциях группировалось вокруг выдающихся предводителей. Из этих последних должен быть назван прежде всего Гуго Вермандуа, брат короля Филиппа, знатный рыцарь в полной силе лет, которого, благодаря его высокому происхожде-

¹ Говорят, что Раймунд еще до выступления с родины дал клятву никогда в нее не возвращаться. Во всяком случае, он вскоре стремится только к приобретению нового княжества на востоке

нию, многие считали уже будущим властителем Востока. Но мало-помалу он оказался слишком незначительным по уму и характеру, чтобы действительно иметь возможность приобрести корону. Рядом с ним отличался вначале богатством, щедростью и достоинством граф Стефан Блуатский и Шартрский в такой мере, что остальные государи в Азии некоторое время ставили его главным предводителем войска: но в конце концов своим тщеславием и непостоянством он навлек себе самую дурную славу. Лучше его был герцог Роберт Нормандский, по крайней мере в том отношении, что своим неутомимым мужеством он доказал свое норманнское происхождение. Впрочем, и о нем нельзя сказать много хорошего потому, что преданный наслаждениям, он мало доступен был более высоким стремлениям. На родине ему приходилось переносить постоянную вражду от своих братьев, короля Вильгельма II английского и принца Генриха, а также от непокорного дворянства своей страны. Поэтому воззвание к крестовому походу явилось для него желанным поводом уйти от неприятных отношений. Не имея средств, он с беззаботным легкомыслием тотчас заложил королю Вильгельму за 10 000 марок серебра всю свою землю, вооружил своих собственных людей и с радостью увидел, что множество нормандских и английских вельмож также доверилось его предводительству. Наконец, граф Роберт II Фландрский, сын старого иерусалимского пилигрима графа Роберта Фризского, был, несмотря на домашние стеснения, достаточно богат и силен, чтобы собрать значительное войско; но он был мало способен для предводительства, потому что в сущности умел только с необычайной силой владеть мечом и копьем.

Фландрское ополчение распространилось уже от Франции до немецкой империи. Но здесь для большого круга рыцарей еще более притягательную силу, чем граф Роберт, представлял герцог Нижней Лотарингии Готфрид Бульонский. Родителями его были Евстахий, граф Бульонский, и Ида, сестра герцога Горбатого Нижне-Лотарингского, верного друга императора Генриха IV. Отец и мать вели свою родословную от Карла Великого; дядя был очень привязан к своему молодому племяннику и сделал его своим наследником. Кроме того, император Генрих уже давно передал ему Антверпенскую марку, позднее (1089) сделал его герцогом Нижней Лотарингии, и таким

образом в Готфриде соединились знатное происхождение, значительные владения и одно из высших государственных достоинств, что и обеспечило ему видное положение Герцог всегда был бодрым воином, благочестивым, храбрым и деятельным, во многих небольших делах, где был замешан его личный интерес, напротив, великие споры того времени, а именно борьба императора и папы интересовали его довольно слабо. Когда до него дошла весть о крестовом походе, он добыл себе от императора разрешение принять в нем участие, заложил часть своих владений и собрал сильное войско с помощью своих родственников и при наплыве лотарингцев и некоторых немцев с правого берега Рейна.

Таким образом Готфрид был одним из значительнейших крестоносных государей, и своей достойной личностью, а также и могуществом возвышался над многими из своих товарищей. Но позднейшая выдумка прибавила еще другое. Потому что, когда герцог по окончании крестового похода получил в Иерусалиме величайшие почести, то возбужденная фантазия современников требовала, чтобы и предшествовавшая история героя была окружена всевозможною красотой и блеском. Тогда происхождение его стали возводить к самому идеальному образу благородного рыцарства, к так называемому Рыцарю Лебеда, о котором главным образом рассказывали лотарингские саги; его будущее было уже предсказано его матерью, и он сам совершал всякие возвышенные и славные дела, защищал невинность, уничтожал антикороля Рудольфа Рейнфельдского, взял приступом Рим, служа своему императору. Так был он приготовлен и призван самим Богом стать настоящим предводителем христиан в их праведной цели в освобождении Святого Гроба.

Все это принадлежит саге. Значение Готфрида среди крестоносцев основывалось только на вышеприведенных обстоятельствах и никогда не развивалось настолько, чтобы его можно было считать главою всего войска. Надо только заметить еще, что герцогу посчастливилось идти в поход вместе с некоторой частью очень даровитых родственников и друзей. Правда, из двух сопровождавших его братьев Евстахий, сколько нам известно, был только храбрым рыцарем, зато тем более выделялся другой, Бальдуин. Высокий ростом, с импонирующим характером и предприимчивостью, он почти с самого начала кресто-

вого похода играл значительную роль и позднее с честью носил корону иерусалимского государства. Племянник Готфрида, Бальдуин младший, сын графа Гуго Ретеля, принадлежал в сущности также к этому кругу, хотя часть крестового похода он сделал не под лотарингскими знаменами. После смерти Бальдуина I он стал его преемником на иерусалимском престоле и приобрел там не меньше заслуг, чем его предшественники.

В то время, как Франция и часть Германии приготовились к священной войне Италия также не отставала, и здесь выступил на первый план князь, который должен был приобрести влияние больше всех остальных на организацию крестового похода, — Боэмунд, старший сын Роберта Гюискарда. Этот норманн вел жизнь до этого времени исполненную превратностей. Его отец был женат два раза, сначала на своей родственнице Альбераде, а затем на прекрасной и героической принцессе Сигельгайте Салернской. Боэмунд, сын менее знатной Альберады, несмотря на Сигельгайту и ее сына Рожера, мог все-таки при жизни Роберта Гюискарда играть значительную роль, а именно в известной большой войне с императором Алексеем (1081—1085) он был одно время предводителем норманнского войска в Византийской империи, но когда умер отец, он после бесплодного сопротивления должен был уступить господство в южной Италии сводному брату и удовольствоваться незначительным княжеством Отранто. Но его помыслы были направлены на более высокие цели. Он чувствовал силу, подобно предкам, завоевать себе в далеких странах сокровища и корону. Его железное сложение способно было выносить всякие трудности, смелостью духа он не уступал никому из сотоварищей, трезвым и ясным пониманием земных отношений он превосходил их всех. Благодаря войне с Византией, он рано приобрел стремление на Восток, которое с тех пор различным образом поддерживалось сношениями с Востоком итальянских купцов, особенно жителей Амальфи. Он знал положение тамошних государей и народов городов и государств, и решил сообразно с этим принять свои меры. Когда крестовый поход привел в движение римское христианство, он почувствовал, что час его настал, и озабочен был только тем, что не имел достаточно средств самому выставить несколько значительное войско. Но он и здесь нашел себе выход. Когда отдельные крестоносные толпы, шедшие с севера, дошли до южной Италии и когда в его со-

седстве уже там и сям проявилась охота принять участие в священной войне, тогда он вступил в переговоры и с этими толпами и с местными господами и достиг того, что многие из них ему подчинились. И когда затем разразилась сильная вражда между амальфийцами и норманнами, когда все князья последних соединились на борьбу с могущественным городом, а рыцари напряженно прислушивались к известиям о возроставшем вокруг них крестоносном движении, тогда однажды в многочисленном собрании он воскликнул: «Бог этого хочет! Когда поднимается весь свет, я не хочу оставаться праздным. Я выступаю. Кто из вас, господа, принимает вместе со мною Крест Христов и последует за мною на борьбу за христианство?» Это была искра, брошенная в порох: они густыми толпами теснились, чтобы принять знак креста; и недолго спустя Боэмунд снаряжал войско, подобное мириадам Раймунда Тулузского и Готтфрида Бульонского.

В числе князей, которые выступили под его предводительством, самым замечательным был Танкред, не двоюродный брат Боэмунда, как часто говорили, а его племянник¹ Сага и поэзия с особенной любовью завладели этим крестоносцем и сделали из него самый возвышенный образ благочестивого и благородного рыцаря. Это справедливо только в том смысле, что в Танкреде особенно сильно выразилось духовно-воинственное настроение того времени. Религиозные сомнения, чувство страха перед собственной греховностью долго одолевали его и война с исламом представилась ему как бы примирением с Богом уже здесь на земле. Вместе с тем он был настоящий норманн, хитрый и алчный, горячо честолюбивый и в битве яростный, как берсеркер. От Боэмунда он отличался больше всего тем, что у него совсем не было понимания задач полководца и основателя государств: его интерес простирался только на дела рыцарства: выискивать самые опасные приключения и приобретать славу непобедимого героя — вот была цель его самых горячих стремлений. Сам по себе он значил немного: под руководством Боэмунда он был острым орудием, чтобы содействовать основанию нового норманнского владчества на Востоке

Итак, осенью 1096 г для борьбы с сельджуками были

¹ Гагенмейер, Ekkehardi Hierosolymita, стр 329.

готовы целые сильные массы. Папа Урбан известил тогда императора Алексея, что не менее 300 000 крестоносцев отправились «на освобождение страны, где стояли ноги Господа». Эти пилигримы весьма существенно отличались от своих несчастных предшественников, крестьян и бродяг Петра Амьенского. У рыцарского войска не было недостатка в оружии, запасах и военной выправке; было даже некоторое понимание громадных трудностей той задачи, которую хотели разрешить. Но предводительство этим войском поставлено было плохо, и вследствие этого плоха была и внутренняя связь крестоносного войска. Не было в числе пилигримов ни одного великого монарха, которого бы должны были слушаться другие, и папа, вместо того, чтобы отправиться в поход предводителем, послал с ними только своего легата¹.

Правда, Адемар Монтейльский вступил в переговоры с некоторыми князьями и назначил им Константинополь сборным пунктом, откуда они должны были двинуться все вместе, но затем на снаряжение, маршруты и план кампании он едва оказывал влияние, не говоря уже о настоящем главном предводительстве. Поэтому среди этих крестоносцев, строго говоря, не было ни высших, ни низших предводителей. Каждый самостоятельный человек вооружался, предпринимал свое странствие к Святым местам, как, когда и в каком направлении хотел. Только потребность взаимной поддержки заставляла отдельные лица соединяться в отряды, причем, конечно, люди незначительные охотно вступали в подчинение к сильным. Таким образом, хотя легко и просто образовывались значительные войска, но так как состав их, в сущности, основывался на добровольном подчинении воинов избранным ими самими предводителям, то он часто менялся, потому что воины переходили от одного князя к другому или иногда шли самостоятельно своей дорогой. Поэтому эта пестрая масса была в сущности соединена и держалась вместе только общим интересом, то есть одной горячей страстью всех победить сельджуков и через это достичь либо полного блаженства, либо приобрести деньги и имения, города и земли.

¹ В своем письме к Алексею Урбан называет этого легата *dux belli*

Крестоносцы в греческой империи

Когда император Алексей получил известие, что эта удивительная армада будет воевать с исламом, ему представлялось богатое надеждами, но и опасностями будущее. В самом деле, крестоносцы хотели освободить его самого от его злейших врагов, но при этом легко могло случиться, что тем самым они приготовили бы Византийской империи еще большую беду, чем сельджуки. Потому что, хотя Алексей и призывал помощь Запада, он, конечно, не предвидел, чтобы папа Урбан мог вооружить такие громадные массы войск. Конечно, от этих сотен тысяч можно было ожидать и того, что они не предоставят византийцам покоренных своей кровью городов и стран, а захотят удержать их для самих себя. Должен ли был Алексей допустить это, должен ли был согласиться, чтобы Малая Азия, а особенно ближайшая Никея, попала в руки крестоносцев? Если для империи относительно сельджуков уже раньше было жизненным вопросом — удастся ли ему достаточно далеко укрепиться на азиатской земле, то теперь вопрос становился гораздо серьезнее. Итальянские норманны уже поставили его один раз в убийственное стеснение: что же будет, если западное рыцарство оснует могущественное владение в Малой Азии и когда-нибудь сделает одновременное нападение на Константинополь с двух сторон, от Никеи и от Палермо?

Таковы соображения, на основании которых надо судить о византийской политике в последующее время. Правда, часто говорилось, что Алексей должен был бы с христианско-братским чувством беспрекословно кинуться им в объятия, или же что он лучше всего сделал бы, если бы держался как можно дальше от каких бы то ни было сношений с этими чужими мощными богатырями¹; но то и другое неверно. Император во всяком случае, в дружбе или во вражде с ними, должен был постараться поставить себя так, чтобы его империи была обеспечена необходимая закругленность в Малой Азии.

¹ Это — мнение Зибеля: *Geschichte des ersten Kreuzzuges*, стр. 311 и след.

Конечно, здесь надо было преодолеть много затруднений, потому что характеры византийцев и крестоносцев не сходились во многих и важных пунктах. С одной стороны, наследованное от старины, строго установленное государственное управление, которое в тяжелых обстоятельствах времени Алексей кое-как восстановил, — с другой стороны рыцарская необузданность в самой высокой степени развития; здесь остатки более высокого образования, снова оживленные именно в то время, — там по большей части самая первобытная дикость, здесь, наконец, греческая церковь, о которой император ревностно заботился, потому что духовенство, главным образом, должно было помогать ему при преобразовании государства, — там не только римская церковь в ее противоположности с греческой, но и настроение, фанатически враждебное ко всякому иноверцу

Но, несмотря на это, не могло быть сомнения, что надо было непременно попробовать и всеми силами стараться, чтобы вместе с крестоносцами и с их помощью сделать самые необходимые азиатские завоевания. При этом можно было рассчитывать на хороший успех и в том смысле, что некоторые обстоятельства говорили за то, что, быть может, удастся воспользоваться всей массой прилигримов для византийских целей и продвинуть их в безвредную даль. Большинство западных воинов стремились только освободить далекий Иерусалим; и, если некоторые князья и рыцарские отряды проникнуты были земной жадностью к приобретению владений и к другим завоеваниям, то могло посчастливиться пожертвовать им только такие области, которых Алексей ни в каком случае не мог требовать для себя. Здесь даже очень скоро оказалась возможность прочного и для обеих сторон выгодного соглашения. Потому что умный Бозмунд, старый противник византийцев, вовсе не возобновил теперь прежних враждебных отношений, как этого опасались, а напротив стремился к миру и дружбе, справедливо понимая, что у него с императором будут впредь общие интересы. При этом он очень рано, может быть, еще во время крестового ополчения в Италии и во всяком случае вскоре после того, обратил свое внимание на определенную область, где он хотел основать новое норманнское государство: на прекрасную Антиохию и окрестную северносирийскую страну. Если Алексей не оказывал никаких препятствий

его намерению, то, очевидно, не слишком трудно было поставить дело так, чтобы византийцы снова получили Малую Азию, в чем они более всего нуждались, между тем как крестоносцы могли бы увидеть исполнение своих земных и неземных желаний в Сирии

Политика императора не направилась, однако, по этому пути и как для того времени, так и для всей эпохи крестовых походов имело роковое значение то, что Алексей не хотел слышать о подобном дележе предполагавшейся добычи. Он, напротив, возымел сверх меры себялюбивую мысль соединиться с крестоносцами вовсе не для обоюдной выгоды, но просто воспользоваться ими как своим орудием.

Что бы они ни завоевали в будущем, как бы далеко это ни было, все это должно было вернуться под его верховную власть — на том основании, что некогда все страны до границ Ирана и Аравии принадлежали Византийской империи. И чтобы сделать это требование вполне ясным для пилигримов, Алексей решил воспользоваться формами западной ленной системы и приготовился требовать от крестоносных князей ленной присяги на ожидаемые завоевания. Этим он, конечно, до чрезвычайности увеличил те большие трудности, какие и без того мешали общепольному союзу между ним и крестоносцами, и, как показали последствия, повредил себе самому, своей империи и делу всего христианства¹

¹ Вопрос об отношениях, которые крестоносцы должны были бы разумно установить с греками, часто поднимался и различно разрешался. Но от ответа на этот вопрос очень зависит все понимание истории крестовых походов и поэтому надо здесь заметить следующее. В вышеприведенной статье «Крестоносцы и Комnenы» я выставил тот взгляд, что хотя император Алексей жизненными интересами своей империи принужден был соединиться с латинцами для борьбы против сельджуков, но что этот союз мог принести хороший плод в том случае, если бы император удовлетворялся возвращением себе Малой Азии и предоставил товарищам по их желанию распорядиться с Сирийскими землями. Этот взгляд был затем признан справедливым некоторыми исследователями, а другие возражали. Это возражение основывается, сколько я вижу, на том, что совместная деятельность пилигримов с византийцами была невозможна вследствие их культурного различия и еще потому, что Алексей должен был опасаться самостоятельного могущества крестоносцев в Сирии, особенно норманнов, как враждебного ему и поэтому должен был предостеречь его утверждение. Я не придаю никакого значения этому возражению. Культурное различие не помешало грекам и крестоносцам войти между собой в го-

Но несмотря на то, начало личных отношений византийцев и крестоносцев произошло удивительно благоприятно. Потому что упомянутый королевский принц, граф Гуго Вермандуа, едва принял крест, как, охваченный жадной подвигами, отправился из Франции на юг, не дожидаясь окончательного снаряжения войска. В Италии папа Урбан, к его великой радости, дал ему с собой священное знамя св. Петра; чтобы предупредить о себе, он отправил в Константинополь напыщенное послание, а позднее осенью 1096 года отплыл из Бари в Диррахиум. Там его ожидали. Византийский начальник крепости принял его с почетом, но тотчас окружил его стражей, так что граф, не замечая того, стал пленником. Под таким же надзором он был доставлен в Константинополь и там принят императором с таким блеском, что этот тщеславный человек, всем этим очень довольный, не задумываясь дал требуемую ленную присягу.

Но затем приближался герцог Готфрид Бульонский, который уже в половине августа 1096 г со всем своим войском покинул родину и через северную Германию достиг венгерской границы. Здесь он убедил короля Колмана, чтобы он не позволил, как с прежними предводителями пилигримов, обижать своих единоверцев, и после этого мирно прошел Венгрию. Через Болгарию и часть греческой области поход прошел счастливо — по тому древнему великому торговому и военному пути, которым, по преданию, шел Карл Великий к Святому Гробу, через Ниссу и Софию на Филиппополь, — когда, наконец, герцог узнал, какая судьба постигла между тем Гуго Вер-

раздо более близкие отношения, чем то было необходимо для образования между ними союза; для этого было бы достаточно, чтобы император и крестоносные государи, в особенности Боэмунд, до некоторой степени уговорились о «дележе предполагаемой добычи». Далее, мнение, будто Алексей не мог уступить норманнам Антиохию, потому что оттуда могло быть сделано на него нападение, прямо извращает положение вещей. Алексей прежде всего должен был возвратить себе Никею и Иконию, если его империя должна была снова стать надолго жизнеспособной, но Антиохия стояла для него уже на втором плане. Конечно, норманнское владичество в Сирии могло когда-нибудь стать ему в тягость (хотя едва ли особенно серьезно, если бы греческое государство снова действительно окрепло), напротив, неприобретение вновь Малой Азии заключало в себе прямо смертельную опасность. При всем том императору Алексею нельзя сделать нравственного упрека за то, что он не хотел разделить добычу с крестоносцами. Правда, он не понял, что благоразумие повелевало ему считать войско плин-

мандуа. Тогда в нем и его лотарингцах возгорелась жестокая злоба. Они с грабежом прошли всю нижнюю Фракию, и 23 декабря крестоносцы прибыли в раздраженном настроении к Константинополю. Правда, император сделал теперь все возможное, чтобы восстановить с Готфридом доброе согласие, но так как в то же время он требовал ленной присяги, то добился немногого. Лотарингцы, правда, воздержались от дальнейших насилий, расположились по ту сторону Золотого Рога в Пере и провели там в величайшем мире следующие зимние месяцы, но сам Готфрид избегал всяких личных сношений с Алексеем и на повторявшиеся все более настоятельно приглашения прибыть в резиденцию для переговоров холодно отвечал, что он еще не настолько доверяет императору, чтобы решиться на свидание с ним. Основанием этого способа действий, конечно, было ни что иное, как то, что таким образом герцог надеялся всего удобнее избежать ленной присяги. Это мало-помалу довело Алексея до убеждения, что этого государя только силою можно заставить исполнить свою волю. Поэтому в великий четверг 2 апреля 1097 года византийский император велел своим войскам сделать нападение на лотарингцев, но это нападение было так неудачно, что тотчас опять прибегли к переговорам. Граф Гуго, по поручению императора, отправился к герцогу Готфриду. Но последний принял посланного самым суровым образом: «ты, сын короля, стал рабом и хочешь из меня так же сделать раба?» Он объявил, что не даст ни ленной присяги, ни переведет своего войска в Азию, как хотел Алексей, до прибытия других крестоносцев. После этого оказалось самым верным снова взяться за оружие и употребить все силы для усмирения этой лотарингской гордости. На этот раз посчастливилось. В великую пятницу византийское войско одержало решитель-

римов самостоятельной силой, но только империалистическая традиция его государства натолкнула его на ложные пути его политики. Он поступил вроде того, как великие немецкие императоры в средние века. Сирия имела для него почти то же значение, как для них Италия, и Антиохию конечно, можно назвать Миланом Комненов. В обоих случаях имперская тенденция была ужасно отомщена. Немецкое королевство разрушилось в Италии, а в стремлении за сирийскими лаврами Комнены пропустили настоящий момент для покорения Иконии. Братская вражда между греками и крестоносцами главным образом послужила основанием к окончательному падению как иерусалимского государства, так и Восточной Римской империи и в этом отношении повела к тому, что еще до наших дней полумесяц блесит на Святой Софии.

ную победу. Готфрид согласился принять ленную присягу, и несколько дней спустя его войска перешли Босфор¹. В личных отношениях к герцогу Алексей опять выказал себя мастером в обхождении с людьми. Он так щедро одарил нового вассала и так изысканно его принимал, что в его сердце не осталось ни малейшего следа предыдущих дурных действий императора.

Но была ужасно рискованной та игра, благодаря которой византийская политика достигла такого успеха. Потому что в то время, как с лотарингцами шла открытая борьба, со всех сторон подходили другие крестоносные войска, и одни с другими легко могли бы действовать сообща, если бы в последнюю минуту не была достигнута победа над Готфридом. Теперь, напротив, можно было надеяться, что пример герцога Бульонского не останется без влияния на остальных князей.

Всего меньше забот доставил императору Боэмунд, который поздней осенью двинулся из Апулии и течение зимы медленно двигался через Эпир и Македонию во Фракию. Правда, на походе норманны позволяли себе большие насилия, потому что не однажды раздражал их отказ жителей давать им продовольствие. Но Боэмунд, несмотря на необузданность своих людей, а именно Танкреда, и несмотря на случавшиеся схватки с византийскими войсками, которые должны были защищать свою страну от насилий крестоносцев, — Боэмунд в сущности сумел поддержать мир и, преодолев главные трудности похода, 1 апреля покинул даже свое войско в сопровождении императорских чиновников, чтобы поспешить вперед в Константинополь. Здесь он обменялся с Алексеем дружескими уверениями, после небольшого раздумья принес ленную присягу, которой едва ли придавал особое значение, и получил за это такие драгоценные подарки, что воскликнул: если бы у меня были такие сокровища, мне служил бы целый мир. Но, так как до сих пор обстоя-

¹ По Альберту Аахенскому, битва Готфрида с императором окончилась со славой для первого. Готфрид сложил оружие только тогда, когда император предложил мир и представил заложником своего сына Иоанна, впоследствии императора. Сообщение Альберта содержит, кроме того, несколько других сведений, отличных от вышеприведенного, о судьбе Готфрида в Греческой империи, но все это может войти в наш исторический рассказ только тогда, когда степень достоверности хроники Альберта будет установлена более тщательно, чем то было сделано до сих пор.

тельства слагались для него очень удачно, то он заявил императору, что для себя он желает приобрести на Востоке видное положение¹. Здесь он, конечно, встретил сопротивление. Алексей, увлеченный несчастной политикой воспользоваться крестоносцами исключительно для своей собственной выгоды, тотчас увидел в Боэмунде соперника и с тех пор смотрел на все его действия с глубоко затаенным, но тем более враждебным недоверием.

Мало-помалу достигли Константинополя Роберт Фландрский, Раймунд Тулузский, Роберт Нормандский, Стефан Блуаский и другие знатные люди. Жители Фландрии и северные французы все проходили через Италию на юг до Апулии, оттуда через море и с эпирского берега шли по следам Боэмунда. Только Раймунд Тулузский обошел на севере Адриатическое море, сделал поход через Далмацию, чрезвычайно затрудненный суровой и гористой местностью и враждебностью ее диких обитателей, и затем, подобно другим, через Эпир достиг до Фракии. Все они, за единственным исключением графа Раймунда, присягнули без затруднений. Но этот отказался с задорным упрямством, потому что требование императора оскорбляло и возмущало его до глубины души. Потому что, хотя вообще это был характер мелочный, педантичный, капризный и завистливый, но вместе с тем он проникнут был религиозной стороной крестового похода, как монах, и жаден до приобретения земель, как норманн. Его благочестию противоречило подчиниться в священной войне земному властителю, а его жадность опасалась, что присяга может уменьшить на Востоке его царственный блеск, о котором он уже мечтал. Боэмунд легко расстался с подобными сомнениями, но Раймунд, столько же боязливый в своей совести, как и жадный, оказывал каждому приступу со стороны императора непоколебимое сопротивление. Даже когда Алексей произвел сильное и успешное нападение на провансальское войско, как прежде на лотарингское, то это так мало поразило графа, что он, напротив, стал только еще упрямее и громко зывал к мести за такое вероломство. Решение этой отвратительной ссоры произошло, наконец, потому, что Боэмунд

¹ Он просил у императора достоинства великого доместика на Востоке и, может быть, уже высказывал свое желание приобрести Антиохию.

резкими словами восстал против Раймунда и предоставил в распоряжение императора все свое влияние. Граф был этим глубоко возмущен, но и Алексей с возраставшим недоверием смотрел на так смело выступающего норманна и поэтому, когда Раймунд, по крайней мере, предложил поклясться, что не предпримет ничего против его жизни и чести. Алексей объявил себя удовлетворенным. Немного спустя император сошелся с графом на почве общей ненависти к Боэмунду.

Политические стремления, которые приобрели значение во время крестового похода, все уже здесь выразились: горячее желание норманнов и провансальцев приобрести далекие сокровища и короны, у одних смело и гениально, у других менее талантливо, но тем более упрямо направленное к достижению цели; затем громадные притязания византийцев на достижение вновь прежнего всемирного господства в прибрежных странах Средиземного моря. Враждебная противоположность этих стремлений могла еще некоторое время оставаться полускрытой, но в конце концов должна была сильно повредить успеху крестовых походов; и император Алексей уже в то время получил первое наказание за чрезмерные притязания своей политики, когда хитрости и насилия, которыми он подчинил большинство крестоносных князей своим требованиям, положили основание к имевшей важные последствия ненависти римско-христианского Запада к нему и его государству.

Осада Никеи

Число пилигримов, которые собрались для общего похода через область неверных, определяется очень различно: как песок в море и звезды на небе, — говорит один современник. Но более всего может приближаться к истине то, что уже вперед объявил папа Урбан, а именно, что было 300 000 хорошо вооруженных воинов, за которыми, конечно, следовал еще длинный обоз слуг и монахов, женщин и детей, шпильманов и девок. До сих пор этому сильному войску только отчасти приходилось испытывать серьезные трудности и опасности и оно еще горело дикой воинственностью, горячей набожностью и очень земной страстью к удовольствиям. Первая цель, которая пред-

ставлялась его оружию, была Никея, столица Килидж-Арслана, который в то время, как мы знаем, несмотря на расстройство сельджукских сил, господствовал по крайней мере над большей частью Малой Азии. Государь (называемый обыкновенно султаном) был в отлучке и после поражения, которое его войска нанесли толпам Петра Амьенского, едва ли ожидал так скоро нового нападения и таких ужасных масс западных людей. Поэтому первые отряды крестоносного войска, перейдя в течение апреля через Босфор, могли без помех от неприятеля дойти до стен Никеи и тотчас же приняться за осаду. В городе, несмотря на сильный гарнизон, все были очень озабочены отчасти потому, что вне крепости казались очень сильными крестоносцы, отчасти потому, что внутри крепости у подвластных, но еще многочисленных христиан появилось расположение к единоверцам. Уже обдумывали условия, на которых мог быть сдан город, когда упавшее мужество освежилось известием, что Килидж-Арслан с большим войском приближается на выручку. Здесь впервые началась настоящая серьезность этой войны.

Никея лежит на небольшой возвышенности среди обширной, окруженной горами котловины. Укрепления были в наилучшем состоянии; кроме того, западная сторона была особо защищена Асканским озером, волны которого в то время еще омывали стены города. Из крестоносцев, отдельные части которых прибывали очень медленно, на месте были до сих пор только норманны, лотарингцы и фландрцы, которые стали лагерем на северной и восточной стороне города; южная сторона была еще свободна. 14 мая, когда уже не было более речи о скорой сдаче города, благодаря энергии Боэмунда сделано было сильное нападение и в последующие дни продолжено с неослабевавшим рвением. Но теперь был близко и Килидж-Арслан, и он составил план отчасти проникнуть с свободной южной стороны в город и оттуда сделать сильную вылазку на осаждающих, отчасти извне окружить их другими отрядами. Это вовлекло бы крестоносцев в очень тяжелую борьбу, если бы в эту минуту не прибыли провансальцы и не вступили с южной стороны в пробел осадного кольца. Когда вслед за этим — 17 мая — приблизилась главная армия султана, то к его полному изумлению на него свирепо напал граф Раймунд и обратил его в далекое бегство со значительными потерями. Не более

счастливы были сельджуки на других местах. сколько их спустилось с горы, — говорит очевидец, — столько их сложило свои головы в равнине. Говорят, что в этой битве христиане потеряли 3 000 человек, а неприятель 30 000.

Никея была теперь предоставлена самой себе, так как Килидж-Арслан вернулся вглубь Малой Азии для новых вооружений. При неуменье рыцарских войск осаждать крепости осада шла медленно, тем не менее гарнизон стал опять трусливее, когда провансальцам удалось подкопом стены разрушить большую угловую башню и особенно когда византийцы привели легкие суда, тайно ввели их в Асканское озеро, снабдили их людьми и этим импровизированным флотом угрожали нетронутой до тех пор западной стороне города. Опять явилась прежняя склонность к сдаче и тем более, что Алексей предложил осажденным открыть ворота только для его войск, и он им даст самые легкие условия. Скоро они уговорились. Византийские командиры флота и небольшого сухопутного войска, которое пришло тем временем, сговорились с крестоносными князьями предпринять всеобщий штурм, и когда — 19 или 20 июня — он начался, императорские полки были вдруг впущены, ворота заперты, а пилигримы обмануты, лишившись вознаграждения за битвы.

Конечно, Алексей достиг этим большого успеха. Он выиграл самый важный город западной Малой Азии, столицу своего самого опасного противника. Но не мог ли он овладеть им иначе, более благородно, если бы заранее объявил пилигримам, какую часть добычи он безусловно должен был иметь для себя и какую часть уступил бы во всяком случае им? Надо полагать, что у его союзников по крайней мере достало бы политического смысла, чтобы понять, что нельзя было не допустить для него расширения его империи в Малой Азии. Но он сначала вынудил у них ленную присягу, а потом оскорбительно обманул только что приобретенных вассалов. Он понял, что должен сколько возможно успокоить негодование крестоносцев, которые поднялись с угрожающей силой, и поэтому он предложил всему войску самое богатое вознаграждение за сокровища, которые оно могло бы получить в завоеванной Никее. Князья согласились на это, и Алексей также сдержал свое слово, но, конечно, он этим добился только того, что злоба пилигримов против него не оказалась на деле. Император, по горьким словам

одного из участников похода, дал столько, что он всегда будет называться предателем и проклинаем народом.

Через несколько дней Алексей снова собрал крестоносных князей, чтобы посоветоваться с ними о продолжении предприятия. Так как самый важный для него предмет войны был у него в руках, то он хотел теперь предоставить пилигримам одним идти дальше, но хотел все-таки, чтобы до расставания была возобновлена ими ленная присяга, и обещал за это последовать за ними потом с византийским войском для участия в борьбе с сельджуками. Князья поклялись, как он; даже Танкред, который из упрямого духа независимости до сих пор умел уклоняться от принесения присяги, смирился теперь после сильного взрыва его страстной души, в котором он скоро раскаялся и постарался загладить уступчивостью. Затем уговорились еще о дальнейшем маршруте войска пилигримов и об обеспечении его припасами, а также о союзниках, которых можно было найти против сельджуков. При этом, как показали последующие события, крестоносцы обнаружили большое военного и политического понимания, чем в них обыкновенно признают правда, единственное имя, которое при упоминании о таких вещах чаще называется в источниках — Боэмунд.

Поход через малую Азию

27 июня началось выступление всего крестоносного войска из Никеи на юго-восток. После двухдневного быстрого перехода по горным местностям, 1 июля, в долине Дорилеума, нынешнем Эски-Шере, они встретили неприятеля. Это был Килидж-Арслан, который не менее как с 150 000 всадников хотел отомстить падение своей столицы и выбрал очень благоприятный случай для битвы, потому что христиане по небрежности разошлись. Вблизи сельджуков находились только Боэмунд, Танкред, Роберт Нормандский и Стефан Блуа, в нескольких часах за ними беспечно шли своим путем Гуго, Роберт Фландрский, Готтфрид и Раймунд. Султан напал на первых с великой яростью. Но Боэмунд, способностям которого подчинялись остальные князья, выдерживал упорную оборонительную битву, пока не были извещены далекие сотоварищи и не вступили в боевую линию. Тогда сельджуки были не

только отброшены более сильным противником, но с большими потерями совсем разбиты.

Этим малоазиатская война в сущности была уже закончена. Килидж-Арслан опустошил еще только местности, через которые должны были пройти крестоносцы, именно ограбил при этом христианских жителей страны и со всеми магометанскими военными силами, которые он мог собрать по дороге, уходил все дальше на восток. При этом оказалось, что господство сельджуков в Малой Азии могло бы быть разрушено сравнительно легко и полуостров мог быть снова упрочен за христианами. Но пилигримы не думали о том, чтобы извлечь из этого пользы для самих себя: они вполне предоставили это византийцам. Поход войска шел через Синнаду, Малую Антиохию и Иконию в Гераклею, нынешнюю Эрегли. Но временами приходилось терпеть крайнюю нужду, потому что сельджуки «ужасно опустошили Малую Азию, некогда самую плодоносную страну». Все тягости были, тем не менее, перенесены бодро. «Мы не понимали друг друга», — говорит один французский крестоносец, — «но мы были единокорны в любви, как братья: потому что это подобает праведникам, которые идут к Святым местам».

От Эрегли предприятие приняло очень своеобразный вид. Дело в том, что в последнее поколение, когда сельджуки продвинулись из Ирана на запад, большая часть армянского народа мало-помалу покинула свои прежние места и искала себе новой, более спокойной родины в северо-западной Месопотамии, Каппадокии, Киликии и северной Сирии. Правда, вскоре переселенцы были и здесь настигнуты теми же врагами, но оказали им упорное и храброе сопротивление и особенно воспользовались распадением великого сельджукского государства за последнее время для того, чтобы утвердить или вернуть себе свободу. В эту минуту на севере и на юге от Тавра и далеко на востоке от него и даже за Евфратом существовал целый ряд самостоятельных армянских князей, среди которых особенно выделялся Константин сын Рубена, в Киликии, и Торос — в Эдессе. Крестоносцы скоро поняли, что эти армяне могли бы быть им отличными союзниками и потому уже во время осады Никеи или тотчас после падения города отправили послов к этим князьям. Кроме того, самым способом военного похода они старались теперь, сколько возможно на большем пространстве, при-

зывать армян к оружию против сельджуков

Потому что крестоносное войско пошло из Эрегли не по тому пути, который ближе всего привел бы к цели, через Киликию в Сирию, но далеко обогнуло Тавр на севере. В Киликию были посланы только Танкред и Бальдуин, брат Готтфрида, с небольшими отрядами, которых и было совершенно достаточно, чтобы привести в движение армян и прогнать раскинутые между ними отдельные гарнизоны сельджуков. При этом два эти князя начали между собой отвратительную ссору, потому что в этой области, принадлежащей уже больше к Сирии, чем к Малой Азии, Танкред тотчас попробовал основать норманнское господство, о котором мечтал Боэмунд. Бальдуин воспротивился этому и действительно вытеснил его из Тарса; несмотря на то, стремление Танкреда не совсем осталось без последствий, главным образом потому, что лотарингец отправился дальше за новыми предприятиями

Между тем главное войско шло через Цезарею и Коману в Коксоп и наконец по очень тяжелым горным дорогам в Мараш. Везде находили армян в горячей борьбе с сельджуками, щедро их поддерживали и даже оставляли среди них гарнизоны. В Мараше Бальдуин сошелся с главным войском, но вскоре опять отделился от товарищей. С немногими рыцарями он отправился на юго-восток к так называемому Евфратезе, приобрел расположение армян, во многих небольших схватках разбил сельджуков, словом, имел такие успехи (1097—1098), что, наконец, князь Торос из Эдессы пригласил его к себе. Граф тотчас двинулся в путь, несмотря на преследование неприятеля, счастливо достиг отдаленного города и был объявлен от князя наследником его владчества. Но уже несколько недель спустя он не был этим доволен, и так как жители Эдессы также хотели, чтобы Торос отказался и на престол был возведен Бальдуин, то сначала принудили первого сложить с себя свое достоинство, а потом дико возбужденный народ жестоко убил его (март, 1098). Участие графа в этом смертоубийстве доказать нельзя. Тем не менее он вполне им воспользовался, так как мог вполне безопасно взять в свои руки бразды правления. С тех пор он твердо и благоразумно правил многочисленным населением Эдессы, и этим сильным положением очень скоро достиг величайшего значения для счастливого продолжения крестового похода

Но обратимся к главному войску, которое мы оставили при Мараше. Поход его вообще направился оттуда на юг вдоль Фрина к Оронту 21 октября 1097 года войско достигло Антиохии, где и около которой христианам пришлось более года переносить самые жестокие битвы и самые тяжелые страдания всей этой войны.

Осада Антиохии

Антиохия в те времена была еще одним из самых больших и красивых городов прибрежных стран Средиземного моря. На расстоянии одного дня пути от моря она далеко раскинулась по южному берегу Оронта частью в богатой долине, частью на крутых горах. Западная и южная стороны, расположенные на горах, были совсем неприступны для средневекового военного искусства; почти то же на северной и восточной стороне на равнине — городские стены были такой толщины, что по ним могла проехать четверка лошадей, и их прикрывали и господствовали над ними 450 башен. Повелителем этого страшного укрепления был эмир Баги-Зиян, свирепый и грубый, но упрямый и энергичный воитель, у которого было в распоряжении очень хорошее войско. Поэтому крестоносцы едва ли бы могли питать какую-нибудь слабую надежду завладеть этим местом, если бы им опять не помогло сильное расстройство сельджукского владычества. Сирия раздробилась в то время на множество эмиратов, которые не только враждовали друг с другом, но часть их вместо багдадского халифа признала своим властелином фатимидского государя Египта, и таким образом в свои мелкие местные раздоры они вмешали ту ожесточенную вражду, которая разделяла магометанский мир. Во главе друзей Багдада стоял Декак, владелец Дамаска, в то время, как самым значительным сторонником Фатимидов был эмир Ридван в Галебе. Баги-Зиян был до сих пор на стороне последних, но теперь с быстрой решительностью перешел к первым, потому что надеялся найти у них, и что было еще важнее, у сельджукских эмиров внутренней Азии и у самого султана Баркьярока самую надежную помощь против христиан. Он не совсем обманулся в этих ожиданиях, но сильное вспомогательное войско, которое ему прислал султан для спасения Антиохии, пришло

в конце концов слишком поздно.

Крестоносцы начали осаду большого города очень небрежно, ограничиваясь сначала тем, что заняли позицию на прекрасной равнине Оронта в виду расположенных там башен и крепостных стен. Норманны и северные французы расположились на восточной стороне, лотарингцы и провансальцы — на северной, на других сторонах не было поставлено даже сторожевых отрядов. К этому прибавилось еще то, что после трудностей прежних битв и переходов все войско с восхищением, но и с крайне легкомысленной невоздержанностью наслаждалось богатством райской местности, и поэтому ему скоро стала угрожать крайняя нужда. Баги-Зиян, как только заметил глупость своих противников, самым удачным образом ею воспользовался. Его легкие войска выходили из города со свободной стороны и постоянно беспокоили набегами христианский лагерь и по временам делали невозможным подвоз съестных припасов. Тогда нужда дошла до голода и в то же время зима напомнила о себе сильными бурями и бесконечными ливнями. Как всегда в подобных случаях, в христианском лагере, кроме того, появилась эпидемия, жертвою которой во всех частях войска пала седьмая его доля. Неудивительно, что дисциплина войск ослабела и небезопасно распространялось безнадежное настроение.

Но эти беды еще можно было преодолеть, если бы только сделанные вначале ошибки были исправлены. Необходимо было прежде всего обеспечить правильный подвоз и достаточно обложить город. Относительно первого главным образом помогли дружественные связи с армянами, которые мало-помалу доставили необходимейшее продовольствие; обложение города также было мало-помалу достигнуто, когда вокруг него на главнейших пунктах расположили укрепления. Так, прежде всего на востоке, где, по желанию Бозмунда, была занята господствующая горная вершина и снабжена башней; затем к северу от Оронта, чтобы запереть мост, который был переброшен через реку с северо-западного угла города и который до сих пор представлял осажденным самое удобное положение для того, чтобы различным образом беспокоить христиан; и наконец, на крайнем западе, где Танкред вдали от товарищей, но на опасном посту именно чувствуя себя в своей стихии, утвердился в развалинах монастырских зданий и оттуда неутомимо наблюдал за всей горной

окрестностью и этим успешно закончил блокаду Антиохии

Постройка упомянутого второго укрепления перед мостом через Оронт сделала притом еще шаг вперед. Потому что рядом с рыцарским войском, за действиями которого мы до сих пор следили, с некоторого времени стали появляться другие отряды пилигримов. Это были моряки с далекого севера, с немецких, французских и английских берегов; кроме того, генуэзцы, за которыми скоро должны были прибыть пизанцы, частью настоящие крестоносцы, но частью бездомные искатели приключений, даже не пользовавшиеся хорошей славой морские разбойники. Когда великое рыцарское войско изнутри Малой Азии приблизилось к берегам Средиземного моря, то подошли целые флоты таких людей. Уже в Киликии Бальдуин и Танкред нашли в них поддержку; а когда предположено было сооружение замка у моста, то одна эскадра расположилась на якоре в бухте св. Симеона, в конце долины Оронта, команда ее казалась пригодной, чтобы помочь при постройке крепости. Боэмунд и Раймунд повели их сюда, но по дороге на них напал сильный отряд Баги-Зияна. Чтоб отомстить за это, поднялся весь христианский лагерь и началась всеобщая битва, которая, особенно благодаря сильному натиску Готтфрида и его лотарингцев, окончилась кровавым поражением неприятеля. После этого осажденные уже не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы в открытом поле принять сражение с христианами.

Между тем сирийские эмиры сделали несколько попыток выручить Антиохию. Сначала, исполняя этим надежды Баги-Зияна, поднялись с большими силами князь дамасской партии, в конце 1097 года, но на дороге и еще далеко от их цели они натолкнулись на христианское войско в 30 000 человек, которое Боэмунд и Роберт Фландрский вывели из Антиохии, чтобы собирать продовольствие. 31 декабря произошла кровопролитная битва, в результате которой сельджуки, хотя едва побежденные, не рискнули идти дальше и даже совсем отказались от своего предприятия. Затем через несколько недель Ридван галекский и его друзья, поддаваясь все возросшему возбуждению магометанского мира, произвели нападение, но не с большим успехом, чем его предшественники. Потому что, когда их войско достигло долины Оронга, 3 февраля, оно было храбро встречено крестоносцами и

вынуждено к отступлению, особенно хорошо рассчитанным отпором Боэмунда и его отряда. Но после того как эти отдельные попытки освобождения были отражены, князьями пилигримов было наконец возведено, что один из самых сильных сельджукских эмиров, Кербога Мосульский, по поручению султана Баркьярока, произвел обширные вооружения в неприятельских областях и приближался теперь с востока с почти бесчисленным войском. Если бы оно подошло к Антиохии прежде падения города, то христианам едва ли могло оставаться что-нибудь кроме почетной гибели.

Здесь решил вопрос Боэмунд. Антиохия давно была целью его стремлений, и с некоторых пор он уже делал приготовления к тому, чтобы обеспечить за собой будущее владычество в этом городе. Высокопоставленного византийского офицера Татикия, который до сих пор сопровождал крестоносцев и был представителем интересов императора Алексея, он удалил из лагеря, напугав его лживыми предостережениями о дурных замыслах остальных князей; а всех этих князей, за исключением графа Тулузского, он хитрым отказом принимать дальнейшее участие в войне, если ему не будет обеспечено вознаграждение, довел до обещания передать ему впоследствии Антиохию. Кроме того, ему удалось приобрести сторонника и внутри осажденного города. Потому что, хотя Баги-Зиян оказал большие услуги своим подданным как неустрашимый воин, но благодаря своей грубой суровости не мог рассчитывать на прочную верность их. Один армянский ренегат, Фируз, командир угловой башни на западной стороне города, чтобы отомстить насилие, сделанное над ним эмиром, решился сдать город христианам и поэтому обратился к Боэмунду, который казался ему настоящим предводителем всего крестоносного войска. Норманн с радостью вошел в сношения с армянином и объявил своим товарищам князьям, что может открыть им город, но что сначала они должны еще раз подтвердить, что ему будет принадлежать господство. Против этого некоторое время возражали, указывая на то, что ленная присяга, данная императору, не согласовалась бы с таким распоряжением относительно Антиохии. Тогда Боэмунд сделал вид, что отказывается от дела, и ждал с ледяным спокойствием до тех пор, пока не стали доходить вести, какую громадную силу собрал эмир Мосульский и как уже близко он подо-

шел, и до тех пор пока вследствие этого князя единогласно и даже без возражений со стороны графа Раймунда, не подтвердили, что он получит Антиохию, если выведет их из этого тяжелого положения.

Как только это было решено, Боэмунд приступил к делу. Вечером 2 июня 1098 года он вывел часть своего войска в горы и далекими обходами в течение всей ночи привел свой отряд к подножию башни, где начальствовал Фируз. На заре сам князь поставил штурмовую лестницу. Его воины поднялись наверх и ворвались в город. Снаружи товарищи сделали самое яростное нападение. Сельджуки, взятые совершенно врасплох, оказали мало сопротивления. Скоро были открыты ворота; бегство, убийство и преследование неистовствовало по всем улицам; Багизян бежал через небольшие ворота, но был открыт в горах и убит; только его сын, Шамс-Эддевет, собрал несколько тысяч человек, пробился с ними в цитадель, и удерживал этот важный пункт, несмотря на отчаянные штурмы, которые Боэмунд тотчас направил против него.

Масса войска мало беспокоилась этой неполнотой успеха и той ужасной опасностью, которая грозила с востока. Жители завоеванного города, которые не были христианами, все были перебиты и дома их дочиста разграблены. Немногие запасы, которые еще оказались после долгой осады, были уничтожены в диких пирах. Никакой княжеский приказ не мог усмирить буйствовавших.

Борьба с Кербогом мосульским

Через три дня прибыл Кербога. Он привел с собой 300 000, по другим сведениям даже 600 000 человек и мог бы давно уже прибыть к Антиохии, если бы, ошибочно понимая свою главную задачу, не пытался взять сначала Эдессу. Здесь граф Бальдуин оказал ему храброе и искусное сопротивление и те три недели, которые сельджуки бесполезно провели под стенами месопотамской крепости, быть может, спасли христианское войско при Антиохии. Но и теперь еще вопрос, не был ли уже близок последний час крестового похода?

Потому что Кербога со своими более сильными войсками так обложил город, что христиане ни с какой стороны не могли доставать продовольствия и им снова

близко грозила самая крайняя нужда. Когда это было достигнуто, эмир 9 июня начал нападение, направив одну часть своих войск из цитадели внутрь Антиохии, а другую на восточную сторону крепости. Но при этом он не достиг никакого большого успеха, потому что крестоносцы тем временем вернулись к порядку и дисциплине, прикрыли город против цитадели как бы живой стеной, а на западе энергичным натиском прорвали линии осаждающих. Правда, в этом последнем месте сельджукам удалось опять соединиться, победоносно пройти вперед и даже проникнуть в самый город. Но скоро они увидели здесь ту же стену, как перед цитаделью, и должны были при больших потерях отступить.

Когда при этом оказалось ясно, что в этих пилигримах было еще чрезвычайно много мужества и силы, Кербоба переменил свой образ действий. Он расположил главную часть своего войска в безопасном отдалении, на северном берегу Оронта, на западе от города, при этом поддерживал осаду отдельными отрядами и нападал на христиан только с верху цитадели, но зато неутомимо, непрерывно и всегда со свежими войсками. Он надеялся таким образом, без собственной опасности, утомить страшных противников голодом и постоянным стеснением на их самом уязвимом пункте и наконец их одолеть. План был хорошо задуман и, казалось, должен был привести к победе, потому что нужда дошла в Антиохии до невыносимой степени. Голодавший народ с неистовой жаждой бросался на самые отвратительные вещи, если только они казались съедобными: траву, древесную кору, подошвы, панцирные ремни; падаль павших животных казалась при такой нужде драгоценнейшим кушаньем. При этом приходилось непрерывно биться в виду страшной цитадели, защищаться усталыми руками от хорошо накормленных и ежедневно обновлявшихся врагов. Это положение они выносили некоторое время с невероятной стойкостью; страшно было иногда видеть, говорит очевидец, как среди свалки кто-нибудь из сражавшихся падал, не раненый, а от истощения сил, засыпал и, если его не поражал меч врага, проснувшись, снова бросался в битву. Бесспорно, в эти дни пилигримам пришлось вытерпеть больше и сражаться с большим геройством, чем в какое-либо другое время всего крестового похода.

Но не все были так мужественны. Иные отчаивались.

в деле христианского мира и переходили к неприятелю. Другие на веревках спускались ночью со стены, старались в тайном бегстве добраться до морского берега и там найти спасение, которое казалось им уже невозможным в Антиохии. Сначала таких беглецов — их называли веревочными бегунами — было немного и все это было простые люди; мало-помалу они стали бегать целыми отрядами, среди которых были известные рыцари и знатные господа. К числу их надо отнести даже одного из князей войска, графа Стефана Блуаского. Правда, он еще до занятия Антиохии ушел из лагеря единоверцев к берегу, потому что уже тогда впечатление всеобщей опасности овладело его слабым духом. Теперь же для него все кончилось: он торопился сесть на корабль и отправился в Малую Азию, так как здесь, в Сирии, по его мнению уже все было потеряно. Эти дурные примеры мало-помалу действовали разлагающим образом на все войско. Вдруг по городу разнесся слух, что все князья намериваются бежать. Тотчас толпы в диком смятении бросились к воротам, разразилось бы окончательное бедствие, если бы епископ Адемар и Боэмунд не остановили и не привели в себя бушевавших людей.

Но крайняя нужда производила и другие страстные настроения. Голодавшие и страдавшие молились с возрастающим возбуждением, доводили себя до небесных видений и находили утешение в явлениях всех святых, Святой Девы Марии и самого Иисуса Христа. Однажды простой провансалец Петр Бартоломей пришел к графу Раймунду и заявил, что святой Андрей показал ему копье, которым было прободено тело Христова на кресте; оно зарыто в церкви Петра в Антиохии, и, владея им, можно будет освободиться от всех бед. Граф, склонный ко всем мистически-аскетическому, послушал этого человека. Было решено очистить церковь, двадцать человек копали целый день; наконец вечером — потому что копье надо было найти — оно было найдено глубоко запрятанным в землю неподалеку от ступеней главного алтаря.

Подобные вещи снова опять оживляли надежду на спасение. Но к решительной битве должны были привести не мечтания фанатиков, но спокойная твердость мирского благоразумия. Князья назначили Боэмунда на 14 дней главным предводителем войска с неограниченной властью. Боэмунд прежде всего обуздал неповиновение войск,

приказав у некоторых отрядов, которые опять вдруг в упадке мужества отказались от битвы, поджечь их квартиры, причем более 2 000 строений обратились в пепел. Затем, он приготовился сделать вылазку со всеми силами, на победу или на гибель. Потому что ничего не оставалось: или выгнать и разгромить врага вне крепости, или внутри ее умирать с голоду. Боэмунд озаботился о плане битвы; ярость воинов была усилена молитвой и постом; но лошадей заботливо накормили.

Прежде чем выступить в бой, были посланы к Кербоге послы, чтобы склонить его к миролюбивому отступлению. Эмир сурово отвечал, что оставляет только выбор между обращением в ислам или смертью. С этим был брошен жребий, но он выпал для христиан благоприятнее, чем они могли ожидать. Потому что они могли располагать не более как 150 000 изнуренных воинов, часть которых должна остаться в городе для прикрытия от цитадели, а противник был в несколько раз сильнее; между тем старое расстройство сельджукского мира снова сказалось и здесь. Под знаменами Кербоги находились Ридван галекский и Декак из Дамаска и сеяли раздор; эмиры и старейшины племен ссорились друг с другом и все сильное вооружение Востока было уже близко к тому, чтобы разрушить самого себя. К этому присоединилось то, что Кербога высокомерно не хотел видеть этих недостатков собственного войска, а христиан считал уже неспособными к серьезной борьбе.

Поэтому, когда утром 28 июня крестоносцы вышли на битву, эмир дал им беспрепятственно перейти мост через Оронт и занять на северном берегу позицию против него. Быстрый удар на двигавшиеся колонны, быть может, сразу обеспечил бы ему победу, но он не видел для себя надобности в этом. Только тогда, когда три четверти крестоносного войска широким фронтом начали нападение, сельджукский отряд на хороших лошадях старался зайти к ним с фланга и тыла, но был здесь твердо встречен Боэмундом и после горячей битвы обращен в бегство. Это оживляющим образом подействовало на наступательное движение христианского фронта и так как одновременно с этим в магометанском войске внутренние ссоры кончились всякого рода неурядицами, то эмиру мосульскому не оставалось ничего больше, как скорее отдать приказ об отступлении. Во время этого отступления

сильная армада совсем рассеялась; богатый лагерь ее доставил победителям громадную добычу и, освободившись от ужаснейшей опасности, они чувствовали себя легче и лучше, чем сами могли надеяться даже в смелых мечтах.

Во время всех этих битв за Антиохию, или даже с самого начала крестового похода, среди крестоносного войска нашлись прилежные перья, которые старались изобразить черта за чертой ход событий. Мы обязаны им не только рядом простых и правдивых рассказов, которые имеют неоцененное достоинство для изучения истории того времени, но, кроме того, литературными произведениями еще другого рода. Потому что страстное возбуждение, в котором с самого начала находилась огромная масса пилигримов и которое еще возросло в течение войны, с ужасающей силой подействовало на головы рассказчиков. Им казалось как бы чудом, что они жили теперь на далеком Востоке, среди магометан, в роскоши сирийского ландшафта, вчера еще в смертельном бедствии, сегодня — спасенные и обеспеченные блестящей победой. Спокойное наблюдение пропадало; деятельность фантазии выступала на первый план и скоро густая ткань саги окутала всю историю крестового похода. Героические подвиги, свидетелями которых они были, баснословно преувеличены; к ним придумывались новые и все они связывались с именем того крестоносного князя, к отряду которого принадлежал рассказчик. Так возникла слава Готфрида и Гуго, Раймунда и Роберта, которой они не заслужили, несмотря на всю свою храбрость. Рядом с этим были выдуманы происшествия, которые не имели почти никакой связи с действительными событиями, как, например, трогательная сага о датском королевиче Свене, который будто бы после ухода великого крестоносного войска из Никеи двинулся через Малую Азию со своею невесткой Флориной и 1 500 рыцарей, был предан греками сельджукам, которые напали на него в лесной чаще и убили его и весь его отряд. Но всего больше влияния эта бессознательная творческая деятельность оказала на переработку истории Петра Амьенского.

Мы оставили этого странного полководца, когда он, незадолго до истребления его крестьянского войска на малоазиатском берегу, вернулся в Константинополь. Там он ждал прибытия князей и рыцарей и в их свите совершил настоящий крестовый поход. При нем, конечно, оста-

лись некоторые из его старых товарищей, к которым мало-помалу примкнул разный простой народ, нищие и мародеры, так что, наконец, опять образовалась большая толпа, похожая на ту, которой прежде повелевал Петр, но еще более грубая. Правда, по словам саги, во главе ее был военный предводитель, которого сами подчиненные в шутовском настроении называли турецким словом: король Тафур, принц нищих. Но в действительности главой этих людей был Петр, и сияние святости, которое озаряло его личность, придавало ему известное значение и в остальном войске. В январе 1098 года, когда у Антиохии нужда христиан достигла высшей степени, Петр, правда, пережил момент малодушия и вместе с другими крестоносцами обратился в бегство. Но Танкред догнал его и заставил вернуться. Вскоре после этого он опять занял такое видное положение, что, например, незадолго до решительной вылазки христиан из Антиохии, на него было возложено то посольство к Кербеге, от которого старались уклониться все знатные господа. А вскоре после победы над мосульским войском, его, кажется, избрали кроме того распорядителем известного рода кассы бедных, которая была основана для поддержки немощных в войске.

Нищенский народ так называемого короля Тафура изливался в похвалах Петру, точно так же, как лотарингские рыцари на первый план в своих рассказах ставили своего герцога Готфрида, французы — графа Гуго, брата святого короля. И поэтому здесь надо искать источник тех бесконечно повторяющихся саг, по которым Петр, по поручению самого Иисуса Христа, призвал Запад к крестовому походу. Среди этих нищих могли быть люди, которые возвещали в песнях эти произведения мечтательной фантазии. Другие пилигримы также чувствовали подобное настроение и, таким образом, возникли мало-помалу обширные циклы песен, которые содержат в себе в самой пестрой смеси правду и вымысел, историю и сагу, и рядом с глубоко религиозным настроением крестоносцев дают часто удивительное выражение и самому необузданному настроению, что достаточно видно из стихов, которые рассказывают о жизни нищих в лагере под Антиохией¹

¹ Эти стихи переведены с французского подлинника Эмануэлем Гейбелем и в этом виде изданы были в первый раз Зибелем в названных лекциях «Aus der Geschichte der Kreuzzüge».

Я хочу рассказать вам о нашем крестоносном войске, которое расположилось в городе лагерем. Его тяжело давит дороговизна, его запасы выходят, оно очень нуждается. Господин Петр Пустынник сидит перед своей палаткой, и к нему пришел король Тафур с толпой человек в тысячу, которую терзал голод. «О, господин, помоги нам, взгляни на нашу нужду. Мы должны умереть с голоду, сжался над нами Бога ради!» Господин Петр отвечал: «Прочь, простофили, прочь, ленивцы! Разве вы не видите везде вокруг себя мертвых турок? Это — прекрасная пища, если ее посолить и изжарить». Тогда сказал король Тафур: «Вы очень умно рассудили». Он покидает палатку господина Петра и отправляет своих людей. Их больше чем десять тысяч и все они в одном месте. Они сдирают кожу с турок и хорошо их потрошат, варят и жарят мясо к пиру. Им это порядком нравится: они едят его не соленым и с хлебом. Иной, прищелкивая, говорит соседу: «Пост прошел, всю свою жизнь я не буду желать лучшего кушанья и предпочитаю его свинине и жирной ветчине; дайте нам им полакомиться, пока мы свалимся». Тогда приходят с графом Робертом Танкред Бозмунд и герцог Бульонский, который пользовался большим почетом. Они идут в латах, вооруженные с ног до головы, приносят они свое приветствие королю Тафуру. Они спрашивают его, смеясь: «Ну, как вы поживаете? Скажите». «По правде, — отвечает король, — я солгал бы, сказав: плохо, если бы у меня только было чего выпить! В еде нет недостатка». — «Хорошо, — говорит герцог Готфрид, — я достану вам что нужно» Он велит подать кружку своего хорошего вина: «Пейте вино, король Тафур» Оно сладко в него вливается.

С ужасом смотрят осажденные со стен и башен Антиохии на этот пир и сам Баги-Зиян кричит Бозмунду:

«Звук был донесен ветром — «Клянусь Магометом, вам никогда не давали хороших советов; гнусно так посрамлять мертвых». Но Бозмунд отвечает — «Господин, то, что здесь было сделано, приказали не мы, и мы в этом невиновны. Это придумал король Тафур с его дьявольской шайкой. Они все ужасная сволочь. Нам очень прискорбно, что вас оскорбило видеть турецкое мясо в виде дичи. Но мы, Боже сохрани, не коптим его»

Крестоносцы после победы

Смелое высокомерие, которое выражается в этих стихах, могло, конечно, одушевлять ряды христианского войска в иную хорошую минуту, и особенно после изгнания Кербоги. Но, несмотря на всю радость победы, крестовый поход не сделал теперь никаких дальнейших успехов и мало-помалу пришел в прискорбный застой. Потому что, прежде всего князья решили дать отрядам некоторое время для отдыха после стольких страданий и битв. После этого многие отряды покинули Антиохию, чтобы в окрестной стране искать себе продовольствия и в партизанской войне приобрести, по возможности, больше добычи от соседних сельджукских эмиров. Но большое количество пилигримов осталось в завоеванном и после долгой осады весьма нездоровом городе и тут, во время жаров летом 1098, появилась прилипчивая болезнь, от которой погибли тысячи людей и, между прочим, даже епископ Адемар Пюи, папский легат (умер 1 августа), единственный человек, в котором до сих пор видимо выражалось единство крестоносного войска и который действительно неустанно старался поддержать согласие князей и дисциплину в войске. Об этой смерти надо было сожалеть тем более, что именно в это время пилигримы перессорились до того, что уже готовы были поднять друг на друга оружие. А именно Боэмунд требовал, чтобы Антиохия была теперь предоставлена ему в полное владение; Раймунд вернулся к своему прежнему возражению и упрямо объявил, что город должен быть предоставлен императору Алексею. Боэмунд решительно отказался это сделать, и его решению очень благоприятствовало то, что произошло со стороны византийцев.

Дело в том, что после того, как крестоносцы направились от Никеи в Сирию, византийцы со своей стороны продолжали бороться с сельджуками и вначале достигли решительных успехов. В западной малой Азии в их руки попали Смирна, Эфес и Сарды, Филадельфия и Лаодикея; внутри полуострова император Алексей сам победоносно прошел Фригию и в июне 1098 года достиг Филомелиума. Но здесь к нему пришли дурные вести: упомянутые веревочные беглецы и во главе их граф Стефан Блуаский, ища у него защиты, рассказали, какое у Кербоги огромное войско и как стеснена Антиохия. Вскоре

дела получили даже такой вид, что крестоносцы считались окончательно погибшими и что при дальнейшем движении вперед византийцы бесполезно подвергнутся величайшей опасности. Поэтому, вместо того, чтобы во что бы то ни стало попытаться освободить Антиохию, император, напротив, пришел к решению совершенно окончить поход. Он принял только еще некоторые меры для того, чтобы по возможности обеспечить границы вновь приобретенных провинций, и затем мирно возвратился.

Должно ли было после этого представлять византийцам эту Антиохию, которая была и завоевана и удержана исключительно кровью крестоносцев? Конечно, Бозмунд с самого начала имел за себя настроение большинства товарищей, когда он поднял против этого протест. Правда, князья еще раз собрались для того, чтобы послать по этому делу к Алексею великоленное посольство под предводительством графа Гуго Вермандуа, но для ближайшего времени оно не оказало никакого действия, особенно потому, что граф Гуго, наскучив усилиями крестового похода, вернулся не в Сирию, а во Францию. Поэтому раздор между Раймундом и Бозмундом развивался все дальше и от предводителей войска распространялся на самых простых пилигримов. Потому что, как мелкий, жадный и завистливый Раймунд относился к гениальному и решительному Бозмунду, так относились и провансальцы к норманнам. У этих последних, говорит современник¹, гордый взгляд и живой ум; норманн быстро хватается за меч, впрочем, они любят расточать и не умеют приобретать. Провансальцы, напротив того, как курица около утки, живут плохо, ревностно приобретают, они трудолюбивы, но менее воинственны. К этому присоединялось глубокое различие обеих народных масс в отношении религиозного чувства. Провансальцы были проникнуты горячим мистическим стремлением, тогда как норманны, а с ними и остальные французы, были издавна настроены несколько холоднее, и вера первых в чудеса встретила наконец у последних насмешки и сомнения. Теперь, после изгнания Кербоги, священное копье подало

¹ Приведенная характеристика, правда, относится собственно только к французам и провансальцам; но при этом имелась в виду вообще противоположность северно-французского и норманнского характера к провансальскому

повод к множеству соблазнов. Боэмунд смеялся над ним: его единомышленники говорили об обмане и не хотели даже похвалить, что он хорошо выполнен, всякого рода ссоры охватили все христианское войско.

Так прошли лето и осень 1098 года и не было предпринято сборов для продолжения крестового похода. Боэмунд и норманны могли легко переносить эту медлительность, потому что в сущности они достигли своей цели. Раймунд также никак не хотел покинуть Антиохию, чтобы не оставить там противника свободным; но в его войске, в конце концов, над ненавистью к Боэмунду взяло верх горячее стремление закончить странствие к Святым местам и помолиться при Святом Гробе. «Если князья, — говорили в войске, — отказываются идти в Иерусалим, то мы и без них пойдем к Гробу Господню; и если спор об Антиохии будет продолжаться, мы лучше разрушим этот город». Раймунд испугался, узнав об этом настроении, которое в особенности грозило уничтожить его авторитет, тотчас отдал приказ о выступлении из Антиохии и (в конце ноября) двинулся со своими людьми на восток в глубь Сирии, к Маарре, в то время немаловажному, хорошо укрепленному и цветущему городу. Но только что он приступил к ее осаде, как прибыл Боэмунд, чтобы своим участием в битве помешать Раймунду одному стать господином этого места. Вскоре затем город был взят; провансальцы и норманны заняли его одновременно и тот же разлад, который свирепствовал относительно Антиохии, поднялся и об Маарре, так что опять надолго не было речи о продолжении крестового похода. Провансальцы впали в настоящее отчаяние и, наконец, исполнили над Мааррой ту угрозу, которая была у них на уме против Антиохии, т. е. они в диком восстании разрушили почти весь город и этим заставили графа Раймунда отправиться во главе их дальше на юг. Боэмунд с удовольствием увидел, в каком стесненном положении был его соперник, и воспользовался удобным случаем для быстрого нападения на несколько укрепленных зданий в Антиохии, где оставшийся отряд провансальского войска защищал притязания своего господина. Он одолел их и с тех пор действительно стал единственным хозяином прекрасного города на Оронте. Раймунд был доведен этим до такого гнева и зависти, что тотчас решил сделать еще одну попытку достичь подобного счастья. Вместо того, чтобы

остаться на прямом пути к Иерусалиму, он повел свое войско к берегу, полный горячего желания подчинить себе город и страну эмира Триполисского. 14 февраля 1099 года он достиг первой триполисской местности, крепости Ирки, и начал ее осаду. При нем было еще несколько крестоносных князей, которые примкнули к нему уже по дороге; остальные также мало-помалу прибыли в лагерь под Иркой, кроме Боэмунда и Бальдуина Эдесского, которые не могли на долгое время покинуть своих только что приобретенных княжеств. Среди собравшихся под этой крепостью князей своеобразную роль играл Танкред, потому что он вступил на службу к графу Раймунду и тем не менее,— несомненно по поручению Боэмунда, которому основание провансальского княжества так близко от Антиохии должно было быть очень неприятно,— сколько мог противодействовал планам своего господина. Но когда вследствие этого возобновились старые споры, одна часть войска бурно стремилась в Иерусалим, а Раймунд, напротив, упрямо хотел остаться, в стан пилигримов явилось византийское посольство и просило отложить дальнейший поход на несколько месяцев, хоть до Иванова дня; к этому времени сам Алексей хотел прибыть в Сирию. Раймунд услышал это с великой радостью, потому что надеялся, что ему удастся теперь удержать войско под Иркой и даже Триполисом до тех пор, пока оба эти места не будут завоеваны. Но его противники думали, что именно теперь необходимо было немедленно продолжать путь, потому что если ждать до Иванова дня и этим укрепить императора в его намерении, то он, прибыв в Сирию, несомненно прежде всего обратит свое оружие на Боэмунда. После долгого спора, теперь, как и прежде, дело решено было массой крестоносцев, главным образом провансальцами. Видения разгорячили умы; призыв идти в Иерусалим раздавался по всему лагерю: внезапно поднялись отряды, зажгли свои палатки и беспорядочными толпами двинулись на юг (середина мая). Раймунд плакал слезами ярости и бешенства; но он все-таки принужден был подчиниться, потому что большинство князей также было радо как-нибудь двинуться с этого места. Итак, наконец, крестовый поход направился теперь без остановки к своей последней цели.

Завоевание Иерусалима

Но здесь пилигримов ждала еще немалая работа, потому что новый противник только что завладел Иерусалимом Читатель помнит, что египетские Фатимиды из давна владели почти всей Сирией, а вместе и святым городом, и только в последние десятилетия были вытеснены оттуда сельджуками Принимая это в соображение, крестоносные князья уже во время осады Никеи возымели мысль, которая яснее чем какое-либо другое побуждение дает видеть, насколько эти мистически настроенные крестоносцы доступны были и мирскому здравому расчету, — а именно мысль — самим соединиться с Фатимидами, т е также погаными магометанами, для борьбы с общим сельджукским врагом Поэтому в июне 1097 г несколько рыцарей было послано в Каир, а египетские послы явились в христианском лагере под Антиохией, но предполагавшийся союз далеко не осуществился, потому что, на против того, Фатимиды, очевидно, считая сельджуков и крестоносцев совершенно истощенными в их жестокой борьбе, уже летом 1098 г попробовали одни сделать на падение на Иерусалим Оно оказалось удачным, и визирь Алафдаль, который в то время управлял в Каире от имени слабого халифа Мостали, послал сказать христианам, что они могут посетить святой город небольшими отрядами

Это, конечно, нимало не испугало крестоносного войска. Правда, численность его значительно уменьшилась, потому что после всех потерь от битв и от болезней и когда еще значительные силы остались в северной Сирии, из Ирки двинулось на юг только около 20 000 человек. Но воодушевление восполняло то, чего недоставало в численности, а сила сопротивления неприятеля была глубоко потрясена поражением Кербоги Поход шел вдоль берега, мимо богато населенных городов Бейрута, Сидона, Тира и Аккона. Их магометанские гарнизоны не отважились на битву и отчасти даже оказывали пилигримам помощь. Мало-помалу крестоносцы отдалялись от берега и пошли к Рамле и дальше в глубь страны. Когда было уже недалеко до Иерусалима, в войске нарушился всякий порядок. Движимые пламенным благочестием, отряды стремились к Иерусалиму, и когда, наконец, 7 июня перед их глазами встали стены и башни святого города, они пали на колени и прославляли Бога, который их туда привел

Роберт Нормандский и Роберт Фландрский расположились лагерем на северной стороне города У западной стены заняли место Танкред, Готфрид и, наконец, Раймунд, войска которого окружили также южную сторону Восточная сторона, где возвышается Масличная гора, оставалась незанятой Уже через несколько дней была сделана попытка штурмовать город, без всяких приготовлений, опираясь только на восторженное настроение войска. Нападение не удалось, и крестоносцы вынуждены были начать правильную осаду, которая в начале представила большие затруднения, потому что в окрестностях Иерусалима нельзя было найти достаточно ни воды, ни пищи, ни дерева для постройки осадных машин. Уже оказывалась серьезная нужда, когда к счастью в гавань Ионне прибыло несколько генуэзских кораблей и своими запасами вина и рабочих орудий доставили пилигримам желанную поддержку Мало-помалу удалось также привезти издалека столько дерева, что можно было сделать штурмовые лестницы и две большие подвижные башни. Когда эти работы близились к концу, то по требованию одного провансальского священника, которому епископ Адемар во сне дал на то приказание, все войско предприняло большую процессию вокруг Иерусалима, босое, но сильно вооруженное, чтобы в благоговении и молитве очиститься от своих грехов и испросить милость Божию для завоевания Святого города

После этого было сделано нападение Уже 8 июня к северной стороне крепости была придвинута одна башня, соединенными силами норманнов, лотарингцев и фландров. Но так как стены были здесь в особенно хорошем состоянии, то на другой день башню передвинули на восточную сторону. Другую башню на западной стороне, вследствие неудобства почвы, провансальцы могли пустить в битву только четыремя днями позже. С раннего утра 14 июля вверху и внизу свирепствовал самый ужасный бой, и на следующий день — как это обе стороны почувствовали — дело должно было решиться так или иначе. Еще 15 июля продолжали биться до послеполудня; тогда, в тот самый час, «в который некогда Иисус Христос пончил свои страдания», удалось перебросить мост с восточной башни; Готфрид и брат его Евстахий были в числе

первых на неприятельской стене¹. Одновременно с этим Танкред и Роберт ворвались в город через пробитую брешь, а вскоре после того посчастливилось одержать победу и провансальцам, которые были воспламенены явлением светлого рыцаря на вершине Масличной горы. С самой дикой кровожадностью князья и рыцари мстили за лишения и опасности, которые они преодолели: «до колен всадников и до челюстей лошадей росли груды трупов и текла кровь убитых». Корысть стремилась к сокровищам и в особенности Танкред торопился «искать золота и серебра, лошадей и мулов, домов, полных всякого добра».

Итак, цель была достигнута. Позор Иерусалима был наконец искуплен: крест восторжествовал над исламом. Но тотчас между победителями начались злые раздоры, которые грозили разъединить их еще до занятия города. Духовенство войска требовало именно, чтобы в Иерусалиме был посажен не светский властитель, а патриарх, и чтобы таким образом здесь основано было новое церковное государство. Этому воспротивились князья, но сами они еще не знали, кого сделать властителем святого города. Самым богатым из них и предводителем самого сильного войска был граф Раймунд. Ему предложили корону; но он отклонил ее, потому ли, что он действительно боялся «носить на этом месте земную корону», или потому, что недостаточно был уверен в своих собственных войсках, часто на него роптавших. Наконец, князья порешили возвести на престол герцога Лотарингского².

Но они провозгласили его не королем иерусалимским, а только защитником Святого Гроба, кажется, потому, что сам герцог в своем смирении просил еще более скромного титула. Таким образом — 22 июля 1099 г. — Готфрид Бульонский стал первым христианским властителем в освобожденном Иерусалиме и занял поэтому положение, которое составило его бессмертную славу, потому что тогда возникли сказания о чудесном происхождении гер-

¹ Ср. Перихта, «Beitrage zur Geschichte der Kreuzzüge», II, 37, Гагемейер, «Peter der Erzmile», стр 256, относит занятие города к 9 часам утра.

² Прежде чем обратиться к Готтфриду, князья, как говорят, предлагали корону еще герцогу Роберту Нормандскому, но получили и от него отрицательный ответ. Но это известие недостаточно подтверждается, чтобы относиться к нему с полной верой.

цога, о его прежних геройских подвигах в Германии и Италии, об его предводительстве над всеми крестоносцами, которых он, по божьему решению, через нужду и смерть довел до блаженной цели. Современники не знали, как прославить одаренного высокою благодатью человека, который должен был стать государем там, где «стояли ноги Иисуса Христа», и что бессознательно выдумали разгоряченные умы, то пели певцы, подобно тому, как мы уже видели это относительно Петра Амьенского; а из песен певцов это перешло в хроники историков и находило себе веру до наших дней.

Между тем, едва Готфрид вступил на престол будущего Иерусалимского государства, он увидел, что ему грозит сильное нападение. Потому что теперь пришел в Сирию египетский визирь Алафдаль с большой силой, чтобы опять отнять у христиан их добычу. Он привел с собой 20 000 человек, вероятно, тяжеловооруженных эфиопов, и при укрепленном приморском городе Аскалон присоединил к ним многочисленные арабские орды и отдельные рассеянные толпы сельджуков. Было счастьем для христиан, что это случилось прежде, чем разошлось их войско после взятия Иерусалима. И теперь по численности и хорошему вооружению магометане далеко превосходили их, но противники могли гордо надеяться, что после всех бывших до сих пор успехов этот последний им не изменит. 12 августа Готфрид вывел свои войска на битву перед воротами Аскалона. После горячей борьбы неприятельское войско было почти совершенно уничтожено, лагерь его захвачен и Алафдаль принужден к бегству морем. Даже Аскалон мог быть взят тотчас же, так как Раймунд уже начал успешные переговоры с гарнизоном, если бы Готфрид, который не хотел предоставить этого города графу, не сделал проволочки, от которой переговоры и совсем не удались.

Но хотя, таким образом, важный город остался в руках египтян, Фатимиды, как и сельджуки, были на некоторое время сделаны безвредными. Иерусалим был приобретен и обеспечен, и таким образом первый крестовый поход, в сущности, был доведен до конца.

ГЛАВА III

Норманны и греки от 1099 до 1119¹

Крестоносцы и император Алексей от 1099 до 1101

Как мы видели, первый крестовый поход дорого обошелся христианскому миру. С 1096 до 1099 года были потеряны сотни тысяч сильных людей и неисчислимые суммы денег и имущества. Но как ни были велики жертвы, которые принес почти каждый народ Европы, нельзя было бы сказать, что достигнутые тогда успехи были куплены слишком дорого. Потому что, с одной стороны, визан-

¹ Вилькен, «Geschichte der Kreuzzüge», т II, и другие, уже прежде названные сочинения. Затем Зибеля, «Abhandlung über des Königreich Jerusalem», напечатано в «Zeitschrift für Geschichtswis», — Берлин, 1845, т. III. Куглер, «Boemund und Tankred, Fürsten von Antiochien», Тюбинген, 1862.

тийцам удалось снова утвердиться в крепкой Никее, этой сопернице Константинополя, потом завладеть почти третьей частью Малой Азии и этим снова приобрести долго недостававшую основу для несколько обеспеченного государственного существования. С другой стороны, норманны счастливым ударом присвоили себе в Антиохии и вокруг нее тот город и страну Сирии, которая им и всему крестоносному рыцарству могли составить лучший и сильнейший опорный пункт для позднейших, все более широких и прочных завоеваний, и наконец в освобожденном Иерусалиме была достигнута цель, которая была всего ближе сердцу в благочестивых стремлениях большинства пилигримов. Но все это было достигнуто, несмотря на ошибки византийской политики, несмотря на завистливые ссоры отдельных крестоносных князей и несмотря на все превратности, которые пронесли от непокорности или от темноты мистических стремлений франкских войск. Поэтому не должно ли было теперь, после стольких побед, определиться будущее христианского Востока самым благоприятным образом?

Действительно, на это были в то время самые лучшие надежды. Потому что в 1099 г император Алексей повелевал большими военными силами, чем когда-либо раньше, и его некогда столь могучий противник Килидж-Арслан, уже не владетель Никей, а только султан Иконии, едва ли был в состоянии долго выдерживать византийские нападения, если бы только они были поведены энергично и непрерывно. В Константинополе можно было надеяться занять в короткое время и снова оживить всю Малую Азию, опять достигнуть старых армянских границ и навсегда отдалить магометанскую опасность от внутренней части империи. Таково же было положение вещей в Антиохии. Боэмунд все еще имел в своем распоряжении сильное войско, опирался на многочисленное христианское и особенно армянское население северной Сирии и мог довольно уверенно рассчитывать на прибытие новых войск из Европы. При всем этом не было слишком смелым задумать завоевание северной Сирии до Месопотамии и прибрежных стран до Палестины; и если бы притом Готтфрид и Бальдуин также постарались сколько возможно расширить свои владения в Иерусалиме и Эдессе, то в эти дни можно было серьезно думать об основании большого и сильного государства франкских рыцарей, но только в Антиохии.

Но если таким образом Малая Азия и Сирия должны были быть снова приобретены для греческого и римского христианства, то, конечно, должны были кончиться те многочисленные ошибки и глупости, сделанные до сих пор наверху и внизу; и прежде всего император Алексей должен был понять, что благо его государства заключалось не в покорении норманнов в прекрасной и далекой Антиохии, но в изгнании сельджуков из плоскогорий Фригии. Но теперь для всего христианского мира стало роковым то, что гордый Комнен и теперь еще не мог отказаться от одной части страны, принадлежавшей когда-то Византии, и что поэтому он предпочитал оставлять в покое сельджуков, чтобы только опять отнять у ненавистных норманнов их похищение. Еще весною 1099 года он выслал сухопутное войско и флот против Антиохии и этим сам начал ряд пагубных войн византийцев с крестоносцами. Сухопутное войско проникло в Киликию, но встретило там более сильное сопротивление от верных союзу армян и норманнов, и поэтому должно было радоваться, когда после похода на северо-восток ему, по крайней мере, удалось занять город и область Мараша. Флот имел на сирийском берегу также только небольшой успех. А именно, здесь значительный портовый город Лаодикея, населенный преимущественно греками, уже во время осады Антиохии попал во власть герцога Роберта Нормандского и был занят его войсками. При этом гарнизон хотя был не боэмундовский, но норманнский, и кроме того угнетал горожан непомерными контрибуциями; это было достаточным основанием для враждебных действий адмиралов императора Алексея. Когда флот начал осаду, то жители восстали, радуясь прибытию земляков, выгнали гарнизон и открыли ворота морякам.

Но тотчас перед городом появился Боэмунд, чтобы отомстить за оскорбление норманнов и защитить собственную выгоду. Он получил поддержку также и с другой стороны.

Потому что весною того года по побуждению папы Урбана сильный флот пизанцев под предводительством их архиепископа Дагоберта вышел в море и вследствие ли старой вражды к грекам или только соблазнившись дурными отношениями между греками и норманнами, но он тотчас обратился против Ионических островов, которые были совершенно опустошены. Алексей, получив это известие, с ревностными усилиями снарядил новый флот и

снабдил его всеми средствами византийского военного искусства. Пизанцы потерпели от сражений и бурь в открытом море, но, несмотря на это, вполне достигли своей главной цели, так как все еще с большими силами они пристали к берегу Сирии и именно в Лаодикее. Бозмунд склонил их принять участие в осаде этого города, и вскоре гавань с ее укреплениями была в руках союзников.

Второй греческий флот последовал до Кипра, принадлежавшего тогда императору Алексею, но чувствовал себя слишком слабым, чтобы решиться на освобождение Лаодикей. Но в это время, совсем с другой стороны, нашлась для осажденных неожиданная поддержка.

Потому что тем временем не только был завоеван Иерусалим и произошла битва при Аскалоне, но князья и рыцари, которые сражались там, на далеком юге, видели Святые места, по старому обычаю пилигримов купались в Иордане и нарезали пальмовых ветвей, пришли затем к тому мнению, что они во всех отношениях исполнили свой обет крестового похода и если не намеривались надолго поселиться в Сирии, то должны были возвратиться в Европу. Большая часть их, оба Роберта, Раймунд Тулузский и Евстахий Булонский с приблизительно 20 000 человек тотчас отправились к северу вдоль сирийского берега и находились лишь в двух днях пути от Лаодикей. Стесненные жители этого города, услышав об этом, поспешили отправить им навстречу смиренное посольство. В князьях тотчас же заговорила старая зависть к счастью Бозмунда, так что они вместо того, чтобы помочь товарищам, скорее решили принудить его к миру. Между крестоносцами готова была уже разразиться битва, когда епископ Догоберт стал между враждовавшими партиями и водворил мир, по крайней мере наружный. Лаодикейцы были признаны подданными императора; друг императора, граф Раймунд, занял укрепления города небольшим отрядом, который у него оставался; но прочие пилигримы, важные и простые, все, сколько пришло их сюда из Иерусалима, сели на суда в гавани Лаодикей (еще в сентябре 1099 г) и возвратились на родину.

Итак, византийская политика добилась тогда некоторых преимуществ над норманнами. Но это было скудным следствием довольно значительных усилий, тем более скудным, что эти преимущества были приобретены даже не исключительно собственными силами, но частью при помощи партии в среде самих крестоносцев. Отсюда следо-

вало, что военные силы императора Алексея не были достаточны для войны, которая в далеком будущем должна была вестись с умным и сильным противником, и они расточались совсем бесполезно. Правда, на первое время византийцам еще удалось занять несколько гаваней в западной части Киликии, но по существу и это не изменило положения вещей, так что, наконец, граф Раймунд (в начале 1100 г.) покинул Сирию и возвратился в Константинополь, очевидно потому, что со средствами, имевшимися в то время в распоряжении у него и его византийских друзей, он потерял всякую надежду на большие успехи, и особенно потерял надежду приобрести основу для провансальского княжества.

Поэтому Боэмунд временно увидел себя в счастливом положении для того, чтобы направить свои силы в другие стороны. Уже поздней осенью 1099 года он заявил графу Бальдуину Эдесскому, что теперь, когда Святой город попал в руки христиан, он хочет лично исполнить свой обет и у гроба Спасителя благодарить Бога за такие великие успехи. Бальдуин был готов принять участие в походе, а также и Дагоберт с пизанцами и, таким образом, в ноябре 1099 года собралось крестоносное войско в 25 000 человек, чтобы вдоль сирийского берега идти на юг к Иерусалиму. Большая численность этого войска служит доказательством того, какими силами располагал в то время властитель Антиохии, так как большая часть этого войска не были ни эдесцы, ни пизанцы, а норманны, и достаточное количество их было еще в северной Сирии, чтобы не оставить эту область беззащитной добычей возможных нападений сельджуков или византийцев.

В противоположность этому, в Палестине были тогда лишь очень небольшие военные силы, потому что Иерусалим и его окрестности особенно сильно пострадали от войн последнего времени между Фатимидами, сельджуками и крестоносцами: местечки лежали по большей части в развалинах, магометанские жители их были перебиты или изгнаны; издавна поселившиеся там христиане были малочисленны и бедны деньгами и имуществом.

Герцог Готфрид после того, как его покинули Роберт, Раймунд и Евстахий, имел в распоряжении не более 200 рыцарей и от одной до двух тысяч пехотинцев; а с уверенностью он мог рассчитывать только на большую половину этого небольшого отряда, потому что 80 из упо-

мянутых рыцарей, с соответствующей толпой оруженосцев, составили свиту Танкреда, единственного князя, который остался в Палестине, кроме «защитника Святого Гроба». Правда, оба властителя, и Готфрид и Танкред, ревностно старались дальше распространить в Святой земле силы христиан, но, конечно, при таких слабых средствах с таким же скромным успехом. Осенью 1099 года герцог начал осаду укрепленной гавани Арзуфа, на севере от Иоппе. Гарнизон ее привязал христианского рыцаря Гергарда Авенского, который был в его руках, к мачте и выставил его на стене. Крестоносцы не дали себя этим запугать; под их выстрелами рыцарь пал тяжело раненый, но, как говорят, остался жив и вернулся потом к своим землякам. После падения Гергарда христиане сделали попытку штурмовать город, но были отбиты и, наконец, истощенные, должны были отступить. В то же время Танкред направился на север Палестины, к Тивериаде, укрепился там и взял богатую добычу с дамаскинцев и с небольших окрестных эмиров. Готфрид назначил его князем Галилеи и этим сделал его вассалом будущего государства Иерусалимского; но еще могло быть сомнительно, не чувствовал ли себя Танкред более глубоко связанным со своими земляками в Антиохии, чем с лотарингцами в Святом городе.

Таково было положение вещей на крайнем юге христианского господства, когда 21 декабря 1099 г. Боэмунд, Бальдуин и Дагоберт достигли ворот Иерусалима. Прежде всего, они исполнили последнюю часть своего крестового похода в молитвах у Святых мест, а затем занялись делом, правда, церковным, но в то же время чрезвычайно важным для герцога Готфрида. Потому что, как только он был выбран в июле того года защитником Святого Гроба, собравшиеся в то время в Иерусалиме пилигримы поставили там патриарха. Это был Арнульф, прежде капеллан Роберта Нормандского, человек темного происхождения, но деятельный и ловкий, которому, кроме того, тотчас по вступлении в свою новую должность посчастливилось найти реликвии Святого Креста, т. е. кусок дерева от креста, на котором страдал Спаситель. Но до сих пор ему недоставало еще признания его достоинства со стороны папы; и хотя этому недостатку легко мог помочь архиепископ Дагоберт, так как по смерти епископа Адемара Пюи, происшедшей за год перед тем, он

был уполномочен папой Урбаном II действовать у крестоносцев в качестве легата папского престола, но случилось как раз противоположное тому, на что надеялся Арнульф. А именно Боэмунд, по-видимому, хотел, чтобы патриархом Иерусалимским был по возможности предствительный и влиятельный человек, чтобы около такого сотоварища Готтфрид сделался еще незначительнее, чем он был. В таком же направлении шли и требования клира, который первоначально желал в Святом городе вовсе не светского, а именно духовного владыку. И, наконец, сам Дагоберт был даровитый и честолюбивый церковный князь, для которого должно было казаться заманчивым получить власть в самом священном месте христианского мира, в таком роде, как папа в городе и области Рима. Все это, по всей вероятности, содействовало тому окончательному результату, что Арнульфу предложено было сложить свой сан, что он и сделал без сопротивления, и после того Дагоберт был торжественно объявлен патриархом Иерусалимским. С тех пор влияние Боэмунда распространилось даже в стенах святого города.

После всего этого, 1100 год наступил при благоприятных предзнаменованиях для норманнов, а вместе с тем и для крестоносцев вообще. Потому что хотя властитель Антиохии был так эгоистичен и коварен, как никто из его соплеменников, но он был так же умен и силен. Своими способностями и своими успехами он глубоко затмил всех других князей пилигримов. Будущее христианской Сирии лежало главным образом на его плечах и потому каждое увеличение силы, которое он приобретал, было в то же время выгодой для дела всего христианского мира.

Но именно этот так благоприятно начинавшийся год должен был принести тяжелые испытания для Боэмунда и его будущего государства. Потому что князь, правда, благополучно прибыл из Иерусалима в Антиохию и вскоре затем начал самое важное, что ему оставалось делать, т. е. войну с эмиром Ридваном Галевским, самым значительным противником христиан во всей северной Сирии. В кровопролитном сражении он разбил войско Ридвана и уже полный надежды на победу расположился лагерем перед самой его столицей. Но здесь на его беду явился к нему посол армянского князя Гавриила из Малатии, который обещал ему передать свою область, если только Боэмунд поможет ему против эмира Ион-Дани-

шменда Сивасского (Себаст на верхнем Галисе) Боэмунд тотчас снял осаду, пошел быстрым походом на север, но еще по дороге и неожиданно наткнулся на туркоманские отряды этого эмира, потерпел полное поражение и был взят в плен вместе со многими важными рыцарями в половине лета 1100.

И точно так же наперекор самым благоприятным началам сложились пагубно, по крайней мере для норманнов, дела в Иерусалиме. Правда, герцог Готфрид действовал там так же храбро и неутомимо, как прежде, он снова напал на Арзуф, принудив страхом своего оружия некоторые другие города к миру и велел, насколько возможно, снова отстроить дома и укрепления христианских городов, а именно давно лежавшего в развалинах важного портового города Иоппе; но успех, которого он достигнул всем этим, был в сущности очень скромнен, особенно потому, что в то же время он был поставлен в тягостное положение новым патриархом. Потому что Дагоберт требовал теперь ни более ни менее, как того, чтобы города Иерусалим и Иоппе были отданы в полную собственность церкви Святого Гроба, т. е., другими словами, он требовал преобразования Иерусалимского государства в государство церковное. По всему своему прежнему способу действий Готфрид не мог оказать никакого серьезного отпора этому притязанию. После короткого сопротивления, он уступил и сам признал себя ленником Святого Гроба и патриарха. Он хотел только, как он прибавлял, пользоваться доходами обоих городов до тех пор, пока его область не распространится еще на один или два города; если же он умрет тем временем без мужского потомства, то уничтожается и это условие.

Вскоре после того — 18 июля 1100 г. — окончилась жизнь первого христианского властителя Иерусалима. Предание рассказывает, что герцог был отравлен эмиром Кесарейским; но можно считать достоверным, что он погиб от прилипчивой болезни, которая унесла много жертв в опустошенной и наполненной запахом трупов и гнили Палестине. Так умер Готфрид, не пробыв и года защитником Святого Гроба, и то же предание, которое окружало чудесами его рождение и соединило его смерть с коварным делом врагов христианской веры, чрезмерно прославляло его также как властителя Иерусалима. Его успехи как полководца и как мирного государя восхва-

лялись наперерыв; его мудрости приписано было даже создание гораздо более позднего времени, законодательство иерусалимских Ассизов¹

В действительности, Готфрид в последний год своей жизни был тот же как раньше: храбрый человек, просто-го ума и смиренно благочестивый, совсем во вкусе того времени; но в своей молодости, как и в крестовом походе, он во главе многих тысяч воинов в состоянии был вмешиваться в события; напротив, как защитник Святого Гроба, он имел в распоряжении едва несколько сотен для самой опасной борьбы, его уделом стали наконец забота и труд, а не блеск и победа: только сага не покинула своего любимца.

Но после того, как Готфрид закрыл глаза, властитель Иерусалима стал вовсе не Дагоберт, как он о том мечтал до против его стремлений поднялась сильная реакция. Уотарингские рыцари заняли стены и башни Святого города и послали в Эдессу к Бальдуину сказать, чтобы он поспешил принять наследство брата. Против этого патриарх мог только призвать на помощь норманнское оружие. Ближе всего было оружие Танкреда, который как раз в то время достиг нового успеха. Потому что за несколько недель перед тем, еще при жизни Готфрида, в Палестину пришел большой венецианский флот и освежающим образом подействовал на борьбу с врагами креста: вследствие этого, Танкред тотчас взял сильно укрепленный приморский город Хаифу. Но Дагоберт думал, что ему нужна большая поддержка, чем та, какую мог ему оказать властитель Галилеи, а потому написал Боэмунду, чтобы тот как можно скорее спас его и, кроме того, чтобы он, если придется, даже силою оружия удержал Бальдуина от похода в Иерусалим². Но это письмо

¹ Зибель в своей истории первого крестового похода дал самые лучшие доказательства того, что Готфрид ни в каком случае не был в состоянии составить Ассизы иерусалимские или велел их составить. Эти доказательства до сих пор не опровергнуты, хотя например Моннье (Francis Monnier), основываясь на обширном исследовании рукописей Ассизов, утверждает, что это законодательство надо все-таки отнести к деятельности Готфрида (Ср «Godefroa de Bouillon et les Assises de Jerusalem» в «Scances at travaux de l'Academie des sciences morales et politiques», 1873, 1874)

² Как говорили, Дагоберт в то время намеревался даже сделать владельца Антиохии преемником Готфрида. Но при этом патриарх пошел бы против своих собственных иерархических желаний

не достигло уж своей цели, потому что тем временем Бозмунд попал в руки Эмира сивасского и вместе с тем положению норманнов грозила опасность с юга и севера Сирии.

Здесь всего больше дело зависело от Танкреда, главной задачей которого должно было быть прежде всего обеспечить Антиохию, а не выступать враждебно против Бальдуина и лотарингцев. В одном отношении он сделал то, что было нужно, когда при известии, что в Лаодикию только что прибыл сильный генуэзский флот с новым папским легатом, епископом Порто, Морицем, он тотчас поспешил туда и успел получить от легата утверждение своего господства в Антиохии. Но после этого он вместо того, чтобы остаться в северной Сирии, вернулся в Палестину и делал тщетные попытки получить доступ в город лотарингцев. Между тем Бальдуин объявил, что он намерен взять на себя управление Иерусалимом, передал Эдессу своему племяннику Бальдуину младшему, который в последнее время сражался под знаменами Бозмунда, собрал еще сколько мог денег и наконец, с 200 рыцарей и 700 оруженосцев, начал поход к югу. В Лаодикие он также встретился с легатом Морицем, который поддержал его в его предприятии. После многих опасностей он в начале ноября достиг Иерусалима, вступил в город при ликовании своих соотечественников и вслед за тем сделал смелый набег на южные местности Сирии, где он, хотя и с дикими жестокостями против неприятеля, приобрел богатую добычу. Его христианские противники не могли противопоставить ничего подобного этим успехам. Когда Бальдуин вернулся с этого набега, Дагоберт покорился, отрекся от всех своих притязаний и прав и 25 декабря 1100 года сам короновал графа в Вифлееме первым королем Иерусалимским. Танкред упорствовал в неразумном упрямстве еще несколько месяцев, но потом совсем, по своему обыкновению, вдруг оставил всякое сопротивление и всякое дальнейшее вмешательство в иерусалимские дела, причем не только предоставил королю распоряжаться на юге, но и отдал ему княжество Галилейское, вероятно потому, «что он ненавидел своего противника и поэтому не мог быть вполне верным его ленником» (март 1101).

Превратные действия Танкреда принесли дурные плоды и в северной Сирии. Греки сделали успехи в Кили-

и вероятно могли бы достичь еще более значительных успехов, если бы им не пришлось собрать свои силы для отражения опасностей, которых они ждали со стороны узского флота летом 1100 года, и вскоре за тем от собиравшихся западных крестоносных войск. Но и соседние сельджуки тем смелее отважились на нападения, стеснили антиохийцев у самых ворот столицы и овлекли графа Бальдуина II Эдесского в тяжелые битвы и частью с большими потерями. После этого Танкред, когда в марте или апреле 1101 г он, наконец, дошел в Галилею до Антиохии, должен был тотчас выступить против сельджуков, как гораздо более опасных врагов; но его страшное раздражение против греков привело к тому, что он не только отнял у них Киликию, но и начал осаду Лаодикеи, и хотя эта осада кончилась освобождением города, но потребовала слишком много времени, невозвратно потерянного для более важных дел.

Таким образом месяцы, которые протекли с начала 1100 до самого 1101 года, не были счастливы для сирийских христиан. Правда, Иерусалим освободился от всегнетающего влияния норманнов и основал под своим названием самостоятельное государство, но в северной Сирии были понесены большие потери и надежды на будущее, еще недавно такие светлые, сильно помрачились. Мог уже являться вопрос; были ли крестоносцы достаточно сильны и рассудительны для того, чтобы надолго установить ислам на Востоке?

Крестовый поход 1101 года

В то время, как в 1097 - 1099 годах большое крестоносное войско проходило по Малой Азии и Сирии, на родине вспоминали о нем с самым теплым участием. Каждый вечер звонили колокола, чтобы призвать к молитве о крестоносцах, и Урбан II старался подкрепить борцов Иисуса Христа присылкою новых отрядов. Хотя 19 июля 1099 года папа умер, прежде чем весть о падении Иерусалима дошла до Европы, но его преемник, Пасхалис II, высказал такое же рвение к делу Святой Земли

и в самом широком кругу людей нашел отзывчивые сердца для принятия креста. Потому что мало-помалу стали узнавать, что эта самоотверженная война велась не напрасно, что, напротив, Господь услышал своих людей и даровал им достижение ближайшей цели. Отдельные пилигримы и шпильманы переносили радостную весть из замка в замок и от города до города. С восторженным ликованием принимались их рассказы об ужасных битвах и блестящей победе, об освобождении Святых мест и всех чудесах Востока. Затем приходили прославленные герои крестового похода, возвращаясь на родину. Их встречали с высокими почестями и они пробуждали еще более пламенное одушевление к делу, за которое они сами воевали и страдали¹

Наконец стали известны и письма некоторых князей, которые достигли господства в Сирии, и в этих письмах, хотя с гордостью указывали на приобретенные успехи и открывали блестящие надежды на будущее, но в то же время настойчиво просили единоверцев Запада о быстрой и сильной помощи. Тогда снова стали собираться отряды войск к общему походу на Восток и вскоре пошли вооружения, которые по объему едва уступали вооружениям 1096 года.

Сюда относятся прежде всего флоты Пизы, Венеции и Генуи, которые, как мы уже видели, отплыли в Сирию в 1099 и 1100 г. Но в этом последующем году вооружи-

¹ Роберт Фландрский, Роберт Нормандский, вероятно Евстахий Бульонский и много других знатных и простых пилигримов вернулись в сентябре 1099 года из Лаодикеи в Европу. Роберт Фландрский уже зимою с 1099 на 1100 год проехал на родину через Францию и везде был встречает с ликованием. В последние годы жизни (он умер в 1111 году) он дурно показал себя, как горячий защитник церковных притязаний против империи. Роберт Нормандский женился в Апулии на Сибилле родственнице Роберта Гюискарда и только через год вернулся на родину. Между тем умер брат его, король Вильгельм II Английский, и на его трон вступил младший из трех братьев, Генрих. Роберт попробовал отнять у него королевство, но при этом потерял в конце концов Нормандию (1106 год) и остаток своей жизни (он умер в 1134 г.) провел в английской тюрьме. Петр Амьенский вернулся на родину, вероятно, в то же время. Последние известия об его жизни очень неопределенны, но позволяют предположить, что он вместе с другими возвратившимися из Иерусалима пилигримами отправился в окрестности Лютиха, основал церковь в честь Святого Гроба, вблизи Гюи, и жил при ней с несколькими товарищами-пилигримами в монашеской общине по правилу святого Августа. Как говорят, он стал и первым приором этой общины и в этом сане умер 8 июля 1115 года.

лись, кроме того, жители Ломбардии, большая часть Германии, Франции и Испании. Папе стоило больших усилий объяснить испанцам, что им не следует сражаться с сельджуками в Азии, потому что они скорее должны были бы обратить свои силы на магометан в своей собственной стране. Другим народам он, напротив, предоставил вооружения, даже особенно ободрял их к священной войне и при этом грозил отлучением тем, которые уже давно приняли на себя крестовый обет, но еще не начали его исполнения, и тем, которые трусливо бежали на родину до окончания похода, как граф Стефан Блуаский и веревочные беглецы во время осады Антиохии.

Итальянцы, которые на этот раз приняли крест, собрались главным образом вокруг архиепископа Апсельма Миланского. Их было, говорят, 50 000 человек, в том числе немало знатных людей, два графа Бландратских, граф Пармский, епископ Павийский и другие. В южной Франции такое же или даже еще более многочисленное войско собрал Вильгельм из Пуату, герцог Аквитанский, девятый герцог этого имени. С герцогом Стефаном Бургундским соединились епископы Лионский, Суассонский и Парижский со многими благородными господами из средних провинций Франции. Вокруг графа Вильгельма Неверского собралось 15 000 человек, и как Гуго Вермандуа, так и Стефан Блуаский старались новыми вооружениями загладить позор их побега из первого крестового похода и умилостивить разгневанного папу. В Германии поход в Святую землю обещали герцог Вельф IV Баварский, благочестивая маркграфиня Ида Австрийская, графы Фридрих Богемский, Герних Регенсбургский и Эккегард Шейренский, храбрый маршал императора Генриха IV, по имени Конрад, потом архиепископ Тимо из Зальцбурга, епископы Ульрих Пассауский и Гебгард Констанцский, и много низших клириков, рыцарей и оруженосцев.

Но в этих пилигримах, а именно в ломбардцах и французах, жил совсем иной дух, чем у их предшественников 1096 года. Они полагали, что самое трудное, что могло требоваться от крестоносцев, было достигнуто с освобождением Иерусалима и что таким образом и для них было уже доказано превосходство христианского оружия над магометанским. Они шли исполнить свой обет, быть может, с тем же воодушевлением, но не с такой же осторожностью, дисциплиной и глубоким внутренним на-

строением, как Готфрид, Раймунд и их сотоварищи. Полные победоносного высокомерия, они мечтали о баснословных успехах: любя веселую жизнь, они снаряжались точно на роскошный пир; почтенные женщины, как и распутные девки, в громадном числе примкнули к воинам, и настоящей характерной фигурой всей этой массы надо назвать не кого иного, как герцога Вильгельма Аквитанского, богатого, рыцарского и талантливого человека, который славился как первый трубадур за веселые песни и известен был также многими любовными похождениями.

Итак, это пестрое войско надеялось приобрести великую славу. В действительности оно шло на большие опасности, которые до сих пор не были достаточно оценены. Потому что уже на пути через Византийскую область этим пилигримам представлялось несчастное искушение к дикому враждебному действию, потому что они сами — что достаточно понятно по всему предшествовавшему были полны крайнего раздражения против императора Алексея: хитрый властитель Константинополя представлялся им вторым Иудой; они называли его *perfidus* и *maledictus*. И хотя в Малой Азии им большей частью встретились те же сельджуки, которые в 1097 году потерпели кровавые поражения, но на этот раз Килидж-Арслан мог с уверенностью рассчитывать на поддержку со стороны своих единоверцев, потому что по крайней мере соседние с ним эмиры, особенно Ибн Данишменд Сивасский и Ридван Галевский, должны бы в собственном интересе помешать усилению крестоносцев в Сирии. Таким образом, слишком высокомерным новым пилигримам несомненно предстояла тяжелая борьба с многочисленными противниками, которые со своей стороны могли смотреть на эту борьбу с полной надеждой, потому что в последнее время они оказали удачное сопротивление антиохийским норманнам и взяли в плен Боэмунда, самого значительного из крестоносных князей.

Осенью 1100 покинули родину сначала ломбардцы, и через Фриаул, Каринтию, Штирию и южную Венгрию дошли до долины Моравы, где они перезимовали. Император Алексей уже здесь, в самой далекой части своего государства, явился к ним на помощь, позаботившись о том, чтобы они могли получить съестные припасы по дешевым ценам; но, несмотря на это, многие пилигримы в своей злобе и заносчивости позволили себе ужасные наси-

лия над имуществом жителей и над ними самими. С началом весны войско стало продолжать свой путь по старой дороге крестоносцев на юго-восток, в марте 1101 достигло Константинополя, и ему было назначено занять квартиры в предместье Пере, где уже останавливался герцог Готфрид. Но через некоторое время это войско оказалось таким необузданным, что Алексей обеспокоился. Поэтому он потребовал, чтобы ломбардцы удалились от столицы, т. е. переправились в Азию. Упрямые пилигримы отказались, взялись за оружие и уже штурмовали расположенный у ворот Константинополя укрепленный монастырь Космидион, когда наконец архиепископу Ансельму и остальным предводителям удалось образумить войска, переправить их через пролив и успокоить справедливый гнев императора.

Несколько позднее ломбардцев и отчасти только весною 1101 двинулись французы и немцы. Большими и малыми отрядами они шли по большей части дорогой через Венгрию в Белград, а оттуда вероятно дальше на Софию, Филиппополь и Адрианополь. Настроение, в котором они вступали в Византийскую империю, было по-видимому такое же, как у ломбардцев. Разнузданность и ненависть к грекам повели к беспутному насилию над жителями. Император ревностно старался поддержать с ними мир, но был вынужден для защиты своих окружить дикие толпы своими войсками. Там и сям доходило до битвы, а при Адрианополе аквитанцы дали печенежскому наемному войску императора формальное сражение, при котором окрестности этого города сгорели. Все эти предварительные события, конечно, вперед повредили возможному успеху крестового похода. Необузданность этих военных масс возрастала вместе с этими насилиями, и способность этих сотен тысяч преодолеть серьезное сопротивление в той же мере ослабевала.

Мало-помалу с ломбардцами соединились на азиатском берегу маршал Конрад с 2 000 немецких рыцарей, герцог Стефан Бургундский с сильным войском, граф Стефан Блуаский и некоторые другие господа, так что еще до прибытия остальных немцев и аквитанцев, здесь — по преданию, конечно, мало достоверному — собралось не менее 260 000 крестоносцев. Эта громадная масса не могла долго оставаться в бездействии. Она требовала, чтобы, не дожидаясь прибытия еще недостававших товарищей, ее

сейчас же вели дальше на битву и победу, и она окончательно опьянела, затевая и обсуждая самые отважные планы. У ломбардцев возникла именно мысль, что во славу Спасителя надо предпринять что-нибудь необычайное и грандиозное, а именно после того, как первые крестоносцы завоевали Антиохию и Иерусалим, теперь надо было разбить оковы Бозмунда в Сивасе, затем покорить Багдад и таким образом уничтожить самый халифат Эта мысль, раз высказанная, подействовала как сильный соблазн на головы князей и рыцарей Отдельные попытки оспорить это скоро были побеждены и был единодушно решен поход на Сивас и Багдад.

Нет надобности объяснять, что это было пагубное решение. Багдад был для крестоносцев очень далеко, и войско как бы само произнесло себе приговор, когда в слепой самоуверенности оно еще до начала битвы мечтало об неслыханных победах.

Иначе можно было бы судить о плане похода этих пилигримов только тогда, если бы он ограничился одним покорением Сиваса и освобождением Бозмунда Этого места можно было достигнуть довольно умеренным походом: дорога туда шла через те области Малой Азии, которые менее всего пострадали от военных тревог последнего времени и поэтому легче других могли доставить пропитание большому войску: а битвы с отрядами Ибн Данишменда Сивасского нельзя было избежать ни в каком случае, потому что эмир, по-видимому, приготовился выступить против христиан, по какому бы пути они ни направлялись¹.

Таким образом, эти пилигримы, может быть, достигли бы большего успеха, если бы только принялись за дело с большим спокойствием и рассудительностью².

¹ Это можно заключить из того обстоятельства, что в решительной битве, кроме Килидж-Арслана и Ибн Данишменда, против христиан выступили также Ридван Галевский и Караджа Гарранский, две сирийские и месопотамские эмиры. Чтобы известить этих последних о приближении пилигримов и собрать их отряды, все-таки требовалось столько времени, что первые шаги к соединению магометанских военных сил были, по-видимому, сделаны уже раньше, чем кто-либо из этих эмиров узнал о маршруте христианского войска, и, вероятно, даже раньше, чем этот маршрут был принят самими крестоносными князьями

² Вилькен, «Geschichte der Kreuzzüge», II, 119 и след., порицает крестоносцев также за поход на Сивас, потому что он должен был встретить непреодолимые трудности. Но самые большие трудности, ко-

Правда, этому мнению, по-видимому, противоречит то, что император Алексей не одобрял всего предприятия крестоносцев и побуждал их, хотя и бесплодно, пойти по следам Боэмунда, Готфрида и Раймунда через Малую Азию в Сирию. Граф Раймунд Тулузский, который в то время старался провести в Константинополе свои планы против антиохийских норманнов, высказался также в этом направлении. Но у этих обоих людей, конечно, было на уме не только удержать пилигримов от безрассудного похода на Багдад, но и от борьбы против Сиваса, результатом которой могло быть освобождение общего врага, Боэмунда. Когда их уговоры оказались бесплодными, они предоставили крестоносцев их воле. граф Раймунд даже примкнул к ним в походе на восток, а император дал им одного высшего офицера и небольшой отряд, которые должны были служить проводниками и вместе должны были охранять интересы своего государя в тех городах и странах, которые могли быть освобождены от неприятеля. В личных отношениях с князьями крестоносного войска Алексей и на этот раз показал себя очень предупредительным; требовал ли он от них ленной присяги, неизвестно, но, судя по его отношению к их предшественникам и преемникам, весьма вероятно.

В начале июня пилигримы начали поход, и от берега, где до сих пор был их лагерь, они без нападений или затруднений шли около двух недель почти прямо на восток до Анкиры. Они взяли этот важный город и предоставили его императору Алексею. Затем они обратились на северо-восток, достигли Гангры, но не решились напасть на этот город, потому что он показался им слишком укрепленным, прошли еще некоторое пространство по намеченному на правлению вдоль левого берега Галиса, перешли реку около Османджика и пошли опять дальше на восток к Марзовану. В продолжение всего этого похода через Малую Азию простые пилигримы, по-видимому, произвели много злодеяний, как некогда в долине Моравы и при Константинополе, между тем как князья и рыцари, сколько можно видеть, слишком мало заботились о том, чтобы

торые приходилось преодолевать этим пилигримам, заключались, по-видимому, не в характере местностей, по каким они шли, и даже не в сопротивлении сельджукских эмиров, а гораздо более в их собственном высокомерии и разнузданности

войско шло в порядке и замкнуто. Напротив того, сельджуки взялись за защиту своей страны очень ловко и ревностно, заранее опустошая те страны, по которым должны были проходить христиане, и с далеких окраин собираясь на решительную битву так единодушно, как этого еще никогда не бывало после 1097 г. С Ибн Данишмендом и Килидж-Арсланом соединились главным образом эмиры Ридван Галебский и Караджа Гарранский в Месопотамии. Около второй половины июля значительные силы, приведенные этими властителями, бросились навстречу крестоносцам немного восточнее Галиса. Началась горячая битва. Христиане, хотя были истощены голодом, держались сначала храбро и счастливо отразили нападение. На следующий день маршал Конрад со своими немецкими рыцарями прошел еще несколько дальше, завоевал один крепкий пункт с большим запасом продовольствия, но на возвратном пути к сотоварищам потерпел тяжёлые потери. На следующий затем день сельджуки решились сделать второе нападение и еще несколько часов напрасно добивались победы. Но мало-помалу пилигримы утомились, и их ослабили не только недостаток пищи и жар битвы, но, может быть, столько же страх, что рушатся их победоносные надежды, и ужас перед энергией неприятеля, которым раньше они так безрассудно пренебрегали. Как всегда бывает в таких случаях, так было и теперь. Те же люди, которые еще недавно рассчитывали взять Багдад, теперь трусливо думали только о спасении своей жизни. Отряд за отрядом уклонялся от битвы; распространилась всеобщая паника, каждый сбрасывал с себя то, что мешало бегству, одежду и деньги, запасы и реликвии, князья и рыцари торопливо бежали оттуда к берегу, чтобы найти защиту в каких-либо стенах, где тогда еще господствовал император Алексей за ними не поспевали пешие войска, монахи и женщины, которые все скоро были перебиты или взяты в плен нахлынувшими победителями.

Поражение было ужасно и решительно для всего войска. Только слабые остатки его достигли берега, по большей части у Синопа, и только немногие из этих спасшихся счастливо добрались до Константинополя, а именно Стефан Бургундский и Стефан Блуаский, Раймунд Тулузский, маршал Конрад и архиепископ Ансельм Миланский. Последний умер однако вскоре после этой катастрофы,

31 октября 1101 г в Константинополе Его сотоварищи остались там до следующей весны, дружелюбно принятые императором, но раздражение, господствовавшее между латинским и греческим миром, нашло себе новую пищу и в гибели этого великого войска, виной которого были только сами крестоносцы, потому что виновниками ее стали считать то греческих проводников, то друга императора, графа Раймунда.

Немного спустя после того, как ломбардцы и их товарищи начали свой несчастный поход к Сивасу, в начале июня прибыли в Константинополь также Вильгельм Неверский, Гуго Вермандуа, Вельф Баварский, Ида Австрийская, Тимо Зальцбургский и Вильгельм Аквитанский: составилось второе значительное войско около ста тысяч человек¹. Император встретил князей дружескими словами и богатыми подарками, но потребовал и принял и от них ленную присягу, которую дали ему крестоносцы уже в 1097 году. Но среди других пилигримов ненависть к Алексею разрасталась все сильнее «Надменный император,— говорили они,— с презрением хвастается, что когда франки и сельджуки воюют между собой, то для него это не больше, как если дерутся собаки» Будто бы знали даже о тайных переговорах с целью предать крестоносцев неверным или погубить их как-нибудь иначе. Началась паника, так что тысячи людей боялись ступить на землю Малой Азии, и искали кораблей, чтобы достигнуть Святой земли морем. Но многие из них и здесь боялись козней, торопливо покидали суда и, гонимые страхом, возвращались на родину. Остальные отправились, наконец, в путь, шли до Анкиры по следам ломбардцев, здесь, по-видимому, узнали о их гибели, и затем, страшно испуганные, круто повернули на юг. В Филомелии они достигли дороги крестоносцев 1097 г и держались ее мимо Иконии до Гераклеи (Ерегли). Но уже во время этого похода войско непрерывно было окружено сельжукскими отрядами, страдало от голода, жажды и сражений и потеряло всякую веру в счастливый конец

¹ До сих пор считалось по большей части, что летом 1101 года не только два, но даже три отдельных крестоносных войска пытались пройти через Малую Азию, так как между первым и третьим войском Вильгельм Неверский будто бы один прошел свой путь. Но, по-видимому, так называемое второе и третье войско составили только одно. См Гагенмейера «Ekkahardi Hierosolymita», стр 210

похода. Когда, при Гераклее, около второй половины августа, загородила дорогу большая неприятельская сила под предводительством тех же эмиров, которые разбили ломбардцев, крестоносное войско уже не решилось вступить в серьезную битву, но рассеялось в диком ужасе. Массы обоза и рыцарей были перебиты или взяты в плен. Архиепископ Тимо и маркграфиня Ида были убиты, романтической сагой, будто бы взятая в плен, она вышла замуж за одного сельджукского эмира и стала матерью Имадеддин Ценки, впоследствии самого опасного врага христиан. Гуго Вермандуа спасся в Киликию, где и умер. Два Вильгельма, Неверский и Аквитанский, и Вельф Баварский с немногими провожатыми и частью в самой жалкой одежде спаслись в Киликию, а оттуда в Антиохию, где их братски принял Танкред и внимательно об них позаботился.

Так закончилось ужасное несчастье. Римское христианство сделало на этот раз такие же громадные усилия для расширения своей области, как и в 1097 г., но желанный и слишком уверенно ожидаемый успех совершенно не удался. Сумасбродное одушевление на борьбу против магометан, которое за четыре года перед тем выказало свою победоносную силу в разрушительных ударах, на этот раз завершилось тем, что теперь самым безнадежным образом оказалась как бы прирожденная ему жалкая слабость. Сотни тысяч людей, которые весной 1101 года стояли при Босфоре, готовые к битве, при разумном предводительстве несомненно были бы достаточно сильны, чтобы хотя после тяжелых, но успешных битв освободить Боэмунда, расширить антиохийское государство норманнов до прочных границ, и бедному населению Иерусалиму доставить еще поддержку хорошими войсками. Теперь не только ничего такого не случилось, но ужасное поражение должно было оказать неблагоприятное влияние и на настроение Запада. Чтобы христианство в третий раз поднялось в такой массе для основания или сохранения франкских колоний на далеком Востоке — этого долго нельзя было больше ждать.

Безумиям, которыми погубили себя крестоносцы 1101 года, равнялись в то время разве только события в Сирии. Потому что взгляд исследователя невольно обращается на Антиохию и Эдессу, спрашивая, почему же князья этих областей не двинулись с оружием в руках

на помощь своим единоверцам Правда, Танкред и Бальдуин располагали только небольшими силами сравнительно с войском тех крестоносцев; но если сирийские и месопотамские эмиры могли доходить для борьбы с ними до севера Малой Азии, то почему же по крайней мере Танкред не мог принять каких-нибудь мер, чтобы облегчить своим единоверцам достижение их целей¹ Но Танкред, как в своей силе, так и в своей слабости, был именно только крестоносный рыцарь, бурно-храбрый, страстно занятый всегда тем, что в данную минуту было ему всего ближе, но неспособный создать более широкий план и успешно его выполнить

Князь Боэмунд и император Алексей с 1102 года

Вильгельм Неверский, Вильгельм Аквитанский и Вельф Баварский, как было упомянуто, спаслись от своего малоазиатского поражения в Антиохию. Туда же прибыли в начале 1102 года из Константинополя Стефан Блуа, Стефан Бургундский, маршал Конрад, многие епископы и граф Раймунд Тулузский, старый противник норманнов. Танкред велел схватить последнего, но по просьбе остальных пилигримов вскоре освободил его, взявши с него клятву, что он не захватит в свою власть ни одной местности между Антиохией и Акконом. Но на прасно старался он этим помешать окончательному утверждению провансальцев на сирийском берегу. Потому что, когда вслед за тем все эти герцоги, графы и епископы направились из Антиохии дальше на юг и завоевали по дороге с помощью только что прибывшего маленького генуэзского флота Тортозу, то Раймунд, преступив клятву, завладел этим городом. Танкред не мог изгнать его оттуда, потому что, как мы знаем, в то время он прежде всего желал завоевать греческую Лаодикею и осада этого города так заняла его силы, что Раймунд, напротив,

¹ О деяниях Танкреда за 1101 год мы знаем только, что в марте или апреле он принял на себя управление Антиохией, вскоре после того выгнал греков из Киликии и по меньшей мере в конце года начал осаду Лаодикии. Чтобы он при этом намеривался помочь крестоносным братьям, прямо или посредством нападения на области эмиров Галеба или Сиваса, об этом нет известий, да это и невероятно.

мог решиться хотя бы и на бесплодную попытку освобождения этого города. Война из-за Лаодикеи длилась восемнадцать месяцев, до 1103 года наконец, норманны вошли в завоеванный город, но о быстрой победе над провансальцами нечего было и думать. Потому что тем временем Раймунд отчасти сделал успехи по берегу к югу от Тортозы, отчасти счастливо сражался внутри Сирии против эмиров Гимса и Дамаска и особенно начал серьезно теснить большой и богатый Триполис, давнишнюю цель своего честолюбия. К этому присоединилось еще то, что император Алексей ревностно вооружался к новой войне против норманнов и потому поддержал по мере сил и предприятия провансальцев. Когда Раймунд хотел заложить укрепление на одном из соседних с Триполисом холмов, названном впоследствии горою пилигримов, император тотчас приказал помогать графу материалом и рабочими.

Войной с сельджуками Танкред понятным образом почти совсем пренебрег из-за дел с греками и провансальцами. И, таким образом, последняя надежда норманнов оттеснить наконец господство ислама в глубь Азии лежала на пленном Боэмунде. До сих пор эмир Сиваса противостоял настояниям императора Алексея, который просьбами и обещаниями старался добиться выдачи в Константинополь своего великого противника, и эмир объявил норманнам, что выпустит из тюрьмы их князя за 100 000 золотых. Танкред, правда, не чувствовал никакой склонности чем-нибудь содействовать освобождению своего дяди, возвращение которого означало для него потерю господства, зато армянский князь Гог Василий, сильнейший из мелких владетелей Тавра, охотно прислал, наконец, эту сумму Ибн Данишменду, и вслед за тем летом 1103 года Боэмунд вернулся на свободу и в Антиохию.

В жизнь и деятельность северно-сирийских христиан тотчас же вошла более свежая струя. Боэмунд снова принял власть и, правда, не ссорясь из-за этого с Танкредом, заключил странную дружбу между норманнами и армянами прочнее, чем это было до сих пор, и уже в 1103 году начал успешную войну против Ридвана Галеского, нисколько не заботясь о греках или провансальцах. В то же время эдесситы во всех направлениях перешли к решительному нападению. Во главе их стоял теперь,

кроме Бальдуина II, Иосцелин из Куртене, владелец Телль-Башира, который пришел в Сирию с пилигримами 1101 года и получил от Бальдуина в ленное владение эдесские замки и земли на западе от Евфрата Это был дико воинственный рыцарь, и имя франков из Телль-Башира, где он по большей части жил, сделалось грозным от Тавра до Евфрата, между тем как Бальдуин безжалостно грабил области, лежащие на востоке и на юге от Эдессы В начале 1104 года из всего этого развился план напасть общими силами на важный город Гарран

Если бы христианам удалось завоевать этот город, то этим они бы выиграли чрезвычайно много. Потому что Гарран, у которого некогда Красс был убит парфянами, господствовал над лучшими пунктами соединения между северной Сирией и восточной Месопотамией Ридван Галевский и все сирийские сельджуки были бы почти совсем отрезаны от своих единоверцев внутри Азии, если бы только крестоносцы здесь укрепились, и в таком разъединении сельджуки не могли бы долго сопротивляться своим христианским противникам Поэтому Боэмунд и Танкред торопились к этому военному походу не менее как с 10 000 войска Бальдуин, Иосцелин и армяне пришли с большою силой. С радостной уверенностью в победе они двинулись в Гаррану

Неприятель был в плохом положении Гарран один не мог долго держаться, а значительнейшие эмиры Месопотамии, Сокман из Гисн-Кейфы и Джекирмиш из Мосула, сами были во вражде между собой и хотя в последнюю минуту помирились и пришли поспешно на выручку, но только с 10 000 всадников Христиане двинулись им навстречу от Гаррана еще дальше на юг, до реки Балик Здесь при натиске франкских рыцарей сельджуки бросились в далекое бегство и обернулись только тогда, когда сочли противников уставшими от преследования Эдесситы с злобной заносчивостью опередили товарищей, чтобы одним выдержать бой с ненавистным врагом и были захвачены совсем врасплох внезапным нападением турок. В одну минуту они были разбиты, графы Бальдуин и Иосцелин взяты в плен, а остальные в смятении и ужасе бросились назад на главную армию Боэмунд и Танкред нарочно держались в отдалении, чтобы в нужную минуту иметь возможность решить дело, теперь они снова начали битву и удержали поле сражения до вечера Но твердость

войска была глубоко потрясена; уходило множество беглецов, и князья решили отступление под защитой ночи. Но только что они двинулись, как неприятельские всадники, вдвое более опасные в преследовании, напали на христиан со всех сторон. К тому же, гарнизон Гаррана сделал вылазку и загородил все дороги, которые вели на родину, к Эдессе. Отступление превратилось вскоре в дикое бегство, и норманнские князья достигли Эдессы лишь с незначительным числом людей. Христиане потеряли 12 000, а по другому, впрочем, маловероятному известию, даже 40 000 человек. Такое сражение едва ли когда-нибудь дано было войсками маленького Иерусалимского королевства во все время его существования.

Сражение при Гарране было во всех отношениях решительным. Если бы норманны вернулись из Месопотамии победителями и, следовательно, владетелями внутренней страны, то, конечно, ни мелкие северно-сирийские эмиры, ни греки или провансальцы не могли бы больше оказать им долгого сопротивления, и для Боэмунда вероятно было бы еще возможно основание большого, со всех сторон самостоятельного государства, твердо покоящегося на собственной силе. Но теперь угрожающим образом поднялись кругом враги и соперники. Полчища из Мосула и Гисн-Кейфы осадили Эдессу, Ридван Галевский покорил часть Антиохийской земли, греки снова заняли главные города Киликии, Тарс, Адану и Монсвестию, захватили вход в Лаодикейскую гавань и осадили город, в нем держалась только цитадель. Надежды графа Раймунда поднялись наконец выше, чем когда-либо, после того как он только что, и опять при помощи генуэзцев, взял Малый Гибеллум (Гибелет)

Правда, здесь еще раз в самом ярком свете выказались военные способности Боэмунда и Танкреда. Они удержали Эдессу, охранили цитадель Лаодикей, одним словом, установили натиск неприятеля и твердо держали главные части как своего княжества, так и графства Эдессы и Телль-Башира. Но это было самое большое, чего они могли допустить. Более широкие предприятия, победоносное наступление, основание могущественного государства, все это было уже невозможно с теми силами, которые были спасены из поражения. Но все-таки еще имелось средство, которое, может быть, опять бы сгладило все потери, а именно: скорое, сильное подкрепление с родины,

новый крестовый поход, но веденный совсем в норманнском духе

Боэмунд понял это и тотчас же начал действовать сообразно этому. Он сказал своему племяннику, что он вернется на Запад и будет искать помощи, потому что с собственными силами невозможно больше давать отпор всем окружающим врагам. Напрасно Танкред с страстными уверениями вызвался взять на себя исполнение этого плана, чтобы норманны не были покинуты в беде своим главным вождем. Боэмунд оставался тверд: великое дело требовало высшего представителя, на менее важного никто не обратил бы внимания. Он передал племяннику управление северной Сирией, набрал сколько только мог денег и восточных драгоценностей и еще в 1104 году уплыл с небольшим флотом на запад¹. Греки не решились помешать путешествию своего страшного противника.

Князь счастливо прибыл в Италию и повсюду возвестил о своем плане нового похода. Слава о его подвигах, о его богатстве, его заманчивые обещания предшествовали ему и приготовили ему повсюду восторженные встречи. Рыцари и народ стекались к нему и вступали к нему на службу, папа Пасхалис II открыто и торжественно одобрял его план. Затем он отправился во Францию и связал свое дело с интересами законных престолов запада, женившись на Констанции, дочери короля Филиппа, а другую принцессу взял, как невесту для Танкреда. Он позаботился там и о своем войске. При всяком удобном случае, при всяком сборище, в церквях и дворцах, он сам являлся вербовщиком, провозглашал свой вдохновенный призыв к войне, изображал славу битвы, честь побед, великолепные добычи, и с гордой радостью наделял теснившихся вокруг него рыцарей задатком своей службы, знаком креста.

Когда он вернулся в Италию, он поселился в Апулии и ожидал стекавшиеся со всех сторон войска. Осенью 1107 года, готовый к выступлению, он оказался во главе по крайней мере 34 000 человек: рыцарей и пеших воинов, и во главе сильного флота.

Но эта мощная армада должна была послужить во-

¹ Известный анекдот Анны Компены, будто бы Боэмунд велел отвести себя на запад, как труп, чтобы уйти от преследований греков, невероятен.

все не для того, чтобы подать непосредственную помощь Антиохийскому княжеству. Потому что Боэмунд хотя и покинул Сирию с разумным намерением набирать храбрую армию только для войны на Оронте и Евфрате, но вскоре затем этот, столь рассудительно действовавший до сих пор, человек обратился к другому, дико рискованному плану. Было ли это раздражение против греков, которое питали в нем битвы последнего времени, или был это чарующий образ императорской короны в Константинополе, о которой он мог мечтать еще с юных лет, или его ослепляли радостные, возвещавшие победу, клики, которые сопровождали каждый его шаг на запад — мы не знаем его побуждений, мы знаем только, что хотя он и вызывал рыцарство Италии и Франции к крестовому походу, но первой целью этого похода была победа над схизматическими греками¹. Если бы он в 1107 году привел свое сильное войско в Антиохию, то едва ли можно было бы сомневаться, что он достиг бы цели своих прежних стремлений, т. е. поставил бы свое сирийское норманское государство настоящим краеугольным камнем христианского господства на прочной основе. Напротив того, война с греками, при спокойной оценке сил, едва ли давала какую-нибудь надежду на хороший успех.

Потому что сила сопротивления Византийского государства значительно выросла с тех восьмидесятих годов одиннадцатого столетия, когда Роберт Гюискард и молодой Боэмунд безуспешно с ним воевали. Император Алексей располагал весьма значительными военными силами и сухопутными, и морскими, которые он мог, кроме того, вполне спокойно собирать, обучать и вооружать во время вербовок Боэмунда в Италии и Франции. Он и сам имел теперь полный опыт в норманнской войне, которого у него не было раньше в войне с Робертом Гюискардом, а потому он мог с спокойным духом ожидать грозившего нападения. В октябре 1107 Боэмунд со всем своим войском сел в Бриндизи на 230 военных и транспортных кораблей. Вначале ему благоприятствовало счастье, так что он мог без помехи окончить морское путешествие, при-

¹ Разделение церквей уже совершилось: греки, в глазах римских католиков, были «схизматиками» (отщепенцами), как в глазах греков схизматиками были римские католики.

стать на неприятельском берегу у Аулоны и оттуда двинуться на север по направлению к Диррахию. Но затем счастье изменило. Большой приморский город Диррахий, из которого Боэмунд хотел сделать свой первый прочный опорный пункт в чужой стране, был превосходно укреплен, обильно снабжен запасами и оборонялся храбрыми людьми. В то время как норманны начали затруднительную осаду его, большие массы византийских войск двинулись из Македонии в Албанию и окружили неприятелей сначала широким, а потом все более и более тесным кольцом, ни разу не вступая в открытое сражение против их дикой воинственности. Весной 1108 Боэмунд сам уничтожил свой флот, чтобы добыть из него дерево для осадных машин. Гремело стенобитное орудие, высокая башня поднималась над укреплениями города, стены его были разрушены. Но осажденные оборонялись с таким же или даже большим искусством при помощи греческого огня. К тому же византийский флот теперь господствовал на море и открывал подвоз с родины, так что в норманнском лагере мало-помалу распространялась большая нужда. Кроме того, императору, посредством коварной клеветы, удалось посеять недоверие между Боэмундом и некоторыми важнейшими сотоварищами. Уже все франкское войско было преисполнено недовольством и жалобами, некоторые предводители переходили на сторону врага. Несмотря на то, Боэмунд держался, пока еще мог сохранить какой-нибудь луч надежды; наконец, однако, и он должен был признать, что он был совершенно разбит и что ему осталось только покориться воле победителя. В сентябре 1108 он отправился в Деаволис (Деболь), в главную квартиру императора, и заключил крайне унижительный мир, отказавшись от всяких притязаний на Киликию, Лаодикею и провансальские владения, Антиохию и ее область он получил как пожизненный лен, но после его смерти и это должно было достаться греческому государству, и если бы, наконец, Танкред не подчинился этим условиям, то Боэмунд сам должен был принудить его к этому оружию.

По заключении мира норманнское войско мало-помалу разошлось: часть его вернулась на родину, часть отправилась дальше в Сирию, а часть перешла в византийскую службу. Боэмунд еще осенью 1108 года отправился в Апулию, но еще столь непреклонным, что он намере-

вался там вооружаться для новых предприятий. Но теперь ему уже ни в чем не везло и, не совершив больше ни одного достопримечательного дела, он умер на месте своего рождения в марте 1111 года.

С ним вместе сошел со сцены человек, который в особенности наложил свой отпечаток на век первого крестового похода. Потому что он рано и метко понял, что не в Малой Азии и не в Палестине, а именно в северной Сирии было самое подходящее место для основания могущественной франкской колонии, большого норманнского государства, подобного тем, какие были основаны его отцом в Апулии и его родичами в Англии. Он долгие годы открыто преследовал свою цель с умом, хитростью и силой, умеренный в счастье и не теряясь даже в тяжелой битве. Только в самом конце охватила его старая, неутомимая норманнская любовь к приключениям и соблазнила его к безумной войне с Алексеем. Растеряв в ней те силы, которые были необходимы для окончательного утверждения Антиохии, он сам лишил себя лучших плодов прежних усилий и не выполнил главной цели своей жизни.

Когда Алексей услышал о смерти своего великого противника, он хотел, по условию деаболийского мира, присоединить Антиохию. У него было тем более повода к этому, что Танкред, бывший с 1104 года регентом княжества вместо Боэмунда, воспользовался тяжелым положением греков в 1107 и 1108 годах, чтобы снова подчинить своему господству сначала Киликию, а потом Лаодикею, лучшие защитники которых были в то время отозваны в Албанию. Император предъявил теперь свои требования, отправив посольство в Антиохию, но ему было грубо отказано. После того он послал второе посольство с большими деньгами в Сирию, чтобы побудить, если возможно, провансальцев к общей войне против норманнов. Посланные были очень тепло приняты провансальцами, но все-таки не могли согласиться с иерусалимцами, и весь успех их усилий состоял, в конце концов, только в том, что они оставили провансальцам часть доверенных им денег за принесение ленной присяги.

Между тем император Алексей старался теперь двинуться вперед и по другим путям. В начале своего правления (в мае 1082 года) он дал венецианцам полную свободу торговли как в столице, так и в провинциях своей империи. С тех пор у венецианцев был собственный квар-

тал в Константинополе и они с каждым днем обогащались своими оживленными сношениями со всеми значительными торговыми пунктами византийского мира, но в благодарность за то поддерживали императора как в его тяжелой войне с Робертом Гюискардом, так и в борьбе с Бозмундом под стенами Диррахия. Алексей однако недолго довольствовался этим, а попробовал войти в более тесную связь также и с другими итальянскими морскими государствами и в особенности с Пизой. Потому что пизанцы уже в 1099 году под предводительством своего архиепископа Дагоберта показали свою склонность к норманнам, и еще в 1108 году пизанская эскадра поддерживала князя Танкреда при обратном завоевании Лаодикеи, так что грекам казалось особенно важным привлечь это государство на свою сторону. Поэтому император предложил пизанцам, кроме богатых подарков, выгодный торговый договор, и когда переговоры о нем оставались сначала безуспешны и осенью 1111 года пизанские корабли в союзе с генуэзскими и другими итальянскими судами даже брали еще контрибуции с византийских прибрежных местностей, то все-таки вслед за этим (в октябре 1111 года) был заключен договор в том смысле, что с этих пор пизанцы так же, как и византийцы, должны были получить собственный квартал в Константинополе и могли торговать во всем государстве, лишь с тем ограничением, что должны были платить пошлину со всех товаров в четыре процента их стоимости. Венецианцы, которые до тех пор почти монополизировали византийскую торговлю, естественно, смотрели враждебно на этих соперников, которые так внезапно появились на Босфоре. Но греки должны были быть очень довольны именно потому, что в двойных сношениях с Венецией и Пизой они свободнее относились к ним и потому что им удалось перетянуть на свою сторону тех, кто в прежнее время были лучшими друзьями норманнов.

При таком положении вещей Алексей завязал живые сношения даже с папой Пасхалисом II. В 1112 году приходили и отправлялись посольства из Константинополя и из Рима, и императорские подарки были приятны папскому двору. Прежде всего рассуждали о соединении восточной и западной церковью, но, без сомнения, Алексей леделял более далекие цели, потому что борьба за инвеституру все еще продолжалась в Италии и Германии, импе-

ратор Генрих V был под проклятием и потому время казалось благоприятным для того, чтобы думать о восставлении византийского господства в Италии, о расширении восточно-римской империи на запад.

Но в конце концов события очень жестко напомнили Алексею, что все эти переговоры с латинцами вовсе еще не касались задачи, о которой он всегда должен был помнить. Он самым глупым образом запустил с 1098 года войну с сельджуками и этим дал им время поправиться от их тяжелых поражений. Правда, Килидж-Арслан Иконийский, пока он жил (до 1107 года), не отваживался снова поднять оружие против Византийской империи, но зато он упражнял свои постепенно возвращавшиеся силы в небольших войнах с армянами, крестоносцами и предводителями туркменских шаек, а его сын Маликша скоро почувствовал себя достаточно сильным, чтобы выступить против Алексея. В 1110 году сельджуки в первый раз снова переступили византийскую границу; в следующие года они распространили свои набеги через Фригию и Вифинию почти до Геллеспонта. Алексей лишь с большим трудом сопротивлялся им и долгое время ограничивался защитой укрепленных мест: поэтому вся выгода, которую он получал от крестового похода, подлежала теперь сомнению. Наконец — в 1117 году — он достиг лучших успехов, сильно отбил неприятелей, которые несколько раз подходили к Никее, перешел к наступлению и завоевал вторично западную Малую Азию до Филомелиума. Маликша напрасно старался отнять у него добычу, и наконец просил о мире.

Вскоре после того — 15 августа 1118 — император Алексей умер.

Танкред и Рожер Дель Принчипато, князья Антиохийские

Танкред, как князь антиохийский, с 1104 года необыкновенно выдвинулся в одном отношении. Он употребил оставшиеся у него деньги и людей для единственной цели — непрерывной и самой отчаянной борьбы и при этом достиг столь значительных успехов, что расширил и округлил свои владения множеством мелких завоеваний

во все стороны. На берегу, кроме Лаодикеи, он захватил Баниас и Большой Гибеллум, на верхнем Оронте Анамею, на востоке маленькие города и крепостцы до ворот Галеба, на северо-востоке и на севере местности почти до Евфрата, и наконец на западе прекрасную Киликию. Правда, все это удалось ему большей частью только потому, что прежнее расстройство сельджукского мира все еще продолжалось, так как отдельные эмиры, во взаимной вражде и зависти, беспрестанно воевали друг с другом, а потому и не поднялись ни разу на более сильное нападение против христиан. При этих обстоятельствах Танкред, вероятно, мог бы достигнуть большего и завоевать не только много маленьких городов, но и главные пункты неприятельской силы, и в особенности важный Галерб. Но его мысли теперь, как и прежде, направлены были совсем не на осторожные, обдуманые действия, а только на яростные нападения, на захват добычи, на унижение ненавистного врага, словом — на удовлетворение его собственных страстей. В этом отношении хуже всего было то, что его необузданное властолюбие многократно вело к ссорам и войне с другими христианскими князьями и этим приносило непоправимый вред общему делу.

Прежде всего Танкред поссорился с армянами, которые были однако самыми верными союзниками Боэмунда. Один армянский летописец жалуется, что его соотечественники испытывали нестерпимые мучения со стороны неистовых франков и что это происходило потому, что «в то время высокие предводители и воины этого народа уже не были в живых, а их княжества перешли к недостойным преемникам». Вследствие этого благородный Гог Василь был вынужден не раз идти войной на норманнов.

В 1108 году дошло до битвы между самими крестоносцами. В этом году два эмира спорили об обладании Мосулом. Один из них, Джавали, владевший этим местом последнее время, дал свободу графам Бальдуину и Иосцелину, которые со времени поражения Гаррана были в Мосуле в заключении, под условием, что они помогут ему против его соперника Маудуда ибн Алтунтекина. Когда эти графы захотели вернуться в Эдессу и Телль-Башир, где до тех пор правил вместо них Танкред, они встретили там сопротивление и возникла кровавая война, в которой — довольно неестественно — с большим ожесточением дрались с одной стороны Танкред и Ридван Га-

лебский, а с другой Бальдуин, Иосцелин, Джавали и Гог Василь. В этом деле власть Джавали пала. Но зато в неоспоримое владение Мосулом вступил строгий и ревностный магометанин Маудуд. И хотя христианские князья снова мало-помалу заключили мир, а именно Бальдуин и Иосцелин вернулись в свои столицы, но все-таки после этого их военные силы были глубоко истощены, а они сами еще долго преисполнены раздражением и ненавистью друг к другу.

Нечто худшее готовилось, по-видимому, в 1103 году, на сирийском берегу. Граф Раймунд Тулузский умер весной 1105 года во время непрерывных битв, которыми он теснил Триполис. Его владения, права и планы перешли сначала к его племяннику, графу Вильгельму Серданскому (Cerdagne), который завоевал также Ирку и довел до крайне тяжелого положения самый Триполис. Но в начале 1109 года явился из Прованса в Сирию, с сильным отрядом, Бертран, сын графа Раймунда, чтобы сделаться самому властителем в завоеваниях своего отца. Он тотчас же поссорился с Вильгельмом, и когда тот призвал Танкреда, он попросил помощи у короля Бальдуина Иерусалимского. Предвиделась новая война; однако перед самой вспышкой или вскоре после нее она была счастливо устранена договором, по которому провансальская область была разделена между обоими претендентами, и Вильгельм в своей доле должен был стать ленником Танкреда. Но тотчас после того Вильгельм был изменнически убит на ночной поездке. Бертран унаследовал всю страну, принудил еще в июле того же года триполисцев к капитуляции и подчинился, как ленник, иерусалимскому престолу.

В следующем году Маудуд и многие другие месопотамские эмиры двинулись с большою силою на войну против христиан. Первоначально они были призваны Бальдуином и Иосцелином из ненависти к Танкреду, но очень скоро обратились против этих же самых графов. Эдесса была осаждена и дошла до крайнего положения. Тогда Иосцелин поспешил искать помощи в Сирию. Король Бальдуин и граф Бертран сначала были готовы исполнить просьбу. Затем вследствие неотступных увещаний короля Танкред присоединился к неприятелю, а наконец христианское войско было еще усилено значительны-

ми отрядами армян. Когда Маудуд услышал об этом движении неприятеля со всех сторон, он тотчас же оставил осаду Эдессы и христиане теперь легко могли бы добиться значительного успеха, потому что военная сила сельджуков и на этот раз была сильно ослаблена обычным раздором между их предводителями. Но у крестоносцев было не лучше: а именно Танкред, исполненный неприязни к своим союзникам, не имел никакой охоты воевать. Итак, христиане удовлетвоались тем, что спасли Эдессу, но еще на обратном пути потерпели чувствительную неудачу на берегах Евфрата от искусно преследовавшего их Маудуда.

Та же плачевная история повторилась в 1111 году. Маудуд снова ворвался с большим войском в христианские области, и все крестоносные князья во второй раз соединились для отпора. Но с обеих сторон одинаковые причины сделали то, что война снова прекратилась без серьезного решения.

Танкред, как уже было упомянуто, сделал в продолжение всех этих лет, благодаря неутомимой воинственности, много мелких завоеваний. Но это не поправило того, что христиане, большей частью именно по вине Танкреда, взаимно мешали и вредили друг другу и упускали каждый случай хоть когда-нибудь решительно разбить врага. Походы Маудуда показывали, что государствам крестоносцев, и прежде всего области Антиохия и Эдессы, будет грозить смертельная опасность, как только из несогласованного до сих пор мира сельджуков на них сделано будет соединенное нападение.

При таком положении вещей в сентябре 1112 года умер Танкред и оставил правление княжеством своему родственнику Рожеру дель Принципато, но с условием, что если теперь еще несовершеннолетний сын Боэмунда придет в Сирию, то власть передать ему. Рожер был государем очень похожим на своего предшественника, почти с теми же добродетелями и недостатками. Поэтому его судьба зависела больше от действий врагов, чем от его собственных деяний.

В начале благоприятно было то, что между сельджуками не только продолжались старинные раздоры, но, кроме того, теперь особенно сильно стал выступать элемент распада, который, правда, существовал и прежде. А именно, незадолго до крестовых походов, в областях

прежней Персии среди приверженцев шиитского халифата Фатимидов поднялся фанатик-миссионер, Гасан ибн Саба, и, присоединившись к более старой секте измаэлитов (названных так по Измаилу, внуку Али в седьмом колене), основал союз, члены которого, вследствие употребления ими возбуждающих и вместе одуряющих средств, были названы гашишинами или, как выговаривали франки, — ассасинами. Эти шииты с кровавой злостью преследовали предводителей суннитской партии ислама. Их глава приучал своих подчиненных к рабскому повиновению, особенно в том направлении, чтобы они, несмотря ни на какую опасность и с радостным желанием принять мученическую смерть, употребляли кинжал для уничтожения своих противников, и немало суннитских государей, государственных мужей и богословов пали в те годы их жертвою. Из Персии они скоро распространились в Сирии, особенно с тех пор, как они были приняты в Галебе Ридваном, который, как мы знаем, перед первым крестовым походом примкнул к Фатимидам¹. Их деяния уже раньше существенно способствовали враждебному раздору среди сирийско-месопотамских противников крестоносцев; но по смерти Танкреда вредное влияние их обнаружилось с удвоенной силой.

Весною 1113 года Маудуд, в союзе со многими другими эмирами, выступил снова войною против христиан. На этот раз он направился не на Эдессу и не на Антиохию, а прямо на Иерусалим. Он думал, очевидно, что спокойно мог предоставить франкам северной Сирии распоряжаться в тылу своего войска, как они хотят и могут, — так как в последние годы они уже не решались выступать против него одни, а только вместе с другими христианами. Его путь шел по верхнему Оронту, через Антиливан к Тивериаде и до южного берега Генисаретского озера. Здесь в конце июня выступил против него король Бальдуин с наскоро собранным войском. Маудуд тотчас напал на христиан, одержал полную победу, и его войска прошли Иерусалимскую область вдоль и поперек. Между тем, через несколько дней после битвы, с небольшой тол-

¹ Впоследствии сирийские ассасины утвердились преимущественно в горной стране между Тортозой и Анамесей и, владея там многими укреплениями и местечками, они основали замкнутое общество, род государства. Во главе его стоял в конце 12 столетия Синан, которого магометане называли «князем Горы», а христиане «старцем Горы».

пой, которую король спас от поражения, соединились Рожер, Бальдуин Эдесский, Иосцелин и молодой граф Понтий Триполиский, сын и наследник умершего в 1112 году графа Бертрана. Крестоносцы, в числе 16 000 человек, заняли крепкое место в горах при Тивериаде Маудуд не решился там напасть на них и скоро начал так страдать со своим большим войском от летнего зноя и недостатка пищи, что предпочел на время отступить пока в Дамаск, довольный прежними успехами. Но там он тотчас же был убит одним ассасином, неизвестно, по приказанию ли главы ассасинов, или по подговору Тогтекина, владельца Дамаска, который боялся, что могущество Маудуда принесет вред ему самому

В декабре 1113 года умер Ридван Галевский и теперь мятежное и ненавистное правление этого владельца ужасным образом отомстилось его потомкам и подданным. Его шестнадцатилетний сын Альп Арслан, ему наследовавший, был жестокий сластолюбец, который возмущал всех высших и низших безумной расточительностью, кровавыми делами и развратом. В конце концов его убил его собственный раб, Лулу, и принял правление вместо другого, еще малолетнего, сына Ридвана, но расстройство в несчастном городе увеличивалось со дня на день. Антиохийцы воспользовались слабостью своих соседей в том отношении, что сколько душе угодно грабили и опустошали Галевскую область, но мы не знаем ничего о какой-нибудь серьезной попытке князя Рожера взять, наконец, этот передовой пункт христианской Сирии, необходимый для его собственной безопасности. В этом прошло больше года, когда, наконец, весной 1115 года в Сирию явился с далекого востока с большим войском великий эмир Бурзук, владелец Гамадана. Крестоносцы, конечно, тотчас же попали бы снова в тяжкую беду, если бы не нашли еще раз спасения в раздоре противников. Лулу Галевский, Тогтекин Дамасский и воинственный Ильгази, эмир Мардинский в Месопотамии, соединили свои войска, чтобы сопротивляться Бурзуку, и призвали в союз христиан. Бурзук имел некоторые небольшие удачи на верхнем Оронте, но, когда к его магометанским противникам действительно пристали Рожер, Понтий и король Бальдуин, он не отважился на решительный бой и начал отступление. Когда же он услышал, что и великий союз его врагов распался, он повернул назад и вторгся в княжество Антиохийское с

диким опустошением. Но теперь это ему плохо удалось, так как, по крайней мере, норманны быстро снова собрались, примкнули эдесситы и 14 сентября им удалось заставить совсем врасплох войско Бурзука вблизи Данита, когда оно собиралось стать лагерем, и разогнать его во все стороны с большими потерями.

Этот неожиданный успех мог бы тогда же принести спасение. Теперь по крайней мере на некоторое время нечего было опасаться значительнейших эмиров передней Азии, а в Галебе, когда был убит и Лулу, господствовала злейшая анархия. Но норманны и теперь не умели извлечь соответственной выгоды из этого положения. То они были в союзе с Галебом, то нападали на него в заносчивости победы. Как только доходило до битвы, они, как и всегда прежде, сражались с лавиной силой и еще в 1118 году взяли приступом Эцац, последнее укрепление на западе от Галеба, но чрезвычайно удобный случай захватить под свою власть самый Галеб был тем не менее ими пропущен с легкомыслием, достойным порицания.

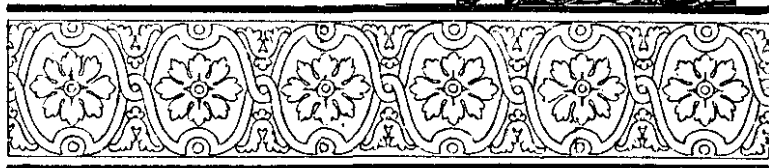
Наконец, в 1119 году против Антиохии направилось значительное нападение. Жители Галеба, наконец, стали искать чужой помощи и обратились к храброму Ильгази из Мардина. Тот призвал дикие наезднические племена своей родины, около 40000 человек, ворвался во главе их в княжество и прежде всего осадил укрепление Атариб, недалеко от Галеба. Князь Рожер двинулся против него, желая решительного боя, хотя его настоятельно увещевали попросить помощи у Бальдуина и подождать его прихода. В полную противоположность этому в сельджукском лагере предводитель мешкал и не хотел решиться ни на какое сражение до соединения с Тогтекином Дамаским; но его увлекало буйство его войск и, даже владея громадным превосходством сил, но и теперь уступил своим наездникам лишь тогда, когда они поклялись ему сражаться до последних сил. Между тем Рожер расположился лагерем у Белата на северо-восток от Галеба, в лесистой долине, везде окруженной горами, без припасов и не имея достаточных известий о неприятеле. Некоторые из его всадников схватились 26 июня в горячем бою с отрядом сельджуков. Вечером другие рыцари жаловались, что не были при этом. Рожер также все настоятельнее хотел боя. Рано утром 27-го все войско исповедова-

лось, все сокрушались о своих грехах, сам князь залился благочестивыми слезами, но все-таки не мог расстаться с лесистой горой, пока там не поохотился. Поэтому он был застигнут врасплох нападением сельджуков, которые с трех сторон двинулись с гор в долину. Исход недолго оставался сомнительным: сам Рожер был убит, с ним вместе цвет его войска, а из людей многие тысячи.

Это была та катастрофа, которая многие годы носилась над головами норманнов. После победы наездники Ильгази грабили по всему княжеству до самого морского берега. В самой Антиохии поднялось духовенство города, чтобы в этом крайнем бедствии позаботиться о средствах защиты. Вряд ли однако это могло бы помочь, если бы Ильгази не потерял лучшего времени воспользоваться своим успехом, на распутство. Благодаря этому, столица счастливо пережила опаснейший момент. Но разве она не должна была пасть от первого серьезного нападения, и разве не пропали бы тогда вместе с нею Эдесса, Тель-Башир и мелкие армянские владения в их соседстве? По крайней мере собственными силами северо-сирийские христиане не могли уже долго держаться. Если они могли быть спасены и обеспечены от нападения сельджуков, это могло случиться теперь только благодаря усилившемуся тем временем могуществу королевства Иерусалимского.

ГЛАВА IV

История королевства иерусалимского с 1100 до 1143¹

Король Бальдуин I

Король Бальдуин I должен считаться главным основателем Иерусалимского королевства. Как в великом крестовом походе, так и в качестве графа Эдесского он показал предусмотрительность и смелость, его успехи доставили ему славное имя. Как король, он до конца жизни был неутомим в бою, отважен, предприимчив

¹ Те же книги и сочинения, что и к предыдущей главе. Кроме того, Вильке, *Geschichte des Ordens der Tempelherren*, 2 тома, 2 изд. Галле, 1860. Куглер *Studien zur Geschichte des Zweiten Kreuzzuges*, Штуттгард, 1865, первая глава

и храбр до дерзости, притом он обладал полною достоинства осанкой, которая приличествовала правителю святейшего места, и однако у него был вполне мирской ум, какого требовало его трудное призвание Уничтожать всякого противника, приобретать землю и людей, завоевывать деньги,— вот были цели, которых он достигал не всегда самыми прямыми путями После оконченной работы он охотно предавался веселому наслаждению, конечно, не без того, чтобы вызывать о себе дурные суждения, особенно из-за его легкого обращения с женским полом Но каков бы он ни был, он все-таки заслуживал то имя, которым его называл один современник—цвета королей.

Чудесною кажется одна сцена мистического характера, которая приходится на первый год его правления. По старому преданию, на лампадах капеллы Святого гроба зажигался Божий милостью чудесный огонь после полудня, в великую субботу Но в великую субботу 1101 года собравшаяся толпа напрасно ждала явления чуда, несмотря на пламенные молитвы и прощения Наступил вечер и прошла ночь, а страстное желание верующих не было удовлетворено Одни с глубоким сокрушением видели в этом наказание за свои грехи, другие поясняли, что чудо было необходимо только для доказательства Божественного всемогущества, пока магометане господствовали в Иерусалиме, и потому Бог теперь больше не произвел его. Утром на Пасху была устроена процессия, впереди которой шел король, патриарх Дагоберт и папский легат Мориц, который, как мы знаем, прибыл в Сирию в 1100 году с генуэвским флотом Во время этой процессии одна лампада зажглась у Святого гроба, тотчас после нее другая, и бесконечный восторг наполнил церковь и весь город. Произошло ли это замедление чуда из-за ошибки в тайном распоряжении, или в основе этого запутанного дела лежал какой-нибудь умысел или расчет — этого мы не знаем, потому что наши источники конечно об этом умалчивают

Но мы хорошо знаем, что Бальдуин долго был в сильной неприязни с высшим духовенством в Иерусалиме. Франкский клир хотел первоначально сделать Святой город местопребыванием иерархической власти и, после устранения упомянутого полувременного патриарха Арнульфа, Дагоберт был уже близок к удовлетворению этих

желаний, но в конце концов должен был вполне подчиниться на Рождество 1100 светскому повелителю, именно этому Бальдуину. Вскоре затем поднялся раздор между светской властью и иерархией. На одной стороне стояли умный Бальдуин и умный деятельный Арнульф, на другой — гордый Дагоберт и, по крайней мере одно время, легат Мориц. Нельзя сказать с точностью, как шло дело. Но кажется весьма вероятным, что король потребовал значительную жертву у богатого патриарха для ведения войны против сельджуков и Фатимидов и что при этом ими опять были затронуты старинные спорные пункты. Наконец, в 1103 году, под председательством другого папского легата, кардинала Роберта, епископа парижского, состоялся собор, на котором Дагоберт был отставлен, а Эбремар, священник, прибывший в Иерусалим с большим войском крестоносцев еще в 1099 году, был возведен на патриарший престол. После этого Дагоберт отправился в Антиохию, а в следующем году отплыл с Боэмундом в Италию. В Риме он склонил на свою сторону легко податливого папу Пасхалиса II и, опираясь на это, намеревался снова вернуться в Сирию, но 16 июня 1107 года умер в Мессине. Между тем Эбремар точно так же и из-за тех же причин поссорился с Бальдуином и Арнульфом и отчасти поэтому, отчасти из страха к Дагоберту, о смерти которого еще не знал, но отправился в Рим. Вслед за ним, по поручению короля, отправился Арнульф. Относительно их обоих папа Пасхалис решил грамотой от 4 декабря 1107, что все дело должно было быть пересмотрено вторично, и послал для этой цели в Иерусалим нового легата, архиепископа Гибелина Арльского. Второй собор, по-видимому, в начале 1108 года, решил, что Дагоберт был отрешен незаконно и потому его преемник также должен оставить не принадлежащее ему место. Новый выбор пал на Гибелина, который наконец подчинился желаниям короля, и сирийская церковь с этих пор могла бы наслаждаться миром, которого долго была лишена, если бы к папе не явились соединившиеся теперь иерусалимские начальники с просьбой присоединить к патриарху Светого города все местности и земли, которые завоевали бы король и его рыцари. Это нарушало интересы Антиохии, где с 1100 года правил в качестве патриарха способный человек, Бернгард. Папа решил, наконец, что каждое завоеванное место

должно доставаться тому из двух патриархов, которому оно достоверно принадлежало ранее. Только в том случае, если эта достоверность не могла быть установлена, без дальнейших рассуждений место подчинялось иерархической власти Иерусалима. Гибелин удержался на своем месте до конца своей жизни, декабрь 1111 года, за ним последовал, как победитель после столькой борьбы, Арнульф, правда, еще раз подвергшийся нападению своих противников и устранившийся от своей должности приговором папского легата, епископа Оранжевого; но когда, в 1115 году, он лично повел свое дело в Риме, ему удалось получить от папы утверждение в своем сане. Насколько мы знаем, он действовал в лучшем согласии с Бальдуином во главе иерусалимской церкви и умер через несколько недель после своего короля, весной 1118 года¹

По-видимому, Бальдуин не без суровости защищал интересы государства в этих церковных спорах. Но в сущности он этим послужил только общим интересам. Потому что, как в начале его правления, так и во все его продолжение будущность Иерусалима утверждалась именно лишь на добром меча короля и его рыцарей. Государство состояло сначала только из немногих городов, войско считалось вовсе не тысячами, а сначала только сотнями: нужно было пользоваться всеми существующими средствами, чтобы только удержаться; государство могло считать себя несколько обеспеченным лишь тогда, когда было сделано еще много завоеваний и прибыли многочисленные толпы пилигримов, которые решились поселиться в Святой Земле

Здесь король показал себя с самой лучшей стороны. Потому что уже весной 1101 года он устроил с упомянутым генуэзским флотом, который привез легата Мерица, энергичное нападение на маленькие прибрежные города Арзуф и Цезарею, которые лежали между двумя христианскими портами, Иоппой и Хаифой. Оба города были взяты в мае этого года, Арзуф — капитуляцией, Цезарея — штурмом. Богатая добыча была взята именно в последнем месте. Но тотчас же после этого пришло

¹ Ненависть противников Арнульфа еще до сих пор звучит в наших источниках. Они называют его *primogenitus Satanae, mala cogita, caput omnium incredulorum* и пр. Но, по крайней мере в том, что он поддерживал Бальдуина, он хорошо заботился об общем благе

известие с юга, что египтяне наконец снова поднялись в поход против крестоносцев Бальдуин немедленно двинулся в поход, но до битвы дело не дошло, так как ни он, ни неприятель не могли начать сражения. Между тем осенью египтяне пришли снова в числе 30,000 человек или даже более, тем как король в состоянии был собрать только 1160 рыцарей и слуг. Несмотря на то, христиане смело пошли навстречу превосходной силе, которая только что двинулась к северу от крепкого Аскалона. Горячие слова Бальдуина и вид Святого креста, который нес один аббат, воодушевил небольшой отряд, 7 сентября войска схватились. Первые ряды христиан были окружены и сбиты, и толпа египтян уже бросилась победоносно дальше по направлению к Иоппе. Но король стоял непобедимо с остатками своих людей и мало-помалу, тяжелыми ударами меча, пробил себе такой ужасный кровавый путь, что к вечеру главная неприятельская сила отступила к Аскалону. Победители провели ночь на поле сражения; между тем городу Иоппе серьезно угрожала на берегу та толпа, которая перегнала королевское войско, а на море египетский флот, и только следующий день обратил и здесь страх и заботу в радостное ликование.

Опасность, которой на этот раз счастливо избегло маленькое христианское государство, повторилась однако еще грознее в следующем году. В мае 1102 г., раньше чем христиане приготовились к этому, враги двинулись с жестокими опустошениями по дороге к Рамле. Бальдуин был в Иоппе в то же время, когда и рыцари, уцелевшие от несчастного крестового похода 1101 года, остались некоторое время у него в Иерусалиме, но большею частью уже с ним простились и отплыли домой¹. Из более знатных людей остались у него добровольно только немногие, в особенности Стефан Бургундский и маршал Конрад, и кроме этих, загнанный также в гавань Иоппе противными ветрами, Стефан Блуаский. Бальдуин заявил этим князьям и дру-

¹ Герцог Вельф Баварский начал обратное путешествие сильно больным и осенью 1102 года умер в Пафосе на Кипре. Легкомысленный Вильгельм Аквитанский счастливо вернулся домой и воспел потом испытанные опасности в веселых песнях, «как первый Трубадур» «*ut erat jocurdus et lepidus. coram regibus et magnatis atque Christianis coetibus multotiens retulit (miserias suas) rythmies cum facietis modulationibus.*»

тим присутствующим рыцарям, что он тотчас хочет идти против египтян. Напрасно товарищи просили его, сначала собрать точные сведения о силе неприятеля и вызвать на войну других вассалов. В пылу победы, он увлек из всех и в конце мая бросился недалеко от Рамле на неприятеля. Однако, небольшой отряд был разбит при первом столкновении с огромным большинством: одни побежали в Иоппе, другие спаслись в Рамле, и между последними король, маршал Конрад и — если они уже не пали в сражении — Стефан Бургундский и Стефан Блуаский. Рамле не мог держаться долго и потому король бежал оттуда в следующую ночь с немногими провожатыми, чтоб, если можно, привести помощь. Раньше чем ему это удалось, маленькое местечко пало и почти все запертые там умерли в героическом бою¹. Но Бальдуин после некоторых блужданий счастливо достиг до Арзуфа, а оттуда в Иоппе. Здесь через несколько дней присоединились к нему 80 рыцарей из Тивериады и 90 из Иерусалима. Вместе с тем как раз вовремя в гавань этого города пришел флот пилигримов. С этими силами и после более обдуманной подготовки король решился на вторую битву, в которой египтяне с большими потерями были снова оттеснены.

После того несколько лет этот враг не беспокоил христиан, но летом 1105 года египетский флот вторично явился перед Иоппе, а сухопутное войско в числе 15000 человек выступило из ворот Аскалона. Против них король собрал теперь уже массу из 500 рыцарей, отряд легких всадников и 2000 пеших воинов. С ними он бросился 31 августа на неприятеля и окончательно разбил его в долго колебавшемся и кровавом бою.

С тех пор египтяне не решались больше пробовать героическую силу этих франков в открытом поле, а довольствовались тем, что при удобном случае делали маленькие вторжения в христианскую область.

В таких случаях недостатка, конечно, не было, потому что Бальдуину почти непрерывно приходилось воевать и с другими врагами, с арабскими отрядами и с эмирами сирийских городов. При этом король сначала достигал

¹ Маршал Конрад вернулся оттуда живым, потому что неприятели которые взяли его в плен, удивлялись его львиной храбрости. Он был обменен императором Алексеем и вернулся в Италию.

легких успехов, отбивая то у одного то у другого отдельного противника богатую добычу, или также кусок его земли. Но важнее и труднее была война на берегу, против больших приморских городов, которые были еще в руках магометан и приобретения которых становилось все большей необходимостью для Иерусалимского государства, потому что пока там господствовали враги, они не только непрерывно угрожали маленькому христианскому государству Святой Земли со всех сторон и из очень опасно близкого соседства, но и морской путь между Европой и Сирией оставался слишком небезопасным, а потому счастливое прибытие новых пилигримов становилось из года в год все более затруднительным. Поэтому, как только была несколько устранена опасность от египтян, Бальдуин всеми силами стал вооружаться против этих городов и при этом его самым щедрым образом поддерживала заморская родина.

Путешествия западных народов на восток к Святым местам, можно сказать, совсем не останавливалось с тех пор, как Антиохия и Иерусалим стали снова принадлежать христианам. Каждый год, около Пасхи, огромные толпы пилигримов являлись обыкновенно в Святую Землю, но и после великого праздника часто прибывали многие отсталые. Так как дорога через Малую Азию еще больше чем прежде — была залерта, то все они приходили в Сирию морем, и так попадались граждане итальянских городов, французские и немецкие рыцари, английские морские герои и скандинавские богатыри. Единоверцы на востоке встречали их с большой радостью, — так как нелегко было встретить отряд, который удовлетворялся бы одною молитвою у Святого Гроба и из которого хотя бы часть не приняла участия в храброй схватке с магометанами в честь Иисуса Христа. Иные оставались навсегда на Востоке, так что и иерусалимской войне не только снова пополнялась потеря, которую приносил с собой каждый бой, но войско могло быть в короткое время удвоено и вскоре еще во много раз увеличено. Антиохия и Эдесса без сомнения тех же путем также получили значительные подкрепления, но главный поток переселения все-таки естественно изливался в государство Бальдуина и разве только еще в близко связанный с ним Триполис.

Кроме того, в данном положении чрезвычайно важно

было то, что эти новые пилигримы прибывали именно не сухим путем, а морем, что они владели могущественной флотилией и следовательно тем самым оружием, без которого нечего было бы и надеяться на завоевание упомянутых приморских городов. Потому что здесь важно было то отбить попытки освобождения отсады магометанскими эскадрами, то напугать освобожденных, отрезав подвоз со стороны моря, то воздвигнуть искусные машины, для которых были необходимы практика и инструменты корабельных строителей. Все приморские города, которыми до сих пор завладели христиане, были действительно взяты только с помощью флота пилигримов, и даже при осаде Антиохии и Иерусалима искусные руки таких мастеров оказали прекрасные услуги.

Среди экипажа этой флотилии французы, англичане и нижне-германцы, датчане и норвежцы много раз отличались бурным мужеством и благородным самопожертвованием, но впереди почти всегда естественно были итальянцы. Потому что, если некогда сильный на море Амальфи уже не показывал теперь особенной деятельности, зато Венеция, Пиза и Генуя были преисполнены юного предприимчивого духа. Для Амальфи странствия на Восток были прежде всего расширением сношений, которые этот город давно вел с берегами Византийского государства; другие с особой охотой нападали в восточной половине Средиземного моря на ислам, который они уже многие годы преследовали в его западной стороне: всем им хотелось разбить магометан, расширить свою торговлю и при этом в особенности основать богатые будущностью поселения в христианских государствах Сирии. Поэтому они с удовольствием предлагали услуги князьям крестоносцев, но взамен ставили тяжелые условия и в большинстве случаев достигали их исполнения. Так, однажды им была обещана свобода от податей для их жизни и деятельности в сирийской земле; в другой раз им была предоставлена даже часть таможенной пошлины того порта, где они поселялись, или дарился ряд ценных поместий поблизости, но главным образом в прибрежных местах, так же как в некоторых соседних городах, им отводился отдельный участок, городской квартал, который, чтобы удовлетворить всем их желаниям, должен был заключать, кроме необходимых жилых и торговых поместий, также «рынок, церковь, баню и хлебную печь».

В этих участках они скоро образовали государства в государстве, под управлением собственных вице-комитов, которые назначались им с родины, не подчиненные власти чиновников и судей того князя, в городах которого они находились.

В 1103 году король Бальдуин в первый раз решился напасть на один из больших прибрежных городов, направившись против Аккона. Он подошел со всей своей силой к городу и штурмовал его с мужеством и выдержкой, но, несмотря на то, не мог ничего сделать, потому что предпринял тяжелый бой именно в то время, когда в его распоряжении не было значительного флота. Вскоре после того пришла в Сирию сильная генуэзская эскадра. Король тотчас вошел в нею в союз: генуэзцы охотно шли на бой; в начале мая 1104 года Аккон был окружен на суше и на море и после двадцатидневной осады принужден к капитуляции 26-го числа этого месяца. С этим вместе в руки христиан попало не только значительное и знаменитое место, но также обширная и безопасная гавань, которой до сих пор еще не доставало Иерусалимскому государству.

Как было уже упомянуто, в последующие года пришлось еще раз драться с египтянами, потом выдерживать всякие небольшие военные затруднения, и когда, наконец, в 1108 году король в союзе с пестро-смешанным флотом, по преимуществу из итальянских кораблей, предпринял сильное нападение на Сидон, он не достиг, однако, цели, потому что единоверцы сидонцев сделали сильные вооружения для освобождения города. Но зато, как мы уже выше рассказали, графу Бертрану удалось летом 1109 года взять Триполис. При этом генуэзская эскадра опять подала желанную помощь, и опять с помощью тех же генуэзцев королю Бальдуину удалось покорить Бейрут 17 мая 1110 года после тяжелой битвы. Таким образом, самых больших успехов на далеком Востоке достигли моряки лигурийского берега. Они приобрели этим не только влиятельное положение в государствах крестоносцев, но кроме того вполне заслуженно прославились как самые необузданные из всех франкских воинов. Никто не был так свиреп и жаден, как они. Мягкие условия капитуляции они бесцеремонно нарушали.

Летом 1110 года в Сирию пришел прекрасно вооруженный норвежский флот: на кораблях было 10000 чело-

век и во главе их молодой король Сигурд. Подобно древним викингам, в жажде геройских подвигов, он уже за три года до этого уплыл с родины, убил и ограбил на испанском берегу многих магометан, в Сицилии был в дружеских сношениях с родственниками по племени норманнами и столько же стремился к молитве у Святого Гроба, сколько к жаркому бою с врагами Иисуса Христа. По его настоятельному требованию, Бальдуин подарил ему кусок древа Святого Креста, и они пошли к Сидону, чтобы загладить неудачу, которую за два года перед тем потерпели там иерусалимцы. Город был тесно замкнут войском и флотом обоих королей, к которым присоединилась также и венецианская эскадра, и скоро оказался в самом бедственном положении. Осажденные защищались отчаянно всеми средствами и даже, как говорят, сделали попытку изменнически убить Бальдуина. Когда их силы истощились, 11 декабря 1110 года, их покорность была однако принята благодушно. Знатные люди должны были выселиться, а мелкий люд остался спокойно в городе. Вскоре после того король Сигурд покинул Восток и отправился через Константинополь на родину. Там впоследствии своими беспорядочными поступками он посрамил свое гордое прошлое, но как великодушный «иорсалафари» — странник в Иерусалиме он, несмотря на то, еще долго жил в благодарном воспоминании своего народа.

В конце 1111 Бальдуин попробовал, наконец, покорить Тир, самый крепкий приморский город на всем Сирийском берегу, опять без особенного подкрепления с Запада, только с теми средствами, которыми он уже располагал на суше и на море. Неустанно и с большим искусством он осаждал город всю зиму с 1111 на 1112 год. Но он все-таки слишком высоко оценил свою силу. Огонь осажденных разрушил самые крепкие его башни, его войска понесли большие потери, подступало войско на выручку города, тогда он оставил это предприятие и вернулся весной в Иерусалим. С тех пор он больше не вел войны на морском берегу. Но кроме Аскалона, на дальнем юге, Тир был теперь единственным пунктом на Сирийском берегу, где еще господствовал ислам. Все остальные места были в руках христиан, и таким образом жизненная задача Бальдуина была в сущности выполнена и с этой стороны.

О последних годах короля нельзя рассказать много

хорошего. Еще самое меньшее было здесь то, что в 1113 году Бальдуин прогнал свою жену, армянскую княгиню, за ее мнимую неверность, и женился на богатой герцогине Адельгейде, вдове Рожера Сицилийского, однако и ее отослал назад на родину в 1117 году, тревожимый угрызениями совести и по совету патриарха Арнульфа, и трудно сказать, имели ли его супружеские дела действительно худые последствия для государства Иерусалимского¹. Но то, что король не мог больше понять новой правительственной задачи, которая ему представлялась по ходу вещей, имело поистине роковое значение.

Дело в том, что уже в последнее время правления Танкреда, как мы видели, власть месопотамских сельджуков все более угрожающим образом угнетала маленькие государства крестоносцев. Два раза, в 1110 и 1111 году, Бальдуин сам отправлялся в Северную Сирию, чтобы помочь защитить Эдессу и Антиохию от нашествия Маудуна мосульского; а в 1113 году, при победоносном вторжении того же эмира в Иерусалимскую область, он был осязательно научен, где нужно было искать злейшего врага христиан. Несмотря на то, Бальдуин ограничился тем, что, подобно другим крестоносным князьям, поспешил в 1115 году к Оронту для отражения Бурзука Гамаданского; но после того, как эта цель была достигнута и Бурзук даже разбит антиохийцами у Данита, а в Галебе началась упомянутая дикая анархия, он уже больше никогда не заботился о далеких северно-сирийских делах.

Это равнодушие, конечно, весьма понятно, так как во время тяжелой борьбы с египтянами и приморскими городами у короля в большой мере мог пропасть интерес и понимание, к судьбе Антиохии и Эдессы. Несчастливая вражда партий, которая так часто ожесточала друг против друга норманнов, эдесситов и армян, так же мало способна была возбудить в Бальдуине особое желание

¹ При теперешнем положении исследований неясно, да, может быть, вообще нельзя определить, какие могли быть у Бальдуина, а также у Арнульфа, политические или другие задние мысли при этих делах. Но расторжение брака между Бальдуином и Адельгейдой могло быть никак не несчастием, а скорее большим счастьем для государств крестоносцев, так как иначе за Бальдуином последовал бы сын Адельгейды от первого брака, впоследствии король сицилийский Рожер, и прекрасному Бальдуину II не пришлось бы вступать на престол.

к энергической войне против Галеба и Мосула, тем более, что в то время антиохийцы владели самым большим христианским войском в Сирии, рядом с которой иерусалимцам нелегко было играть решающую роль.

Но Бальдуин не мог оставаться в бездействии; и когда его не привлекал север, тем более чарующим образом манил его таинственный юг. Уже он велел увенчать некоторые господствующие пункты крепостями для защиты от Аскалона и для укрепления всей южной границы государства — и ни один из них не был выбран лучше Монрояля (Montroyal), как он сам окрестил эту гору, выдвинутую далеко на юг, защищающую и отрезающую при надобности путь караванов между Египтом, Сирией и Аравией; — уже он исполнил смелый поход сквозь каменистую Аравию до Мертвого моря, когда, наконец, с лучшими людьми начал даже нападение на Египет и, действительно, весной 1118 года счастливо добрался до Нила. Но это предприятие трудно одобрить. Нападения Фатимидов на христиан давно уже ослабили Египет представлялся уже довольно безопасным соседом Иерусалима. Кроме того, сама природа давала против жителей Нильской долины пригодную военную границу в пустыне на юг от Святой Земли: и потому с этой стороны осталось желать, правда, очень настоятельно, только завоевания Аскалона. Однако к такой цели всего меньше вело фантастическое странствие в далекую Африку.

Правда, в этих последних подвигах Бальдуина мы узнаем того же смелого героя, того же гордого, жаждущего подвигов, государя, каким он всегда был. Но, несмотря на то, это был ложный путь, на который король себя потратил, и потому ни для него, ни для его государства не было несчастьем, что приближался конец его жизни. Он заболел на походе к Нилу, указал на своего брата Евстахия и на своего двоюродного брата Бальдуина Эдесского, как на достойнейших людей, которые могли быть его преемниками; но умер уже в марте 1118 года, раньше, чем спешно возвращавшееся с ним войско могло достигнуть родины.

При горестных воплях его храбрых товарищей его тело было погреблено перед церковью Святого Гроба около его брата Готфрида.

Король Бальдуин II

Бальдуин Эдесский находился в Иерусалиме как раз в то время, когда там хоронили короля Бальдуина, и потому имел самые лучшие шансы на то, что его выберут преемником Бальдуина. Правда, некоторые из знатнейших рыцарей говорили, что надо вызвать из Европы графа Евстахия, брата покойного, но большинство справедливо настаивало на том, что надо выбрать короля, который бы жил уж среди них и потому был бы в состоянии противостоять каждой опасности. Вследствие этого править Иерусалимом был избран граф Эдесский, под именем Бульдуина II: 2 апреля 1118 года он был помазан на царство в церкви Святого Гроба.

По его прежним действиям, он был, подобно своему предшественнику, смелый, деятельный, властолюбивый человек. Нередко также, для выгоды, он не пренебрегал кривыми путями и в последние годы показал себя даже с очень дурной стороны злобными раздорами с армянскими соседями и с своим важнейшим вассалом, Иосцелином Тель-Баширским. Но, ставши королем, он обратил свое бесцеремонное отношение к верности и искренности только против врагов своей веры и показал при этом необычайно свободное и смелое понимание своих правительских обязанностей, которые должно было послужить к величайшей пользе для общего дела.

Так, он прежде всего сделал Иосцелина ленным владетелем Эдесского графства тем самым в лице этого противника приобрел сильного и верно преданного друга. Затем, по получении ужасного известия о смерти герцога Рожера и лучшего норманнского рыцарства в конце июля 1119 года, он тотчас двинулся из Иерусалима на север и самым решительным образом взялся за дела осиротевшей Антиохии, приняв на себя правление княжеством с сохранением прав еще малолетнего сына Бозмунда, и тотчас после того повел на войну против победоносного Ильгази всех рыцарей и воинов, которых только мог собрать. Это было как раз пора, так как эмир Мардинский за это время соединился с Тогтекином Дамасским и завоевал уже две самые сильные крепости княжества, Атариб и Сардану. Около середины августа войска встретились вблизи Данита. Сначала христиане очень потерпели от натиска неприятельской конницы, но выдер-

монашескую общину, обязав их очень строго тремя обыкновенными обетами духовного сословия, но вскоре он сделал еще шаг вперед. Потому что по примеру тамплиеров он ввел в обязанности ордена и борьбу с магометанами, и вскоре в этой общине также образовалось три класса сражающихся, духовных и служащих братьев. Попечитель госпиталя обратился в «магистра» иоаннитов, а белый крест, отличительный знак этого ордена, сделался, подобно красному кресту тамплиеров, страхом для врагов¹

Около 1130 положение крестоносных государств было во многих отношениях удовлетворительное и исполненное надежд. Король Бальдуин энергически заботился о каждой потребности своего государства, его образ правления, правда, суровый, но всегда направленный на существенную цель, определяется, напр., тем, что патриарх Стефан Иерусалимский, стоявший с 1128 до 1130 года во главе тамошней церкви, не только совсем напрасно предъявлял притязания своих предшественников на Иоппе и Иерусалим, но что после смерти последнего возникло, хотя и неосновательное, подозрение, что король устранил посредством яда неудобного ему прелата. И однако уже тогда развивались семена порчи, которой через немногие годы были захвачены эти государства.

Прежде всего стало здесь роковым возвышение нового властелина в Месопотамии. Здесь было начало каждой серьезной опасности для христианской власти, отсюда вышли Кербога и Маудуд. Ильгази, Белек и Аксоппор, но до сих пор господство всех этих владетелей бывало непродолжительно; раздоры в среде сельджуков были для крестоносцев сильнейшим союзником. Но теперь это стало иначе. В 1127 году власть в Мосуле получил Имадеддин Ценки, человек, выросший среди диких битв, которые сельджуки передней Азии вели отчасти между собой, отчасти с христианами, и у него была только одна мысль — прежде всего подчинить себе все мелкие эмираты вокруг Мосула в Месопотамии и в Сирии, и затем выступить со всей силой против крестоносцев². Он был

¹ Мантия иоаннитов была черная, в XIII столетии они получили на дни сражений красный полукафтан

² Имадеддин Ценки, как владетель Мосула, носил титул атабека, т. е. наместника или правителя государства. Поэтому его потомков называют иногда династией Атабеков

умен и храбр, неутомимо деятелен и не задумывался над выбором своих средств, если дело шло о получении выгоды. Еще в 1127 году он завоевал главные пункты восточной Месопотамии и принял заявление жителей Гаррана, что они добровольно доверятся его защите. В следующем году он отправился в Сирию, чтобы присоединить к своим владениям Галеб, пока он еще не попал в руки христиан. По дороге он взял Менбидж и Буцаа, и потом, без особенных затруднений, достиг в Галебе цели своих желаний. В 1129 году он во второй раз пошел на Сирию и посредством измены завладел дамасским городом Гамой. Однако его попытки взять Гимс и самый богатый Дамаск были безуспешны. Но эти последние неудачи не имели особой важности, так как во власти Мосула находилась теперь уже большая часть пограничных сельджукских областей. Опасность, грозившая от них христианам, была тем больше, что Ценки тотчас показал, что умеет не только энергически завоевывать, но и искусно править. Подданные охотно подчинялись его управлению, потому что жили в непривычной для них безопасности и находили сильную защиту как от неприятельских нападений, так и от притеснений знатных чиновников. Солдаты были тесно прикованы к своему званию и к личности своего предводителя. Они не должны были приобретать земель, но в остальном видели к себе со стороны Ценки особенную заботливость и внимание: их жены могли во всякое время рассчитывать на помощь против худого обращения. «Так как мои солдаты,— говорил великий эмир,— постоянно меня сопровождают и оставляют свои дома, чтобы идти за мной, то разве я не должен заботиться об их семействах?»

Это был противник, какого крестоносцы еще не выдвигали. Но и они сама за это время также необыкновенно окрепли и их силы еще увеличивались с каждым днем. Следовательно, не физических сил у них не доставало для того, чтобы отразить Ценки и, может быть, победить его решительнее, чем кого-либо из его месопотамских предшественников. Вопрос был только в том, сумеют ли христиане воспользоваться этими средствами с такой же мудростью, как пользовался своими силами владетель Мосула. Но этого именно христианам больше всего не доставало. В продолжение всего своего правления Бальдуин II оставался почти один при своем мнении, что

все крестоносцы должны **бы** были подчинить свои личные интересы общему благу, и прежде всего делам северной Сирии. В Иерусалиме шли споры о том, должен ли быть перенесен в Антиохию Святой Крест, под охраной которого король обыкновенно выходил в поход, и можно ли лишить место смерти Спасителя такого великого сокровища? «Что будет нам несчастным делать — восклицали некоторые, — если Бог допустит, что Крест будет потерян в сражении, как некогда израильтяне потеряли ковчег завета?» Или прямо жаловались, что Бальдуин пренебрегает государством (*regnum Jerusalem*), перед которым он гораздо более обязан; он почти уже десять лет заботился о княжестве (*principatus Antiochiac*) и опять едет туда, несмотря на свое двухлетнее пленение. Но в Антиохии показали так же мало понимания подвигов Бальдуина, потому что, как мы видели, Боэмунд II в сражении при Галебе действовал совсем не заодно с королем. Кроме того, Боэмунд поссорился с Иосцелином и, наконец, даже с киликийскими армянами. В одном походе против последних он в самой Киликии неожиданно столкнулся с отрядом малоазиатских туркмен и при нападении на них был убит.

После того в Антиохии образовались две партии, из которых одна желала, чтобы прямой наследницей княжества была признана Констанца, юная дочь Боэмунда II, между тем как другая партия хотела передать правление властолюбивой Элизе, вдове убитого князя, и не побоялась призвать на помощь сельджуков, чтобы в случае надобности выступить против друзей Констанцы кровавым боем. Получив известие об этом несчастном раздоре, старый Бальдуин еще раз поднялся с полной энергией, окружил Антиохию с большим войском, подавил союз партии Эльзы с сельджуками еще до его осуществления и принудил свою непокорную дочь удовольствоваться своим вдовьим наследством, городами Лаодикесей и Большим Гибеллумом.

Это было последним значительным делом короля Бальдуина II. Вскоре после возвращения из Антиохии в свою столицу он заболел, 31 августа 1131 года он, как настоящий князь пилигримов, скончался в монашеской одежде.

Король Фулько и император Иоанн

У Бальдуина II не было сыновей, но зато несколько дочерей, которых он старался сколько возможно хорошо обеспечить и вместе с тем, хотя и безуспешно, старался через них связать отдельные государства крестоносцев в более дружеские отношения. Свою вторую дочь Эльзу, он, как мы видели, выдал замуж за Бозмунда II; третью, Годиену, опять обручил с молодым Раймундом, сыном графа Понтия Триполисского, а для старшей, Мелизенды, по соглашению с вельможами, он выбрал в мужья графа Фулько V Анжуйского и оставил им обоим Иерусалимскую корону.

Фулько было около 40 лет, когда он унаследовал правление своего тестя. На своей французской родине он, среди mnogой борьбы, развился в храброго и разумного человека, но и иерусалимцы давно знали его с выгодной стороны, так как уже в 1120 году он сделал к ним крестовый поход и с тех пор доказал свой интерес к Святой Земле разными подарками, а именно тамплиерам. В 1128 году он надолго поселился в Сирии и таким образом мог еще в продолжении трех лет готовиться к своей тяжелой обязанности короля. Правда, по преданию, он не вынес отсюда много пользы, потому что, как государь, он оказался очень слабым и в особенности плачевно зависим от своей супруги; но с достоверными историческими фактами это согласуется так же мало, как и то мнение, что этот сильный и находившийся в лучших годах правитель был хилым и древним старцем.

Между тем, задачи, ожидавшие нового короля, могли быть успешно разрешены только при большом благоволении судьбы. Правда, страшный Имадеддин Ценки пока еще не так серьезно угрожал крестоносцам, как уже надо было опасаться, — потому что внутренний раздор сельджуков снова вполне занял его на несколько лет; зато среди самих христианских вельмож поднялась жесточайшая ссора. В Иерусалимском государстве составилась против Фулько заговор, по главе которого стоял гордый граф Гуго из Иоппе: напрасно король старался устранить этого противника мирным путем, посредством процесса, в конце концов ему пришлось осадить Иоппе и сломить сопротивление графа превосходством силы. В Антиохии княгиня, вдова Элиза, во второй раз решила стать во главе

правления. На ее сторону перешли граф Понтий Триполитский и Иосцелин младший Эдесский, необузданный воин, который только что унаследовал это графство от своего отца, умершего почти одновременно с королем Бальдуином. Однако Фулько немедленно отправился в Антиохию, разбив этим надежды честолюбивой княгине и, главным образом, нанесши кровавое поражение графу Понтию, принудил его к послушанию. Вскоре после того северная Сирия была во многих местах утеснена сельджукскими и туркменскими войсками. Король тотчас поспешил снова в поход, великодушно освободил графа Понтия, который был тесно окружен врагами в замке Барин, победоносно отразил другой отряд, ворвавшийся в Антиохийскую область, и завоевал укрепление в области Галеба. В Антиохии сильно радовались храбрости и успехам короля. Теперь его попросили дать молодой Констанце мужа и вместе с тем укрепить наконец несколько положение Антиохии. Выбор пал на Раймунда, графа Пуату, младшего сына Вильгельма Аквитанского, крестоносца 1101 года, храброго и даровитого, но, подобно отцу, крайне ветреного молодого князя. Иоаннит Гергард Ибаррус отправился в Англию, где в то время жил Раймунд, чтобы передать ему решения короля и антиохийцев.

Но этим антиохийские дела еще не были окончательно приведены в порядок. Княгиня Элиза еще раз вернулась в Антиохию и снова повела вредные интриги. Кроме того, прошло около двух лет, пока граф Раймунд собрался в Сирию, и когда он, наконец, покинул родину, оказалось сомнительным, достигнет ли он своей цели, потому что герцог Рожер из Апулии, как близкий родственник Боэмунда II¹, сам заявил притязания на господство в Антиохии и потому велел во всех городах своей земли подстерегать графа, который хотел переехать из Апулии в Сирию. Но Раймунд избежал этих ловушек тем, что, отделившись от своих вассалов, прошел Апулию с немногими спутниками и в бедной одежде. Прибыв в Антиохию, он нашел, что, как княгиня-мать Элиза, так и ее дочь надеялись на брак с ним. Он ничего не сделал для того, чтобы вывести мать из заблуждения, пока не стоял

¹ Герцог Рожер был племянником Роберта Гюискарда, а Боэмунд II был внуком последнего

с дочерью перед алтарем. Этим он, конечно, навлек себе злейшую ненависть первой, но в то же время приобрел неограниченную власть над Антиохией. Это случилось, вероятно, в начале 1130 года.

Именно в то время, однако, направился опять на запад и Имадеддин Ценки со всеми силами. Сначала его галейский наместник, Савар, сделал отважный набег сквозь антиохийскую область, разграбил богатую Лаодикею и увел с собою 7000 пленных; затем в начале 1137 года явился на сцену сам великий эмир, а именно перед Триполиским замком Барин. Граф Раймунд II Триполиский, который незадолго перед тем унаследовал правление от своего отца Понтия,— тотчас собрал свои войска, выступил к северу и соединился с войсками графа Раймунда. Но когда он двинулся дальше, чтобы выручить замок Барин, то в один несчастный момент, когда его войско с трудом шло по гористой дороге, на него напал Ценки и совершенно разбил. Многие из христиан пали в сражении, другие были взяты в плен, и только очень немногие спаслись. Королю удалось с небольшим рыцарским отрядом достигнуть Барина и на время скрыться от преследователей за стенами этого замка. Но скоро и Ценки снова появился перед Баринем и начал осаду с удвоенной энергией.

По получении известия о несчастьи Фулько, в Иерусалиме и Эдессе началось ревностное вооружение; князь Раймунд Антиохский также с достойной уважения решимостью готов был подать королю помощь, хотя, как увидим ниже, ему самому в это время серьезно угрожал могущественный враг. Это энергическое усилие христиан привело по крайней мере к тому, что Ценки предложил осажденным в Барине весьма почетную капитуляцию, дозволив королю и гарнизону свободное отступление, выдав множество христианских пленников и допустив даже, чтобы стены замка были скрыты перед сдачей. Фулько, не имевший вестей об общем движении единоверцев для его освобождения и почти уже не имевший съестных припасов, конечно, охотно принял эти условия.

Поражение иерусалимцев при Барине и следовавшая затем потеря этого крепкого замка были весьма чувствительными несчастьями, но в них все-таки была и хорошая сторона, а именно, что при них вновь наконец оказалось энергическое и успешное самоотвержение и единодушие

крестоносцев, как некогда Все небольшие сирийские государства, как христианские так и магометанские, отдельно не могли бороться с перевесом Ценки. Только крепко соединившись, они могли надеяться на прочное сопротивление. Иерусалим и Антиохия стояли теперь против эмира Мосульского, как бы рука об руку; вслед за этим к этому союзу присоединился и Дамаск, потому что эмиры уже многие годы хитростью и силой старались отнять себе этот самый большой сирийский эмират, который оставался еще от него независимым. Но в Дамаске возвысился один решительный и умный человек, Муин-и-Анар, который как всемогущий витязь правил для сирийцев, следовавших один за другим, эмирах и для защиты от Ценки настоятельно требовал поддержки со стороны христиан. Когда в 1139 году эмир Мосульский угрожал новым нападением, визирь тотчас послал к королю Фулько и предложил ему, что если крестоносцы помогут дамаскинцам, помочь им за то при осаде того Баниаса, который король Бальдуин II завоевал в 1129 году и который в это время был в руках Ценки¹. Фулько сообщил о посольстве Анара своим баронам и этим очень их обрадовал. Союз между христианами и дамаскинцами был немедленно заключен и принес богатые плоды. Эмир Мосульский не решился на серьезную борьбу и вскоре отступил на север. Затем перед Баниасом соединились Анар и Фулько, Раймунд Антиохийский и Раймунд Триполитский. Защитники крепости скоро сробели, открыли крестоносцам ворота и в конце концов христиане и дамаскинцы разошлись в дружелюбном духе.

Удивительная перемена обстоятельств: теперь в Святой Земле крестоносцы и сельджуки, тесно соединились, сражались на одной и той же стороне! Но при положении вещей в ту минуту трудно было достигнуть чего-нибудь лучшего: соединение всех этих мелких сил в одно и обеспечивало пока их существование. И действительно, пока были живы три человека, господствовавшие тогда в Иерусалиме, Антиохии и Дамаске, — Фулько, Раймунд и Анар, — Ценки не сделал никаких дальнейших завоеваний в Сирии. Ему удалось увеличить свои владения только тогда, когда преждевременная смерть короля Фулько сделала пробел в этом триумvirате.

¹ Баниас был снова потерян во время интриг, вызванных Элизой Антиохийской, Фуго Иопским и другими.

Поэтому четвертое десятилетие XII века было, собственно, очень счастливым временем для крестоносных государств. Внутреннее их развитие сделало большие успехи во всех направлениях, которые раньше были затронуты. На границах христианской области были сооружены многочисленные крепости, для защиты ее от вторжения враждебных наездников: Аскалон в особенности был замкнут поясом укреплений, с самым важным из них, «белой сторожевой башней» (*blanche garde*), а для государства над путями, которые вели по ту сторону Мертвого моря из Дамаска в Аравию и Египет, был построен крепкий замок Крак. Там, где до сих пор была необитаемая пустыня, возникли прекрасные местечки и быстро поднялись крестьянами, ремесленниками и купцами. Пахотные поля внутренней страны, сахарные плантации Тира и сады Антиохии с тропическим изобилием вознаграждали труд, с которым были обработаны; торговля, которая перевозила произведения Персии и Индии вместе с продуктами своей собственной области, вырвала значительные суммы денег; в жизни высшего класса в резкой противоположности с прежней бедностью выступило напояк богатство и роскошь У князя Раймунда был один из самых блестящих дворов того времени в райской Антиохии, где он был окружен маршалами и констеблями, канцлерами и камергерами, королева Мелизенда, для того чтобы прилично пристроить свою младшую сестру Ютту игуменьей, основала большой женский монастырь в Вифании, у восточного подножья Масличной горы, и украсила его с самой затейливой пышностью; когда римские орден получили княжеские имущества, они мало-помалу создали свои иерархии горных сановников. При этом оригинальным образом народилось новое единство крестоносных государств, так как их национальности слились между собою. Потому что со времени пребывания князя Раймунда в Сирии во всех христианских владениях правили только потомки высшего дворянства из Франции, и большинство людей в век короля Фулька в войне или в мирных занятиях также были французскими графами и дворянами. Антиохийские норманны, которые долгие годы резко отличались от южных французов, теперь затерялись в массе французского рыцарства, пилигримы, приходившие в Сирию из Германии или Англии, были слишком малочисленны, чтобы

приобрести значительное влияние Христианская Сирия сделалась мало-помалу французской колонией, в которой выделялись своим отдельным положением только кварталы итальянских купцов в приморских городах

В веке Фулько, как можно предполагать, главным образом возник большой свод законов Иерусалимского государства (*Les assises de Ierusalem*) В правление герцога Готтфрида, как мы видели, еще не могло быть речи об обширной законодательной деятельности, и те же причины, которые приводили нас к такому суждению при «Защитнике Святого гроба», действовали также при первых иерусалимских королях. При Бальдуине II мы, правда, встречаем однажды созванное королем собрание прелатов и баронов, которое издает значительный ряд уголовных постановлений против нарушения супружеской верности, кражи и грабежа; но только при его преемнике все слои народа стали, кажется, достаточно многочисленными и зажиточными, чтобы могло осуществиться стремление к более полной выработке и утверждению государственного права. Поэтому мы должны отметить годы Фулько и разве еще его преемника Бальдуина III как то время, в которое, вероятно, создались в Иерусалимском государстве основания для «городского устройства и законов ленной системы»

Наконец, в эти годы получило особое положение в крестоносных государствах духовенство. Потому что, хотя в этих государствах очень развилась светская сторона, но и те элементы, которым они по преимуществу были обязаны своим происхождением—аскетизм и иерархия, все-таки снова приобрели значение. Монахов и монахинь была значительная и пестрая масса, кроме того, было много пустынников и «отшельников», которые удалялись от людской толпы в глубочайшую тишину и уединение. Напротив, высшие прелаты страны, патриархи Иерусалима и Антиохии, возбуждали злую досаду тем, что опять ссорились из-за расширения своих епархий и сверх того старались стать независимыми от римского папы. Один из них, Радульф Антиохийский, требовал даже вассальной присяги от князя Раймунда. Более важное значение из всего этого имели только беспокойные притязания смелого и честолюбивого Радульфа Антиохийского, который был удален со своего места только после долгой борьбы и не без сурового вмешательства князя

Раймунда, и в Италии, где он старался привлечь к себе папу, по преданию, был отравлен.

Но всему строю этих крестоносных государств еще при жизни Фулько грозила величайшая опасность, потому что рядом с неутомимым Имадеддином Ценки в Сирии появился не менее опасный, даже в ту минуту более страшный противник.

Это был не кто другой, как византийский император Иоанн, сын Алексея.

Мы довели греческую историю до смерти императора Алексея (август, 1118) Император оставил, наконец, войны с крестоносцами, которые были так бедственны для обеих сторон и, хотя по необходимости, обратился к своей важнейшей государственной задаче, борьбе с малоазиатскими сельджуками. В этом последовал ему сын его Иоанн и в счастливых походах 1120 и 1121 года немало расширил восточные провинции своей империи. Потому что, завоевав Лаодикею и Созополь, он утвердился в южных местностях Фригии, и отсюда, двигаясь дальше на юг, он завладел многими крепкими пунктами в Писидии и Памфилии. В 1122 году он должен был на время вернуться в Константинополь, так как европейской части империи угрожали двоякие враги. Одни из них были венецианцы, старые друзья византийцев, у которых, однако, Иоанн, как говорят, из-за их высокомерного поведения отнял торговый договор, данный им Алексеем. Поэтому дож Доменико Микиэль, который, как мы знаем, в 1122 году покинул Венецию с могущественным флотом, чтобы плыть в Святую землю, сделал уже на пути в Сирию нападение на Корфу, а возвращаясь, после того как был завоеван Тир, он бросился с неодолимой силой на острова Архипелага и берега Пелопоннеса. Война продолжалась несколько лет, пока император не взял, наконец, назад свою, исходившую из патриотического побуждения, но все же необдуманную меру и снова не дал венецианцам прежнего, весьма выгодного для них торгового договора. Другие враги, с которыми тогда же должен был биться Иоанн, были печенеги, которые после своих несчастных сражений с Алексеем (около 1090) постепенно снова собрались с силами и в 1122 году вторглись в Македонию. Они были побеждены в горячей битве, пленные были отчасти размещены в греческие войска или проданы в слабо населенных местностях империи. К этому

присоединилась многолетняя война с венграми и сербами, в которую греческое господство было утверждено по ту сторону Гемуса вниз по долине Моравы, до Дуная. Но едва был восстановлен мир в европейских провинциях, как император снова направился в Малую Азию. На этот раз он отправился из Вифинии в Пафлагонию, с крепкой выдержкой устоял и в несчастии, и завоеванием Кастамона и Гангры упрочил для своего государства владение Малой Азией до Галиса.

Итак, византийские дела шли самым успешным образом. Император был милостив и справедлив, храбр и наделен талантом полководца, войско было испытано в боях, силы государства росли с каждым годом. Внутренние провинции империи дошли до значительного благосостояния, так как они долгое время были избавлены от неприятельского притеснения, а в особенности был, кажется, совершенно забыт несчастный спор о том, кому должно господствовать в Сирии — византийцам или крестоносцам.

Но здесь антиохийцы учинили большое безумие тем, что снова обратили на себя внимание византийского двора. Это была, вероятно, партия княгини-вдовы Элизы, которая предложила руку принцессы Констанцы младшему сыну императора Мануилу, раньше чем Раймунд Пуату прибыл в Сирию. Так как эти переговоры не привели к цели, то их единственным последствием было крайнее раздражение императорской фамилии против крестоносцев. И когда вскоре после того начались соседственные ссоры между греками на памфилийском берегу и киликийскими армянами, союзниками антиохийцев, Иоанн решил сам отправиться в Сирию, чтобы отомстить и сломить, наконец, упорство франков.

Летом 1137 он завоевал, во главе очень значительного войска, всю Киликию и подошел к самой Антиохии. Положение было для князя Раймунда тем более угрожающее, что в это самое время король Фулько был побежден Имадеддином и заперт в Барине. Правда, князю удалось теперь, как мы видели, охранить короля от последней беды скорою подачей помощи, затем он выдержал жестокую осаду от греков в Антиохии: но в конце концов он должен был отворить ворота и покориться императору в качестве вассала, так как у других крестоносцев далеко не было столько сил, чтобы оттеснить этих врагов из Антиохии.

Но Иоанн не удовлетворился ленной присягой и присоединил требование, чтобы Раймунд отказался от своего княжества, если он получил за это Галек и маленькие города на верхнем Оронте, которые предполагалось отнять у сельджуков. Это было со стороны императора крайне безрассудным требованием. Потому что надо предвидеть, что латинцы употребят все усилия, чтобы помешать завоеванию этих городов и поэтому остаться владельцами Антиохии Раймунд, хотя с виду и согласился на условия императора, но когда в следующем 1138 году началась война с Ценки, он в союзе с графом Иосцелином Эдесским, который точно так же боялся утверждения греков в Сирии, сумел уничтожить каждый настоящий успех христианского оружия. Иоанн вернулся после этого сердитый в Антиохию и держал себя там неограниченным повелителем, но, вследствие искусно возбужденного графом Иосцелином народного восстания, принужден был оставить город, а наконец и вообще Сирию.

Эти дела имели уже во всех отношениях самые дурные последствия. После отступления греков Ценки, несмотря на то, что ему не удалось, как мы видели, взять Дамаск в 1139, все-таки сделал несколько маленьких завоеваний в Сирии, а малоазиатские сельджуки решились, пользуясь долгим отсутствием императора, на новые нападения против соседних провинций Византийской империи. Иоанну пришлось сражаться три лета, пока он снова усмирил этих врагов и добился над ними некоторого преимущества. Но только что это произошло, как он во второй раз двинулся, весной 1142, в Киликию.

Его приближение было для сирийских христиан на этот раз еще страшнее, чем летом 1137 года. Так как Иоанн имел определенное намерение составить из острова Кипра и памфильско-килийских прибрежных местностей до Антиохии обновленное византийское владение для своего сына Мануила, а кроме того, затронутый влиянием западного духовного возбуждения, он хотел предпринять странствие к Святому Гробу в Иерусалим и вместе с королем Фулько бороться против врагов Креста. Латинцы чувствовали себя все более стесненными от греков, и их тем более пугало будущее, что Иоанн выказывал теперь величайшую решимость. Он появился внезапно перед Телль-Баширом, резиденцией графа Иосцелина, осадил его и принудил графа послать свою дочь

Милбеллу в греческий лагерь, как залог своей верности. Затем он потребовал, чтобы ему тотчас же была сдана Антиохия, как боевой пункт для войны с сельджуками. Раймонд был в тяжелом затруднении: он не решился прямо отвергнуть требование могущественного императора, но он нашел хороший исход, собравши своих баронов и склонивши их к заявлению, что они ни в каком случае не потерпят сдачи Антиохии, если бы даже их князь этого захотел. Иоанн начал войну и без всякой пощады разорил окрестности Антиохии, но так как время года было уже позднее, то он пока удовольствовался этим и вскоре вернулся в Киликию, чтобы там дожидаться весны.

Король Фулько, конечно, не играл никакой видной роли в этих антиохийско-византийских распрях. Он был того, бесспорно правильного мнения, что нужно по возможности избегать открытого боя с превосходной силой императора и мелкими уступками отклонять большую беду, пока опасность, угрожавшая от греков, опять минует. В этом направлении он дал пока хороший совет князю Раймунду и заметил также (зимою с 1142 на 1143), относительно упомянутого плана византийского странствия в Иерусалим, что он хочет наилучшим образом принять императора в святом городе, но чтобы император привел из своего войска только 10000 человек, потому что Иерусалимское государство слишком мало, чтобы вместить или прокормить большое число людей. После этого Иоанн уже недолго беспокоил латинцев, так как в апреле 1143 года, когда он только что хотел отдать своему войску приказ выступить в Сирию, он ранил сам себя на охоте и умер после немногдневной болезни. Но положение изменилось от этого лишь в небольшой степени,— так как Иоанн незадолго до своей смерти собрал к себе важнейших офицеров своего войска и предложил им признать императором его младшего сына, вышеупомянутого принца Мануила, потому что он был особенно храбрым и умным молодым человеком¹. Офицеры заявили, что они на это согласны, и их слова было достаточно, чтобы обеспечить престол за принцем Мануилом, потому что в тогдашней Византийской империи войско было решаю-

¹ У Иоанна было четыре сына. Алексей, Андроник, Исаак и Мануил. Из них первые два незадолго умерли, а Исаак был теперь обойден в пользу Мануила.

щей силой. Но для крестоносцев этот даровитый преемник престола Комненов мог стать таким же опасным, каким был его предшественник.

Среди таких обстоятельств, среди тяжелых беспокойств от превосходства сельджуков и греков, оканчивалась жизнь короля Фулько. Свои непосредственные владения он, правда, оставил в возможно хорошем положении, потому что Иерусалимское государство было в мире с Дамаском и этим самым до известной степени защищено от Ценки, и в то же время внутри дела успешно шли вперед, так как, напр., только в последние годы Фулько были построены замки *garde blanche* и Крак и монастырь в Вифании; но как все это было шатко, ввиду страшных опасностей, которые угрожали северной Сирии, а вместе с тем и Святой Земле! Поэтому можно сказать, что тогдашнее положение крестоносцев было поистине достойно сожаления. Потому что, сколько бы они ни были сами виноваты, что их ожидания в будущем так омрачились, но все-таки это был чрезвычайно тяжелый жребий быть окруженными в далеком мире Востока, от Багдада и Кипра до Константинополя, одними только врагами. К тому же они пережили теперь великое несчастье, что умный король Фулько был внезапно отнят у них несчастной случайностью. А именно, в ноябре 1143 во время быстрой езды перед воротами Аккона король упал вместе с лошастью так несчастливо, что скоро после того испустил дух. Его смерть была для крестоносцев тем ужаснее, что его сыновьям, Бальдуину и Амальриху, было только тринадцать и семь лет. За старшего сына Бальдуина во главе привлечения стала теперь королева-вдова Мелизенда. Таким образом Иерусалимское государство в роковое время попало под управление женщины, которая к тому же по своему гордому и властолюбивому нраву была неблагополучным подобием своей сестры, Элизы Антиохийской, получившей такую дурную славу.

ГЛАВА V

Второй крестовый поход¹

Восток до второго крестового похода

Князя Раймунда Антиохийского нам изображают одним из самых блестящих героев его времени. Он был очаровательно прекрасен, богатырски силен и неодолим в бою и притом изящно красноречив и обходителен.

¹ Вилькен, «Geschichte der Kreuzzüge», т III, отдел 1 и другие именованные сочинения Кроме того, Зибеля, о втором крестовом походе, в «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Берлин, 1845, т IV перепечатано у Зибеля в «Kleine historische Schriften» Мюнхен, 1863. Гизебрехт, «Geschichte der deutschen Kaiserzeit» т IV Козака «Die Eroberung Lissabons im Jahre 1147», Гаале, 1875 Куглера, «Studien zur Geschichte des zweiten Kreuzzuges», Штуттгарт, 1866 Куглер, «Analecter zur Geschichte des zweiten Kreuzzuges», Тьбинген, 1878

Но у него не было талантов правителя. Он безумно дерзко играл с опасностью, гонялся за недостижимыми приобретениями и, наконец, вовлекал себя² своих в погибель.

До сих пор он очень счастливо удерживался в самом бурном ходе событий, и эти относительно счастливые результаты, конечно, способствовали тому чтобы еще больше поощрить его к безумнейшей отваге. Потому что едва он услышал, что император Иоанн умер, он отправил посольство к молодому Мануилу в Киникию и потребовал выдачи всех антиохийских областей, занятых греками. Мануил не только ответил на это гордым отказом, но даже повторил старое притязание Комненов, что все страны, которые некогда принадлежали Римской империи, по праву принадлежать ему. Ответив таким образом антиохийским послам, он оставил однако сирийские границы, чтобы прежде всего вернуться в Константинополь и принять императорскую корону из рук патриарха Раймунд немедленно воспользовался его удалением, ворвался в Киликию и отнял у греков несколько укрепленных мест.

Это было горько отмщено, потому что молодой император вскоре после того, как он вступил в свою столицу и там прочно утвердил свое правление, послал сухопутное войско и флот под начальством самых испытанных полководцев своего отца против Антиохии. В Киликии и на антиохийском берегу дело дошло до кровопролитных битв, которые, несмотря на отдельные успехи, наконец так ослабили князя Раймунда, что он для предупреждения худшего сам отправился в Константинополь и глубоко смирился перед императором. Но был помилован только тогда, когда просил прощения у гробницы императора Иоанна и возобновил ленную присягу как вассал Византийской империи (1144).

Конечно, все это было началом гораздо больших бед. Имадеддин Ценки зорко следил за христианами и с радостью видел, как без его содействия все положение вещей переменалось к его выгоде. Фулько умер. Раймунд был далеко, и сила Антиохии подорвана. Теперь должно было нанести главный удар крестоносцам, теперь нечего было опасаться, чтобы они быстро и единодушно заградили ему путь.

Но и здесь еще эмир принимал в соображение, что эти латинские христиане были героическое племя, в борьбе с которым его единоверцы до сих пор только редко могли

успешно померяться силами. Особенно опасным казался ему граф Иосцелин, который обыкновенно сидел в Телль-Башире и оттуда дерзкими набегами держал в страхе половину Месопотамии и заслужил у своих противников почетное название дьявола среди франков. Наконец решил осадить многолюдный город Эдессу. Но чтобы отвлечь внимание христиан, он сначала предпринял осенью 1144 года поход в северную Месопотамию и прервал его только тогда, когда один из его военачальников сообщил ему, что обстоятельства благоприятны для начала главной борьбы. В ноябре он с сильным войском неожиданно появился под Эдессой. Город имел хорошие укрепления и его защищали самым храбрым образом; но город должен был неизбежно пасть, если бы в скором времени не пришло вспомогательное войско. И хотя граф Иосцелин вооружался из всех сил, но так как не решился один выступить в открытом поле против превосходных сил Ценки, то послал спешных послов за помощью в Иерусалим и Антиохию. Королева Мелизенда действительно склонилась на настойчивые просьбы эдесцев и послала на север нескольких баронов, но прежде чем они достигли цели, прошло время, когда они могли помочь спасению осажденного города. Что происходило в то время в Антиохии, мы с точностью не знаем: или князь Раймунд был слишком истощен потерями, которые нанесли ему греки, чтобы иметь возможность тотчас двинуться в поле; или он еще не возвратился из упомянутого путешествия в Константинополь. Таким образом случилось, что граф Иосцелин напрасно ждал помощи, когда Ценки уже подкапывал стены города. Осажденные сопротивлялись прекрасно: духовенство армян, греков и латинян билось рядом с рыцарями и наемниками; латинский архиепископ Гуго, которому Ценки предлагал содействовать сдаче города, гордо отклонил это предложение. Тогда эмир велел зажечь деревянные сооружения, которыми он некоторое время подпирал подкопанные стены, и по сделанной этим брешу его дикие толпы вторглись в город. В ужасной резне последнее сопротивление осажденных было сломлено, и весь город завоеван, за исключением цитадели. Но и эта последняя сдалась через два дня (декабрь 1144).

Потеря Эдессы была чрезвычайным несчастьем для крестоносцев. Судьба этого города после того могла грозить и Антиохии, и тогда нельзя было бы надолго

удержать не только Иерусалима, но и никакой другой части христианских владений. Почти казалось, что наступил последний час крестоносных государств,— потому что сельджуки воспользовались своей победой с непреодолимой энергией. Ценки занял Серудж; богатая Эльбира досталась другому месопотамскому эмиру; вся часть графства Эдессы по ту сторону Евфрата была занята врагами. Правда, после этого Ценки должен был покинуть место действия, потому что в Мосуле произошло восстание, которое могло, казалось, серьезно грозить его господству: но не дало ли это христианам только короткую отсрочку.

В этом положении вещей оставался еще только один путь спасения. Надо было просить у единоверцев Запада поддержки, достаточной для того, чтобы иметь возможность победить Ценки и снова завоевать Эдессу. Этот путь и был испробован, если не всеми, кто здесь был заинтересован, то по крайней мере теми, которым прежде всего угрожали сельджуки. Королева Мелизенда, по-видимому, очень мало заботилась о всеобщей опасности, а тем не менее о том, чтобы обратиться в Европу с просьбой о помощи; напротив того, северные сирийцы серьезно старались приобрести себе благосклонное расположение западных держав. Здесь надо прежде всего заметить, что армянские христиане, которые так часто шли рядом с латинянами, как верные товарищи по оружию, теперь хотели примкнуть к ним и в церковном отношении. Уже в 1140 году на церковном соборе в Иерусалиме их патриарх обещал изменить армянское исповедание веры во многих пунктах по образцу римско-католического; а теперь в 1145 году торжественное посольство армян явилось к папе Евгению III, требовало его решения относительно сохранения или отмены известных церковных обычаев и просило наставления в отравлении обедни по обряду латинян. Но затем князь Раймунд на этот раз, по-видимому, исполнил свою обязанность разумным образом,— потому что один французский хронист рассказывает, что на его родине антиохийские послы принесли просьбу, чтобы «победоносная храбрость франков» защитила Восток от дальнейших несчастий. Кроме того, в ноябре 1145 года архиепископ Гуго из Великого Гибеллума находился при папском дворе, горько жаловался тем на потерю Эдессы и наконец высказал намерение перейти Альпы и просить о под-

держке Сирии королей Конрада III немецкого и Людовика VII французского. Епископ Гуго был одним из самых значительных людей княжества Антиохийского: он вместе с Раймундом боролся как с императором Иоанном, так и с честолюбивым патриархом Радульфом, и поэтому вероятно, что он только с ведома и согласия своего государя возымел план привлечь на помощь самых могущественных глав христианского мира. Осуществил ли он этот план, мы, правда, не знаем, потому что дальше мы ничего об нем не слышали и не можем дать отчета об его дальнейшем существовании. Но другие упомянутые антиохийские послы, по-видимому, достигли своей цели и, кроме того, отдельные пилигримы, возвращавшиеся из Святой Земли, и подданные крестоносных государств, которые приезжали в Европу по делам, не только переносили из города в город печальную весть о падении Эдессы, но в то же время, вероятно, говорили о необходимости нового похода франков в Сирию.

Приготовление к крестовому походу на Западе

Но в этот момент положение Запада чрезвычайно отличалось от того, которое было в 1095 г. Потому что во время Урбана II римская церковь стояла победительницей над свергнутыми государственными властями: но с тех пор схизматические выборы и несколько очень коротких папств чувствительно повредили значению пап, и теперь в лице Евгения III на престоле Петра сидел хотя человек бодрый и благочестивый, но столь же незначительный. В противоположность этому, теперь начали сильнее развиваться государства: Рожер Апулийский соединил нижеитальянские владения норманнов в сильное королевство, ломбардские города при свободных учреждениях стали богаты и могущественны, а во Франции, после долгого изнеможения, королевская власть снова была поднята к высокому почету способным Людовиком VI и аббатом в Сен-Дени Сугерием, умным советником его и его сына Людовика VII. Но вообще со времени первого крестового похода, и в большой мере вследствие его, в жизни христианских народов приобретало силу более светское правление. Мистико-аскетическое стремление,

которое вполне владело ими в одиннадцатом веке, после завоевания Иерусалима все более и более уступало другим движениям. Это стремление было вполне удовлетворено, и при этом западные люди познакомились с древней культурой греков, могуществом магометан и богатой красотой Востока. Тогда сердца наполнились горячей потребностью жить не только для темного загробного мира, но исследовать все явления земного существования и весело пользоваться сокровищами этого мира. Государи и рыцари скоро стали наслаждаться праздничными пирами, служением любви; ученые клирики отваживались на смелые философские умозрения или углублялись в изучение законодательных книг Юстиниана, из которых нельзя было извлечь никаких доказательств в пользу целесообразности светской власти духовенства. Любитель песен Вильгельм Аквитанский развязывал страсть к пению в половине Европы: глубокомысленный Петр Абеляр собрал вокруг своей кафедры густые толпы единомышленников учеников, а пламенный Арнольд Брешианский объявил римлянам, которые и без того восстали против папы, что святой отец есть, конечно, господин над душами, но не над телами, что он может, пожалуй, иметь притязания на управление церковью, но не на светскую власть в вечном городе.

Но духовное движение, которое некогда так сильно привлекло к себе умы, вовсе не было этим остановлено, но скорее только несколько отклонилось от прежнего пути. Если в тот момент папство было не в состоянии удержать за собой роль предводителя, как в прежние времена, то вместо него во главе движения стало черное духовенство. И вот поприще, где Бернард Клервоский достиг длинного ряда своих триумфов. Он происходил из бургундского рода и, побуждаемый аскетическим стремлением, в ранние годы поступил в монастырь Сито (Citeaux), родину Цистерцианского ордена, но оттуда был вскоре отправлен аббатом в монастырь Клерво. Сообразно направлению времени, он не думал, чтобы клир должен был внешним образом господствовать в этом мире и непосредственно повелевать подданными или военными отрядами: его ум был направлен только на то, чтобы всегда приводить мирян к покорному послушанию наставлениям из уст духовенства. Но в этом отношении он работал для основания теократии так же неутомимо и фанатично, как

некогда Григорий VII. Своими успехами он был обязан своему возвышенному красноречию и обширным сведениям, которые он приобрел в ревностных занятиях. Он мог не только увлекать за собой массы, но побеждать оружием диалектики самых могущественных по уму противников. Его слово победоносно действовало за папу Иннокентия II против схизматика Анаклета; он смирил Абеяра и угрожал Арнольду Брешианскому; церковные тенденции ни в ком не находили более сильного защитника, и крестоносная проповедь, если б он за нее взялся, несомненно должна была иметь политический успех.

Когда в Европе раздался упомянутый призыв на помощь от сирийских христиан, соотечественники Бернарда, французы, были этим возбуждены сильнее всех. В самом деле, крестоносные государства стали в последнее время почти совсем французскими колониями: это были родственники французских дворян, которые проливали кровь и умирали на Востоке; поэтому князь Раймунд, по-видимому, ждал и просил поддержки, как сам молодой король Людовик VII давно носился с мыслями о крестовом походе. Он хотел предпринять странствие к Святым местам отчасти потому, что его рано умерший брат Филипп унес с собой в могилу неисполненный обет крестового похода, отчасти из-за ужасов войны, которые мучали его совесть. Потому что в распре с графом Геобальдом Шампанским, в 1143 году, он взял Витри, один из самых крепких замков графа, и при этом была обращена в пепел тамошняя церковь и более тысячи человек погибло в этом пожаре.

Рождество 1145 года Людовик провел в Бурже среди большого собрания французских баронов и прелатов. Он открыто высказал перед ними свое намерение самому направиться в Сирию и старался тут же привлечь их к этому предприятию. Живой епископ Готфрид Лангский поддержал его в этом горячей речью об опасностях Святой Земли и необходимости крестового похода: напротив, осторожный аббат Сугерий так настойчиво предостерегал от поспешных решений, что собрание не решилось выразить никакого определенного мнения. Но по крайней мере все согласилось на том, чтобы призвать в Бурже самого прославленного человека в государстве — аббата Клервоского — и предложить на его решение вопрос: полезен ли крестовый поход или нет. Святому

Бернарду уже не раз приходилось отвечать на подобные вопросы, и если казалось, что обстоятельства спрашивающего отсоветуют странствие к Святым местам, то он, почти всегда действовавший обдуманно и осторожно, сообразовывал с этим свой ответ. Но на этот раз ему было чрезвычайно трудно ответить в обоих направлениях. Сирия нуждалась в помощи: в этом нельзя было сомневаться. Но должен ли был поэтому король Франции покинуть свою страну? Правда, в то время она наслаждалась полным внутренним и внешним миром: но, если государь с большими силами уйдет в далекие страны, то кто мог отвечать за последствия? Поэтому Бернард, когда прибыл в Бурже, объявил, что он не может взять на себя ответственность дать совет в таком великом деле: поэтому будет гораздо лучше обратиться в Рим к папе Евгению III. После этого Людовик отправил посольство к папе и достиг этим цели своего стремления. Потому что Евгений уже за несколько времени перед тем узнал из сообщений епископа Гуго о бедствиях сирийских христиан и, может быть, уже тогда высказал желание, чтобы французы снарядились для вторичного завоевания Эдессы. Поэтому он с радостью одобрил план короля, поручил святому Бернарду проповедь крестового похода и издал возвышенное послание к французской нации, в котором заклинал с ее давно испытанной храбростью отомстить за Христа его врагам: кто примет крест, тот вместе со своими близкими будет под апостолической защитой, получит отпущение грехов, будет пользоваться свободой от налогов, и для того, чтобы приобрести деньги для снаряжения, может закладывать свои имения, не обращая внимания на другие обязанности¹.

Собрание в Бурже постановило, наконец, сделать еще съезд в Везеле в Бургундии на Пасху 1146 года для того, чтобы еще раз совещаться о крестовом походе. Когда приближались пасхальные праздники, в Везеле собралась огромная масса знатных вельмож и простых людей. В открытом поле была выстроена эстрада, на которую взошли святой Бернард и король. Последний был уже

¹ Папское послание относится к 11 декабря 1145 или 1 марта 1146. Возможно, что оно было написано уже 1 декабря по побуждению епископа Гуго, но во Франции, по-видимому, стало известно только в марте 1146.

украшен крестом и своим примером сильно подействовал на собравшихся. Аббат сообщил папское послание и прибавил несколько ободряющих слов. Когда он кончил, то поднялось невообразимое ликование, как некогда в Клермоне после речи папы Урбана: толпа теснилась к эстраде и с громкими восклицаниями желала получить знак креста из рук святого. Бернард едва успевал удовлетворить требования со всех сторон. Приготовленные кресты скоро были розданы, так что, наконец, он должен был вырезать кресты из своей собственной одежды.

После окончания этого собрания Бернард объездил Францию, проповедовал с неутомимым рвением и побуждал все новые массы рыцарей и народа обещать участие в крестовом походе. Летом он с торжеством писал Евгению: «Я повиновался вашему повелению, и высокое достоинство повелевающего способствовало послушанию. Когда я проповедовал и говорил, число их умножалось. Замки и города стоят пустыми, семь женщин едва могут найти одного мужчину: так везде остаются вдовы при живых мужьях». Но и женщины требовали знака креста. Уже молодая королева, любившая удовольствия, прекрасная Элеонора Пуату решилась на странствие к Святым местам, и вскоре за ней последовали другие дамы королевского дома и высшего дворянства. По такому началу самая блестящая удача, казалось, была, обеспечена за предприятием: рассказывалось и охотно слушалось ободрительное предсказание, что Людовик покорит Константинополь и Вавилон и даже, подобно Киру и Геркулесу, восторжествует над всем Востоком.

Крестonosное воодушевление французов понемногу передалось однако и более далеким кругам. Так оно проникло в рейнские земли, но, дурно направленное, подало там повод к сильным взрывам диких страстей. Летом 1146 г. начались кровавые преследования евреев во всех больших прирейнских городах и вскоре приобрели такой угрожающий характер, что архиепископ майнцский, не будучи в силах помешать неистовству, написал святому Бернарду, прося совета и помощи. Он сначала ответил письменно, живо порицая превратные учения какого-то монаха Рудольфа, но, наконец, около ноября сам поехал в Майнц, чтобы сильным впечатлением своей личности и непреодолимой силой своей речи подавить все больше бушевавшее возмущение. Куда он приходил, его

встречали как святого: Рудольф послушался его приказания: майнцкий народ хотя и ворчал, но также подчинился ему: Конрад даже выехал навстречу к нему до Франкфурта и оказывал ему величайшее внимание и почтение.

Этот новый успех навел Бернарда на смелую мысль привлечь к крестовому походу также немецкую нацию в возможно широком объеме. Уже во Франкфурте он убеждал короля принять участие в странствии к Святым местам, подобно Людовику VII. Когда Конрад отклонил это, то аббат на некоторое время смолк и согласился на просьбу епископа констанцкого проповедовать крест в его епархии. Он объехал западную Алеманию по обеим сторонам Рейна и при этом убедился, что его речь имела в Германии такую же силу, как во Франции, и после этого решился на новый опыт привлечь короля Конрада и вообще немцев к планам крестового похода. На Рождество 1146 года был созван в Шпейере рейхстаг и поэтому Бернард прежде всего послал «епископу, клиру и народу Шпейера» послание, где он в пламенных словах призывал их к участию в странствии к Святым местам, очевидно, с целью оказать этим нравственное давление на Конрада. Когда после этого он сам явился на рейхстаг, король только заявил, что не может произнести крестового обета прежде, чем не посоветуется об этом со своими князьями. Но Бернард хотел тотчас добиться своей цели. Поэтому в тот же день, когда он получил этот ответ, он поднялся во время церковной службы в шпейерском соборе и сказал, что он не смеет пропустить дня без проповеди. После этого он стал говорить все с возрастающим жаром красноречия об опасностях святой церкви и о достохвальности крестового похода. Наконец он обратился к самому королю, указал благодеяния, которые ему оказало небо, и напомнил ему о страшном суде, когда Иисус Христос со справедливыми упреками спросил его: «о человек, какая милость была у меня в руках, которой бы я тебе не дал?» Конрад был не в силах противиться этому неожиданному нападению. В слезах он просил креста, который ему тотчас подал святой Бернард при громком ликовании присутствовавшей толпы. Многие немецкие князья уже в Шпейере последовали примеру короля, прежде всего его племянник, молодой герцог Фридрих Швабский, позднее император Фридрих I.

Так произошло то, чего ждал, но на что едва решался надеяться клервоский аббат Он сам называл свою победу над Конрадом III чудом из чудес. Тем не менее он не удовольствовался и этим, но старался побудить к крестовому походу все большее число людей. Так как он лично действовал только на западе Германии, то он снабдил теперь свое шпейерское послание новым адресом «к восточным франкам и баварцам» и имел удовольствие видеть, что на рейхстаге в Регенсбурге, в феврале 1147 года оно опять приобрело для предприятия много одушевленных участников. Другие списки и варианты того же послания он отправил к богемцам и морavam, к итальянцам, бретанцам и англичанам И когда в марте 1147 г., при втором посещении Франкфурта, он услышал, что саксы охотнее пойдут против языческих вендов по их соседству, чем против сельджуков, то стал проповедовать настоящий крестовый поход против врагов христианства по ту сторону Эльбы. Воители против вендов получили особый знак в виде креста на кольце, что должно было обозначать победу креста над целым миром. Бернард, по желанию короля Конрада, определил им время и место для начала их похода, при этом самым строгим образом наказал им не бросать дела до тех пор, пока с Божьей помощью весь народ вендов не будет уничтожен или подчинен христианству, и, словом, не жалел никаких трудов и никаких средств, чтобы обеспечить самый обширный успех священной войне.

Всем этим совершалось нечто громадное, и заранее не имелось в виду ничего подобного. Почти все римское христианство было воспламенено к борьбе против самых различных частей мира нехристианского. То, чего некогда требовал и достиг Урбан, почти пропадало перед триумфами аббата Клервоского. Где появлялся святой, там смирялись сердца по его воле. К нему приносили больных и расслабленных, чтобы он исцелил их своей молитвой и бесчисленные чудеса совершались по возбужденному мнению его окружавших. Германия, которая до сих пор раздиралась распрями, после крестоносной проповеди была настроена так свято и мирно, что считалось преступлением публично носить оружие. Массы пилигримов возрастали до неисчислимой степени. Потому что кроме сильных отрядов, направлявшихся на вендов, кроме больших отрядов нижнегерманцев, англичан и про-

вансальцев, какие когда-либо отправлялись от своих отечественных берегов по морю в Сирию, около одного короля Конрада собралось 70000 рыцарей и подобная же сила около короля Людовика т. е. войска обоих властителей с легкой конницей, пехотой и обозом заключали сотни тысяч людей, и любопытно, что греки, когда хотели потом сосчитать немецкое войско при его переходе через Босфор, находили более 900000 человек. Тогда, наконец, и папа Евгений охвачен был увлечением всего христианского мира. До сих пор он, собственно, ничего не сделал для крестового похода, как только вызывал к нему французскую нацию. Участие Конрада в походе было ему даже неприятно, потому что он хотел сохранить немецкое оружие для помощи против восставших римлян. Но теперь, чтобы и со своей стороны по возможности содействовать общему делу, он послал к королю Конраду кардинала-епископа Дитвина, как легата крестового похода, а к королю Людовику кардинала-священника Гвидо в качестве легатов крестового похода, а к тем, которые шли против вендов, епископа Ансельма Гавельбергского, и даже предавался смелой надежде, что могущественное восстание римского христианства приведет и к церковному соединению с греками.

Между тем надежды сложного предприятия в действительности вовсе не были утешительны. Если бы французы выступили в поход одни, то они, вероятно, могли бы достигнуть значительных успехов: их число было совершенно достаточно, чтобы разбить Ценки и снова завоевать Эдессу. Но участие немцев в крестовом походе, которое вынудил святой Бернард в слепом церковном увлечении, не рассчитывая мирских отношений самым серьезным образом, сделало удачу сомнительной. Потому что Конрад был слабым государем. Во время его правления в Германии из года в год бушевала дикая борьба, которая сильно вредила не только телу и имени большей части народа, но и его душе. Немецкие войска, которые теперь во внезапном душевном сокрушении отделились служению Иисуса Христа, состояли поэтому наряду с прекрасным рыцарством также из слишком значительного числа необузданного солдательства и преступного сброда. Между тем еще более сомнительными оказались в то время международные отношения. А именно, французы, хотя в тот момент и были со всеми в мире,

но особенно дружили с итальянскими норманнами и были сильно возбуждены против их врагов — греков, притесненной Раймунда Антиохийского. Немцы, напротив, с неаппетитом смотрели на норманнов и были в союзе с императором Мануилом, который был женат на свояченице Конрада, графине Берте Зульцбахской. При таких обстоятельствах общему предприятию обоих народов мешали впереди самые тяжелые столкновения и уже во время приготовлений к крестовому походу это выразилось в том, что предвещало бедствия. Потому что Конрад, как и было для него всего естественнее, решил отправиться на Восток сухим путем через Венгрию и Византийскую империю. Но Людовик долго колебался, выбрать ли ему этот же путь или отправиться в Италию, а оттуда морем в Сирию. Греческие и норманнские послы усиленно добивались склонить его одни в одну, другие в другую сторону: король Рожер объявил даже, что, как только французское войско придет в Апулию, он готов предоставить ему корабли и продовольствие, сам провожать флот или послать при нем своего сына. Тем не менее победили греки, потому что Людовик не хотел совсем отделиться от своего сотоварища по оружию, Конрада, и потому, что «дорога Карла Великого и Готфрида Бульонского» стала уже традиционным путем больших крестоносных войск. Норманнские послы, узнав об этом решении, возвратились на родину с самыми враждебными угрозами грекам.

Крестоносцы в Греции и Малой Азии

Немецкие странники в Святую Землю собрались наконец в начале июня 1147 года в Восточной Марке на венгерской границе. Король Конрад намеревался не ждать здесь французов, но идти до Константинополя со своими, чтобы этим разделением облегчить добывание продовольствия, что было уже для обоих войск довольно трудно. После Иванова дня (8 июня) он вступил в Венгрию, где в то время правил Гейза II, с которым немцы незадолго перед тем вели очень неудачную войну. Поэтому дело было близко к тому, чтобы с помощью большого войска пилигримов отомстить за это, и претендент на венгерскую корону, принц Борис, сам вызвал немцев на войну против

Гейзы. Но в конце концов Конрад не решился начать священную войну борьбой против христианского короля и удовольствовался тем, что прошел страну с опустошениями и вымогательством денег. Немцы благополучно прошли по Венгрии и через притоки Дуная до византийской границы в долине Моравы. Здесь появились послы императора Мануила и обещали сколько лишь возможно облегчить марш войска доставлением продовольствия, если за это немцы не будут наносить никакого вреда стране и населению греков. Они очень легко уговорились на этом основании и таким образом предприятие Конрада некоторое время шло наилучшим образом.

Несколькими неделями позже немцев французы собрались в Меце, прошли затем через Франконию и Баварию и далее через Венгрию по следам немцев. По дороге к ним примкнул принц Борис, не получив, однако, никакой поддержки, потому что Людовик был с Гейзой в хороших отношениях и хотел их сохранить: претенданту было только дозволено покинуть венгерскую власть под защитой французского оружия. Кроме того, во время похода прибыли византийские послы, но говорили не только то, что говорили в немецком лагере, но прибавили еще, что французские вельможи должны клятвенно обязаться передать императорскому правительству все некогда принадлежащие грекам области, которые они отнимут у сельджуков. Но бароны Людовика вовсе не были расположены связать себе руки относительно будущих завоеваний — дошло до бурных объяснений, единственным результатом которых было то, что греки стали смотреть с глубоким недоверием на французов, а у последних снова возгорелась ненависть и гнев против императора Мануила.

К этому присоединилось еще нечто худшее. Потому что тем временем в других местах произошли события, которые грозили довести недоразумение, господствовавшее между французами и греками, до открытого разрыва всех крестоносцев с этими последними...

Дело в том, что император Мануил, сменивши в 1144 году князя Раймунда, двинулся с большим войском против малоазиатских сельджуков, несколько раз нанес им чувствительные поражения и преследовал их даже до ворот их столицы Иконии. Таким образом здесь крестоносцам сделано было самое лучшее начало: им надо

было только соединиться с греками, чтобы без особенного труда совершенно разбить этих сельджуков: император Мануил, как характер, был бы для них очень подходящим союзником, потому что он обыкновенно действовал не только как полководец во главе своих войск, но при этом сам особенно любил искать опасности и приключения в отважных битвах и этим выказывал настроение, которое было очень близко к настроению западного рыцарства. Кроме того, война христиан с магометанами в последние годы привела к блестящим результатам также и в Африке, так как сицилийские норманны завоевали много значительных мест по берегам Туниса и Триполиса. Но все хорошие надежды, которые связывались с этими победами креста на юге и востоке Европы, были в конце концов разрушены враждой между королем Рожером и императором Мануилом. Потому что король, в постоянной заботе о войне с греками, не только дал, наконец, мир исповедникам ислама, но и снарядил большой флот, чтобы сколько можно воспользоваться удобным случаем для нападения на императора, пока он был вполне занят внутри империи приближением крестоносцев. Именно теперь, летом 1147 года, норманны завоевали Корфу, ограбили Коринф, Фивы и Эвбею, и увезли на своих кораблях неисчислимые сокровища богатых городов. Это привело Мануила в крайнее возбуждение: он тотчас решил обратиться на запад все силы империи и поэтому дал перемирие на двенадцать лет сельджукам, мирные предложения которых он прежде отклонял.

В какой злостной путанице находились с тех пор дела главных христианских держав! В то время как самая гордая сила Германии и Франции стремилась к борьбе против сельджуков, передовые борцы христианства, норманны и византийцы, заключили мир с исламом, и в то время как меч норманнов свирепствовал на греческих берегах, сотни тысяч крестоносцев направлялись в Константинополь и пробуждали у Мануила легко возможное подозрение, что и у них могут быть дурные замыслы против его империи. Из всего этого могло произойти только большое бедствие.

Поход немцев через Грецию тотчас подтвердил это. Чиновники императора сначала услужливо встретили их и крестоносцы выдерживали сносный порядок, пока делали трудный поход через сербско-болгарские горные

местности. Но как только они спустились в богатые долины Фракии, так необузданность этого войска в сильнейшей степени обнаружилась грабежами и пожарами. Это вынудило Мануила выставить свои войска, чтобы воспрепятствовать дальнейшим неистовствам немцев, и по крайней мере один раз — при Адрианополе — между ними произошла кровавая битва. Кроме того, император сделал попытку побудить короля Конрада к тому, чтобы он направил свой путь не на Босфор, а на Геллеспонт, очевидно, для того, чтобы зерно империи, Константинополь и его окрестности, остались нетронутыми этими крестоносцами: но король отказался сколько-нибудь отклониться от пути Готфрида Бульонского 7 сентября немцы расположились лагерем при Керобакхи, в долине реки Меласа, недалеко от моря. Ночью неожиданно разразился тропический ураган и произвел большое наводнение, в котором много палаток, лошадей, оружия и людей было сорвано волнами и унесено в Пропонтиду. Несмотря на то, войска, которые пережили эту страшную ночь, вскоре после того явились буйными и алчными, как никогда, у ворот Константинополя, опустошили на западе от столицы Филонатиум, богатый императорский дворец и парк, а потом через мост Бафисский перешли в предместье Перу, где расположились в старых квартирах герцога Готфрида.

Император Мануил с горечью и возроставшим беспокойством смотрел на бесчинства немцев, которые однако были его союзниками. Что бы было, если бы с ними соединились у ворот столицы еще французы, друзья норманнов? Он должен был стараться как можно скорее переправить немцев через Босфор, чтобы по крайней мере немного уменьшить этим опасности, которые ему грозили. Но как достигнуть этого? Происшествия последней недели накопили между ними столько раздражения, что оба родственные властителя даже ни разу не виделись¹. Тогда Мануил сумел помочь себе совсем по-византийски, наполовину лестью, наполовину силой. Через своих послов он сильно порицал короля за злодеяния немецкого войска

¹ Происшедшее из политико-военных отношений этого времени озлобление между немцами и греками без сомнения было главной причиной того, что Конрад и Мануил в то время ни разу не виделись. Нелепые споры об этикете, из-за которых, правда, оба государя ссорились, могли при этом действовать только на втором плане.

и сурово угрожал ему, но в то же время своими хорошо обученными войсками основательно усмирил и стеснил пьяные массы крестоносцев и, наконец, добился того, что Конрад, испуганный и оробевший, перевел свое войско в половине сентября в Азию.

За этим беспутным началом немецкого крестового похода очень скоро последовал самый печальный конец. Правда, когда самая большая опасность для Константинополя была устранена, Мануил опять вступил в более дружеские отношения к Конраду и дал ему в проводники по Малой Азии знатного офицера, варяжского предводителя Стефана, но в скором времени немцы погубили себя по своей собственной глупости. Необузданное войско требовало, чтобы тотчас был предпринят поход в глубь Азии, хотя надо было бы ждать французов у Босфора, и чтобы его без всяких остановок вели вперед, пока не будет завоевана Эдесса. Конрад был с этим вполне согласен, потому что хотел как можно скорее окончить крестовый поход, будучи удручен несчастным положением, в которое поставило его слепое рвение святого Бернарда. Но когда, для того чтобы по крайней мере ускорить собственный крестовый поход, он возымел план, пройдя через Малую Азию, напасть на сельджуков одному с рыцарями, а простой народ отправить по более безопасному пути в Сирию, то в толпах этого народа поднялось дикое восстание, вследствие которого произошло неразумное разделение войска. Потому что в Никее отделились от своих товарищей около 15000 человек. Частью они отделились назло королю, частью пошли по его воле. Но их было слишком мало для того, чтобы они могли спокойно пройти по какому-либо пути, а главное войско после их ухода осталось обременено огромным обозом. Тогда Конрад запасся в Никее возможно большим продовольствием и 15 октября двинулся оттуда по дороге Готтфрида Бульонского во Фригию. Но дурно устроенное войско чрезвычайно медленно двигалось с места. Через восемь дней они даже не дошли до близкого Дорилеума, до которого в 1097 году крестоносцы шли всего четыре дня, и король строго выговаривал упомянутому Стефану, как будто он был виноват в медленном движении войска. В таком же положении прошло еще два дня: наконец, крестоносцы стали так нетерпеливы и злы, что Стефан со страха бежал от них. Наконец, на 11-й день, 26 октября, они, правда, оказались, наконец, вблизи Дорилеума, но

в то же время невдалеке от немцев появились сельджукские конные отряды. Рыцари тотчас бросились в бешеной скачке на неприятеля, но только напрасно утомили своих лошадей, так как сельджуки в быстром бегстве уклонились от первого напора вооруженного отряда. Когда затем утомленные рыцари остановились, тогда перешли в нападение сельджуки, тотчас отбили рыцарей с большими потерями и затем со всех сторон бросились на тяжеловесные массы остальных пилигримов. Правда, рыцари еще несколько раз пытались прогнать неприятеля, но все с таким же плохим результатом, как и в первый раз. Тогда настроение немцев совершенно переменялось: их необузданность перешла в жалкую трусость¹. Король Конрад созвал герцогов, графов и баронов на совет, на котором решено было вернуться к морю, к военным сотоварищам-французам.

Обратный поход довершил поражение крестоносцев. Сельджуки окружили все войско и обстреливали его с боков, сзади и даже спереди. Немцы скоро обратились в дикое бегство, не делая даже никакой попытки правильной защиты. Правда, король Конрад и князя храбро бились с неприятелем врукопашную: сам Конрад был ранен, но один только граф Бернгард фор Плецке прославился здесь, умно и упорно прикрывая отступление до тех пор, пока не погиб от неприятельских стрел. Тогда начали свирепствовать голод и болезни, потому что взятые с собой припасы были потрачены, и, таким образом, очень большая часть войска была уже уничтожена, когда наконец оно опять дошло до Никеи. Но и там умерло еще более 30000 человек частью от голода, частью вследствие перенесенных напряжений. Из уцелевших большинство вернулось в Константинополь и на родину, потому что охота к священной войне в них совершенно иссякла. Только небольшой отряд имел достаточно решимости сделать с королем Конрадом новую попытку продолжить крестовый поход.

В то время как немецкое войско так ужасно погибло, французы закончили свой поход через Грецию. Они очень мирно прошли Моравскую долину и миновали Фракию, хотя опасность враждебного столкновения с греками была

¹ В день этой битвы при Дорилеуме 26 октября было, кроме того, затмение солнца. Может быть, оно усилило упадок духа крестоносцев.

для них гораздо больше, чем для немцев. Потому что у французов, несмотря на строгую дисциплину, которую старались поддержать Людовик и его бароны, было много мародерского сброда, и население византийских провинций, еще сильно раздраженное необузданностью немцев, везде выказывало им самое злобное недоверие. Но чиновники императора Мануила употребляли все усилия тотчас отстранять всякий повод к серьезному раздору и сколько возможно удовлетворять крестоносцев. Сам Мануил просил опять французов, как прежде немцев, идти в Азию не через Босфор, а через Геллеспонт, и когда Людовик также в этом отказал, император тем не менее выражал ему через послов и в письмах самое дружеское расположение и даже побудил свою жену чрезвычайно любезно написать королеве Элеоноре. Таким образом были сохранены по крайней мере официально хорошие отношения и 4 октября Людовик был торжественным и блестящим образом приветствован у ворот Константинополя, и, наконец, в великолепной резиденции провел у Мануила праздничные и веселые дни.

Тем не менее греки должны были ждать от этих пилигримов самого худшего. Потому что среди них было столько же горячих друзей норманнов, как и противников Византийской империи. И когда именно теперь стали известны успехи, которые король Рожер приобрел на греческих берегах, во французском лагере образовалась сильная партия, которая требовала взятия Константинополя и вместе с тем низвержения всей империи: потому что это могло навсегда обезопасить сирийских христиан, которые уже так много пострадали от этих властолюбивых императоров. Эти замыслы крайне озаботили Мануила, и он не знал наконец, другого исхода, как одолеть силу хитростью. Он велел распространять ложные вести о мнимых победах немцев: они будто бы положили уже 14000 врагов, взяли Иконию, приобрели громадную славу и добычу. Эти слова вполне достигли желаемого действия. Французы единогласно требовали, чтобы их как можно скорее вели на такое же счастье, и Людовик, поддаваясь этому настроению, тотчас после половины октября со всем войском перешел Босфор.

По ту сторону Босфора император, король и его бароны вели переговоры еще несколько дней, в то время как массы пилигримов мало-помалу выступали по направлению

к Никее. Мануил более всего хотел заключить союз с Людовиком против Рожера, затем получить родственницу короля в жены одному греческому принцу, и наконец получить от баронов ленную присягу на области, которые они могли бы завоевать. Но, несмотря на многие обещания и подарки, ему удалось добиться только того, что наконец 26 октября, в тот день, когда немцы были разбиты при Дорилеуме, — большинство баронов принесло ему ленную присягу. После этого он расстался с крестоносцами, по виду дружески, но в действительности глубоко расстроенный и унылый. Но, когда французские вельможи приближались к Никее, им встретились несколько немецких князей и во главе их герцог Фридрих Швабский, которые сообщили им о бедственной участи, их только что постигшей. Людовик слушал их печальный рассказ с сердечным участием и поспешил на поиски остатков немецкого войска. Когда он встретил Конрада, то они со слезами бросились друг к другу в объятия. Тогда они порешили продолжить странствие к Святым местам в верном союзе.

Прежде чем последовать за ними, нам надо вспомнить о тех 15000 человек, которые отделились от короля Конрада в Никее. Во главе их главным образом стояли граф Бернгард Каринтийский и епископ Оттон Фрейзингейский, знаменитый историк, сводный брат Конрада. Они сначала двинулись на запад, затем вдоль Эгейского моря к югу, наконец опять внутрь страны, в конце 1147 года около Лаодикеи, при Лике, потерпели поражение, в котором был убит граф Бернгард, но после этого все-таки добрались до Памфилийского берега, но здесь, в феврале 1148 года, почти все были убиты или взяты в плен. Только с малыми остатками епископ Оттон сплелся к морю и в Сирию.

Почти такая же несчастная судьба постигла и французское войско. Эта еще совершенно свежая, многочисленная и воинственная армия должна была теперь прямо двинуться на неприятеля, т. е. пробиться по ближайшей дороге в Дорилеум и Иконию. Этим скорее всего можно было уничтожить дурные действия немецкого поражения, ни в каком случае не подвергаясь большим опасностям, чем те, какие в конце концов надо было преодолеть на других дорогах. Но рассказы Конрада об его только что перенесенных страданиях вызвали оши-

бочное решение — избежать окровавленную область между Никеей и Дорилеумом и идти в Сирию далеким обходом через запад и юг Малой Азии. Тогда французы и немногие еще оставшиеся вместе с ними немцы направились через Улубад и Эссерон в Адрамиттиум, а оттуда через Пергам и Смирну в Эфес. До этих пор не приходилось биться с сельджуками. Между тем это малодушное уклонение от опасности, крайне враждебное настроение греков в тех местах, непрерывные трудности пути по высоким горам и через бурные потоки — все это вместе действовало почти так же дурно, как проигранная битва, и в особенности истощало последнюю энергию у немцев. Кроме того, когда около Рождества они прибыли в Эфес, серьезно заболел король Конрад и поэтому у него как гора свалилась с плеч; когда в эту минуту император Мануил прислал ему очень сердечное приглашение и этим дал ему возможность остановить на некоторое время продолжение крестового похода и вернуться для отдыха в Константинополь. Людовик также получил послание от Мануила с серьезными предостережениями о предстоящих опасностях, но оно произвело на короля и его рыцарей тем менее впечатления, что они, свободные от стеснительного соединения с измученными войной немцами (потому что с Конрадом вернулось в Константинополь и его войско), опять могли надеяться на более свободное продолжение своего предприятия. Действительно, следующие недели доставили хорошие результаты. После Рождества они спустились к Меандру и по его правому берегу вверх пошли в глубь страны: мало-помалу их стали окружать сельджуки, но они в твердом порядке без труда их отбивали. На новый 1148 год они перешли Меандр при небольшом городе Антиохии и в блестящем сражении разгромили неприятеля, который хотел помешать переправе через реку. Несколько дней спустя они дошли до Лаодикеи, но затем, вместо того, чтобы идти по не очень трудным дорогам на восток, снова повернули на юг, к берегу. Очевидно, этот несчастный шаг был опять следствием того же страха, который привел уже большое войско из Никее в Эфес, вместо Иконии: они надеялись встретить на берегу меньше неприятеля и больше подвоза, чем внутри страны, и должны были жестоко обмануться и в том и другом. Потому что, едва они двинулись на юг от Лаодикеи, через горы Кадма по скалистым дорогам

и к тому же в небрежном порядке, как сельджуки неожиданно напали на войско, почти неспособное к сопротивлению в этих условиях, и произвели в нем страшную резню, жертвой которой пали не только целые отряды простых пилигримов, но много самых гордых вельмож Франции, и от которой сам Людовик мог спастись только после отчаянной борьбы. Правда, после этого французы опять сомкнулись самым серьезным образом, когда, удивленные дисциплиной и храбростью одного отряда тамплиеров, бывших при войске, они обязали всю воинскую Массу, как большой рыцарских орденов, ненарушимым повиновением, постановили и твердо выполнили точно определенный порядок похода и сражения. Тогда, несмотря на повторявшиеся нападения неприятеля, они действительно без особенных потерь достигли памфилийского берега при византийском городе Аттилии. Но там совершилась плачевная судьба и этого войска. Потому что жители Атталии достали, правда, достаточно продовольствия для людей, хотя по очень большим ценам, но для лошадей у них не было никакого корма, так как они жили на скалистом берегу. Вследствие этого французы скоро очутились здесь в худшем положении, чем внутри страны, и уже не отважились пробиться с последними силами в близкую Киликию, что одно могло быть для них спасением. Они медлили и совещались, и наконец обратились к грекам, чтобы получить корабли для переезда в Сирию и, после многих недель ожидания, получили флот, который был достаточен только для того, чтобы перевезти самых знатных господ в войске. Тогда толпы простого народа, в порыве мужества, заявили, чтобы господа с Божией помощью отправились в Сирию, а они попытаются одни пробиться на сухом пути. После стольких страданий у Людовика не доставало больше сил, чтобы помешать осуществлению этого плана и, следовательно, уничтожению всего войска. Он согласился, заключил еще ребяческий договор с греками, по которому за большую сумму денег они должны были с оружием в руках проводить обоз в Тарс, и в конце февраля 1148 он покинул со своими баронами и прелатами Атталийскую гавань. Оставшиеся отряды, конечно, в скором времени

все погибли жертвами меча сельджуков или греческой жадности и коварства¹.

Крестоносцы в Сирии

В то время, когда происходили все эти неслыханные катастрофы, которые, казалось, далеко превзошли поражения 1101 года, очень значительно ухудшилось и положение сирийских христиан. Правда, страшный Имадеддин Ценки уже в сентябре 1146 года был убит своими собственными людьми, но именно эта смерть причинила новую беду. Потому что сумасбродно смелый граф Иосцелин тотчас после того завязал сношения с армянским населением Эдессы, созвал своих рыцарей и действительно завладел городом. Но в то же время сыновьям Ценки удалось овладеть отцовским наследством: старший сын, Зейфеддин Гази, твердой рукой захватил господство в Мосуле и восточной Месопотамии; младший, Нуреддин, утвердился в Галебе и в сирийских областях. Этот последний получил известие о нападении Иосцелина, тотчас двинулся к Эдессе и тесно окружил город. Правда, граф пытался вылазкой пробить неприятельские отряды, но очень неуспешно, потому что после полного поражения своего должен был бежать почти один. Прекрасный и богатый город Эдесса был после того сровнен с землею мстительным Нуредином и большая часть населения была перебита или продана в рабство.

Вскоре после этого жители Иерусалима пустились в крайне безумное предприятие. А именно, весной

¹ Разнообразные слухи, по которым греки, от императора до последнего подданного, будто бы непрерывно притесняли, грабили и даже истребляли массовым отравлением крестоносцев 1147—1148 годов, находят таким образом самое небольшое подтверждение в достоверной истории. Однако императору нельзя сделать никакого упрека с нравственной точки зрения: политически он повторил ошибку своего отца и деда, требуя всеобщей ленной присяги, которая давала поводы к раздражению. Напротив, подданные старались достичь разных выгод в торговых и других сношениях с крестоносцами, и часто гнусными средствами: а именно они сумели лезть и насильем алчно воспользоваться положением крестоносцев после поражения при Дорилеуме. Но больше нельзя ничего сказать: крестоносцы погибли вовсе не от этого, а от собственных ошибок.

1147 года эмир Босры и Сархода, впавший в немилость у своего господина, властителя Дамаска, предложил сдать им Босру и Сарход, если они поддержат его против Дамаска. Это предложение следовало отклонить, потому что, приняв его, нельзя было больше сохранить дружеский союз между Иерусалимом и Дамаском, который был основан королем Фулько и умным визирем Муинеддином Анаром. Но иерусалимцы дали себя ослепить надеждой на увеличение их государства и двинулись с большой силой, чтобы занять Босру и Сарход. С одной стороны, они вынудили этим визиря Анара призвать на помощь их опаснейшего общего врага, Нуреддина, наследника силы и планов Ценки, а с другой стороны, они даже не достигли своей цели, потому что через несколько дней после выступления более многочисленная сила дамаскинцев в галейцев принудила их к постыдному отступлению с большими потерями. Может быть, даже они в то время совсем бы погибли, если бы во внезапном порыве мистического одушевления они не приобрели достаточно силы для того, чтобы пробиться через массы неприятелей.

Между тем граф Раймунд Антиохийский ограничился тем, что, при удобном случае, пугал жителей Галеба и Гамы короткими набегами. Впрочем, он ждал помощи, которую должен был принести ему Запад. Наконец и король Людовик 19 марта 1148 г. прибыл в гавань св. Симеона при устье Оронта с теми рыцарскими отрядами, которые сопровождали его морем из Атталии. Раймунд встретил Людовика с большой пышностью и нашел его, несмотря на все перенесенные им страдания, совершенно готовым к борьбе против сельджуков. Но кроме этих французов, в Антиохию не прибыло никаких других крестоносцев, потому что епископ Оттон Фрейзингенский со своими спутниками вышел на берег в одной иерусалимской гавани, а король Конрад, проведя первые месяцы 1148 года в шумных празднествах при греческом дворе и отплыв из Константинополя 7 марта, также прибыл в половине апреля в Святую Землю и именно в Аккон. Правда, в ту минуту король имел еще намерение собрать только новое войско на Иерусалимской земле, и затем двинуться на север для освобождения Эдессы, но вскоре после того он изменил, однако, свой план. Потому что после того, как он отправился в Иерусалим и был там принят самым лестным образом, он дал себя уговорить

молодому королю Бальдуину III и имперским вельможам предпринять с ними поход в будущем июле против Дамаска. Он тотчас начал собирать новое войско, вербуя пилигримов, небольшие отряды которых еще продолжали приставать к иерусалимским гаваням.

Князь Раймунд, вероятно, с горестным удивлением принял известие, что в Иерусалиме намереваются вторично напасть на дамасского визиря, вместо Нуреддина. Но вслед за этим он сам лишил себя последнего остатка своих надежд на большую войну против завоевателей Эдессы. Потому что он завязал, в его положении непростительно преступным образом, дерзкую любовную связь со своей племянницей, прекрасной и пышной королевой Элеонорой Пуату и принудил этим короля Людовика с женой, несмотря на ее сопротивление, и со всеми своими рыцарями покинуть ночью Антиохию.

Во время этого постыдного происшествия христианскому делу был нанесен тяжелый вред еще с другой стороны. Потому что граф Альфонс Сен-Жилльский, сын старого иерусалимского крестоносца Раймунда и вместе с тем старший родственник правившего графа Раймунда Триполитского, прибыл в Аккон с большой свитой, но через несколько дней после того внезапно умер, как шла молва, от отравы. Есть много вероятий, что графа Альфонса велели умертвить или граф Раймунд, или его невестка королева Мелизенда, потому что они, справедливо или нет, боялись, чтобы он не заявил притензий на господство в Триполисе¹.

При таких дурных предзнаменованиях Конрад и Бальдуин сговорились с Людовиком и его баронами идти наконец вместе в поход против Дамаска. Они собрали все-таки более 50000 человек и во второй половине июля двинулись из Баниаса через горы против многолюдного города. Муинеддин Анар приготовился к защите как только мог лучше и начал битву с христианами в плодотворной и богатой водою низменности, которая простирается на запад от Дамаска и тогда, как теперь, покрыта была плантациями, где пограничные стены, сторожевые башенки и увеселительные дома представляли для

¹ Альфонс оставил после себя сына, который по смерти отца укрепился в одном Триполитском замке, но здесь, как говорят, по маушению графа Раймунда, на него напал и взял в плен Нуреддин.

магометан чрезвычайно крепкое положение. 24 июля к ним приблизился неприятель, сначала иерусалимцы, потом французы, наконец немцы. Иерусалимцы после жестокой борьбы и больших потерь завоевали только часть плантаций и уже не могли идти дальше. Тогда немцы потеряли терпение, прорвались через ряды французов, чтобы сделать нападение, соскочили с лошадей перед неприятельским фронтом и тяжелыми ударами своих мечей, которыми действовали двумя руками, протеснили дамскинцев до самого города: в особенности Конрад страшным ударом разрубил пополам одного противника в панцире. После этого можно было бы тотчас взять Дамаск, если бы жаждавшие добычи победители не рассеялись по богатым плантациям и не награбили вволю. Муинеддин как нельзя лучше воспользовался перерывом битвы: поставил баррикады перед городом, открытым со стороны плантаций, оживил мужество своих воинов религиозными возбуждательными средствами и после убедительной просьбы о помощи к сыновьям Ценки. На следующий день дамаскинские войска осмелились опять проникнуть в плантации и сразились там с христианами так успешно, что последние вынуждены были окружить свой лагерь окопами. Немного времени спустя после этого визирь в городе, а также и короли вне его получили известие, что Зейфеддин Гази и Нуреддин идут с большими силами на освобождение Дамаска.

Но это известие, вместо того, чтобы еще расширить войну, закончило ее одним ударом. Потому что Муинеддин Анар не меньше боялся властолюбия сыновей Ценки, чем крестоносцев, а у последних совсем уж прошла охота воевать против Дамаска. Когда занятие города представило затруднение, иерусалимцы, естественно, вспомнили, что им было бы досточно жить в мире с Дамаском, чтобы быть желанным образом защищенными с одной стороны. Но людям Запада не было никакого интереса проливать кровь в войне, к которой вовсе не стремились сами жители Святой Земли, и немцы в особенности вспоминали с любовью о родине, потому что среди всех своих, говоривших по-французски сотоварищей из Франции и из Палестины, они находились в очень неприятном одиночестве, и уже после большого поражения при Дорилеуме им приходилось выносить немало насмешек. Когда после всего этого Муинеддин Анар объявил христианам, что,

при дальнейшей осаде города, он должен будет сдать его сыновьям Ценки, то в иерусалимской главной квартире составилась заговор, который имел целью поставить все крестоносное войско в такое положение, что и немногие желавшие войны не могли бы более продолжать ее. С этой целью ночью с 27 на 28 июля королям Германии и Франции было представлено, что завоевание города со стороны плантаций было невозможно, между тем как можно было надеяться на хороший успех, если напасть на Дамаск с юго-востока, потому что там не мешали плантации и стены города были низки и слабы. Короли поддались уговорам. Рано утром 28 июля все войско направилось на юго-восточную сторону города, но там очутилось перед сильными укреплениями в безводной, голой и жаркой пустыне, где долгое пребывание было просто невозможно. Здесь не осталось ничего другого, кроме быстрого отступления, и хотя в рядах западного войска громко высказывалось глубокое раздражение против недостойного коварства иерусалимцев, все-таки приходилось подчиниться необходимости¹

Конрад был более всех к этому готов, когда один из важных князей в войске, его близкий друг Дитрих Фландрский, настоятельно убеждал его вернуться на родину: Людовик колебался еще несколько времени, потому что ревностный епископ Готфрид Лангрский заклинал его уйти не прежде, чем он совершит какой-нибудь подвиг в честь Бога: наконец и он должен был согласиться на обратный поход,— отступление было начато еще 28 июля и сделано не без потерь в битвах с быстро преследовавшим неприятелем.

Но должен ли был великий крестовый поход закончиться таким позором? В числе пилигримов было еще достаточно храбрых людей, для которых эта мысль была

¹ Знаменитая измена перед воротами Дамаска возбудила множество слухов. Вся вина в этом несчастии лежала будто бы на короле Бальдуине, патриархе Иерусалимском, тамплиерах, графе Дитрихе Фландрском или Раймунде Антиохийском, который при этом даже не присутствовал. Анар будто бы дал иерусалимцам денег, ужасно много, 250000 золотых, но деньги оказались фальшивыми, позолоченная медь, и т. п. Достоверно мы знаем только, что иерусалимская главная квартира (отдельные лица не могут быть названы) по приведенным в тексте основаниям и указанным образом вынудила снятие осады. Конечно, можно еще догадываться, что и другие вельможи, особенно Дитрих Фландрский, уже вперед сговорились с иерусалимцами относительно снятия осады.

невыносима, и поэтому в конце концов было сделано еще одно общее нападение на Аскалон, которое однако не удалось даже прежде, чем было начато, вследствие безучастия иерусалимцев. Что побудило этих последних уклониться от предприятия относительно столь важного для них Аскалона, нельзя определенно сказать: более всего вероятно то, что при усиливавшемся возбуждении их против немцев они не хотели даже с ними вместе биться. Скоро после того Конрад покинул Святую Землю, 8 сентября 1148 г., полный горести и негодования на все пережитое, вернулся сначала в Константинополь, чтобы еще теснее чем прежде соединиться с императором Мануилом, а оттуда только весной 1149 года отправился в Германию. Людовик оставался в Иерусалиме еще после Пасхи 1149 года, полный, конечно, напрасной надежды достичь еще какой-нибудь победы над врагами креста. Затем он переплыл с различными опасностями Средиземное море, прибыл в Италию, повидался там с дружественными ему властителями, королем Рожером и папой Евгением, и наконец прибыл осенью 1149 года во Францию.

Следствия крестового похода

Таким образом, второй крестовый поход не принес сирийским христианам той помощи, которой многие из них от него ожидали и в которой действительно все очень нуждались. Эдесса была теперь навсегда потеряна. Антиохия окончательно низвергнута с гордой высоты, на которой она держалась, хотя с уменьшавшимися силами, полстолетия, и ей каждый день угрожала судьба Эдессы. Наконец, королевство Иерусалимское, хотя в эту минуту было в самом цветущем состоянии, также влачило сомнительное бытие, без какого-либо ручательства прочности.

Но если мы спросим, что собственно было причиной бесплодности этого крестового похода для Сирии и бесполезной гибели стольких сотен тысяч храбрых людей, то прежде всего мы должны обвинить в этом неполитическую слепоту того пламенного духовного рвення, какое когда-

либо сказывалось в веке крестовых походов. Святой Бернارد предал гибели те ополчения, которые он сам вызвал, по своему невниманию к тем земным условиям, с какими они были связаны. Его ошибкой было то должное положение, в котором находились во время крестового похода греки и немцы, французы и норманны, и поэтому его ошибкой был в особенности и печальный конец странствия в Малую Азию и Сирию. Наряду с этим с самой ужасной ясностью выступает еще другой факт, а именно, что среди жителей крестоносных государств распространилась крайняя безнравственность и начала оказывать влияние на жизнь общества: убийство, нарушение брака, предательство сливаются в их действиях. Это неудивительно. Западноевропейское рыцарство, которое со времени Готфрида Бульонского сражалось в Сирии, с самого начала находилось в положении, вредившем всякой нравственности. Сначала оно было проникнуто самыми возвышенными настроениями борьбы за Спасителя: но когда кончилось время экзальтации, то после этого, естественно, тем скорее сказались грубые человеческие страсти. Кроме того, это рыцарство боролось за свое существование среди тяжких трудностей, сегодня терпело крайнюю нужду, чтобы завтра видеть перед собой царские сокровища: и в особенности оно было в постоянных столкновениях с неверными, с врагами Христа, относительно которых все казалось дозволенным, все дурное и все насильственное, обман, предательство и убийство. Как могли эти люди в конце концов не дойти до того, чтобы не отдаваться необуздано всякому наслаждению, не производить хладнокровно всякое плутовство? Но как ни решительно следует признать испорченность, которая стала почти всеобщей у сирийских христиан, но глубочайшая причина ее была собственно не нравственная, а политическая. Бальдуин I и Бальдуин II также были жадные люди и интриганы, отчасти готовые на предательство так же, как и Боэмунд, Танкред, а иногда даже Готтфрид. Тем не менее они совершили великие дела, потому что у них были перед глазами великие цели, в стремлении к которым они оставались выше этого жалкого падения в бездеятельность и безнравственность. Напротив, у их преемников в эпоху второго крестового похода это стремление к высоким целям по большей части уже погасло. Только у Раймунда Антиохийского оно

иногда еще вспыхивает. Но Мелизенда и ее сын Бальдуин перешли меру в безыдейной жажде наслаждений. Им все более и более стали подражать остальные вельможи и это образовало наконец болотную почву, на которой ядовитое растение безназвестности достигает роскошного развития, уничтожающего в конце концов народ и государство.

На Западе были темные догадки о таком положении вещей, и на этом основании там судили о событиях последнего времени. Так как крестовый поход вызвали сирийские христиане и в конце концов так презренно им злоупотребили, то на Западе пришли к заключению, что они вообще вызвали его только с дурным намерением обогатиться имуществом крестоносцев. А папу Евгения и святого Бернарда не только сильно порицали за то, что они содействовали неудавшемуся предприятию, но скоро стали говорить, что это были ложные пророки, сыны Ваала и свидетели антихриста, которые преследовали людей пустыми словами и лживой проповедью прогнали в Иерусалим. Если знамения и чудеса происходили в 1146 и 1147 годах, можно было бы только спрашивать о том, кто тогда обманывал — делавший чудеса или предмет чуда: но во всяком случае был обман, так как слепые и увлеченные хотя в минуту верующего возбуждения и показывали видимость улучшения, но вслед за тем опять впадали в свои немощи. Говорили, что и сами пилигримы принимали крест с самыми различными намерениями: «потому что они шли на Восток из любознательности: другие, которые жили дома в стеснительной скудности, — чтобы помочь своей бедности, им лишь бы только воевать — все равно с врагами или друзьями христианства: третьи бежали от долгов, от судьбы, к которой были обязаны, от наказания, которые грозили за их преступления. Только немного было таких, которые не преклоняли своих колен перед Ваалом и которыми руководила благочестивая цель. Полагали таким образом, что все великое ополчение Запада было постигнуто, правда, жесткой, но справедливой судьбой.

Между тем, наряду с этими суждениями о причинах ужасного поражения, суждениями, которые высказывались и признавались особенно в Германии, во Франции господствовало и такое мнение, что главной виной происшедшего бедствия была именно измена греков общему делу и их коварная враждебность к крестоносцам.

Этот взгляд подтверждался тем, что в июне 1149 года, как мы увидим, князь Раймунд Антиохийский пал в битве против Нуреддина, а в то же время император Мануил получил значительные успехи над королем Рожером. Уже в 1148 году греки хотели сильным ударом отплатить норманнам за то нападение, которое было для греков так пагубно в предыдущем году; в то время исполнить это намерение им помешали военные дела в Дунайских областях. Но весной 1149 года Мануил сам стал во главе своих войск; в горячей и героической борьбе он снова завоевал Корфу и затем угрожал итальянской области норманнов своим флотом и сухопутным войском.

В этих обстоятельствах французы возымели желание снарядить новый крестовый поход, который на этот раз поддержал бы норманнов, обуздал греков и, наконец, оградил Святую Землю от дальнейших бедствий. Святой Бернард надеялся достигнуть наконец того успеха, в котором до сих пор ему было отказано. Король Людовик высказывал теплое участие к этому предприятию, и его главнейший советчик, аббат Сугерий Сен-Дениский, сам с большой энергией занялся вооружениями, предполагая, несомненно, что достоинство французской короны понесло сильный ущерб от неудачи второго крестового похода и должно снова быть поднято победами на Востоке. Политическим условиям, от которых вполне зависела удача этого нового предприятия, старались удовлетворить тем, что короля Конрада, который тогда в союзе с Мануилом приготавливал поход против норманнов, желали с ними примирить: аббат Клервоский писал по этому поводу немецкому властителю. В то же время оказалось, однако, как бедственно сильна была еще именно та сторона духовного движения, которая уже раньше оказалась такой пагубной. Так как, когда многие французские бароны и прелаты собрались в 1150 г. в Шартре для совещания о крестовом походе на Восток, то они единодушно выбрали себе в предводители не кого иного, как святого Бернарда. После того очень понятно, что предприятие нашло себе отголосок даже во Франции; папа Евгений испугался новых смут, которые грозили христианскому миру, и глупости сделать аббата Клервоского полководцем¹, а король Конрад, вместо того, чтобы

¹ Папа Евгений, говоря о свойствах, необходимых для полководца, жаловался на *imbecillitas personae abbatis Bernardi*.

послушаться миролюбивых речей Бернарда, думал даже со всеми силами своего государства выступить против этих приговоров, которые угрожали его друзьям, грекам. Дело затем скоро остановилось, и когда 13 января 1151 г умер аббат Сугерий, во Франции никто уже не стал говорить о неисполнимой войне против Мануила и Нуреддина.

Крестовый поход против вендов

Но нам должно еще раз возвратиться к первым временам второго крестового похода. Значительное число немецких вельмож уже тогда дали обет обратиться в христианство или истребить племена вендов между Эльбой и Одером в нынешних Мекленбурге и Померании. Это были в особенности молодой Генрих Лев, герцог Конрад Церингейский, маркграфы Альбрехт Медведь и Конрад Мейссенский, архиепископы Бременский и Магдебургский и длинный ряд графов и епископов. Они образовали два войска, которые, как говорят, составляли вместе до 10000 человек. Между тем их поход также не имел достаточного основания, так как влияние христианства и немецкого господства на мирной почве сделало в последнее время большие успехи среди вендов, и потому война могла явиться только помехой. Как только князь ободритов Никлот услышал о приготовлениях к крестовому походу, он, предупреждая противников, сам напал на только что расцветавший Любек и опустошил его точно так же, как и немецкие колонии в восточной Голштинии. Правда, вскоре после того, в июле 1147 года, одно войско крестоносцев двинулось к сильной крепости Никлота Добину, в северо-восточном конце Шверинского озера, и даже получило там неожиданную и сильную поддержку от датчан, которых также охватило крестоносное одушевление. Но венды сопротивлялись очень хорошо. Датчане понесли такие значительные потери, что вернулись обратно на родину, а немцы скоро пришли к убеждению, что этой борьбой они вредят только своим собственным интересам. Поэтому они начали переговоры о мире и объявили, что цель крестового похода достигнута,

когда ободриты обещали им отказаться от служения идолам, конечно, более для вида, чем серьезно.

Подобное произошло и со вторым войском, которое, подкрепленное еще богемцами, мораванами и поляками, в августе вторглось с опустошениями в страну лютичей, окружило замок Деммин в западной Померании и угрожало Штеттину. Но Штеттин в сущности был уже христианским; может быть, лютичи также обещали впредь отстать от идолопоклонства, и через несколько недель и эти крестоносцы также вернулись на родину. Единственный результат всех этих битв состоял в том, что племена вендов все-таки получили большой страх перед силой своих противников и поэтому мало-помалу или признавали их власть, или добровольно принимали христианскую веру.

Завоевание Лиссабона

Но тем временем началась еще другая война креста против неверных, и только она одна в то время достигла чистого и полного успеха. Весною 1147 много нижерейнских, фризских и английских пилигримов решило отправиться на кораблях в Сирию. Сборным местом отдельной эскадры была английская гавань Дартмут. Оттуда 23 мая отплыли в море 164 корабля с приблизительно 13000 человек. При сильных бурях пилигримы достигли испанского берега, посетили святыни Сан-Яго де Компостелла и в половине июня высадились на берег в Опорто. Епископ этого города, по поручению короля Альфонса Португальского, просил их помочь ему при осаде еще магометанского Лиссабона. Большинство из них было готово на это; но так как некоторые возражали, и вообще в этой пестрой толпе, составленной из различных народностей, трудно было провести твердое решение, то прошло еще несколько недель прежде, чем они обязались принять участие в войне, в надежде на богатую добычу. Но это время не было однако потерянным, потому что между тем король Альфонс собрал свои войска под Лиссабоном и пилигримы последовали за ним туда морем. Взять город была не легкая задача, он имел чрезвычайно крепкое положение и в нем, как говорят, насчитывалось не

менее 200000 жителей. Несмотря на это, крестоносцам удалось проникнуть в нижние части города и занять их уже 1 июля, хотя они высадились на берег только за три дня перед тем. При осаде цитадели, конечно, должно было прорыть минные ходы, выстроить подвижные башни и пустить в дело тараны и метательные машины, и в течение многих недель вокруг неприятельских стен бушевала ожесточенная битва с переменным счастьем. Но, наконец, у осажденных истощились съестные припасы, в их рядах стали свирепствовать голод и болезни, и приближалась минута, когда штурм должен был неминуемо привести к падению цитадели. Мусульмане не стали ждать этого и сдались на капитуляцию 21 октября 1147 г за свободное отступление. Умный король Альфонс приобрел этим тот город, который мало-помалу стал краеугольным камнем и центром его государства. А пилигримы приобрели в завоеванном городе, который был оставлен им на разграбление, несметные богатства. Они остались в Португалии еще до 1 февраля следующего года, а затем отплыли в Сирию, где многие из них несомненно приняли участие в несчастном походе королей Германии и Франции против Дамаска.

ГЛАВА VI

История государства иерусалимского от 1149 до 1188 г.¹

Король Бальдуин III

Едва только короли Конрад и Людовик покинули Сирию, мусульмане со всех сторон ворвались в области крестоносных государей. Муинеддин-Анар из Гаурана опустошил христианскую область и этим вынудил иерусалимцев начать мирные переговоры. Нуреддин обратился сначала против государства Антиохийского, взял несколько замков и грозил Анамее, но еще раз был

¹ Вилькен, *Geschichte der Kreuzzüge*, т. III, ч. 2 и след. Перихт *Weitfrage sur Geschichte der Krauzzuge*, т. I «Die Kämpfe Saladin mit den Christen in den Jahren 1187 и 1188.

Арабские источники к истории крестовых походов переведены у Гергенса (Goerdens) при сотрудничестве Перихта. Берлин 1879. К этому изданию текста Перихт прибавил историко-критические примечания

отбит Раймундом и поэтому вскоре после того направился к югу, чтобы пока напасть на иерусалимцев. Он нанес им кровавое поражение в окрестностях Босры; но и на этом театре войны не мог тотчас достигнуть решительного успеха, вероятно, потому, что иерусалимцы опять соединились с дамаскинцами для того, чтобы, как в прежние годы, сообща дать отпор превосходным силам галечцев. Но неутомимый Нуреддин вывел из этого только то заключение, что он должен снова возобновить северно-сирийскую войну, поспешил немедленно назад к Оронту и окружил антиохийский замок Анаб. После этого Раймунд быстро собрал небольшое количество солдат и с ними, не ожидая остального войска, бросился навстречу более сильному неприятелю, может быть, с намеренной безумной отвагой, так как после событий последних лет ему едва ли можно было надеяться на что-либо, кроме почетной смерти. Его небольшой отряд был 29 июня 1149 г. окружен и истреблен сельджуками; сам он был убит. Нуреддин энергически воспользовался этой победой, прошел всю Антиохийскую область и купался в Средиземном море на глазах своего войска, как будто он хотел дать понять каждому, как далеко он желал распространить свои завоевания. Сама Антиохия была в то время спасена только мерами обороны, принятыми патриархом Аймеригом, но опасность для северной Сирии еще увеличилась, когда перешел к нападению султан Мазуд Иконийский, сын Килидж-Арслана, и прежде всего осадил графа Иосцелина в Тель-Башире. Правда, молодой король Бальдуин, наконец, пришел теперь к разумному решению, с сильным войском поспешил он с помощью на север, сам лично выступил против Нуреддина, послал партизанский отряд против Мазуда и действительно на всех пунктах достиг сносного мира. Но уже в следующем, 1150 году, граф Иосцелин был взят в плен туркоманскими ордами по подстрекательству Нуреддина, и когда после того сельджуки снова вторглись в христианские области, Бальдуин больше не нашел в себе сил во второй раз серьезно вступить за угрожаемые местности. Правда, он снова отправился в Антиохию; но, когда там император Мануил прислал к нему посольство с предложением взять на себя защиту против неприятеля остатков графства Эдесского, он тотчас согласился на это, собрал христианских жителей тех местностей при больших трудностях и опасностях

повел их на юго-запад к Оронту. Напрасно многие из его баронов просили его предоставить им эдесские города и замки, потому что они одни были бы в состоянии защитить их против сельджуков. Пустые местности заняли греческие гарнизоны, но на них немедленно напал Цуреддин, и все они погибли в продолжение немногих месяцев, так что с тех пор на северо-востоке от Антиохии под христианским владычеством не осталось уже ни пяди земли.

Таким образом, 1149 и 1150 года прошли для крестоносных государств крайне бедственно. Между тем самым худшим в это время, может быть, было еще не то, что князь Раймунд был разбит и погиб, или что граф Иосцелин был взят в плен, и его страна добровольно была предоставлена грекам, но скорее то, что король Бальдуин оказался неспособным энергически и разумно взять на себя решение тяжелой задачи, которую теперь судьба отдала в его руки. Правда, король был высокий и прекрасный юноша, храбрый и сведущий в военном деле, красноречивый и тонко образованный, так что, например, он мог к общему удовольствию разрешать трудные юридические случаи; ему не вредило и то, что он был страстно предан игре, что по крайней мере в первые годы мужества очень любил женщин; но для его правления стало пагубно то, что ему совсем недоставало верного взгляда, чтобы стать, как ему теперь приходилось, передовым борцом всего христианства на Востоке.

Всего хуже это обнаружилось уже в 1150 году и во внутренних делах крестоносных государств. Король Бальдуин был тогда в ожесточенной вражде со своей матерью Мелизендой, которая все еще стояла во главе иерусалимского правительства и не хотела передать сыну власть, которою она пользовалась по смерти Фулька, так скоро, как он желал. Раздор между ними усилился тем, что королева отдала все свое доверие любимцу, своему родственнику Манассе, которого она сделала коннетаблем государства, тогда как Бальдуин с таким же доверием отдался его врагам. После отвратительной ссоры пришли к самому несчастному решению, — разделить иерусалимскую область на четыре большие части, из которых две (провинции Тир и Аккен) молодой король удержал себе, а другие две (Неаполис и Иерусалим) предоставил матери. Это разделение, конечно, только еще усилило

разлад, потому что для обеих половин государства была большой тягостью эта произвольно поставленная между ними граница. В скором времени Бальдуин призвал свое рыцарство на борьбу, принудил коннетабля оставить страну и осаждал собственную мать в замке Давида в Иерусалиме, пока она не обещала отдать по крайней мере Иерусалим и удовольствоваться Неаполисом. Правда, этим закончилась отвратительная война, и господство Бальдуина в государстве было существенно обеспечено, но понятно, что печальные последствия этих событий сказывались еще долго.

Почти так же мало счастья и мира было в Антиохии и Триполисе. Хотя в Антиохии молодая вдова Констанца и патриарх Аймерих жили некоторое время в согласии; но она упорно отклоняла все предложения о втором браке. При этом она отказывала самым видным французским вельможам, которые были тогда в Антиохии и очень были бы готовы укрепить своим сильным мечом слабые силы Антиохии; и она это делала вовсе не из-за непреодолимого отвращения ко второму браку, но только для того, чтобы сколько можно дольше сохранить от чужой воли независимость свою и союзного с ней патриарха. В Триполисе граф Раймунд и графиня Годиерна, сестра Мелизнды, хотя уже много лет были в браке и имели двух детей, сына и дочь, теперь страшно поссорились, так что можно было опасаться, что их брак окончательно расстроится. Правда, чтобы подействовать здесь примиряющим образом и вместе с тем сломить упрямство антиохийской княгини, король Бальдуин отправился в Триполис и позвал туда также свою мать и Констанцу. Но успех этого намерения далеко не удовлетворил самым огромным ожиданиям, какие можно было питать. Потому что Констанца упорно продолжала отказываться от всех мужей, которых ей предлагали, а Годиерна требовала, чтобы ей позволили оставить Триполис и удалиться к своей сестре в Неаполис. Но едва только уехали все княгини в Антиохию и в Неаполис, как граф Раймунд был убит, проезжая через ворота собственного города. Говорили, что это постыдное дело было совершено ассасинами; но кто направил на этого христианского властителя их кинжалы, которые до тех пор обращались только против правоверных магометан — это осталось совершенно неизвестно. В Триполисе управление взяла теперь Годиерна за своих несовершенно-

полетных детей (Раймунд III и Мелизенда), а в Антиохии вскоре после того (1153) Констанца внезапно и тайно решила на второй брак. Но она выбрала себе мужа не из числа западных вельмож, которые могли бы оказать поддержку ее шаткому государству; она увлеклась прекрасной наружностью и отвагой сравнительно мало-важного рыцаря Райнальда Шатильонского. Этим она возвела на трон человека, который позднее для Антиохии и еще более для Иерусалима должен был получить роковое значение, и его дурной характер высказался самым возмутительным образом тотчас после того, как он получил руку княгини. Потому ли, что его соблазнили богатства патриарха или его оскорбляла власть, какую тот имел до этих пор, довольно сказать, что он начал с ним отвратительную ссору, схватил его, и этого престарелого человека выставил с непокрытой и вымазанной медом головой в жаркий летний день при палящих лучах сирийского солнца на жертву осам и мухам. Правда, после настойчивых уговоров Бальдуина, он вернул свободу несчастному прелату, но глубоко оскорбленный патриарх покинул Антиохию и последние годы жизни провел в государстве Иерусалимском.

Если такие дела производились на Востоке христианскими государями, то неудивительно, что быстро ухудшилось и нравственное состояние подданных. Рыцари Иоаннитского ордена и патриарх вместе с епископами иерусалимскими самым площадным образом ссорились перед глазами и ушами всего народа из-за расширения привилегий обеих сторон. Наконец, патриарх поехал к папе Адриану IV в Италию, но не нашел у него желанной поддержки, потому что в Риме, по-видимому, боялись стремлений сирийской прелатуры к независимости; а заносчивость иоаннитов, которые и без того по-видимому играли самую гнусную роль в этом споре, возросла еще более. А тамплиеры позорили даже свое имя самой постыдной изменой. А именно, они взяли в плен знатного египтянина Назиреддина, который бежал от своих врагов из своей родины; некоторое время обходились с ним с добротой и дружелюбием, потому что пленник был склонен к христианству. Но когда им предложили 60000 червонцев за выдачу Назиреддина, они не постыдились взять деньги и предать несчастного его палачам.

Впрочем, несмотря на эту испорченность, христиане

почти всегда выказывали еще свою старую богатырскую силу, когда вступали в серьезный бой с врагами креста. Когда осенью 1152 года сын некогда страшного для них Ильгази, эмир Тимуршташ, из Мардина, отважился напасть в самом центре их на крестоносцев, которые уже не казались ему опасными при их внутренних раздорах и после оставления ими Эдессы, но должен был горько поплатиться за свою опрометчивость. Он двинулся с большим отрядом туркмен с севера, дошел вплоть до Иерусалима и стал лагерем на Масличной горе. Но здесь встретила его часть рыцарей Бальдуина, нанесла ему огромные потери и принудила его к быстрому бегству, во время которого его войско было совершенно уничтожено другими королевскими войсками, которые напали на него с тыла из Неаполиса. Эта победа поощрила короля и его приближенных сделать опять нападение на неверных. Незадолго перед тем иерусалимцы построили крепость на развалинах старой Газы, к югу от Аскалона, и отсюда отряд тамплиеров держал в страхе египтян еще более, чем прежде, и это направило теперь мысли христиан на то, чтобы завоевать большую приморскую крепость, сильный богатый Аскалон, который один еще сопротивлялся им на сирийском берегу. В конце 1152 года они подошли к городу сначала только с целью опустошить окрестности; но когда неприятель нигде не оказывал им сопротивления, они напали на самую крепость, но, несмотря на все рвение, в течение нескольких месяцев они не достигли никакого значительного успеха. Тогда после того, как на Пасху 1153 года пристало в сирийские гавани большое число пилигримских кораблей, по-видимому, из Норвегии, с их помощью удалось больше стеснить осажденных на суше и на море. В начале августа большая башня христиан была придвинута к неприятельским укреплениям; аскалонцы старались ее сжечь; но когда повернул ветер, их огонь направился на них самих и так повредил их стены, что большая часть их обрушилась. Христиане тотчас бросились к брешу. Впереди всех были тамплиеры, и когда часть их проникла в город, они заградили путь остальным, чтобы одним завладеть богатой добычей. Но когда осажденные узнали, что среди них находилось только немного неприятелей, они перебили их и загородили брешь быстро собранными балками. Христиане, перед тем уже горжествовавшие, после этой неудачи впали в глубокое

отчаяние и не без труда были снова воодушевлены на продолжение осады находившимся в войске духовенством. Но, наконец, они были вознаграждены за свою стойкость. Потому что, хотя осажденные отважились на третий день после битвы на бреши выйти в открытое поле с большой силой, но потерпели здесь такое тяжелое поражение, что как у войска, так и у жителей крепости пропало мужество для дальнейшего сопротивления. Тотчас началось переговоры: гарнизон сдал город с правом свободного отступления, и 12 августа победители торжественно вступили в завоеванный город.

Это был большой успех. Гордый город, носивший почетное название «Сирийской невесты», был, наконец, побежден: радостная весть была с торжеством распространена среди народов Запада. И однако этот большой успех заключал в сущности гораздо большее несчастье. Потому что Аскалон уже давно перестал быть опасным для христиан: под стенами этой крепости они потратили невозвратно много времени, силы и денег, и за это были тотчас наказаны самым жестоким образом.

А именно до сих пор Иерусалимское государство было еще кое-как защищено от Нуреддина эмиратом дамаским, потому что в последнее время между ними опять установились дружеские отношения. Но теперь в Дамаске правил уже не умный визирь Анар, а близорукий и слабый государь, эмир Мудширеддин. Кроме того, подданные были недовольны политикой их властителей, с тех пор как оказалось (в 1147 и 1148 годах), что союз с бесхарактерными христианами давал очень сомнительную поддержку для сохранения их самостоятельности. Когда теперь Аскалон был стеснен и эмир Дамасский помешал Нуреддину освободить «Сирийскую невесту», тогда дамаскинцы стали склоняться к подданству великому эмиру Галевскому. Нуреддин воспользовался этим очень хитро и ловко, овладел в 1154 году почти без борьбы всем эмиратом и тотчас перенес свою резиденцию в Дамаск.

Это был страшный противник, который теперь непосредственно угрожал как Иерусалиму, так и Антиохии. Нуреддин был ревностный мусульманин, справедливый и добрый к самому последнему из своих подданных, исполненный, как его отец, самого заботливого участия прежде всего к солдатам, которых он вел на войну. Борьба против христиан была для него задачей жизни. Для того,

чтобы иметь возможность исполнить ее, он с бережливой строгостью относился к своим средствам, и только тогда брался за оружие, когда был уверен в победе. Но он поступал так осторожно потому, что правильно судил о характере своих врагов. Он хорошо знал их слабости и ошибки, их раздоры, страсть к наслаждениям и особенно тупое отсутствие плана в их политике; между тем франкские панцирные всадники в рукопашном бою еще так бесконечно превосходили его легкие войска, что война с ними представляла самые серьезные опасности, и только мало-помалу могла быть приведена к счастливому успеху.

Едва только Нуреддин занял Дамаск, как к нему пришли христианские послы и в глубоком страхе перед его могуществом просили о перемирии. Эмир согласился на это, и затем последовали два странных года, которые были ни миром, ни войной. Потому что обе стороны нарушали перемирие, когда им это было на руку, но после короткой войны снова его возобновляли. Но Нуреддин воспользовался этим временем для старательного вооружения, тогда как христиане беспечно жили изо дня в день. Наконец злое предательство Бальдуина повело к самым бедственным катастрофам. А именно, в окрестностях Баниаса расположились под покровительством христиан арабские и туркестанские орды. В начале 1157 г. король напал на них, побуждаемый жадностью к добыче, и отнял у них все их богатство — их лошадей и вьючных животных. Нуреддин ответил на это общим нападением. С Евфрата один из его второстепенных военачальников напал на северно-сирийских христиан; в южную часть Иерусалимской области сделали опустошительный набег воюющие с ним египтяне; сам он пошел на Баниас. Владелец этого места, Гумфрид Торонтский, призвал сначала на помощь рыцарей Иоаннитского ордена, которые и двинулись в поход, но еще прежде чем дойти до цели, они были отбиты Нуреддином в кровавом сражении. Затем эмир осадил Баниас и уже взял нижний город, когда его известили, что сам Бальдуин двинулся на выручку Гумфрида. Он тотчас снял осаду и осторожно избегнул боя. Но когда король возобновил разрушенные укрепления Баниаса, отпустил часть своего войска и с его остатками в полной безопасности начал обратный путь на юг, тогда Нуреддин внезапно напал на него и нанес его отряду уничтожающее поражение, которое на этот раз

особенно сильно обрушилось на тамплиеров. Множество пленных, которых захватили мусульмане, были проведены по улицам Дамаска с ругательствами и насмешками, в то время, как эмир тотчас опять принялся за осаду Баниаса.

В этой беде Бальдуин призвал на помощь антиохийцев и триполисцев и этим вторично отпугнул эмира от Баниаса. Вскоре затем пристал к Бейруту граф Дитрих Фландрский с сильным рыцарским отрядом. В первый раз он был в Иерусалиме уже в 1138 году, принимал потом участие во втором крестовом походе, и теперь, несмотря на печальные опыты прошлого странствия, в третий раз прибыл в Святую Землю, одушевляемый воинственным жаром. При его помощи надеялись нанести неприятелю значительный урон, но не добились ничего, пока в конце 1157 г не заболел тяжело Нуреддин и в его государстве на начались беспокойства при известии, конечно, ложном, об его смерти. Христиане воспользовались плохим положением противника, двинулись со всеми силами к Шайцару на Оронте, в то время немаловажному городу, взяли его и его замок, но затем перессорились, потому что граф Дитрих хотел быть владетелем города, но при этом не хотел принести ленную присягу князю Раймунду, но разве только королю Бальдуину, и потому они в конце концов опять сняли осаду. Чтобы поправить эти постыдные дела, они, правда, соединились потом еще раз для совместной войны и в начале 1158 года осадили большой и крепкий замок Гарим, который с несчастного 1149 года был под властью Нуреддина и был почти необходим для безопасности Антиохии. Но когда Гарим сдался им, они разделились, довольные небольшим успехом.

Тем временем Нуреддин выздоровел, весною 1158 года вторгся в Иерусалимскую область по ту сторону Иордана и даже вышел на открытый бой против короля и графа Дитриха, которые поспешно собрали свои войска. Таким образом, на этот раз он действовал совсем против своего обыкновения, но, может быть, он хотел решить дело сразу, чтобы одной славной победой совершенно исправить те потери, которые он понес во время своей болезни. Между тем время для таких отважных предприятий еще не пришло. 15 июля войска встретились на берегу Тивериадского озера. Крестоносные рыцари с непреодолимой яростью бросились на эскадроны Нуреддина, совершенно рассеяли их, произвели страшную резню среди бежавших

и едва не взяли в плен самого великого противника Но, несмотря на этот блестящий успех, положение дела было в сущности то же, как и прежде. Бальдуин не мог устроить обширного христианского предприятия против Дамаска или Галеба, граф Дитрих скоро вернулся на родину, а Нуреддин восполнил потери своего похода старательными вооружениями.

В 1159 все сирийские владетели были поражены и встревожены походом греков. Дело в том, что император Мануил со второго крестового похода не терял из виду Антиохию и прилежащие страны, но до сих пор при всех попытках приобрести там большую власть, имел только плохой успех. Потому что в 1150 г он, как уже было замечено, получил остатки графства эдесского, но тотчас опять потерял их. Потом, когда к Констанце со всех сторон приставали с предложениями второго брака, он тщетно старался предложить ей греческого принца. Затем он вступил в войну с армянским князем Торосом и при этом лишился городов нижней Киликии, которые были в византийских руках со времени императора Иоанна. Наконец, он побудил князя Райнальда Антиохийского воевать с армянами, и тот по своей дикости без всяких колебаний напал на старых друзей крестоносцев; но когда награда, обещанная за это императором, получена не была, то Райнальд сделал в 1157 г дерзкий набег на византийский Кипр и страшно опустошил прекрасный остров. Но в противоположность этому, в то же время отношения греческого двора к Иерусалимскому государству стали лучше, чем когда-либо прежде, когда король Бальдуин в том же 1157 году отправил в Константинополь торжественное посольство, просил себе в жены принцессу из дома Комненов и действительно получил внучку императора, прекрасную Феодору, с богатым приданым. Поэтому Мануил думал, что настало время лично явиться в Сирию и распорядиться тамошними делами по своей верховной воле. Едва он вступил с сильным войском в Киликию, то сначала Торос бежал в ближайшие горы, потом Райнальд смиренно просил прощения и наконец Бальдуин явился с вежливым посещением к своему высокому родственнику. Король был с почетом принят в императорском лагере; но армянин должен был уступить часть своей страны, и остаток ее сделать византийским леном, а упорный князь Антиохий был прощен только

тогда, когда он с обнаженной головой и босой, на коленях подавая обнаженный меч, признал верховную власть константинопольского императора.

Из Киликии Мануил пошел в Антиохию и здесь среди франкских князей задавал блестящие праздники, а именно рыцарские турниры, в которых он возбуждал удивление силою своей руки; затем он двинулся отсюда с большим блеском дальше на восток, чтобы здесь воевать с Нуреддином. Между тем у него не было намерения в серьезной войне померяться силами с могущественным эмиром Галекским; он хотел только дать крестоносцам какое-нибудь доказательство своего превосходства; и так как Нуреддин также совсем не хотел ослабить свое войско против греков, то вскоре дело кончилось миром, по которому эмир вернул свободу многим тысячам христианских пленных, особенно тем рыцарям, которые попали в его руки в битвах при Баниасе. Император был рад, что ему удалось достигнуть этого успеха, и тотчас затем оставил Сирию, потому что у него были настоятельные заботы дома.

В течение следующих лет крестоносные государи имели бы хороший случай для правильной войны против Галеба или Дамаска, потому что греческое войско ушло, а в то же время Нуреддин был занят войной с малоазиатскими сельджуками. Но они удовольствовались смелыми набегами на неприятельскую область, которые доставляли, правда, королю Бальдуину много добычи, но князю Райнальду, который наткнулся на превосходящую его силу, стоили тюрьмы в Галебе (ноябрь, 1160). И как только после этого Бальдуин успел кое-как защитить Антиохию, то Сирию опять стали беспокоить греки, хотя и не силою оружия. Мануил, первая жена которого, немецкая графиня Зульбах, тем временем умерла, хотел теперь взять себе в жены принцессу одного из княжеских домов на Востоке. Можно было колебаться между графиней Мелизендой Триполисской и принцессой Марией, дочерью Констанцы Антиохийской. Греческие послы выбрали сначала первую, но потом остановились на второй, потому ли, что графиня была болезненна, или на их выбор подействовали антиохийские интриги. Граф Раймунд III Триполисский отомстил за оскорбление своей сестры диким морским грабежом на греческих берегах; не антиохийская Мария стала женой Мануила, хотя Бальду

ин опасался, как бы на основании этого брачного союза император не заявил новых притязаний на Антиохию.

В таких жалких делах прошло правление и жизнь Бальдуина III. Он заболел, будучи только 32-х лет от роду и в полном расцвете сил, как говорят, от отравленного лекарства, которое ему дал врач графа Триполисского, и умер, 10 февраля 1162, горестно оплаканный своими людьми за свою храбрость, изящество и любезность.

Король Амальрих

Бальдуин III не оставил наследника и поэтому преемником его на троне был его брат Амальрих. Новый король был очень непохож на умершего. Он владел, правда, большой физической силой, был страстным охотником и выносливым воином, с юных лет старался научиться всем тогдашним наукам и до конца своей жизни остался любознателен. Но рядом с пленительной красотой, которою отличался Бальдуин телом и душой, толстая некрасивая фигура Амальриха, его несвободная речь и сухие сдержанные манеры с самого начала производили неприятное впечатление. Он постоянно искал также чувственных наслаждений, с безмерной жадностью требовал денег и в своей политике знал только одну руководящую мысль, которую разделяло с ним большинство его роскошного рыцарства, именно, чтобы удалось приобрести как можно больше богатств и жить в блеске и довольстве.

В это правление у Иерусалимского государства едва ли была другая перспектива, кроме того, как все больше приближаться к окончательному падению в пропасть, когда притом врагами его руководила превосходящая сила Нуреддина. Но опасность, в которой поэтому находились сирийские христиане почти с самого начала нового правления, еще чрезвычайно усилилась вследствие внешних затруднений. Дело в том, что некогда столь могущественное государство Фатимидов уже довольно давно пришло в глубокий упадок: каирские халифы погрязли в гаремных наслаждениях и дворцовых революциях, и честолюбивые военачальники захватили всю власть в качестве визирей, не дав за это государству новой

силы, потому что всякий раз после короткого промежутка времени один счастливый временщик был свергаем другим. Но в эту минуту не только визирь Шавер издег оружия своего соперника Даргама, но когда этот последний велел перебить всех не перешедших на его сторону офицеров и таким образом лишил египетское войско его лучших предводителей, Шавер бежал в Дамаск к Нуреддину и просил его о помощи.

Задача, которую должны были исполнить христиане при таком положении вещей, была так очевидна, как только возможно; правда, в прежние годы они вели тяжелые войны с Египтом и еще в последнее время их беспокоили с Нила сухопутные войска и флот, но серьезных опасений с этой стороны уже давно не могло быть в Иерусалиме. И когда политика Нуреддина направилась на Египет, то выяснилось с полнейшей очевидностью, что у крестоносцев, как и у Фатимидов, не было более опасного врага, как сельджуки. Поэтому те и другие должны были бы подумать о том, чтобы взаимно поддержать друг друга в сохранении их самостоятельности, но этот вывод был особенно важен для иерусалимцев, которые уже однажды сделали непростительную ошибку в эмирате Дамасском, предав слабого магометанского соседа самому могущественному враждебному государю. Если бы теперь они повторили ту же ошибку, но уже не с небольшим эмиратом, а с обширным и богатым государством Фатимидов, то, без сомнения, они погибли бы навсегда¹.

Но подобные соображения не укладывались в голове Амальриха. Когда он услышал, после какой борьбы Даргам завладел визирством, его единственной мыслью было то, что теперь благоприятный случай вынудить с Египта контрибуцию, и поэтому он вторгся с войском в эту страну. Но в то же время Нуреддин исполнил просьбу Шавера и отправил на Нил одного из своих

¹ Отношение иерусалимцев к египтянам прежде понималось всеми так, как будто со времен Готфрида для господства христиан на Востоке всегда было жизненным интересом бить Фатимидов и если можно совсем завоевать их страну. В противоположность этому мнению, Зибель во многих своих работах по истории крестовых походов самым ясным образом показал, как невелика была опасность, грозившая христианам из Египта, кроме только самых первых времен Иерусалимского государства. Но ложный старинный взгляд все еще не совсем исчез из литературы.

лучших полководцев, храброго курда Ширку Началась жестокая война. Даргам был убит своими собственными людьми, Шавер стал опять визирем, Амальрих вернулся без всякого успеха в Иерусалим, а Ширку остался в Египте, чтобы охранять там интересы своего господина. Так одним ударом было сделано то, чему христиане должны были бы помешать всеми своими силами, и для них было незаслуженным счастьем, что, несмотря на все это, им представилась еще раз возможность спасения от смертельной опасности. Потому что Шавер скоро принял присутствие Ширку в Египте за угрозу против себя и потому призвал на помощь иерусалимцев. Амальрих последовал приглашению в 1164, вместе с Шавером окружил храброго курда в Бильбеисе и через три месяца принудил его к отступлению. Но Ширку с непоколебимою гордостью покинул Египет, он сам, как последний солдат в войске, готовый к бою, шел с топором в руках. Один христианский рыцарь подошел к нему с вопросом: «К чему такие меры? Разве вы боитесь, что договор (по которому войско Нуреддина могло свободно отступить) для нас на свят?» — «Вы не посмели бы его нарушать», — спокойно отвечал Ширку и продолжал свой путь.

Между тем Нуреддин, конечно, не остался праздным. Сначала он предпринял поход против Триполиса, но по дороге на него напали христиане и обратили его в бегство с большими потерями. Несмотря на то, он вскоре после этого появился перед антиохийским замком Гаримом и тесно обступил его. Чтобы спасти этот важный пункт, антиохийцы под предводительством понемногу возмужавшего молодого князя Боэмунда III, сына Раймунда и Констанцы, соединились с триполисцами, армянами и несколькими знатными французскими пилигримами. Нуреддин отступал перед ними до тех пор, пока они в необдуманном преследовании не разрознили своих отрядов. Тогда он нагрянул на них, разбил их войско и, кроме важных рыцарей, взял в плен самого Боэмунда и Раймунда Триполисского. Он ревностно воспользовался этой победой и ему в конце концов удалось даже захватить обе пограничные крепости Антиохии и Иерусалима, Гарим и Баниас, из-за которых давно шла война.

При известии об этих неудачах Амальрих поспешно вернулся из Египта, и его первым делом на Родине была попытка выкупить взятых в плен князей. Это удалось ему

чрезвычайно скоро относительно Боэмунда, которому Нуреддин оказывал особенное внимание, вероятно, вследствие его родства с императором Мануилом, между тем как Раймунд получил свободу только после восьмимесячного заключения. Но в войне король не только не достиг хотя бы такого частного успеха, но потерял еще несколько замков, взятых Нуреддином, и при этом испытал и то, что было еще хуже материальной потери, а именно, что христианские гарнизоны из трусости или за деньги покидали доверенные им стены¹

Между тем спустя немного времени внимание христиан опять было обращено главным образом на Египет. Потому что Ширку во время своего первого пребывания в этой стране ясно увидел, что халифат Фатимидов держался на очень хрупких основах, и потому он настоятельно убеждал своего властелина позволить ему военный поход для завоевания всей Нильской долины. Осторожный Нуреддин некоторое время не решался принести жертву такому рискованному делу; но наконец, когда его собственное религиозное настроение было в пользу войны против шиитских Фатимидов, он не стал противоречить и в начале 1167 г. послал Ширку искать счастья с небольшим, но хорошим войском. Как только Амальрих услышал об этом, он также пошел в Египет и был принят Шавером с распростертыми объятиями. После того как египтяне соединились с иерусалимцами, Ширку был слишком слаб, чтобы выдержать битву. В продолжение нескольких недель войска стояли у Нила, наблюдая друг друга. Затем курд ушел в Верхний Египет, нанес там значительные поражения слишком поспешно погнавшемуся за ним Амальриху, быстро вернулся к северу и с частью своего войска занял многолюдную Александрию. Но, когда этот город окружили все его противники и там начался голод, Ширку должен был радоваться, когда ему позволили во второй раз безнаказанно оставить Египет. После этого иерусалимцы вернулись на родину в августе 1167, довольные и богатые честью и звонкой наградой.

Союз слабых против сильного оказался действительным и теперь как четверть века назад, во времена короля Фулько и визиря Анара; и теперь христиане, может быть,

¹ В это время граф Дитрих Фландрский в четвертый раз был в Иерусалиме, но не брался за оружие для христианского дела

могли бы надолго извлечь из него пользу, если бы сколько-нибудь были способны к обдуманному действию. Как говорят, в Каире, с лета 1167 г, остался даже постоянный франкский гарнизон; и вознаграждение, которое Шавер обещал своим союзникам за будущие труды, составляло ежегодно не менее 100000 червонцев. Но большой успех, которого достигли иерусалимцы, вовлек их к преступной заносчивости. Амальрих требовал все больших груд египетского золота; орден иоаннитов, который пришел в упадок вследствие дурного управления, надеялся поправиться опустошением богатой страны, напрасно возражали против этого отдельные вельможи государства и особенно тамплиеры; жадность к деньгам у большинства была слишком сильна и таким образом был решен бессмысленный и недостойный разбойничий поход против Шавера. У иерусалимцев осталось при этом лишь настолько сообразительности, что темно предчувствуя тяжелую беду, которую добровольно на себя накликали, они просили императора Мануила принять участие в войне против Египта. Но когда от византийского двора пришел утвердительный ответ, у них опять недостало терпенья подождать прибытия греческого флота, и они на свой страх вторглись с ужасными опустошениями в страну Фатимидов в ноябре 1168 г

Наказание за это бесчинство не могло заставить себя ждать. Правда, Шавер уговаривался с иерусалимцами о цене, за которую они бы ушли, и даже внес значительную долю громадной суммы в два миллиона червонцев, которой они требовали, но вместе с тем в отчаянии от притязаний христиан он просил помощи у Нуреддина и, чтобы сделать свою просьбу настоятельнее, он заставил каирского калифа, Аладгида, послать властителю Галеба волосы своих жен, как знак глубочайшего бедствия, с такими словами: «женщины, волосы которых я тебе посылаю, заклинают тебя охранить их от позора, который ждет их со стороны франков». Нуреддин, которого Ширку уже давно побуждал возобновить египетские походы, не мог после того отказатьсь от подачи помощи и 8000 человек отборного войска опять поспешно двинулись к Нилу под начальством Ширку. Когда это войско соединилось с войском Шавера, то испуганный и пристыженный Амальрих вернулся в Иерусалим. Ширку не преследовал его, но воспользовался благоприятной минутой, чтобы

утвердиться в Каире. Скоро произошли раздоры между ним и Шавером, которые, однако, привели только к тому, что визирь был посажен в тюрьму и казнен. На его место халиф поставил самого Ширку, а когда последний через несколько месяцев умер, в визирстве наследовал ему его высокодаровитый племянник Салаэддин, обыкновенно называемый Саладином. Ему пришлось еще подавить попытку восстания египтян, которое он потушил с кровавой строгостью. Затем заболел халиф Аладгид и умер, а по свидетельству христиан — убит Саладином в 1171 г. Его потомки также были устранены и таким образом, после уничтожения фатимидского халифата, над Египтом стал господствовать Саладин под верховной властью Нуреддина, но вообще неограниченно.

Глубокий ужас овладел иерусалимцами, когда они узнали о последствиях своей преступной глупости. Соединение сил Египта и Сирии под одной властью было для них равносильно смертному приговору. Они и почувствовали это, и король Амальрих, вернувшись в начале 1169 года в последний раз из Египта, решился чрезвычайным посольством вымаливать помощи у Запада. Поэтому патриарх иерусалимский, архиепископ кесарийский и епископ акконский должны были отправиться к императору Фридриху I, к королям Сицилии, Франции и Англии, к графам Фландрии, Труа и Шартра и еще другим государям и вельможам. Но только что послы покинули сирийский берег, как страшная буря прибила их назад, и только несколько недель спустя двум новым послам, архиепископу тирскому и епископу баниасскому, удалось счастливо совершить морское путешествие на Запад. Здесь положение вещей благоприятствовало исполнению их желания потому, что папа Александр III уже несколько лет везде увещевал к денежному сбору и военным приготовлениям для Святой Земли; но в действительности было этим приобретено немного, потому что политическо-церковные раздоры, которые охватили всю римско-христианскую Европу, в особенности спор императора Фридриха с паной и ссора королей Франции и Англии, до сих пор и после не допускали значительных жертв для защиты Иерусалима. Правда, король Людовик VII проливал слезы при рассказе послов о бедствиях Палестины; Генрих II английский также был глубоко растроган тем же рассказом, между тем несколько значительной

помощи нигде не обещали, и когда епископ баниасский умер в Париже, архиепископ тирский должен был один вернуться в Иерусалим, не достигнув существенного успеха.

Между тем король Амальрих получил совсем с другой стороны большую поддержку, но очень дурно ею воспользовался. Потому что летом 1169 года в Сирию прибыл византийский флот более чем в 200 судов, хорошо снабженный экипажем и припасами, для того, чтобы, как перед тем просили иерусалимцы, вместе с ними воевать против Египта. Но Амальрих и его рыцари после жалкого разбойничьего похода, который они сделали в конце 1168 года против визиря Шавера, не имели никакой охоты тотчас опять идти к Нилу. С другой стороны, они не решались также отклонить помощь греков, как несвоевременную, и таким образом снова сделали величайшую глупость, потому что медленно, вяло и неохотно делали то, что могло быть сделано с успехом только при быстроте и энергии. Только после многих замедлений они подошли поздней осенью 1169 г., вместе со своими союзниками, к сильной крепости Дамiette. У Саладина было достаточно времени, чтобы обеспечить ее как можно лучше. Осадные меры неприятеля он встретил ловко и храбро. Скоро проливной зимний дождь промочил палатки христиан; голод мучил их, и иерусалимцы, которые были немного лучше снабжены, чем греки, жестокосердно сберегали запасы для себя одних; кроме того, пришло известие, что Нуреддин угрожал южной Палестине сильным нападением — одним словом, приходилось снять осаду: франкское рыцарство вернулось в Иерусалим, а большая часть греческого флота на возвратном пути была разбита сильной бурей.

В 1170 году оружие отдыхало в Северной Сирии, потому что эту область постигло страшное землетрясение. Триполис и Лаодикея страшно пострадали, а Антиохия была почти совсем разрушена. Галев, Шайцар и Гимс также превратились в развалины. Правда, Палестина была пощажена этим бедствием, но зато здесь еще хуже действовало оружие неприятеля. Саладин штурмовал и уничтожал Газу, взял город Айлу на Красном море, которым до тех пор владели крестоносцы. Поэтому иерусалимцы едва ли бы могли долго сопротивляться натиску врагов, если бы как раз в ту минуту не явились

особенные обстоятельства, для них благоприятные. А именно, Саладин желал, чтобы его очень независимое положение в Египте не было стесняемо вмешательством Нуреддина в тамошние дела и поэтому ему было очень кстати, чтобы сила христиан до некоторой степени сохранилась, как защитительная плотина между ним и Нуреддином. Поэтому он удовольствовался тем, что опустошил соседние с его страной иерусалимские области и сделал их неспособными защищаться, но дальше он не пошел; на этом основании он не вел серьезной борьбы из-за больших замков, Крака и Монрояля, которые лежали на главных соединительных линиях внутренней Сирии с Египтом, и так как Нуреддин также был очень занят на других границах своего обширного государства, то вследствие всего этого государства крестоносцев могли счастливо просуществовать кое-как еще несколько лет

Но иерусалимцы чувствовали, что этим было приобретено немного. С одними собственными силами они уже не могли больше выйти навстречу грозившей опасности; римский Запад, как видно из вышеуказанного, не дал им пока никакой надежды на достаточную помощь; тогда Амальрих решил в 1171 г. сам отправиться в Константинополь и снова выпросить греческую помощь, которую незадолго перед тем так недостойно злоупотребили. Его приняли блестящим образом; празднества следовали за празднествами, достопримечательности императорской резиденции удовлетворили его любознательности; поддержка военной силой была обещана по договору, но по крайней мере в эту минуту ее не дали, и таким образом положение Иерусалима и после этого осталось столь же опасным, как и перед тем.

Очень характерен был здесь крестовый поход Генриха Льва. Этот могущественный государь двинулся из родины в начале 1172, правда, не с настоящим войском, но все-таки с многочисленной свитой графов, епископов, рыцарей и оруженосцев, с различными опасностями дошел по старой дороге крестоносцев до Константинополя, откуда отплыл в Сирию. Ему конечно очень бы хотелось совершить в честь Спасителя какой-нибудь героический подвиг против неверных, но король и тамплиеры в виду страшной силы неприятеля, как говорят, воспротивились этому рискованному предприятию. Поэтому герцог мог высказать свое благочестие только пожертвованиями

и завещаниями и еще в том же году вернулся домой. Его обратный путь лежал через Антиохию в Малую Азию. На полуострове его провожал дружески расположенный к христианам султан Килидж-Арслан II Иконийский. От Константинополя он направился по тому же пути, по которому пришел.

Последние годы жизни Амальриха, к которым мы теперь подошли, ознаменовались еще несколькими зловредными и гнусными событиями. В армянской Киликии незадолго перед тем насильственно захватил власть князь Малих, брат выше упомянутого Тороса. Он был в союзе с Нуредином, и старые дружелюбные отношения своих соотечественников к крестоносцам изменил во вражду. Амальрих и Боэмунд Антиохийский двинулись против него войною в 1172 году, но не могли много против него сделать. Тогда глава ассасинов, «Старик с горы», заявил королю через своего посланца, что он готов сделаться христианином, если тамплиеры снимут контрибуцию в две тысячи червонцев, которую они брали с его подданных, живших по соседству с их замками¹. Заявление не показалось слишком неожиданным, потому что по слухам как у старца Горы, так и у его народа издавна было расположение к христианству, и Амальрих принял это предложение с такой радостью, что даже объявил, что готов из собственной казны вознаградить тамплиеров за тот убыток, который должен будет понести орден. Но, когда после этого посланец старца Горы возвращался домой и был уже на границе области, где в то время было главное пребывание ассасинов, а именно в горах на северо-восток от Триполиса, тогда один рыцарь-тамплиер убил его и, конечно, расстроил этим все дело.

Вскоре после того Амальрих заболел кровавым поносом и умер 11 июля 1173 г. Когда он закрыл глаза, магометанский мир был в сильном движении. Нуредин вооружался в Сирии и Месопотамии, чтобы оружием вернуть к надлежащему послушанию своего вассала Саладина, который сделался независимым. Решительная победа Нуреддина в Египте вовсе не была счастьем для

¹ Страшное оружие ассасинов — коварное убийство, перед которым дрожал всякий монарх, не было так опасно для рыцарских орденов, так как каждый убитый рыцарь, даже самый глава ордена, мог быть тотчас возмещен из числа сотоварищей. На этом основании в особенности тамплиеры приобрели важное значение против ассасинов.

христиан, но то, что теперь действительно произошло, было для них еще хуже. Потому что 15 мая 1174 г. умер Нуреддин еще прежде, чем успел начать исполнение своего последнего плана; и каким великим противником он ни был для христиан, но своей смертью он уступил место еще более опасному противнику.

Император Мануил

Прежде чем мы будем продолжать дальше историю Иерусалимского королевства, император Мануил требует особого внимания, потому что его действия и беды с половины двенадцатого века получают величайшее значение для судьбы всего христианского мира.

В 1147 году его сильно раздражило нападение короля Рожера на греческие берега, и когда через два года ему удалось победить норманнов в жестокой битве, особенно при новом завоевании Корфу, то он решил распространить свое господство на Запад, т. е. сначала утвердиться в Италии и затем принудить папу признать императорскую корону только за властителями Константинополя. Таким образом, его стремления направились на гордую цель — покорением народов Запада, сколько можно довершить великую римскую империю, которую его дед и отец старались снова довести до прежних границ на Востоке.

Конечно, эта цель была недостижима, и когда его намерения стали известны, Мануил потерял и своих лучших союзников в Европе, Штауфенов, так как они не хотели уступить грекам ни шагу итальянской земли, не говоря уже о римской императорской короне; тем не менее Мануил имел некоторые успехи. Потому что он так долго стеснял норманнов в их собственной стране, что они просили мира и обещали поддержать его войском, если он будет воевать на Западе; во многих городах верхней Италии он приобрел себе союзников и сторонников, которые склонялись на его сторону именно из вражды к Штауфенам; и наконец папа Александр III согласился по крайней мере на некоторые переговоры относительно перенесения римской империи на греков.

Но завоевательные стремления императора Мануила

обратились не только на запад. На севере он победил в кровопролитных битвах сербских князей и принудил их давать ему помощь во всех его войнах; он несколько раз одолевал венгров и иногда приобретал значительное влияние на управление их государства; с князьями Галича и Киева он завязал выгодные союзы. На востоке он везде устрашал народы силою своей руки и военной славы своего войска. Мы видели выше, как он усмирил Райнальда Антиохийского и Тороса Киликийского; Райнальд также принял на себя обязательство военной помощи и, по византийским источникам, то же сделали Бальдуин III, Нуреддин и султан Иконии. На юге владели снаряженные блестящим образом флоты, из которых первый встретился нам во времена короля Амальриха, чтобы, соединясь с иерусалимцами, освободить Египет от владычества мусульман.

В течение нескольких лет сила греков постоянно возрастала. Область, где господствовало их влияние, все больше расширялось: могущественные государи Востока и Запада смирялись пред превосходной силой императорского оружия. При этом внутреннее состояние империи было не менее благоприятно. Константинополь представлял блестящий центр для торговли половины мира: здесь можно было встретить купцов из Вавилона и Месопотамии, из Мидии и Персии, из Египта и Палестины, из России и Венгрии, Италии и Испании. Сами греки все еще выделялись над другими народами своей высокоразвитой промышленностью, и с этим материальным расцветом было в прекрасной гармонии движение умственной жизни. Известные риторы и философы, богословы и историки учили и писали в старых обиталищах научной работы. Издалека приходили способные юноши, чтобы, например, в Афинах изучать «римско-греческую мудрость». Но клир был главным носителем всей высшей образованности: на святой горе Афоне быстро возрастало число благочестивых и ученых монахов, и многие епископы этого века владели удивительно обширными знаниями.

При всем этом чрезвычайно своеобразно складывалось вмешательство западного духа в византийское государство. Сам император, как уже было упомянуто, был не только храбрый, но и романтически настроенный воин. Он держал себя как франкский рыцарь, когда один, далеко впереди своего войска, прорывал линию неприятеля или

когда он, отделившись от расположившегося лагерем войска, в честь своей жены бросался в бурную схватку с неверными. Его военная сила состояла, как во времена его деда, из наемников всех наций. Победенных князей он также делал своими вассалами по фракской ленной присяге и пришел таким образом к обыкновению налагать обязательство военной поддержки почти на каждого побежденного противника. Итальянским морякам и купцам он дал еще больше простора, чем тот, каким они уже пользовались до тех пор в его государстве. Венецианцы, которые помогали ему, хотя частью и против воли, в войне за Корфу, получили, например, увеличение своего квартала в Константинополе; а несколькими годами позднее генуэзцы в первый раз поставлены были в дружеские отношения к византийскому двору торговым договором. Они также получали квартал в столице и, как низанцы, должны были вносить пошлину только в четыре процента стоимости ввозимых ими товаров. Поэтому число итальянцев, которые оставались дольше или меньше в гаванях империи или совсем там поселялись, возрастало в чрезвычайной степени: в конце правления Мануила в одном Константинополе жило, как говорят, более 60 000 латинян, без сомнения преимущественно итальянцев, и поэтому совершенно понятно, что император старался по возможности подвести эти массы под общие законы своего государства. Он как бы давал им право гражданства, делая их, по западному выражению, *burgenges*, брал с них налоги и требовал военной службы для защиты империи.

Но каким пестрым, богатым и сильным ни казалось государство императора Мануила в течение нескольких лет, оно все-таки не держалось на здоровой основе. Гордые победы над соседними народами возможны были только при самой суровой фискальной эксплуатации подданных и куплены были их окончательным истощением. Кроме того, эта странная форма подданства, воинская повинность побежденных, не обещала долго удержаться; но хуже всего действовало при этом общее ложное направление императорской политики, которая как бы добровольно вызывала смертельные опасности с Запада и с Востока.

Прежде всего это обнаруживалось в отношениях к итальянским торговым республикам. Потому что

с 1082 года Комнены, правда, должны были много раз оказывать величайшие уступки венецианцам, чтобы только найти у них поддержку в войне против норманнов, и при этом безусловно необходимо было бы дать такие же привилегии как пизанцам, так и генуэзцам, имея в виду в особенности, что все три соперничавшие города будут уравновешивать друг друга: в таком случае можно было бы строго следить за их общей деятельностью в греческой империи, согласно с собственными жизненными условиями, и держать их в строгих границах. Но точка зрения, с которой было наконец установлено отношение к этим городам, сводилась в сущности только к тому, способствовали ли они усилению стремления византийского двора получить влияние в Италии или вредили этому стремлению. Мануил покровительствовал им, когда ожидал от них первого; в противном случае он действовал против них хитростью или насильем, в особенности пользовался их взаимной завистью и через это сам вызывал ссоры и военную тревогу в итальянских кварталах Константинополя. Роковым в этих делах было то, что венецианцы увидели, что вмешательство греков в Италии сильно грозит их собственному политическому значению, и они начали все более сопротивляться политике императора. Мануил был раздражен этим и потому внезапно издал приказ сразу схватить всех бывших в империи жителей города лагун: 12 марта 1171 г. этот указ был приведен в исполнение во всей Греции. В одном Константинополе было арестовано 10000 человек; только немногим удалось бежать. После этого венецианцы, побуждаемые мстью, с великим жаром взялись за оружие, но долго ничего не могли сделать, пока наконец не соединились с норманнами и не стали таким образом грозить императору опасностями, которым он не хотел подвергаться. Поэтому он возвратил свободу схваченным гражданам и разрешил продолжать прежние торговые дела. Но враждебное настроение, с которым весь Запад уже давно смотрел на византийский двор за его отношение к крестоносцам, конечно, получило в этих обстоятельствах новую богатую пищу и, если не сам Мануил, то его преемники должны были понести самое тяжелое наказание за все эти неразумные действия.

Но еще худшие последствия, чем на Западе, императорская политика привела в Малой Азии. Здесь необходимой задачей было бы вытеснить наконец в глубь Азии

иконийских сельджуков этих врагов, находившихся как бы в сердце Греческой империи. В начале своего правления Мануил много раз побеждал их и с тех пор, очевидно, зависело от его воли, будет ли впредь существовать магометанское государство по ту сторону Таврских гор. Потому что, если бы он употребил большие денежные и военные силы империи для настойчивого завоевания Иконии, вместо того, чтобы рассеять и растратить их в войнах за Италию и Венгрию, Антиохию и Египет, то весьма возможно, что он достиг бы прекраснейшего результата, а именно снова подчинил бы всю Малую Азию христианскому владычеству. Но император, жадный до других завоеваний, очень мало заботился о сельджуках, а между тем последние как нельзя лучше поняли свои выгоды. А именно, они не только все сильнее укреплялись в своих собственных владениях, но при каждом сколько-нибудь благоприятном случае делали нападения на греческую землю — то разрушали крепость, которая могла представлять убежище для их врагов, то жгли и грабили, где только было можно. Но как только Мануил начинал им грозить войной, они неотступно просили прощения и обещали впредь строго соблюдать мир. Император всегда давал убеждать себя такими просьбами, потому что не хотел тратить своих сил на эти малоазиатские дела, казавшиеся ему маловажными. Однажды при таком случае прибыл в Константинополь сам Килидж-Арслан II Иконийский и обещал, что враги греков станут его врагами, друзья греков — его друзья; что он никогда не заключит союза без согласия Мануила, что свои лучшие завоевания он передаст императору и будет помогать ему всеми силами на западе и на востоке, когда бы только это понадобилось. Но султан и не думал держать своих обещаний, а напротив, по-прежнему позволял своим диким ордам врываться в греческую область, заботясь только о том, чтобы из-за этого не впутаться в серьезную борьбу со страшными императорскими войсками.

Наконец, однако, в 1176 г. Мануил потерял терпение, вооружился всеми силами, сурово отверг все просьбы султана о новом мире и прошел через всю Малую Азию в середину неприятельской области, чтобы одним ударом уничтожить сельджуков. Но было слишком поздно. В узком проходе, при замке Мириокефалон, в южной

Фригии, неприятель напал на его войско, которое шло длинной колонной, и греки потерпели полное поражение: сам Мануил только с трудом избежал страшной резни. Это был бой, который самым прискорбным образом напомнил битву при Манцикерте 1071 года. Между двумя несчастными днями лежал целый мир гордых надежд и горьких заслуженных разочарований. После упомянутого первого поражения в горах Армении призывали на помощь Запад, чтобы возвратить Византийской империи по крайней мере обеспеченную возможность существования. Крестоносцы пришли на этот зов и с их помощью удалось снова утвердиться в Малой Азии настолько, чтобы можно было своими силами достигнуть прочного покорения этой страны. Но самомнение Комненов пренебрегло удовольствоваться этою скромною целью. Лавры всемирного господства увлекли их соблазнительной прелестью в то время, как презираемый неприятель собирал на фригийских плоскогорьях все силы для решительного удара. Наконец, при Мириокефалоне была окончательно разбита всякая надежда вытеснить сельджуков из Малой Азии и вместе с тем навсегда сделано невозможным и здоровое восстановление Византийской империи. Триумфы, которые были завоеваны в Италии, Венгрии и Сирии, обратились в ничто перед этим несчастным сражением. Мало помогло и то, что Мануил со своими офицерами и войсками, очнувшись от первого потрясения после страшного поражения, еще несколько раз с прежней отвагой бросался против сельджуков. Этим они только немного замедлили наступление неприятеля. Но в главном жребий был брошен и с тех пор Константинополю грозили смертельные опасности, как со стороны злобной ненависти западных народов, так и со стороны сильной вражды мусульман.

Император Мануил недолго пережил печальный оборот, который приняло его гордое поприще. Его силы истощились в отчаянных физических и нравственных усилиях, к которым принудили его события последних лет.

Он умер 24 сентября 1180 года, только 58 лет.

Король Бальдуин IV

Король Амальрих оставил после себя сына и двух дочерей, Бальдуина, Сибиллу и Изабеллу. Бальдуин, который через несколько дней по смерти отца принял корону государства, был хорошо обучен и одарен, но ему было всего тринадцать лет; и когда он стал юношей, у него развилась страшная болезнь, проказа, которая сделала его почти неспособным к правлению и наконец свела его в преждевременную могилу. В 1173 году вместо него должен был взять на себя правление государством опекун; и для этого более всего подходящим показался граф Раймунд Триполисский, как близкий родственник королевского дома и самый сильный ленник иерусалимской короны. Большинство вельмож государства было расположено к графу, только Мило Планси, любимец умершего короля, враждебно выступил против него. Дело дошло до гнусной ссоры. Мило обвинили не только в том, что он искал опекунства, но будто бы даже и короны: наконец он был устранил убийством и опекунство принял Раймунд.

Так печально стояли дела в Иерусалиме, когда величайший враг сирийских христиан, Саладин, властитель Египта, начал вооружаться против них. Саладин происходил из высокоодаренного и воинственного рода. Его отец Эйюб и дядя Ширку необыкновенно отличались на службе у Ценки и Нуреддина, как хитрые политики и смелые военачальники, но для Саладина их пример сначала почти не существовал. Потому что он провел свои юношеские годы в Дамаске, довольный научными интересами и веселым обществом, которые доставлял ему большой и богатый город, и совсем не был расположен подвергать себя военным опасностям и тревогам для достижения высокого положения. Когда ему пришлось против желания сопровождать своего дядю в Египет, то, по его собственным словам, ему было так тяжело на душе, как будто его вели на смерть. Но скоро он преодолел эту изнеженность, был самым способным помощником Ширку и наконец стал властелином всей страны Нила.

На великих государей Мосула и Галеба, которые до сих пор были страшны для христиан, он походил военным мужеством, талантами полководца и непреодолимой энергией для сохранения и расширения раз приобретенно-

го могущества. Но он превосходил как Ценки, так и Нуреддина чертой гениальности, которая наполняла все его существо. Своим подданным он казался чрезвычайно щедрым, добрым и снисходительным государем, который нисколько не заботился о блеске власти, потому что чувствовал уверенность, что в каждую минуту может явиться повелителем; поэтому горе было тем соперникам и врагам, которые становились на его дороге или навлекали его мщение; с хитростью и силой, даже своей собственной рукой, он стирал их с лица земли. Уничтожение господства христиан в Сирии он также считал своею главною жизненною задачей, но он был далек от злого преследования своих подданных; и от Египта его властолюбивые планы простирались не только на главные страны передней Азии, но и до государств самого Запада.

После смерти Нуреддина Саладин должен был прежде всего еще раз бороться за господство в Египте. Потому что приверженцы Фатимидов составили против него заговор и (по мусульманским известиям) призвали на помощь иерусалимцев и кроме того сицилийских норманнов. Действительно, осенью 1174 года в верхнем Египте вспыхнуло восстание, а одновременно с этим в Александрию прибыл сильный сицилийский флот и начал осаду города. Но Саладин без труда одержал победу на обоих пунктах войны: особенно норманны, при известии о его приближении, так поспешно и в таком беспорядке бросились на свои корабли, что быстро за ними следовавшему неприятелю удалось нанести им еще сильные потери.

Тем временем государство Нуреддина в Сирии и Месопотамии уже распалось на отдельные части. Единственный, но несовершеннолетний сын султана, Альмелик Ассали Измаил, был сначала признан в Дамаске, а затем в Галебе; один из племянников Нуреддина, Сейфеддин, приобрел большое могущество в Мосуле и окрестных месопотамских областях; но его брат Имаддин Ценки также стремился владеть Мосулом, а военачальники в Дамаске и Галебе были между собой в такой яркой вражде, что наконец одна часть их призвала Саладина придти в Сирию, чтобы низвергнуть противников, а также для того, чтобы сильнее продолжать войну против христиан. Саладин уже был вооружен и поспешил со

своим войском в Сирию еще поздней осенью 1174 г., а в течение следующих месяцев подчинил силою и переговорами Дамаск, Гилес и Гаму. При этом он все время делал вид, как будто он сражается вовсе не для себя, а для своего законного властителя, сына Нуреддина, который находился в то время в Галебе. Он старался оставаться также в мире с владетелями Галеба. Но, когда молодой принц и его сторонники выступили против него враждебно, и в то же время стали сильно угрожать ему мосульцы, тогда он мужественно вышел в открытую войну со всеми своими противниками, несколько раз осаждал Галеб, два раза разбил войска Сейфеддина в 1175 и 1176 годах и вынудил мир, который дал ему владычество над всей магометанской Сирией, за исключением области Галеба. С тех пор он считал себя независимым от сына Нуреддина, стал бить монету от своего собственного имени и принял титул султана. Тотчас после этого он смирил также ассасинов опустошительным набегом на их область, — возбуждаемые галебцами, они много раз хотели его убить; стеснил их так серьезно, что они окончили с ним формальным мирным договором.

Христиане с большим беспокойством следили за внезапным возвышением египетского могущества. Поэтому правитель королевства Раймунд уже зимою 1174 и 1175 года двинулся в путь с войсками Иерусалима и Триполиса, надеясь как-нибудь воспользоваться для себя борьбой Саладина с наследниками Нуреддина. Но он не сумел достаточно быстро воспользоваться представлявшимися для этого случаями и в конце концов был рад, когда получил от Саладина договор, который дал свободу нескольким христианским пленным, но зато обязывал франков никаким образом не мешать египтянам в их войне против Галеба и Мосула. Вследствие этого христиане оставались в бездействии, пока Саладин не одержал выше упомянутых побед и не вернулся в Египет еще летом 1176 г. Правда, после этого они еще сделали в страну Дамаска разбойничий набег, который принес им богатую добычу, но затем не дал ни малейшей выгоды. Затем прибыл в Иерусалим важный вельможа, маркграф Вильгельм Монферратский, и получил в жены Сибиллу, старшую сестру Бальдуина IV, для того, чтобы вместо больного короля надолго посвятить свои силы Востоку. Между тем и это также не принесло иерусалимцам

никакой пользы, потому что маркграф сильно заболел уже через несколько месяцев после своего прибытия в Сирию: он умер в июне 1177 г. и оставил свою жену беременною¹

Как только он закрыл глаза, в Аккон прибыл граф Филипп Фландрский с значительной толпой фландрских, французских и английских рыцарей, и вскоре после этого приплыл в Акконскую гавань также греческий флот, чтобы этим доставить наконец Святой Земле ту помощь, которую он некогда обещал королю Амальриху: он хотел, чтобы было предпринято совместное нападение на Египет, которое теперь имело бы больше смысла, чем когда-либо раньше, потому что могущество Саладина главным образом основывалось на прочном господстве над страной Нила. У иерусалимцев было на этот раз верное сознание своего положения и они соединили силы, вдруг приходившие к ним с различных сторон, для решительного удара, они предложили графу Фландрскому стать правителем государства и вызывали его двинуться в Египет во главе франкского войска вместе с греками. Но это оказалось все-таки неудачным. Граф Филипп, сын старого иерусалимского пилигрима Дитриха Фландрского, правда, так же, как и он, выказывал живую склонность воевать в Святую Землю, но при его суровом и самолюбивом, рассчетливом характере ему было гораздо более по сердцу извлечь для себя земную выгоду из благочестивого странствия, которое он предпринял во имя Бога. Под видом скромности он поднял вопрос, прилично ли ему брать на себя правление Иерусалимского государства, и удобно ли то время года для похода против Египта; затем он дал, наконец, понять, что прежде всего он хотел позаботиться о выходе замуж обеих сестер Бальдуина IV. В его свите был между прочим один владетель Бетюнский, которой обещал уступить ему свои владения на родине.

¹ Этот Вильгельм Монферратский, третий этого имени, был старший из четырех братьев, которым пришлось играть такую значительную роль в истории крестовых походов. Отец его был Вильгельм II, мать — Ютта Австрийская, дочь Леопольда III и салийской Агнессы, и сводная сестра короля Конрада III. Старший сын этой четы был, как сказано, наш Вильгельм III. Затем шел Конрад, с которым мы встретимся после побед Саладина как с владетелем Тира и королем Иерусалимским. Третий брат был Бонифаций, один из героев четвертого крестового похода, а четвертый был Райнер, который уже в 1178 году получил в Константинополе руку Марии Комнины, дочери императора Мануила, и титул цезаря, но в 1183 году был убит императором Андроником.

если ему удастся поженить его обоих сыновей на иерусалимских принцессах. Предложение, которое граф делал таким образом, было, однако, в высшей степени неприлично; так как принцесса Сибилла только недавно овдовела и кроме того в скором времени ждала родов. Поэтому иерусалимцы медлили с этим делом; но Филипп был так раздражен этой неудачей своих надежд, что с своей стороны объявил египетский поход непростительным безрассудством и действительно добился того, что греки вернулись в Константинополь, ничего не сделавши. После этого он, правда, говорил, что хотел бы быть полезен в какой-нибудь битве с мусульманами, опустошил вместе с триполисцами области Гитса и Гамы и в союзе с Бозмундом III антиохийским осаждал зимою 1177—78 в течение целых месяцев замок Гарим. Но ни к одной из этих битв он не относился серьезно: военачальники задавали в Антиохии роскошные пиры в то время, как их войска стояли под стенами Гарима под дождями и бурями. Наконец, осажденные предложили деньги, если христиане откажутся от войны; и как Бозмунд, так и Филипп вернулись по домам, и Филипп конечно оставил по себе на Востоке очень дурную славу.

Саладин осторожно выжидал, когда граф Монферратский, фландрцы и греки друг за другом приходили в Иерусалим. Но как только он услышал, что флот ушел в Константинополь, а граф Филипп в северную Сирию, то он с большой силой вторгнулся с юга в Святую Землю. Рыцарство государства хотело сначала выйти против него из Аскалона, но скоро скрылось за стенами этой крепости из страха перед огромным численным превосходством неприятеля. Магометане вследствие этого сочли возможным нарушить твердый порядок своего войска и отдельными отрядами жгли и грабили страну до самых ворот Иерусалима. Тогда, наконец, рыцари собрались с духом и, сплотившись, вышли из ворот Аскалона и еще раз показали разрушительную силу своего оружия. 28 ноября они ринулись на главную массу неприятеля, и сам Саладин спешил сколько возможно охранить порядок своего войска. Нападение рыцарей было непреодолимо: один отряд за другим был разбит, даже бегство мало помогло, так как христиане гнались за ними во весь опор и в преследовании вдвое страшнее истребляли испуганные ряды беглецов. Даже Саладин только с величайшим

усилием избежал резни, потому что, как он потом открыто признался, «не один раз он был близок к гибели, и только Бог спас его, чтобы потом через него совершить Свою волю».

Это была славная победа, и иерусалимцы хорошо воспользовались ею в одном отношении. После сражения при Аскалоне они могли считать южную границу своего государства достаточно защищенной и обратили свое внимание на северную границу, которая после того, как Нуреддин взял Баниас в 1164 г., была действительно открыта для всякого нападения. Поэтому они выстроили крепкий и обширный замок на холме при верхнем течении Иордана у так называемого брода Иакова. Но Саладин все-таки далеко превосходил их своей хитростью и неутомимостью. В то время как из гнева на свое поражение обещался не принимать принадлежащих султану почестей, пока не отомстит за себя, он велел однако распространять в Каире гордые известия о победе, так как все еще не вполне доверял египтянам. Затем он вооружился всеми силами и прежде всего послал небольшое войско в лесную область Баниаса. Христиане, теперь опять самонадеянные, именно в это время производили там опустошительный набег с полной беспечностью; они были захвачены врасплох египтянами и понесли большие потери. Вскоре затем сам Саладин двинулся для осады вновь выстроенной крепости. Когда на выручку пришли иерусалимцы и трибуны, то он осторожно отступил к Баниасу. Христиане с безумной смелостью следовали за ним отдельными отрядами. Султан тотчас повернулся, всеми своими силами напал на них, рассеял и уничтожил почти все их войско (1179). Оставалась еще тень надежды поправить это большое несчастье, так как именно в эту минуту в Святую Землю прибыли граф Генрих Труа и несколько других французских вельмож. Но христиане неумело или трусливо медлили и не выступили достаточно скоро против сильного неприятеля с этим неожиданно явившимся подкреплением, так что Саладин напротив, имел достаточно времени, чтобы окружить и взять важный замок при броде Иакова. Огорченный безумством и вялостью христиан, историк Иерусалимского королевства архиепископ Вильгельм Тирский применил к ним меткие слова псалма: Господь, их Бог, отвернулся от них.

Но, к счастью для крестоносцев, Саладин не мог долго

заниматься ими одними. Его политика охватывала в то время не только христианскую и магометанскую Сирию и Месопотамию, но также армянскую Киликию и Малую Азию. Некоторое время он вел уже борьбу с Килидж-Арсланом иконийским, сам вышел теперь против него, смирил его и затем вместе с ним стеснил князя Рубена армянского. Тем временем он согласился дать христианам перемирие, которым однако они воспользовались как вельзья хуже. Потому что для благоденствия королевства они прежде всего опять хотели выдать замуж старшую сестру их больного короля за самого могущественного князя; и поэтому уже начаты были переговоры с герцогом Бернхардом Бургундским, когда несчастный Бальдуин IV, страшась быть совсем устраненным, неожиданно вмешался и в слепой поспешности дал сестре в мужья графа Гвидо Лузиньянского; правда, это был храбрый рыцарь, но у него не было ни значения, ни богатства, ни дарований, необходимых для разрешения тяжелой задачи, которую судьба отдавала этим в его руки. И как только вследствие этого дела вельможи Иерусалимского королевства перессорились злейшим образом между собою, князь Боэмунд антиохийский прогнал свою жену, греческую принцессу, и отдал сердце другой женщине, дурной репутации; затем он самым отвратительным образом рассорился с своим патриархом и не слушал ни просьб своих дворян, ни убеждений короля Бальдуина, которые увещевали его изменить свой образ жизни.

Но самое дурное впечатление производил в то время Райнальд Шатильонский, бывший князь антиохийский, который был в магометанском плену с 1160 и еще по смерти Нуреддина, потом был наконец выкуплен и с тех пор занимал высокие места в Иерусалимском государстве. Он оставался и теперь таким же необузданно воинственным, каким был в молодые годы, побуждал постоянно и без разбора к нападению и этим особенно оскорблял графа Раймунда Триполисского, который, в крайней противоположности с ним, был труслив, осторожен и старался сколько возможно уклоняться от открытой борьбы с Саладином. Кроме того, Райнальд, в качестве правителя страны по ту сторону Иордана, жил в то время в большом замке Крак, т. е. всего ближе к неприятелю, и таким образом от него как будто зависело, будет ли опять война, и когда. В 1181 году он не мог

больше сдерживать свою воинственность и сделал дикий набег на юг по направлению к Аравии, не желая знать о перемирии, которое дано было Саладином. Саладин ответил на это обширным нападением, которое он и его эмиры со всех сторон направили на Иерусалимское государство. Правда, христиане также собрались для всеобщего отпора, но все-таки их страна потерпела ужасно, и только с трудом удалось вынудить султана к отступлению, сначала кровопролитной, но долго нерешительной битвой при Бейзанае (Скифополис), и затем, когда он опять вторгся и начал осаждать Бейрут на суше и на море, удалось оттеснить его и от этого города (лето 1182 года).

Между тем, несмотря на эти успехи, иерусалимцы, конечно, мало-помалу подпали бы преобладающей силе, если бы внимание Саладина не было опять отвлечено больше в другую сторону. В октябре 1181 года умер в Галебе сын Нуреддина, и хотя его двоюродные братья старались ему унаследовать, тем не менее для Саладина это было таким заманчивым случаем распространить теперь свое господство на северную Сирию и Месопотамию, что он употребил свои лучшие силы для достижения этой цели. Уже осенью 1182 года он покинул крестоносцев, пошел к Галебу и мимо этого города через Евфрат к берегам Тигра. Везде, где он появлялся, он действовал непреодолимо и оружием и переговорами. Почти все города Месопотамии открыли ему ворота; только Мосул выдержал сильную осаду и на этот раз удержал свою независимость, но зато султану удалось наконец завоевать Галеб, которого он давно добивался: в июне 1183 г. он вступил в этот город, как торжествующий победитель, как властитель Египта, Сирии и почти всей Месопотамии.

Христиане между тем проводили время по своему обыкновению; они сделали несколько хищнических набегов, главным образом в дамаскинскую область. Безумный Райнальд двинулся даже к югу, неожиданно напал на город Айлу у Красного моря и часть своих людей отправил на быстро импровизированном флоте для опустошения аравийских берегов. Новые начальники Саладина везде были настороже. Христианский флот был уничтожен, Айла снова взята, и большинство этих грабительских отрядов вернулось домой без добычи. Когда затем пришли вести об

успехах султана, христианами овладели забота и страх. Все государство было обложено усиленным налогом, чтобы собрать казну на черный день, а король, бывший почти при смерти, формально передал правление своему зятю, Гвидо Лузиньянскому. Осенью 1183 г Саладин с большим войском вторгся со страшными опустошениями в христианскую область. Крестоносцы, подкрепленные прибывшими незадолго перед тем толпами пилигримов, вышли против него в немалом количестве, но не отважились сделать нападение. Тем не менее они держались, тесно сплотившись в таких твердых позициях, что и султан не захотел вынуждать их к решительной битве и увел свое войско из Иерусалимской области. Но, как только его неприятели разделились, он со всею силою бросился на замок Крак, где князь Райнальд в беспечном высокомерии задавал веселые пиры. Правда, осажденные храбро сопротивлялись, и Саладин снял осаду, когда из Иерусалима подоспело сильное подкрепление; но между тем раздоры партий в христианском государстве стали хуже чем когда-нибудь прежде.

Многие вельможи были недовольны тем, что незначительный Гвидо Лузиньянский стал сначала зятем Бальдуина IV, потом его заместителем, а затем, очевидно, и его преемником в королевском достоинстве. Поэтому они раздражали Бальдуина IV против графа, и это было тем легче, что даже собственная его супруга, принцесса Сибилла, оказывала им содействие, потому что теперь она более всего хотела обеспечить корону за своим сыном Бальдуином, которого она родила в конце 1177 года, после смерти своего первого мужа, маркграфа Монферратского. Король скоро согласился на предложения, которые ему делались, отстранил своего зятя от управления Иерусалимом и 20 ноября 1183 г велел короновать своего пятилетнего племянника Бальдуина, как пятого короля этого имени. Но так как теперь в Иерусалиме стало два короля, из которых один был умирающий, а другой ребенок, то опять надо было назначить правителя, и граф Раймунд Триполитский, который уже в юности Бальдуина IV исполнял эту должность, был еще раз выбран на этот пост. Он должен был оставаться во главе управления десять лет, до совершеннолетия Бальдуина V: и как залог за расходы, которые могли поэтому у него явиться, ему представлен был город Бейрут. Гвидо сначала добро-

душно подчинился этим решением, но когда разгневанный на него король зашел так далеко, что стал требовать расторжения его брака с принцессой Сибиллой, граф воспротивился словом и делом и кроме того приобрел несколько сторонников среди вельмож государства, так что у него по крайней мер не могли оспаривать его жену.

Вскоре после этих отталкивающих деяний, по-видимому, весной 1184 года, окончилась жизнь несчастного Бальдуина IV. Регент государства, граф Раймунд, должен был тотчас после этого идти в поход против Саладина, который во второй раз осаждал Крак. Иерусалимское войско опять вовремя пришло на выручку. Но после того как замок был обеспечен, Раймунд по своему миролюбивому направлению стал искать перемирия. У султана было много причин согласиться на это желание. В Месопотамии его задачи были не совсем исполнены, потому что Мосул все еще оставался непокоренным и враждебным; поэтому преждевременно побуждать христиан к отчаянной битве было бы ошибкой и тем более грубой, что господствовавшая тогда в Иерусалиме трусливая и сдержанная политика была совершенно безопасна для магометан. Тем не менее граф Раймунд получил желанное перемирие только за 60000 червонцев и этой тяжелой жертвой, конечно, приобрел для Святой Земли не более как жалкую отсрочку.

Падение иерусалимского государства

Представим себе теперь положение христианских государств на востоке перед тем, как самое значительное из них пало от меча Саладина.

На севере христианской области Антиохия и Армения вели довольно обособленное существование, то в дружбе, то во вражде между собою, при случае сильно притесняемые врагами креста, но вообще в довольно безопасном положении, потому что в эти годы они мало были затронуты потоком великих событий. При этом Антиохия медленно теряла силы, между тем, как Армения, как увидим, созревала для более широкого будущего.

Местности Триполиса и Иерусалима в последнее время

сильно пострадали. От них слишком часто требовались большие военные усилия. Отряды Нуреддина и Саладина не раз занимали значительные части христианской области: при этом плоская страна была основательно опустошена и целый ряд небольших местечек обращен в развалины. Тем не менее материальное положение крестоносных государств в эти годы нельзя считать слишком печальным: в некоторых отношениях оно было, напротив, чрезвычайно цветущим. Человеческие жертвы, которых требовали частые войны, снова сглаживались все еще продолжавшимся притоком рыцарей, купцов и пилигримов всякого рода; а благочестивое настроение Европы продолжало доставлять борцам за Христа на Востоке богатые наличные средства подарками, завещаниями и покаянными пожертвованиями. К этому прибавлялось тогда еще большое, почти сплошь, плодородие сирийской земли, которая, если не наступал прямой неурожай, производила именно благородных продуктов гораздо более, чем было нужно самим жителям: лимоны, апельсины, фиги и миндаль, тонкие масла, тяжелые вина и фрукты в большом количестве посылались на кораблях в Европу. Также процветала и промышленность: шелковые ткани Триполиса, стекло и пурпур из Тира приносили в страну много денег. Но наибольшую выгоду сирийские христиане извлекали из того, что их страна мало-помалу стала почти центром всемирной торговли. Торговые караваны Египта, Сирии и Аравии перекрещивали их область, как только стихал воинский шум, и давали за это пошлину, которая представляла, вероятно, очень значительные суммы. В больших портовых городах различные товары Запада, которые были необходимы для рыцарей, духовенства и горожан Иерусалима, встречались с произведениями греческой техники и сокровищами Персии, Индии и Китая. На рынки Аккона и Бейрута доставлялись, например, произрастающий в восточной Азии ремень, добывавшийся в Тибете мускус, затем перец, корица, мускатный орех, гвоздика, алое дерево, камфора и другие продукты Индии или ее островов, слоновая кость также оттуда или из восточной Африки, жемчуг из Персидского залива, а также ладан и финики из Аравии.

Тяжелое впечатление, что вся эта цветущая жизнь так скоро и ужасно была уничтожена и до нашего времени остается уничтоженной, не смягчается тем соображением,

что она не имела сама по себе внутренней прочности и потому не могла продолжаться. Потому что, хотя справедливо, что торговля, которая широко велась в сирийских городах, более обогащала или укрепляла отдельных лиц, особенно итальянские колонии горожан и далеко не в такой степени государственные власти; нельзя также не признать, что не образовалась сплоченная крестonosная национальность, и напротив, в Святой Земле двигалась пестрая смесь французов и итальянцев, англичан и немцев, греков и армян, евреев и магометан,— но все это в самой малой степени было причиной падения Иерусалима и окончательного крушения крестовых походов. Во главе иерусалимских войск стояли по большей части дворяне французской крови и они давали этим войскам достаточно цельный отпечаток; вместе с горожанами итальянского происхождения, они являлись преимущественно романским, для средневековой эпохи довольно тесно сплоченным единством интересов; какая государственная сила жила в целом, можно и теперь почерпнуть из высоко развитого государственного права королевства, из Ассизов Иерусалимских, наряду с которыми, кроме того, стояли Ассизы Антиохии, а позднее даже Ассизы Армении. Таким образом господство христиан на Востоке держалось на сравнительно хороших и крепких основах и недоставало только, чтобы их денежная и человеческая сила была употреблена для сознательной и решительной военной политики. Но отсутствие такой политики нельзя было возместить никакими иными успехами, и оно мало-помалу должно было привести к полной гибели. С тех пор как Эдесса была низвергнута, а Антиохия унижена, крестonosцы, как мы видели, держались только в оборонительном положении, т. е. таком, на котором нельзя было прочно удержаться при слишком малом объеме их государств. Они должны были бы с осторожностью великого Боэмунда и бесстрашной храбростью Готфрида воспользоваться теми случаями, которые представлялись для расширения их государства даже во времена Нуреддина и Саладина: но так как они этого не сделали, то они и погибли. И те сокровища, которыми именно в те годы одарили их земледелие, промышленность и торговля, при этих обстоятельствах только ускорили их гибель. Они содействовали лишь тому, что в пестрой смеси быстро распространились безнравственность, изнеженность и ма-

лодушие, жажда грабежа и бесстыдство. Всем было известно, что патриарх Гераклий содержал прекрасную любовницу: он имел от нее детей, разукрашенная как принцесса, она являлась на иерусалимских улицах и с большой свитой отправлялась в церковь. Граф Раймунд Триполитский не только находил многих сторонников своей малодушной политике, но все чаще бывали случаи, что крестоносцы трусливо покидали доверенные им посты и даже переходили на сторону неприятеля: именно теперь распространилось ужасающее известие, что знитный тамплиер Роберт Санкт-Альбанский из Англии сделался магометанином и занял высокое положение в войске Саладина. Совершенно противоположно этому, но столь же вредно действовали вельможи и рыцари, которые с бессмысленной необузданностью бросались на неприятеля, пренебрегая опасностью. Образцом их и передовым борцом был Райнальд Шатильонский по своему характеру и политическо-военному положению. Из своего замка Крака он господствовал над главнейшими торговыми путями, которые соединяли Сирию, Аравию и Египет. Его постоянно соблазняло богатое имущество купеческих караванов и, не научившись теми нападениями, которые поэтому уже много раз направлял против него Саладин, он со своей высокой башни все высматривал новые грабежи.

Ко всему этому присоединился жестокий раздор, который вскоре разделил все государство. А именно осенью 1186 года умер маленький Бальдуин V, и тотчас Гвидо Лузиньяский и Сибилла, теперь опять помирившись, поспешили в Иерусалим, чтобы приобрести себе корону. На их стороне были патриарх Гераклий, князь Раймунд и тамплиеры. С этой помощью им удалось достигнуть своей цели: 19 сентября сначала Сибилла, потом Гвидо были коронованы, как королева и король Иерусалима. Граф Раймунд был возмущен этим тем более, что он, может быть, сам надеялся стать властителем государства. Он собрал вокруг себя большинство баронов и разразился сильными угрозами против узурпатора Гвидо. Но когда большинство его сотоварищей отпало от него, признало совершившийся факт и перешло к королю Гвидо в Иерусалим, то он зашел так далеко в своем упорстве, что заключил союз с Саладином и принял магометанский военный отряд в город Тивериаду, которым

в то время владел. Потом, правда, благородные посредники старались помирить короля и графа. Но на первый раз их старания остались безуспешны.

Тем временем Саладин отправился в Месопотамию закончить дело, которое он уже давно там начал. Его оружие далеко распространяло страх: поэтому Килидж-Арслан грозил ему союзом всех государей Востока, если он вздумает еще расширить свое господство. Но Саладин, не беспокоясь этим, переходил от успеха к успеху, и если ему и не удалось покорить Мосул в открытой битве, потому что он сам сильно заболел во время осады этого большого города, то он все-таки довел его до такой нужды, что он добровольно подчинился его верховной власти. С тех пор Саладин господствовал над всеми областями, которые некогда подчинялись велениям Ценки или Нуреддина; но в глазах своих единоверцев он тем самым обязывался воевать с крестоносцами серьезнее, чем когда-либо прежде.

Он рад был исполнить эту обязанность, и христиане сами помогли ему в этом своими безумиями и злодеяниями. Хотя король Гвидо и принял то перемирие, которое за несколько лет перед тем заключил с султаном граф Раймунд для Иерусалимского королевства, но беспутный Райнальд весной 1187 г. все-таки напал из Крака на богатый караван, в котором находилась также сестра Саладина, и совершенно его разграбил. Султан тотчас потребовал удовлетворения за убытки и наказания Райнальда, но король не решился обидеть могущественного вассала; и тогда Саладин поклялся, что сам найдет удовлетворение и собственноручно убьет графа Райнальда, если он когда-нибудь попадет в его руки. По всей Месопотамии, Сирии и Египту был распространен призыв к «священной войне»: со всех сторон стекались войска, воодушевленные для борьбы против христиан, и Саладин с первым войском, готовым к войне, уже занял позицию на юго-востоке от Мертвого моря, чтобы удержать Райнальда от дальнейших грабежей. «Волк (Райнальд) спрятался в своем крепком замке, когда почуял запах льва (Саладина)».

Теперь приближалась для христиан решительная минута. Их дело было еще не безнадежно, если бы ими руководила верная мысль. Потому что большому превосходству сил султана они могли противопоставить прекрас-

ное войско, которое, будучи одушевлено смиренным и вместе непреклонно мужественным настроением прежних времен, было бы в состоянии уничтожить почти всякое сопротивление. Их гибелью был не столько недостаток в войнах, но гораздо более трусость и наглость, которые в печальном смещении наполняли их ряды.

Когда в Иерусалиме пришла весть о магометанских вооружениях, короля Гвидо стали уговаривать, прежде всего, помириться с графом Раймундом. Король объявил, что он готов на это, и в конце апреля послал в Тивериаду блестящее посольство, во главе которого находились оба магистра — тамплиеров и иоаннитов. Но противники также сообразили уже, что граф Раймунд, с которым они еще были в союзе, очень может им пригодиться. Семь тысяч человек отборного войска под предводительством Альмелика Алафдаля, сына Саладина, только что появились на верхнем Иордане и испросили у Раймунда позволение войти в страну христиан. Граф очутился в весьма неприятном затруднении, потому что он, хотя и понимал, какая опасность грозила его единоверцам, но тем не менее не решался порвать с Саладином. Наконец, он нашел жалкий исход, позволив магометанам сделать род рекогносцировки в христианской области, если они в тот же самый день, когда перейдут Иордан, и вернутся через него назад. Альмелик Алафдаль остался этим доволен и прошел с своим отрядом по местности между Акконом и Тивериадой именно в то время, когда туда только что пришли иерусалимские послы и услышали о присутствии магометан. Гроссмейстер тамплиеров призывал к бою, и послы тотчас собрали рыцарей и оруженосцев ближайших замков и городов, и 1 мая они бросились только со 150 конными латниками и 500 пеших воинов на вдесятеро сильнеею неприятеля. Но безумнодерзкий рукопашный бой был страшно неудачен. Большинство рыцарей билось еще с прежней могучей силой, но почти все они мало-помалу были убиты или взяты в плен; только великий магистр тамплиеров спасся с тремя рыцарями своего ордена от страшной резни, крайне истощенный. После этого Альмелик Алафдаль перешел обратно через Иордан с триумфом и обремененный добычей.

Тяжелое поражение, которое потерпели христиане, принесло по крайней мере то хорошее следствие, что

примирение Гвидо с Раймундом теперь тотчас состоялось. Граф Триполиский, глубоко потрясенный случившейся бедой, в которой он не был неповинен, опять на словах и на деле перешел на сторону своих единоверцев. По его совету, все государство ревностно вооружалось всеми возможными средствами, и на помощь был призван также Бозмунд Антиохийский. Последний действительно послал своего сына Раймунда с пятьюдесятью рыцарями, и во всех местностях от Триполиса до Крака собрались такие значительные массы, какие когда-либо собирались под знаменем Иерусалима. При источнике Саффурии, где был разбит лагерь, на запад от Тивериады, на полдороге между этим городом и берегом, насчитывали, как говорят, кроме тысяч легковооруженных стрелков, не менее 2000 рыцарей и 18000 человек пеших, но большей части в самом богатом вооружении. Но настроение, которым было проникнуто это сильное войско, обещало мало хорошего. Одни требовали жестокого нападения, тогда как другие в мрачном предчувствии хотели избегнуть битвы. Рассказывали, что над христианскими воинами пролетел орел с криком: «горе, горе Иерусалиму», или что ведьма, посланная Саладином, темной ночью предала войско проклятию и обрекла его на гибель. И какой пример давал крестоносцам их духовный владыка, патриарх Гераклий, который не сам принес в лагерь святой крест, но послал с ним двух епископов, «потому что,— как говорили,— ему было трудно ехать самому к войску и покинуть свою возлюбленную». Поэтому, конечно, стало передаваться из уст в уста предсказание, что святой крест был приобретен при Гераклие и будет потерян также при Гераклие.

Тем временем Саладин окончил свои вооружения и в начале июля двинулся с востока против Тивериады. В его военном совете также раздавались боязливые голоса, желавшие замедлить развязку; но султан решил рисковать всем. Все его силы были собраны и направлены только к одной цели, которая была перед самыми его глазами: он должен был уничтожить христиан, чтобы исполнить ожидания, которые возлагали на него единоверцы, и чтобы навсегда найти себе прощение за те насилия, с помощью которых он устранил от господства род Нуреддина. 3 июля он внезапно окружил Тивериаду и взял богатый город, за исключением его цитадели.

Гвидо, который был извещен об этом в тот же день, хотел тотчас выступить в битву. Великий магистр ордена тамплиеров и князь Райнальд поддерживали его в этом; граф Раймунд хотел, напротив, предоставить Тивериаду ее судьбе, потому что летняя жара была слишком тягостна, и скалистая и безводная местность между Саффурией и Тивериадой была неудобна для битвы. В его словах была некоторая правда. Но разве неблагоприятное время года и неудобная почва не были одинаковы для обеих сторон? И что же оставалось еще делать, если не решиться на битву теперь, когда собралось все рыцарство с юга и с севера? При отцах и дедах этих крестоносцев едва ли были бы высказаны подобные недоумения, какие высказывал граф Раймунд; и в 1187 году смелое нападение, вероятно, привело бы к полной победе, если бы оно было предпринято с прежним единодушным одушевлением. Но здесь особенно дурно подсыствовало то, что на военном совете, который Гвидо держал в ночь с 3-го на 4 июля, он сначала дал графу Раймунду склонить себя к мирному выжиданию, а потом поддался воинственному кличу великого магистра тамплиеров и утром следующего дня внезапно велел войску двинуться. После всего этого христиане едва ли уже могли сравняться с таким противником, как Саладин.

Султан ждал их с радостным нетерпением и старался возбудить мужество своего войска собственной решимостью и речами своего духовенства. У селения Лубна, в нескольких часах к западу от Тивериады, войска сошлись перед полуднем. Стройные отряды христианского рыцарства, когда они ринулись на мусульман, походили на «движущиеся горы или волны бушующего моря». Их натиск, как всегда до сих пор, подействовал в первую минуту потрясающим образом. Но скоро их победоносное движение остановилось, потому ли, что на этот раз им не доставало продолжительной энергии, или потому, что войска Саладина, уступив сначала, мужественно возобновили битву и держались с необыкновенной стойкостью. Тщетно бились христиане до послеполудня: они не были побеждены, но и не получали дальнейшего успеха, и наконец, глубоко истощенные, прекратили битву. В этом и сущности было уже решение. Потому что тут сказались все неблагоприятные обстоятельства, при которых крестоносцы вышли на бой. Может быть, еще было бы возможно

после отдыха вторично двинуться на неприятеля, разорвать его также сильно потрясенные ряды и счастливо дойти до Тивериады. Но граф Раймунд считал слишком дерзким повторение битвы, которого желали многие рыцари, и предложил отступить на север и провести ночь на не очень далекой возвышенности при селении Гаттине, по имени которого обыкновенно называют это сражение. Несчастный совет был принят. Правда, Саладин дал беспрепятственно уйти христианам, но их телесные и нравственные силы все более падали в унижительном чувстве неудачи и в страданиях, причиненных жарой, пылью и недостатком воды. Пешее войско было уже близко к распадению, а некоторые трусы из гордого рыцарства бежали темной ночью в неприятельский лагерь. Когда Саладин узнал от них о печальном положении своих противников, он велел зажечь вокруг возвышенности костарник и солому и всю ночь мучил и беспокоил их этим.

На следующий день, 5 июля, султан с величайшей тщательностью сделал приготовления к последней битве, потому что он все еще считал возможным уничтожающий удар со стороны франкского панцирного войска. Действительно, графу Раймунду и принцу антиохийскому удалось пробить неприятельские ряды и с небольшим отрядом рыцарей избежать грозившего поражения¹.

Но король, князь Райнальд и все остальные вельможи и рыцари не были так счастливы. Правда, они также с великой энергией ворвались в массы мусульман; но против них сам Саладин твердо выдерживал строй своих воинов. Гордые крестоносные князья должны были отступить, и когда это поняли рыцари и оруженосцы, все войско погибло. На упомянутой возвышенности стеснились сначала пешие войска, а потом и всадники и в глубоком унынии ждали конца. Саладин велел окружить их со всех

¹ Поведение графа Раймунда в последние годы существовавшего Иерусалимского государства нанесло много тяжелых ушибов христианскому делу; и так как Раймунд был некоторое время союзником Саладина, он сделался даже предателем христиан. Тем не менее после того как весной 1187 г. он помирился с Гвидо, его трудно упрекнуть в «предательстве», а скорее только в трусливом, далеко не геройском поведении. Пробриться сквозь войско Саладина при Гаттине ему и посчастливилось только потому, что неприятель очень охотно предоставил ему отделиться от союзников. Ср. Перихт, *Beitricge sur Geschichte der Kreuzzüge*, 1, 173, и Герпенса — *Perichto Arabische Quellebeitricge sur Geschichte oles Kreuzzuge*, 1, 58, 61 и след.

сторон и напасть на них: в самое короткое время крестоносное войско было совершенно уничтожено.

Самых знатных пленников, короля Гвидо, его брата Амальриха, князя Райнальда, великого магистра тамплиеров и других, Саладин велел привести к себе еще в тот же день. Он утешал короля и велел дать ему освежительное питье; но князя Райнальда он осыпал ругательствами за произведенные им насилия и, наконец, помня о своей клятве, убил его собственным мечом. Он велел также казнить всех членов орденов тамплиеров и иоаннитов, которых ему удалось захватить, потому что они казались ему христианскими ассасинами; и даже простые пленники были казнены по его приказанию. Таким ужасным образом закончилось разрушение христианской военной силы.

Но великий победитель знал, что этим он исполнил только половину своей задачи. Правда, в открытом поле крестоносцы едва ли уже могли сопротивляться, но зато им, может быть, можно было довольно долго держаться за крепкими стенами своих многочисленных городов и замков. Поэтому Саладин решил для завоевания этих христианских укреплений быстро и основательно воспользоваться страхом своего оружия, который распространился после сражения при Гаттине. При этом ему помогло то, что в Иерусалимском королевстве не было тогда ни одного человека, который бы сумел умно собрать последние его силы и руководить ими, так как даже граф Раймунд, который, кроме того, едва ли имел достаточно значения для этого дела, трусливо отступил к Триполису и в скором времени там умер. Немногие другие великие вельможи и рыцари, которые еще могли бы поднять меч во славу креста, а также горожане и крестьяне в тяжелом отчаянии готовы были к покорному подчинению; они были в таком же настроении, какое, например, охватило прусское войско и народ после поражения при Иене. Правда, отдельные лица и теперь еще поднимались там и сям с прежним героизмом, то удачно, то неудачно оспаривая у султана довершение победы; но огромное большинство не думало о том, как много еще имелось сил для сопротивления, как скоро могла прийти помощь с Запада и как часто во времена отцов столь славно выказывалась твердая, как скала, надежда на Бога. В таких обстоятельствах султану было возможно достигнуть блестящих успехов. Уже 6 июля, в день битвы при Гаттине, он взял цитадель Тивериады; 9 июля появился

перед Акконом, и этот величайший и самый богатый торговый город христиан, где были собраны неисчислимые сокровища драгоценных товаров, с жалкой трусостью сдался на капитуляцию. После того мусульманское войско отдельными отрядами, «как множество муравьев» распространилось по всей стране от египетского берега до Триполисской области: в течение нескольких недель пали Бейрут и Сидон, Каифа, Арзуф и Цезарея, Иоппе и Аскалон, города внутренней страны и гордые замки высшего дворянства. Грабеж, убийство и все роды зверства, конечно, ужасно свирепствовали среди побежденных, хотя сам Саладин теперь охотно бывал кротким и обыкновенно предоставлял жителям побежденных городов или выселиться, или по мусульманскому обычаю платить поголовную дань новому верховному властителю. Когда 4 сентября Аскалон сдался на капитуляцию, произошло затмение солнца, как будто само небо хотело выказать печаль о бедствии христиан.

После этого непокоренными оставались только несколько самых крепких рыцарских замков, а также Тир и Иерусалим. Правда, Тир также уже был близок к сдаче, но в последнюю минуту туда прибыл самый западный князь, маркграф Конрад Монферратский, и выказал такую решительность, что Саладин на некоторое время оставил этот город в покое. После падения Аскалона султан прежде всего обратил свои замыслы не на Тир, а на высшую цель своего похода — Иерусалим. Он бы охотно приобрел без борьбы город, священный и для магометан, и поэтому предложил очень снисходительные условия капитуляции, но когда они были отвергнуты, то он должен был приступить к формальной осаде. 19 сентября он собрал свое войско под стенами крепости и на следующий день начал нападение, направив свое оружие сначала на западную и северную сторону, но скоро только на эту последнюю и притом близкую к тому месту, где было сделано нападение уже в 1099 году. В городе находилось только немного обученных воинов, но зато чрезвычайное множество народа, который сбежался сюда со всех сторон. Настроение защитников колебалось в быстрой смене смелой решимости и малодушного уныния, но именно поэтому делало стойкое сопротивление почти невозможным. После того как нападающим удалось пробить значительную брешь в северо-восточном углу стены,

посланные иерусалимцев предложили вступить в мирные переговоры. Но теперь Саладин поставил очень тяжелые условия, пока его не вернул к большей снисходительности страх, как бы не довести осажденных до отчаянной битвы и таким образом не сократить собственного успеха и добычи. Наконец, уговорились на том, что жители могут свободно покидать город за выкуп, и именно: каждый мужчина должен был платить 10 червонцев, каждая женщина — 5, каждый ребенок старше семи лет — 2, ниже семи лет — один червонец: семь тысяч мужчин бедного люда, или соответственное упомянутому расчету число женщин и детей могли выйти свободно за общую сумму в 30000 червонцев. 2 октября 1187 г. были открыты ворота: войска Саладина заняли город в то время, как христиане начали или приготавливали свое выступление. Различные преступные насилия были произведены солдатами; но султан и князья его войска старались с благородным великодушием облегчить участь несчастных выселенцев. Тем не менее большинство из них погибло и умерло.

При известии о взятии Иерусалима магометанские ученые и пилигримы поспешили издалека, чтобы собственными глазами видеть места почитания и насладиться победоносным зрелищем, как везде низвергались христианские кресты, разбивались колокола, как старые мечети снова освящались, как их окуривали благовониями и обмывали розовым маслом. Весь мусульманский мир чувствовал себя освеженным и подкрепленным этим великим успехом и с тех пор выказал для его сохранения почти еще большие силы, чем употребил для того, чтобы его приобрести. Саладин, как рассказывает его канцлер, принимал в своей палатке поздравления своих вельмож, с скромным видом, с достоинством и с сияющей радостью на лице. Двери его палатки оставались открытыми для всех, и он делал богатые подарки. Прочитывались письма государя, которые сообщали о счастливом событии, трубы возвещали о нем, все глаза проливали радостные слезы, все сердца смиренно приписывали этот успех Аллаху, все уста произносили хвалу властителю.

Это завоевание Иерусалима составляет высший пункт успеха Саладина. Правда, после этого ему удалось еще другие победы, но только непрерывного ряда успехов, как от битвы при Гаттине до вступления в священный город,

на его долю больше не выпадало. Еще поздней осенью 1187 г он со всеми своими силами напал на Тир. Но здесь обнаружилось, какую силу сопротивления христиане могли еще выказать при хорошем предводительстве и как были мало способны магометанские отряды к трудностям продолжительной осадной войны. Никакие штурмы и бреши не колебали мужества маркграфа Конрада; напротив, войска Саладина начинали бунтовать, и после стольких триумфов великий султан должен был отступить без победы от одного города. В следующем году он двинулся в область графства Триполиского и княжества Антиохии. Здесь отчасти повторилось то зрелище, которое только что представило Иерусалимское королевство. Отдельные геройские подвиги христиан затрудняли магометанам их путь, но чаще, напротив, побеждали магометане вследствие превосходства их силы или уныния крестоносцев: под их владычество возвратился длинный ряд городов и замков, перечисление которых даст возможность видеть, как сильно было уже, однако, положение христиан на Востоке. Мало-помалу были взяты последние замки, в которых еще удерживались иерусалимские рыцари. Но главные пункты северной Сирии, Триполис и Антиохия не могли однако быть покорены, так же как Тир, и уже приближалась более богатая помощь с Запада, а именно сицилийский флот, адмирал которого, Маргари, прямо заявил султану, чтобы он прекратил преследование франков, потому что иначе на него двинутся такие военные силы, которых ему никогда не одолеть. Христиане отважились даже делать кое-где вылазки из своих укреплений и в этом положении опять особенное значение приобрел король Гвидо. Дело в том, что Саладин обещал ему свободу, если Аскалон сдастся, и когда это произошло, он выпустил короля из заточения, хотя и долго промедливши. Король хотел после этого отправиться в Тир, но был сурово отстранен оттуда маркграфом Конрадом, который ревниво оберегал положение, завоеванное своими собственными силами. Но тут Гвидо собрал небольшое войско и летом 1189 г. тронулся в путь, чтобы снова приобрести Аккон, город, с малодушной сдачи которого началось разрушение Иерусалимского государства.

Так приготавливалась новая усиленная борьба, от исхода которой зависело еще решение, чье господство утвердится на сирийском берегу — народов Запада или Востока.

ГЛАВА VII

Третий крестовый поход¹

Запад после падения Иерусалима

Возраставшая опасность, в которой Иерусалимское государство находилось в последние десятилетия своего существования, как мы видели выше, побудила уже короля Амальриха послать великолепное посольство

¹ Вилькен, *Geschichte der Kreuzzüge*, т IV и т д. Пруц, *Keiser Friedrich I*, 3 т Данциг, 1871—1874. Рицлера, обширное исследование о крестовом походе императоров Фридриха I в 'Forschungen zur deutschen Geschichte', 1870 Фишер, *Geschichte des Kreuzzuges Kaiser Friedrichs I*. Лейлуш, 1870. Перихт, 'Die Rustungen des Adendlandes zim dritten grossen Belagerung Von Akka', в *Forschungen sur deutschen Geschichte*, 1876. De Mas Jatrie, *Histoire de l'ile ole chypre le regue des princes de la maison de Losignan*, 3 т Париж, 1861

просить помощи у могущественнейших государей Запада. С тою же целью Бальдуин IV тогда же послал в Европу высших духовных лиц страны, и они везде изображали в самых трогательных словах бедствие своей родины. Прием, который им был оказан в Риме и в резиденциях королей, представил многочисленные доказательства того, что еще везде существовало самоотверженное настроение поддержать Святую Землю: парижане приветствовали послов как «ангелов небесных»; говорились крестоносные проповеди, делались пожертвования и имелись в виду большие вооружения для борьбы против Саладина. Но все-таки несколько значительных военных отрядов для похода на Восток не нашлось, потому что силы западных наций были слишком заняты все еще продолжавшейся враждой императора и папы, королей Франции и Англии. Так медлила Европа помочь крестовым походом угнетенным единоверцам в Азии, как ей самой ни хотелось этого, пока, наконец, не пришли печальные известия о битве при Гаттине и о падении христианского господства в Палестине; везде эти известия принесли глубочайшее горе и возбуждали яростную ненависть к победоносному исламу.

Первую печальную весть получил папа Урбан III, 18 октября 1187 г., когда он именно намеревался объявить отлучение от церкви против императора Фридриха I. Тяжкая печаль сломила и без того больного человека; уже 20 октября его не было в живых. Его преемником стал Григорий VIII, благородный старик, который тотчас оставил в стороне все политические соображения, которые до сих пор разъединяли империю и папство, для того, чтобы посвятить себя исключительно делу Иерусалима. «Я надеюсь, — говорил он, — снисходительностью церкви склонить защитников ее, императора и его сына, на доброе дело» (крестовый поход). Уже в конце октября из Рима были разосланы воодушевляющие окружные послания к германским государям и всем христианам, где они призывались к единодушной помощи, предписывались посты и общественные молитвы, и крестоносцам обещалось устройство их долговых обязательств и полное отпущение грехов. Духовенство также получило приказание показывать пример христианам отказом от всякого блеска и строгой дисциплиной, так что кардиналы в первом пылу дали обет жить одной милостыней и до

нового завоевания Святого города проходить пешком страны с крестоносной проповедью; по их ходатайству на семь лет объявлен был всеобщий мир. Правда, 17 декабря 1187 года неожиданно быстро умер достойный Григорий; но его преемник Клемент III действовал с таким же рвением за борьбу против Саладина и таким образом произошло единодушное восстание почти всего римского христианства, по объему и значению вполне равнявшееся великим предприятием 1097 и 1147 годов, отчасти даже их превосходившее.

Государи и города Италии, которые были в различных ссорах друг с другом или с соседями, везде примирились и старательно снаряжались к походу в Сирию. Первый флот, который отсюда появился на Востоке, был выше-названный норманнский флот под предводительством адмирала Маргарита; вскоре потом несколько эскадр с ломбардцами, тосканцами и генуэзцами вышли из гаваней северной Италии: в числе их предводителей был в качестве крестоносного легата римской курии архиепископ Убальд Пизанский. В скандинавских странах известие о падении Иерусалима вызвало страстные жалобы, и если крестоносная проповедь не нашла большого отклика в Норвегии, где свирепствовала тогда кровавая междоусобная война, то в Дании и Швеции тысячи людей воодушевились на священный поход. Тем временем главные вооружения сделаны были тремя могущественнейшими государями христианства, императором германским и королями Франции и Англии и их народами, и первым из них вмешалось в ход событий немецкое ополчение.

Вооружения императора Фридриха I

Император Фридрих I, основатель всемирной славы Штауфенов, был тогда уже в преклонных летах, но был окружен блеском своих деяний и успехов. Когда до него дошла весть о победах Саладина, для него не было сомнений о том, какая великая и трудная задача стала перед ним на закате его жизни. Тем не менее, он не мог тотчас решиться на крестовый поход, так как ему грозили

серьезные опасности внутри его империи. Как некогда Генрих Лев, так теперь против него стоял с оружием в руках архиепископ Филипп Кельнский. Филипп уже сам по себе владел значительной силой, а кроме того, он опирался еще на преданных друзей, главным образом среди государей северной Германии, так что император не мог думать покинуть империю прежде, чем эти бунтовщики не будут приведены к строгому повиновению. 1 декабря 1187 г. в Страсбурге был созван рейхстаг, куда архиепископ не явился, несмотря на особенные приглашения. Тем временем римская курия послала кардинала Генриха Альбанского в Германию с поручением проповедовать крестовый поход, и хотя кардинал еще не появился сам в Страсбурге, но там были уже два его спутника, которые призывали собравшуюся многочисленную толпу принести обет крестового похода. Правда, они говорили напрасно, пока к ним не примкнул епископ Генрих Страсбургский и не стал с увлекательным красноречием призывать к священной войне. Тогда прежде всего один эльзасский рыцарь по имени Зигфрид пожелал украситься знаком креста. Затем этому примеру последовали в быстро проявившемся одушевлении полторы тысячи рыцарей и множество народа. Но император, хотя и был тронут до слез, уклонился пока взять на себя обязательство крестового похода.

Следующими зимними месяцами Фридрих и кардинал хорошо воспользовались для того, чтобы произвести сильное политическое и церковное давление на архиепископа Филиппа, так что весной можно было предвидеть его окончательное подчинение. К 27 марта, к воскресенью, которое носило знаменательное название 'Laetare Ierusalem', объявлено было новое имперское собрание в Майнце и в высокопарном окружном послании призывалось всеобщее участие в этом «Христовом съезде». Сюда явился как Филипп, так и другие крамольные государи и, наконец, они склонились на призывы к миру императора и кардинала Альбано. Затем было прочитано папское послание, в котором верующие призывались к освобождению Иерусалима; а немецкие прелаты, особенно епископ Готфрид Вюрцбургский, возвысили свои голоса, чтобы воспламенить к войне огромное множество людей, которое стеклось в Майнц. Император Фридрих отказался председательствовать в собрании, так как там предполагалось

присутствие самого Христа: «он сидел среди своих людей и прислушивался к одушевленным воинственным кликам этих герольдов. Слезы текли по его щекам, но в виду великих трудностей похода он все еще медлил принять крест, пока его верные не окружили его и не стали горячо просить его более не медлить. Тогда и он не мог больше сопротивляться влиянию духа и принял знак поборников Бога из рук епископа Готфрида: его примеру последовали князья, духовные лица, тысячи рыцарей и несчетное множество народа».

Таким образом немецкая нация была в сущности привлечена к великому делу. Только старый Генрих Лев, правда, сильно стесненный, но еще крайне недоброжелательный к Штауфенам, мог быть помехой для дела. Поэтому Фридрих старался склонить его к участию в крестовом походе и даже обещал взять на себя издержки похода. Но герцог отвергнул всякое общение со своими победителями, так что, наконец, императору не оставалось ничего более, как изгнать Вельфов из страны на то время, какого мог потребовать крестовый поход, именно на три года. Генрих подчинился приказанию и тотчас же отправился к своим родственникам в Англию.

Между тем уже было решено, что выступление крестоносного войска должно произойти только весной 1189 г., а именно 23 апреля, в день святого Георгия, покровителя пилигримов, чтобы в этот долгий промежуток могли быть совершенно закончены все необходимые приготовления. На этот раз немецкое войско должно было состоять только из достаточных и поэтому более годных для войны людей: у кого не было по крайней мере трех марок серебра (приблизительно 120 марок на нынешние деньги), тот должен был под страхом опалы устраниваться от похода, потому что уже много раз прежде, и именно в 1147 году, было самым горьким образом доказано, что даже большие массы бедных пилигримов оказывались совершенно негодными для борьбы с магометанами. Относительно пути, каким должно было идти войско, были сначала сомнения. Можно было идти в южную Италию и оттуда плыть в Сирию на флоте короля Вильгельма Сицилийского, с которым Фридрих был в дружбе. Но при этом являлось сомнение, не завоюет ли Саладин до прибытия немецкого войска последние христианские гавани, Тир, Триполис и Антиохию, и не придется ли крестоносцам, приставая

к сирийскому берегу, бороться с серьезными трудностями? Напротив того, путь через Венгрию, Грецию и Малую Азию казался удобным тем более, что самые опасные противники, которых прежде встречали там пилигримы, сельджуки из Иконии, на этот раз не казались опасными. В Иконии все еще правил тот Килидж-Арслан II, который несомненно главным образом из вражды к своим великим соседям на Востоке, Нуреддину и Саладину, был уже довольно давно расположен к франкам и был даже в самых дружеских сношениях с императором Фридрихом. Поэтому опять был выбран старый путь Готфрида Бульонского, на котором, правда, самым горьким образом должны были разрушиться надежды, с какими на него вступили.

Затем был вперед отправлен посол в Венгрию, чтобы уговориться о походе с королем Белой III: он сошелся на цене одной марки за коня за каждую сотню лошадей и за четырех сильных коров. Отправлены были также посольства в Сербию, к греческому императору, к султану Килидж-Арслану и даже к Саладину. От Саладина требовали, чтобы он тотчас очистил область Иерусалимского королевства, выдал святой крест, который попал в его руки при Гаттине, и чтобы он дал удовлетворение за христиан, которые погибли во время последней войны; если он не согласится на эти условия, то против него пойдет войною вся римская империя, и даже весь мир.

В декабре 1188 г. Фридрих собрал рейхстаг в Нюрнберге и принимал там послов, которые доставили ответы государей Сербии, Греции и Малой Азии. Величайшее впечатление произвело при этом посольство Килидж-Арслана, потому что оно было чрезвычайно многочисленно, явилось с роскошной пышностью и принесло драгоценные подарки. Во главе греческих послов стоял канцлер Иоанн Дука, который хотя и обратился к императору с пышными приветствиями, но тем не менее требовал ручательств за то, что император не имеет в виду никаких враждебных замыслов против Византийской империи. Фридрих велел трем немецким князьям подтвердить присягою, что подобные замыслы ему совершенно чужды, после чего канцлер от имени своего императора принес присягу на евангелии в том, что войску пилигримов будет оказана дружба и доставлен надежный конвой, дешевое продовольствие и корабли для переправы, а упомянутые

три князя поклялись от имени Фридриха не позволять себе никаких враждебных действий в Греческой империи, если только обещания будут выполнены. Но чтобы следить за исполнением этих обещаний, сделанных византийским императором, император Фридрих отправил вперед в Константинополь еще второе посольство, состоявшее из одного епископа, многих графов и ста рыцарей.

Вскоре после этого, по-видимому, пришел также письменный ответ от Саладина. Султан, конечно, не соглашался на требования Фридриха, но сам требовал, чтобы христиане сдали ему все сирийские города, которые были еще в их руках; только после этого он отдаст святой крест, освободит христианских пленников, предоставит христианам те монастыри, которые существовали еще до крестовых походов, допустит христианского священника при Святом Гробе и позволит странствия в Иерусалим. Это заявление Саладина сделало крестовый поход окончательно неизбежным, и тогда, в рождественские праздники 1188 года Фридрих издал приказ, чтобы все пилигримы собрались непременно 23 апреля в Регенсбурге.

В первые месяцы 1189 года «неисчислимые толпы пеших и конных крестоносцев наполняли все дороги и местности вверх по Рейну, как морской песок и как звезды на небе». Выступление главной массы войска из Регенсбурга затянулось еще до начала мая. Тогда император спустился вниз по Дунаю, на то время как войска шли рядом по берегу; к концу мая они вступили на венгерскую землю. Здесь Фридрих передал регалии своему старшему сыну Генриху, который оставался на родине правителем; второй сын, Фридрих, герцог Швабский, сопровождал его в походе. Численность войска, несмотря на напыщенные выражения, в которых изображают его источники, была, по-видимому, не очень велика, отчасти потому, что многие особенно западно-немецкие пилигримы, как было уже в 1147 году, предпочли морской путь вокруг берегов Европы, но главным образом потому, что император строго устранил из своего ополчения массы бедного люда. Надо предположить, что Фридрих соединил под своим предводительством около 100000 человек или немногим более. Но, чего недоставало войску в численности, то возмещалось его качествами: оно сплошь состояло из князей, рыцарей и хорошо вооруженных и привычных к оружию людей; а дисциплина пилигримов строго

поддерживалась наказаниями, которыми престарелый император неумолимо преследовал каждый беспорядок. Путь через Венгрию не представлял никаких затруднений. Король Бела позаботился о достаточных припасах и при многократных встречах относился к Фридриху самым дружелюбным образом. Войско двинулось по старой привычной дороге пилигримов на юг от Дуная, переправилось через Драву и Саву и через Белград достигло долины Моравы в начале июля. Отсюда поход должен был идти через провинции Византийской империи. Но чтобы указать тогдашнее ее положение, надо обратиться назад к тем разнообразным и в большинстве случаев печальным судьбам, которые она пережила в последнее десятилетие.

Греческая история с 1180 г.

Император Мануил, как мы видели выше, умер 24 сентября 1180 года после долгого правления, но все-таки слишком рано для блага своего государства. Его сыну и преемнику, Алексею II, было всего тринадцать лет. Вместо него номинально правила вдова Мануила, прекрасная Мария Антиохийская, а в действительности ее доверенный, протосеваст Алексей Комнен, двоюродный брат молодого императора. Против него восстали из зависти и ревности другие вельможи империи, и во главе их уже шестидесятисемилетний Андроник Комнен, двоюродный брат покойного Мануила. Раздор в императорской семье скоро передался всему народу, потому что «латинянка» Мария естественно старалась опереться на франкских колонистов в Константинополе, а Андроник тотчас выступил как предводитель политическо-церковной реакции против вторжения западноевропейцев в область византийской государственной и церковной жизни. Весною 1182 г Андроник двинулся с войском к Константинополю, «чтобы освободить юного императора от дурных советников» Правда, Мария и протосеваст также собрали войско и при том приняли на службу много латинян. Но в тылу их поднялись греки столицы. Латиняне, оказавшись между двумя врагами, должны были уступить превосходству силы. Протосеваст был низвергнут и ослеплен; тогда

победители-греки бросились на жилища латинян, т. е. на упомянутые богатые кварталы итальянских торговых городов в Константинополе, и там с бесчеловечной дикостью грабили, жгли и убивали. Жены франков, их дети, духовные лица, старики и больные были все перебиты или проданы в рабство; напротив того, большое число вооруженных мужчин спаслось на кораблях в открытом море и отомстило грекам за презренную резню столь же ужасными опустошениями византийских берегов и громкими жалобами, которые призывали к мести варварному Константинополю.

После завоевания Константинополя Андроник сначала выступил как опекун, а с октября 1183 года соправитель молодого императора. Но этого было ему недостаточно, и после того, как он уже раньше велел задушить несчастную Марию, в сентябре 1174 года он велел умертвить и Алексея, и тогда вступил на престол единодержавным императором. Это был очень дурной, но замечательный человек, это был Алкивиад рода Комненов. В молодости он был обворожительно красив, обладал геркулесовской силой, всегда занятый любовными похождениями и непреодолимый для женских сердец: вместе со многими более простыми особами, в числе жертв его обольщений был целый ряд греческих и сирийско-франкских принцесс. При этом он несколько раз ссорился со своим двоюродным братом Мануилом и был то в тюрьме, то в бегстве у русских и турок. Теперь, на склоне лет, ему удалось так же полно удовлетворить другую страсть, которой он был еще проникнут рядом с чувственностью, а именно — свое честолюбие; и в одном отношении он оказался достойным носить на своей голове корону, которой он добился, потому что у него был трезвый взгляд на глубокие недостатки в управлении империей, на финансовое истощение подданных и ужасную испорченность чиновничества, которая развилась на этой почве: он принял разные меры к тому, чтобы облегчить народ, улучшить суды и в особенности сдерживать насилия важных сановников. Тем не менее его правление в сущности действовало бедственно, потому что то добро, которое он себе ставил целью, он старался достигнуть дурными средствами. Так, он дозволил резню итальянских колонистов в столице и умертвил Марию с сыном; так же кровожадно и свирепо он поступал

с принцами императорского дома и с каждым, кто своим рождением или положением возбуждал его ревность. Тогда в различных местах империи вспыхнули восстания, из которых по крайней мере удалось одно, когда Исаак Комнен, двоюродный брат императора, хитростью и насильем захватил в 1184 году Кипр и независимо утвердился на прекрасном острове как «император». Затем подняли против Византийской империи свое привычное к победам оружие сицилийские норманны, возбужденные жалобами итальянских купцов, а также и знатных греков, которые бежали из Константинополя от меча тирана. Казалось, что повторяются времена Роберта Гюискарда, когда эти страшные враги весною 1185 года без труда завоевали Диррахуим и оттуда частью сухим путем, частью морем, проникли до Фессалоники. Большой и богатый город был тесно обложен. Гарнизон и горожане по большей части защищались очень хорошо, но комендант был труслив и не умен, а латинская колония, которая еще удерживалась в городе, склонялась на сторону нападающих. Уже через несколько недель после начала осады, в августе 1185 года, норманнам посчастливилось пробить в стене брешь. Они взяли штурмом Фессалонику и ужасными убийствами и грабежами насытили свою жажду мести и добычи. После того они двинулись на восток с флотом и сухопутным войском, чтобы напасть наконец на самый Константинополь.

Андроник сначала не обратил достаточно серьезного внимания на громадную опасность, которая грозила его престолу от этих врагов. Когда теперь он принялся за более действительные приготовления к обороне, это было для него уже слишком поздно. Злобная ненависть, которую уже давно питали к нему вельможи империи, теперь, под влиянием страха приближавшихся норманнов, охватила наконец и народные массы. 11 сентября 1185 года клеветы тирана должны были схватить Исаака Ангела, по отцу потомка малоазиатского знатного рода Ангелов, а по матери правнука императора Алексея I. Вообще Исаак был трус, но в отчаянии он взялся за оружие. Дворянство, народ и войска примкнули к нему и объявили его императором. Старый Андроник пытался бежать, но был схвачен и 12 сентября жестоким образом убит. С ним кончилась династия Комненов, которая, несмотря на всякие ее ошибки, все-таки на целое столетие доставила

блестящее положение Византийской империи.

На долю злополучного Исаака выпала трудная задача отразить норманнов. Это удалось ему благодаря последним приготовлениям, которые сделал его предшественник, и с помощью способного генерала Алексея Враны. В большой битве при Деметрице, недалеко от Амфилоля, 7 ноября 1185 г. Врана разбил норманнов наголову. Они должны были отступить, сдать Фессалонику, вернуться в Диррахуим и наконец совсем оставить греческий материк. После этого из всего ими завоеванного в их руках осталась только часть Ионических островов. Но победа над этими врагами была единственным успехом, которым мог похвалиться Исаак: в остальном положение империи ухудшилось во всех отношениях. Тяжесть налогов и произвол чиновников были пагубны для провинций, в столице двор и народ погрузились в праздники и художественные наслаждения, войско и флот пришли в самый жалкий упадок. Правда, к франкам Исаак опять обратился дружески, чтобы в их свежей силе найти поддержку против враждебных нападений, но этим, как и всем своим жалким правлением, вызвал опасное восстание, при котором храбрый Алексей Врана надеялся добиться престола. Исаак погиб бы, если бы не получил помощи от маркграфа Конрада Монферратского, который был впоследствии геройским защитником Тира. Он незадолго перед тем прибыл в Константинополь, получил вместе с рукой Феодоры, сестры Исаака, титул цезаря и смело выступил против возмутителей во главе своей небольшой рыцарской свиты и отряда искателей приключений, по большей части франкских наемников, которых он наскоро собрал. В открытом бою они были побеждены, причем Алексей Врана пал от руки самого маркграфа (1187). Тем не менее недолго спустя после этого обнаружилось новые враждебные отношения между латинянами и греками, в результате которых даже спаситель империи разошелся с императором и наконец — во время битвы при Гатти — покинул Константинополь, чтобы попытаться счастья на сирийском берегу.

Исаак остался в самом тяжелом положении, хотя его самый опасный противник, Врана, был уничтожен. Со всех сторон его теснили заговор, возмущение и измена, и хотя он удержался на престоле, но все-таки область его владычества становилась все беднее. Самые большие

потери империя понесла в это время на севере Балканской области. Здесь от византийской верховной власти окончательно отделились сербы, которые при случае уже восставали против Мануила и Андроника; а болгары и валахи, в отчаянии от неслыханных притеснений в сборе податей от императорских чиновников, также взялись за оружие (в первый раз в 1186 г.); после долгих переменчивых битв они стали мало-помалу независимы и положили этим основание новому болгарскому царству. Во главе болгар стояли два брата, Петр и Иоанн Асени, которые вели свой род от старых болгарских царей. К концу восьмидесятих годов почти вся область между Дунаем и Балканами была потеряна для греков.

Когда наконец народы Запада приготавливались теперь к третьему великому крестовому походу, Византийская империя попала еще в худшее положение. Император Исаак и жители Константинополя, вследствие событий последних лет, следили за действиями франков с ненавистью и подозрительно, и питали к главному врагу христиан, к самому Саладину, скорее дружеские, чем враждебные чувства. Последнее нельзя им поставить в вину, хотя это и не спасло их. Действительно, в последнее время могущество Саладина угрожало не только сирийским христианам, но почти также и всем магометанским государям передней Азии: именно потому Килидж-Арслан, злейший противник греков, стал врагом Саладина и другом франков; поэтому теперь можно было легко ожидать и соединения Исаака с Саладином для борьбы против сельджуков и крестоносцев. Уже в 1188 году начались переговоры между обоими властителями. С обеих сторон были отправлены послы, и формальный союз был заключен, по-видимому, ранним летом 1189 года, когда именно немцы под предводительством императора Фридриха приближались к греческой границе. Исаак предоставил магометанам одну мечеть в Константинополе, обещал сколько возможно помешать походу крестоносного войска и, как говорят, обещал даже султану вспомогательный флот из 100 судов. За это Саладин предоставил свободу греческого исповедания в церквах Палестины и несомненно, хотя об этом до нас ничего не дошло, обязывался и к практическому действию, например к поддержке Исаака в войне против Килидж-Арслана.

После всего этого политические отношения самым

странным образом вмешались в борьбу религий. Каждый из двух христианских императоров находился в союзе с одним из двух султанов передней Азии. Хороших результатов нельзя было ожидать от этих союзов, столь неустойчивых в виду крестового похода; в особенности они меняли только далекие и неверные выгоды на близкие и страшно грозившие опасности. Таким образом такая политика Комненов привела к тому, что через сто лет после того, как император Алексей I призвал римское христианство к борьбе против ислама, преемнику его, по существу, не оставалось ничего больше, как заключить лишь сомнительный союз с самым могущественным врагом его веры.

Крестовый поход Фридриха I

С середины июля 1189 г. император Фридрих, к которому мы теперь возвращаемся, отправился вверх по долине Моравы в Ниссу и Софию. В местностях между Дунаем и Балканами в ту минуту господствовал ужаснейший беспорядок. Там и сям находились еще византийские чиновники, немцев встречали также послы Исаака и поддерживали пока вид дружественных отношений. Между тем послы государей сербского и болгарского тоже являлись к войску крестоносцев и настоятельно просили, чтобы император соединился с их властителями в общей войне против греков. Великий жупан сербский, Грбан Неманя, прибыл даже сам в лагерь и старался удержать ту же просьбу богатыми подарками из военных припасов.

Фридрих отвечал, конечно, что его цель — Святой Гроб — то он возьмется за оружие только в том случае, если враги принудят его к неприятным действиям. Но самым опасным и самым неприятным для немцев в этом походе были лесистые и горные страны между Венгрией и Францией. Было то, что на их длинном протяжении ни греческие чиновники, ни славянские князья не могли держать в узде население, одичавшее от долгой межоусобной войны. Многочисленные разбойники наполняли дороги и тропинки, прятались за каждым кустом и скалой, чтобы

захватить отдельных пилигримов или отнимать обозные лошадей и полковые фуры; и войско могло добиться какого спокойствия только несколькими тяжелыми боями и жесточайшим наказанием пленных.

Когда крестоносцы спустились во Фракию, они поняли по некоторым признакам, что византийское правительство поступает с ними нечестно. Кроме того, на последнем переходе перед Филиппополем Исаак велел передать императору письмо, в котором заявлял, что имеет правдоподобные намерения; поэтому император запрещал и враждебные движения вперед, если они не дадут ему достаточно заложников и не захотят уступить вперёд половину всех будущих завоеваний в Сирии. Наконец даже стало слышно, что греческий император взял в плен и оскорбительно обходился с большим посольством посланным к нему из Нюрнберга, — очевидно, чтобы обеспечить себе этим еще несколько заложников. Таким образом, крестоносное войско очутилось во враждебной земле, но серьезной опасности ему не представилось, потому что Исаак, колеблясь между заносчивостью и трусостью, принял слишком недостаточные меры обороны и потому среди жителей Фракии находились также друзья немцев, в особенности армяне, соотечественники которых уже издавна были расположены к крестоносцам. Ближайший пункт, который мог задержать движение войска, был обширный и богатый Филиппополь. Но город был оставлен греческими войсками, обыватели бежали, и крестоносцы без боя завладели 26 августа домами и имуществом бежавших. Правда, вскоре после того близко подошло неприятельское войско и отборная часть его готовилась напасть на немцев врасплох. Но последние, уведомленные армянскими шпионами, предупредили греков, нанесли им кровавое поражение и этим очень далеко отогнали все их войско. Затем немцы бросились на соседние укрепления и города, взяли их большею частью без труда, завладели в них богатыми припасами и распространили постепенно свою власть на всю северо-западную часть Фракии.

Этот неожиданный оборот крестового похода побудил императора Фридриха позаботиться скорее о том, чтобы удержать свое войско в строгом повиновении. Малая война, разбившаяся в набеги в разных направлениях,

ответственно, нарушала дисциплину войска. Императорский государь поступал со всей строгостью и не только жестоко встречал насилия и распутство. Он разделил войска на отряды в 500 человек. Во главе каждого отряда он поставил начальника, которому принадлежало командное руководство в бою и высшая судебная власть. Кроме того, он учредил военный суд из 60 уважаемых людей, из которых, однако, привлекалось только несколько человек к важным тайным совещаниям. Но не менее важным было окончание борьбы с византийцами, чтобы прекратить столь долго задержанным в своем странствии в чуждых местах. При этом самым важным для немцев было то, чтобы освободить своих, захваченных в Константинополе; и благодаря ужасу, который возбудило его известие о том, а также представлениям нового посольства, отправленного им к Исааку, он добился того, что измученные и ограбленные, «полунагие» пленники были выпущены из тюрьмы. Когда последние приближались к императорскому лагерю в Флиппополе, навстречу им выехало 3000 всадников и приветствовали их с радостным маханием оружия. Народ кричал: 'Hinc ist liberatus populus noster!' Император с радостными слезами бросался на шею освобожденным и целовал их.

Но за всем этим прошло очень много времени. И упомянутое сейчас радостное торжество было праздновано лишь 28 октября. Зима стояла у порога, и уже потому продолжение похода через Малую Азию оказывалось неисполнимым. К этому присоединилось то, что и теперь еще было далеко от мира с греками. Император Исаак предложил поставлять крестоносцам по дешевой цене жизненные припасы и корабли для переезда в Европу, но в то же время он оскорбил Фридриха, называемого римским императором, а Фридриха только германским королем. Кроме того, распространились слухи, что немцы хотели со всеми силами напасть на немецкое государство, когда во время переправы в Азию оно будет не в состоянии к бою; а освобожденные послы горько жаловались на ядовитую вражду ко всем крестоносцам как к опустошителям польского народа, так и императора Исаака и его сына. Теперь союз последнего с султаном Саладином был разорван.

Среди этих обстоятельств борьба с греками была продолжаться еще некоторое время. Император угрожал своему противнику гордыми словами, и

он защищал свое собственное достоинство и в то же время требовал, чтобы ему было дано полное удовлетворение за все предыдущие насилия и была обеспечена на будущее время безопасность представлением многочисленных заложников. Затем он двинулся к Адрианополю, разбил там свой лагерь и разослал во все стороны своих военачальников с сильными отрядами, чтобы добыть жизненные припасы и все серьезнее стеснить неприятеля. Успех этих мер был полный. В руки немцев попал длинный ряд фракийских местностей, на север до Балкан, на юг до Эгейского моря и на запад до самых Родопских гор. Греки потерпели при этом очень тяжелые потери, между тем как крестоносцам почти все время благоприятствовало счастье. Рыцари имели все, чего они жаждали, славные приключения и богатую добычу; адрианопольский лагерь был постоянно наилучшим образом снабжен пищей и питьем, в особенности благодаря неутомимой заботливости герцога Фридриха Швабского, которого пилигримы в шутку называли своим провиантмейстером. Но чем дальше тянулись эти распри, тем больше приближалась опасность, что из них произойдет ужасная война за существование самой Византийской империи. Император Фридрих поручал уже своему сыну позаботиться о том, чтобы Пиза, Генуя, Венеция и Анкона выслали на следующую весну флот для поддержки крестоносцев и побудить папу к крестоносной проповеди против коварных греков, так как их патриарх открыто объявил в соборе, что каждый грек, убивший сто пилигримов, даже убивший десять, получит полное отпущение грехов. Кроме того, велись переговоры с государями сербов и валахоболгар и от них ожидалось большое подкрепление для борьбы против Константинополя.

Между тем в глубине души немецкий император был мирно расположен к Исааку и потому неоднократно вступал с ним в переговоры. Наконец, было сломлено упорство византийцев и 14 февраля 1190 года Фридрих получил желанное известие, что его послам удалось привести к концу мирный договор на выгодных условиях. По этому договору все пленные немцы должны быть освобождены, оскорбленные в предыдущем году послы получить полное удовлетворение, и для переправы войска в Азию должно быть выставлено 235 больших военных и транспортных судов. Пилигримы, пока их путь шел по

византийским областям, должны были получать по дешевой цене жизненные припасы, но могли присваивать себе их силой, если бы греческие провинциалы отказали в продаже своих припасов. Император Исаак должен был выдать немцам, в обеспечение пунктуального исполнения договора, восемнадцать заложников из своего ближайшего родства и из лучших сословий, и наконец переправа крестоносного войска не должна была произойти, как до сих пор во всех больших крестовых походах, из Константинополя через Босфор, а из Галлиполи через Геллеспонт — это условие могло достаточно объяснено только что окончившейся войной между пилигримами и византийцами.

Император Фридрих согласился на все это и выступил в начале марта 1190 года, получив греческих заложников, из Адиянополя на юг. Переправа войска через Геллеспонт, вследствие бурной погоды, продолжалась от 22 до 28 марта. Наконец, император переплыл в Азию, окруженный пятью военными кораблями и другими судами и под шум военной музыки любовавшихся на берегу и на море греков. Немецкая армия, которая теперь впервые шла навстречу более серьезной опасности, была приблизительно в такой же численности, как при выступлении с родины. Несчастный Исаак своими глупыми неприязненными военными действиями добился разве только того, что значительно ослабил свою собственную силу и еще больше распространил убеждение о неизбежности великой войны между франками и греками. Напротив, немцы в этих затруднениях и битвах понесли до сих пор лишь небольшие потери; значительнейшие потери войску были нанесены тем, что некоторые венгерские отряды, присоединившиеся в начале к ним, по большей части вернулись по желанию короля Белы; но зато число пилигримов снова увеличилось и в том же объеме, благодаря присоединению запоздавших.

Путь войска шел от Геллеспонта на юго-восток через внутренние области самой западной Малой Азии. Лесистые горы и реки представляли некоторые препятствия походу; греческие провинциалы старались бегством избавиться от обещанной доставки жизненных припасов, нападали на пилигримов как разбойники, собравшись в шайки; но несмотря на то, войско двигалось очень быстро и достигло не более как через три недели, 11 апреля, Филадельфии, самого значительного греческого

захватить отдельных пилигримов или отнимать обозных лошадей и полковые фуры; и войско могло добиться кое-какого спокойствия только несколькими тяжелыми боями и жесточайшим наказанием пленных.

Когда крестоносцы спустились во Фракию, они поняли по некоторым признакам, что византийское правительство поступает с ними нечестно. Кроме того, на последнем переходе перед Филиппополем Исаак велел передать императору письмо, в котором заявлял, что имеет правдоподобные сведения, что немцы имеют против него враждебные намерения; поэтому император запрещал им дальнейшее движение вперед, если они не дадут ему достаточно заложников и не захотят уступить вперед половину всех будущих завоеваний в Сирии. Наконец, даже стало слышно, что греческий император взял в плен и оскорбительно обходился с большим посольством, посланным к нему из Нюрнберга,— очевидно, чтобы обеспечить себе этим еще несколько заложников. Таким образом, крестоносное войско очутилось во враждебной земле, но серьезной опасности ему не представилось, потому что Исаак, колеблясь между заносчивостью и трусостью, принял слишком недостаточные меры обороны и потому среди жителей Фракии находились также друзья немцев, в особенности армяне, соотечественники которых уже издавна были расположены к крестоносцам. Ближайший пункт, который мог задержать движение войска, был обширный и богатый Филиппополь. Но город был оставлен греческими войсками, обыватели бежали, и крестоносцы без боя завладели 26 августа домами и имуществом бежавших. Правда, вскоре после того близко подошло неприятельское войско и отборная часть его приготавливалась напасть на немцев врасплох. Но последние, уведомленные армянскими шпионами, предупредили греков, нанесли им кровавое поражение и этим очень далеко отогнали все их войско. Затем немцы бросились на соседние укрепления и города, взяли их большею частью без труда, завладели в них богатыми припасами и распространили постепенно свою власть на всю северо-западную часть Фракии.

Этот неожиданный оборот крестового похода побудил императора Фридриха позаботиться скорее о том, чтобы удержать свое войско в строгом повиновении. Малая война, разбившаяся в набеги в разных направлениях,

естественно, нарушала дисциплину войска. Поэтому старый государь поступал со всей строгостью везде, где только встречал насилия и распутство. Он разделил также всех людей на отряды в 500 человек. Во главе каждого из них он поставил начальника, которому принадлежало предводительство в бою и высшая судебная власть. Кроме того, он учредил военный суд из 60 уважаемых и умных людей, из которых, однако, привлекалось только 16 для самых важных тайных совещаний. Но не менее заботило его окончание борьбы с византийцами, чтобы не быть слишком долго задержанным в своем странствии ко Святым местам. При этом самым важным для него было то, чтобы освободить своих, захваченных в Константинополе; и благодаря ужасу, который возбудило его оружие, и также представлениям нового посольства, отправленного им к Исааку, он добился того, что измученные и ограбленные, «полунагие» пленники были наконец выпущены из тюрьмы. Когда последние приблизились к императорскому лагерю в Флиппополе, навстречу им выехало 3000 всадников и приветствовали их с радостным маханием оружия. Народ кричал: 'llinte ist Herre Din tuch!'. Император с радостными слезами бросался на шею освобожденным и целовал их.

Но за всем этим прошло очень много времени. И упомянутое сейчас радостное торжество было отпраздновано лишь 28 октября. Зима стояла у порога, и уже потому продолжение похода через Малую Азию оказывалось неисполнимым. К этому присоединилось то, что и теперь еще было далеко от мира с греками. Правда, Исаак предложил поставлять крестоносцам по дешевой цене жизненные припасы и корабли для переезда в Азию, но в то же время он оскорбил Фридриха, называя себя римским императором, а Фридриха только германским королем. Кроме того, распространились слухи, что греки хотели со всеми силами напасть на немецкое войско, когда во время переправы в Азию оно будет неспособно к бою; а освобожденные послы горько жаловались на удивительную вражду ко всем крестоносцам как константинопольского народа, так и императора Исаака и на явный теперь союз последнего с султаном Саладином.

Среди этих обстоятельств борьба с греками должна была продолжаться еще некоторое время. Фридрих угрожал своему противнику гордыми словами, в которых

города во внутренних местностях западной Малой Азии. Здесь враждебное настроение жителей причинило злые ссоры, которые только с трудом были усмирены вмешательством сначала начальника города, а потом самого императора Фридриха. Чтобы уничтожить всякий повод к новым столкновениям, был тотчас предпринят дальнейший поход и шел несколько дней на юго-восток через пустынные местности, которые были ужасно разорены во время войны между византийцами и сельджуками. В красиво расположенной Лаодикее войско достигало последнего греческого пункта, откуда двинулось прямо к востоку во внутренность Малой Азии. Туркоманские или сельджукские шайки беспокоили войско уже между Филадельфией и Лаодикеей. Теперь эти нападения повторялись каждый день и становились все опаснее, когда пилигримы подходили к Мириокефалонскому ущелью, где четырнадцать лет тому назад император Мануил так решительно был разбит наголову. Казалось невозможным отбить дорогу сквозь ущелье: поэтому войско отклонилось на север и удачно обошло узкое место очень тяжелым переходом через высокий горный хребет. В сражениях, которые при этом все-таки произошли, превосходно выказались дисциплина и храбрость крестоносцев: неприятель потерпел, насколько мы знаем, гораздо большие потери, чем немцы; но тем не менее положение последних сделалось постепенно очень опасным, так как рабочие и рыцарские лошади, на которых в большой мере основывалась сила войска, были чрезмерно истощены уже в долгую войну во Фракии, а еще более в затруднительных походах со времени оставления Геллеспонта. Но на восток от Лаодикей почти невозможно было больше достать корму из за рыскавшего вокруг неприятеля, и силы животных чрезвычайно быстро падали. Крестоносцы утешались надеждой, что эта беда скоро окончится, так как они находились уже в области султана иконийского, который был дружен с императором. Между тем, однако, там произошла перемена правления, потому что старый Килидж-Арслан II отказался от престола и разделил свое государство между своими сыновьями: господство в Иконии досталось принцу Кутбеддину. Правда, Килидж-Арслан отправил незадолго до того посла к Фридриху и тотчас после того сделал то же и Кутбеддин, и оба посла постоянно клялись императору, что сельджукские князья,

исполненные дружбы к немцам, были совершенно невинны в тех нападениях, которые были сделаны до сих пор на войско пилигримов, так как они исходили от необузданных и не имевших господина кочующих племен. Но в действительности дело стояло совсем иначе. Кутбеддин не только вообще обратился снова к делу ислама, но тесно соединился с Саладином против крестоносцев, женившись на его дочери. Мусульманские послы, конечно, зная об этом, объявили, наконец, 5 мая, на другой день после описанного перехода чрез горы к северу от Мириокефалона, что они желали бы поговорить с одним из враждебных эмиров. Им удалось, под этим предлогом, уйти из войска и даже взять с собой, как пленника, рыцаря Готфрида Вилленбахского, который был в 1189 году немецким послом у Килидж-Арслана. Теперь пилигримы узнали, к чему они пришли, а именно, что их ждала ужаснейшая беда и опасность.

Они достигли 7 мая Филомилиума, сожгли этот город и двинулись оттуда прямой дорогой к Иконии. Но они были непрерывно окружены уже не отдельными шайками, а сильнейшими массами лучших сельджукских войск. Одно нападение сменялось другим. Христиане должны были сражаться, когда они почти падали от жары, жажды и голода. Через несколько дней у них оставалось только несколько сотен годных рыцарских лошадей. Остальные лошади и вьючный скот пали, и их мясо служило крестоносцам пищей, а их кровь для утоления мучительной жажды. Кроме этого, они ели или сосали отвратительнейшие вещи, чтобы как-нибудь подкрепиться и освежиться. Но несчастных поддерживало прежнее вдохновение крестоносцев, соединенное в этом войске с духом военного порядка. Один в мечтательном восторге видел, как святой Георгий на белом коне бросался впереди войска на неприятеля; другому чудились удивительные птицы, которые окружали войско, возвещая счастье. Старый император, его сын герцог Фридрих, князья и государи, все показывали в сражении героический пример войскам Мечи и копыя немцев наносили страшные опустошения в рядах сельджуков, и после тяжелых потерь последние должны были со дня на день уступать войску дальнейший путь¹

¹ К этим дням злейшей беды относится известный рассказ, украшенный стихами Уланда, о сильном ударе меча бесстрашного швабского рыцаря. Но, вероятно, этот рассказ есть только плод поэтической саги.

Наконец, 17 мая, немцы подошли к Иконию, но им представилась тут еще более трудная задача, чем те, которые приходилось разрешать до сих пор: войско не могло миновать этого города, потому что, несмотря на все самопожертвование, ему предстояла верная гибель, если бы вскоре не представился случай к полному отдыху. Но возможно ли было взять большой, богатый и хорошо укрепленный город со своими сильно ослабленными силами, имея в виду массы сельджукского войска?

Здесь пилигримы получили награду за свою выдержку и мужество. Неприятель был тоже сильно расстроен безуспешностью своих прежних усилий и ударами, которые он получил, и предложил теперь мир, правда, на невыгодных условиях, и даже освободил рыцаря Готфрида Визенбахского. Ранним утром 18 мая он встретил своих соотечественников словами: «Идите спокойно вперед, вы, благословенные Господом; Бог отдал в ваши руки этот город и эту землю!» Император уже разделил войско на две части. С одной герцог Фридрих должен был попробовать взять город приступом; с другой он хотел сам отбить войско сельджуков. Герцог тотчас двинулся к ближайшим воротам, разбил их и при ужасной резне захватил разом весь город за исключением цитадели. Старый император был в гораздо более тяжелом положении вне города. Превосходная сила, с которой он должен был бороться, испугала его самого так, что он покорно обещал потерпеть ущерб своему императорскому сану и личности, если войско счастливо вынесет эту опасность и достигнет Антиохии. Но затем он воскликнул к войску: «Христос управляет, Христос побеждает, Христос господствует!» и увлек своих людей в непреодолимое нападение, так что неприятель, как мякина, разлетелся в стороны и 3000 из них покрыли место битвы. Затем победители двинулись в город и вся масса пилигримов вволю насладились пищей и питьем и радовалась очень богатой добыче, которая попала в их руки, хотя жители спасли свои лучшие имущества в цитадель.

Конечно, сельджуки снова попробовали вступить в переговоры, а так как император не требовал ничего более, как дешевого рынка и заложников для обеспечения будущего, то мир вскоре был заключен. Немцы получили заложниками двадцать знатных людей, затем расположились лагерем вне города, в изобилии запаслись, хотя и по

высокой цене, съестными припасами, лошадьми, мулами и ослами, и уже 26 мая, поднявшись и подкрепившись немного, отправились дальше к юго-востоку. По дороге до Ларанды, по мере надобности, они находили воду для питья и возможность пополнить запасы. Правда, отдельные сельджуйские отряды пробовали опять делать нападения, но были вынуждены к миру угрозой, что заложники заплатят за это жизнью. За Ларандой войско вступило в область киликийских армян, с умилением увидало первые христианские кресты на полях и вообразало себя уже в конце всех бедствий. Но переход через Тавр принес войску еще раз едва переносимые трудности. Пилигримы карабкались по крутым тропинкам, томимые голодом и жаждой, пока, наконец, не перевалили 9 июня вечером через последнюю гору и расположились лагерем на богатой ниве на берегу Салефа, недалеко от Селевкии. Император опередил войско и уже раньше спустился в долину Салефа по крутой тропинке. На берегу реки он пообедал и хотел перейти ее. Против воли своих людей старый государь вступил в горный поток, но волны унесли его; он был вытасчен бездыханным.

«На этом месте и при этом печальном рассказе, жалуется летописец, — перо отказывается служить и речь немеет, потому что ее недостаточно, чтобы изобразить страх и скорбь пилигримов в этом величайшем бедствии. Мы предоставляем не прочитать, а почувствовать это каждому, чтобы он взвесил жалобы и горе и отчаяние людского множества, оставленного в чужой стране, беспомощного, без утешения, без главы».

Эти потрясающие вопли, это отчаяние во всяком дальнейшем счастье вполне оправдались. Войско действительно перенесло уже самые страшные опасности и находилось теперь в дружественной стране; оно могло похвалиться довершением того, что не удалось ни одному франкскому войску со времен крестового похода 1097 года, а именно пробиться с оружием в руках сквозь всю Малую Азию. Но еще можно было сомневаться, не был ли этот успех больше нравственным, чем материальным. Лишения и усилия были слишком ужасны, чтобы силы людей не должны были жалким образом сломиться в тот самый момент, когда кончалось самое крайнее напряжение. Только сильная воля могла вести дальше крепко сплоченную эту истощенную армию и вдохновить ее

к новым подвигам. Герой император обладал этой волей. Среди богатых даров, благодаря которым он достиг своего мирового положения, выше всего стояло искусство вливать в сердца своих подданных высокий полет своей души: они любили его, слушались его и доверчиво следовали за ним туда, куда он их вел. Теперь его не стало, и с ним не только отлетела душа войска, но оно тотчас же распалось, как истлевший труп.

Между тем Саладин высшим образом оценил императора и его непобедимых воинов: он с боязливым вниманием прислушивался к известиям о приближении немцев, а при вести, что последние, без сомнения, доберутся до самой Сирии, тотчас велел разрушить стены многих сирийских городов, чтобы эти страшные враги не воспользовались ими, как опорой для своих предприятий. А один арабский летописец писал впоследствии: «Если бы, по милосердной воле Божией, немецкий император не скончался в тот момент, когда он хотел вторгнуться в Сирию, то в последующие времена можно было бы сказать про Сирию и Египет: здесь некогда правили мусульмане!»

Совсем неслыханный злой рок преследовал немецкий народ во время крестовых походов. В 1096 году на войну за Святой Гроб поднялось много немецких крестьян, но сравнительно мало рыцарей. Крестьяне жалким образом погибли: рыцари почти исчезли среди массы романцев, которые довели военный поход до Иерусалима. В 1101 году значительные немецкие войска бесполезно пролили кровь в центре Малой Азии. Вследствие того государства крестоносцев очень быстро стали романскими колониями и постоянно получали подкрепления из романских областей Европы, между тем как Германия удалялась от общего дела христианства. Вдруг в 1147 году Германия предпринимает большой поход, который отчасти по собственной вине ведет в Малой Азии к самому несчастному поражению, а в Сирии к насмешкам христианских единоверцев. Наконец, в 1189 году Германия хочет вознаградить упущения и ошибки прежнего времени энергическим вооружением и заботливо приготовленным и осторожно веденным походом. Уже самое трудное было преодолено, высшая награда победы виделась войску, когда вдруг оно рассекается в смертельном изнеможении, пораженное внезапным роком.

Известие о смерти Фридриха развязало узы, соединившие до сих пор эти толпы. Один под предлогом болезни и бедности стремился на родину; другой с недоверием смотрел на продолжение предприятия после такой утраты; многие уже в ближайшие дни отплывали с киликийского берега в Европу. Значительная масса все еще оставалась под предводительством герцога Фридриха Швабского. Князь Лев II армянский принял их дружелюбно. Но когда эта масса, разделившись на несколько отрядов, вступила в Антиохийскую область, некоторые из них, не зная о том, как далеко подвинулись войска Саладина, неожиданно наткнулись на неприятеля и потерпели сильные потери: на рынке в Галебе пленных немцев продавали целыми толпами, как рабов. С остальными герцог Фридрих достиг 21 июня Антиохии и в тамошней церкви св. Петра похоронил «тело императора Фридриха I, после того как он уже похоронил внутренности своего отца в Тарсе¹. Но несчастная судьба войска не кончилась и здесь, потому что среди наслаждений большого города, как ужасный результат только что перенесенных бедствий, на тяжело опытных бойцов напал ангел смерти — моровая язва. Тысячи людей погибали от нее, между ними длинный ряд епископов, князей и графов. С жалкой толпой оставшихся в живых герцог Фридрих отправился осенью 1190 года в лагерь христиан под Акконом, но также только для того, чтобы наконец и самому лечь в преждевременную могилу.

Главная масса немецких крестоносцев отправилась с императором Фридрихом через Венгрию и Грецию, но немало было число и тех немцев, которые в то время пошли другими путями. Уже в посту 1189 г сильный отряд пилигримов отправился из Кельна вниз по Рейну, чтобы достигнуть Сирии морем. На морском берегу к кораблям кельнцев присоединились датские, фризские и фландрские эскадры и составили флот более чем в пятьдесят судов. Общее путешествие шло сначала вокруг Франции и Испании до Лиссабона. Здесь царствовал король Санчо I, который хотел воспользоваться силою этих крестоносцев

¹ Говорят, что после того как «тело» было отделено от костей и похоронено в Антиохии, «кости» императора герцог Фридрих взял с собой в мешке, чтобы дать им когда-нибудь наиболее достойное место упокоения в Иерусалиме. Кости были, кажется, временно положены в Тире, а после смерти герцога Фридриха в лагере при Акконе они были мало-помалу забыты и, наконец, подпали уничтожению.

таким же образом, какой уже удался однажды его предку, королю Альфонсу, с пилигримами 1147 года. Поэтому он убедительно просил их оказать ему помощь при завоевании крепости Альвора у Сильвеса (на южном берегу нынешней Португалии); пилигримы согласились на это, помогли завоевать крепость и при этом убили несколько тысяч мусульман. В начале июня они поплыли дальше и попали в Сирию как раз к осаде Аккона. Вскоре после их отъезда с родины новые эскадры кораблей выступили из Кельна, из фландрских и английских гаваней и в июле соединились у Лиссабона в большой флот. Король Санчо и этих попросил о помощи и предложил осаду важного города Сильвеса. Его желание было исполнено, и неприятельская крепость еще в июле была обложена пилигримами и португальцами. Но завоевание очень укрепленного города представляло чрезвычайные трудности. Напрасно христиане неделю за неделей нападали то с высоких башен, то из подземных ходов. Их силы уже ослабевали, и без упорства, в особенности немецких пилигримов, которые не хотели оставить начатого дела, Сильвес едва ли был бы взят. Наконец, однако, осажденные остались без пищи и питья, и потому 3 сентября они сдались на капитуляцию, которая позволяла магометанам свободное отступление, оставив только свое имущество. Затем победители, правда, посрамили свою победу завистью и раздором, а также и отвратительными насилиями над побежденными, в чем особенно провинились дико возбужденные немцы, но несмотря на то, дела христиан шли здесь успешно,— потому что король Санчо вскоре покорил еще целый ряд больших городов на юго-западе Пиренейского полуострова, и пилигримы, не испытав особенных бед, обогнули магометанскую Испанию и счастливо пристали еще осенью 1189 года к сирийскому берегу.

В Сирию отправился отдельно от главного войска своего императора и еще один немецкий князь, ландграф Людвиг Тюрингенский. С значительным отрядом дворян и слуг он оставил в июне 1189 года родину, прошел сухим путем до Бриндизи, сел там на корабль и также осенью этого года достиг области единоверцев на Востоке.

Крестовый поход королей Ричарда I и Филиппа II

В то время, когда Германия снаряжалась на священный поход, Англия и Франция были также в бурном возбуждении. Но крестовые вооружения развивались в этих странах совсем иначе, чем в Немецкой империи. Уже несколько десятилетий с тех пор, как Иерусалимское государство впадало все в более затруднительное положение, и французы и англичане задумывали новый большой поход против ислама, но он никогда не осуществлялся, так как силы этих народов почти беспрестанно уходили на домашние раздоры, по большей части очень дикие.

Так случилось и теперь. Несчастье Святой Земли тотчас вызвало страстное крестоносное одушевление, но в начале похода еще долго мешали гнусные раздоры.

Только что — в декабре 1187 — стало известно поражение христиан при Гаттине, как старший сын английского короля Генриха II, Ричард, герцог аквитанский и граф Пуату, дал обет крестового похода, а через несколько недель, когда пришла еще весть о падении Иерусалима, то и у короля Генриха и у его французского противника, короля Филиппа II Августа явилось желание также принять на себя крест. До этого момента короли были между собою во вражде, но теперь они сошлись для мирных переговоров — 21 января 1188 года — между Жизором и Три, под тем могучим вязом на границе Франции и Нормандии, где с незапамятных времен князья этих стран имели обычай вести переговоры. Короли протянули друг другу руки, обнялись, поцеловались и приняли крест. Их пример увлекательно подействовал на баронов, рыцарей и весь народ Франции, Англии и Уэльса. Скоро уже перестали спрашивать, кто примет крест, и спрашивали, кто его еще не принял. Жены принуждали своих мужей, матери — своих сыновей, последнюю опору своей старости, пристегнуть священный знак к своим плечам; старики, которые уже не могли совершить далекого путешествия, отдавали в руки проповедников последние свои сбережения. По поручению папы было возвещено, что каждому пилигриму, который искренно покается, будут разрешены его грехи, а если у него есть долги, то он получит льготы при их уплате. Но кто помешает вооружениям крестового похода, тем, что

в ближайшие семь месяцев начнет войну, тот подвергается великому отлучению от церкви; никто не должен также «чрезмерно клясться и играть в кости, или допускать роскошь в одежде, или брать с собой в крестовый поход женщину, исключая прачки». Наконец, чтобы покрыть большие издержки похода, все, кто в нем не участвовал, должны платить «Саладинову десятину», т. е. отдавать десятую часть своих доходов и движимого имущества, из которого исключались только лошади, одежда и оружие, книги и драгоценные камни. Так с пылким рвением делались самые широкие приготовления и уже мечтали о том, что отныне, когда примирились так долго враждовавшие между собой короли, вообще будет невозможна больше кровопролитная война между христианами; люди уже утешались гордым пророчеством, что в течение двух лет господство мусульман будет совершенно уничтожено.

Первый диссонанс в радостном настроении тех дней принесен был взысканием Саладинской десятины, которое во многих местах производилось с большой суровостью, и к этому присоединились еще ужасные мучительства над евреями, от которых выжимали несметные суммы. Но еще хуже было то, что старинная вражда государей этих стран вспыхнули снова. Сначала — весной 1188 года — поссорился герцог Ричард с южно-французскими вельможами; затем в эту ссору вмешались оба короля и в скором времени половина Франции снова покрылась убийством и пожаром. Напрасно многие французские бароны требовали мира, чтобы можно было, наконец, начать поход против Саладина; напрасно папские легаты угрожали воевавшим суровыми церковными наказаниями; правда, начались переговоры, но они прерывались одни за другими, и раздор государей принял мало-помалу самые отвратительные формы. Король Филипп, в яром бешенстве, велел срубить на границе Жизора тот древний вяз, который так часто охранял своими ветвями дружественный разговор, и, когда кардинал Иоанн из Ананьи хотел утратить его отлучением от церкви, король обвинил его, что тот подкуплен золотом его противников. Короля Генриха подозревали, что он находится в запрещенных сношениях с невестой Ричарда, принцессой Алисой, сестрой Филиппа, и что он хочет обидеть своего сына относительно наследства в Англии. Ричард из-за этого дал

себя увлечь в союз с Филиппом против своего собственного отца, и Генрих был наконец поставлен в такое стесненное положение, что должен был 4 июля 1189 года согласиться на мир на позорных условиях. Это разбило сердце стареющему королю: он умер с проклятием непокорному сыну.

Для крестового похода эта смерть была счастьем, так как Ричард, вступивший теперь на английский престол, вследствие этих событий был в хороших отношениях с Филиппом. Оба короля ревностно снаряжались теперь к священной войне, причем в особенности Ричард, по своему страстному нраву, чтобы как можно скорее собрать значительные суммы денег, продавал за бесценок замки и деревни, епископские престолы и места прелатов. Но христианам на Востоке сначала это мало послужило на пользу. Дело в том, что в поход отправлялись мало-помалу, иплыли в Сирию для участия в осаде Аккона сначала только отдельные французские и английские отряды; а сами короли, и с ними главная масса крестоносцев обеих наций еще долго мешкали частью на родине, частью на пути, пока наконец не взглянули серьезно на цель своего предприятия.

Весной 1190 г. собрались отряды английских пилигримов, которые хотели отправиться с Ричардом на Восток. Свое выступление с родины они посрамили ужасным преследованием евреев, «врагов Христа, сокровища которых должны были служить для освобождения Святой Земли», и правительство восстановило в стране порядок только с трудом и после того, как было пролито много крови. Одна часть пилигримов отправилась во Францию, чтобы примкнуть там к французским войскам своего короля, другая часть отплыла тотчас же на сильном флоте, в котором, кроме других судов, насчитывалось 108 больших транспортных кораблей и который должен был потом перевезти все крестоносное войско в Сирию. Ричард ввел во флоте очень строгую морскую дисциплину, по которой даже за мелкие проступки назначались страшно суровые наказания, но было еще очень сомнительно, удастся ли этим способом удержать в порядке дико возбужденные массы пилигримов. Флот получил затем приказание обогнуть Францию и Испанию, между тем как сухопутное войско английского короля шло прямо через Францию к Везеле в Бургундии, где оно должно

было соединиться с отрядами Филиппа-Августа. Здесь в первых днях июля сошлись оба войска. Король и войска сердечно приветствовали друг друга и продолжали вместе поход к югу при радостных песнях. Но так как число этих крестоносцев превышало 100 000 и содержание такой большой массы на одном и том же пути вызывало затруднения, то было решено, дошедши до Лиона, снова разделиться, идти в некотором расстоянии друг от друга в Мессину, а оттуда в верном союзе отплыть в Сирию. Таким образом, эти пилигримы не воспользовались больше традиционным путем великих крестовых войск через Грецию и Малую Азию; они предпочли отправиться морским путем, вероятно, потому, что и французы и англичане узнали о союзе византийцев с Саладином.

Король Филипп первый покинул Лион, отправился в Геную, сел там на наемные суда и достиг 16 сентября Мессины. Ричард пошел в Марсель, а оттуда шел без всякого определенного плана, то на корабле, то проезжал верхом, ради удовольствия, прекрасные местности вдоль всего западного итальянского берега; 23 сентября он с большой пышностью въехал в Мессину. Незадолго перед тем туда уже прибыл его флот, довольно счастливо выдержавший разные опасности; при высадках на португальском берегу он отчасти совершал грубые насилия против тамошних христиан, отчасти с самопожертвованием помогал им в борьбе с мусульманами.

Вновь соединившиеся пилигримы из Сицилии очень могли бы достигнуть своей последней цели еще осенью 1190, хотя время года было уже очень позднее. Но скоро оказалось, что об этом нечего было и думать. Король Филипп и Ричард, хотя оба были молоды, сильные и исполнены честного рвения к делу Святой Земли, но в остальном они в своем предприятии как нельзя менее подходили друг к другу. Филипп, умный и честолюбивый, никогда не терял из виду интересов своего государства; Ричард, сильный как немец, воинственный как норманн и фантаст как провансалец, кумир странствующего рыцарства, жаждал прежде всего чудесных подвигов, величайшей собственной славы. К тому же борьба, которая давно уже разъединяла правителей Франции и Англии, должна была вскоре ожить и между этими государями. В самом деле, англичане были тогда господами западной Франции от Нормандии до Аквита-

нии, и это положение их делало невозможным прочный мир между обоими народами до тех пор, пока или не будет уничтожен трон Капетингов или вся французская земля не соединится снова в одно государство. Но все это должно было уже в Сицилии повести к ссорам, потому что последний законный король этой страны, из норманнского рода, Вильгельм II, умер 17 ноября 1189 года, и сицилийский престол был после этого захвачен графом Танкредом Лечче и им же была взята в плен вдова Вильгельма, Иоанна, сестра Ричарда¹.

Ричард потребовал тут прежде всего, чтобы его сестра была освобождена, и достиг этого очень скоро. Но, несмотря на то, дошло до враждебных столкновений, в которых, кажется, виноваты были обе стороны. Потому что Ричард принимал вид завоевателя, насильственно утвердившись, кроме своего лагеря в Мессине, также на противоположном итальянском берегу и на маленьком островке в проливе: сицилийцы мстили за это англичанам не только насмешками и бранью, но кроме того убивали, где было можно, безоружных пилигримов. 3 октября из ничтожной причины произошло даже сильное столкновение. А именно, один англичанин поссорился с торговкой из-за цены хлеба и за это подвергся грубому оскорблению от нескольких граждан Мессины. При известии об этом сначала поднялось все население города, заперло его ворота и поспешило, вооружившись, на башни и стены. Но вслед за тем и английское войско было также схвачено диким военным пылом и недолго думая начало штурмовать Мессину. Ричард тотчас попробовал разъединить сражающихся, но это удалось только тогда, когда посредниками явились важнейшие граждане города; а на другой день, когда именно сицилийские, французские и английские вельможи совещались о восстановлении прочного мира, смятение поднялось еще более ужасное. На этот раз горожане сделали смелую вылазку из города и встретили поспешившего на поле битвы Ричарда

¹ Рожер, король Сицилийский,

1154 г.

Рожер

Вильгельм I, 1166 г. Констанца, жена императора Генриха IV.

Танкред, побочный сын Рожера

Вильгельм II, 1189 г.

насмешками. Теперь король стал во главе своего войска, отбил неприятелей обратно в город, захватил вход в него и произвел ужасный суд над побежденными. Убийство, грабеж и бесчестие женщин свирепствовало целыми часами, пока наконец Ричард не приказал своим пощады. С тех пор сицилийцы уже не осмеливались противиться англичанам, тем более что последние для полного обеспечения своего положения укрепили окопами возвышенность, господствующую над Мессинной. Поэтому Танкред в самом уступчивом духе повел переговоры с Ричардом об окончательном мире и согласился при этом дать очень большие суммы, в особенности королеве-вдове Иоанне за те требования, которые она могла предъявить по завещанию ее умершего мужа. Но горожане Мессины, напуганные непобедимой храбростью их прежних противников, вошли с ними в дружественные сношения, и как говорят, дали тогда смелому Ричарду прозвище «лев» или «львиное сердце».

Эти дела с сицилийцами подействовали, как иначе почти и не могло быть, очень дурно на отношения между англичанами и французами. Король Филипп держался в них сначала нейтрально, но по крайней мере по английским рассказам, он стал относиться все более враждебно к своим спутникам по странствию к Святым местам и после падения Мессины требовал часть города и захваченной там добычи для себя и для своих людей. Грозивший раздор между обоими государями с трудом был устранен новым договором, в котором они обещали, во-первых, верно и добросовестно поддерживать друг друга во все время крестового похода, а во-вторых, старались привести снова в порядок отношения всех пилигримов под угрозой строгих наказаний за каждое отступление. Но довольно скоро явился повод к новому раздору. Однажды, во время импровизированного турнира, Ричард сильно столкнулся с одним французским рыцарем и в ярости, что не был в силах его одолеть, объявил ему вечную вражду. Вскоре после того произошла дружественная встреча Ричарда и Танкреда, причем последний представил письмо, которое, по-видимому, шло от Филиппа и предлагало сицилийцам помощь против англичан. Хотя Филипп отвергал, когда это ему стало известно, подлинность письма, но все-таки должен был допустить, чтобы Ричард отказался от слова, данного им

принцессе Алисе, сестре Филиппа. И как только это случилось, в Мессину приехали мать Ричарда, старая королева Элеонора, и принцесса Беренгария Наваррская, дочь короля Санчо V, на которой английский король намеревался жениться уже некоторое время.

Среди всего этого прошла вся зима с 1190 на 1191 г. Крестоносцы обеих наций извели все деньги и начали роптать на бесконечное мешканье. Короли старались поправить настроение своих людей, раздаривая значительные суммы, причем Ричард поступал так расточительно, что про него говорили, что он в один месяц выдал больше денег, чем каждый из его предшественников на английском престоле в целый год; но наконец, по крайней мере Филипп решил не откладывать дольше путешествия в Сирию, а так как Ричард все еще не хотел его сопровождать, то 30 марта 1191 г. он один покинул Мессину, исполненный глубокого раздражения против союзника, и поплыл прямым путем к Аккону.

Однако через несколько дней после его отъезда англичане также начали думать о продолжении крестового похода. 10 апреля их флот был готов к отплытию и выступил в море в сильном клинообразном боевом порядке. На одном из кораблей, составлявших начало клина, находились королева Иоанна и принцесса Беренгария (королева Элеонора вернулась из Мессины в Англию); в самом конце ехал король Ричард. Некоторое время флот плыл с попутным ветром, но 12 апреля поднялась сильная буря, которая далеко разбросала корабли друг от друга и многие из них повредила. Несколько судов разбилось у кипрского берега, перед гаванью Лимиссоля; и тот корабль, на борту которого были королева и принцесса, был также отнесен именно туда, но наконец ему удалось благополучно бросить якорь перед Лимиссолем. На Кипре господствовал тогда, как мы знаем, в качестве императора этого острова, комненский принц Исаак, которого в последние годы далеко кругом ненавидели за его жестокость к своим подданным, за его союз с Саладином и за притеснение франкских пилигримов. Он велел ограбить крестоносцев, которые спаслись на кипрский берег с потерпевших крушение кораблей, и старался лицемерными приглашениями захватить в свою власть невесту и сестру короля Ричарда. Уже они готовы были сменить свое безопасное пребывание на корабле

переселением на землю, когда, к счастью, 6 мая, флот Ричарда бросил якорь на рейде в Лимиссоле. Король, между тем, уже много слышал о жестокости и коварстве Исаака и потому, когда притом Комнен отказал во всяком удовлетворении, тотчас напал на греческие войска, которые в большом числе заняли берег. Высадка удалась. Сам Ричард, во главе своих рыцарей, напал на киприотов, которые «рычали как собаки». Сражение продолжалось лишь недолго; потом неприятель отступил и оставил город и местность Лимиссоля победителям англичанам. На следующий день побежденные были преследуемы и окончательно рассеяны. При этом король, безумно смелый как всегда, был впереди всех в самом жарком бою: он захватил знамя Исаака и даже сбил с лошади ударом копья самого императора; и последнему удалось с трудом спастись, на другой лошади, в Никозию, во внутрь Кипра.

После этого блестящего успеха англичане отдохали несколько дней в завоеванной области, и Ричард готовился в то же время к свадьбе с принцессой Беренгарией. 11 мая в Лимиссольскую гавань вошли три корабля, на которых находились король Гвидо нерусалимский и многие знатные его друзья, которые уже здесь хотели расположить короля Ричарда к своим особенным целям. Ричард принял их с большим отличием и затем, 12 мая, самым пышным образом отпраздновал свою свадьбу с Беренгарией.

Между тем Исаак так хорошо понял свои ошибки, что пожелал начать мирные переговоры. Произошло свидание между императором и Ричардом и заключен был мир, по которому первый должен был заплатить порядочный выкуп, открыть все крепости острова и выставить вспомогательные кипрские войска для борьбы с Саладином. Но только что это дело казалось улаженным, как Исаак бежал с места свидания в Фамагусту, потому что, как говорят, один из его спутников возбудил в нем подозрение, что Ричард покушается на его жизнь.

Ричард в сильном гневе объявил императора клятвопреступным нарушителем мира, поручил своему флоту сторожить берега, чтобы тот не убежал морем, а сам пошел в Фамагусту, а оттуда внутрь страны в Никозию. На пути между этими двумя городами, у Тремифуссии, еще раз произошло сражение. Исаак старался приблизиться к своему противнику королю, чтобы убить его

отравленными стрелами: но когда король бросился на него с копьем в руках, испуганный Исаак помчался в поспешном бегстве к замку на мысе св. Андрея, на самом северо-востоке острова. Затем Ричард вступил победителем в Никозию, а его войска, пока он некоторое время лежал больным, взяли, большею частью под предводительством короля Гвидо, самые крепкие замки на севере Кипра, Церинес, св. Илариона (Dieu d'amour) и Буффавент

Исаак, устрешенный этими успехами и отчаявшись найти какой-нибудь другой исход, сдался наконец, 31 мая, победителям. Рассказывают, что Ричард велел надеть на него серебряные оковы, потому что Исаак просил только о том, чтобы его не отягощали железными цепями, и сдал его королю Гвидо, который продержал его до смерти в заточении в одном сирийском замке. Таким образом остров Кипр, в то время еще чрезвычайно богатый и цветущий, попал совсем случайным сцеплением обстоятельств и благодаря только двадцатипятидневному походу в руки франков — и это завоевание должно было получить высокое значение для христианских колоний на Востоке. Ричард установил отношения на острове так, что оставил прежним жителям половину их имущества, а другую половину употребил для образования ленов тому рыцарству, которое должно было взять на себя защиту страны. Во всех городах и замках он оставил гарнизоны, а во главе управления — способных людей, которым поручил прислать ему по возможности больше съестных припасов, как только он достигнет Аккона.

Наконец, 5 июня, король отплыл в Сирию, 7 июня на высоте между Бейрутом и Сидоном он уничтожил необыкновенно большой, тяжело нагруженный военным материалом и войсками магометанский корабль, который был назначен для подкрепления акконского гарнизона, а 8 июня он пристал к стану христиан под Акконом. «Его приняли там с такой радостью, как будто он был Спасителем, пришедшим в мир, чтобы восстановить царство».

Осада Аккона

Взгляд в ту часть третьего крестового похода, которую мы до сих пор рассказывали, производит, несмотря на

последние успехи Ричарда, глубоко удручающее впечатление. С 1187 года Европа еще многостороннее и еще усерднее, чем когда-нибудь прежде, поднялась на священную войну; но уже не возобновился тот дух, который бы мог направить развернувшиеся богатырские силы единодушно и цельно к уничтожающему удару против завоевателя Иерусалима. Только единственный из великих монархов Европы, император Фридрих, показал, по крайней мере со своей стороны, чистую преданность делу и никогда не омрачавшееся рвение к достижению высокой цели; но именно он вместе со своими людьми, без собственной вины, подвергся печальнейшей участи. Одновременно с ним или вскоре после него из всех государств выступили на Восток бесчисленные толпы войск под предводительством князей, графов или епископов; но они совершали свой путь врозь и приходили в Сирию по капле, один за другим, более способные проливать свою кровь, чем нанести чувствительный удар противнику. Наконец, короли Франции и Англии мешкали и ссорились, теряли незаменимое время, и в конце концов принесли в лагерь своих единоверцев в Акконе вместе со своей военной силой и свои раздоры.

Поэтому едва ли было возможно ждать чего-нибудь для конца крестового похода. Но ко всему неблагоприятно присоединилось еще то, что и сирийские христиане находились в страшном раздоре между собой, и потому неудивительно, что успехи этого похода далеко не отвечали самым скромным ожиданиям, хотя тысячи и тысячи людей все еще приносили в жертву свою жизнь так же героически, как во времена Готфрида Бульонского.

Как мы знаем, король Гвидо Иерусалимский двинулся летом 1189 г с небольшим войском в Аккон, между тем как враждебный королю маркграф Конрад Монферратский остался в Тире. 27 августа Гвидо прибыл к Аккону, расположился лагерем на холме к востоку от города, а уже 29 августа попробовал посредством внезапного штурма захватить большую крепость. Храбрость христиан, может быть, имела бы успех, если бы среди жаркого боя они не были напуганы известием, что Саладин угрожает им с тылу. Действительно, как только султан узнал об опасности Аккона, он поспешил на выручку; но в этот день к христианам подошли только передовые его авангарда, сам же он был еще далеко позади, в гористой

стране, которая поднимается против Тивериадского озера. Но в следующие дни он со всем своим войском подошел близко к христианскому лагерю, и небольшая кучка крестоносцев, без сомнения, погибла бы, если бы в это самое время не пристали один за другим к берегу около Аккона значительные франкские флотилии и не привезли королю Гвидо тысячи храбрых датчан и фризов, фламандцев и англичан, французов и итальянцев. Из этих предводителей особенно выделились Иаков Авенский, епископ Филипп Бове и графы Дре, Бриенн и Бар.

Но вследствие всего этого, сражение при Акконе оказалось главным военным событием этого крестового похода, стало развязкой дела, самой неблагоприятной для христиан, какая только была возможна. Так как владея в Сирии еще Антиохией, Триполисом и Тиром, они не нуждались, по крайней мере на первое время, для войны с Саладином в опорных пунктах на берегу: для них было важно прежде всего истребить военную силу султана в открытом поле: затем крепости постепенно достались бы им сами собой. Но когда они начали осаждать большой город, они предприняли самое трудное дело, какое известно военному искусству, а именно — разрушение неприятельских стен в то время, когда сильное и привыкшее к победам вспомогательное войско готово каждую минуту напасть с тылу на осаждающих. Но христиане были приведены к безумной борьбе за Аккон не по обдуманному соображению: повод к этому заключался гораздо больше в том, что Тир, единственный значительный остаток Иерусалимского государства, был в руках Конрада Монферратского и что король Гвидо, как дерзкий искатель приключений, предпринял взятие ближайшего большого приморского города, чтобы получить подобное Тиру место. К этому присоединилось тогда невольно и неминуемо все дальнейшее.

Аккон, издавна многолюдный и хорошо укрепленный, был превращен Саладином в главную крепость ислама, через прибавку новых рвов и валов, башен и бастионов. На северо-восточном углу стен особенно выделялась «проклятая башня», а среди укреплений, замыкавших гавань, сильная «башня мух». Гарнизон был силен и мужествен; во главе его стоял храбрый эмир Богаздин Каракуш.

Город представлял в то время большой треугольник,

западная и южная стороны которого омывались морем, и только северо-восточная сторона была обращена на материк. Почва на ней в общем ровная, лишь вблизи города поднимаются незначительные холмы и только очень далеко начинается настоящая горная страна Галилеи. В равнине недалеко от Аккона вливается в море небольшая река Бел. При этой реке и в низменностях вокруг города идет страшный бой: Саладин возвращается под защиту возвышенностей на востоке, когда хочет дать временный отдых своим истомленным войскам.

Когда возроставшее число христиан грозило в первой половине сентября совсем обложить крепость на суше, султан пытался разорвать кольцо осаждающих, пока оно не сделается слишком крепким. 12 сентября он и гарнизон напали в одно время. «Но франки стояли как стены; когда падал передний человек в ряду, его место тотчас занимал задний»; и только после четырехдневной борьбы Саладину удалось, 15 сентября, завоевать доступ к городу. Но плод тяжело добытой победы был все-таки невелик. Аккон был больше снабжен провиантом, но не было нанесено никакого дальнейшего вреда христианам, ужасное сопротивление которых внушило врагам большое почтение.

24 сентября прибыли новые толпы пилигримов под предводительством итальянских и немецких господ. Самым важным из последних был ландграф Людвиг Тюрингенский, который во время путешествия из Бринди-зи в Аккон заезжал в Тир и просил там маркграфа Конрада оставить свою злобу против короля и принять участие в борьбе всего христианства с врагами креста. После этого Конрад решился сделать по крайней мере последнее, и потому прибыл вместе с ландграфом в лагерь при Акконе.

Вскоре после того христиане приготовили сильное нападение на Саладина. Четыре военных отряда под предводительством Гvido, Конрада, Людвиг и тамплиеров выступили 4 октября из лагеря: остался только брат Гvido, Готфрид Лузиньянский, для защиты шатров и обоза от акконского гарнизона. Султан при приближении неприятельских масс старался вдохновить своих возгласов: «вперед, за ислам, войска единого Бога!» Но они не могли вынести первого натиска франкских латников. Уже правое крыло и центр мусульман поколебались, отдельные беглецы с дикой поспешностью неслись

к Тивериаде, как вдруг обстоятельства переменялись. Риды победителей в слишком быстром преследовании смешались. Левое крыло неприятеля устояло и вскоре смело двинулось вперед. Доносился устрашающий слух, что лагерь христиан был уже взят акконским гарнизоном. Среди пилигримов распространился ужас: они в беспорядке двинулись назад и только после тяжелых потерь достигли лагеря, оставленного незадолго перед тем с такой гордой уверенностью. Мусульмане торжествовали и безмерно хвастались этим успехом, а Саладин велел собрать на поле битвы трупы и бросил их в реку Бел, чтобы они там гнили и испортили воду и воздух для христиан.

Между тем, несмотря на все это, положение оставалось по-прежнему то же, как было раньше. Сила и мужество крестоносцев были вскоре опять освежены приходом нового отряда. Они вторично окружили Аккон от одного моря до другого, укрепили свой лагерь валами и рвами, так что он как крепость обращен был и к городу и к Саладину, и усиленными работами устроили гавань для своих кораблей, которая еще долгое время называлась по имени ее настоящего строителя «гаванью Маркграфа». Но и мусульмане также получили многочисленные подкрепления; они особенно были кстат для акконского гарнизона, которому египетские эскадры доставили свежие войска, военные снаряды и провиант. Таким образом война должна была еще очень долго затянуться, тем более, что началась зима, и ветер и дожди сделали надолго невозможными большие военные предприятия. Поэтому Саладин отпустил часть своего войска на зимние квартиры, а с остальными тоже несколько отодвинулся от христиан назад. Последние целые недели сильно терпели от сырости, которая превратила их лагерь почти в болото, от тяжелой нужды и от страшной моровой язвы, которая унесла многие тысячи сильных бойцов. Но они все-таки держались вместе в живом воинственном одушевлении, потому что крепко надеялись на то, что весна приведет им новых бойцов, деньги и съестные припасы в большом количестве. Ведь они знали прежде всего, что император Фридрих уже давно выступил на Восток с сильной немецкой армией!

Совершенно противоположно радостным надеждам христиан, Саладин смотрел в будущее с боязнью и забо-

той, и у него было к этому тем более серьезное основание, что его положение самым тягостным образом отличалось от положения его противников по крайней мере в одном отношении. А именно: хотя у крестоносцев с начала и до конца этой войны,— так как император Фридрих не дошел до Сирии,— не было полководца, который способен был мудро и энергически управлять смешанными толпами, но зато к Сирийскому берегу в неиссякаемом множестве стекались лучшие силы всех народов Запада, и самый настоящий пилигрим был так же готов голодать и жаждать, как сражаться и умереть. Напротив, на магометанской стороне возможность счастливой защиты лежала почти только на плечах одного предводителя, султана Саладина. Его собственные войска, хотя испытанные в бою и храбрые, были раздражены бесконечными тягостями войны и при случае роптали и бунтовали, как раньше при осаде Тира, так и теперь перед лагерем пилигримов при Акконе. Остальных государей в области ислама, халифа Багдадского, владетелей Ирана, Аравии и даже Марокко, Саладин неоднократно и настоятельно просил о помощи, но, кроме ластивых похвал его геройским подвигам, султан получил действительную помощь только от тех государей и племен, которые жили по соседству с его сирийско-месопотамскими владениями. Он горько жаловался на пренебрежение общим делом: «Есть ли хоть один мусальманин,— писал он халифам,— который следует призыву, который приходит, когда его зовут? Между тем взгляни на христиан, какими массама они стекаются, как они спешат наперерыв, как они поддерживают друг друга, как они жертвуют своими богатствами, как дружно они держатся вместе, как они переносят величайшие лишения. У них нет короля, государя, острова или города, нет человека, как бы незначителен он ни был, который бы не послал на эту войну своих крестьян, своих подданных, который бы не дал им явиться на поприще храбрости; у них нет сильного человека, который бы не принял участия в этом походе: все хотя быть полезными нечестивой цели своего рвення. Напротив того, мусульмане вялы, лишены мужества, равнодушны, утомлены, бесчувственны, не ревностны к вере... Ты, который происходишь от крови нашего пророка Магомета, ты обязан поэтому стать на его место и сделать в это время то, что сделал бы он сам, если бы

был среди своего народа — сохранить в мире воспомина-ние о нем и дать восторжествовать истине; потому что он поручил нас и всех мусульман твоему покровительству!» — Напрасно! Его призыв на помощь остался неслышанным. Обширный мир ислама, только оборонившийся против крестоносцев, не был поэтому исполнен такого же воодушевления, как они, и не поднялся выше обычных требований сопротивления, и на этот раз тем менее, что в разных местах этому, вероятно, мешала зависть к великому могуществу Саладина. Поэтому султан всего больше остался предоставлен своему гению. Несмотря на свои все еще значительные военные силы, он, сравнительно с бесчисленными массами пилигримов, походил как бы на полководца без войска, сражающегося с войском без полководца.

Покуда затягивалась война, особенности воюющих сторон выразились весьма характерно. Христиане и мусульмане старались превзойти друг друга в ужасной жестокости к пленным; но, несмотря на то, дух солдатской жизни вверху и внизу так настойчиво заявил свои права, что форпосты обеих войск в перерывах битвы считали возможным дружелюбно сходитья для веселой шутки и игры. В христианском лагере строгий аскетизм переменивался с любовью к роскошной жизни: не было недостатка в торговцах, которые дешево продавали всякие сокровища Востока, и в маркитантах, палатки которых были местопребыванием безумного обжорства и разгула. Но рядом с распутными, были в лагере и другие женщины, которые скрывали свой пол и, исполнение высокого одушевления, выходили в панцирях против неприятеля, соревнуя в геройстве с мужчинами. Мусульмане отличались хитростью и ловкостью. Отважные бедуины подкрадывались ночью к отдельным пилигримам с обнаженным кинжалом и принуждали их молча идти в плен или закалывали их при первом крике. Война на море давала повод ко множеству отважных подвигов. Аккон был то блокирован христианами, то блокада разрушалась египетскими эскадрами. Некоторые мусульманские корабли старались обмануть христиан тем, что водружали кресты и брали на борт свиней, по исламу нечистых животных. Когда блокада крепости долго не прерывалась и когда доставало почтовых голубей, через которых Саладин часто переписывался с осажденными, то смелые люди

бросались в море и старались достигнуть города, плывя и ныряя мимо христианских судов.

Весною 1190 года пилигримы после долгих и трудных приготовлений построили три большие осадные машины, лес для которых должно было привозить из Италии: эти машины были вышиной в 60 арабских локтей, выше неприятельских стен. Эти башни в пяти этажах заключали достаточно места, как для мелких метательных машин и таранов, так и для значительных военных отрядов: по выровненной площадке они были подвезены к самой крепости. В последних числах апреля поднялся ужасный бой. Саладин, который в конце зимы снова собрал все свои силы, принялся без перерыва штурмовать христианский лагерь, чтобы христиане не успели энергически воспользоваться своими башнями. Между тем крестоносцы не только с непоколебимой твердостью противостояли султану, но мало-помалу так стеснили и самый город, что можно было уже предвидеть его падение. Наконец, 5 мая, осажденным удалось поджечь все три башни, и гарнизону их только с большим трудом удалось спастись оттуда. Надежды пилигримов были этим опять уничтожены на долгое время; но когда Саладин с своей стороны попробовал после этого добиться решительного успеха, прорвав христианские укрепления, ему в конце концов пришлось отступить, не выиграв сражения, хотя он упорствовал в нем от 8 до 19 мая.

После этого обе стороны чувствовали себя истощенными и некоторое время не начинали крупных предприятий. Но в пестрой толпе христианского лагеря некоторые отряды вовсе не были довольны этим военным отдыхом: начались мятежи, а 25 июля воинственная и жадущая добычи толпа до 10000 человек напала на позиции Саладина. Несчастливая толпа, хотя при первой стычке имела некоторый успех, большею частью погибла, однако, от меча неприятеля.

Вскоре после того к Аккону подступили новые толпы войск из Франции и Англии. Во главе их стоял длинный ряд знатных баронов; важнейшим из них был граф Генрих Шампанский. Осаждающее войско получило самое желанное подкрепление, но в то же время раздор, волновавший сердца пилигримов, принимал все более злобные формы. Отчасти он присоединялся к старинной вражде между королем Гвидо и маркграфом Конрадом, хотя они

в Акконском лагере до сих пор по-видимому относились друг к другу дружелюбно и мирно; отчасти он был связан с особенным положением немцев в войске пилигримов. Дело в том, что крайнее недружелюбие, какое немцы уже несколько десятилетий встречали в романской Сирии, дало себя почувствовать и теперь; может быть, немецкие пилигримы сами заслужили то нерасположение, которое они встретили, своей гордостью и высокомерием. Одно время крестоносным войском поочередно командовали Иаков Авенский и Людвиг Тюрингенский; затем раздор между немцами и французами повел к назначению нескольких начальников; а теперь, когда особенно возросло число французов, предводителем всего войска был сделан граф Генрих Шампанский. Вскоре после того ланграф Людвиг заболел, поехал домой и умер в пути (16 октября 1190 г.) В лагере под Акконом о нем носилась позорная молва, что он оставил общее дело только из-за того, что у него отняли главное начальство или даже потому, что Саладин подкупил его большой суммой денег. Между тем под Акконом стала известна смерть императора Фридриха и ужасная гибель главной немецкой армии. Маркграф Конрад поспешил навстречу ее слабым остатком, вступил в дружеские отношения с герцогом Фридрихом Швабским и среди разных опасностей привел его в лагерь пилигримов (7 октября). Однако, с этого времени положение немцев еще ухудшилось. Они явились к товарищам, после испытанного ими несчастья, только как побежденные, и должны были выносить презрительное и высокомерное отношение к себе от преобладающих масс романцев и приверженцев короля Гвидо.

Между всем этим крестоносное войско все же обладало достаточной силой, чтобы снова очень стеснить осажденную крепость. В сентябре флот сделал сильное нападение на главный пункт гавани «башню мух» (Fliegenthurm). На одном из христианских судов находились огромные штурмовые лестницы, а на вершине мачты настоящий небольшой замок, который был выше платформы башни. Но неприятельский огонь зажег именно это судно, и собственно брандеры христиан повредили им самим так, что нападение после героического начала потерпело жалкую неудачу. Точно то же было в течение октября, когда Генрих Шампанский, Фридрих Швабский и другие важные князья соорудили на суше новые осадные

машины. Гарнизону удалось, при энергических вылазках, подойти к этим машинам и сжечь их. Вследствие этого зима с 1190 на 1191 застигла христиан почти на том же месте, как год до того.

Для христиан эта зима принесла еще больше бед, чем предыдущая. Нужда в их лагере достигла такой страшной степени, что съестные припасы почти буквально ценились на вес золота. Трупы мертвых животных составляли завидное кушанье, а кости, брошенные собаками, еще раз обгладывались. Снова распространилась опустошительная болезнь «арнальдия», от которой «распухали члены и выпадали зубы». Многие пилигримы с непреклонным героизмом переносили всякие неудобства, но, конечно, многие впадали также в тупое отчаяние или старались забыть свои горькие страдания в безумном распутстве. При этом дисциплина войска так расшаталась, что переход голодающих к врагам веры и отречение от христианства из-за куска хлеба стали совсем обыкновенными явлениями.

В это страшное время некоторые благочестивые пилигримы из Любека и Бремена особенно отличались деятельным рвением к общему благу. Под управлением некоего Зигенбранда они устроили — в одном вытасченном на берег корабле — госпиталь и неутомимо старались ухаживая за больными, смягчать страдания своих хилых сотоварищей. Герцог Фридрих Швабский радовался на их предприятие, принял его под свое покровительство и старался придать ему характер постоянного учреждения посредством удостоверяющей и охраняющей папской буллы. Так возникло здесь, в Акконском лагере, учреждение, которое, подобно Иоанитскому госпиталю в Иерусалиме, было зародышем более крупного учреждения, рыцарского ордена немецкой нации. Но герцогу Фридриху не суждено было дожить до возникновения этого ордена. Наконец и он заразился все сильнее свирепствовавшей в лагере болезнью и умер уже 20 января 1191 г. После его смерти небольшой немецкий отряд все более и более распадался, как «стадо без пастуха», и совершенно потерялся среди массы других пилигримов.

Ко всем этим несчастьям присоединилась еще возраставшая вражда среди крестоносцев. А именно, осенью 1190 года умерла жена Гвидо, королева Сибилла, и потому маркграф Конрад заявил прямо притязание на иерусалим-

ский престол, который Гвидо давно забросил по своей неспособности и вялости. Чтобы укрепить свое притязание каким-нибудь юридическим основанием, Конрад потребовал и добился того, чтобы Елизавета, младшая сестра и единственная наследница Сибиллы, выданная замуж за Гонфреда Туронского, вельможу иерусалимского государства в 1180 году, 8 лет от роду, т. е. во всяком случае без любви и понимания, была бы разведена с мужем и отдана ему. Но когда он достиг этой цели, то он и Гвидо и их приверженцы находились в такой вражде друг к другу, что только общее утеснение их Саладином могло помешать вспышке открытой войны.

Между тем мусульмане переживали более благополучные дни. Они не терпели нужды и без большого труда противостояли в небольших стычках истощенным силам пилигримов. Но, несмотря на это, и положение Саладина было далеко не благоприятно, так как его войско, все более негодовавшее на бесконечную продолжительность войны, много раз бунтовало, и именно защитники Аккона требовали смены. С большим трудом султан сдерживал свое войско. Наконец он позволил прежнему акконскому гарнизону очистить крепость, но этим принсс себе большой вред, — потому что люди, занявшие после этого укрепления Аккона, были крайне распущены и нерасположены к делу, и храброму эмиру Богаэддину Каракушу, единственному продержавшемуся в Акконе от начала до конца, трудно было с этими людьми долго удержать город.

Дело в том, что весна 1191 принесла пилигримам самое значительное подкрепление. Теперь наконец прибыли, как мы знаем, один за другим, король Филипп и король Ричард. Явился даже небольшое немецкое войско, потому что в акконский лагерь прибыл в это время и герцог Леопольд Австрийский со своими людьми, который некогда желал сопровождать императора Фридриха, но был задержан домашними делами. Но чем сильнее вновь чувствовали себя крестоносцы, тем озлобленнее они враждовали между собой. Филипп и вероятно также Леопольд стояли на стороне маркграфа. Ричард, как мы уже видели, вошел в союз с Гвидо уже в Кипре, а тем более теперь под Акконом Брат Гвидо, Готфрид Лузиньянский, вызвал маркграфа, как изменника, на Божий суд. Ричард рассердил короля Филиппа тем, что велел давать всем нуждавшимся рыцарям, желавшим вступить к нему

на службу, по четыре червонца, между тем как Филипп назначил для этой же цели только по три. Последний отомстил тем, что потребовал для себя половину Кипра, так как короли обещались делить между собой свои завоевания. Ричард думал, что это относится только к мусульманским областям, но он хитро прибавлял, что готов уступить половину Кипра, если Филипп предоставит ему за то половину имущества только что умершего графа Филиппа Фландрского. Так ссорились люди, стоящие во главе, и их раздор проник до глубины крестоносного войска и, наконец, Ричард возбудил недовольство всех пилигримов тем, что по своему капризному нраву и из уважения к рыцарскому характеру Саладина вздумал среди войны завязать с ним дружественные отношения.

Конечно, все эти обстоятельства сильно вредили успеху осады. Большие партии, на которые распалось крестоносное войско, очень плохо поддерживали друг друга, так что время и силы напрасно терялись, благородная кровь напрасно проливалась. Но у пилигримов было еще столько высокого одушевления и готовности к труду, что, несмотря на все это, поистине удивительным образом, они сделали значительные успехи и мало-помалу обеспечили себе победу. Были построены громадные осадные машины, башни, тараны и метательные машины: под защитными крышами и в подкопных галереях христиане пододвигались к самым укреплениям неприятеля. Вскоре около пробитых брешей повсюду загорелся бой. Саладин делал все возможное, чтобы отворотить падение города, беспрестанно нападая с тылу на христианский лагерь и убедительно призывая защитников Аккона держаться. И теперь он снова изображал халифу свое трудное положение, потому что имел дело с врагом, какого никогда не видывали, который одновременно был и осажденным и сам ослаблял христиан, война поглощала их, победа их покинула, но море за них, оно объявило себя за детей огня (греха). Невозможно было бы даже указать число народов, составлявших христианское войско; даже воображения не достало бы для этого.

С конца июня 1191 г. неоднократно начинались переговоры о капитуляции крепости. Говорят, что Саладин обещал при этом однажды выдачу почти всего королевства Иерусалимского, если бы христиане помогли ему

сильным войском против могущественных магометанских врагов. Но все эти переговоры разбивались один за другим, пока наконец отчаяние гарнизона не ускорило развязку. 11 июля начальники крепости и христианские короли вошли в соглашение. Город со всеми находящимися в нем запасами должен был сдаться, святой крест должен быть возвращен и значительное число христианских и племенных рыцарей и народа получить свободу. Гарнизон имел право возвратиться к Саладину, но по крайней мере часть его, в особенности сто знатный людей, должны были остаться заложниками, пока султан не заплатит христианам 200 000 червонцев.

Саладин с глубоким огорчением принял известие об этих условиях и пытался не дать на них своего согласия. Все было напрасно. Уже 12 июля защитники Аккона открыли ворота. Христиане в восторге вошли в Аккон и водрузили свои знамена на стенах и башнях. Тогда Саладин подписал договор, снял свой лагерь и двинулся назад в глубь страны, чтобы вооружиться там для новых битв, в особенности для защиты Иерусалима.

Так после двухлетней, стоившей ужасных жертв войны, был снова взят по крайней мере Аккон. Все незаслуженные несчастья христиан, так же как все безумия и низости, ими совершенные, перетягивались на чаше весов геройским мужеством и упорной выдержкой пилигримов. Гений Саладин был в конце концов побежден крестоносным воодушевлением Запада. После этого великого триумфа еще можно было надеяться на полное возвращение прежних христианских областей и окончательное подавление могущественного противника. Правда, и сами крестоносцы были сильно истощены, но все еще достаточно сильны, чтобы достигнуть желанной высокой цели, если бы только они наконец бросили свои отвратительные раздоры и с чистым чувством отдались исполнению своей великой задачи.

К сожалению, после падения Аккона в этом отношении дело пошло еще хуже. Англичане и французы под предводительством своих королей разными способами вредили пилигримам других наций. Когда предводители последних возмущались против этого, им давали дружественные обещания, но, несмотря на то, не кто иной, как король Ричард, позволил себе бессовестное оскорбление австрийского герцогского знамени, велел при своем

вступлении в Акконскую крепость бросить его в грязь, так что многие крестоносцы, увидев такое «королевское слово и поступки», повернули домой, потеряв всякую охоту в дальнейшей войне против мусульман.

Прежние христианские жители Аккона также имели сначала законную причину для жалоб, потому что им не возвратили их собственности, которую они владели до завоевания города Саладином. Между тем здесь дело шло именно о гражданах итальянских коммун, которые во время войны за Аккон постоянно оказывали важные услуги и с которыми нужно было сохранять и в будущем дружеские отношения. Поэтому венецианцы, а в особенности пизанцы и генуэзцы, мало-помалу получили обратно не только свои старые городские округа, лавки и склады, но вскоре получили возможность еще расширить эти кварталы и вполне восстановить и даже возвысить блеск Аккона, как важнейшего сирийского торгового города.

Но снова вспыхнула также и вражда между Конрадом и Гвидо. Приверженцы маркграфа указывали на его неоспоримые заслуги, которые он приобрел в деле христиан: друзья Гвидо заявляли, что поражение короля при Гаттине произошло не от его нерадения, а по неотвратимому несчастью. Наконец, крестоносные государи сошлись на том, что король Гвидо до конца жизни останется королем Иерусалима, Конрад ему наследует, а пока маркграф должен получить Тир, Бейрут и Сидон, а брат Гвидо, Готфрид Лузиньянский — графство Иоппе. Эта несчастная сделка, которая делила христиан в Сирии между претендентами, вместо того, чтобы крепко утвердить ее в одних руках, была, конечно, только плодовитым зерном к новым раздорам.

И только что эта сделка была заключена, как Ричард и Филипп обменялись колкими словами, потому что последний вдруг объявил, что хочет вернуться домой. Говорят, что французский король был принужден к этому болезнию; рядом с этим носились темные слухи об его опасениях вследствие заговора против него, составленного Ричардом и Саладином: но на самом деле королем руководило, вероятно, желание предъявить как можно скорее и настойчивее свои права на значительное наследство незадолго перед тем умершего графа Филиппа Фландрского. Ричард был возмущен намерением своего союзника отчасти потому, что главная борьба с Салади

ном только теперь и должна была начаться, отчасти же он боялся, что по своем возвращении на родину король Филипп без церемонии воспользуется удобным случаем напасть на английские владения. Но он был слишком горд, чтобы препятствовать отъезду короля, и удовольствовался клятвенным обещаниям, что Филипп не тронет владений английского престола в отсутствие Ричарда и еще сорок дней по его возвращении. Вслед за этим французское войско разделилось. Значительный отряд остался в Сирии для продолжения крестового похода под начальством герцога Гуго Бургундского, Генриха Шампанского и других знатных людей; а остальное войско отплыло с королем 31 июля. Их обратная поездка счастливо шла вдоль берегов Сирии, Малой Азии и Греции в Италию, а оттуда во Францию.

Конец крестового похода

Возобновлению войны между Ричардом и Саладином предшествовала печальная и отвратительная сцена. Султан не мог так скоро, как его обязали, исполнить условий, которые на него налагала капитуляция Аккона, освобождения большого числа пленных христиан и уплаты 200 000 червонцев. Ричард пришел из-за этого в безмерный гнев и тотчас после того как прошел выговоренный Саладином срок — 20 августа — он велел заколоть перед воротами Аккона более 2000 мусульманских заложников. Конечно, после этого деньги были вовсе не уплачены, ни один пленный христианин не отпущен, а также не выдан и Святой крест. Кроме того, хотя Саладин, несмотря на свою глубокую горечь, не увлекся тотчас к соответственному возмездию за позорное убийство стольких единоверцев, зато в последующих сражениях много раненых или пленных христиан пали жертвами воспаленного мщения противников.

Через три дня после этой резни Ричард выступил с главной массой пилигримов из Аккона. Войско было большею частью еще исполнено прежним военным одушевлением, но рядом с этим было все-таки много зависти и вражды, распушенной любви к приключениям и дикой жажды наслаждений. Но самое худое было в том,

что не было человека менее способного, чем именно король Ричард, усилить более благородные побуждения крестоносцев и привести к счастливому концу великое предприятие. Он был и конечно остался непобедимо храбрым и воинственным рыцарем, высоко чтившим и у врага добродетели, которыми обладал сам; но он был совершенно неспособен управлять большим войском, придумать и успешно провести разумный план похода. Задача, которую он должен был теперь выполнить, была ясна: необходимо было сломить, наконец, военную силу Саладина и завоевать Иерусалим. Но ни то, ни другое не было прямо предпринято, а вместо того была вторично сделана такая же ошибка, которая повела к столь бедственной осаде Аккона; а именно, ближайшею целью похода поставлено было завоевание одного приморского города, именно Аскалона, «Сирийской невесты», богатейшего и самого укрепленного города на юге Палестины. Может быть, Ричарда побудили к походу в Аскалон лужиньянцы, так как в последних переговорах с маркграфом Конрадом графу Готфриду был обещан соседний город Иоппе; может быть также, что в этом деле решали вопрос другие группы крестоносцев, для которых завоевание Иерусалима не было главной целью, а именно те вельможи и рыцари, которые прежде имели владения на берегах королевства, и особенно граждане итальянских коммун, торговые интересы которых гораздо больше зависели от скорого возвращения приморских городов, чем от завоевания Иерусалима. Как бы то ни было, поход к Аскалону был во всяком случае отклонением от пути, который указывало политическо-военное положение вещей, и это отклонение было горько отомщено.

Христианское войско прежде всего направилось среди разных трудностей вдоль берега к югу. Походу мешала почва и климат; города и местечки, которые они проходили, были разрушены Саладином, чтобы отнять у пилигримов всякую опору; неприятель пользовался всяким представляющимся случаем к нечаянным атакам и нападениям. Крестоносцы двигались медленно и только через две недели достигли окрестностей Арзуфа, где султан решил сделать попытку серьезного сопротивления. 7 сентября здесь завязалась кровавая битва, которая после тяжелой борьбы окончилась блестящей победой христиан. Ричард находился всегда в самом пылу боя

и своим копьем и мечом много содействовал прекрасному успеху; но насколько можно видеть, он тем больше пренебрегал своими обязанностями полководца, потому что, не преследуя глубоко потрясенных неприятельских отрядов, давал им возможности снова собраться и прийти в порядок. Через несколько дней пилигримы прибыли в Иоппе. И этот город лежал в развалинах; но окрестности были красивы, а гавань была удобна для сношений с Акконом; поэтому крестоносцы на некоторое время устроились здесь, вместо того, чтобы идти дальше к Аскалону. Между тем Саладин обдумывал судьбу «Сирийской невесты». До сих пор он не разрушал этого важного города, служившего как бы соединительным звеном между Египтом и Сирией, и теперь еще он страстно желал сохранить его. Но не были ли крестоносцы, несмотря на громадные потери, испытанные ими за три года, все еще достаточно сильны, чтобы добиться такой же победы, как при Акконе? Битва при Арзуфе только что дала веское доказательство несокрушимой силы; а среди офицеров Саладина была величайшая неохота выдерживать осаду в Аскалоне. Тогда султан решился, хотя и с тяжелым сердцем, воспользоваться временем, которое ему оставляло вялое ведение войны христианами, для разрушения этой крепости. 16 сентября началось это печальное дело. Крепкие стены крепости были подкопаны и разрушены, внутренние постройки города истреблены огнем.

Когда Ричард услышал об этом, он вызвал военачальников скорее двинуться дальше, чтобы, если еще возможно, спасти Аскалон от полной гибели. Но он со многих сторон получил ответ, что гораздо лучше было бы восстановить Иоппе и начать войну с Иерусалимом с этого превосходного опорного пункта. В этом была доля правды, но король не был человеком, способным с твердой выдержкой довести до конца какое бы то ни было большое предприятие. Как раньше он намеревался взять Аскалон, а потом из-за медленности похода сам был виноват в истреблении прекрасного города, так и теперь, хотя сдал для Иоппе и Иерусалима некоторые усилия, но они были недостаточны. Крестоносцы тотчас начали вновь отстраивать Иоппе, но постройка двигалась без достаточной энергии и потому очень медленно. Часть войска двинулась, наконец, после долгого промедления на восток

в глубь страны, восстановила несколько разрушенных замков, но затем расположилась в развалинах скрытых Саладином городов Рамле и Лидды, вместо того, чтобы попробовать серьезное нападение на Иерусалим. Между тем Ричард проводил время в том, что выискивал самых необычайных опасностей в форпостных стычках, как рыцарь, ищущий приключений. Его необузданная отвага и сила его руки стали таким ужасом для врагов, что еще многие годы потом магометанские женщины пугали своих непослушных людей словами: «король Ричард идет, а магометанские всадники своим пугающимся лошадям. «разве ты видишь короля Ричарда?» Но как мало послужили эти геройские подвиги самому делу крестового похода!

Неудивительно, что при таком жалком ведении войны в войске снова сказались его худшие элементы. В Иоппе началось распутство, как некогда в Акконском лагере. Пилигримы целыми толпами стремились даже в самый Аккон, чтобы там, вдали от трудов и опасностей, вести роскошную жизнь, и только с большим трудом удалось королям Гвидо и Ричарду вернуть этих беглецов к их обязанностям. Но гораздо опаснее было то, что маркграф Конрад Тирский, подстрекаемый честолюбием и отчаявшись в том, чтобы эти короли могли приобрести какой-нибудь прочный успех над Саладином, вошел в переговоры с султаном, причем требовал себе Сидона и Бейрута, а магометанам обещал за это помощь против своих единоверцев. Но и Ричард в то же время начал переговоры с неприятелем, потому что получил дурные вести с родины, по которым его господству угрожали его брат, граф Иоанн, и король Филипп, так что ему хотелось как можно скорее отправиться в обратный путь. Поэтому Саладин был относительно христианских партий в самом благоприятном положении и желал только воспользоваться их раздорами и продолжить их. Но так как среди его войск все возрастала неохота к войне, то он должен был быть серьезнее, чем он сделал бы это в другое время: войти в мирные переговоры, именно с сильнейшим из своих противников, королем Ричардом. При этом произошли неоднократные и торжественные свидания между Ричардом и братом Саладина, Альмеликом Аладилем. Королю очень понравился магометанский принц и, как говорят, он сделал принцу фантастическое предложение,

чтобы тот женился на его сестре Иоанне, королеве-вдове Сицилийской, и чтобы затем им обоим было отдано Иерусалимское королевское. Понятно, что из этого ничего не вышло, между тем часто прерываемые и все снова начинаемые переговоры так подвинулись, что мир казался уже близким, если бы христиане удовлетворились умеренным расширением области, которою они владели в ту минуту, с придачей Иерусалима (исключая мечети Омара и крепости Святого города, которые должны были остаться за мусульманами) Но и теперь не пришли, однако, к решению. Потому что, по словам одного арабского летописца, «английский король так же часто заключал условия, как брал их обратно: он постоянно менял уже принятые решения или предъявлял новые затруднения: только что он давал слово, как брал его назад, и когда он требовал сохранения тайны, то сам ее нарушал».

Итак, Ричард показал себя таким же несостоятельным в переговорах, как в бою. Но самое некрасивое доказательство своего характера он дал в 1192 году, когда он вдруг велел приступить к давно забытому походу в Иерусалим. Время года было выбрано для этого как нельзя хуже: зима обливала пилигримов непрерывными холодными ливнями. Несмотря на то, приказ короля вызвал восторженную радость, все войско с воодушевлением выступило из Рамле на восток, к Святому городу. Но уже на середине пути, при маленьком местечке Бейтнуба, Ричард сделал остановку и созвал военный совет, чтобы обсудить, возможно ли вообще предпринять осаду Иерусалима. Говорят, что именно пизанцы и духовные рыцарские ордена указали при этом на то, что Святой город страшно укреплен, прикрыт сильным войском Саладина и потому его едва ли можно взять, а кроме того, до нападения на Иерусалим нужно бы завоевать еще другие места, так как после падения Святого города, большинство пилигримов вернется на родину, как бы после полного исполнения своего обета. Последнего, правда, вполне можно было опасаться, потому что уже сотоварищей Готфрида Бульонского можно было удержать в Палестине только очень короткое время после взятия Иерусалима; справедливо было также и то, что укрепления Святого города были чрезвычайно усилены Саладином в то долгое время, которое ему доставили бесконечно медлившие кресто-

носцы но было ли это достаточным основанием для того, чтобы боязливо отступить от высшей цели, ради которой совершилось могущественное восстание всего Запада. По самому горячему требованию всего христианства нужно было все-таки напасть на Иерусалим. и разве при борьбе за этот город не могла быть потрясена военная сила Саладина настолько, чтобы сирийским франкам было легко после этого снова широко распространить свое господство в Палестине, даже если бы большинство пилигримов уже не помогало им? Таким образом, нерасположение пизанцев и их сотоварищей к осаде Иерусалима основывалось главным образом на желании, чтобы ради их личных интересов прежде всего были сделаны приобретения на берегу: но их слов было вполне достаточно, чтобы склонить к их намерениям изменчивого Ричарда. Он тотчас остановил поход к Иерусалиму и приказал, сообразно с прежним планом, теперь же двинуться к Аскалону.

В бурю и дождь с проклятиями и слезами войско пилигримов двинулось назад к берегу. Аскалон предстал перед их глазами в виде пустынной кучи камней, только с трудом можно было пробраться внутрь города по грудам развалин. Но, несмотря на то, крестоносцы ревностно приступили к восстановлению города, король, щедрый как всегда, поощрял рабочих денежными подарками и, чтобы показать всем хороший пример, сам таскал камни; из страшного мусора с необычайной быстротой воздвигались валы, башни и дома. Но вскоре новая беда прервала это полезное дело. Пизанцы и генуэзцы вступили в Акконе в кровавую распрю. Первые держались англичан и короля Гвидо, другие пристали к французам и маркграфу Конраду. Все сирийские христиане были вовлечены в раздор партий. Конрад с войском и флотом явился под Акконом, чтобы вместе со своими сообщниками завладеть городом, потом, правда, отступил от крепости, когда Ричард пришел на выручку, но разговор, который он имел потом с королем, скорее обострил раздор. Вместо того, чтобы его утешить. В этот момент, тотчас после пасхи 1192 года, пришло, однако, новое известие из Англии, по которому враги Ричарда еще серьезнее угрожали его престолу, тогда король объявил начальникам войска, что он не может дольше оставаться в Сирии и должен без дальнейшего промедления вернуться на родину. Если это

так, ответили прелаты и бароны,— то пусть он позаботится хоть только о том чтобы окончательно устранить все еще разрастающийся спор за Иерусалимский престол. Ричард спросил их тогда, кого он должен ввести во владение королевством — Гвидо или Конрада? Он, конечно, думал, что его вельможи нелегко согласятся выбрать маркграфа, но весьма ошибся в этом, потому что все указали на Конрада, как на единственного человека, достаточно храброго, умного и способного восстановить достоинство Иерусалимского престола, если это вообще еще возможно. Между тем Ричард, несмотря на все свое разочарование, согласился с единодушным желанием вельмож, потому что его мысли влекли его на родину и он велел сообщить Конраду, что признает его королем. В Тире, вследствие этого, поднялось бурное ликование, которое было тем законнее, что маркграф, который незадолго перед тем снова начал переговоры с Саладином именно тогда получил благоприятные известия об их успехе. Правда, султан требовал, чтобы Конрад соединился с ним для нападения на крестоносцев — о чем теперь, конечно, нечего было и думать, но в то же время он сделал маркграфу больше уступок, чем когда-нибудь прежде, заявив готовность оставить ему все, что в это время было в руках христиан, за исключением Аскалона и, кроме того, отдать те части Палестины и Святого города, которые он уже раньше предлагал Ричарду.

Но едва это посольство прибыло ко двору нового короля, как он был убит 28 апреля 1192 г в Тире двумя ассианами. Это убийство, которое произвело повсюду чрезвычайное впечатление, приписывалось то Саладину, то Ричарду, без сомнения, несправедливо, потому что Конрад вызвал против себя месть фанатической секты, ограбив один ассианский корабль¹. Его смерть была

¹ Мнения о зачинщиках убийства Конрада до новейшего времени колебались. Высказанный выше в тексте взгляд подробно обоснован в вышедшей недавно книге: «*Markgraf Konrad von Montferrot*» Теодора Ильгена, Марбург, 1880. Главой ассасинов, который по этой книге совершил убийство нового иерусалимского короля, был вышеупомянутый «Старик горы» Ранинидеддин Синан, который с 1169 года до сентября 1192 г стоял во главе сирийский ассасинов, он превосходно организовал страшные толпы своих подданных строгой дисциплиной и вполне подчинил их своей воле. Незадолго перед тем говорил о нем в поучительном сочинении Гюйар (Guyard) *Un grand maître des assassins au temps de Saladin, journal asiatique 1877 septième série, tome IX, p 234 489*

носцы но было ли это достаточным основанием для того, чтобы боязливо отступить от высшей цели, ради которой совершилось могущественное восстание всего Запада. По самому горячему требованию всего христианства нужно было все-таки напасть на Иерусалим. и разве при борьбе за этот город не могла быть потрясена военная сила Саладина настолько, чтобы сирийским франкам было легко после этого снова широко распространить свое господство в Палестине, даже если бы большинство пилигримов уже не помогало им? Таким образом, нерасположение пизанцев и их сотоварищей к осаде Иерусалима основывалось главным образом на желании, чтобы ради их личных интересов прежде всего были сделаны приобретения на берегу: но их слов было вполне достаточно, чтобы склонить к их намерениям изменчивого Ричарда. Он тотчас остановил поход к Иерусалиму и приказал, согласно с прежним планом, теперь же двинуться к Аскалону.

В бурю и дождь с проклятиями и слезами войско пилигримов двинулось назад к берегу. Аскалон предстал перед их глазами в виде пустынной кучи камней, только с трудом можно было пробраться внутрь города по грудам развалин. Но, несмотря на то, крестоносцы ревностно приступили к восстановлению города, король, щедрый как всегда, поощрял рабочих денежными подарками и, чтобы показать всем хороший пример, сам таскал камни: из страшного мусора с необычайной быстротой воздвигались валы, башни и дома. Но вскоре новая беда прервала это полезное дело. Пизанцы и генуэзцы вступили в Акконе в кровавую распрю. Первые держались англичан и короля Гвидо, другие пристали к французам и маркграфу Конраду: все сирийские христиане были вовлечены в раздор партий. Конрад с войском и флотом явился под Акконом, чтобы вместе со своими сообщниками завладеть городом, потом, правда, отступил от крепости, когда Ричард пришел на выручку, но разговор, который он имел потом с королем, скорее обострил раздор вместо того, чтобы его утешить. В этот момент, тотчас после пасхи 1192 года, пришло, однако, новое известие из Англии, по которому враги Ричарда еще серьезнее угрожали его престолу, тогда король объявил начальникам войска, что он не может дольше оставаться в Сирии и должен без дальнейшего промедления вернуться на родину. Если это

так, ответили прелаты и бароны, — то пусть он позаботится хоть только о том чтобы окончательно устранить все еще разрастающийся спор за Иерусалимский престол. Ричард спросил их тогда, кого он должен ввести во владение королевством — Гвидо или Конрада? Он, конечно, думал, что его вельможи нелегко согласятся выбрать маркграфа, но весьма ошибся в этом, потому что все указали на Конрада, как на единственного человека, достаточно храброго, умного и способного восстановить достоинство Иерусалимского престола, если это вообще еще возможно. Между тем Ричард, несмотря на все свое разочарование, согласился с единодушным желанием вельмож, потому что его мысли влекли его на родину и он велел сообщить Конраду, что признает его королем. В Тире, вследствие этого, поднялось бурное ликование, которое было тем законнее, что маркграф, который незадолго перед тем снова начал переговоры с Саладином, именно тогда получил благоприятные известия об их успехе. Правда, султан требовал, чтобы Конрад соединился с ним для нападения на крестоносцев — о чем теперь, конечно, нечего было и думать, но в то же время он сделал маркграфу больше уступок, чем когда-нибудь прежде, заявив готовность оставить ему все, что в это время было в руках христиан, за исключением Аскалона и, кроме того, отдать те части Палестины и Святого города, которые он уже раньше предлагал Ричарду.

Но едва это посольство прибыло ко двору нового короля, как он был убит 28 апреля 1192 г в Тире двумя ассианами. Это убийство, которое произвело повсюду чрезвычайное впечатление, приписывалось то Саладину, то Ричарду, без сомнения, несправедливо, потому что Конрад вызвал против себя месть фанатической секты, ограбив один ассианский корабль¹. Его смерть была

¹Мнения о зачинщиках убийства Конрада до новейшего времени колебались. Высказанный выше в тексте взгляд подробно обоснован в вышедшей недавно книге: «Markgraf Konrad von Montferrot» Теодора Ильгена, Марбург, 1880 Главой ассасинов, который по этой книге совершил убийство нового иерусалимского короля, был вышеупомянутый «Старик горы» Ранинидеддин Синан, который с 1169 года до сентября 1192 г стоял во главе сирийский ассасинов, он превосходно организовал страшные толпы своих подданных строгой дисциплиной и вполне подчинил их своей воле. Незадолго перед тем говорил о нем в поучительном сочинении Гюар (Guyard) *Un grand maître des assassins au temps de Saladin, journal asiatique* 1877 septième série, tome IX, p 234 489

чрезвычайно тяжелым ударом для христианского дела. Благодаря своему безрассудному честолюбию, он отяготил свою совесть разными злыми делами, но в то же время убедил весь мир, что никто подобно ему не мог бы удержать успехи ислама, и если бы ему было суждено пожить дольше, то сирийские франки, конечно, увидели бы лучшие дни

Теперь дела сложились иначе, как внутреннему так и внешнему миру Иерусалима снова грозила опасность. Счастье было на этот раз хоть в том, что король Гвидо почти уже не вмешивался в дела. Так как один из французских вельмож, граф Генрих Шампанский, очень скоро приобрел благосклонность жителей Тира, а вскоре и всех крестоносцев, включая даже короля Ричарда, который был его дядя¹. Дикое время нисколько не затруднилось тем, что через несколько дней по смерти Конрада граф женился на его вдове, притом беременной, и, конечно, наследовал умершему как в браке, так и на Иерусалимском престоле. Вскоре после того старый покровитель короля Гвидо вознаградил его за потерянный на суше престол назначением в правители острова Кипра.

Но война с Саладином все-таки продолжалась. Ричард забыл, что только что объявил свое возвращение на родину безотлагательным, пошел к Даруму, сильной крепости к югу от Аскалона, взял ее приступом в мае 1192 года и снаряжался к новой борьбе, когда из Англии внезапно пришли новые печальные известия. Непостоянный государь, хотя и заявил тотчас, что теперь уже ничто не может задержать его в Сирии, однако возбудил этим сильнейшее недовольство всего войска всеобщий голос был тот, что он может идти или оставаться, что и без него отважатся на борьбу за Иерусалим. Гордый король сильно испугался, услышав эти слова, и проводил целые дни в мучительном сомнении, должен ли он постыдно бросить пилигримов или окончательно повредить

¹ Элеонора Пуату, замужем за

1 Людовиком VII французским

2 Генрихом II английским

Мария, замужем за Генрихом I Шампанским. Ричард Львиное сердце панским

Генрих II Шампанский, король иерусалимский

дальнейшим промедлением своему престолу дома. Наконец, он принял решение остаться в Сирии, по крайней мере еще одно лето и зиму, какие бы известия ни пришли к нему из Европы. Естественно, что тотчас после этого был решен поход в Иерусалим и к нему с большой радостью приступили как знатные, так и простые люди. Видя на успех предприятия были на этот раз немаловажны. Время года, июнь 1192, было благоприятно, военная сила врагов сравнительно незначительна, потому что Саладин не собрал еще тех значительных войск, которые он отпустил в прошлую зиму, и даже меньше чем когда-нибудь мог рассчитывать на храбрую выдержку своих войск. Только некоторые из его офицеров решили во что бы то ни стало удержать Иерусалим, тогда как другие думали, что нужно только постараться отбить христиан в открытом поле; если это удастся, то Святой город будет вне опасности, а если не удастся, то, конечно, он будет потерян, но ислам может существовать и без него. Султан с великой горестью понял из этих слов, какой в его войске распространен страх выдержать во второй раз осаду, как в Акконе. В безмолвные часы по его щекам текли слезы: главное дело в его жизни казалось бесповоротно потерянным.

Между тем, в действительности ему нечего было особенно бояться короля Ричарда. Поход христианского войска шел опять весьма медленно только до Бейтнуба. Там была сделана остановка на несколько недель. Во время этой остановки Ричард забавлялся отважными стычками с неприятельскими партизанскими отрядами и нападениями на богатые караваны, которые тянулись из Египта, но при этом, как всегда, потерял совершенно из виду главную цель своего предприятия. Мало-помалу он начал даже жаловаться, что Иерусалим неодолим по крепости его стен, по превосходству сил Саладина и вследствие той нужды, которую пилигримы непременно должны претерпеть при этой осаде. Разумнее казался, пожалуй, поход на Дамаск или Египет. Часть рыцарства соглашалась с его словами, но остальные, особенно французы, с гневом и издевательством восстали против такого непостоянства. В короткое время весь лагерь преисполнился ядовитым раздором. движение к Иерусалиму стало невозможным, но не было речи и о каком-нибудь другом предприятии, а 4 июля Саладин был обрадован радостным известием, что христиане собираются просто вернуться к берегу

Через несколько дней после этого Ричард снова попробовал окончить крестовый поход посредством мирных переговоров. Но султан находился теперь в слишком благоприятном положении, чтобы просто исполнить желание противника. Он показал себя чрезвычайно сдержанным, отказываясь от всякой уступки мусульманской области и требовал прежде всего срытия Аскалона. Вдруг он, державшийся до сих пор большею частью в оборонительном положении, перешел даже к нападению. В конце июля он явился с большими силами под Иоппе, напал на только что восстановленную крепость, захватил вход в город и был уже близок к тому, чтобы взять последнюю его защиту — цитадель. Положение христиан, напротив, было очень сомнительно. Значительная часть войска пилигримов в глубоком унынии из-за жалкого предводительства Ричарда разошлась. Между англичанами и французами господствовало страстное ожесточение: даже в этот момент предводитель последних, герцог Гуго Бургундский, отказался от всяких дальнейших сношений с английским королем и вошел в Тир, где вскоре умер. Но гут еще раз помогла дикая отвага «Львиного сердца». Он был в Акконе, когда к нему дошло несчастное известие из Иоппе. С быстротой молнии он собрал оставшиеся еще под руками военные силы, поплыл в Иоппе и в гавани, опережая своих людей, прыгнул с корабля прямо в воду, чтобы без замедления достигнуть берега (1 августа 1192). Этим была спасена цитадель; но и город был вновь отбит у неприятеля, когда Ричард пронесся по улицам с громким воинственным криком. 5 августа Саладин попробовал еще раз с превосходными силами захватить и смять небольшой отряд короля. Как в поле под Иоппе, так и в самом городе произошел бой, долго колебавшийся то в ту, то в другую сторону. Ричард показал себя таким богатырским, сильным, смелым и стойким, и на этот раз таким разумным полководцем, что он не только удержал свои позиции, но и нанес врагам большие потери и наполнил их сердца еще большим ужасом к страшным ударам его меча.

Эти сражения привели, наконец, к миру. Саладин заболел вследствие чрезмерных напряжений, которые он должен был выносить целые годы, и тем не менее он мог надеяться вдохновить свои недовольные войска к уничтожающей борьбе с последней героической силой христиан. Ричард с беспокойной поспешностью стремился домой,

и поэтому одну за другую делал уступки в начавшихся вновь переговорах и, наконец, заявил согласие на весьма позорное их окончание. По договору город Иерусалим оставался вполне во власти мусульман; Святой крест не был выдан; пленные христиане были предоставлены своей горькой участи в руках Саладина, Аскалон должен был быть срыт рабочими обеих сторон.

За христианами остался следовательно только берег от Ноппе до Тира вместе с остатками их северно-сирийских владений; кроме того, им было позволено, в качестве мирных пилигримов, свободно и безопасно посещать Иерусалим и молиться на Святых местах; но и это небольшое было им даровано не под защитой продолжительного мира, но только на время трехлетнего перемирия. Таково содержание жалкого договора, который был заключен 1 сентября 1192 года между королем Ричардом и Саладином.

Сердца христиан наполнились горем и яростью, когда они узнали об этом результате всех их жертв и трудов, а вслед за тем и об разорении на веки «Сирийской невесты». Горе и ярость наполняли сердца пилигримов особенно некоторых скандинавских отрядов, которые теперь только что прибыли со своей дальней родины на сирийский берег, когда они, безоружные, приходя в Иерусалим, увидели там гордое господство врагов, и видели своих пленных единоверцев, тяжело работавших в цепях. Но и Саладин не вполне радовался на свое славное сопротивление. Дело его жизни удалось только наполовину. Крестовое знамя еще развевалось на многочисленных крепостях и городах Сирии и дух Готфрида Бульонского еще жил во всех народах Запада. Хотя и говорилось об ослаблении крестоносного духа между христианами, но в век третьего крестового похода это еще мало было заметно. Правда, политические отношения различным образом мешали и видоизменяли странствия к Святым местам, но это и не могло быть иначе в более и более развивавшихся отношениях всех государств между собой. Кроме того, пилигримы слишком часто посрамляли свое святое предприятие необузданными злодеяниями; и наряду с этим они так ревностно восторгались врагом, которого преследовали по религиозной ненависти, что, исполненные рыцарского почтения к нему, они искали его дружбы. Но главной чертой настроения, соединявшего огромные

войска пилигримов и помогавшего им терпеливо выдерживать несказанные нужды и опасности, все-таки было старое стремление к освобождению Святого гроба и к распространению господства христианства над миром Востока. Существенными причинами печального исхода громадной борьбы было сопротивление гениального государя на магометанской стороне и недостаток способных предводителей на стороне христиан. И при этом никто иной не был так виноват, как король Ричард, который, почти можно сказать, способствовал сколько мог тому, чтобы Иерусалим не был снова завоеван.

Но король-рыцарь был тяжело наказан за глупости, которые совершил. После договора с Саладином он задержался еще на несколько недель в Акконе. В конце сентября он отослал вперед на родину свою жену Беренгарию и сестру Иоанну. 9 октября он сам оставил Сирию и несколько времени плавал почти как искатель приключений взад и вперед по Средиземному морю, недоумевая о том, каким путем ему, поехать в Англию. Кроме морского пути вокруг Европы, которого он, очевидно, хотел избежать, почти все другие дороги были ему закрыты. Когда он выступал в крестовый поход, он оставил в Англии своим наместником государственного канцлера, епископа Вильгельма Эли, человека низкого происхождения, но тем более надменного, который за это время нажил себе много врагов. Во главе их выступил собственный брат короля, граф Иоанн, впоследствии король Иоанн Безземельный. Канцлер был низвержен и с тех пор Иоанн стремился, удалив Ричарда, сам завладеть правлением. Но между тем король Филипп также вернулся во Францию и вместо того, чтобы сдержать свою клятву дружбы к правлению Ричарда, наполнил пол-Европы жалобами на его коварство: вскоре он вступил в союз с графом Иоанном, чтобы соединенными силами воспротивиться возвращению Ричарда на английский престол. Кроме того, государи и народы Германии были большею частью враждебно возбуждены против Ричарда, потому что он был много виноват в тех оскорблениях, каким подвергались в Сирии немецкие пилигримы герцог Леопольд, который оставил Святую Землю вскоре после упомянутого оскорбления, нанесенного ему английским королем в Акконе, в особенности искал благоприятного случая отомстить за этот позор. Даже

немецкий император Генрих VI, сын и наследник Фридриха I, принадлежал к противникам Ричарда, потому что последний находился в близких отношениях с вельфами и норманнами, главными врагами рода Штауфенов: английский король был в свойстве с Генрихом Львом и с весны 1191 года — в дружбе с Танкредом сицилийским.

Поэтому почти все пространство континента от Венгрии до Атлантического океана было для Ричарда неприятельской областью. Несмотря на то, он, наконец, решился плыть вверх по Адриатическому морю, с целью отправиться через южную Германию в Саксонию, а оттуда под защитой вельфов. Около берега между Аквилеей и Венецией его корабль сел на мель. Он ушел с моря с немногими провожатыми и, переодетый, проехал Фриуль и Каринтию. Но его присутствие стало, однако, известно: его сотоварищи были захвачены, и только с одним слугой он добрался до деревни Эрдберга под Веной. Когда он отдыхал здесь несколько дней, то изящный вид его слуги и иностранные деньги, на которые последний попробовал делать покупки, возбудили внимание в Вене. Слугу арестовали и пытками заставили объявить местопребывание, имя и звание своего господина. Затем, 21 декабря 1192 г., Ричард был схвачен и отослан герцогом Леопольдом в замок Дюрэнштейн на Дунае, где он содержался в почетном, но строгом заключении.

Для императора Генриха известие о случившемся было «дороже золота и драгоценных камней». Счастливое возвращение Ричарда в Англию самым худшим образом увеличило бы те опасности, которыми грозили ему вельфы и норманны. Напротив того, плен короля наполовину уже обезоруживал этих врагов. С этих точек зрения и надо поэтому судить поведение Генриха, а не по романтической саге, которая превозносит короля-рыцаря и его верного певца Блонделя и несправедливо поносит «тирана» Генриха.

Император потребовал у Леопольда выдачи Ричарда, потому что «король не должен быть под арестом у герцога». Леопольд выдал пленника, после того, как, кроме других выгод, ему была обеспечена уплата 50 000 марок серебра, и Генрих захотел не более ни менее как того, чтобы Ричард уплатил за свое освобождение большую сумму денег, дал военную помощь против врагов

дома Штауфенов и сделался вассалом императорского величества. Он требовал тут слишком много и больше, чем его власть могла бы в действительности достигнуть. Правда, король Филипп и граф Иоанн хотели от него еще большего, потому что они желали, чтобы «черт» вообще не был снова освобожден, но зато весь английский народ поднялся, крепко верный королю, когда услышал о неожиданной его беде, и папа Целестин III, несмотря на свою нелюбовь к надменному Ричарду, все-таки вынужден был заступиться за него, потому что за всякий вред, нанесенный крестоносцу, уже издавна угрожало церковным наказанием. Точно так же Генрих Лев и его друзья среди немецких вельмож были сначала глубоко поражены и унижены пленом короля — в этом и была важная выгода, которую император получил этим пленом — но мало-помалу они снова приняли более угрожающее положение и Генрих VI должен был поэтому удовлетворяться, наконец, ленной присягой Ричарда и обещанием необыкновенно большой для того времени суммы в 150 000 марок серебра. После этого король был освобожден 1 февраля 1194 года.

В Англии, благодаря славе, которую приобрели его чудесные геройские подвиги, Ричард был принят с радостным восторгом. Но каким он себя показал, будучи крестоносцем, так он действовал и будучи королем. Он мечтал и добивался только того, чтобы ломать копья и брать замки. Он покорил своего неверного брата, графа Иоанна, и почти беспрестанно сражался с рыцарством короля Филиппа; но его государству было от этого мало пользы. Его конец был достоин подобной жизни: в значительной расправе с виконтом Лиможским он был ранен под его замком Шалюзом и умер 6 апреля 1199 года на сорок втором году жизни.

ГЛАВА VIII

Четвертый крестовый поход¹

Император Генрих VI

После заключения перемирия с королем Ричардом султан Саладин обратился к мирным делам. Он объехал местности Сирии, в которой свирепствовала война, и заботился при этом о восстановлении укреплений,

¹ Вилькен, *Geschichte der Kreuzzuge*, т. V, и пр. Роде, *König Jea II von Kleinarmenien* Геттинген 1860 Тухе, *Kaiser Heinrich VI* Лейпциг 1867. Винкельмани, *Philipp von Schwaben, und Otto IV* два тома, Лейпциг 1873 и 1878. Штрейт, *Beitrag zur Geschichte des vierten Kreuzzuges*, Анклам 1877 Риан, две статьи в *Revue des questions historiques: Innocent III, Philippe de sonade et Boniface de Montferrat*, 1875, n: *Le changement de direction de la quatrième croisade* 1878. Важнейший источник для истории четвертого крестового похода — *Geoffroy de Villehardouin, Histoire de l'empire de Constantinople sous les empereurs français ou Mémoires de Villehardouin* Лучшее издание сочинения принадлежат П Пари, *Société de l'histoire de France*, Париж 1838, и Н де Вальи (Wailly), Париж 1874, Didot frères

об усмирении ссор и учреждений общепользных заведений. Уже он намеревался после долгого отсутствия снова посетить Египет и даже удовлетворить свою религиозную потребность путешествием в Мекку, как на нем отразились все возбуждения и напряжения, которые он непрерывно выносил целые годы. В начале 1193 года в Дамаске он заболел так, что искусство врачей уже не могло ему помочь, и умер там 3 марта того же года. Его смерть освободила христиан от величайшего противника из всего времени крестовых походов. Он был воинствен, как Имадеддин Ценки, ревности к борьбе против франков, как Нуреддин, но обоим он превосходил широтой и смелостью своего ума и стремлений, и высоко-гениальным пониманием своей жизненной задачи. Не все, чего он некогда делал, ему удалось. В счастливом начале своего правления он некогда надеялся не только совсем изгнать христиан с Востока, но отомстить им нападением в их собственном отечестве. А завоевал и удержал он только Иерусалим. Между тем этот успех был значительнейшим из всех, какие он где бы то ни было мог иметь, и потому христиане смотрели на него со страхом и ужасом, а единоверцы с удивлением. Любезные черты его характера, его доброта и справедливость, его кротость и щедрость содействовали тому, что его образ был передан потомству в неувядающих и светлых красках.

Когда Саладин закрыл глаза, то казалось еще сомнительным, послужит ли его, хотя и неполная, победа над франками к прочной выгоде для мусульман. Султан оставил не менее как семнадцать сыновей, и они по определению отца разделили оставленное им государство. Алафдаль получил Дамаск и южную Сирию с титулом султана, Алазиз — Египет, а Аззагир — Галейб, между тем как остальные сыновья Саладина и наряду с ними другие принцы владетельного дома, особенно умный и ловкий брат покойного султана, Альмелик Аладил, должны были удовольствоваться отдельными крепостями. Уже этот раздел грозил в корне могуществу дома Эйюбов. К тому же новый султан Алафдаль был человек нерассудительный и ветреный, и его дурное управление чрезвычайно способствовало вражде между многими удельными князьями, которая с самого начала уже чувствовалась в воздухе. В 1194 году дело дошло до войны между братьями, которая, часто прерываясь, в скором времени

снова вспыхивала. Сначала Алафдаль Дамасский потерял свое господство. Затем умер Алазиз Египетский, оставив малолетнего сына. Но в конце концов никто из детей Саладина не приобрел себе выгоды из гнусной распри, а только брат его, Альмелик Аладил, который поднимался мало-помалу, стал повелителем Египта, Сирии и Месопотамии, и наконец его могущество распространилось на горную страну на севере Месопотамии и на Аравию. Он сделался султаном и получил от халифа почетный титул «короля королей, друга князя верных». В этом положении он, конечно, был для христиан страшным противником, но прошло много лет, пока он достиг такого могущества, а между тем крестоносцы имели добрые надежды одержать в борьбе за Иерусалим снова полную победу.

В первое время после отъезда короля Ричарда из Палестины силы христиан на Востоке, конечно, были еще незначительны. На берегу от Иоппе до Тира господствовал граф Генрих Шампанский, выбранный королем Иерусалимским. Правда, его города скоро снова наполнились итальянскими купцами, которые воспользовались временем перемирия, чтобы завести оживленные торговые сношения с мусульманами. Военная сила государства состояла из остатков иерусалимского рыцарства и из нескольких отрядов пилигримов, которые еще оставались в Святой Земле по окончании большого крестового похода. Но их было недостаточно даже для того, чтобы приготовить новые нападения на Эйюбитов. Подобное происходило и в северной Сирии, где надо было радоваться, что удалось спасти от натиска врагов хотя главные города и основные области княжеств Антиохии и Триполиса. В обеих этих областях господствовала собственно одна доля — так как в Антиохии все еще правил Боэмунд III. Но для Триполиса последний граф из Тулузского рода, Раймунд III, незадолго до своей смерти в июле 1187 года, назначил наследником крестника, принца Раймунда Антиохийского, старшего сына Боэмунда III. Правда, этот Раймунд, по желанию отца, вскоре отказался от своих прав на Триполис, но только затем, чтобы они перешли к его младшему брату Боэмунду, а он сам должен был наследовать в Антиохии. Позднее, в правление младшего Боэмунда, Антиохия и Триполис соединились под одной властью, и при его потомках остались соединенными до конца

господства там христиан. Между тем, если Бозмунд III и его потомки должны были считать себя счастливыми, что Саладин не совсем отнял у них власть, то им угрожал тогда еще другой, не менее опасный враг. А именно, в армянской Киликии в восьмидесятых годах возвысился один князь, который среди смут того времени вел своих соплеменников от победы к победе; это был Лев II, столь же привычный к насильственным действиям, сколько хитрый и честолюбивый человек. Смотря по обстоятельствам, он сражался то с греками, то с антиохийцами, то с сельджуками Килидж-Арслана или с войсками Саладина. Его господство распространилось мало-помалу не только на всю Киликию, но охватило к западу также Исаурийский берег до Памфилийского залива, а к востоку местности и укрепления в Эвфратезе, где некогда нашли последнее убежище Эдесские Иосцелины. Но, недовольный этим, он стремился все к большим приобретениям и старался привести армян в близкие отношения с франками, потому что только с их поддержкой он надеялся иметь достаточно силы для достижения своей цели. Армянское духовенство было с большой жестокостью подчинено его княжеской воле для того, чтобы оно не могло помешать ему признать главенство римского папы над церковью его страны. Но наряду с этим все-таки миролюбиво допускались все христианские исповедания и ревностно поддерживались школа и церковь. В Армению были перенесены политическое устройство, право и обычаи крестоносного государства. Князь давал лены сильным вассалам, строил многочисленные замки и наделял своих сановников титулами коннетаблей, канцлеров, маршалов и сенешалов. Он привлек на свою службу франкских баронов, тамплиеров и рыцарей Иоаннитского ордена, а итальянским купцам давал земли в своих городах и обширные торговые привилегии во всем государстве. Наряду с этим от времени до времени снова происходили раздоры с антиохийцами. Правда, Лев сам женился на дочери Бозмунда III, но по своему положению друг к другу оба князя были враждебными соседями. Армянин подстерег своего тестя, напал на него и посадил его в суровое заточение (1194). Хотя Бозмунд получил вскоре снова свободу, благодаря посредничеству графа Генриха Шампанского, но должен был дать при этом своему зятю ленную присягу и женить своего старшего сына Раймунда на племяннице Льва.

После этого молодая чета осталась в Армении. Через несколько месяцев Раймунд умер, но оставил свою жену беременной, и она родила мальчика, Рубена. Лев велел заботливо воспитывать этого вероятного наследника Антиохии, без сомнения в надежде приобрести когда-нибудь через него решительное влияние в большом городе на Оронте.

Поведение Льва II напоминает этим поступки великого Боэмунда в 1097—1104 годах. Как норманнский князь стремился тогда обеспечить и завершить завоевание франками северной Сирии дружеским союзом с армянами, так и теперь правитель этого азиатского народа хотел слить между собой силы своих земляков и франков, чтобы иметь возможность с достаточными средствами остановить вновь начатый победоносный поход Ислама. Но со времени Боэмунда I восточные христиане слишком много вытерпели и потеряли, чтобы быть в состоянии основать действительно сильное и прочное государство своими собственными силами, хотя бы во главе их стоял такой даровитый человек, как Лев. Здесь все зависело от того, имел ли Запад еще охоту и возможность посылать и впредь сильные подкрепления для войны с эйюбитами и сельджуками.

Римско-христианская Европа была сильно истощена огромными жертвами, которые были принесены большинством ее народов для третьего крестового похода, но стремление решиться снова на жаркий бой за Иерусалим далеко не ослабело. Воззвания старого папы Целестина III к всеобщему вооружению, какие он несколько раз повторял, конечно, скоро были бы услышаны, если бы не помешали этому политические отношения. Главная вина падает здесь на Ричарда Львиное Сердце; при своем выезде из Аккона и при освобождении от ареста в Германии он обещал вторично отправиться с войском в Сирию, но, начавши войну с Филиппом Августом французским, он уже не думал об исполнении своего слова и конечно помешал также французам и англичанам заняться большими предприятиями на пользу Иерусалима; на место Ричарда вступил вскоре другой сильный и великодушный монарх, а именно немецкий император Генрих VI. Уже в 1194 году он достиг достаточного могущества, чтобы вооружить сильное войско пилигримов, когда мирно разобрался с германскими князьями, которые

прежде относились к нему враждебно, а тотчас после того подчинил своему скипетру и южную Италию. Здесь в начале года умерли сначала старший сын короля Танкреда, Рожер, а вскоре потом и сам король, единственный сын Танкреда, оставшийся в живых, был еще малолетним мальчиком, а потому Генриху VI легко было заявить свои наследственные права на Сицилийское королевство, которые он получил за своей женой. Но только что он принял в великолепном кафедральном соборе в Палермо многожеланную корону норманнов, как смелый полет его властительской мысли охватил весь Запад и Восток, Европу, Африку и Азию. В Италии, кроме государства Роберта Гюискарда, ему была подчинена большая часть остальных областей полуострова, потому что у него повсюду были друзья и ревностные сторонники. Со времени пленения короля Ричарда Англия подчинилась его ленному господству; Франция и Испания также должны были признать императорское главенство; а мусульманские князья противоположного Сицилии берега Африки посылали ему, как дань, целые груды золота и драгоценностей. На дальнем Востоке он прежде всего намеревался завоеванием Иерусалима окончить великое дело, которое не удалось его великому отцу, императору Фридриху. Но раньше чем вооружаться к крестовому походу, ему хотелось сильно унижить константинопольского императора. Недаром Генрих был наследником как императора Фридриха, так и норманнских королей, а тот и другие много потерпели от политики греков! На Босфоре все еще правил жалкий Исаак Ангел, при котором Византийская империя с каждым годом падала все ниже и ниже, вследствие мотовства при дворе, вследствие пренебрежения войском и вследствие несчастных войн с соседними народами, особенно болгарами. Поэтому Генрих очень мог надеяться на успех, когда потребовал у греческого императора уступки всего западных провинций от Диррахия до Фессалоники и значительной помощи для крестового похода. Но Исаак не мог ни исполнить этого, ни отказать в этом. Именно в эту минуту всеобщее недовольство его правлением вызвало восстание против него. Его схватили, ослепили и заключили с его малолетним сыном Алексеем во дворец Двух колонн в Константинополе (8 апреля 1195) Предводитель бунтовщиков, собственный брат Исаака, вступил на императорский

престол под именем Алексея III. Этот переворот был не безвыгоден для Генриха VI. В Палермо в его руки попала прекрасная Ирина, дочь Исаака и вдова норманнского принца Рожера, и уже он назначил ее в жены своему брату Филиппу. При известии о перемене правления в Константинополе он мог теперь явиться защитником возможных прав на константинопольский престол юной принцессы против узурпатора Алексея и этим угрожать ему самым опасным образом. Алексей сильно испугался этого и по крайней мере настолько подчинился возобновленным требованиям Генриха, что старался собрать кучи денег для богатой уплаты так называемого «немецкого оброка», вроде «добровольного принудительного займа». Когда сбор был недостаточен, то были даже сняты с императорских гробниц их дорогие украшения, и возможность получения всех этих сокровищ побудила немцев сохранять мир.

Поразительное возвышение могущества Штауфенов со времени победы над норманнами, которое удивило весь мир, повлияло также на мелкие христианские владения на Востоке. Там уже в 1190 году Бозмунд III антиохийский дал ленную присягу герцогу Фридриху Швабскому, как заместителю императора, и то же самое собирались теперь сделать князья Армении и Кипра. В 1194 году Лев II отправил посольство в Рим и к немецкому императору, чтобы высшие авторитеты римского христианства украсили его королевство титулом. Папа Целистин III дружелюбно принял послов в надежде, что с этого времени он может подчинить своему главенству армянскую церковь, и дал им с собой освященную золотую корону для Льва. Генрих дал свое согласие на возвышение сана армянского правителя и обещал сам короновать князя, как только придет на Восток с предполагаемым крестовым походом. На Кипре господствовал в то время Гвидо, прежний король Иерусалимский. Тем временем он старался заманчивыми щедрыми предложениями побудить франкских рыцарей и граждан к поселению на острове, и имел в этом быстрый успех, так как в то время на сирийском берегу жило достаточно неимущих людей. Но хотя он теперь он снова занял довольно видное положение, он назывался уже не королем, а только владетелем Кипра. В апреле 1195 года ему наследовал в правлении его младший брат, Амальрих Лузиньянский, а этот последний тотчас же послал двух

знатных послов к Целестину и к Генриху как для того, чтобы устроить на острове римско католическое епископство (в Никозии) с тремя суффраганами епископами, так и для того, чтобы сделаться вассалом империи и затем королем. Папа устроил церковные дела Кипра по желанию Амальриха, и Генрих VI милостиво принял ленную присягу своего нового вассала, послал ему, как знак пожалования лена, золотой скипетр и также обещал со временем лично венчать его королем.

Между тем уже начались приготовления к новому крестовому походу, «немецкому крестовому походу» 31 мая 1195 г молодой император принял в Бари крест, после того как он уже перед тем установил крестовые проповеди и объявил, что он в продолжение целого года будет содержать в Святой земле 1 500 рыцарей и столько же слуг, каждый рыцарь при отплытии должен был получить плату в 30 унций золота и необходимое продовольствие. В июне Генрих отправился в Германию и старался там собственным вмешательством возбудить рвение к священной войне, но достиг цели своих желаний не так скоро, как, вероятно, ожидал. То ему мешали болезни, которым он был часто подвержен при слабом здоровье, то успеху предприятия вредил раздор, который вспыхнул между ним и папой. Дело в том, что Целестин III сначала с горячей радостью приветствовал решение короля и поручил многим кардиналам объехать немецкие земли с крестовой проповедью, но с течением времени он пришел к заключению, без сомнения, что если странствие ко Святым местам будет успешно, то оно чрезвычайно оживит могущество Штауфенов и этим нанесет вред римской церкви, которую Штауфены и без того очень тяжело стеснили. Между тем, несмотря на возникшие отсюда противодействия, твердая воля Генриха все-таки мало-помалу достигла великого успеха. С осени 1195 года до весны 1196 г было устроено несколько имперских сеймов, причем и в высших и в низших кругах оказалось столько же пылкое одушевлением к освобождению Иерусалима, как во времена Готфрида Бульонского и императора Фридриха. Самым решительным был Вормский сейм в декабре 1195 г., когда Генрих сам каждый день присутствовал в соборе, чтобы возбуждать присутствующих к принятию крестового обета, и когда вокруг него с бурным восторгом теснилось дворянство

и народ, как некогда около его отца на Майнцском «придворном сейме Христа» Первые отряды пилигримов отправились зимой с 1196 на 1197 год на юг в Апулию где уже для них были готовы продовольствие и корабли уже в марте 30 кораблей отплыли оттуда в Сирию. Вскоре после того на берегах Апулии собрались новые толпы, в целом до 60 000 человек; а флот в 44 корабля, занятый многими тысячами нижненемецких пилигримов, обогнув западную Европу, уже дрался с мусульманами на португальском берегу и теперь вступил в Мессинскую гавань. В начале сентября вся армада под управлением императорского канцлера Конрада вышла в море: но сам Генрих VI остался в норманнском государстве, удержанный домашними делами Главная часть флота отплыла прямо в Сирию и прибыла в Аккон 22 сентября Канцлер направился сперва вместе с некоторыми немецкими князьями в Кипр, там по поручению Генриха он с большой пышностью короновал Амальриха Лузиньянского, а затем также поспешил в Аккон.

Но начало сражений в Святой земле не было счастливым. Первые немцы, которые прибыли туда еще весной 1197 г с жаждой сражаться, были встречены сирийскими франками вовсе недружелюбно. Граф Генрих Шампанский и его подданные, большею частью французы, не предвещали им успеха, но они были тем упрямее и безрассудно начали войну даже раньше, чем главная масса их сотоварищей покинула итальянский берег Этим удобным случаем воспользовался самый важный противник христиан, умный Альмелик Аладил, и одержал над ними легкую победу Он появился в конце августа с большой силой под Иоппе, взял крепость приступом, перебил гарнизон, между прочим несколько немецких отрядов пилигримов, и совершенно разрушил город. И едва христиане успели оправиться от этого тяжелого удара, как граф Генрих внезапно лишился жизни падением из окна (10 сентября 1197) Его смерть была для крестоносцев немалым несчастьем Хотя он и не обладал значительными силами и не сделал особенных успехов, почему и называл себя только графом, а не королем, но все-таки его кончина произвела замешательство и раздор в христианском лагере Некоторое время спорили о том, кого сделать его наследником, и когда государем Иерусалимского царства был выбран король Амальрих

Кипрский, за которого стояли немцы, то все французы, которые были в Сирии еще с третьего крестового похода, тотчас же отплыли домой. Амальрих принял предложенный ему сан и кроме того женился на вдове Генриха, Елизавете, которая при этом вступила в четвертый брак и в третий раз с титулованным королем Иерусалимским.

После этого немцы приступили наконец к более обширным предприятиям, но понятно, что после всего предшествовавшего они не сразу осмелились двинуться прямо к Иерусалиму, но решили осадить Бейрут, главное место, отрезывавшее Аккон и Тир от связи с Триполисом и Антиохией. В то время как они двигались через скрытый уже Саладином Сидон на север, Аладил разрушил также и укрепления Бейрута и даже цитадель, боясь, что ему не удержать его, а затем — в ночь на 24 октября — напал внезапно на пилигримов, расположившихся лагерем на морском берегу, близ Сидона. После горячего боя христиане одержали, однако, полную победу, а когда они приблизились 25 октября к Бейруту, то завладели тотчас не только разрушенным городом, но и цитаделью, где пленные франки возмутились при приближении пилигримов. В завоеванном городе устроены были шумные празднества по случаю радости о большом успехе и по случаю торжественного венчания короля Амальриха государем Иерусалимского царства, при чем присутствовал также князь Боэмунд Антиохийский. Потом стали думать о самом энергическом продолжении похода. Боэмунд вернулся в Антиохию, чтобы оттуда начать войну, и по дороге занял гавани Дьебеле и Лаодикею, из страха покинутые мусульманами. Амальрих и немцы намеревались уже начать поход на Иерусалим, как случилась тяжелая беда, вроде смерти императора Фридриха семь лет тому назад; а именно, крестоносцы получили горестное известие, что Генрих VI был унесен болезнью 28 сентября, имея от роду только 32 года. Среди победы, на пути к высшему триумфу большое немецкое крестоносное войско во второй раз плачевно распалось. Князья и рыцари стремились на родину, чтобы быть дома при переворотах, которые должны были произойти после смерти юного императора в Германии и Италии. Они соединились еще раз для небольшого предприятия: они окружили замок Турон, расположенный на высокой скале несколько миль от Тира внутрь страны, и почти овладели

им, подкопав стены. Но в них не было уже настоящего духа. Когда осажденные хотели сдаться под условием свободного отступления из города, то в христианском лагере поднялся раздор, потому что одни соглашались с предлагаемыми условиями, а другие хотели взять крепость приступом, и когда потом среди трудов и опасностей бой продолжался, внезапно в войске явилась паника и оно обратилось почти в бегство к берегу (в феврале 1198) Через несколько недель пилигримы отправились обратно в Италию и Германию, и король Амальрих должен был быть доволен, что Аладил заключил с ним перемирие на несколько лет

Таким образом разбились самые гордые надежды. Христианские владения на Сирийском берегу были приведены в большую связь, но затем не было ничего сделано, потому что несчастье, которое издавна преследовало немцев во время крестовых походов, и на этот раз безжалостно расстроило их планы. Но, несмотря на то, с этим «крестовым немецким походом» связано одно из самых богатых последствиями событий немецкой истории. Мы имеем здесь в виду не то, что еще в начале 1198 года один из немецких князей-пилигримов, архиепископ Конрад Майнцский, отправился в Армению и, как императорский уполномоченный, венчал Льва II, так как ленная власть немецкой империи над Арменией, отсюда возникшая, никогда не получила более серьезного значения. Зато на сирийскую почву было брошено бесконечно плодотворное зерно, когда важнейшие лица войска пилигримов и Иерусалимского государства собрались 5 марта 1198 года в Акконе на общий совет и постановили обратиться в рыцарский орден немецкое Госпитальное братство святой Марии, основанное во время третьего крестового похода, и этот орден должен был быть устроен с теми же правами, как орден Тамплиеров и Иоаннитов. В последние годы своей жизни Генрих VI богато одарил немецкое братство и, вероятно, уже намеревался сделать из него военный орден, для усиления немецкого элемента в Сирии и для поддержки своих планов всемирного владычества. Но то, чего он не мог довершить, то исполнили теперь его приверженцы, и этим на первый раз несколько вознаградили сирийских франков за вред, который причинили им поспешным прекращением немецкого крестового похода

Папа Иннокентий III и Генрих Дандоло, дож венецианский

Внезапная смерть Генриха VI одним ударом изменила облик европейского мира. Могущество Штауфенов никогда не стояло выше, чем в последние годы правления этого юного императора: стремление Генриха достигнуть всемирного владычества угрожало и римской церкви, и христианским государствам, и Западу и Востоку. Правда, честолюбивый государь желал достигнуть невозможного и если бы дольше пожил, то после нескольких поражений сам бы без сомнения смирился; но тем скорее разразилась катастрофа над его подданными, когда он умер так внезапно среди победы. В Германии тотчас же поднялись с большою силой старые противники Штауфенов. При этом малолетний сын Генриха, впоследствии император Фридрих II, не имел на первый раз никакой надежды наследовать своему отцу. Вместо него немецкую корону получил младший брат покойного государя, герцог Филипп Швабский, но принужден был защищать ее против врагов своего дома в долгих и изнурительных войнах. Сицилийское государство досталось юному Фридриху, но и там произошла кровавая реакция, вследствие восстания норманнов против немецких воинов, при помощи которых Генрих там господствовал. А так как кроме этого все еще продолжались дикие раздоры между французами и англичанами, то большая часть Европы была в это время еще сильнее наполнена распрями и войнами, чем когда-нибудь. При таком положении вещей только с большим трудом можно было вызвать новый крестовый поход для освобождения наконец Иерусалима от Эйюбитов.

Между тем могущество, которое Штауфены тогда потеряли, перешло почти тотчас к другому сильному человеку. Как это нередко уже случалось, на плечах обрушивающейся империи поднялась римская курия. Последние меры престарелого Целестина большей частью были задуманы кардиналом Лотаром, графом Сеньи. Хотя последний был самый младший из кардиналов — только 37 лет, — но умный и с большими познаниями, человек науки и политики, любивший господствовать и исполненный горячего желанья возвысить средневековую теокра-

тию, в духе Григория VII, над всеми силами мира После смерти Целестина 8 января 1198 года, Лотар в тот же день был выбран его преемником. Под именем Иннокентия III он вмешивался с тех пор во все дела того времени, как для того, чтобы подчинить своей власти королей, князей и народы Запада, так и для того, чтобы распространить внешние пределы государства римской церкви посредством войны и переговоров.

В этом последнем отношении он непосредственно и вполне пошел по следам Генриха VI. Король Лев Армянский, переставший дорожить союзом со Штауфенами после плачевного исхода немецкого крестового похода, обратился с убедительной просьбой о помощи в Рим и заявил папе, что признает его высшим епископом всего христианства. Иннокентий ответил тотчас же, что он будет ревностно заботиться о поддержании восточных христиан, написал также армянским баронам, чтобы они твердо держались против неверных, и послал королю освященное знамя, которое он должен был взять в эту войну. Он вызывал императора Алексея Константинопольского начать военные вооружения для освобождения Святой Земли и созвать собор для переговоров о соединении греческой и римской церквей. Алексей уклонился от этого требования, но папа через своих послов все-таки приобрел в Константинополе влиятельное положение и кроме того угрожал грекам дружескими отношениями с молодым возвышающимся государством болгар, обещая послать их государю королевскую корону, если болгарская церковь должным образом подчинится римской церкви. Но больше всего с первого момента своего господства папа заботился о том, чтобы воспламенить западные народы к новому великому крестовому походу. Сильнее и настойчивее, чем при ком бы то ни было из его предшественников, раздались теперь призывные трубы к священной войне: он говорил, что каждый король и князь должен был прежде всего подать помощь Христу, высшему ленному владельцу, у которого враги отняли его землю. Окружные грамоты курии были разосланы к клиру, дворянству и народу Германии, Франции, Англии, Шотландии, Италии и Венгрии. Папские легаты повсюду возвещали, что принявшим крест будет покровительствовать святой Петр и будут прощены их грехи, но они требовали также покаяния, простоты в одежде и воздержания в пище.

Духовные лица должны были пожертвовать на вооруженные войска пилигримов сороковую часть имущества и доходов, а миряне должны были класть свои взносы для той же цели в кружки, выставленные во всех церквях. Иннокентий обещал, как бы трудно ему ни было, отдавать десятую часть своих доходов на священную войну и снарядил также большой и богато нагруженный корабль для помощи сирийским христианам.

Его призыв к крестовому походу возбудил среди низшего духовенства вдохновенных проповедников, как некогда речь Урбана II. Самым знаменитым из них был Фулько, священник в Нельи на Эне (Aisne), который, кажется, был охвачен аскетическим настроением после бурно проведенной молодости и сделался проповедником покаяния. Это был довольно необразованный, но необыкновенно красноречивый человек и фанатик, и его слово действовало на народ с воспламеняющей силой. Тысячи за тысячами принимали крест, когда он призывал к священной войне. Вскоре стали носиться слухи, что он может своей молитвой исцелять больных и совершать чудеса, как святой Бернард и Петр Пустынный: добивались получить одежду благодатного человека, чтобы вырезать из нее знаки креста, благословленные как бы самим Богом. Своеобразное соединение хитрости и грубости помогло ему удержать то высокое положение, которое он приобрел среди дико возбужденной толпы. «Бог наделил его даром различать духов, так что он хорошо знал, кого и в какое время он мог и должен был исцелить» Иногда он палкой прочищал себе дорогу, когда народ слишком бурно его теснил, а однажды, когда один человек силой хотел достать себе кусок его одежды, то он крикнул окружающим: «не рвите больше моей одежды, она не благословленна, а я благословлю одежду этого человека» Когда он после того сделал над одеждой крестное знамение, народ напал на этого человека, разорвал его одежду на куски и взял их с собой как драгоценные реликвии. Фулько утверждал наконец, что за несколько лет своей деятельности он раздал крест 200 000 пилигримов, но он не дождался до дальнейших результатов своих стараний, потому что умер до начала четвертого крестового похода.

Кроме Фулько, среди проповедников того времени особенно выдвинулся Марти, аббат Цистерцианского монастыря Периса, близ Кольмара. В городах по

соседству, особенно в Базеле (в сентябре 1201), он призывал верующих к новому завоеванию Святого Гроба, указывая на непреходящие награды на небе, но вместе с тем и на земные выгоды: «нет сомнения в том,— говорил он,— что многие из вас найдут там больше счастья в мирских вещах, чем когда-нибудь имели здесь» Он побудил многие тысячи принять крест

Но несмотря на все это, деятельность папы, легатов и этих проповедников креста упала по крайней мере отчасти на неплодородную почву. Этому не надо удивляться и это не должно объяснять, как признак сильного отрезвления Запада в деле крестовых походов. Огромные жертвы имуществом и кровью, которые в последнее десятилетие были принесены почти всем римским христианством для Святого Гроба, еще очень чувствовались. К этому присоединились дикие междоусобия, которыми были наполнены все главные области Запада, потрясение права и нравов, следовавшее за ними, и нерасположение партии Штауфенов в Германии и Италии к враждебной церкви, а также в значительной мере и к крестовому походу. При этих обстоятельствах князья и рыцари повсюду медлили дать обет, который обязывал бы их к долговому удалению с родины. Духовенство роптало на требуемую от него уступку значительной части своих доходов, и в Германии оказалось недоверие к целям курии: Вальтер фон дер Фогельвейде думал, что если «немецкое серебро попадет в итальянские шкатулки», то немного оттуда пошло бы на пользу Святой Земле, потому что «поповская рука неохотно раздает большое добро». Фулько из Нельи, правда, очень быстро достиг большого успеха, но пилигримы, которым он роздал крест, большею частью были люди из простонародья, которые действовали только в припадке благочестия и так же быстро забывали свою клятву, как давали ее.

Иннокентий III мало-помалу преодолел однако затруднения, стоявшие у него на пути, и через некоторое время увидал гордые военные отряды, поднимавшиеся на борьбу за Спасителя. Главный толчок к этому подало перемирие, которое кардинал Петр Капуанский устроил между королями Филиппом-Августом и Ричардом Львиное Сердце в декабре 1198 года. Хотя и после того, несмотря также на последовавшую вскоре смерть короля Ричарда, отношения между Францией и Англией все еще оставались

ненадежны, и хотя Франция к тому же сильно обеспокоилась браком Филиппа-Августа, который отверг свою законную супругу, Ингеборгу Датскую, и женился вместо нее на Агнесе Меранской, но все-таки большая часть французского дворянства решила предпринять поход на Восток. Поздней осенью 1199 юный граф Тибо Шампанский и Людовик Блуаский и Шартрский съехались в Экрена-Эне для блестящего турнира. Присутствовало много местного дворянства и только что началось празднество, как появился Фулько из Нельи, вдохновенными словами стал призывать к странствию ко Святым местам и достиг здесь наибольшего торжества, какого только когда-нибудь достигал. Графы Людовик и Тибо приняли крест и вместе с ними многие сотни рыцарей и благородных господ, и среди них особенно Симон Монфортский, известный столько же как ревнитель церкви и как сильный военный предводитель. Их пример имел широкое влияние в замках и городах северной Франции. Тысячи опытных воинов дали обет отправиться к Святым местам, а 23 февраля 1200 крест приняли также зять Тибо, граф Бальдуин Фландрский со своими братьями Евстахием и Генрихом. Этим фландрским господ не без основания сравнивали с Готфридом Бульонским и его братьями: граф Бальдуин был похож на герцога своим простым, добрым и благочестивым нравом, а Генрих был смел и отчаянно решителен, как первый король Иерусалима. Графы Шампанский, Блуа и Фландрии, со свитой дворян, епископов и рыцарей, которая к ним мало-помалу присоединилась, составили видное крестоносное войско. В течение 1200 г они имели несколько совещаний, выбрали главным начальником графа Тибо и решили для переправы на Восток отправить посольство в Венецию. А именно, они намеревались направиться в Египет, потому что могущество эйюбитских султанов основывалось преимущественно на этой стране, и они желали, чтобы венецианский флот переправил их в долину Нила, потому что другие сильные приморские города Италии, Пиза и Генуя, истощали тогда свои силы в соседском раздоре. В феврале 1201 года шесть послов от трех графов, между ними Готфрид Вилльгардуэн, маршал из Шампани, знаменитый историк четвертого крестового похода, явились в Венеции перед дожем Генрихом Дандоло и принесли ему свою просьбу. Переговоры заняли некоторое время, так как венецианцы предлагали боль-

шую помощь, но за это требовали и большого вознаграждения. Наконец, согласились на том, что Венеция доставит сколько нужно кораблей для переправы 4 500 рыцарей, 9 000 оруженосцев и 20 000 пеших людей, примет на себя на год содержание войска и кроме того подкрепит поход 50 галерами. За это рыцари должны были уплатить 85 000 марок серебра (около 3400000 марок нынешних денег) в четыре срока до конца апреля 1202 года и к этому же времени собраться для отплытия в Венецию. Все завоевания и добыча должны были делиться на две равные половины между венецианцами и французами, и папе должно было быть сообщено об этом договоре.

Могущественная армада, за снаряжение которой с большим рвением все теперь принялись, конечно, была бы в состоянии нанести большой урон Эйюбитам, если бы только венецианцы отдались делу священной войны всею душой. Но никогда властители города лагун не были менее склонны и способны просто и безусловно примкнуть к походу в Святую Землю, как в начале тридцатого века. Им хотелось, конечно, добиться наибольшего возможного могущества на Востоке, но прежде всего они имели в виду свои торговые интересы. Они находились в то время в дружественных связях с Египтом, потому что сношения с Александрией и Каиром приносили им большую выгоду, и они поддерживали эти сношения, хотя папа Иннокентий желал уничтожить всякие торговые связи между христианами и мусульманами: они соглашались только не доставлять врагам креста оружие, железо и кораблестроительное дерево, одним словом, военные материалы. С другой стороны, они были не в ладах с Византийской империей, потому что, хотя после падения Комненов императоры Исаак и Алексей III были к ним большею частью благосклонны, но столкновения все-таки не прекратились, а именно в последние годы, когда император Алексей в ущерб Венеции решительно предпочитал визанцев. Поэтому умные купцы города лагун, без сомнения, имели намерение хотя и приступить со всей силой к крестоносным вооружениям, но во всяком случае повернуть их и воспользоваться ими так, чтобы их торговые отношения к византийско-магометанскому миру не только этим не ухудшились, но улучшились и обеспечились больше, чем до тех пор. Человек, стоявший в то время во главе Венеции, дож Генрих Дандоло, был более чем

девяностолетний старик, но человек светлого ума, смелый и предприимчивый как юноша. Охранять «честь и выгоды» своего отечества было важнейшей целью, которую имел в виду «мудрый и великодушный» человек. Византийцы должны были его остерегаться. У Дандоло была личная причина к мщению, потому что в 1172 году отправленный в Константинополь послом республики, после того, как император Мануил произвел упомянутое злое насилие над венецианцами, находившимися в греческом царстве, он, вследствие позорного насилия, был наполовину ослеплен. Теперь, очевидно, приближался час, когда он мог получить удовлетворение как за отнятое зрение, так и за те оскорбления, которые так часто наносились его землякам на Босфоре. Но какие планы относительно греческого царства он мог лелеять уже в начале крестовых вооружений, это «молчаливый» человек не открыл настолько, чтобы до потомства дошли об этом какие-нибудь точные сведения.

Папа Иннокентий чувствовал, что в союзе венецианцев с французскими крестоносцами в будущий крестовый поход входит чуждый элемент. Поэтому он заявил, что может согласиться на заключенный договор только под условием, чтобы французы и венецианцы не вредили никаким христианам, разве только если эти христиане будут мешать походу пилигримов или окажется какая-нибудь другая законная и необходимая для этого причина, но и тогда они могут действовать только с согласия папского легата. Но венецианцы, которые не хотели позволить связать себе таким образом руки, решились ответить, что они не примут признания договора при таком ограничении.

Между тем 24 мая 1201 г. внезапно умер граф Тибо Шампанский, выбранный предводителем крестоносцев. Хотя благочестивый господин оставил пилигримам значительную часть своего имущества и обязал своих рыцарей остаться верными паломнической клятве и без него, но все-таки его смерть произвела такое удручающее впечатление, что многие боялись, как бы предприятие совсем не расстроилось. Остальные крестоносные князья спешили поэтому кем-нибудь заменить Тибо и просили занять его место сначала герцога Одо Бургундского, а затем графа Тибо Барского. Оба уклонились от этого. Тогда Готфрид Вилльгардуэн обратил внимание французского дворян-

ства на маркграфа Бонифация Монферратского, брата того Конрада, который некогда играл большую роль как в Греческой империи, так и в Сирии и умер в ту самую минуту, когда должен был назваться королем Иерусалимским. За этого человека говорили уже его имя, но кроме того это был смелый, с высокими стремлениями, художественным вкусом князь, знаменитый среди рыцарей и воевод того времени. Трудно было найти кого-нибудь сильнее, и потому на переговорах, которые он имел с французскими господами в Суассоне осенью 1201, Бонифаций заявил, что он готов присоединиться к их предприятию. Его пример повлиял так, что число крестоносцев во Франции, Германии и Италии увеличилось. Для венецианского дожа маркграф Бонифаций был очень желанным союзником. Если только он походил на своего брата Конрада, то его нетрудно было увлечь на всякую борьбу, обещающую выгоды, если бы даже она была совершенно далека от настоящей цели похода к Святым местам.

Почти в ту же минуту, когда Бонифаций соединился с французами, случилось происшествие, которое должно было, наконец, дать четвертому крестовому походу определенное направление. Летом 1201 года молодой Алексей Ангел, сын ослепленного Исаака и племянник императора Алексея III, бежал из Греции в Италию. Как кажется, ему помогли в этом знатные пизанцы, потому что император только что вошел в дружественные сношения с их смертельным врагом, Генуей. Принц, конечно, тотчас же постарался вооружить Запад против своего дяди и прежде всего обратился с убедительными просьбами о помощи к Иннокентию. Но папа колебался исполнить просьбу, потому ли, что надеялся скорее всего достигнуть соединения греческой и римской церкви при помощи Алексея III, или в нем возбуждало слишком большие недоумения родство принца с немецким королем Филиппом, который женился на Ирине, дочери Исаака. Тогда принц поспешил за Альпы в Германию, искал и нашел при дворе Штауфенов самый дружелюбный прием. И здесь теперь (зимою с 1201 на 1202) впервые было высказано желание, чтобы хотя на первое время крестоносное войско не начинало войны с исламом, а предприняло нападение на Константинополь, чтобы устранить узурпатора Алексея III и вернуть власть и честь слепому Исааку, вме-

сте с юным Алексеем. Король Филипп в особенности рекомендовал дело своего зятя маркграфу Бонифацию и старался через немецких послов привлечь к своему плану крестоносцев и венецианцев.

Таким образом, политика Штауфенов произвела отклонение четвертого крестового похода от Египта и направил его на Константинополь. Правда, Генрих Дандоло, может быть, и раньше имел в виду подобное, но мы об этом ничего положительного не знаем, и очень возможно, что умный дож до этой минуты решил твердо только на то, чтобы во всяком случае воспользоваться силой пилигримов на пользу венецианских интересов, где бы ни представился к тому случай, на греческих или сирийских берегах или даже на берегу Нила. Напротив того является вполне несомненным, что Дандоло с радостью ухватился за идею Штауфенов, как очень для него благоприятную, и так выполнил ее, как будто он давно ее тайне лелеял и самым зрелым образом взвесил. Кроме того, точно так же верно и то, что немецкая политика повлияла на четвертый крестовый поход только этой идеей и дипломатической поддержкой Алексея, а все остальное было в зависимости от силы и воли Венеции. Поэтому план старого Дандоло повести войско пилигримов для нападения на императора Алексея III составляет собственно решительный момент, который отклонил крестовый поход от его первоначальной цели. С этой минуты дож является настоящим главой пилигримов, и хотя смелого маркграфа Бонифация называют иногда Боэмундом четвертого крестового похода, но могущественный Дандоло в гораздо большей степени заслуживает этого почетного наименования¹.

Ему очень легко было привлечь своих венецианцев к походу на Константинополь. Они уже вооружались и в прежние годы к войне против мусульман и вместе

¹ В последние годы велся живой спор, преимущественно графом Павлом Рианом (Riant) и Людвигом Штрейтом, о том, было ли разрушение Византийской империи делом немецкой или венецианской политики. При этом Риан без сомнения слишком преувеличивает влияние, которое король Филипп имел на падение Ангелов. Штрейт с самого начала видит в старом доже «causor et aetor rerum». Приведенный в тексте взгляд, который ближе подходит к пониманию Штрейта, чем Риана, в существенном согласуется с сочинением Гейде, *Geschichte des Levantehandels im Mittelalter*, I, 293 и 440.

против византийцев. Кроме того, за последнее поколение стало ясно, что такое обширное торговое господство, какое Венеция хотела оказывать в Греческой империи, было несовместимо с сильной императорской властью на Босфоре: или Венеция должна была постепенно занять более скромное положение, или должна была посадить в Константинополе государя, подчиняющегося ее требованиям. Почти так же благоприятно для целей Дандоло было настроение, которым были проникнуты остальные крестоносцы. Среди них было много князей и рыцарей, которые, увлекаясь счастьем, какое выпало на долю их товарищей, особенно в последние годы, на сирийском берегу, на Кипре и в Армении, с радостью обнажали свои мечи для всякого приключения, обещавшего прибыть. Наряду с этим в сердцах пилигримов действовала старая ненависть к грекам, которая уже в крестовые походы 1147 и 1189 года доводила почти до нападения на Константинополь. Поэтому надо было надеяться, что император, возведенный на престол пилигримами, будет ревностно поддерживать римское христианство в борьбе против ислама, так что в конце концов среди самого крестоносного войска сопротивления плану Дандоло могли оказать только те пилигримы, которые, исполненные религиозной ревности и недоступные никакому политическому расчету, требовали войны с Эйюбитами.

Первое завоевание Константинополя

В продолжение весенних и летних месяцев 1202 года в Венеции собрались значительные отряды немецких, французских и итальянских крестоносцев. Однако, число их, и особенно число знатных и богатых людей, далеко не удовлетворило лелеянных ожиданий, потому что некоторые пилигримы, из недоверия к политике Венеции, старались достигнуть своей цели другими путями. Одни пошли в южную Италию, и римская церковь возбудила их и воспользовалась ими для войны против штауфенских рыцарей, которые еще держались там со времен Генриха VI. Другие отплыли из гаваней Фландрии, из Марселя и Генуи в Сирию, но не нашли в Святой Земле случая

отличиться, геройскими подвигами Для других крестоносцев, собравшихся на маленьком острове Сан-Николо ди-Лидо, подле Венеции, первым следствием этого разделения было то, что они никак не могли выплатить сполна 85 000 марок, хотя уплата их в рассрочку и без того была очень замедлена когда они отдали то, что могли, они остались должны венецианцам еще 34 000 марок. Дандоло не имел причины худо отнестись к этому Ему представлялось здесь отличное средство воспользоваться пилигримами для своих планов, и он предложил им и венецианскому народу, чтобы долговые деньги были «заслужены» тем, что крестоносцы заплатят своим кредиторам из добычи, которую захватят в походах против врагов Венеции Как на таких врагов, он указал, во-первых, на граждан города Зары, которые жили, живя морским разбойничеством, причиняли большой вред венецианской торговле в «Венетском море», следовательно, почти на родине Большая часть пилигримов легко поддавалась намерению дожа из-за желания войны и добычи: благочестивая партия, под предводительством Симона Монфортовского, правда, сильно протестовала против похода на христианский город, но в конце концов осталась в меньшинстве Дандоло вызвал к походу половину способных к оружию людей Венеции и выступил сам во главе предприятия В начале октября 1202 г великолепный флот из 72 галер в 140 грузовых судов покинул Лидо, заставил мимоходом города Триест и Мудью подчиниться республике св. Марка, а 10 ноября силою вошел в гавань Зары После этого Симон Монфортовский со своими приверженцами пытался еще раз помешать войне, но большинство пилигримов осталось послушным дожу; он настойчиво напал на город и взял его 24 ноября Это был большой успех для Венеции, потому что с этих пор, больше чем когданибудь прежде, за ней обеспечено было господство в Адриатическом море Но гораздо большего надо было еще достигнуть, если бы удалось удержать крестоносцев на том пути, на который они вступили.

Этому, во-первых, препятствовала воля папы Иннокентия. Последний уже летом 1202 года отправил в Венецию кардинала Петра Капуанского, как легата крестового похода Но Дандоло, чтобы отстранить папское вмешательство в свое предприятие, прямо заявил легату что он должен вернуться обратно, если не захочет принять

участие в походе лишь в качестве простого священника. После того послание папы предостерегало крестоносцев, чтобы они не нападали на христианский город Зару под страхом отлучения от церкви, и потому после завоевания Зары можно было ожидать каждую минуту, что церковное проклятие падет на войско пилигримов, встревожит его и, может быть, совсем рассеет. Между тем эта опасность чрезвычайно быстро прошла. Иннокентий милостиво принял смиренное объяснение крестоносных князей, что они не могли действовать иначе по своим обязательствам к венецианцам, простил их и отлучил от церкви только дожа и его народ. Эти нимало не печалились церковным наказанием, а так как папа в то же время позволил другим крестоносцам продолжать сношения с отлученными, чтобы первые могли удержать флот венецианцев для переправы в Сирию, то отлучение от церкви пропало совершенно даром. Точно так же безуспешно остались и повторенные предостережения папы от дальнейших нападений на христианские государства и в особенности на Византийскую империю. Иннокентий настойчиво указывал при этом на то, что греки виноваты в тяжелых преступлениях против Бога и церкви, и что император Алексей в особенности совершил ужаснейшие насилия над своим братьями и законными государями, но «не дело пилигримов наказывать такие грехи». Это возбуждало предположение, что папа хотя запрещал то, чего принципиально не мог позволять, но что если только церковь найдет в этом свою выгоду, то за этим последует одобрение случившегося. Буквы папских заявлений держались в войске почти только фанатики, Монфор с его приверженцами, и они покинули своих сотоварищей, когда действительно был серьезно затеян поход на Константинополь. Но тем легче другие крестоносцы соединились с венецианцами для смелого предприятия.

Дело в том, что после того, как состоялись, с одной стороны, переговоры между дожем и крестоносцами, и между королем Филиппом и принцем Алексеем — с другой, в лагерь при Заре, где зимовала вся армада, явились около нового 1203 года штауфенские послы и настойчиво просили о помощи против узурпатора Алексея III. Они обещали за это от имени принца даровое содержание и 200 000 марок серебра. Кроме того, Алексей предоставит в продолжение года в распоряжение кресто-

носцев 10 000 человек для войны с Эйюбитами, до конца своей жизни будет содержать на жалованье в Святой Земле 500 воинов, и, наконец, будет стараться о том, чтобы греческая церковь подчинилась римскому престолу. Такое предложение было для войска чрезвычайно заманчиво. В виду был славный бой и богатая награда, наказание греков за вековую несправедливость и вступление их в церковное соединение с Римом: разве не должны были пилигримы воспользоваться таким блестящим случаем, чтобы приобрести самые очевидные выгоды как для самих себя, так и для римских христиан, и при этом в особенности для папы Иннокентия. Правда, крестоносцы еще раз впали в сильную распрю: массы требовали, чтобы их вели в Аккон, в Александрию, но большинство предводителей войска, между ними также епископы и аббаты, стояли вместе с немецкими послами за поход в Константинополь и мало-помалу уgomонили всякое сопротивление. Генрих Дандоло увидал себя, наконец, у цели своих желаний. В мае 1203 он повел свой флот, на котором находился теперь и принц Алексей, мимо Диррахума и Корфу и вокруг Пелопоннеса в Эгейское море. Главной целью войны он считал не покорение провинций, а подчинение «царственного города» при Босфоре, хотя принц Алексей в некоторых береговых городах и островах был тотчас провозглашен императором Алексеем IV.

Но было ли мыслимо, чтобы дож взял сильную крепость с теми 40 000 человек, каких он в целом едва насчитывал? Еще во время Мануила Комнена было бы безумно питать такие дерзкие намерения. Но теперь вещи стояли иначе. Алексей III был жалкий человек, который ленился и наслаждался в своем великолепном дворце и предоставил заботы о правлении государством своей жене Евфросинии вместе с ее любовниками. Последствия этого обнаружились самым ужасным образом. Подданные были доведены до отчаяния бессмысленной тягостью податей и всякого рода насилиям. Сокровища, которые из них выжимал императорский двор, служили только для дикой расточительности: сухопутное войско ослабело, а флот был «превращен в серебро», т. е. расснащен и материал продан. В некоторых провинциях то наместники, то генералы или богатые землевладельцы восставали и пытались основывать самостоятельные княжества

Илликий Трапезунт уже давно почти отделился от империи: теперь один дикий воин, Лев Сгурос из Навилии, овладел северо-восток Пеллопоннеса и среднюю Грецию, очевидно, с целью отделить от империи весь юг Балканского полуострова до Фессалии: в Крите и на других островах другие владельцы латифундий господствовали так независимо, как великие бароны в феодальных государствах Западной Европы. При таких обстоятельствах Византийская империя уже целые годы должна была бы пасть от всякого решительного энергического нападения. Всего опаснее для нее были бы сельджуки, если бы некогда султан Килидж Арслан Иконийский не разделил своего царства между сыновьями и они не вступили бы после смерти отца (1193) в распри друг с другом. Благоприятный случай настойчиво повести войну с расстроенной силой сельджуков, конечно, был пропущен, но все-таки империя держалась против этого, теперь ослабленного, врага только с сравнительно небольшою потерей в земле и людях. Но зато болгары в неоднократных набегах и грабежах победоносно проникли во Фракию и в Македонию: их князь Иоанн, как выше упоминалось, находился в дружеских сношениях с папой Иннокентием, и именно теперь кардинал Лев Санта Кроче был на пути в Болгарию, для венчания Иоанна королем, что и произошло в ноябре 1203 года.

Великая империя производила ко всему этому впечатление старческого упадка, и опытный Дандоло был совершенно прав, когда старался утешить своих соотечественников, впадавших иногда во время пути в Константинополь в отчаяние, указанием на их свежую, сильно превосходящую императора, юношескую силу. В конце июня флот отплыл из Босфора и сначала бросил якорь у азиатского берега близ Скутари. Император Алексей оставался долго в бездействии перед надвигающейся бурей. Наконец, он впопыхах собрал из провинций в Константинополь и Перу сколько возможно больше войска, запер великолепную бухту Золотого Рога остатками своего флота и громадной железной цепью. Но корабли были наполовину хламом, большинство солдат недисциплинированы и трусливы. Правда, число их было больше, чем число франков, но способными к битве оказались только несколько храбрых византийских офицеров, северные наемники варяги (ваикинги) и разве еще пизанские колонисты в Константинопо-

ле, которые, по старой ненависти к венецианцам, вступили в ряды греческого войска. Раньше чем началась борьба, император сделал попытку купить отступление врагов деньгами, но гордые предводители франкского войска не хотели этого слышать. 5 июля нападение началось штурмом предместья Перы. крестоносцы счастливо пристали к европейскому берегу и легко оттеснили императорские войска обратно в столицу. 6 июля Дандоло разорвал гаванскую цепь, уничтожил византийские корабли и вошел со всем своим флотом в Золотой Рог. После нескольких дней, занятых приготовлениями к главному нападению, сухопутное войско двинулось вверх по берегу Золотого Рога, затем перешло через Батисский мост и расположилось лагерем перед северным углом крепостных стен, которые окружали там Влахернский дворец. Флот следовал за движением войска и направил свои галеры, снабженные метательными орудиями и подъемными мостами, на ту часть неприятельских укреплений, которые тянулись от Влахерны вниз по Золотому Рогу. С 12 июля бушевала здесь почти непрерывная битва. Способные предводители греков, в особенности зять императора, Федор Ласкарис, старались утомить неприятелей вылазками и удержать от начала настоящей осады, но все-таки мало сделали против стальных рядов франков. 17 июля последние поднялись со всеми силами на приступ. Их сухопутное войско не имело успеха, потому что варанги и пизанцы оказали твердое сопротивление, зато венецианцы взяли одну башню, потом целую полосу стены и крепко утвердились в городе на юго-восток от Влахерны. Отчаяние греков принуждает, наконец, трусливого императора выступить с большой силой против небольшого сухопутного войска франков и уничтожением его подорвать успех венецианцам. Но рыцари непоколебимо выдерживают натиск огромных масс, приблизительно в 100 000 человек. Греки изумляются, колеблются и, наконец, в диком замешательстве бегут обратно в город. Возвращающегося домой императора встречают насмешками и угрозами, и он решается бежать. В следующую ночь он покидает столицу, захватив коронные ценности в десять центнеров золота, и бежит в Дебельтон в северо-восточной Фракии, на берегу Черного моря, преследуемый проклятиями всех патриотов. При известии о его бегстве слепого Исаака вывели из заточения, а рано утром

18 июля среди торжественного ликования его снова провозглашают императором. Франки заявляют согласие на это, потому что Исаак признал и для себя обязательным условием того договора, который они заключили в Заре с принцем Алексеем. Принц, сопровождаемый крестоносными князьями, торжественно въезжает в «царственный город» и 1 августа его, с именем Алексея IV, венчают как соправителя.

Так необыкновенно быстро и счастливо было достигнуто то, чего планы так долго строились. Похититель престола был изгнан, и империя подчинена воле франков. Венецианцы и крестоносцы должны разбогатеть от золотой награды, византийское войско должно сражаться вместе с латинцами против Эйюбитов, и греческая церковь должна подчиниться римскому папе.

Второе завоевание Константинополя

Но могли ли события в самом деле идти дальше этим путем? Можно ли было ожидать, что византийский народ подобно своим императорам охотно признает условия Зарского договора? Франки снова раскинули свой лагерь в Перу и вскоре потребовали там уплаты обещанной награды. Но, несмотря на все притеснения, которыми императоры испытывали свою столицу, можно было собрать только 100 000 марок серебра, половину обещанной в Заре суммы. Греки смотрели с горьким все увеличивающимся раздражением на всех франков, как на крестоносцев, так и на издавна поселившихся у них колонистов. Скоро дошло до кровавых столкновений, и 22 августа шайка разбойничьих и буйных франков произвела страшный пожар, который превратил в пепел почти половину города. С тех пор итальянские колонисты не чувствовали себя больше безопасными в Константинополе и почти все перешли в числе 15 000 с женами и детьми в лагерь пилигримов в Перу. Это были большей частью пизанцы, но враждебное отношение к грекам заставило их совсем забыть свою ненависть к венецианцам.

Но возобновление открытой войны между византийца-

ми и франками замедлилось еще на некоторое время. Императоры Исаак и Алексей IV хотели еще воспользоваться для себя силами крестоносцев. Их государство до сих пор едва простиралось за ворота Константинополя: в провинциях они еще не были признаны, а бежавший Алексей III, который из Дебельтона снова осмелился дойти до Адрианополя, господствовал как император, во Фракии. Поэтому Алексей IV попросил помощи у франков, получил ее и в течение нескольких месяцев с значительной частью крестоносцев, под предводительством маркграфа Бонифация, делал набеги в юго-восточную половину Фракии. Покорив здесь ряд городов и укрепленных мест, он вернулся 11 ноября в столицу, как торжествующий победитель, но тотчас же после того увидал, что как ему, так и его отцу и всему византийскому миру грозят величайшие опасности со стороны его прежних союзников.

Отчасти оба императора были виноваты в этом дурном обороте вещей. Жалкий слепец Исаак носился с высокомерными и столько же безрассудными мечтами о восстановлении императорского могущества в прежнем величии, а Алексей IV показал себя, наконец, до того неспособным для трудных задач, которые на нем лежали, что не привлек к себе никакой партии ни из крестоносцев, ни из собственных подданных. Самое худшее было, конечно, то, что юный император надавал в Заре обещаний, которых никак не мог исполнить: он не мог сполна выплатить большую сумму, которую был должен франкам, и не мог надеяться побудить греков когда-нибудь подчиниться римскому папе. Когда ему мало-помалу стало ясно, что он не может сдержать своего слова, он отказался от дружественных сношений с крестоносными князьями, которые до сих пор поддерживал, и под разными предлогами отказался также делать дальнейшие взносы. На это князья отправили в Константинополь посольство, которое объявило императору войну в его собственном дворце, если он не вернется к своим обязанностям; и когда это не подействовало, то во время личного свидания, которое Дандоло имел с Алексеем в гавани, как он в середине между лагерями обеих войск, дож в последний раз потребовал, чтобы условия договора в Заре были наконец исполнены. Когда император дерзко отказался от этого, то старый дож напустился на него с ужасным гневом: «Бесстыдный негодяй,— воскликнул он,— в

вытащили тебя из грязи, и мы же снова втолкнем тебя в грязь». Естественно, что этим была объявлена война (в конце ноября 1203) и приближалась катастрофа или для войска пилигримов, или для Константинополя.

Гордые франки находились в эту минуту в довольно неблагоприятном положении. Начинаясь зима помещала им тотчас же приступить ко второй осаде неприятельской столицы: они должны были удовольствоваться тем, чтобы укрепиться в стране вокруг и собрать в богатых местностях на соседних берегах разную добычу, в особенности съестные припасы. Некоторое время они еще держались там кое-как, но мало-помалу запасы пришли к концу и их ряды начали редеть от ужасного голода. К тому же, хотя сам Алексей IV почти никогда не покушался выходить на бой, греки ревностно напрягали свои последние силы, чтобы отклонить от себя страшно угрожающую судьбу. Против венецианского флота была послана целая эскадра брандеров, а рыцарское войско несколько раз было беспokoено дерзкими вылазками. Бдительность Дандоло и отвага маркграфа Бонифация, правда, охранили франков от большой потери, зато в Константинополе произошел переворот, который значительно уменьшал их надежды на окончательную победу. Почти все жители большого города, знатные и простые, духовенство и миряне были глубоко раздражены жалким правлением обоих негодных императоров. 25 января 1204 разразилась долго ожидавшая революция. Массы черни и монахи с бурными криками требовали низложения Ангелов и возведения на престол нового правителя. В продолжение трех дней в Константинополе свирепствовала дикая анархия, потому что никто из знатных людей империи не хотел принять столь отягощенного императорского венца: наконец, уговорили на это Николая Канабуса, храброго, но в остальном незначительного юношу. Когда Алексей IV услышал об этом, он послал к франкам и просил их о помощи, но этим только ускорил свою окончательную гибель. Главной его поддержкой за последнее время и в то же время душой всех военных предприятий против латинцев был один далекий родственник правительствующего дома, Алексей Дука Мурвуфл, подвижной, умный и мужественный, но также отчаянно самоуправный человек. Он не был намерен ни подчиниться Канабусу, ни заодно с юным Алексеем выдать

империю франкам. Теперь он легко привлек на свою сторону и войско и народ. Император Исаак, который уже давно заболел, умер от страха перед этим соперником. Канабус и Алексей IV были схвачены и задушены полицейскими узурпатора. Последний вступил на престол под именем Алексея V

Франки очень скоро почувствовали, что в королевском городе теперь неограниченно господствовала сильная воля. Им предписано было в восемь дней очистить греческую землю; о дальнейшей уплате нечего было и думать, император не нуждается ни в их совете, ни в их приказах у него довольно своей силы. Если бы пилигримы даже хотели, то едва ли могли исполнить это требование: они должны были опасаться, что когда они будут готовиться к отступлению, то раздраженные греки именно тогда поставят их в бедственное положение. Таким образом, у них не было другого выбора, как или взять приступом Константинополь и подчинить его своему господству, или погибнуть в славном бою. Алексей V сделал все усилия, чтобы приготовить им это последнее. Он неутомимо работал над возобновлением и отстройкой городских укреплений, посылал брандеры против венецианского флота и старался уничтожить отдельные части рыцарского войска вылазками. Но здесь его постигло решительное несчастье. После того, как отряд франкских всадников в 1 000 человек двинулся однажды на северо-запад до Филеи на Черное море и совершенно разграбил это богатое место, император решил напасть на этот отряд на его возвратном пути к Босфору, с превосходными силами, и истребить его. Ему удалось так основательно перекричать врагов, что они лишь тогда заметили греков, когда те уже напали сзади на их ряды. Однако франки непоколебимо выдержали нападение и оборонялись такими ужасными ударами и толчками, что очень скоро гораздо более многочисленное греческое войско в ужасе рассеялось в беспорядочном бегстве. Алексей, хотя сам раненый, остался на поле сражения до тех пор, пока не был против воли увлечен своими бежавшими сотоварищами. Лучшие его воины пали в горячем бою, знаки царского достоинства, императорское знамя и чудотворный образ Девы Марии, — который считался написанным евангелистом Лукой и на него смотрели как на палладиум империи, — все это было отнято победителями и выставле-

но на посмеяние. С этого дня события опять повернулись благоприятно для франков. Алексей уже не осмеливался больше выступать против непобедимого неприятеля в открытом поле, и потому спрашивалось только, удастся ли последним второй раз завоевать Константинополь.

Но теперь пилигримы уже так твердо рассчитывали на счастливый исход своего предприятия, что поделили добычу еще раньше, чем она попала к ним в руки. В начале марта 1204 г. венецианский дож и «сиятельнейшие князья» крестоносного рыцарства, во главе их Бонифаций Монферратский и Бальдуин Фландрский, заключили между собой договор, по которому они вперед хотели решить будущую судьбу Византийской империи. По этому договору обе главные группы, из которых состояло франкское войско, т. е. венецианцы и «крестоносцы», должны были назначить шесть выборных людей, который потом, после победы над греками, избрали бы в императоры лучшего и способнейшего из своих боевых товарищей. Этому латинскому императору должна была подчиниться вся Византийская область, но в его непосредственное распоряжение была предоставлена только четвертая часть ее: остальные три части должны были быть разделены на две равные части между венецианцами и крестоносцами за определенную ленную службу которую они должны нести императору. Венецианцам в новой Латинской империи были бы без всякого ущерба сохранены все права, обычаи и имущества, которыми они пользовались прежде в Византийской империи, а та из двух главных групп франков, из которой не будет избран император, должна получить Софийский собор и избрать будущего римско-католического константинопольского патриарха.

Но прежде всего надо было победить греков, т. е. главным образом взобраться на высокие башни и стены, которыми были окружен царственный город. Чтобы попытаться на это с хорошей надеждой на успех, франки вооружились штурмовыми лестницами и всякого рода осадными машинами, как для морской, так и для сухопутной войны. 8 апреля приготовления были окончены. Все войско переправилось на флоте через Золотой Рог и заняло позицию при так называемой гавани крестоносцев, бухте на юго-восток от Влахерны. Поэтому нападение направилось на ту же полосу стены, где уже

в предыдущем году удалось завоевание города. На этот раз пришлось наткнуться на более сильное сопротивление, потому что Алексей V не только позаботился о том, чтобы как нельзя лучше защитить город, но и сам поспешил к угрожаемой местности, чтобы поддержать мужество войск своим присутствием. Поэтому первый день битвы, 9 апреля, принес франкам только тяжелое поражение. Их бурное нападение разбилось об силу укреплений и под градом выстрелов, которые посыпались на них с башен и стен. Потеряв значительное количество людей и орудий, они должны были, наконец, прекратить штурм. Греки ликовали и насмехались, потому что считали себя освобожденными от всякой опасности; но франки извлекли из своей неудачи урок, что для решительного удара они должны вооружиться еще заботливее и серьезнее, чем они это делали до сих пор. Гарнизон ревностно работал над восстановлением и усилением машин; князья-военачальники обещали большие награды самым отважным, а священники церковными торжествами поднимали мужественное одушевление всего войска. Рано утром, 12 апреля, начался второй штурм. Целые часы приходилось бороться напрасно. Наконец, после полудня, двум кораблям, связанным между собой цепями, удалось близко подойти к одной крепостной башне и укрепить к ее зубцам штурмовые лестницы. Скоро башня была взята и занята сильным отрядом. Почти в то же время одному исполину рыцарю, Петру Амьенскому, удалось сломать одни городские ворота, и вот в открытые улицы ворвалось все войско, кроваваждное упоенное победой. Греки отступили в трусливом ужасе. Напрасно старался император собрать бегущих и повести их на новый бой. Не помогли ни просьбы, ни угрозы, и наконец Алексей решил на бегство, «чтобы не сделаться кормом для мстительных латинских челюстей». Он ушел на запад через Золотые ворота и оттуда на море. Его отступление ужасно освещалось пылающим городом, который был во второй раз подожжен гневными победителями.

Но сопротивление греков было не совсем сломлено. В Софийском соборе собралось множество знатных людей; они совещались об избрании нового императора и остановились на Феодор Ласкарисе, храбром зяте Алексея III. Он охотно принял бы корону, если еще было возможно удержать ее. Но когда он осмотрел войска, которыми он

мог еще располагать, то нашел варягов непригодными, а греков распущенными и трусливыми. Тогда он бросил Константинополь и бежал через Босфор в Малую Азию, где в Никее он должен был сделаться основателем нового греческого государства. Утром, 13 апреля, франки заняли южную половину города, к которой они еще не решались подступить накануне вечером. Из Софийского собора навстречу им вышли толпы побежденных, прося помилования. Крестоносные князья старались помочь несчастным согласно с строгим приказанием, которое они дали еще до штурма города, а именно, чтобы не было совершаемо никаких насилий при взятии Константинополя. Но их слова остались неуслышанными. Слишком велика была алчность воинов к наслаждениям, которых они были лишены целые месяцы в лагере Перы, слишком злобна их ярость против лукавых еретических, с детства ненавидимых им, греков. Неукротимее всех были люди, которые жили прежде в Константинополе колонистами и всех лучше знали как греческие сокровища, так и греческое коварство. Убийства, пожары и грабеж свирепствовали на улицах. Женщин и девушек вырывали из рук мужей и отцов. То, чего не пожирал огонь, уничтожалось в бешеной жажде разрушения. Победители второпях хватали золото и серебро, оружие и одежду, но сокровища искусства, которые за полтора тысячелетия накопились в несравненном городе, большею частью падали жертвою страшного огня. Между тем священники разыскивали знаменитые константинопольские реликвии и благочестивым воровством присваивали себе сколько могли.

Таким ужасным образом исполнялась судьба, которая уже многие годы грозила империи Востока. Прошло немного более столетия с тех пор, как Алексей I просил вооружений Запада для подкрепления своего могущества. Но он сам был виноват в том, что дружественное настроение, с которым сначала отнесся к нему Запад, перешло в смертельную ненависть. Его преемники остались на том же пути, на который вступил он. Бесконечно больше того, чем на самом деле позволяли их силы, они захотели воспользоваться франками, как орудием своей политики всемирного господства. Теперь наступило неизбежное действие такого превратного стремления; гордая империя, которая полтысячелетия охраняла Европу от вторжения азиатских народов, пала, и над ее развалинами

развевались знамена франкского рыцарского войска. Но было ли это, как многие тогда думали и надеялись, выгодой для борьбы христианства с исламом, или не было ли это скорес большим несчастьем как для франков в Сирии, так и вообще для всех христиан, которым в будущем предстояло вести войну против сельджуков или Эйюбитов?

Сирия около 1204 г.

С начала тринадцатого столетия христианская Сирия находилась в очень угнетенном положении. Ужасное землетрясение превратило в развалины большую часть самых цветущих городов: неурожай и дороговизна вызвали заразные болезни, от которых толпами погибало население. Кроме того, в Антиохии умер в 1201 году старый князь Боэмунд III. Его законным наследником был его внук Рубен, двоюродный внук и питомец короля Льва армянского. Но тот младший Боэмунд, который уже несколько лет был графом Триполиса, завладел теперь Антиохией и причинил этим столько же злобный, сколько продолжительный раздор среди христиан Востока. А именно, король Лев не колеблясь заступился за своего внука. В Антиохии он мог рассчитывать на патриарха и на знатных людей, между тем как горожане были за князя Боэмунда. Сильные рыцарские ордена Госпиталья и Храма, как всегда, были разных мнений: так как госпиталиты стали на сторону армян, то тамплиеры стали за Боэмунда IV. Папа Иннокентий поручил двум легатам, которых он послал в 1202 г. в Сирию, кардиналам Зуффриду и Петру Капуанскому, умирить злую распрю по праву и справедливости. Один из легатов, Зуффрид, сделал хоть безуспешные, но честно задуманные попытки посредничества; но Петр Капуанский резким образом стал на сторону князя Боэмунда и этим только обострил раздор партий. Наконец, Лев взялся за оружие, но на первое время не мог нанести существенного вреда своему столь же коварному, сколь и самоуправному противнику.

При этом нечего было и думать о возобновлении войны против ислама, когда теперь же в течение 1203 года,

в Сирию прибыли те крестоносцы, которые не хотели принять участия в предприятиях венецианцев против Зары и Константинополя. Правда, число этих пилигримов было отнюдь не малое, но король Амальрих Иерусалимский даже с их помощью не решался нарушить перемирия, которое он заключил в 1198 г с султаном Альмеликом Аладилом и строго его поддерживал. Крестоносцы, недовольные тем, что не нашли в Святой Земле никакого дела для своей воинственности, направились поэтому большею частью в Северную Сирию, чтобы покончить с антиохийско-армянскими раздорами. Но так как некоторые толпы примкнули к князю Боэмунду, а другие к королю Льву, то и здесь, несмотря на их вмешательство, положение в сущности не изменилось. В ноябре 1203 магометанские морские разбойники причинили нарушение мира между Амальрихом и Аладилом. Христиане отомстили сначала тем, что взяли несколько неприятельских кораблей. Затем Амальрих вооружился для более крупных предприятий, делал из Аккона набеги на магометанские области и велел небольшому флоту напасть и ограбить египетский город Фуа. Но до большой войны дело не дошло, может быть, оттого, что Аладил чувствовал себя истощенным, так как и его область испытала землетрясение, голод и болезни; может быть и оттого, что он не хотел дать повода крестоносному войску, стоявшему под Константинополем, обратить свое оружие на Египет. В 1202 году султан и король заключили новое перемирие, которое, при тогдашнем положении вещей, надо было считать счастьем для Святой Земли. Но вследствие этого как в Сирии, так и в Европе враждебное отношение к Эйюбитам на много лет потеряло силу воодушевлять христиан к войне и жертвам, а в то же время внезапное завоевание Константинополя произвело повсюду самое глубокое впечатление. Тысячи рыцарей, жаждавших приключений, и их слуг покинули теперь сирийские города, чтобы искать на греческом берегу более богатое поле для славных и прибыльных подвигов. Кроме того, великодушные отряды французских всадников, которые в других условиях двинулись бы в Святую Землю, направились теперь в Константинополь, а сила владычествовавших на море венецианцев почти совсем ушла на то, чтобы воспользоваться подвигами их великого дожа Дандоло.

Таким образом, ближайшие последствия крестового

похода были для христианской Сирии просто бедственными. Лучше ли сложились бы дальнейшие его последствия, это зависело от степени той силы, которой латинское владычество достигнет на Босфоре

Латинская империя с 1204 до 1261 г.

В Константинополе господствовало вначале одоливание Победители наслаждались богатыми сокровищами, которые они приобрели в царственном городе, и, по их мнению, могли ожидать еще более блестящего будущего, которое досталось бы им, как скоро они от Босфора подчинят своей власти всю Византийскую империю. Первый их шаг для достижения этой цели состоял в том, что они хотели избрать из своей среды латинского императора для земли греков или, как они называли, для «Романии». Но уже при этом они натолкнулись на затруднения, потому что не могли тотчас согласиться на одном кандидате на императорскую корону. Правда, старый Дандоло, настоящий покоритель Константинополя, о котором некоторые думали, не мог иметь серьезных шансов, потому что совсем не было в государственных интересах Венеции увидеть собственного дожа на престоле Комненов. Зато оба наиболее могущественные из крестоносных князей, Бонифаций Монферратский и Бальдуин Фландрский, желали каждый быть возведенным в императоры. За маркграфа говорило то, что до сих пор он стоял во главе всего франкского войска, что у него были старые родственные связи среди византийцев и, кроме того, он женился теперь на юной и прекрасной вдове императора Исаака, Маргарите Венгерской. У нее был от первого брака сын, Мануил Ангел: Бонифаций был теперь его отчимом и как бы опекуном законного наследника византийского престола: греки уже называли его поэтому своим «священным императором-маркграфом». Между тем большинство французов было против этого ломбардского князя, а венецианцы желали посадить в Константинополе менее сильного государя, чем каким он обещал быть. Поэтому большинство голосов остановилось на Бальдуине Фландрском, и Бонифаций был довольно

умен, чтобы удовольствоваться вторым местом в государстве, если не мог получить первого. Его отречение от императорского достоинства повело к тому, что ему предоставлено было подчинить для самого себя, кроме Крита, в особенности Фессалонику и большинство провинций собственно Греции. Затем граф Бальдуин был единогласно избран императором 9 мая 1204 г и с большой пышностью короновался 16 мая в Софийском соборе. После избрания этот собор перешел к венецианцам согласно с договором о разделе, в марте 1204, и они тотчас возвели в константинопольские патриархи своего соотечественника Фому Морозини.

Теперь нужно было, однако, взяться за оружие, чтобы завоевать все те земли, над которыми хотели впоследствии господствовать Бальдуин и Бонифаций, остальные крестовые рыцари и венецианцы, потому что даже в ближайшем соседстве Константинополя, в укрепленных городах Фракии, еще держались в то время два антиимператора, Алексей III и Алексей V Мурзуфл. Бальдуин повел против них войско, расширил свое господство быстрым победоносным походом на север до Адрианополя и на запад до Фессалоники и этим принудил своих соперников к бегству. Когда Алексей V потерял свое дело, он надеялся найти защиту у Алексея III. Но последний велел его схватить, ослепить и выгнать его беспомощным. Но тирану нисколько не помогло это новое злодеяние, потому что он должен был бежать все дальше с места на место от оружия франков. После этого победители страшно поссорились между собой, потому что Бальдуин явно показывал, что один хотел воспользоваться своими успехами, а не делил их с Бонифацем, как бы следовало. На этот раз маркграф был очень далек от уступчивости. Он вооружил своих приверженцев из ломбардов, немцев и некоторых французов, угрожал войной и в самом деле уже начал неприязненные действия против фландрско-французских рыцарей императора. Этот резкий раздор никому не казался таким вредным, как умному Дандоло, и потому он взял на себя посредничество между враждующими товарищами. Бонифаций подкупил его тем, что уступил венецианской республике не важный для него Крит; и, ввиду этого соглашения ломбардов и венецианцев, Бальдуин должен был в сентябре 1204 г. согласиться на окончательную выдачу Бонифацию Фессалоники.

После этого маркграф занял своими войсками этот город и окрестную Македонскую область и этим основал «королевство Фессалоникское», которое с тех пор развивалось наполовину самостоятельно, скорее рядом, чем в подчинении Романской империи. Слепой Алексей V, которого тем временем взял в плен один франкский партизанский отряд в том же сентябре, был казнен в Константинополе в наказание за убийство Алексея IV, которому некогда покровительствовало крестоносное войско.

После этих все-таки счастливых начинаний Бонифаций и Бальдуин направились в разные стороны для новых завоеваний. «Король двинулся в Фессалию и Элладу, «император» направил свои лучшие силы против Малой Азии. В этой последней области крестоносцам предстояли довольно тяжелые задачи, потому что почти во всех тамошних провинциях греки уже вооружились к сильному сопротивлению. Два принца комненовской крови, Алексей и Давид, внуки страшного императора Андроника, пользуясь смутами последнего времени, основали в далеком Трапезунте самостоятельное государство и подчинили ему почти весь северный берег Малой Азии. Во главе этого нового греческого царства стоял старший из двух принцев, Алексей, с титулом императора и с прозвищем «великого Комнена», которое удержалось и за его преемниками. На западе Малой Азии целое множество смелых военных людей сделали независимыми владельцами, как Лев Габатас на Родосе, Мануил Маврозомес на Меандре и Феодор Мангафас в Филадельфии. Но самое важное было то, что тот отважный человек, который еще в последние часы старой Византийской империи должен был сделаться ее императором, Феодор Ласкарис, зять Алексея III, приобрел в Мизии и Вифинии много приверженцев, а в крепкой Прусе занял твердую опору для борьбы с латинянами. Однако, несмотря на то, крестоносные рыцари с многочисленными отрядами войска перешли в ноябре 1204 г. как Босфор, так и Геллеспонт, взяли много местечек, в особенности важное Пеге в Мизии, и, сражаясь столь же счастливо, как и смело, разбили несколько раз гораздо более многочисленные греческие войска.

Но едва только они достигли этого, как с другой стороны они попали в самую ужасную беду. Самый

опасный враг, с которым византийцам приходилось бороться в последнее десятилетие, болгарский король Иоанн, двинулся теперь и против франков. Последние тяжело оскорбили его тем, что с глупым высокомерием и насмешками отказались от дружбы и союза, которые он им предлагал. Ему тем легче был отомстить за это, что фракийские греки, оскорбительно притесняемые во многих местах своими новыми господами, с отчаянием искали избавителя и потому не пренебрегли войти в тайный союз с варварским болгарским владельцем для истребления своих угнетателей. В марте 1205 внезапно поднялись граждане Адрианополя и других фракийских городов и в кровопролитном восстании перебили или прогнали франкские гарнизоны. Бальдуин и Дандоло поспешили туда со всеми войсками, какими могли располагать, и осадили Андрианополь. Но там появился и Иоанн с бесчисленными толпами большею частью легкой конницы. 15 апреля войска схватились. Рыцари с безрассудной поспешностью бросились на презираемых врагов, а те, со своей стороны, сражаясь подобно сельджукам, уклонились бегством от натиска панцирных отрядов, пока те не остановились истощенные и не пали почти беззащитными жертвами варваров, которые набросились на них со всех сторон. Триста лучших рыцарей были убиты или взяты в плен, и между последними также император Бальдуин. Остаток франкского войска после этого не мог удержаться внутри Фракии и оставил всю провинцию до южного берега на произвол быстро настигавшим их врагам. Старый Дандоло, глубоко потрясенный такой ужасной переменой счастья, умер в печали и заботе 1 июня 1205.

Тяжелое поражение вскоре зловредно отразилось на азиатском театре войны. Войска, которые до сих пор сражались там победоносно, должны были как можно поспешнее вернуться в Европу. Феодор Ласкарис искусно и счастливо воспользовался представившимся ему здесь случаем расширить свои владения в западной Малой Азии во всех направлениях, и скоро достиг того, что все греки этих местностей признали его императором. Столицей его стала Никея.

Но среди крестоносных рыцарей, которые возвратились из Азии для спасения своего государства, находился высокоодаренный человек, граф Генрих, брат императора Бальдуина, столько же осторожный полководец, сколько

умный государственный человек. Начальники войск тотчас выбрали его наместником государства, и уже скоримели достаточно оснований с благодарностью и уважением смотреть на своего нового властителя. Он, хотя с переменным счастьем, но вообще успешно воевал с болгарами, и снова возвратил империи главные области Фракии. Для франков было при этом благоприятно то, что греки, которых более чем когда-либо мучили дикие толпы царя Иоанна, охотно изъявили готовность вернуться под власть латинского императора. Генрих понял, какие выгоды можно было извлечь из этого примирительного настроения. Поэтому он дружелюбно отнесся к грекам и, сколько можно, брал их к себе на службу Богатому и уважаемому Феодору Вране, родственнику Комненов, он даже отдал в ленное владение Адрианополь вместе с другими фракийскими городами, и этим привлек к себе сердца греческого народа. Таким образом он уже показал себя в высокой степени способным решить тяжелую задачу правителя, когда наконец, летом 1206, стало известно, что император Бальдуин умер, неизвестно—своей ли смертью, или убитый в тюрьме болгарами. При выборе преемника между франкскими предводителями войска не было никакого разногласия превосходный наместник государства был избран императором Романии в августе того же года.

В продолжение всего этого и собственная Греция также переживала очень много перемен. Франкскому завоеванию и здесь мешали такие же препятствия, как в Малой Азии. В землях на запад от хребта Пинда, от Диррахиума вниз до Навпакта, основал независимое владение знатный грек Михаил Ангел Комнен, который, как показывает его имя, происходил наполовину от Ангелов, наполовину от Комненов. Как владетель этой страны, он удовольствовался византийским титулом деспота, поэтому его государство было названо Деспотством Эпирским; его столицей была Арта. В восточном Пелопоннесе, в Аттике и Беотии, как было выше упомянуто, уже много лет назад занял подобное положение Лев Сгурос и теперь собирался с силами, чтобы захватить себе дальнейшие остатки Византийского государства. Маркграф Бонифаций смотрел на этих людей, как на узурпаторов, которые противозаконно присвоили себе отдельные части принадлежащего ему королевства. Поэтому осенью 1204 он двинулся из Фессалоники на юг

с значительным войском из ломбардов, немцев, французов и даже греков, которых он ловко умел к себе привлечь. Он не тронул эпирского деспота, земли которого имели для него только второстепенное значение. Зато он покорил жителей Фессалии, вытеснил Льва Сгуроса из Эллады и вторгся в Пелопоннес. Здесь его победы остановились, потому что он не мог тотчас одолеть сильные крепости Коринфа и Павилии. Но в Пелопоннесе, незадолго перед тем, начал на свой страх войну с греками другой франкский рыцарь, младший Готфрид Вилльгардуэн, племянник одноименного историка четвертого крестового похода, и он пришел теперь в лагерь короля просить помощи. Там он застал Вильгельма Шамплитта, происшедшего из дома графов Шампанских, и предложил ему свою службу, если тот окажет ему содействие для покорения Пелопоннеса. Король Бонифаций был доволен, что два эти князя хотели выполнить это предприятие, и оба они имели при этом самый блестящий успех, отчасти напугавши греков силою своего меча, отчасти побудив их к мирному подчинению сохранением старых законов и обычаяев их страны.

Когда отряды короля Бонифация стояли еще под Коринфом и Навплией, и на этот театр войны дурно повлияла борьба болгар с латинянами. Царь Иоанн через несколько недель после своей победы при Адрианопле направился к западу и осадил Фессалонику. Уже он взял город. Цитадель держалась с трудом, и Бонифаций должен был спешить домой для ее спасения. Правда, ему удалось освободить цитадель, снова овладеть Фессалоникой, постепенно стеснить болгар и расширить свое господство внутри Македонии. В скором времени он вступил также в очень дружественные отношения с императором Генрихом, признал его своим верховным ленным господином, выдал за него свою прекрасную дочь Агнесу и условился с ним сделать летом 1207 года общий поход для отщипания болгарам. Но его жизнь уже приближалась к концу. Как только он заключил упомянутое условие, он попал во время одного набега в болгарскую засаду и был смертельно ранен. В замешательстве он был покинут своими людьми: его отрубленную голову принесли царю Иоанну, который торжествовал, что ему удалось покончить с «лучшим, отважнейшим и щедрейшим рыцарем, когда-нибудь существовавшим на свете»

Его преждевременная смерть была для франков чрезвычайно тяжелым ударом. Прежде всего потому, что теперь царь Иоанн с большой силой двинулся к Фессалонике и снова запер город. Но эта опасность неожиданно быстро миновала, потому что кровожадный болгарский царь был убит своими людьми в лагере под Фессалоникой 8 октября 1207 г. После этого в Болгарии начались междоусобия. Племянник и преемник Иоанна, царь Борис, был признан только одной частью народа и кроме того потерпел от императора Генриха почти уничтожающее поражение 31 июля 1208 г. при Филиппополе, так что франки, по крайней мере с этой стороны, были до некоторой степени обеспечены на первое время.

Но в Фессалонике в то же время появился новый враг латинской империи. Король Бонифаций оставил от своей жены Маргариты только малолетнего сына Димитрия. Вместо него взяли на себя правление коннетабль Буфф и граф Оберто Биандрате, два честолюбивых человека, которые стремились к самостоятельной власти, т. е. прежде всего к отделению Фессалоники от империи. Их замыслы нашли живое одобрение у ломбардских графов и господ, которых Бонифаций посадил в Македонии, Фессалии и Элладе своими вассалами, в то время, как только что поселившиеся там немцы и французы оставались верными императору Генриху. Нужна была вся ловкость и энергия императора, чтобы удержать цельность империи, и только в 1209 году, когда возмутители были совершенно стеснены хитро веденными переговорами и энергическими походами, эта опасность могла на некоторое время считаться устраненною.

Между тем, Генрих несколько раз пытался снова завоевать себе почву также в Малой Азии. Чтобы победить своего главного врага, императора Никеи, он при случае вступил в союз с трапезунтцами и даже с сельджуками Иконии, в то время, как Феодор Ласкарис натравлял против него болгар. И как Генрих вел на войну не только своих земляков, но и дружественных к нему греков, так и император Феодор с большой ловкостью пользовался оружием алчных к деньгам франкских наемников. Таким образом, оба даровитые государя употребляли друг против друга всевозможные средства, но Феодор в конце концов оказался более сильным, потому что силы Генриха из года в год требовались на многих далеких один от

другого театров войны. Император Никеи несколько раз отбил франков, и в кровопролитной битве при Меандре; ранним летом 1211 г, победил даже сельджуков, султана которых, Кайхосру, он при этом убил даже собственноручно¹ После этого Генрих, в начале 1212 года, сделал еще одно бурное нападение от Геллеспонта, далеко на юг, но, наконец, должен был признать эти усилия бесплодными и поэтому заключил с Феодором мир, по которому его империи досталась только небольшая полоса на азиатской стороне Босфора и Геллеспонта

Тем не менее, это время представляет высший пункт правления императора Генриха. Против многочисленных врагов он при небольшой силе достиг так много, как только возможно было от него ожидать при справедливых требованиях, и таких же, хотя бы ограниченных успехов он только мог ожидать и относительно внутреннего развития Латинской империи. Здесь, конечно, на первом плане стоял церковный вопрос, так как при этом дело шло ни более ни менее, как о соединении римской и греческой церквей. Правда, папа Иннокентий давно простил крестовосносным рыцарям и даже венецианцам нападение на Константинополь, так как после этой удачи ничего другого и нельзя было сделать, он много раз уговаривал также победителей не запугивать греков своим высокомерием от подчинения верховной власти Рима и, наконец, призывал способных западных духовных лиц взять на себя церковные обязанности и обучение в областях Латинской империи, но его попытки сопровождались сначала весьма умеренным успехом. С одной стороны, греки упорно и стойко держались своей веры и своей церкви, а с другой, среди латинских клириков людей находилось много в высшей степени негодных, слепых ревнителей и жадных искателей приключений, которые «под духовной личиной старались получить жирные приходы». К этому прибавился еще разлад среди латинских прелатов, как между ними, так и с знатными мирянами новой империи. Венецианцы, которые присвоили себе Софийский собор и назначили патриарха Константинопольского, старались

¹ В эту катастрофу был замешан и император Алексей III. Он уже в ноябре 1204 г был захвачен королем Бонифацием, но бежал из плена и ушел к сельджукам, чтобы воспользоваться ими против своего зятя, императора Феодора, но попался ему в руки и был у него в заточении до самой смерти

для усиления своего политического и торгового положения подчинять своему влиянию все церкви франкского государства. Против этого с большим раздражением поднялось духовенство «крестоносцев», и вражде между ними почти не было конца. Затем важные господа, графы и дворяне не удовлетвоались сокровищами и землями, которые выпали на их долю как военная добыча или были переданы им как лены, но стали грабить богатые греческие монастыри и конфисковали земли греческой церкви, находившиеся по соседству с их собственными владениями. Насилия, которые делались в этом направлении, производили тем более гнусное впечатление, что франки часто старались отбивать друг у друга свою добычу, причем иоанниты и тамплиеры, которые утверждались везде в Латинской империи, приобрели себе особенно дурную славу. Во всем этом беспорядке император Генрих, насколько мог, успокаивал, являлся посредником и примирителем. Для греков он много раз был защитой свободы совести против ярости фанатиков, и он боролся с иерархическими притязаниями так же решительно, как с дикой жадностью рыцарей к церковному имуществу. Одного значительного, по крайней мере по внешнему виду, успеха достиг он при этом на так называемом парламенте в Равеннике при Цейтуне, в мае 1210, где он, после победы над возмущением ломбардских дворян, собрал светских и духовных вельмож от Македонии до Пелопоннеса и провел решение, что церковь должна навсегда сохранить все принадлежащие ей имения, доходы и права, но что духовные лица, получая при этом земли в лен, должны платить поземельную подать, употреблявшиеся еще в византийские времена «акростихон».

Венецианцы, которые играли в этих церковных делах такую важную роль, стали между тем также владельцами значительной части Греции. Умный Дандоло, как было замечено выше, выговорил своему родному городу при упомянутом разделе, в марте 1204 года, право на три восьмых византийских области и, когда удалось до известной степени осуществить это право, дожи прибавили к своему титулу слова: владетель четверти и восьмой части всей Романской империи (*dominator quarte partis et dimidie totius imperii Romaniae*¹⁾) Правда, венецианцы

¹ Они сохранили этот титул до дожа Джiovанни Дельфинго 1356—1361

далеко не могли завладеть или удержать за собой местности и города, которые подразумевались под теми тремя восьмыми, но зато они находили случай перейти назначенные им в начале границы и занять положение, которое сделало их на некоторое время господами торговли на греческих водах. Они лишились областей между Пиндом и Адриатическим морем, потому что как их, так и короля Бонифация, который так же охотно бы захватил себе эти земли, предупредил деспот Михаил: летом 1205 они присвоили себе только Диррахиум, но уже через 10 лет должны были уступить его деспоту Феодору, брату и преемнику Михаила. В Пелопоннесе им посчастливилось больше. Правда, Готфрид Вильгардуэн и Вильгельм Шамплитт захватили для себя почти весь полуостров, но венецианцам удалось прочно занять важную для них часть его, юго-западный край Мессении с портовыми городами Модонам и Короном, и преобразовать эти два города в сильные приморские крепости, откуда они могли прекрасно следить за деятельным морским портом, который сосредоточивался здесь с Востока и Запада, и направлять его по своему желанию. Венецианский сенат назвал оба города метким выражением: «*Ocili capitales commercii*». Из греческих островов венецианцы хотели сделать центрами своего нового политического положения именно Корфу и Крит. Они взяли Корфу в жаркой битве против генуэзского пирата Леоне Ветрано, но и здесь они сначала могли утвердиться только временно, ввиду все больше укреплявшейся силы эпирского деспота. Напротив того, Крит, несмотря на все сопротивление греческих жителей и генуэзцев, которые начали из-за него кровопролитную войну, был совершенно покорен и на долгие годы был достаточно обеспечен поселением многочисленных венецианских дворян и мещан, которые взяли на себя военную службу на острове за предоставленные им лены. Архипелаг Эгейского моря Венеция предоставила собственным согражданам на добровольное покорение и рабство. После этого нашлось достаточно смелых людей, которые, подобно крестоносным рыцарям, надеялись получить здесь княжества и графства,— в особенности героический Марко Санудо, племянник Дандоло, который основал «герцогство Паксос»,— и хотя эти полунезависимые венецианские вельможи при случае враждовали со своим родным городом, но в сущности они все-таки

усиливали его могущество и влияние. Наконец, на Фракийском берегу венецианцы овладели целым рядом самых важных пунктов. Они заняли Галлиполи и отсюда господствовали над фарватером Геллеспонта. Они распространили свои старые торговые кварталы в Константинополе на большую часть города, защитили ее собственной цитаделью и выстроили в ней прекрасный торговый дом, который стал центральным пунктом всей их восточной торговли и денежных дел. Во главе их колонии в Константинополе стоял подеста, который в то же время был наместником всех их «романских» владений, носил высокий титул «деспота» и после императора считался самым могущественным человеком на Босфоре. Но деятельность венецианцев простиралась даже за пределы Латинской империи. Несмотря на дикую военную сумятицу того времени, они сумели завязать плодотворные торговые сношения с русскими, трапезунтами, греками Никей и даже иконийскими сельджуками и таким образом подчинить мир Востока все в более широких размерах своему прилежанию и промышленному уму.

Если мы тем не менее зададим себе вопрос, какое значение имело в конце концов это франкско-венецианское поселение на византийской почве для мировой борьбы между христианством и исламом, то в сущности мы можем прийти только к весьма неблагоприятному выводу. Правда, остается удивительной та богатырская сила, с которой деятели четвертого крестового похода разбивали далеко превосходившие их массы неприятеля, высокое уважение внушают государственные дарования людей, как Дандоло, Бонифаций и император Генрих, новые прочные политические создания оказываются также в смежных областях великой Византийской империи, в районе венецианского господства на островах и в небольших местностях Эллады и в Пелопоннесе, где венецианцы и франкские рыцаря в состоянии были исполнить довольно солидную колонизацию. Но этим почти исчерпывается то хорошее, что можно сказать о латинском господстве в Греческой империи, и не следует обманываться блестящей внешностью, которую представляют триумфы французов и итальянцев в Константинополе и Фессалонике. Число латинян, несмотря на приток, который время от времени приходил с Запада, оставалось слишком невелико чтобы быть достаточным для прочного

господства в обширных областях. Внутреннее устройство новой империи, слияние национальностей, соединение церквей — все это имело в виду, и в особенности император Генрих ревностно об этом старался; но окончательный результат должен был остаться ниже самых скромных ожиданий. Таким образом, главные провинции Романской империи держались как будто только на остриях мечей немногих храбрых людей. Невозможно было себе представить, что их силы могло быть достаточно, чтобы победить и присоединить деятельные небольшие греческие государства Никеи и Эпира. Но затем Константинополь и Фессалоника должны были мало-помалу опять подпасть натиску именно этих противников, и византийские властители должны были опять вернуться в свои потерянные владения. Итак, для борьбы христианства с исламом завоевание Константинополя латинянами, вместе с его последствиями, не имело никакого значения, или даже было чрезвычайно вредно. Оно долгое время отнимало у Святой Земли много сил, в которых там крайне нуждались, а в Византийской империи, хотя уже дряхлой, оно разрушило лучший оплот, который до сих пор мешал дальнейшему наступлению малоазиатских магометан. Если даже иногда никейские греки под предводительством храбрых полководцев и одерживали победы над сельджуками, то это был мало-важный выигрыш сравнительно с раздроблением и вследствие того беззащитностью всей Византийской области, что было прочным и самым печальным следствием четвертого крестового похода.

Правление храброго императора Генриха кончилось при мрачных обстоятельствах. В 1214 году был умерщвлен деспот Михаил. Его преемник был дико-воинственный государь, который, как мы уже упоминали, отвнял у венецианцев франкское рыцарство. Недолго спустя после того упомянутый граф Биандрате снова пробудил в ломбардцах Фессалоники прежнее стремление к независимости, и когда император Генрих поспешил туда, чтобы энергично встретить восстание, то внезапно умер 11 июля 1216, не имея еще сорока лет от роду, может быть, отравленный графом Биандрате. С ним, любимцем франков, великодушным другом греков, которые называли его вторым Аресом, погибла последняя надежда Романской империи.

Когда эта страшная весть пришла в Константинополь, тамошние вельможи сошлись на том, чтобы предложить императорскую корону зятю покойного, Петру Куртене, графу Оксерскому. Петр принял ее, снарядил на своей родине небольшое войско и в 1217 году двинулся через южную Италию и Адриатическое море в Эпир. Здесь он встретился с деспотом Феодором, который сначала притворился его другом, а затем коварно напал на его войско и уничтожил большую его часть. Сам император был взят в плен и вскоре умер от ран, полученных в битве. Его супруга Иоланта, которая отправилась по другому пути, благополучно прибыла в Константинополь, была признана императрицей, но также скоро умерла, летом 1219 г.

Ее преемником стал не старший ее сын, умный маркграф Филипп Памюрский, а его младший брат, граф Роберт Куртенэ-Конш, грубый, чувственный, ленивый и трусливый человек, при котором латинское господство было уже близко к своему окончательному падению. В то время, как новый император ехал в начале 1221 года из Франции через Венгрию в Константинополь, деспот Феодор пошел против Фессалоникского государства, с небольшим усилием занял его провинции одну за другой и, наконец, в 1222 году, как победитель, вступил и в плохо защищавшую столицу. Молодой сын храброго Бонифация, Димитрий, который до сих пор хотя и был номинально королем, бежал в Италию и умер в 1227 г. после того, как все его попытки вернуть свое государство оказались напрасными.

Но в том же году, когда франки лишились Фессалонники, умер также император Феодор Ласкарис, и преемником этого даровитого государя стал по меньшей мере такой же способный властитель, зять покойной, умный и смелый Иоанн Дука Ватацес. Император Роберт сделал величайшую глупость, начав войну одновременно с этим человеком и с Феодором Эпирским. Летом 1224 г. франки были чувствительно побиты обоими противниками, но особенно сильно Иоанном, так что фракийские греки начинали смотреть на него, как на своего освободителя и будущего властителя, и тайно послали в Никею за помощью против франков. Император Иоанн тотчас подал им просимую помощь и победоносно прошел через Геллеспонт до Адрианополя. Вместе с этим несомненно

пробил бы последний час Романской империи, если бы не разразилась ожесточенная вражда между ее обоими греческими противниками. А именно, деспот Эпира тотчас после занятия Фессалоники принял титул императора и уже этим поставил себя враждебно против властителя Никеи. Теперь речь шла только о том, должен ли он предоставить завоевание Константинополя и вместе с тем первое место в будущей Греческой империи более счастливому сопернику или попытаться сберечь это для себя. В этом положении деспот эпирский решил тотчас тем, что враждебно выступил против никейского войска. Он действительно вытеснил это войско из Андрианополя и сам прошел до восточной Франкии. Но так как после этого и он и Ватацес, занятые домашними заботами, не могли сейчас же продолжить борьбу за Константинополь, то Латинской империи была дана еще небольшая отсрочка.

Жалкий император Роберт, который не сумел извлечь никаких выгод из этой неожиданной благосклонности судьбы, умер в 1228 г. Его преемником был его младший брат, Бальдуин II. Так как ему было всего одиннадцать лет от роду, то при жалком положении Романской империи казалось совершенно необходимым найти извне какую-нибудь более крепкую силу для управления и спасения империи. Выбор пал на графа Иоанна Бриенна, которого мы знаем как номинального короля иерусалимского, это был опытный в военном деле и храбрый человек, но в то время ему было уже восемьдесят лет. В 1231 году, после того, как он был признан соправителем и его дочь Мария была помолвлена с молодым Бальдуином, он двинулся во главе небольшого войска в Константинополь. Незадолго перед тем Феодор фессалоникский начал войну с деятельным и осторожным царем Иоанном Асенем, правившим в то время Болгарией, был им сильно разбит и сам взят в плен. Правда, в Фессалонике, после этого, его преемником в качестве императора стал его брат Мануил, но надежды эпирской династии на великую будущность после этого поражения были уничтожены, а болгары опять заняли сильное положение в северных областях Фракии и Македонии до самой Албании. Франки от этого ничего не выиграли, потому что они только сменили одного опасного противника на другого. Несмотря на то, император Иоанн Бриенн решился в 1233 г. предпринять наступательную

войну против Иоанна Ватацеса, но это нападение не только разбилось о твердые оборонительные меры последнего, но вызвало новый разрушительный погром на остатки Латинской империи. Теперь император Никеи и царь болгарский соединились для разрушения и дележа франкского государства на Босфоре. В 1235 году каждый из них занял ближайшую к нему местность латинской Фракии, в следующем году они начали теснить самый Константинополь с моря и с суши. В этой тяжелой беде старый Иоанн Бриенн защищался с большою храбростью и в конце концов, когда венецианцы и пелопоннесские франки прислали ему на помощь значительный флот, он отбил врагов, нанеся им большие потери. Но вскоре затем, в марте 1237 г., он умер и молодой император Бальдуин II, которому теперь приходилось одному вести правление, едва ли бы мог еще долго оказывать сопротивление, если бы опять не повторилась старая история и оба предводителя его врагов не стали оспаривать друг у друга добычу. Болгарский царь в особенности никак не хотел способствовать победоносному вступлению могущественного императора Никеи в столицу греческого мира и поэтому вступил в дружеские отношения с франками и этим еще раз спас их от гибели.

Но что было этим выиграно? Печальные остатки гордой империи и без неприятельских нападений со дня на день чахли все более жалким образом. Беспреданно возобновлялась завистливая вражда между венецианскими и остальными франкскими прелатами; греки упорно отказывались признать какую-либо форму церковной унии, и императоры не могли удержать даже ту военную силу, которую могло бы доставить число латинян на Босфоре, потому что, будучи властителями почти только одной столицы, они не имели больше средств для уплаты жалованья. Правда, франкские вельможи в Элладе и Пелопоннесе обещали императорам помогать им значительными суммами, правда, папы призывали западно-европейское рыцарство к борьбе и обещали защитникам Константинополя такое же отпущение грехов, как крестоносцам в Святой Земле; правда, сам император Бальдуин отправился на Запад и «как нищий» проехал Францию и Англию, чтобы собрать деньги и войско, между тем как одновременно с этим оставленное им регентство заложило драгоценные реликвии, а именно терновый венец Христа, который попал сначала в Венецию, а оттуда

во Францию, в сокровищницу короля Людовика IX, но каждой поддержки, которая была приобретена таким образом, было достаточно только для насущной самой настоятельной нужды, так что в сущности безвыходное положение империи вовсе не улучшилось, и никак не достигалась безопасность от превосходных сил неприятелей.

Император Иоанн Ватацес был достаточно умен, чтобы в этих обстоятельствах на некоторое время предоставить совершенно не опасную «Романию» ее собственному неизбежному падению и сначала распространить свое господство в другие стороны. Он большею частью успешно покорил небольших греческих и франкских владетелей на берегу Малой Азии и на островах Эгейского моря. Кроме того, он напал на болгар, разбил их наголову и принудил уступить их новейшие фракийско-македонские завоевания. Наконец, он очень искусно воспользовался внутренними беспорядками владетельного дома в Фессалонике, принудил его, отказавшись от императорского достоинства, опять носить только титул деспота, а завладел самой Фессалоникой в ноябре 1246. Правда, один принц свергнутого императорского дома, Михаил II, побочный сын Михаила I, занял твердое положение в коренной земле своей династии, Эпире, но все-таки признал верховную власть императора Никеи.

После всего этого Иоанн Ватацес стал тем более могуществен, что он и на Западе располагал верными друзьями и союзниками. А именно, так как латиняне в Византийской империи главным образом пользовались покровительством римской курии, то главный ее враг, папский император Фридрих II со своими людьми открыто и решительно стал на сторону властителя Никеи. В то же время умер однако и Иоанн Ватацес 30 октября 1254 г., прежде чем ему было возможно опять вернуть столицу своей империи на Босфоре. Его сын и наследник, Феодор II Ласкарис, был, как его предшественники на никейском престоле, очень даровитый человек, он должен был прежде всего воевать с болгарами и эпиротами, которые поднялись против него тотчас после смерти его отца. Первых он скоро усмирил, но подавить сопротивление вторых он не мог, потому что, издавна болезненный, умер уже в августе 1258 г. Его сыну и преемнику было всего восемь лет, но в числе вельмож

империи был очень знатный человек, честолюбивый и готовый на всякое насилие генерал Михаил Палеолог, который задумал сам довершить миссию дома Ласкари-сов Регентство, которое Феодор II оставил за своего сына было свергнуто и в январе 1259 года генерал вступил на императорский престол под именем Михаила VIII. Он тотчас хотел оправдать узурпацию военными успехами и двинулся против эпиротов. Эти последние выступили против него с значительными силами, так как деспот Михаил тем бременем вступил в союз с значительнейшими франкскими владетелями в собственной Греции, с князем Вильгельмом Ахайским и — за уступку некоторых прибрежных городов — даже с королем Манфредом сицилийским. Но тем обширнее были последствия кровавой победы, которую одержал император Михаил в октябре 1259 г при Пелагонии, в верхней области реки Черны. Войска деспота рассеяны; большая часть рыцарей Сицилии и Ахаи убиты и сам князь Вильгельм был взят в плен. Если после того деспот и мог еще удержаться в горах Эпира, то во всяком случае он был уже не опасен для императора Nikeи; и тяжелое поражение; которое вместе с ним потерпели и латиняне, казалось как бы призывом не откладывать более нападение на Константинополь. Теперь для царственного города не оставалось уже никакого спасения, потому что в то время даже болгары и сельджуки были крайне истощены войной с монголами и внутренним междоусобием, а именно династическими распрями. Император Михаил понял необычайную выгодность своего положения и тотчас вооружился для решительного нападения на остатки Романской империи.

В 1260 году он переправился через Геллеспонт и взял почти все латинские местности до самой столицы. На следующий год Венеция с помощью франкского рыцарства в Пелопоннесе и на островах старалась собрать войско на помощь императору Бальдуину, в то время как Михаил, напротив, (по договору в Пимфее 13 марта 1261 г.) вступил в союз с Генуей, старой соперницей Венеции, и обещал генуэзцам такое же исключительное положение, какое до сих пор принадлежало на Босфоре гражданам Венеции, если генуэзцы за это поддержат его военной силой. Но еще прежде чем он получил помощь от этих союзников, участь Константинополя была решена. Летом 1261 года один никейский офицер, Алексей Стратегопул,

находился вблизи большой крепости с небольшим отря-
мом, как говорят, только в 800 человек. Ему удалось
установить сношения с греческими жителями крепости
и в ночь с 24 на 25 июля 1261 года проникнуть в город. На
следующего утра он двинулся ко дворцу Бальдуина,
который при известии об угрожающей опасности безумно
и малодушно бросился в бегство. Латинские подданные
Императора попробовали защищаться и, конечно, могли
еще победить неприятеля, если бы последний не поджег
венецианских и франкских кварталов и этим искусно не
увеличил страха и замешательства. Тогда все обратилось
в бегство к берегу и в скором времени большинство
латинян исчезло из Константинополя. Император Михаил
Палеолог едва поверил, что этот огромный успех достался
ему так легко, но несколько недель спустя, 15 августа
1261 г., он совершил тем более пышный и торжественный
въезд во вновь возвращенную настоящую столицу своей
империи. Император Бальдуин, ничтожное правление
которого получило достойное завершение в этой жалкой
катастрофе, стал вымаливать на Западе помощи, но уже
для поддержки, а для возвращения своей империи
более важным образом он обращался к королю Манфреду
Сицилийскому, а потом к его врагу и победителю,
которому до приобретения земель Карлу Анжуйскому,
который с удовольствием получил бы и восточную корону,
все было напрасно! Латинская империя была уже
потеряна, и ее нельзя было возвратить к жизни, и в октябре
1261 года Бальдуин II умер, как беглец, на итальянской
земле.

Княжество Ахайя

Более утешительная, чем история франкских императо-
ров в Константинополе, была история многочисленных
феодалов в Пелопоннесе, Элладе и на островах Эгейского
моря. Здесь особенно замечательны владетели (после
герцоги) Афин и князья Ахайн. Господство первых
переходило от одного к другому, и в 1204 г. оно
перешло к бургундскому дворянину Отто де ла Рош.
С 1204 по 1205 г. в Ахайе (т. е. Пелопоннесе), как
и в других частях империи, было упомянуто, проложили путь младший Готфрид

Вильгардуэн и Вильгельм Шамплитт Оба последние уже в 1205 г. своими победами над упомянутым Львом Сгуросом и его союзником, деспотом Эпирским, завоевали большую часть Пелопоннеса и после этого Шамплитт принял титул князя Ахайского. Но в 1209 году умерли Вильгельм Шамплитт и его племянник Гуго, и Готфрид Вильгардуэн воспользовался случаем, который представляли ему эти две смерти, для того, чтобы захватить правление Ахайей в свои руки. Он управлял там еще до 1218 г. Затем ему наследовал его старший сын Готфрид II (до 1245 г.), а потом его младший сын Вильгельм (до 1278 г.). Все три Вильгардуэна были даровитые люди, храбрые, с государственным умом и с большим пониманием в мирной деятельности. Они подчинили себе весь полуостров, покорив мало-помалу последние крепости греков, Коринф и Аргос, Навилию и Монеувасию. Они обеспечили свое господство постройкой многочисленных замков и больших крепостей, из которых в особенности приобрели большую славу крепкая Хлемуци, на крайнем западном пункте Пелопоннеса, и Мизитра вместе с Великой Майной, на острогах Тайгета. Франкское рыцарство было поселено на прекрасных ленах, которые составились из прежних доменов византийских императоров и из земель, принадлежавших побежденным пелопоннесским вельможам, церковные раздоры, в которых и здесь не было недостатка, сдерживались по большей части твердою рукой; а низший слой греческого населения, который сохранил свои старые нравы и обычаи и должен был платить только издавна существовавшие подати, переживал лучшие времена, чем по крайней мере те, которые выпадали на его долю в последнее предыдущее время. При этих обстоятельствах страна не только очень скоро оправилась от беспорядков, которые произвело вступление французов, но в немногие десятилетия чрезвычайно расцвела. Земледелие, промышленность и торговля в одинаковой мере содействовали благосостоянию жителей, а кредит был так благоустроен, что «купцы и рыцари странствовали, не возя с собою денег, останавливались в домах кастелянов и по простой расписке получали достаточно денег». В лучшие времена князь, имея ежегодно более 100 000 червонцев чистого дохода, в своих гордых замках содержал такой блестящий и изящный придворный штат, что среди западно-европейского рыцар

ства не было конца его восхвалениям и Ахайя называлась «радостью латинян»

Такое же положение, как в Пелопоннесе, было и в Афинах и в Фивах, в непосредственной колониальной области Венеции и на островах венецианских князей, и особенности герцогов Наксоса из рода Сануди Новая Франция возникла на родине Ликурга и Солона, новая Италия простиралась от острова до острова. Сила людей Запада создала себе здесь вторую очаровательную родину, крашенную всей прелестью более южного неба¹.

Но и это приобретение четвертого крестового похода подверглось серьезному испытанию в то самое время, когда разрушалась Латинская империя. А именно, как прежде франкские вельможи часто из зависти и честолюбия ссорились друг с другом, так случилось и теперь. Князь Вильгельм Ахайский в половине пятидесятых годов тринадцатого века возымел несчастную мысль, основанную на призраке права наследства, овладеть частью богатого острова Негропонта (Эвбеи) Здесь с 1205 года правили несколько благородных веронцев, а именно члены семьи Далле Карчери; рядом с ними мало-помалу возвысилась Венеция и постоянно стремилась к тому, чтобы подчинить себе весь этот большой и для расширения господства выгодно расположенный остров. Поэтому появление князя Вильгельма должно было привести к сильному раздору Для отражения пелопоннесского нашествия на Эвбею Венеция собрала вокруг себя большинство мелких франкских владетелей; в числе их был и Гвидо де ла Рош, владетель Афин. Несмотря на это, Вильгельм отважился на войну, которая нанесла ущерб всем сторонам, не изменив существенно прежнего деления владений. Вскоре затем Вильгельм вступил в союз с ириротами против императора Михаила VIII и после упомянутого кровопролитного поражения при Пелагонии был взят византийцами в плен. Для того, чтобы снова получить свободу, он должен был в 1262 году уступить императору господствовавшие над юго-востоком Пелопоннеса крепости и города, Мизитру и великую Майну.

¹ В то время Пелопоннес получил наименование Мореи Из числа объяснений, которые давались этому имени, верно без сомнения то, которое объясняет его просто перестановкой согласных в франкском слове Морежс или Мѳрајс вместо Рѳаіх, Rhōtāa, страна ромейцев, от греков

С тех пор угрожающий клин греческой области вошел в этот французско-венецианский мир.

Конец владычества латинян в греческой империи

В шестидесятых и семидесятых годах тринадцатого века борьба между греками и латинянами все еще носит относительно грандиозной характер. Значительные государи стоят во главе обеих сторон: на одной был победоносный император Михаил, на другой — деятельный Вильгельм Ахайский, последний из Вилльгардуэнов, и еще более Карл Анжуйский, победитель Штауфенов, который женил своего сына Филиппа на Изабелле, дочери Вильгельма Самым пестрым образом произошла группировка второстепенных сил, которые были вовлечены в раздор главных лиц. Карл и Вильгельм находились в союзе с эпирскими греками, которые хотели сохранить свою независимость от императора. Михаил главным образом дружил с генуэзцами, которым он сдержал обещание, данное перед взятием Константинополя, и с той поры, несмотря на случайные ошибки, они остались руководящей торговой силой на Босфоре и в принадлежащих империи греческих областях. Дело Михаила при этом идет мало-помалу вперед, отчасти потому, что национальное чувство греков, укрепившееся под давлением латинского чужеземного владычества, доставляло ему сильную поддержку, частью потому, что он сам действовал с замечательным дипломатическим искусством, давая папе надежду на унию греческой церкви с римскою и этим некоторое время располагая его к себе. В марте 1282 разразилась сицилийская вечерня: Сицилия была потеряна для Анжуйской фамилии и подчинилась аррагонцам, наследникам Штауфенов и друзьям Палеологов. Но император не мог уже извлечь никакой выгоды из этого столь для него приятного оборота обстоятельств, потому что умер еще в тот же самый год: и так как незадолго перед тем умер Вильгельм Вилльгардуэн, а вскоре затем последовал за ним Карл Анжуйский (1285), то почти одновременно на всех театрах греко-латинской войны выступают новые лица.

Под их господством течение событий принимает существенно другой характер. Сын и преемник Михаила,

Андроник II (1282—1328), правда, еще решительнее, чем его отец, опирается на особенности греческого народа, когда, не выказывая и тени расположения к церковной унии, он с фанатизмом отдается враждебному настроению своих соотечественников к римской церкви, но этим не мог однако усилить своего положения относительно западноевропейцев. Дело в том, что вообще он был вздорно капризен, невоинственен и, всегда неуместно, или скуп, или расточителен. Правда, что беспорядочность его финансовых дел была начата уже Михаилом VIII, так как для того, чтобы заставить забыть узурпацию короны, он не только осыпал вельмож империи подарками из сокровищ, собранных его домовитыми предшественниками, но и расточительно тратил деньги на блеск вновь возвращенной столицы. Из этого источника снова возродились прежние разрушительные недостатки византийского управления, истощение провинции в пользу столицы, централизация в ней общественной жизни и испорченность высших слоев народа. При Андронике II все это продолжало возрастать самым худшим образом, и так как император был чужд военного духа, то это скоро привело к глубокому упадку войска и флота и, вместе с тем, к самой жалкой беззащитности великой империи. Но франки все-таки не сумели воспользоваться этим для себя, так как сила анжуйцев надолго была ослаблена отпадением Сицилии, а в Пелопоннесе после прекращения дома Вильгардуэнов также не образовалось никакого твердого правления. Как империя впадала в старческую дряхлость, так и пошатнулись государственные порядки и в греческой Франции.

Как молнией в темную ночь, это печальное положение вещей было ярко освещено страшной катастрофой в начале четырнадцатого века. А именно, в августе 1302 г. анжуйцы заключили с аррагонцами мир и предложили им Сицилию. Таким образом, лучшее войско аррагонцев, так называемая большая каталонская компания, осталось праздным в Сицилии и охотно последовало призыву императора Андроника участвовать на будущее время в его битвах. Но в скором времени каталонцы поссорились с византийцами, главным образом по вине последних, и после этого, хотя их было всего несколько тысяч человек, они стали ужасным непобедимым бичом всего греко-франкского мира от Константинополя до

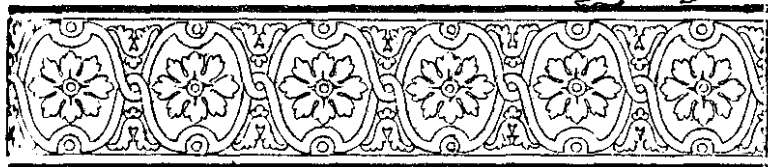
Коринфа В течение нескольких лет они жестоко опустошили Фракию, Македонию, Фессалию, в страшно кровавой битве при Кефиссе (15 марта 1311) истребили почти все гордое дворянство латинской Греции и наконец прочно утвердились в Аттике.

Но во время всего этого уже подготовлялась ужасная гибель, в которой в конце концов должны были пасть все христиане на византийской территории, греки и латиняне, французы и итальянцы. Потому что с тридцатых годов тринадцатого века новые туркменские орды, отступая перед монголами из Средней Азии на запад, были приняты родственными им сельджуками в Иконийской области и поселились главным образом на византийской границе около Дорилеума. Когда число их увеличилось и они сами хорошо осознали свою юношески свежую силу, они самостоятельно выступили между сельджуками и византийцами. Уже в царствование императора Андроника они с своим воинственным предводителем Османом стали самым опасным врагом греков в Малой Азии. Их способ действий, состоявший в том, чтобы беспощадными и непрерывно повторяющимися опустошительными набегами прежде всего делать страны, которые они хотят покорить, неспособным к защите, напоминал самые тяжелые беды, которые византийцы претерпели в одиннадцатом веке. Их храбрость могла равняться с храбростью христиан, а дисциплиной и повиновением своим начальникам они далеко превосходили и греков, и латинян.

Эта новая сила османских турок могла однако в последующее время действовать тем свободнее, что христианский мир продолжал истреблять сам себя. Византийская империя тяжело страдала от династических распрей: латиняне, особенно генуэзцы и венецианцы, в слепой ярости боролись друг с другом; на севере, после того как болгары отступили на второй план, победоносно надвигались сербы, доходившие до Эгейского моря. Тогда османы перешли через Геллеспонт, твердо укрепились на Балканском полуострове, разрушили сербское царство, взяли Константинополь и завладели мелкими государствами латинян. Только Венеция в течение многих лет сохранила еще часть своих владений на островах, но судьба, которую некогда хотел отвести от своей империи император Алексей I, основатель владычества Комненов, исполнилась в самом полном и самом страшном объеме.

ГЛАВА IX

Пятый крестовый поход¹

Сирия с 1205 г.

С сирийские христиане, к которым мы теперь возвращаемся, в первые годы после завоевания Константинополя латинянами жили в очень стесненных обстоятельствах. Между Львом Армянским и Бозмундом

¹ Вилькен, *Geschichte der Kreuzzüge*, т. IV и т. д. Винкельманн, *Geschichte Kaiser Friedrichs II und seiner Reiche*, Берлин 1863. Ширрмахер, *Kaiser Friedrich II*, 4 тома, Гёттинген 1859—1865. Перихт, «Der Kinnerkreuzzug» в *Hist. Zeitschrift* Зибеля, т. 36, 1876. Перихт, «Die Kkreuzzugsbe-wenung im Jahre 1217», в *Forschunden Zur deutschen Geschichte*, 1876. Перихт, «Die Belagerung von Damiette», у Раумера, *Hist. Taschenbueh*, изд. Рилля, 1876. Перихт «Die Kreuzfahrt des Kaisers Friedrich II», в его *Beitrage Zur Geschichte der Kreuzzude*, т. I.

Антиохийским продолжался прежний раздор. Один раз король с помощью своих антиохийских приверженцев завладел столицей князя, но через несколько месяцев последний снова получил перевес, жестоко отомстил своим неверным подданным и возбудил мусульман Галеба к войне против армян. Тем временем умер в Акконе король Амальрих, 1 апреля 1205 г. Остаток Иерусалимского королевства перешел к его падчерице Марии-Иоланте, которая произошла от первого брака его жены Елизаветы с маркграфом Конрадом Монферратским, а сын его Гуго, родившийся от его первого брака с иерусалимской дворянкой, наследовал остров Кипр. Но и Мария и Гуго были еще несовершеннолетними, и поэтому в обоих небольших государствах было учреждено регентство. Для молодой королевы иерусалимской стали скорее искать подходящего супруга. Выбор пал на графа Иоанна Бриенна, уже в то время известного своими воинскими дарованиями рыцаря, конец которого, как регента в Константинополе, был рассказан в предыдущей главе. Иоанн, получив денежную помощь от папы, прибыл в сентябре 1210 года в Сирию во главе небольшого крестоносного войска и был тотчас повенчан с Марией. Но его силы были все-таки слишком незначительны, чтобы он мог одолеть мусульман. Он сделал попытку снова завоевать Иерусалим, и таким образом он был вынужден жить в мире с мусульманами, пока какой-нибудь новый крестовый поход не доставит ему достаточной поддержки. Но этот мир в конце концов был гораздо менее полезен христианам, чем их противникам, потому что, чем дольше длился мир, тем тверже укреплял султан Альмерик Аладил свое могущество в передней Азии и в Египте и тем невероятнее становилось, чтобы крестоносцы могли когда-либо отнять у мусульман значительный кусок земли. Умный султан давно понял это и потому уже много лет продолжал заботиться о сохранении мира. Правда, время от времени опять вспыхивала война между обеими сторонами, но каждый раз удавалось восстанавливать перемирие после короткого его нарушения; а с другой из европейских христианских держав, Венецианской республикой, Аладил тем временем завязал даже самые дружеские отношения. А именно хитрые граждане Венеции после завоевания Константинополя указали ему, как он должен был быть благодарен им, что четвертый крестовый поход не был обращен против Египта, как

первоначально предполагалось; и после этого султан действительно дал им около 1208 года торговый договор, который оказал величайшую помощь их сношениям с Александрией и всеми местностями долины Нила.

При этих обстоятельствах сирийские государства крестоносцев видели себя предоставленными на медленную погибель без всякой надежды на спасение, если бы энергическое восстание Запада не успело сильно изменить их пользу политические отношения перед Азией. Но когда могло явиться это восстание? Италию разрывали внутренние междоусобия. Германия проливала кровь из тысячи ран в бесконечной борьбе Штауфенов и Гвельфов. Французская Франция, некогда самая верная область римской империи, была наполнена отвратительной войной против альбигойских еретиков, и французская корона еще теперь продолжала исстари наследственную борьбу с королем Англии.

Между тем еще жил папа Иннокентий III, который поставил себе целью не только подчинение западно-европейских государств верховной власти церкви, но и распространение своего господства на греков и мусульман, т. е. прежде всего на завоевание вновь Иерусалима. Это много раз повторявшиеся увещевания поддерживать христиан в Святой Земле присылкой денег, или еще лучше послешить им на помощь с мечом и копьём падали тем более на плодотворную почву, что у большей части его современников события последних лет любопытным образом увеличили охоту к крестовым походам. Хотя и приходилось постоянно скорбеть о потере Иерусалима, но римское христианство получило взамен самое поразительное вознаграждение в Греческой империи. В ряду с западными венценосцами считались теперь еще латинский император в Константинополе, короли Фессалоники и Кипра, князь Афин, Наксоса и Ахайи. Сотни дворян, которых дома были скудные наследия, пользовались теперь многочисленными владениями; и бесчисленные искатели приключений всех сословий хвастались хорошо или дурно приобретенным богатством. Тогда нациями Канада овладело более чем когда-либо раньше фантастическое стремление вдаль. Самый удивительный успех казался обеспеченным каждому храбрцу; и опять, как прежде, с этим стремлением к войне и странствию соединилось глубокое религиозное возбуждение. Правда,

Иннокентий III, как Григорий VII, был прежде всего теократ, но в то время, как он трудился для созидания своего церковного мирового владычества, рядом с ним поднялись глубоко мечтательный Франциск Ассизский и ревностный Доминго Осма, они основали на принципе апостольской нестяжательности нищенствующие ордена францисканцев и доминиканцев и таким образом создали новые церковные воинства, назначенные и приспособленные к тому, чтобы примером своей жизни и жаром своего красноречия действовать на народные массы и чтобы весь светский мир все полнее подчинить церкви и ее главе. Вследствие всего этого горячее стремление к священной войне, опять наполнившие сердца христиан, приняло еще более страшные формы, чем в веке Петра Амьенского. Случаи религиозного экстаза стали повторяться чаще; предсказания и видения приводили к твердой вере, что сам Бог чудесным образом будет вести и охранять пилигримов; экстатическое настроение начало господствовать в значительной части Запада

Детский крестовый поход

Во Франции и Германии это настроение вызвало прежде всего очень печальную неурядицу. В июне 1212 года в одной деревне близ Вандома явился мальчик пастух, по имени Стефан, который объявил, что он посланец Бога, и призван стать предводителем и снова завоевать христианам Обетованную Землю; море должно было высохнуть пред войском духовного Израиля. Он прошел по всей стране и везде вызывал бурное одушевление своими речами, а также и чудесами, которые он совершал на глазах тысячи очевидцев. Вскоре во многих местностях появились мальчики в качестве крестовых проповедников, собирали вокруг себя целые толпы единомышленников и вели их, со знаменами и крестами и с торжественными песнями, к чудесному мальчику Стефану. Если кто спрашивал молодых безумцев, куда же они идут, тот получал в ответ, что они отправляются за море к Богу. Их родители и благоразумные духовные лица, которые хотели удержать мальчиков от их предприятия,

ничего не могли сделать, тем более, что народная масса ждала от этого крестового похода великих дел и резко порицала тех, кто думал иначе, за то, что они не понимали действия Святого Духа в детях, которые уже одной своею непорочностью казались призванными снова возратить Святой Гроб, потерянный по греховности их предков. Наконец, король Франции попробовал подавить эту бессмыслицу, серьезно приказав юным глупцам вернуться домой. Часть их последовала этому приказу, но большинство не обратило на него внимания и скоро в это фантастическое предприятие были вовлечены и взрослые. К нему пристали священники, ремесленники и крестьяне, но вместе с ними также воры и преступники, которым хотелось бы оставить родину, наконец, даже женщины и девушки. Поход возрастал все сильнее: во главе его был мальчик-пастух на колеснице, увешанной коврами, окруженный телохранителями, а за ним до 30 000 пилигримов и пилигримок. Когда толпа достигла Марселя, то два торговца рабами, как говорят, вызвались перевезти в Сирию этих «поборников Христа» за «воздаяние Божие»¹. Они, как говорят, отплыли на семи кораблях, два из них потерпели крушение при острове Сан-Пьетро близ Сардинии, а пять остальных злодеи будто бы привели в Египет и продали там пилигримов как рабов. Тысячи их попали ко двору Халифа и достойно отличились там стойкостью, с которой они упорствовали в христианской вере. Зато оба преступных торговца невольниками попали позднее в руки императора Фридриха II и были приговорены им к смертной казни и повешены. Кроме того, этому императору удалось, как говорят, при заключении мира, в 1229 г., с султаном Алькамилом, снова вернуть свободу значительной части этих несчастных пилигримов.

Сумасбродство, охватившее французских детей, действовало также и в Германии, особенно в нижнерейнских областях. Здесь выступил мальчик Николай, которому еще не было и десяти лет от роду, руководимый своим отцом, также гнусным торговцем невольниками, который пользовался бедным ребенком для своих целей, за что

¹ Винкельман, *Geschichte Kaiser Friedrich der Zweiten*, стр 221 и след., считает трогательный рассказ о судьбе французских детей вымышленным. Перихт (*Der Kinderkreuzzug*, в *Historische Zeitschrift*, стр 5 и след.), однако, в существенном подкрепляется его новыми доказательствами

впоследствии вместе с другими обманщиками и преступниками кончил, как говорят, виселицей. Николай появился со станком, на котором находился крест в виде латинского Т, и об нем объявилось, что он с сухими ногами перейдет море и утвердит в Иерусалиме вечное царство мира. Где он ни появлялся, он непреодолимо привлекал к себе детей. Собралась толпа в двадцать тысяч мальчиков, девочек, а также беспорядочного сброда и двинулась на юг через Альпы. По дороге большая часть ее погибла от голода и разбойников или возвратилась домой, уstraшенная трудностями похода: тем не менее несколько тысяч еще достигли Генуи 25 августа. Здесь их недружелюбно прогнали и принудили их к быстрому дальнейшему походу, потому что генуэзцы боялись какой-либо опасности для своего города от странного войска либигримов. После этого они дошли еще до Бриндизи, но здесь, благодаря энергии тамошнего епископа, им помешали предпринять морское путешествие на Восток. Тогда им не оставалось ничего больше, как вернуться домой. Часть мальчиков направилась в Рим, чтобы просить у папы разрешения от крестоносного обета. Но папа не исполнил их просьбы, хотя, как говорят, уже перед тем приказал им бросить их безумное предприятие; теперь он дал им только отсрочку крестового похода до их совершеннолетия. Обратный путь уничтожил почти весь остаток этого детского войска. Сотни их падали от истощения в странствии и жалким образом погибли на больших дорогах. Самая худшая судьба выпала, конечно, на долю девушек, которые кроме всяких других бедствий подвергались еще всевозможным обманам и насилиям. Нескольким удалось найти приют в добрых семьях и своими руками зарабатывать себе пропитание; в Генуе некоторые патрицианские роды ведут даже свое начало от оставшихся там немецких детей; но большинство погибло жалким образом и только небольшой остаток всего войска, больной и истощенный, осмеянный и поруганный, снова увидел родину. Мальчик Николай остался будто бы жить и позднее, в 1219 году сражаясь при Дамiette, в Египте

Папа Иннокентий III и папа Гонорий III

Детский крестовый поход напоминает нам, как было метко замечено, сказание о крысолове из Гамельна, который в 1248 году привлек волшебной силой сотни детей и увел будто бы в гору, вглубь земли, откуда они вышли только в Трансильвании, т. е. «на путях Карла Великого». Но современники этого крестового похода, даже понимая его сумасбродство, все-таки были глубоко поражены духом, которым были проникнуты молодые мечтатели. Говорят, что папа Иннокентий воскликнул: «Эти дети пристыжают нас; пока мы спим, они радостно идут, чтобы завоевать Святую Землю». И во всяком случае папа именно теперь принялся за дело, чтобы достичь, наконец, освобождения Иерусалима с громадным направлением всех сил, которое своей резкой насильственностью выказывает внутреннее сродство с усердным стремлением детей.

Весною 1213 года он письмами стал призывать весь христианский мир к борьбе против ислама и разослал во все страны знатных легатов и простых монархов, чтобы вербовать воинов для священной войны. При этом он приказал, чтобы в церквах ежедневно совершались молитвы и ежемесячно устраивались торжественные процессии, то и другие для того, чтобы просить Бога о даровании своим людям победы над неверными. Он увещевал также тех, которые уже обязались к войне против еретических альбигойцев, идти лучше в поход против мусульман, потому что последнее представляет несравненно большую заслугу; а крестоносным проповедникам он велел допускать к принесению крестоносной присяги всякого, кто вызовется, не доискиваясь, годен ли он для участия в походе; он даже положительно позволил давать знак креста и настоящим преступникам, если только они с раскаянием будут об этом просить.

Успех этих мер, был, конечно, очень значительный. Во всех церквах возглашалась предписанная молитва, в городах и селениях, на мостах и перекрестках посланцы папы проповедовали священную войну; повсюду и постоянно бедствия Иерусалима действовали на сердца западных христиан и разжигали до последней степени их уже глубоко возбужденное настроение до самого горячего пыла. Иннокентий отбросил последние преграды, которые мешали

самому крайнему одушевлению, когда он позволил принимать крест даже негодным людям и преступникам; и по крайней мере об одном из его легатов, фанатическом кардинале Роберте, посланном им во Францию, говорят, что он наделял крестом даже калек и слепых, стариков и детей, женщин и злодеев. Не только во Франции большие массы приносили крестоносную присягу, но также в Италии, Англии и главным образом в Германии, где кельнский схоластик Оливерий Ксантен наделил крестом почти неисчислимые толпы среди нижнерейнского населения. Кто не обещал лично принять участие в странствии к Святым местам, тот старался помочь общему делу деньгами. Бедняк клал свою лепту в кружки, которые стояли во всех церквах, богатый назначал большие суммы для поддержания воинов в Святой Земле, а король Филипп-Август Французский отдал на это сороковую часть своего годового дохода. Конечно, и на этот раз не было недостатка в знамениях и чудесах, и тем более, что сам Иннокентий объявил, что господство лжепророка Магомета приходит к концу, потому что из 666 лет, которые по откровению Иоанна Бог предоставил этому зверю, прошло уже почти 600 лет.

Могучее движение, которое таким образом охватило большую часть Европы, было кроме того чрезвычайно усилено удачей самых значительных битв того времени. Так, в сентябре 1213 г альбигойцы потерпели при Мюре страшное кровопролитное поражение, а в июле 1214 г быстро пала империя Оттона IV, Вельфа, при Бувине. То и другое послужило к большой выгоде церкви: угрожавшая сила еретиков была теперь глубоко подавлена, и молодой Штауфен, Фридрих II, которому Иннокентий покровительствовал и которого выставил против упрямого Вельфа, стал с тех пор владычествовать в германской империи, почти всеми признанный король. Тогда государи и народы христианского мира склонились пред могущественным папой, и казалось, что его теократические идеалы везде близки к осуществлению. Уже два короля, Иоанн Английский и Петр Аррагонский объявили свои страны церковными ленами; этот Иоанн и король Андрей Венгенский уже приняли кресты; а затем и король Фридрих II в порыве юношеского одушевления принес в Ахене 25 июля 1215 года крестоносную присягу и увещевал вельмож своей империи последовать этому

примеру Его слово подействовало увлекающим образом, когда притом крестоносные проповедники пользовались удобным моментом и пламенными речами призывали к священной войне. Как на «съезде Христовом», который некогда собрал в Майнце его дед, император Фридрих I, так теперь тысячи людей и в том числе благороднейшие люди народа, епископы, князья и графы клялись поднять меч за Спасителя

Но Иннокентий еще не был доволен всем этим. Уже в 1213 г. он назначил всеобщий собор христианской церкви на ноябрь 1215 в Риме и этим он намеревался сделать, наконец, крестовый поход самой дорогой задачей всего христианского мира. В назначенное время вокруг него собралось до семидесяти патриархов и архиепископов, в том числе франкские патриархи Константинополя и Иерусалима, более 400 епископов, более 800 аббатов и приоров и послов светских государей от Англии и Франции до Кипра и Иерусалима. Такого собора еще не видал свет: «казалось, на нем собралась вся земля». Это блестящее собрание утвердило низложение Оттона IV и признание Фридриха II, постановило ряд резких решений против еретиков и для восстановления внутренней церковной дисциплины и в особенности по делам крестового похода определило, что все пилигримы, хотя бы они отправились в Сирию сухим путем или морем, должны начать поход 1 июня 1217 г., а едущие морем все вместе из гаваней Мессины и Бриндизи. Тот, кто оказывает какую-либо помощь странствию к Святым местам, должен за это получить щедрое отпущение грехов; кто будет вредить, должен подвергнуться отлучению от церкви и интердикту. В продолжение четырех лет христиане не должны были воевать между собой и три года они должны были воздерживаться от турниров, которые уже давно возбуждали гнев крестоносных проповедников, как невыгодное для высших целей удовлетворение воинственности. Весь христианский клир должен был в течение трех лет жертвовать на священную войну двадцатую часть своих доходов, а папа и кардиналы даже десятую часть. Наконец, Иннокентий, побуждаемый великодушной щедростью, обещал дать пилигримам, кроме других ценных даров, 30 000 марок серебра из своих личных сбережений.

Этот папа мог с самыми гордыми надеждами смотреть

на ход предприятия, которому он посвятил лучшие силы своей жизни. В послании к Султану Альмелику Аладилу он уже решил требовать отдачи Иерусалима и освобождения христианских пленников, а на запросы его о положении дел в Сирии тамошние рыцарские ордена заявили даже, что Эйюбиты, сильно испуганные вооружениями Запада, готовы исполнить эти требования и даже сделать еще больше, если бы этим они могли обеспечить себе на будущее время прочный мир. Но Иннокентию тем не менее не пришлось пожать плоды своих трудов. Среди своих побед и триумфов он, только 54 лет от роду, получил в Перуджии лихорадку и умер там 16 июля 1216 г. Его преемником стал папа Гонорий III, до тех пор кардинал Ченчи Савелли, несколько не властный характер, как Иннокентий, но человек с простым благочестием и уступчивым характером, притом согбенный тяжестью лет. Между тем и он не хотел отставать от своего предшественника в неутомимом рвении для освобождения Иерусалима. Опять на весь свет разосланы были папские окружные послания; опять легаты и монахи проповедовали в замках и селениях, и по крайней мере в Сирии приготовления к священной войне и теперь еще имели хороший успех. Осенью 1216 г. один из самых деятельных и способных крестоносцев-проповедников того времени, ученый Яков Витри, избранный епископом Акконским, начал призывать к войне в самих крестоносных государствах. Сначала это положение здесь было трудно, потому что сирийские христиане, живя в благосостоянии, а также и в безнравственности, по большей части не хотели слышать о серьезных военных тревогах; но мало-помалу он настоял на своем, воодушевил высший и низший слои народа и затем написал папе, что сильное нападение крестоносцев на Эйюбитов может иметь лучшие надежды на успех. Так как султан Альмелик Аладил старался почти с боязливой осторожностью поддерживать мир с христианами, который он всегда предпочитал войне, то епископ Яков думал, что силы неприятеля были шатки. Он думал, что 4 000 рыцарей будет достаточно, чтобы победить неверных, и как только большое крестоносное войско прибудет в Сирию, то многие тысячи христиан, разбросано живущих среди мусульман, также тотчас возьмутся за оружие.

Но несмотря на то, со смертью папы Иннокентия

исобщее восстание христианского мира на борьбу против ислама стало невозможным. Правда, бесчисленные препятствия, которые мешали осуществлению огромного предприятия, были на некоторое время отодвинуты на задний план могущественной личностью этого папы, но когда он закрыл глаза, эти препятствия снова обнаружись в полной Силе. Император Фридрих находил, что его присутствие на родине на первое время еще необходимо, и поэтому отложил крестовый поход до более позднего времени. Король Иоанн английский умер 19 октября 1216 года и оставил свое государство в самом жалком расстройстве. У французских вельмож не было охоты к этому странствию к Святым местам, когда подле них призывали к тому и чернь и когда они должны были войти в близкое соприкосновение с немцами, «в сопровождении которых они ни за что не хотели переплывать море». Словом, как ни был деятелен Гонорий, и хотя именно в то время переходило из уст в уста предсказание, что в его папство Иерусалим снова вернется в руки христиан, тем не менее скоро стало достаточно ясно, что в поход на Восток действительно пойдут самое большое несколько князей с сравнительно небольшие войска.

Крестовый поход короля Андрея Венгерского

Тем не менее весной 1217 года не только много небольших отрядов пилигримов двинулось в путь из всех почти земель, но в двух местах — в Венгрии и соседней юго-восточной Германии, а также на Нижнем Рейне и в Фрисландии, собрались довольно значительные массы для начала похода. Король Андрей Венгерский¹ с величайшими усилиями собрал средства для хорошего вооружения, причем он не остановился перед порчей монеты

¹ Король Бела III Венгерский (+20 апреля 1196) унес с собой в могилу неисполненный крестоносный обет и поэтому завещал своему сыну Андрею вместо него отправиться к Святому гробу Беспорядки в Венгрии долго мешали Андрею исполнить желание отца только новое возбуждение, которое дал Иннокентий III, после детского крестового похода, привело его к исполнению намерения дедовского в течение нескольких десятков лет.

и грабежом богатых церквей, а затем, со значительной свитой епископов и магнатов и большими толпами низших воинов, в том числе многими тысячами трансильванских саксов, двинулся через Кроацию на берег Адриатического моря. Туда же отправились герцог Леопольд VI Австрийский и Отгон Меранский со многими, большей частью австрийскими и баварскими прелатами, графами и дворянами. Из Спалатро эти крестоносцы поплыли в Аккон и там соединились с войсками, которые снарядили для общей войны короли Иоанн Иерусалимский и Гуго Кипрский, вместе с князем Боэмундом IV. Численность войска, которое в этот момент, в октябре 1217, наполняло улицы Аккона, говорят, была больше, чем войско тех крестоносцев, которые стояли под стенами этого города от 1189 до 1191 г. Но надежды на успешную борьбу были на этот раз очень незначительны. В Акконе, по случаю неурожая в Сирии, не нашлось достаточно продовольствия для таких масс народа, так что более бедных пилигримов старались как можно скорей отослать назад за море. Вскоре произошли также небольшие ссоры между крестоносцами и сирийскими христианами, потому что некоторые из крестоносцев, а именно баварцы, совершили грубые насилия. Но всего хуже было то, что значительным военным силам, которые здесь собрались, не представлялось никакой соответственной военной цели. Несмотря на все одушевление за Святой город, осада Иерусалима уже не стояла на первом плане с тех пор, как образовалось мнение, что могущество Эйюбитов должно быть сломлено прежде всего в Египте. Именно на основании этого мнения сирийские христиане незадолго перед тем составили план направить главную силу новых крестоносцев против большой и богатой Дамьетты, но из боязни ли предпринять плавание в Египет теперь, в позднюю осень, или по какой-нибудь другой причине, но в конце концов пришли только к тому, чтобы предпринять поход во внутрь Сирии, причем предводители христианского войска при хорошем успехе намеревались, кажется, сделать нападение на Дамаск, т. е. сирийскую столицу Эйюбитов. В первой половине ноября пилигримы двинулись из Аккона на юго-восток к Иордану и перешли реку на юге от Тивериадского озера. Султан Альмелик Аладил был очень озабочен этим походом и приказал уже дамаскинцам заботливо приготовиться к сильной обороне.

но несмотря на то, он и теперь твердо держался испы-
танной системы — сколько возможно избегать серьезно-
го военного столкновения с христианами. Он поступил
верно. Крестоносцам скоро наскучил усиленный поход,
на котором они едва встречали неприятеля; кроме того
они считали главной целью своего предприятия достигну-
той самым желательным образом, и так как им удалось
захватить большое количество продовольствия и военных
припасов, и поэтому они мирно возвратились в Аккон,
далеко обогнув восточную и северную сторону Тивериад-
ского озера.

Но после короткого отдыха они все-таки поднялись
во второй поход, опять на юго-восток вглубь страны. На
этот раз дело шло о сильной крепости, которую султан
построил только в 1213 г на горе Таборе. Но осада этой
крепости представила большие затруднения как по ее по-
ложению на значительной высоте, так и по храбрости ее
защитников. Поэтому христиане потеряли охоту к пред-
приятию уже после первых битв, которые при незначи-
тельном успехе принесли им большие потери, и, едва
простояв неделю перед крепостью, они опять вернулись
в Аккон. Несмотря на то, Аладил вскоре после того велел
срыть укрепления на Таборе, потому что счел наилучшим
не раздражать христиан на этом месте таким объектом
для нападения.

В конце 1217 г крестоносцы двинулись наконец в
третий раз из Аккона и направились на север к крепости
Бофор. Но в этом походе они сильно пострадали от не-
приятельских нападений и от неблагоприятной погоды
и вынуждены были к поспешному отступлению. Они
достигли Аккона в состоянии полного изнурения.

Этот ряд небольших походов, из которых один кон-
чался плачевнее другого, истощил силы всего войска. Бо-
лее всего удручен был происшедшими неудачами король
Андрей, и поэтому в 1218 году он отправился домой, рав-
нодушный к великому отлучению от церкви, которое обра-
тил против него патриарх Иерусалимский. Правда, гер-
цог Леопольд и немцы остались в Сирии и прилежно по-
могали при постройке большого «замка Пилигримов»
на берегу южнее Хаифы, а также при восстановлении
магадели в Цесарее, но сделать нападение на неприятеля
и они уже не отважились.

Между тем новое войско пилигримов прибыло близко

к Святой Земле Весною 1217 года жители Рейнских земель и фризы отплыли на сильном флоте, около 300 судов, под предводительством графов Георга Видского и Вильгельма Голландского, и с незначительными трудностями и потерями счастливо достигли Лиссабона. Здесь их стали убедительно просить направить свое оружие прежде всего против испанских мусульман. Оба графа и экипаж 180 судов согласились на это, но остальные требовали, чтобы их без задержки вели в Сирию. Вследствие этого флот разделился. Около трети его тотчас поплыли дальше вдоль испанского берега, этот флот несколько раз приставал к берегу, напал и страшно опустошил города Санта-Мария, Родете и Кадикс, но частью от противных ветров, он потерял очень много времени и поэтому должен был перезимовать в итальянских гаванях. Между тем экипажи остальных кораблей португальцы повели к крепости Алькасер до-Саль, расположенной в нескольких переходах на юго-востоке от Лиссабона. Они разбили наголову 11 сентября сильный отряд южно-испанских эмиратов, шедший на выручку, и после горячих и геройских битв заняли эту крепость 21 октября. После этого эти пилигримы перезимовали в Лиссабоне, и в марте 1218 г обе части флота опять пустились в море. 26 апреля суда, шедшие из Италии, достигли Аккона и другие прибыли туда по всей вероятности в течение мая.

Осада Дамьетты

Значительное подкрепление, которое пришло таким образом к крестоносному войску, опять быстро подняло их глубоко упавший дух, и наконец дело дошло до обширного предприятия, которое, хотя и должно было кончиться несчастливым, но тем героизмом, который при этом выказался, соответствовало тому одушевлению, с каким Иннокентий и Гонорий призывали к священной войне. В Акконе было решено немедленно привести в исполнение так часто предполагавшееся нападение на Египет, и именно тотчас соединить все наличные силы против Дамьетты ключа Нильской долины. Нужные для этого

снаряжения велись с величайшим рвением уже 29 мая первые христианские корабли пристали к Дамiette, вскоре последовали остальные Король Иоанн и патриарх Иерусалимский, герцог Леопольд австрийский и кипрский архиепископ из Никозии, графы Голландский и Видский, три магистра — тамплиеров, госпиталитов и Немецкого ордена — все они с многими тысячами смелых воинов раскинули свой лагерь на египетских песках

Дамьетта была в то время большая, и естественно и искусственно сильная крепость Она лежала на узком полуострове, на востоке от широкого рукава Нила Крепостные сооружения состояли из тройного кольца стен, укрепленных многочисленными бастионами, и из крепкой башни, которая была построена на небольшом острове среди Нила и соединялась с городом посредством моста Перед этой башней стояли сторожевые корабли, а цепи которые шли от нее, заграждали фарватер Нила Крестоносцы расположились лагерем на западном берегу реки и направили нападение прежде всего на большую башню, которую они справедливо считали главным оплотом города. Так как в числе их было много матросов и кораблестроителей, то им нетрудно было превратить множество судов в сильные плавучие осадные машины с огромными штурмовыми лестницами и крепостцами на вершинах мачт и серьезно угрожать ими башне, мосту и цепям Между тем осажденные прекрасно защищались огнем и всякими снарядами, первый приступ христиан (в начале июля) совершенно не удался Но фризийские моряки выстроили теперь на мачтах двух соединенных между собой грузовых кораблей еще большую крепостцу с спускным мостом и подвижной штурмовой лестницей, подвели эти суда 24 августа, несмотря на ветер и волны, к самой башне и начали отчаянную битву, на которую остальное войско смотрело с берега на коленях и усердно молясь Долго свирепствовала битва, только вечером была захвачена часть башни, но в то же время силы защитников были совершенно истощены, так что единственным средством спасения для них оставалась капитуляция. На следующее утро она состоялась и в христианском лагере поднялось шумное ликование, так как самое трудное дело казалось законченным

Известие о падении цепной крепости, которая считалась неодолимой, поразило султана Аладила Когда хри

стианское оружие внезапно обратилось против Египта, он сколько возможно позаботился о том, чтобы увеличить тамошние военные силы и кроме того беспокоить крестоносцев в Сирии, в их тылу. Именно теперь к его радости сирийские христиане понесли чувствительные потери но что это было в сравнении с смертельной опасностью, в которой находилась Дамиетта и весь Египет после падения гордой башни? Аладил увидел, что задача его жизни — мало-помалу усыпить воинственность христиан уступчивостью и миролюбивыми действиями, была разрушена самым роковым образом, и от скорби об этом 31 августа 1218 года с ним, человеком старым и болезненным, сделался удар. В Сирии ему наследовал его сын Альмуаззам, в Египте его сын Алькамил, первый был страстным противником христиан, второй более склонен к образу мыслей отца, но обоим прежде всего сильно грозила тогда война за Дамиетту и мятежное настроение, которое вследствие этого распространилось среди туземцев их земель.

Но крестоносцы не воспользовались стесненным положением своих противников. Некоторое время, напротив, они отдыхали в полном бездействии, некоторые из их лучших бойцов возвратились даже на родину, довольные тем, что было достигнуто до сих пор. Причину такого странного явления, надо, очевидно, искать в том, что были в пути весьма значительные подкрепления для войска пилигримов и одна часть последних могла считать эти подкрепления как будто отпуском для себя, между тем, как остальные не хотели продолжать борьбу по крайней мере до прибытия новых сотоварищей. Действительно, мало-помалу в лагерь под Дамиеттой прибыли многочисленные поборники Христа из Англии, Франции, Италии, в том числе много знатных господ, но Эйюбиты извлекли из замедления войны по крайней мере столько же выгоды, так как они укрепили до некоторой степени свое шаткое господство и ревностно заботились об увеличении своих войск. Алькамил отважился даже перекинуть мост через Нил выше Дамиетты и нападениями отсюда беспокоить христианский лагерь. Правда, этим он не достиг ни какого особенного успеха, потому что вред, который он наносил крестоносцам, был гораздо меньше его собственных потерь, и его войско скоро утомилось страшно кровавыми битвами. Но зато пилигримы в начале зимы тяжело

пострадали сначала от разлива Нила, а потом от страшной лагерной эпидемии, от которой погибла, как говорят, шестая часть войска, и они вскоре вынуждены были поботиться об изменении своего положения, невзирая ни на какую опасность. Поэтому они решили всеми своими силами добиться переправы на восточный берег реки и там искать решения войны. Но когда в первых числах февраля 1219 года они снарядили суда для переправы несколько южнее Дамьетты, то они увидали против себя готовые к бою войска Алькамила. Кроме того, буря и дождь бушевали с неслыханной силой, так что успех предприятия казался чрезвычайно сомнительным. Между тем христианам на этот раз удалось освободиться от всех бед и притом без особых собственных усилий, потому что именно теперь в неприятельском войске вспыхнул заговор. Один знатный курдский офицер хотел воспользоваться брожением, которое господствовало в войске, чтобы свергнуть Алькамила, провозгласить султаном его младшего брата Альфаиза и через него властвовать самому. Алькамил еще вовремя получил известие о предпологавшемся перевороте и спасся от своих противников бегством вглубь Египта. Вследствие этого распалась большая часть его войска, которой разделено было на партии и требовало прежде всего окончания войны. Один христианский ренегат принес эту поразительную новость во флот пилигримов в ночь с 4 на 5 февраля. На следующее утро обрадованные крестоносцы высадились на восточном берегу, тотчас прогнали слабые неприятельские отряды, которые еще отваживались преграждать им путь, завладели богатой добычей и тесно окружили со всех сторон Дамьетту, устроив плавучие мосты через Нил и окружив свой лагерь окопами.

Несмотря на то, самая тяжелая борьба была еще впереди. Алькамил с помощью своего брата Альмуаззама усмирив в непродолжительном времени бунтовщиков, общим воззванием возбудил своих подданных к священной войне и вынудил у живших в его подданстве христиан значительные суммы денег. Уже в начале марта он выдвинулся опять против крестоносцев и с тех пор вокруг Дамьетты многие месяцы свирепствовала самая ужасная борьба. Христиане теснили город искусно выстроенными штурмовыми сооружениями из своего лагеря и с кораблей. Алькамил со всеми силами напал на

них с тылу, повредил их мосты брандерами, несколько раз вступал в их окопы, но в конце концов должен был все-таки отступить перед упорной храбростью своих противников. Время от времени он посылал гарнизону Дамиетты вести через смелых пловцов, но христиане заметили это и перегородили водный путь натянутой поперек сетью, снабженной наверху звонками. Наконец, когда у осажденных обнаружился недостаток в съестных припасах, Алькамил велел спустить вниз по Нилу мертвых, выпотрошенных и наполненных припасами верблюдов, но и эта хитрость была открыта пилигримами, и эти так необыкновенно скрытые припасы послужили для самих христиан. Последняя надежда, которая после всего этого оставалась мусульманам, основывалась на предположении, что крестоносцы, утомленные долгой войной, возвратятся на родину, даже не взявши Дамиетты. Действительно, весной и летом 1219 г. значительные отряды опять покинули лагерь пилигримов, в том числе даже австрийцы с их герцогом Леопольдом, который выказал себя на Востоке благочестивым и хорошим рыцарем, но который теперь находил, что уже достаточно страдал и боролся в честь Христа на кровавых полях битвы знойного Египта. Но пробелы в рядах крестоносцев опять постоянно пополнялись вновь прибывшими. В начале осени прибыли особенно многочисленные толпы из Германии, Италии, Франции и Англии, и в то же время нужда достигла в Дамиетте такой степени, что для гарнизонов близка была голодная смерть. Тогда Алькамил подчинился горькой необходимости и смиренно просил крестоносцев о мире.

Он предлагал, если христиане отступят от Дамиетты и согласятся на мир, ни более ни менее как выдать им Святой Крест, отдать все королевство Иерусалимское в его границах 1187 года, исключая крепости Крак и Монрояль, уплатить значительную сумму денег. Но эти блестящие условия мира были приятны только для одной части войска пилигримом. За принятие их стояли только король Иоанн и большинство немцев, французов и англичан, напротив, патриарх вместе с прелатами в войске рыцари орденов и итальянцы горячо требовали продолжения войны. Этими последними главным образом руководили, вероятно, два совершенно противоположных соображения: во-первых, что необходимо было приобре-

Дамиетту для торговых целей, а во-вторых, что борцы Христа не должны успокаиваться до тех пор, пока сила вражеских не будет окончательно уничтожена во славу Креста. Но у военной партии был тогда могущественный оплот в лице папского легата, кардинала Пелагия, который прибыл в Египет осенью 1218 г., и по его требованию был выбран главкомандующим войска. В этой роли он всегда стоял за самые решительные меры и поэтому отверг всякий мир с мусульманами и наконец с помощью своих единомышленников убедил все войско отклонить предложение Алькамила.

После этого султан сделал еще несколько отчаянных усилий, чтобы спасти Дамиетту. Спешные послы летели со всех сторон, чтобы созывать вспомогательные войска, и отборный отряд попытался в ночь с 3 на 4 ноября доставить в крепость через христианский лагерь небольшой запас съестных припасов. Но именно этот смелый замысел мусульман привел к решительному концу. Легат Пелагий думал — не без основания, что всякое дальнейшее промедление может только повредить христианам, и решил поэтому в первую же ночь напасть врасплох на Дамиетту. Итальянские пилигримы, с которыми он в глубоководную ночь подкрался к городу, подожгли ворота, проникли в город через отверстия и легко победили застигнутый врасплох и изнуренный голодом гарнизон. Остальным толпам крестоносного войска, которые поспешили на шум боя, оставалось почти только перелезть через стены и открыть ворота. Ранним утром 5 ноября 1219 г. вся крепость была в руках христиан.

Завоеванный город представлял страшное зрелище. Хотя здания и даже укрепления были очень мало повреждены, но лишь немногие истощенные жители плескались по некогда многолюдным улицам, и даже у большинства их были зародыши смертельной болезни¹. Зато пилигримы захватили много денег и имущества, так что, хотя некоторые из них утаили большие ценности, им все-таки осталось на общий дележ 400000 червонцев. Победители устроились в городе по-домашнему, уничтожили все следы осады, обратили мечети в христи-

¹ Говорят, что гарнизон во время осады с 45000 или даже с 56000 человек упал до 4000.

анские церкви, особенно великолепную главную мечеть, которая была украшена 141 мраморной колонной, и рас пространили свое господство набегами в окрестностях. Во время одного такого похода они завладели без битвы, так как испуганные мусульмане бежали, сильной крепостью Ганис, которая господствовала над богатым рыбой озером Мензале и представляла для Дамиетты прекрасное фланговое прикрытие.

Известие о всех этих успехах возобновило на западе одушевлении к священной войне теперь с уверенностью ожидали, что господство креста на Ниле и Иордане скоро будет обеспечено навсегда, и папа Гонорий почтил легата Пелагния именем второго Иисуса Навинна¹. Напротив, в Каире и Дамаске все было полно горя и страха. Рассказывают, что Алькамил громко плакал о падении Дамиетты и рвал на себе бороду. Его брат Альмуаззам уже весной 1219 г. отдал приказ снести несколько главных крепостей Палестины и срыть стены Иерусалима, потому что ему казалось невозможным долго удержать Святую Землю против христиан. Начатое в то время печальное дело продолжалось и теперь и мусульманские жители Иерусалима толпами бежали из своих жилищ, как будто их преследовал неприятель.

Между тем, и радость христиан, и отчаяние их противников были только отчасти основательны. Завоевание Дамиетты не имело того чрезвычайного значения, которое в ту минуту приписывалось ему со всех сторон. Крепостносцы должны были рано или поздно опять потерять этот город, если бы кроме него не подчинили своему господству весь Египет. Но достанет ли у них силы для этого, было в высшей степени сомнительно ввиду все еще значительной оборонительной силы Эйюбитов.

Уже в течение года ход событий ясно показал, что предстояло преодолеть еще очень большие трудности, чтобы довести дело Креста на Ниле до полной победы.

Тот кельнский схоластик, Оливерий Ксантен, который некогда с таким успехом проповедовал крест на Нижнем Рейне и после этого сопровождал пилигримов на Восток, писал в то время домой: «Радуясь, кельнская страна, радуясь и прославляя Господа, потому, что ты своими кораблями, оружием и войском сделала больше, чем вся остальная Германская империя; и ты, Кельн, город Святых, который живешь в садах, среди лилий дев, роз мучеников, фиалок исповедников, сложи колени своего сердца и громким голосом благодари Бога за благочестивую храбрость твоих сынов».

Опять значительные отряды пилигримов вернулись обратно на родину и хотя со всех сторон прибывали на их место новые воины, но войско подкреплялось этим едва ли достаточно для того, чтобы с ним подчинить богатый и густо населенный Египет. К этому присоединились гнусные раздоры среди христиан в Дамiette. Король Иоанн Иерусалимский желал, чтобы город был присоединен к его владениям. Легат долго возражал ему, наконец на половину согласился, но своим первоначальным отказом и вообще своим безмерным властолюбием вызвал среди пилигримов раздражение, которое много раз доводило до возмущения и кровопролития. Кроме того, дела северной Сирии оказывали в это время вредное действие на крестовый поход. А именно, князь Бозмунд IV в 1216 году был вытеснен из Антиохии своим соперником, принцем Рубеном, и ограничен одним Триполисом. Но в мае 1219 умер покровитель Рубена, старый король Армении, Лев. После его смерти Бозмунд опять завладел Антиохией, и Армения впадала во внутренние смуты, которые подали антиохийцам или вообще франкам надежду приобрести большее влияние в этой стране. Король Иоанн, услышавши об этом в лагере под Дамьеттой, потерял всякую охоту к войне в Нильской долине. Поэтому он покинул крестоносцев и вернулся в Сирию с желанием приобрести из этих дел какую-нибудь выгоду для себя. Здесь он оставался до лета 1221 года, не найдя все-таки случая для исполнения своих желаний, и потребовались многократные церковные увещания и обещания для того, чтобы побудить его к завершению египетского похода.

Во время его отсутствия легат Пелагий несколько раз пытался увлечь войско к большому нападению вверх по Нилу. Духовенство Дамьетты по большей части вторило представителю папы, но рыцари так же единодушно объявили, что войско слишком слабо, чтобы осмелиться идти на такой риск, но что надо дожидаться, во-первых, дальнейшего подкрепления с Запада, а во-вторых, возвращения короля Иоанна из Сирии. Легат просил и требовал, чтобы за ним следовали, порицал и грозил в резких словах за эту медленность, но, несмотря на все это, деятельность всего войска ограничилась в течение 1220 года незначительными набегами.

Эйюбиты, конечно, как нельзя лучше воспользовались данным им таким образом временем. Алькавил занял у

города Мансуры¹ на Ниле, в нескольких переходах на юг от Дамьетты, очень сильную позицию, защищенную окопами, и беспокоил крестоносцев своими эскадрами которые подстерегали на море именно прибывавших пилигримов Альмуаззам между тем опустошил христианские пограничные области Сирии, разрушил вновь построенную крепость Цезарею и с большими силами осадил замок Пилигримов, но не мог одолеть храброго сопротивления пилигримов, которым принадлежала эта крепость, и возвратился пока обратно в свою землю.

Наконец, весною 1221, стала готовиться развязка. В мае прибыли сильные немецкие войска под предводительством герцога Людовика Баварского, епископа Ульриха Нассауского и других вельмож Немецкой империи. Это были только предшественники большей славы которую несколько месяцев спустя намеревался вести на Восток император Фридрих II, и до его прибытия, как много раз и настойчиво просил Фридрих, более крупные предприятия должны были быть отложены. Но нетерпение и тщеславие легата не знали теперь границ². Он обратился к герцогу Людовику и его сотоварищам, которые, как все новоприбывшие пилигримы, горели жаждою сражаться, уговорил их согласиться с его мнением и с их помощью мало-помалу склонил все войско к немедленному нападению на главные позиции неприятельского войска. Счастливый успех его был бы, может быть, возможен, если бы приготовления к походу были закончены быстро в глубокой тайне, и если бы затем сделано было с быстротой молнии нападение на мусульман. Но как раз наоборот, пилигримы производили свои вооружения совершенно открыто и не торопясь, выдали таким образом всему свету и пропустили ту минуту, которая могла дать им победу. Когда они наконец, 17 июля, начали поход, им, кроме мусульманского оружия грозил уже самый страшный враг который может встретиться

¹ Город Мансура, т. е. победоносный, был тогда только что построен султаном. Гордое название, которое он получил, должно было поразительно оправдаться многочисленными триумфами мусульман.

² Пелагий был родом испанец и его страстное желание предпринять что-нибудь великое, как говорят, усилилось еще тем, что в одной захваченной арабской книге нашли предсказание, что учение Магомета после шестисотлетнего существования будет уничтожено испанцем.

по знакомому с местностью войску в низменностях Египта — ежегодный разлив Нила. Поэтому они были обречены заранее на гибель, и если бы они шли против Мансуры даже с сильным войском и с большим флотом, хорошо вооруженные и в строгом порядке, они и тогда шли бы «как птицы в западню и рыбы в сеть».

В Каире известие о намерениях крестоносцев возбудило сначала ужас и в высших и в низших сферах. Но Алькамил не дал себя испугать, повторяя воззвания к народу, угрожая смертной казнью тем, кто будет уклоняться, он сколько было возможно усилил свое войско и просил как можно скорей помощи у своих родственников и друзей в Сирии и даже в Месопотамии. Когда затем христиане двинулись против него, он, хотя мужественно пошел в битву, но в то же время предлагал им новый мир. Им предоставлялось получить прежнее Иерусалимское королевство в том же объеме, как уже прежде им было обещано, если за это они согласятся очистить Дамьетту. На этот раз, по-видимому, высказалось за принятие мира еще больше голосов, чем было до завоевания Дамьетты, но не было также недостатка и в разумных предостережениях от страшной судьбы, которой шли слепо навстречу. Но легат Пелагий, завоеватель Дамьетты, был далек от того, чтобы присоединиться к миролюбивым желаниям своих соотечественников: он верил в свое счастье и добился того, что, Алькамил во второй раз получил отрицательный ответ¹.

Этот ответ был тем большей глупостью, что еще до этого (24 июля) христиане дошли до крепкого лагеря мусульман при Мансуре и должны были убедиться, что здесь нельзя надеяться на легкую победу, а что, напротив, предстоит тяжелая и долгая борьба. Они также раскинули лагерь, окружили его валами и рвами и стали ждать благоприятного случая для нападения на неприятеля. Но неприятель получил свою выгоду от этой проволочки. Отличные войска из Сирии и Месопотамии подкрепили мало-помалу ряды мусульман: вода в Ниле поднялась и исполнила все каналы в низменности, наконец, египтянам удалось через один канал, который именно теперь,

¹ Когда король Филипп-Август Французский услышал, что христиане имели возможность приобрести «королевство за город», он, говорят, сказал, «они глупцы и простаки, что не согласились на это».

вследствие начавшегося разлива, стал судоходен, пройт
в тыл христианам с большим и сильно вооруженным фло
том 18 августа египтяне напали на христианские ко
рабли и часть их была уничтожена, затем многочислен
ные отряды легких войск были распределены вокруг
лагеря пилигримов, мосты и дороги, которые вели на се
вер к Дамiette, были разрушены и были прорваны пл
тины, которые удерживали воды Нила от полей меж
Мансурой и Дамiette. Вскоре крестоносцы очутили
точно на острове, тесно окруженные пучинами могучи
реки и превышавшими численностью массами неприятел
ского войска Христиане упрямо держались еще до 26 а
густа, но в этот день они решили в темноте следующ
ночи, если возможно, спастись назад в Дамiette. Меж
тем дисциплина войска была уже глубоко поколеблен
тайна отступления не была сохранена и в то время, ко
тесно сплоченные колонны нерешительно и ощупью шли п
мокрым тропинкам, неприятель со всех сторон напал н
это шаткое войско. За несчастной ночью наступил ещ
более несчастный день все страшнее развертывалось пр
восходство силы обоих неприятелей, водной пучины и
мусульман Правда, и теперь христианские рыцари бл
лись бесстрашно; и многие из них, в особенности тампли
еры и король Иоанн, который именно к началу этого
похода возвратился в Египет, вызывали удивление враг
своей силой и смелостью; но никакая человеческая сил
не могла уже отворотить судьбу этого войска Еще втору
ночь и второй день пилигримы продолжали плестись мед
ленно и с трудом, но когда съестные припасы вышли
даже самому храброму оставался только выбор меж
разными родами смерти, тогда христиане отправили пе
сольство к Алькамилу и просили мира

Мусульмане самым точным образом знали отчаянно
положение их противников, потому что чего они не видали
сами, они подробно узнавали от малодушных перебежчи
ков Поэтому многие из их военачальников, возбужден
ные победоносной гордостью и жаждой мщения, требо
вали уничтожения христианского войска Но Алькамил
думал иначе и даже в эту минуту величайшего триумфа
решил держаться наследованной им от отца умеренно
и мягкой политики И действительно, никогда такая по
литика не была более основательна, чем именно тепер
потому что великодушное отношение к глубоко унижен

Этому врагу давало возможность закончить на некоторое время кровопролитную религиозную войну и в особенности снова приобрести Дамиетту, ключ Египта, между тем, как несомненным следствием безжалостной суровости было бы то, что Дамиетта оставалась бы в руках христиан и новые крестоносные войска с удвоенной яростью обрушились бы на благословенные равнины Нильской долины из казавшихся неисчерпаемыми человеческих запасов Запада. Таким образом 30 августа 1221 г. Алькамил заключил мир с пилигримами на условии, что они получат свободный выход оттуда, но зато очистят Дамиетту и весь Египет. Установленное этим всеобщее перемирие между христианами и магометанами должно было сохраняться на последующие восемь лет и в течение этого срока мог объявить о его прекращении только какой либо западный коронованный король, который бы прибыл в Святую Землю.

Но исполнению этого мира мешало одно серьезное препятствие, потому что именно в то время пристало к Дамиетте опять посланное императором Фридрихом сильное войско, в рядах которого известие о происшедшем вызвало не только печаль, но и озлобление против побежденных товарищей, главным образом против латина Пелагия, высокомерного виновника такого великого несчастья. Подобное но еще более печальное настроение господствовало среди гарнизона и остального христианского населения Дамиетты, причем итальянцы и в числе их опять венецианцы были особенно необузданы. Правда в прежнее время они заботливо поддерживали дружеские отношения с Эйюбитами, но после жарких битв последних лет они пришли к убеждению, что для их торговых интересов был бы полезней другой образ действий. Они хотели во что бы то ни стало удержать Дамиетту, так хорошо расположенную для распространения их торговых сношений в странах юга, они взялись за оружие и решительно отказывались от сдачи города. Между тем они вскоре убедились, что их сил было недостаточно для продолжительного сопротивления, и тогда наконец они вместе с остальными итальянцами и немцами, которые к ним примкнули, также подчинились условиям мира 7 сентября. Дамиетта была очищена и вскоре за тем все крестоносцы покинули страну фараонов, которая питала их несбыточными надеждами для

того, чтобы приготовить им наконец самые горькие разочарования

Император Фридрих II и римская церковь

Войны, которые вели на востоке король Андрей Венгерский, герцог Леопольд Австрийский, кардинал Пелагий и все их сотрудники от 1216 до 1221 года, никогда, как было указано выше, не касались главной коренной области прежнего Иерусалимского королевства. Частью эти войны простирались на внутренние местности христианских прибрежных городов Аккона, Тира и Сидона, частью они направились на юг против Египта, так что решительно избегался в особенности город Иерусалим. Причину этого, кроме стремления к завоеваниям в других местах, указывали иногда в том, что поход против Иерусалима был слишком рискованный, так как в той местности не доставало воды. Но, кроме этого указания на недостаток воды, который там действительно тяжело чувствовался, надо без сомнения искать также нечто иное. Сирийский берег, к северу от Аккона, был покрыт христианскими городами, которые, вследствие их живой торговли и богатой земледельческой культуры в окрестностях, все еще пользовались высокой степенью процветания. Напротив того, южная Палестина после войн с Саладином находилась по большей части в крайнем запустении. Эйюбиты, хотя и на своей собственной земле, производили здесь несколько раз самое печальное разорение, чтобы затруднить христианам новое утверждение в этих местах. С тех пор восточные крестоносные князья, как и итальянские купцы, имели очень мало интереса к новому завоеванию Иерусалима: теперь им хотелось прежде всего распространить свои прибрежные владения внутри страны или же основать в Дамiette и Александрии вторые Аккон и Тир. Таким образом, они смело отклоняли военный пыл масс пилигримов от главной цели всех крестовых походов, от Святого города, и отваживались на предприятия, которые только при самом блестящем успехе могли бы поддержать одушевление христианского мира к войне против Ислама.

Но одновременно и в несчастном совпадении с тем, священная война получили мирской характер, на боевые крестоносцев Запада достигло такой страстной альтации, которая переходила меру возможного и им уже приблизила поворот к холодному равнодушию.

Аскетические тенденции того времени в несчастном детском крестовом походе довели многие тысячи невинных существ до смерти и плена, а иерархическая необузданность римской курии приготовила почву, на которой духовное лицо, высокомерный слепой ревнитель могло даже взять на себя предводительство над воинскими людьми. Правда, во время Урбана II папский легат Адемар Монтейльский также становился во главе пилигримов, но самое предводительство в походе он все-таки скромно предоставлял военным людям. Иначе поступал кардинал Пелагий, который сам, и довольно часто из своей головы, хотел руководить движениями Востока и не пренебрегал даже пользоваться давлением религиозного возбуждения, чтобы сломить прекословие его воли. Речь его переполнялась призывами к покаянию, ужасными угрозами наказания и жалобами на измену святой Церкви, он вынудил князей и рыцарей следовать за ним, но в то же время в непоправимом поражении выказал глубокую беспомощность духовного ведения войны. На Западе этот удар почувствован был самым горьким образом — как велика была радость, какую вызвало некогда завоевание Дамьетты, так глубока была горесть при падении города. И какие надежды на окончательную победу могли оставаться теперь, когда даже самое фанатическое напряжение всех сил приводило только от одной неудачи к другой?

Между тем громадное движение, которому дал волю Иннокентий III, еще не совсем улеглось. Самый могущественный из всех, кто принял крест в 1215 году, император Фридрих II еще не исполнил своего обета. Все ждали, что он в скором времени двинется на Восток, и что поэтому в мирном договоре между Алькамилом и крестоносцами принято было условие, что мир может быть нарушен только каким-либо коронованным западным королем, который прибудет на Восток. Итак, если бы при крестовом походе Фридриха светские и духовные власти, рыцарство и аскетизм действовали единодушно и обузданно, то освобождение Иерусалима и обеспечение

христианского господства на Востоке, может быть, были бы еще возможны

Молодой Штауфен принял крест в июле 1215 года по своему собственному желанию. Он был тогда побужден к этому, вероятно, религиозными и политическими соображениями. Незадолго перед тем и как бы на лету он присоединил к своему сицилийскому государству немецкую королевскую корону с правом на римскую империю, и с этим он унаследовал все честолюбивые планы своего рода. Его душа была полна «благодарности за Божию милость» и его властительская гордость стремилась идти по пути Фридриха I и Генриха VI как в Европе, так и в Азии. Поэтому он принес крестоносный обет частью из благочестия, частью несомненно из честолюбия, и, если религиозное настроение недолго держалось в его сердце, зато его стремление к распространению императорского могущества на государства Востока оставалось всегда одинаково сильно. Но довольно долго ему было невозможно сделать дальнейшие шаги для удовлетворения этого стремления. Пока был жив его противник, император Оттон IV, который, несмотря на тяжелые поражения с непоколебимостью продолжал борьбу, Фридрих не мог сделать даже серьезных приготовлений для своего похода в Сирию. Когда 19 мая 1218 Оттон умер, он, правда, надеялся скоро достигнуть своей цели и поэтому не только высказывал надежду усиленно заняться крестоносными делами на рейхстаге, созванном в Магдебурге на март 1219, но даже просил папу произнести отлучение от церкви всех прелатов и князей, принявших крест, если они не исполнят своего обета до Иванова дня 1219 г. Но вскоре после того он увидел, что положение его и его дома в Европе не было еще упрочено достаточно для того, чтобы предпринять крестовый поход в Азию без опасности для спокойствия родины. Он хотел, чтобы сначала его сынок Генрих был выбран немецким королем, т. е. его преемником, а сам он коронован императором. Когда в течение 1220 года он достиг того и другого, он нашел, что настал час предпринять борьбу с исламом, предпринять обширные вооружения в Германии и в Италии, весной и летом 1221 г. послал, как мы видели, находившему в Египте крестоносному войску очень значительные подкрепления и подавал надежду на скорое начало своего собственного похода.

Папа Гонорий мог бы после того быть очень доволен отношением императора к делу священной войны. Правда, нельзя отрицать, что Фридрих сделал ошибки, когда много раз обещал крестовый поход и до сих пор, по крайней мере лично, не исполнял его. Но при этом он провинился не столько замедлением предприятия, сколько тем, что в юношеской необузданности он слишком рано взял на себя обязательство крестового похода и этим возбудил ожидание, удовлетворить которое тотчас он не был в состоянии. Гонорий сначала сам признавал это и поэтому только умеренно побуждал императора к походу, но в конце концов, хотя по причинам, не имевшим первоначально ничего общего с крестовым походом, он стал очень раздражен против Фридриха. Этот молодой Штауфен, которым римская церковь хотела воспользоваться только как орудием для того, чтобы сломить могущество императора Оттона IV, в течение немногих лет так возвысился благодаря своим дарованиям и своему счастью, что в нем как бы снова воплотились самые блестящие времена былого императорского величия. Папа и кардиналы, которые со времени могущественного Иннокентия более чем когда-либо считали себя настоящими властителями мира, увидели, что такой соперник угрожает им и теснит их, и поэтому с радостью пользовались каждым случаем, чтобы приготовить могущественному государю какое-нибудь унижение.

Нельзя было найти лучшего случая, чем тот, который заманчиво представляло страшное бедствие христиан в Египте. Потеря Дамияеты прежде всего была виной кардинала Пелагия, следовательно как бы виной самой церкви: если бы теперь сделать ответственным за это императора, так как он замедлил вовремя начать поход, то можно было освободить церковь от тягостного упрека и повредить достоинству Фридриха порицанием, которое, как оно ни было неосновательно, нелегко было опровергнуть. Поэтому Гонорий не побоялся в письме от 19 ноября 1221 г. свалить на императора всю вину страшной неудачи египетского похода и угрожать ему отлучением от церкви, если он будет и впредь так легкомысленно пренебрегать делом Бога, как до сих пор. Правда, Фридрих мог бы в ответ на это указать, как мало он заслужил такие жестокие слова, но эти слова были уже сказаны и остались с тех пор сильным оружием в руках церкви.

против императорской власти. Самое худшее было при этом то, что согласие церковной и светской власти, без которого Фридрих тоже не надеялся многого достигнуть на Востоке, было нарушено, прежде чем он мог приготовиться к своему собственному крестовому походу

Несмотря на это, император был готов поправить не счастье, с Дамиемтой, насколько было в его силах. В апреле 1221 года он по желанию папы встретился с ним в Вероли, в области церковного государства, обещал созвать в Вероне конгресс для ускорения крестового похода и даже поклялся начать поход в то время, которое определил Гонорий. Вскоре после того несколько императорских кораблей отплыли в Сирию для того, чтобы привезти на веронский конгресс кардинала Пелагия, короля Иоанна и патриарха иерусалимского вместе с другими сирийскими вельможами. В ноябре они высадились в Бриндизи, но конгресс не состоялся отчасти потому, что Гонорий тем временем заболел, отчасти потому что Фридрих был весь поглощен страшным восстанием мусульман, которые в то время еще в большом количестве населяли Сицилию. Зато в марте 1223 года выздоровевший папа, император, сирийские вельможи и многие сановники, а именно епископы Германии и Италии, собрались в Ферентино в римский Кампанье. Здесь Фридрих снова повторил присягу, которую принес уже в Вероли, и этим обязался двинуться в Сирию в тот день, который тотчас утвердило собрание — 24 июня 1225 г., следовательно, несколько больше, чем через два года. Он согласился также на предложение, которое имело целью самым тесным образом слить его интересы с интересами Святой Земли. А именно, он незадолго перед тем овдовел, так как его первая супруга Констанция умерла 23 июня 1222 г., а у короля Иоанна Иерусалимского, от умершей также тем временем его жены Марии-Иоланты, было дочь Изабелла, наследница Иерусалимского королевства. Ее рука была теперь предложена императору и он охотно согласился на план брака, который обещал приобретение Иерусалима для него и для его дома.

Собрание в Ферентино отложило начало крестового похода до 1225 года, очевидно, по двум основаниям: во-первых, чтобы дать императору время совершенно покорить сицилийских мусульман, и во-вторых, чтобы склонить к участию в крестовом походе как можно больше

государей и народов Запада. Первое удалось исполнить в положенное время, благодаря уму и энергии Фридриха; напротив того, усилия снова вызвать старое одушевление к священной войне на этот раз потерпели самую жалкую неудачу. Гонорий разослал крестоносных проповедников и отправил письма ко многим государям и прелатам Запада с настоятельным увещанием прекратить все междоусобные распри и участием в крестовом походе достигнуть небесной награды за земные жертвы. Но его слова остались почти неуслышанными. Тогда король Иоанн отправился на поиски во Францию и в Англию; там и здесь он нашел почетный прием и получил для поддержки Святой Земли некоторые денежные суммы, но большего он не достиг частью потому, что еще продолжалась война против альбигойцев, а частью и потому, что французы и англичане опять враждовали между собой. В Германии принятие креста проповедовали сначала главным образом низшие клирики, фанатические монахи того времени. Так как они приносили мало пользы, то Гонорий послал наконец за Альпы кардинала Конрада, знатного немецкого вельможу из рода графов Урахов, а Фридрих уполномочил действовать на пользу крестового похода в Германии своего близкого друга, достойного магистра Немецкого ордена, Германа фон Зальца. Между тем и эти люди также не могли много сделать и таким образом везде оказывалось, что церковь в своем слепом рвении последних лет перешла через край и чувствительно повредила себе самой. Где не было полного равнодушия или даже нерасположения к священной войне, там все-таки каждый незначительный домашний интерес хладнокровно предпочитался великому духу христианства.

Тем временем Фридрих исполнял свой долг — в точности соблюсти данную им присягу. Он снарядил сильный флот и старался отовсюду привлечь к себе крестоносцев: щедро обещал им даровой переезд, продовольствие и всякую другую помощь. Но когда, наконец, приблизился срок, когда он должен был двинуться в путь, он должен был признать, что его сил было едва ли достаточно для успешного нападения на Эйбюбитов. Правда, как надо с уверенностью допустить, он охотно начал бы крестовый поход, которым он мог воспользоваться в особенности для себя, как будущий супруг Изабеллы, но без достаточ

но обеспеченной надежды на победу над врагами креста он не хотел покинуть Запада и не хотел упустить решения государственных задач, которые там его ждали. Поэтому, когда он решил отложить поход к Святым местам до более удобного времени, для него оставалось еще сомнительным, как отнесется к этому церковь.

Чтобы оказать давление на римскую курию и склонить ее благосклонно отнестись к его желаниям, он созвал к себе всех прелатов своего южноитальянского государства и до тех пор держал их при себе, пока переговоры, которые он в то же время начал с Гонорием, не обещали благоприятного исхода. При этом для него было кстати, что в то время папа находился, вследствие возмущения римлян, в большом стеснении и потому не мог слишком резко идти против него. 25 июля был заключен в Сен-Джермано между императором и уполномоченными папы следующий договор: император клянется и велит одному из своих вельмож, герцогу Райнальду из Сполето, поклясться «на свою душу», что в августе 1227 года он начнет крестовый поход с тысячью рыцарей и 150 большими кораблями и в течение двух лет продержит эту силу в Святой Земле. Взамен того, чего будет недоставать, он дает соответственное денежное вознаграждение. Кроме того, он обещает держать готовыми корабли для двух тысяч рыцарей с их свитой и в пять сроков, от августа 1225 года до августа 1227, заплатить королю Иоанну патриарху Иерусалимскому и магистру Немецкого ордена 100000 унцов золота для нужд Святой Земли¹, но с условием, что эта сумма будет опять предоставлена в его распоряжение, когда он действительно предпримет поход. Если Фридрих умрет до августа 1227, то забота об исполнении крестового похода перейдет к его преемнику, и если император не выполнит своего обещания, то он без жалости подвергается церковному отлучению.

Таким образом Фридрих достигал, при согласии церкви, новой отсрочки для начала своего похода. Но договор

¹Рейхт Beiträge zur Gesch der Kreuzzüge, I, 62, считает унц золота 61,5 франков, так что вся сумма достигает 6150000 франков. Винкельмани, Gesch Kaiser Friedrich II, стр. 191, 392 и след., считает унц в 111 франков и следовательно общую сумму в 11100000 франков. Но было ли это одиннадцать или шесть миллионов, во всяком случае (принимая во внимание стоимость денег в то время, то была сумма очень большая).

Сен-Джермано дает видеть, что отношения между империей и папством становились на беду Иерусалима все более натянутыми. Условия, которым принужден был подчиниться Фридрих, были чрезвычайно суровы. С беспощадностью, которая едва ли когда-нибудь применена была к другому государю, от него требовалась огромная жертва, и наказание, в случае неисполнения, уже заранее над ним произнесено.

После этого император хотел с такой же беспощадностью воспользоваться данным ему сроком для быстрого возвышения своего могущества. Еще летом 1225 г. он отправил небольшой флот в Сирию, велел привезти оттуда свою невесту Изабеллу и 9 ноября повенчался с ней в Бриндизи. Но уже в день свадьбы он объявил своему тестю, что последний должен отказаться впредь от управления Иерусалимским королевством. Фридрих поступал здесь без правонарушения: Изабелла была «наследницей Иерусалима» и по старому обычаю, при выходе ее замуж, законным правителем страны становился уже не ее отец, а ее муж. Между тем внезапное заявление императора застало короля Иоанна совершенно врасплох, ужасно его раздражило, оскорбило римскую курию и, хотя Фридрих привел в исполнение свою волю, но этим он роковым образом увеличил семя раздора.

Спустя несколько месяцев после того император созвал имперский сейм в Кремоне, «чтобы обсудить крестовый поход, искоренить ереси и озаботиться о восстановлении мира» Ломбардцы, в среде которых должен был состояться сейм, углядели одно намерение Фридриха, которое действительно клонилось к тому, чтобы под видом мирных совещаний собрать войско в долине По и подчинить своей власти сильные города этой области, из которых образовались почти независимые республики. Поэтому старый Ломбардский союз, с которым не мог справиться еще Фридрих I, был тотчас возобновлен; и в скором времени внук Барбароссы должен был убедиться, что он слишком смело задел более сильного противника. Чтобы только как-нибудь вырваться из очень стесненного положения, в которое он попал, ему в конце концов не оставалось ничего другого, как просить уже сильно раздраженного папу о посредничестве между ним и ломбардцами. Гонорий согласился на это и устроил мировую, которая дала императору только то, что лом-

бардцы обязались выставить на два года для его крестового похода 400 рыцарей. И через несколько месяцев после того, как этот жалкий договор был составлен, но еще не был заключен, умер — 18 марта 1227 г — папа Гонорий III. Его преемником стал Григорий IX, который уже раньше был по большей части душою папской политики, это был старик за 80 лет, но, несмотря на преклонный возраст, он был исполнен пламенной энергии, кроме того, родственник третьего Иннокентия и подобно ему старался всеми силами об утверждении христианской теократии. В правление этого церковного государя должна была, при первом поводе, быстро разгореться давно грозившая открытая война между папством и императорской властью.

Но теперь Фридрих серьезно готовился к крестовому походу. Его собственные усилия, как и увещания, которые исходили из Рима к государям и народам, еще раз вызвали значительный успех. Правда, Франция, занятая альбигойской войной, поставила лишь немногих крестоносцев, но Италия дала значительные отряды, а Англия, как говорят, более 40000 человек, правда, по большей части это были бедняки, но на них «в особенности покоится обыкновенно воля Господа». Но самые многочисленные и способные к войне толпы пришли из Германии, где князья, прелаты, рыцари и горожане на этот раз охотно откликнулись на призыв своего императора. Все эти войска пилигримов прибыли в 1227 г. в Апулию и раскинули свой лагерь в Бриндизи и вокруг него. Но здесь не были достаточно подготовлены для такой огромной массы крестоносцев. Недостаток был и в продовольствии и в кораблях, на которых часть чересчур большого войска могла бы быть быстро отправлена дальше. Голод, который терпели особенно беднейшие пилигримы, неправильный образ жизни и страшная солнечная жара скоро вызвали в лагере повальную болезнь, от которой погибли тысячи людей, между тем, как другие тысячи от страха заразиться покинули Бриндизи и спешили обратно на родину. Наконец, в начале сентября, Фридрих отправил в Сирию сильный флот с частью войска под предводительством герцога Лимбургского и попробовал несколько дней спустя последовать с остальными людьми и кораблями. Но он сам и ландграф Людвиг Тюрингенский, который находился при нем, были уже захвачены

болезнью и, так как в пути болезнь усилилась, они принуждены были пристать 11 сентября к берегу при Отранто. Здесь, на третий день, умер ландграф; правда, Фридрих поправился, но так медленно, что на некоторое время он должен был оставить крестовый поход. Но он прислал еще в Сирию патриарха иерусалимского с двадцатью вооруженными кораблями и тотчас заявил папе, какой несчастный случай принудил его прервать поход к Святым местам.

Когда Григорий IX узнал об этом, он нашел, что пришло время нанести уничтожающий удар власти императора. Хотя Фридрих был одною необходимостью вынужден отстать от крестового похода, но по драконовскому постановлению договора в Сен-Джермано он подлежал отлучению от церкви. Поэтому папа, не обращая никакого внимания на многократные попытки императора оправдаться, произнес над ним 29 сентября в Ананьи отлучение и 10 октября в окружном послании известил о том весь христианский мир. При этом он не постыдился до такой степени превысить формальное право, которое было у него для этой меры, что говорил самым лживым образом о действиях Фридриха. По его вине была будто некогда потеряна Дамиетта и будто по его приказанию задержали в Бриндизи войско в летнюю жару и в голод, пока оно не стало жертвой повальной болезни. Император также не платил будто бы денег и не доставил войска, какое обещал в Сен-Джермано; а что болезнь, которой он старался оправдать нарушение своего слова, была притворна. Во всем этом папа был совершенно неправ¹, и он едва ли бы говорил с таким ненавистничеством о делах крестового похода, если бы в эту минуту им не овладела сполна яростная вражда, которая жила в его сердце против императорской власти Фридриха.

Сначала Фридрих с большим достоинством держался против этих оскорбительных нападок, 6 декабря он также обнародовал окружное послание, где спокойно, шаг за шагом, опровергал несправедливые утверждения папы и объявлял всему миру, что крестовый поход, прерванный только болезнью, наверное, будет продолжен следующей весной. Но объявление войны, которое заключалось в брошенном против него отлучении, так его

¹ Ср. об этом особенно у Рёрихта, Beiträge I, 20, 65 и след.

раздражило, что скоро он сам страстной опрометчивостью увеличил пламя раздора. Так как римский народ в значительной части относился к папе враждебно¹, то Фридрих старался различными способами расположить народ в свою пользу; а герцогу Райнальду Сполетскому он приказал занять те земли, которые прежние папы хитростью или насилем отняли у императора (он подразумевал Анконскую марку и имения Матильды), потому что эти области были только ленами империи и поэтому Григорий терял их за свои враждебные действия против него, императора. Между тем папа возобновил в Риме 23 марта 1228 г. отлучение против Фридриха и прибавил к нему еще интердикт на каждую местность, где находится император, хотя вследствие этого чуть не сделался жертвой необузданного восстания раздраженных римлян. Он даже запретил императору начать крестовый поход прежде, чем он не склонится в покаянии перед волею церкви.

Фридрих, конечно, не обратил внимания на это запрещение, напротив, самым ревностным образом снаряжался в поход к Святым местам, так как только исполнением своего обета он мог надеяться вполне сбросить с себя все позорные упреки, которые сделал ему папа в своем окружном послании. Он наложил высокую крестноносную подать, собрал людей и корабли и в конце апреля 1228 г. в присутствии блестящего собрания вельмож своей империи и несчетной массы народа объявил свою «последнюю волю» перед отплытием в Сирию. Райнальд Сполетский должен был во время отсутствия Фридриха быть его наместником и, если бы он, император, умер в походе, то в Сицилии ему должен был наследовать его сын Генрих, а если этот умрет бездетным, то его второй сын Конрад, родившийся за несколько дней перед тем. Скорее после этого Фридрих хотел начать крестовый поход. Но 8 мая умерла его жена Изабелла в родильной горячке; эта тяжелая потеря и беспокойство в Сицилии задержали его еще на некоторое время, наконец 28 июня он отплыл из Бриндизи в Сирию. Григорий IX кричал ему вслед, что он — слугитель Магомета и отправляется в

¹ Между прочим, римляне во время пребывания папы в Англии предоставляли действовать обманщику который называл себя папой и за четыре марки освобождал пилигримов от их крестноносного обета.

Иерусалим не как крестоносец, а как «пират»

Удивительное и печальное зрелище Высший власти христианского мира поднимает оружие, чтобы вновь завоевать Святой город, а глава христианской церкви запрещает ему поход и предаёт его проклятию. На императора падает меньшая вина в этом несчастном стечении обстоятельств. Столкновение между папством и империей было по существу обеих сил неизбежно, и император ошибся только в том, что он и теперь, как в 1225 году после договора в Сен-Джермано, слишком преувеличивал свои силы; в ту минуту, когда он готовился к походу на Восток, ему следовало направить осторожнее свою европейскую политику к мирным целям и менее резко выступить против папы своей необузданностью он навлек на себя ту опасность, что вынужден был вести одновременно две войны, в Сирии и в Италии. Несравненно тяжеле, чем вина императора, была вина папы. Нужно ли было Григорию начать нападение на Фридриха именно в ту минуту, когда император отступил перед ломбардцами, просил о мирном посредничестве церкви и когда только болезнь помешала ему честно выполнить крестный обет? Нужно ли было ему вообще воспользоваться делами крестового похода для своей борьбы с императором за власть и при этом даже пользоваться орудием клеветы? Действуя таким образом, он мог, конечно, без труда обратить самые горячие страсти того времени против Фридриха, который своими несколькими, хотя и вызванными необоснованностью, отсрочками похода подвигал себя дурной молве, но в конце концов такие злобные действия должны были повредить церкви не менее, чем империи, и в особенности интересы христианского Востока, которые были все-таки священны для предшественников Григория, теперь были беспощадно принесены в жертву теократическим вождениям римской курии. Императору были связаны руки отлучением именно в то время, когда он отправлялся в бой на Восток, а всему христианскому миру, который большею частью стал уже равнодушен к делу Иерусалима, был представлен легкий вывод, что теперь надо окончательно отвернуться от дела, с которым курия ведет такую постыдную игру.

Крестовый поход императора Фридриха II

Христианский Восток после падения Дамиегты пользовался вообще спокойствием со стороны мусульман, но, несмотря на то, переживал не особенно счастливое время. Армении после смерти короля Льва годами разрывали междоусобия до тех пор, пока принцу Константину, родственнику покойного, не посчастливилось повенчать наследницу его Изабеллу с сыном своим Гетумом и соединить силы страны под своей властью и властью молодой четы Правда, в Антиохии и Триполисе все еще держался Боэмунд IV, но ему не однажды пришлось терпеть от последствий прежних дел, когда часть его подданных относилась к нему враждебно в пользу армян В Кипре господствовало опекуновое правление, потому что король Гуго Кипрский умер в 1218 г., оставив после себя едва годовалого ребенка, Генриха I: во главе правления стоял один из знатнейших вельмож Иерусалимского королевства — Иоанн Ибелин, властитель Бейрута¹, наконец иерусалимские города и замки были наполнены всякой завистью и враждой тамошних рыцарей и купцов

В этой путанице Фридрих задумал распространить свою императорскую власть как для себя, так и для общего блага. Вскоре после того, как он стал королем иерусалимским, он уже послал в Сирию графа Томаса Ачерра, как своего представителя, и ему удалось, хотя и к великому гневу гордых господ ордена тамплиеров и госпиталитов, установить прочное правление в остатках Иерусалимского королевства. Летом 1228 года Фридрих сам явился на Восток, пристал сначала к Кипру и тотчас же попробовал распорядиться на этом острове, который, по его мнению, был со времен Генриха VI императорским леном, как главный ленный владетель и опекун отрока Генриха. При этом он, правда, поступил с Иоанном Ибелином так же круто, как некогда с королем Иоанном

¹ Этот Иоанн Ибелин есть так называемый «старый господин Бейрута». Его племянник и тезка Иоанн Ибелин, граф Ионне, написал о праве крестоносных государств книгу, которая под названием « *Livre des Assises des royaumes de Jérusalem et de Chypre*» приобрела большую известность и в последние времена христианского господства на Востоке служила официально признанным законодательством.

Иерусалимским, но вместе с тем наполовину хитростью, наполовину силой поступил в главном по своей воле, удалил Иоанна Ибелина от опекуинства и устроил управление государством по-своему. Затем он отплыл в Сирию, пристал 7 сентября к Аккону, радовался торжественному приему, который ему так сделали, несмотря на церковное отлучение, и непосредственно затем сделал попытку снова вернуть Иерусалим христианству.

Но эта попытка имела совсем другой характер, чем все, что когда-нибудь происходило в этом направлении со времен Готфрида Бульонского. Император старался достигнуть своей цели не оружием, а искусно поведенными переговорами, и положение в самом деле было таково, что можно было надеяться достигнуть успеха скорее полюбовно, чем силой. Дело в том, что вскоре после того, как христиане потеряли Дамьетту, Алькамил Египетский и Альмуаззам Дамасский вошли в сильные и тягущиеся из года в год раздоры. При этом оба очень озабоченно прислушивались к известиям, от времени до времени доходившим на Восток, о вооружениях Фридриха к крестовому походу. Упрямый Альмуаззам велел, наконец, как он это делал и прежде, разрушить ряд укреплений в Святой Земле, чтобы впредь отнять у императора все опорные пункты, которые он мог там приобрести, между тем более уступчивый Алькамил втихомолку отправил посла в Сицилию, вероятно, чтобы предложить выдачу старого Иерусалимского государства, если только Фридрих обратит свое оружие против Альмуаззама. Отсюда возникли дружеские сношения между императором и египетским султаном; архиепископ Берардо Палермский отправился послом Фридриха в Каир, передал там в подарок лошадей и соколов, ткани для одежды и чугунные товары, и взамен получил слона вместе с индейскими, арабскими и персидскими драгоценностями, затем, хотя в ноябре 1227 года умер Альмуаззам, но раздор среди Эйюбитов все-таки продолжался, потому что Алькамил отнял у сына и преемника его умершего брата, Анназира Дауда, Иерусалим вместе с частью Сирии, и начал приготовления, чтобы присвоить себе постепенно и остальные области Дамасского государства.

При таком положении вещей почва для дружественных переговоров была уже наполовину выровнена. Алькамил должен был бояться, что Фридрих войдет в союз

с Анназиром Даудом, если он наконец не уступит Святого города христианам Император также имел убедительную причину желать скорого соглашения, потому что в его распоряжении были только небольшие силы, и он не мог надолго откладывать своего возвращения в Италию. Так как, хотя за последние годы в Сирию пришли весьма значительные толпы пилигримов, однако при замедлениях, которые испытал поход самого Фридриха, большая часть их снова отправилась обратно. Часть их, оставшаяся на Востоке, и рыцарство Кипра и Иерусалима, вместе с небольшим войском, которое император только что привел с собой, все это вместе составляло еще большую толпу, но только слабое оружие для борьбы с мусульманами, потому что войско это было расстроено всякими раздорами. Многие киприоты и иерусалимцы были недовольны императором за ту суровость, с которой он отнесся к королю Иоанну и Ибелину. Другие боялись двинуться на войну под управлением отлученного от церкви полководца, а тамплиеры вместе с госпиталитами вскоре совсем отказались повиноваться. К тому же раздор между Фридрихом и курией принимал все более и более угрожающие формы. Григорий через двух францисканских монахов, которых он послал вслед императору в Сирию, запретил всем тамошним христианам повиноваться приказанием отлученного, а кроме того вооружал войска для нападения на сицилийское государство Фридриха.

Поэтому император ни на минуту не сомневался о том, как ему действовать. Он велел вторично передать подарки султану Алькамилу, который находился в южной Сирии, и предложил ему, чтобы Иерусалим был передан теперь христианам. Алькамил отвечал уверениями и дружбе и посылкой ценных даров, но осторожно уклонялся от всякого разговора об уступке Святого города. Вероятно, во время возраставшего раздора между императором и папой он считал крестоносцев уже не особенно опасными для себя, между тем в лице своего племянника Анназира Дауда он видел более слабого противника, чем прежде в своем брате Альмуаззаме. Однако у Фридриха было еще достаточно силы для того, чтобы энергичной угрозой войны поддержать свое требование мирного соглашения. Он созвал все войска, которые были собраны на иерусалимском берегу, побудил даже тамплиеров и госпиталитатов за собой следовать, отдавая

его приказания в крестоносном войске не от себя, а «во имя Бога и христианства», и двинулся из Аккона вниз по берегу в Иоппе. Оставаясь там зимой 1228—1229 г., он возобновил укрепления города и создал этим операционный базис для нападения на Иерусалим; в то же время он ревностно вел переговоры с Алькамилом, значительно умерил свои требования, которые, кажется, доходили сначала до уступки всего прежнего Иерусалимского королевства, и побудил, наконец, султана согласиться на это, чего он наиболее пламенно желал. 11 февраля 1229 г. между поверенными обоих государей был заключен договор. 18 февраля он был подтвержден клятвой Фридриха, а через несколько дней потом клятвою Алькамила.

К сожалению, до нас не дошли точные слова этого достопамятного документа, но главное содержание нам все-таки передано многими сообщениями того времени. По этому договору султан Алькамил прежде всего уступил императору Фридриху город Иерусалим с полным правом распоряжаться городом, как ему вздумается, и, следовательно, также укреплять его. Но мечеть Омара в Иерусалиме со всеми ее принадлежностями, т. е. со всем священным для мусульман «гарамом», остается их собственностью, и каждый невооруженный мусульманин имеет право стоять там на молитве, между тем, как христианам запрещено вступать в гарам. Кроме Иерусалима император получает еще целый ряд городов и деревень, а именно Вифлеем, Назарет и местечки, лежащие на дороге от Иерусалима в Иоппе и оттуда в Аккон, так что в руки христиан снова вполне досталась старая дорога пилигримов, ведущая через эти города в Иерусалим. Султан обязывается также выдать всех христианских пленников. Зато император обязывается охранять султана от всех его врагов, хотя бы это были христиане и особенно заботиться о том, чтобы государям Антиохии, Триполиса и Тортозы и многих других северносирийских городов и крепостей не была подана откуда-нибудь помощь. На этих условиях должен быть заключен между Фридрихом и Алькамилом мир, который должен продолжаться с 24 февраля 1229 — десять лет пять месяцев и сорок дней.

Каким торжеством было для императора, когда ему удалось окончательно заключить этот договор с Алька

милом Теперь было достигнуто то, из-за чего с страстным упорством сорок лет боролось христианство, к чему напрасно стремились как Фридрих I Ричард Львиное Сердце и Филипп-Август, так и Иннокентии, Гонорий и Пелагий, из-за чего сотни тысяч самоотверженных мечтателей лишились жизни: теперь наконец Святой город был освобожден от ига «безбожных язычников» Магометанский мир был глубоко потрясен ударом, который его постиг и Алькамилу нелегко было ослабить горькие упреки, которые ему делались, чтобы ему не помешали продолжать успешно войну с Анназиром Даудом, для которой у него теперь были развязаны руки Зато среди христиан, и вместе немцев, поднялось сильное ликование, когда из уст в уста передавалось известие о возвращении Иерусалима, стали высказываться гордые надежды на новое, беспредельное счастье, и неиспорченное чувство масс с благодарной признательностью за его крестовый поход сплело императору Фридриху II венок славы, который не увял целые столетия

Но сам победитель мало радовался своему успеху Озлобление иерархической партии находило как вообще в этом мире, так и в отдельных его условиях, слишком достаточно причин неистовствовать против него все безумнее. Ведь император вел с мусульманами переговоры, вместо того, чтобы с ними драться; он не только дружелюбно принял послов Алькамила, но, искусно пользуясь своими богатыми познаниями, вольнодумно диспутировал с ними о метафизических проблемах и дерзко высказал в смелых, шуточных и насмешливых речах свой религиозный индифферентизм Кроме того, хотя мир возвращал христианству священные места, но большая часть Иерусалимского государства все-таки оставалась в руках язычников, и оборонительный союз даже обязывал императора давать подкрепление против своих собственных единоверцев. Сюда относится именно условие, что Фридрих должен заботиться о том, чтобы никакая помощь не была подана князьям Антиохии и владельцам других северосирийских мест — это были тамплиеры и госпиталитаты. Князь Боэмунд IV и оба рыцарские ордена со своими владениями вне государства Иерусалимского по этому условию были исключены из мира и предоставлены нападению Алькамила Трудно найти объяснение этого относительно Боэмунда, потому что неизвестно,

на крайней мере, чтобы он был в то время во вражде с императором Фридрихом¹. Совсем иначе было относительно рыцарских орденов, особенно тамплиеров, которые вполне пристали к иерархической партии и много раз жестоко оскорбляли императора, хотя было только выдуман, будто тамплиеры даже указали султану Алькамилу удобный случай напасть на Фридриха и взять его в плен, но будто бы благородный мусульманин с пренебрежением отверг это указание².

При этом положении вещей очень понятно, что единодушники Григория IX с раздражением смотрели на заключение мира. Хотя император пытался настроить благоприятно к этому миру наместника папы, патриарха Герольда Иерусалимского, велевши верному гроссмейстеру Немецкого ордена Герману Зальцу повести с ним об этом переговоры самым предупредительным образом, но вместо благодарности и признания он нашел только высокомерно презрительное порицание. В то же время пришло известие, что папское войско под предводительством Иоанна, прежнего короля Иерусалимского, напало на южную Италию и достигло уже значительных выгод. Тогда Фридрих понял, что ему надо как можно скорее покончить то, что оставалось еще сделать на Востоке. Он двинулся внезапно из Иоппе на Восток, и 17 марта 1229 вступил в освобожденный Иерусалим. Христиане Святого города и войско императора восторженно приветствовали друг друга и радостнее всех были вооруженные немцы; они пели свои военные песни и осветили вечером свои дома. 18 марта в церкви Святого Гроба, «в честь вечного короля», Фридрих, как король Иерусалимский, надел на свою голову золотую корону и велел Герману Зальцу прочесть объяснение, где он указывал, сколько препятствий мешали ему раньше исполнить свою крестовую клятву и где он старался извинить суровые меры папы против него примирительными словами, что

¹ Все же с Бозмундом дело было так: летом 1228 года он приехал навстречу императору в Кипр, но, кажется, испуганный властительским тоном Фридриха на этом острове, вскоре снова его покинул и не принял дальнейшего участия в крестовом походе.

² Об этих и подобных этому вымыслах, которые породила все возраставшая ярость партий в борьбе между папской и императорской властью, сравни в особенности Рёрихта, Beiträге и т. д. I, стр. 74.

«Григорий не мог иначе избежать злых людских толков» Но уже на следующий день, 19 марта, по приказанию Герольда, в Иерусалим явился архиепископ Цезарейский и наложил на святые места интердикт Пилигримов охватила ярость, что «был отлучен город, в котором Господь Иисус Христос был замучен и погребен» Между тем Фридрих увидел, что не мог здесь дальше оставаться, земля пылала под его ногами, он дал второпях необходимые приказания об укреплении Иерусалима, затем, «никем не приветствуемый», он устремился оттуда в Ионне и Аккон Пилигримы поспешно двигались за ним толпами

Патриарх, который отверг «ложный мир», все-таки очень был доволен его плодами и потому тотчас после отъезда императора въехал со своими суффраганам в Святой город. Но скоро и он отправился в Аккон, чтобы натворить там столько зла, сколько было в его силах Теперь прежде всего нужно было пунктуально исполнить перемирие с Алькамилом, чтобы Иерусалим не перешел тотчас опять во власть более сильного врага Герольд напротив старался вызвать в Акконе вооружение к новой войне Фридрих запретил это, а когда его слова не подействовали, он выступил против усилий патриарха и приверженных ему тамплиеров с военной силой Тогда Герольд проклял тех, кто исполнял приказания императора и наложил на Аккон интердикт, между тем, как фанатические монахи со своих кафедр изрекали страшнейшие проклятия против развратного сына церкви Наконец император сколько можно лучше позаботился о том, чтобы его волю уважали и после его отъезда для этого он назначил на самые важные посты Иерусалимского государства верных людей и подкрепил силы Немецкого ордена значительными подарками. Затем — 1 мая — он покинул Аккон и после счастливого путешествия прибыл 10 июня на Апулийский берег

Здесь ему предстояла трудная задача Хотя он во время своего крестового похода, с прибытием в Сирию до въезда в Иерусалим, и отправлял неоднократно послов к папе, чтобы извещать его о ходе предприятия и этим выразить свое желание примириться с церковью, но Григорий оставался совершенно недоступен ко всем просьбам о мире. Его войска, так называемые «Schliffsoldaten», заняли до сих пор большую часть земель.

Сицилийского государства на материке, между тем как в остальной его части и даже на самом острове господствовало дикое возмущение против управления Фридриха Император опять отправил послов для мирных переговоров с папой, но последний ответил новым отлучением церкви и попытками подкрепить свое войско приверженцами из Ломбардии, Франции и Португалии. Тогда Фридрих взялся за оружие, соединил возвращавшихся на родину немецких крестоносцев с верными подданными, которые у него еще оставались в Апулии и Сицилии, и изгнал папских солдат столь же коротким, сколь и блестящим походом на материк. После этого папе грозила бы большая опасность в его собственной области, если бы император, мудро владея собой, не протянул ему опять руку, предлагая мир. На этот раз папа, как это ни было ему трудно, должен был сделать уступку. Уже в ноябре 1229 начались переговоры между поверенными обоих правителей, и летом 1230 был заключен мир в Сен-Джермано, то есть в том же самом месте, где пятью годами раньше Фридрих должен был принять на себя тягостные обязательства крестового похода. 28 августа император был разрешен от отлучения и с этим вместе было признано, что он верно исполнил свой обет пилигрима. В первых днях сентября Фридрих и Григорий сходились на дружественные беседы при них не было никакого свидетеля, кроме гротсмейстера Немецкого ордена Германа фон Зальца, который составлял естественное звено между ними, как духовный рыцарь и верный друг императора.

После мира в Сен-Джермано для Фридриха настали счастливые годы. После того, как он принудил папство примкнуть к его планам, его могущество все блистательнее возвышалось над Италией и Германией. Кроме того, он вошел в дружественные сношения с мусульманами, чтобы извлечь как можно больше выгод из богатой торговли с Азией и Африкой. Он заключил дружественные и торговые договоры с Алькамилом, могущественным султаном Сирии и Египта, так же как с владельцем Туниса и Марокко¹. Теперь его флаг развевался как над его кораблями, так

¹ Очень вероятно, что уже мирный договор между Алькамилом и Фридрихом в феврале 1229 года заключал в себе условия о торговле с Египтом. Гейда, *Gesch. des Levantehandels im Mittelalten*, I, 447.

и над кораблями североитальянских приморских городов, и говорят, что вплоть до Индии европейцы вели торговлю от имени великого франкского короля. Двор в Палермо стоял с тех пор высоко. Император был одним из богатейших государей в мире. Его палаты были украшены всем, что только могли произвести христианское и мусульманское искусство и промышленность, его свита состояла большею частью из ученых и приверженцев пророка, с которыми он работал и философствовал, но здесь нашли также место самое роскошное наслаждение жизнью и бесстыдное удовлетворение чувственности.

Эпилог крестового похода

Однако совсем противоположно блестящему положению, которое Фридрих занял после сен-джерманского мира в своих европейских государствах, является положение его азиатских владений, с тех пор как он оставил Святую Землю. Здесь сказались последствия тяжелых ошибок во время крестового похода, а также и то, что вражда римской церкви помешала ему достигнуть действительно удовлетворительного результата в переговорах с Алькамилом. Что касается последнего, то тотчас же оказалось, что христиане едва могли удержать Иерусалим, как город, почти замкнутый неприятельскими областями. Правда, сам Алькамил искренне выдерживал мир, в котором поклялся; зато маленькие и большие толпы мусульман, под предводительством фанатических факиров, своевольно продолжали войну, убивали множество пилигримов, шедших к Святому Гробу, много раз врывались в неспокойная еще снова укрепленный Иерусалим и однажды даже отнесли христиан до последнего городского оплота, особенно до «Башни Давида». Если бы осажденным не была подана вовремя помощь из Аккона, то господство христиан в Иерусалиме, может быть, тотчас же бы кончилось. Теперь удалось отразить врагов при больших потерях и этим сохранить город еще на некоторое время.

Между тем и среди христиан на Сирийском берегу, а также и в Кипре начались отчасти раздоры, а отчасти от

крытая война. Главной причиной этого был неблагоприятно повелительный способ, которым император, летом 1228 г., вмешался в кипрские дела. Иоанн Ибелин, владелец Бейрута и прежний опекун короля Генриха Кипрского, правда, преклонился тогда перед могуществом Фридриха, но теперь понятным образом ждал только удобного случая, чтобы вытеснить с их мест чиновников и друзей императора, в руках которых было управление повсюду и на христианском Востоке. Уже он сам по себе был небезопасным противником, потому что был относительно сильный, умный и ученый человек. Но, кроме того, большинство дворян Кипра и Иерусалимского государства разделяло враждебное отношение к императору, потому что они видели в нем угрозу своему самовластию.

При этих обстоятельствах явилась в Аккон Алиса, мать юного короля Генриха, и предъявила юридические притязания на Иерусалимский престол, потому что как внучка Амальриха (1162—1173) она происходила от старого короля Святой Земли. Бароны, конечно, заявили на это, что их законный повелитель есть Конрад, сын императора Фридриха от его Иерусалимской супруги Изабеллы, но в то же время они отправили посольство в Апулию и просили императора, чтобы он отпустил своего сына в Сирию, как наследника государства. Так как Фридрих, как и надо было ожидать, не согласился отпустить так далеко Конрада, находившегося еще в нежном детском возрасте, то положение в Палестине сделалось бы еще более натянутым, чем прежде, даже если бы в то время война партий христианского Востока не разгорелась уже в другом месте, именно в Кипре.

Дело в том, что на этом острове император посадил в качестве своих наместников пять баронов, самых знатных из его приверженцев, и даже продал им за 10000 марок серебра опекунство над королем Генрихом. Но как только он отъехал обратно в Европу, на Кипре началась война. Противники пяти опекунов вскоре призвали на помощь Иоанна Ибелина и одержали, в кровавой схватке при Никозии 24 июня 1229 г., такую полную победу, что у побежденных осталось только несколько укрепленных мест. Но вскоре и эти последние были замкнуты, и пять баронов, старавшихся там удержаться, несмотря на самое упорное сопротивление, принуждены были подчиниться Ибелину и его друзьям.

Тотчас после того император заключил мир в Сен-Джермано и решил тотчас же направить в Азию военные силы, которые ему были больше не нужны в Европе. В начале 1231 года он послал на Восток небольшое войско под предводительством маршала Ричарда Филанджиери. В Кипре он не мог ничего сделать, потому что там хорошо вооруженный Ибелин владел слишком хорошей позицией. Зато войску удалась высадка в Бейруте. Город был занят, а цитадель, закрывшая ворота от нападающих, была тесно окружена. Маршал отправился в Аккон, чтобы привлечь рыцарство Иерусалимского государства для себя и для императора, то только раздул тлевшее там возмущение в яркое пламя. Иерусалимские бароны заявили ему, что своим действием против Бейрута, города, принадлежавшего владельцу Ибелину, он нарушил имперский закон, который не позволял ленному господину отнимать владений какого бы то ни было вассала без возбуждения и выполнения точно предписанного процесса. Вскоре после того эти господа вступили даже в так называемое Адриановское братство, т. е. которое основано было, кажется, в двенадцатом столетии как корпорация, служащая только религиозным целям, а теперь было обращено в политическо-военное товарищество, которое должно было охранять всеми средствами права земель от высшей императорской власти.

Когда Ибелин услышал об этом, он подумал, что может поравняться с своими врагами и в Сирии. Поэтому в феврале 1232 г. он оставил Кипр и отправился с небольшим войском к Бейруту. Но императорское войско, при котором находился снова и маршал Ричард, было все-таки сильнее, чем он предполагал. Поэтому он отправился дальше, в Аккон, вступил в Адриановское братство, привлек весь город на свою сторону и захватил почти все императорские корабли, которые находились там в гавани. Затем он двинулся во всей силой, которая собралась в Акконе, на север по дороге в Тир до Казаль-Имбера¹. Здесь его войска с высокомерной беззаботностью упустили все меры предосторожности, на них напало 3 мая штауфенское войско и они потерпели чувствительное поражение. Для восстановления власти императора можно было бы извлечь отсюда прочную выгоду, если бы маршал Ричард, воспользовавшись победой, отправился в Аккон, чтобы прежде всего снова подчинить Сирию сво-

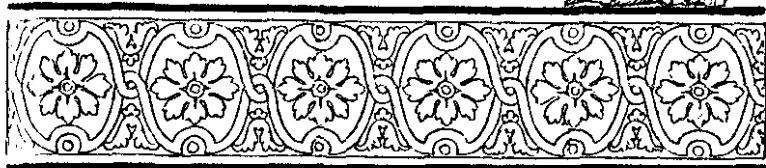
ему государю Но вместо того он как будто думал, что уже достиг этой цели, тотчас после сражения при Казаль-Имберте он отправился в Кипр, одержал здесь несколько мелких побед, но в скором времени его сильно притеснил следовавший за ним Ибелин 15 июня при Никозии произошло кровопролитное сражение, в котором погибли лучшие из штауфенских рыцарей После этого маршал бежал с острова и через несколько месяцев остров перешел снова вполне во власть Ибелина и его друзей.

Между тем папа Григорий ревностно поддерживал императора Фридриха, с которым жил теперь в мире и дружбе Церковь Святого Гроба была, по приказанию Григория, снова освящена торжественнейшим образом тамплиеров и госпиталитов ревностно увещевали уважать мир с Алькамилом и подчиняться распоряжениям императорского правительства. А патриарх Герольд Иерусалимский, так как он был страстным противником Фридриха, должен был передать представительство папского престола в Сирии патриарху Альберту В 1234 году Григорий пошел еще дальше, назначив преданного императору архиепископа Теодориха Равеннского папским легатом на Востоке, а этот в следующем году велел Адриановскому братству в Акконе порвать его противозаконный союз и, когда встретил сопротивление, то наложил на город интердикт Когда Григорий услышал об этом, он сначала был вполне доволен поступком своего представителя Но вдруг он переменял свой взгляд, потому что между ним и императором снова начались столкновения и в Европе предвиделись новые войны. Тогда папа нашел, что архиепископ Теодорих зашел слишком далеко и в особенности порицал интердикт, потому, что, по его мнению, нужно было очень щадить королевство Иерусалимское, в котором смешивалось много исповеданий и суровость вела только к отпадениям. Мирный договор, предложенный вслед за тем папой императору и его противникам, заключал для первого очень невыгодные условия. Поэтому Фридрих уклонился от заключения его, а также и сирийские бароны, понимая выгоду своего положения, не пошли ни на какую окончательную сделку Таким образом, хотя Штауфены удержали за собой некоторые места Сирии и юный Конрад был признан наследником Иерусалима, но власть империи на христианском Востоке все-таки была в сущности уничтожена

Таков был печальный эпилог именно того крестового похода, который возвратил христианам Иерусалим. Правда, император Фридрих сам содействовал этому дурному исходу некоторыми промахами¹. Но если мы еще раз взглянем на великое движение пилигримов, которое с 1213 года вызвал Иннокентий III, если мы вспомним, с какой страстью требовали освобождения Святого Гроба этот папа, его преемники и их церковные орудия, если мы представим себе громадные толпы войск, которые с мужеством и ревностью выступали в бой в годы с 1217 до 1221 г и вновь с 1227 до 1228 гг, и если мы спросим себя, почему это сильное стремление имело такие чрезвычайно скудные результаты, то приходится ответить, что если и мешали при этом некоторые побочные обстоятельства, но главную вину надо искать без сомнения в теократическом направлении римской церкви. Достаточно вредно было уже то, что это направление церкви вызвало прежде всего неудачу египетского похода. Но уже вполне вредно было то, что Григорий IX ставил интересы церковной власти выше забот о Святой Земле. Теперь, наконец, Иерусалим снова был в руках христиан, но в самом беззащитном состоянии. Только новый большой крестовый поход мог бы обеспечить Святой город на продолжительное время. Но могла ли церковь еще раз побудить народы Запада к одушевленному восстанию после того, как целое поколение людей приносило такие огромные жертвы напрасно, а особенно после того, как папство доказало, что его собственное возвышение ему важнее, чем судьба земли, «где стояли стопы Господа». Действительно, виды на будущее христианского господства на Востоке сделались почти безутешны.

¹ Как известно, историки судят императора Фридриха столь же строго, сколько осыпают похвалами и славой. В этом втором направлении в последнее время зашли слишком далеко, потому что как ни справедливо было порицать политику курии и как бы мы ни признавали дарования и успехи Фридриха, все же не надо пропускать и ошибок, которые он делал в своем опрометчивом властолюбии.

Шестой
крестовый
поход

Крестовые походы Тибо Наваррского и Ричарда
Корнваллийского

Как мы уже видели, между Фридрихом II и Алькамилом был заключен в феврале 1229 г. мир для Святой Земли более чем на десять лет, и Григорий IX не только признал этот мир в сан-джерманском договоре, но и действовал с тех пор для его соблюдения. Но несмотря на

* Вилькен, *Gesch der Kreuzzüge*, том VII и т. д. Faure *Histoire de Saint Louis*, 2 том, Paris 1866; Wallon, *Saint Louis et son temps*, 2 том, Paris 1875. Самый лучший источник для истории крестового похода Людовика IX есть «История Людовика Святого» Иоанна Жуанниля, которая распространена в многочисленных изданиях, как в подлиннике, так и в переводах. Лучшее издание принадлежит де Вальи Париж, 1867.

это, старый папа, не обращавший ни на что внимания в своей страстной необузданности, уже в 1231 г и затем каждый год призывал снова к священной войне Письмами и проповедями своих посланцев он старался возбудить народы Запада к принятию креста и денежным пожертвованиям для дела Иерусалима, и его неустанные побуждения подействовали по крайней мере настолько, что, кроме простого народа, заявляли мало-помалу свою готовность к страстному к Святым местам также значительное число по преимуществу французских и английских дворян. Но на долю Святой Земли от этого не выпало никакой поддержки. Если император Фридрих и не противился некоторое время стремлениям папы, то потом это изменилось, когда он во второй половине тридцатых годов решил сделать новую попытку подчинить ломбардов своей власти, и вследствие этого снова разошелся с римской курией. Теперь у него не было более основания шадить папу, и потому он прямо объявил крестоносцам, что они должны пока отказаться от своего предприятия, потому что мир с Алькамилом еще не кончился.

Весьма понятно, что при всех этих обстоятельствах охота к священной войне все более и более падала. Но и крестовые проповедники различным образом вредили делу, которому хотели содействовать. Некоторые из них вели себя слишком высокомерно, другие возбуждали справедливое негодование своей жадностью к деньгам, они заботились гораздо более о звонкой монете, чем о пилигримах, тем, кто платил деньги, давали такое же разрешение грехов, как и тем, которые обещали лично идти в бой, а тех, которые приняли уже крест, освобождали за известную сумму от обета. Неудивительно, что результатом такой крестовой проповеди явилась повсеместная распущенность и в особенности распространилось по всей стране самое отвратительное гонение на евреев.

Восток представлял в эти годы также весьма печальную картину. Не только продолжалась вражда между приверженцами Штауфенов и их противников; но и кроме того христианская область была наполнена раздорами, насилием и безнравственностью. Светские и духовные власти враждовали, иерусалимские клирики выдумали какую-то «темницу Иисуса Христа», которую показывали благочестивым христианам только за деньги, рыцари

Храма и Госпиталья сделали свои дома притоном преступления и местопребывания роскоши, распушенности, и как говорила молва, даже еретичества. Наконец в северной Сирии христиане с соседними мусульманами доходили не раз до войны. Первые, и особенно опять тамплиеры и госпиталиты, предпринимали безумно дерзкие походы в неприятельскую область, причем, наконец, в 1237 году, тамплиеры потерпели почти полное поражение невдалеке от крепости Дарбассака

Но мало-помалу приближалось время, когда оканчивался мир, заключенный императором для Палестины. Еще до истечения тех десяти лет умер Алькамил, 8 марта 1238 года. Его сыновья, Абу Бекр, обыкновенно называвшийся по деду Аладилом, и Ассали Эйюб, начали кровопролитную и продолжительную войну из-за наследства и потому едва были в состоянии оказывать сильное сопротивление упрямым нападениям христиан на области султанства. Весной 1239 в Лионе собрались видные отряды французских крестоносцев и во главе их король Тибо Наваррский, герцог Бургундский, графы Петр Бретанский, Иоанн из Бара, Амальрих из Монфора и многие другие знатные владетели. Императору Фридриху нечего было больше возражать теперь против их предприятия, зато папа хотел воспользоваться этой силой не для Иерусалима, а для подкрепления расшатанной Латинской империи в Константинополе, и, как говорят, он совсем даже запретил им в эту минуту начать крестовый поход. Дело в том, что незадолго перед тем Григорий, увлекаемый своею злобною ненавистью к могуществу Штауфенов, во второй раз подверг Фридриха отлучению, и именно потому не хотел допустить возобновления священной войны, которая могла бы послужить в пользу отлученному. Но крестоносцы были возмущены поведением папы и тем охотнее прислушивались к словам Фридриха, который, выражая сожаление, что не может сам принять участия в крестовом походе из-за неприязни Григория, обещал им однако всевозможную поддержку. Некоторые, правда, послушались совета остаться теперь на родине, но большинство не заботилось об этом и отплыло в Сирию, частью из Марселя, частью из Бриндизи.

Осенью 1239 г в Акконе и около него французские отряды соединились с военными силами Иерусалимского государства. Общее число войска было, говорят, так ве-

лико, что можно было бы предпринять поход в широком стиле для достижения больших результатов. Но у этих крестоносцев в сильной степени недоставало истинной преданности общему делу, дисциплины и выдержки. Когда в кругу предводителей было сделано предложение осадить Дамаск, граф Бретанский тотчас бросился один со своими людьми в окрестности этого города, нахватал большую добычу и с торжеством вернулся в Аккон. Его пример увлек к подражанию других: герцог Бургундский, графы Барский и Монфортский вместе с другими вельможами заявили, что они двинутся на юг, к Египту, в надежде приобрести там еще лучшие сокровища и по дороге восстановить Аскалон. Напрасно иерусалимцы говорили, что от этого предприятия при больших опасностях можно ожидать только незначительного успеха: эти господа стояли на своем и двинулись со своими рыцарями и слугами к Иоппе и дальше к югу. Иерусалимские бароны, тамплиеры и госпиталиты наконец примкнули к ним, между тем как король Наваррский, рассерженный самовластным поведением товарищей, следовал с остальным войском только в некотором отдалении. В окрестностях Газы передний отряд христиан услышал, что мусульманские войска находятся поблизости. Иерусалимцы тотчас стали уговаривать, что нужно вернуться, и герцог Бургундский согласился теперь с этим мнением, между тем графы Барский и Монфортский упрямо требовали боя. Первые после этого действительно повернули назад, но оба графа безумно выступили 13 ноября со своей небольшой кучкой против далеко превосходившего их силою неприятеля. Граф Барский был убит, граф Монфортский взят в плен, весь отряд за исключением немногих, успевших спастись, претерпел судьбу предводителей. После того, как несчастье совершилось, на полбитвы показалось остальное войско. Люди Наваррского короля громко выражали желание отомстить и освободить пленных; но так как тамплиеры и госпиталиты думали, что неприятель владеет в этой местности слишком крепкими позициями, то король Тибо не осмелился предказать нападения, и пилигримы вернулись обратно в Аккон, огорченные и унылые.

Значительный успех, которого таким образом достигли мусульмане, ободрил на смелый шаг против христиан одного из мелких эйюбитовских князей Сирии, Анназира

Лауда, владетеля Крака и сына Альмуаззама, прежнего султана Дамаска. Он внезапно напал на Иерусалим, захватил город, разрушил крепостные сооружения вместе с бастионами Давида и ужасно неистовствовал среди жителей несчастного города. Его победа могла бы сделаться сигналом для полного истребления христианского господства на Востоке, если бы сыновья Алькамила и вообще все принцы эйюбитского господствующего дома не воевали постоянно между собой. Правда, Аладил был в конце концов побежден своим братом Ассали Эйюбом, но только последний покорил Египет против него под предводительством его дядя, Ассали Измаил, владетель Бальбека, захватив Дамаск и вошел в союз с Ибрагимом владетелем Гимса, чтобы охранить Сирию от Эйюба. При этих кознях христианам нечего было больше бояться мусульман, и они могли смотреть на будущее даже с радужными ожиданиями, потому что Измаил предложил союз против своего племянника на очень выгодных условиях. Они должны были получить города и укрепления Тивериаду, Сафед и Бофор, т. е. весьма желательное расширение их области в стране позади Аккона и Тира, а в союзе с Измаилом выступают со всей своей силой против египтян при Аскалоне. Предводители крестоносного войска согласились на это, но христианам очень дорого достались выгоды, которые давал им союз. Мусульмане Сирии, духовные лица, граждане и солдаты были раздражены поступком Измаила. Последний только силой мог принудить свои войска уступить христианам обещанные местности; а когда египтяне схватились при Аскалоне с крестоносцами и дамаскинцами, то последние перешли к своим единоверцам. Крестоносцы потерпели тяжелое поражение, а их союзник Измаил спасся без войска и с большим трудом в Дамаске. Но хуже всего было то, что христиане после этого затеяли злобную распрю. Тамплиеры, которые первые требовали заключения союза с Измаилом, и теперь еще желали его придерживаться, напротив, иоанниты и большинство французских властей стояли за сделку с египетским султаном Эйюбом, потому что последний обещал им не только со своей стороны признать уступку земель, сделанную Измаилом, но кроме того освободить всех многочисленных пленников, попавших в руки египтян в последние битвы. При раздорах, которые, при этом и других случаях, раз

делили крестоносцев на два враждебных лагеря, король Наваррский, граф Бретанский и многие другие союзники потеряли всякую охоту к священной войне, сели в Акконе на корабли и отплыли домой

Однако вскоре после этого Иерусалимское государство получило новое подкрепление. Недолго спустя по выступлении в крестовый поход французского рыцарства поднялась в путь также значительная толпа английских господ, под предводительством графа Ричарда Корнваллийского, брата короля Генриха III и зятя императора Фридриха¹. Весною 1240 года это войско медленно прошло Францию, оставило без внимания, подобно французам, приказ Григория отказаться от предприятия, и 8 октября 1240 года высадилось в Акконской гавани. Граф Ричард, племянник короля Ричарда Львиное Сердце, был принят в Святой Земле с великим ликованием. Но в счастливой противоположности своему дяде, граф Ричард, узнав положение вещей в Сирии, совсем не стремился к фантастическим приключениям и военной славе, но разумно ограничился осторожно веденными мирными переговорами. Он решительно отклонил желание тамплиеров поддержать дамакский союз и тем самым продолжать тяжелую войну против Египта. Напротив, в согласии с иоаннитами, рыцарями Немецкого ордена и с находившимися еще в Акконе французскими крестоносцами, он вступил в дружественные сношения с султаном Эйюбом и в конце ноября отправил посольство в Кипр для утверждения условий мира. В то время, как посольство некоторое время оставалось в Кипре, он приобрел вторую заслугу для Святой Земли, соорудивши в Акконе сильное укрепление, чем несколько обеспечил господство христиан в области к югу от Иоппе. В феврале 1241 года был заключен мир, по которому за христианами было утверждено владение местами, уступленными им Измаилом, по которому были выпущены на свободу, кроме графа Монфора, еще многие сотни томившихся в плену рыцарей и слуг. Вскоре после того, довольный тем, что было достигнуто, Ричард оставил Святую Землю и по своему возвращению на родину в сердечном и почетном приеме, которым его встретили, он получил благодар-

¹ Фридрих женился в 1235 году в третий раз на Изабелле Английской.

ность за те заботы, с которыми он действовал на далеком Востоке в пользу христианства. Тотчас после него отплыл в Европу также герцог Бургундский с остатками французских крестоносцев и с тех пор Иерусалимское государство снова было предоставлено собственным силам

Завоевание Иерусалима харизмийцами

Этих собственных сил могло быть достаточно для того, чтобы поддержать прочность христианских владений и даже при удобном случае увеличить их, если бы иерусалимцы не наделали снова больших ошибок. Мир с Египтом охранял их от самого могущественного противника, какого они имели в то время, и они тем спокойнее могли рассчитывать на прочность этого мира, что император Фридрих II не только вполне одобрял его, но даже тотчас воспользовался тем, чтобы поддержать с султаном Эйюбом те же дружественные отношения, которые у него были раньше с Алькамилом, особенно относительно торговых сношений. Но восточные христиане распались на партии, преследовавшие одна другую злейшей ненавистью, и уже не думали об их общих интересах. В октябре 1241 года в Акконе вспыхнуло восстание, в котором дурную роль играли в особенности дерзкие тамплиеры. Они были озлоблены тем направлением, которое приняли события в последнее время, и с мечом в руках бросились на дома своих противников, иоаннитов и рыцарей Немецкого ордена. Так как они имели успех, то к ним присоединились постепенно друзья дома Ибелина и венецианцы, в то время решительные приверженцы римской курии, и эти союзники решили распорядиться судьбой христианской Сирии по своему собственному усмотрению, т. е. первым делом окончательно разрушить слабые остатки штауфенской власти на Востоке. Но они медлили привести свой план в исполнение, пока настоящий наследник Иерусалимского государства, Конрад, сын императора Фридриха, не достиг совершеннолетия 25 апреля 1243 года, и тотчас отправил посольство, чтобы требовать от своих восточных подданных клятвы в верности. На это они заявили, что дадут такую клятву только самому Конраду,

но вовсе не его наместнику Они очень хорошо знали, что юному королю нелегко прибыть в Сирию, чтобы самому вести там правление, и потому уже этим заявлением окончательно отреклись от Штауфенов За их словами тотчас последовали соответственные дела, они передали управление Иерусалимским государством королеве Алисе Кипрской, прежней противнице императора Фридриха¹ и затем выступили открытой войной против приверженцев Фридриха Здесь дело шло именно о крепком Тире, единственном значительном месте, где еще держалась императорская партия Город был взят без труда, потому что у нападающих было много соумышленников среди горожан, а по необычайному сцеплению обстоятельств вскоре должна была открыться ворота цитадели. Дело в том, что императорский маршал Ричард Филанджери, который до сих пор командовал в Тире, был в то время в дороге в Апулию Во время путешествия его захватила буря, кидала взад и вперед, наконец загнала обратно к берегам Сирии, а там он был взят в плен своими противниками В Тирской цитадели командовал его брат Лотарь, и нападающие грозили ему, что повесят маршала, если тот не сдаст крепость добровольно Лотарь сложил оружие, чтобы спасти брата Штауфенские воины вернулись в Европу, а киприоты, приверженцы Ибелина и тамплиеров ликовали, что теперь они могут властью распоряжаться на христианском Востоке, не стесняемые высшей волей

Они в ту же минуту дали доказательство того, как превосходно они это понимали. Дело в том, что между христианами и Анназиром Даудом из Крака, завоевателем Иерусалима, война до сих пор продолжалась почти непрерывно: многие попытки прийти к миру остались безуспешны, и, кроме того, Анназир Дауд был сильно раздражен гнусными жестокостями, которые неприятель совершал над его подданными Но, несмотря на это, Анназир, стесненный с двух сторон — христианами и возрастающим могуществом султана Эйюба, требовал те-

¹ В 1239 году Алиса вышла замуж за графа Радольфа Суассонского, пришедшего в Сирию с королем Наваррским. В 1243 году ее муж вместе с нею был поставлен во главе правления, но вслед за тем увидал себя присужденным к такому бессилию наряду с гордым рыцарством, которое его возвысило, что в досаде на это он скоро покинул государство и жену и вернулся во Францию

перь не только мира, но даже союза с первыми и предлагал им за это даже владеть на будущее время всем Иерусалимом безо всякого ограничения, то есть даже с местностью Гарамы, которую в договоре с императором Фридрихом Алькавил удержал за мусульманами. Предложение Анназира было, конечно, очень заманчиво, тем более, что союза с христианами желали также Измаил Дамаский и Ибрагим из Гимса, тем не менее по рассудительной оценке положения вещей необходимо было безусловно отклониться от предложения, потому что предыдущие опыты показали, что в войне с египтянами никак нельзя было рассчитывать на прочное соглашение с сирийскими магометанами. Напротив того, христиане и во главе их тамплиеры с радостью вошли в союз с тремя князьями и навлекли этим тяжелую беду на себя и особенно на Святой город.

Султан Эйюб ревностно вооружался, чтобы быть в силах счастливо сопротивляться угрожавшему нападению. А так как он думал, что число его собственных войск для этого недостаточно, то он вызвал к войне ужасного союзника из глубины Азии. В стране Ховарезма или Харизма, в областях к югу и к западу от Аральского озера, уже во времена первого крестового похода возникло новое туркменское царство, которое сначала было подчинено сельджукам, затем образовало самостоятельное государство, и наконец покорило всю Месопотамию и Персию до самой Индии. Около 1220 года это сильное государство, правда, было разрушено монголами, но воинственные силы его кочевали с тех пор большими массами, как наемные банды, и служили то сельджукам то князьям из рода Саладина. Это были дико храбрые, грубые и жадные на добычу воины, и к ним-то султан Эйюб обратился теперь за помощью против христиан и их союзников. Они в числе десяти тысяч всадников были готовы тотчас же выступить в поход. С быстротой молнии они перенеслись из Месопотамии в Сирию, где никто не ожидал их нападения. На пути от Триполиской области до Иерусалима они оставили ужаснейший след пожаров и убийств. В Святом городе теперь опять было сравнительно многочисленное христианское население, и во главе его патриарх Роберт, страстный приверженец римской курии и ревностный покровитель политики тамплиеров. Но при приближении харизмийцев (в начале сентября

1244) он не сумел дать другого совета, как поспешно покинуть незащищенный город. Жители последовали его словам, и в следующую ночь со страхом и воплями пошли к Иоппе. Однако они только немного отошли от города, как услышали, что христианское военное знамя снова виднеется на стенах Иерусалима. Они возвращаются, снова вступают в Святой город и только тут видят, что их заманила назад военная хитрость поспешивших вперед харизмийцев. Патриарх с частью народа тотчас опять направляется к Иоппе, другие остаются, пока неприятель не окружил города, и только тогда пытаются пробраться к берегу моря. Между тем харизмийцы преследуют бегущих, убивают более семи тысяч, увозят множество юношей и девушек в рабство и затем наводняют Иерусалим. Кто остался еще там, были немилосердно перебиты, кровь усердно молившихся духовных лиц окропляет гробницу Иисуса Христа, церкви были опустошены и не пощажены даже останки Иерусалимских королей в их могилах. Окончив свое дело, ужасная орда двигается через Вифлеем, где также страшно бушует, в Газу, где соединяется с войском султана Эйюба.

Иерусалим был вторично и на этот раз окончательно потерян для христиан. Крестовое знамя, как знак господства христиан, никогда уже не должно было развеяться на стенах Святого города. Но предстояли еще большие потери, если бы не удалось ощутительно наказать сильного врага. Магометанские союзники крестоносцев двинулись наконец в поход. Ибрагим из Гимса сам отправился в Аккон, чтобы с тамошним рыцарством определить план войны, и был принят им, и особенно тамплиерами, с особенными почестями, что, конечно, вызвало на Западе сильное негодование. Однако среди иерусалимцев в эту минуту молчали ссоры, которые их до сих пор разъединяли: тамплиеры, иоанниты и немецкие рыцари единодушно вооружались к решительному бою, вспомогательные войска пришли даже из северной Сирии и из Кипра. На юге Святой Земли отряды всех этих маленьких земель соединились в одно значительное войско, которое, пожалуй, могло бы сравниться по числу и воинскому искусству с противниками. Между тем союз христиан с мусульманами и на этот раз основывался на непрочном фундаменте. Среди последних было сильное нежелание драться с единоверцами, кроме того, многие

из них боялись нападать на страшных харизмийцев Ибрагим из Гимса понял опасность положения и потому сделал разумное предложение избежать битвы и занять твердую позицию под защитой Аскалонской крепости харизмийцы, которые в опустошенной земле не могли уже найти никакой добычи, потеряли бы терпение, если бы война затянулась дольше, покинули бы египетский лагерь и этим доставили бы союзникам удобный случай счастливо окончить поход. Это предложение понравилось многим христианским властям, но другие спорили и, кажется, в особенности патриарх Роберт, который имел здесь такое же вредное влияние, как некогда кардинал Пелагий в долине Нила. Его мнение победило. 18 октября 1244 крестоносцы и сирийские мусульмане подошли к Газе. Когда сирийцы увидели харизмийцев и египтян, то среди них распространился страх и ужас. Почти еще до начала сражения войска Крака, Дамаска и Гимса покинули поле битвы, а христиане, будучи не в силах вынести одни ужасного натиска, искали, наконец, спасения в беспорядочном бегстве. Но они были окружены уже со всех сторон: их лучшие бойцы были убиты или взяты в плен, был истреблен цвет трех духовных рыцарских орденов, и только незначительному остатку крестоносного войска удалось выйти из поражения тяжело изнуренными.

В Каире поднялось великое ликование, когда пришло известие об этом великом событии, Аккон, напротив, был исполнен печали, смущения и страха. Тамплиеры и иоанниты отправили посольство к султану Эйюбу и предлагали большую сумму денег за освобождение пленных. Султан решительно отказал в этом и к своему отрицательному ответу присоединил насмешку, что духовные рыцари — жалкие христиане, потому что вместо того, чтобы содействовать миру среди своих единоверцев, к чему они особенно были обязаны, они были в злобных раздорах между собой, а также оказывали всю возможную враждебность своему государю императору Фридриху и его зятю, знаменитому графу Ричарду Корнуоллийскому. После этого христианские послы попросили у некоторых подкупленных деньгами эмиров Эйюба совета, как бы им достигнуть своей цели. Но последние не умели ответить ничего, кроме того, что рыцари должны просить заступничества императора Фридриха, которого султан чрезвычай-

но любит и уважает Упорные противники штауфенского дома заявили, что никогда не унижутся до этого.

Победоносное войско египтян и харизмийцев бросилось между тем преследовать побитых врагов. Христиане, которые боялись уже за стены Аккона, правда, тотчас же потеряли некоторые местности, но все-таки могли немного успокоиться от своего страха, потому что Эйюб думал сначала о покорении своих единоверцев в Сирии. В 1245 году он осадил Дамаск, принудил своего дядю, Измаила, сдать город и этим в четвертый раз восстановил в главном то великое государство, которое добыли войной и которым владели Саладин, Алькадил и Аладил. Правда, чтобы удержать это государство, ему приходилось выдержать еще один кровавый бой, потому что непостоянная шайка харизмийцев внезапно перешла к Измаилу и вместе с ним старалась взять обратно Дамаск. Но самый способный из сирийских князей, Ибрагим из Гимса, не имел больше охоты служить партии, которая видимо шла к распадению. Поэтому он соединился с египтянами и нанес харизмийцам почти уничтожающее поражение, вследствие которого остаток орды разошелся, частями пошел в службу к разным князьям передней Азии и вскоре совсем потерялся в народном движении этой обширной страны. С тех пор Эйюб стал действительным повелителем Египта и Сирии и ему оставалось только покорить христиан. В 1247 году он двинулся против Аскалона, далеко выдвинувшегося на юг передового укрепления после области Иерусалимского государства. Крестоносцы сделали все возможное, чтобы удержать это место. Из Аккона и из Кипра пришли вспомогательные флоты. Но сила врагов была слишком велика. Стены были пробиты и гарнизон был немилосердно умерщвлен за исключением немногих, которым удалось спастись.

Но когда гибель Палестины ужасно придвинулась шаг за шагом, северной Сирии пришлось также сильно страдать. В Антиохии и Триполисе до 1233 господствовал князь Боэмунд IV. С тех пор там правил его одноименный сын, Боэмунд V. В 1244 году ему угрожали страшнейшие враги всех культурных народов, монголы, которые до сих пор еще не беспокоили непосредственно христианскую Сирию, хотя уже в продолжение целого поколения наполняли ужасом Азию и Европу. Говорили, что от Боэмунда требовали срыть все укрепления в Свя-

гой Земле и уступить варварам все его денежные доходы и три тысячи девушек. Князь отвечал указанием на свой добрый меч, который однако мало бы ему помог, если бы монголы не были тогда увлечены другими разбойничьими походами и завоеваниями. Но все-таки антиохийцы и с ними армяне вскоре потом должны были платить дань монголам. А в 1247 году туркменская орда ворвалась в княжество, опустошила все, что только могла и нанесла большие потери рыцарству Бозмунда, которое вышло против этих полудикарей с высокомерной беззаботностью.

Этому скоплению несчастий мало помогало то, что боевые силы восточных христиан были теперь немного более сплочены, чем до сих пор. Как мы видели, Иерусалимское государство отреклось от Штауфенов и возвело на престол Алису Кипрскую. Королева умерла в 1246 и правителем Иерусалима был сделан ее сын, король Генрих Кипрский, как ближайший наследник. С тех пор он управлял обеими значительными областями крестоносных государств. Но собственными силами они уже не могли больше держаться. Они были предоставлены скорому и безнадежному падению, если бы не случилось нечто такое, чего едва можно было ожидать: Запад еще раз, в самоотверженном одушевлении, поднялся на войну с исламом

Крестовый поход Людовика IX

21 августа 1241 года умер престарелый папа Григорий IX. Он оставил своим преемникам двойное завещание: во-первых, заботу о разрушающемся Иерусалимском государстве, а во-вторых, продолжение борьбы с императором Фридрихом, потому что его падение приблизило бы римскую теократию к ее завершению. 26 октября 1241 кардиналы выбрали папой Целестина IV. Но через несколько недель после этого дряхлый старец уже закрыл глаза и последовало междуцарствие, продолжавшееся более чем полтора года, пока наконец, — 24 июня 1243 года — не вступил на престол Петра кардинал Синибальд Фиески, граф Лаванья, под именем Иннокен-

гия IV Этот папа тотчас обратил внимание на то, чтобы разрешить задачи, которые возлагало на него упомянутое завещание Во все страны были разсланы воззвания молиться и платить на Иерусалим, его крестовые проповедники ходили с места на место, чтобы собирать деньги и воинов для священной войны, некоторые монахи осмеливались являться с папской грамотой к монголам и мусульманам Египта и Сирии, чтобы их обратить, или то крайней мере настроить милостивее к христианам и на большом соборе в Лионе, в 1245 году, во всем западе объявлен был всеобщий мир на четыре года, предположен и новый крестовый поход и от всего христианского духовенства потребована для поддержки Святой Земли двадцатая часть доходов, которые они получали в следующие три года. Между тем как на самого себя и на своих кардиналов Иннокентий наложил обязательство жертвовать на иерусалимское дело также три года, десятую часть своих доходов Между тем обстоятельства того времени очень поддерживали эти старания папы. Западным народам наскучили безуспешные походы в Сирию, или они враждовали между собою, как французы с англичанами, или усердно защищали родной очаг от нападения монгольских варваров Но самое худое было в том, что Иннокентий сам делал невозможным настоящий успех своих крестовых проповедей Как у Григория IX спасение Иерусалима отошло на задний план перед желанием возвысить папское могущество, точно так у его преемника сердце лежало не к тому, чтобы побить Эйюбитов, а к тому, чтобы уничтожить господство Фридриха, а Святая Земля, как в первом, так и во втором случае платилась за эти деяния От Иннокентия Фридрих мог ожидать лучшего тем более, что находился с ним прежде в дружбе, но политика римской курии с неодолимой силой шла все дальше по пути, на который раз вступила, а новый папа, хотя и был тонкий ученый, но прежде всего необузданно властолюбивый теократ Таким образом, он обратил все силы своего духа на спор с императором, снова проклял его на том же Лионском соборе, лишил Фридриха его престолов и освободил его подданных от долга повиновения. Напрасны были уступки, которые делал Фридрих, напрасны его предложения поднять меч по желанию церкви против монголов, харизмийцев и эйюбитов: папа думал только о гибели императора и всех

Штауфенов, об истреблении всего «змеиною отродья» Ближайшим следствием этого было то, что крестовая проповедь, относившаяся к Гробу Господню, обратилась против преемника Цезарей Посланцы папы призывали воинов к священной войне против императора и даже позволяли тем, который дали обет похода в Иерусалим, исполнить его войной против Фридриха. Доход соборов на крестовый поход был обращен в эту войну; народы беспрестанно принуждаемы были к новым платежам и то там, то сям были изобличаемы обманщики, которые желали положить в собственный карман деньги, отданные в церковь. Неудивительно, что при таких обстоятельствах чрезвычайно увеличивалось нерасположение к войне на Востоке Кого можно было осуждать, за то, что не хотели больше жертвовать своим имуществом или своей кровью и жизнью, если даже папа своекорыстно пользовался для своей личной выгоды благороднейшими побуждениями христианства? Французы не слушали воззваний церкви о помощи; король Генрих Английский заявил престолу папы, что его подданные не раз были проведены крестовыми проповедниками и не позволят себя обмануть еще раз: а в Германии развилось такое отвращение к пилигримству, что например, граждане Регенсбурга, ревностные приверженцы штауфенского императорского дома, постановили наказывать смертью всякого, кто носит крест на одежде

Может быть, никогда бы поэтому не произошло нового обширного крестового похода, если бы именно в это время старое стремление к освобождению Иерусалима, истинный дух Готфрида Бульонского, не воплотился еще раз во всей чистоте в одном из могущественнейших монархов христианства Это был не кто другой, как король Людовик IX французский, его умная мать, Бланка, воспитала из него умного политика и вследствие этого он с блестящим успехом возвысил могущество французского престола и во внешних делах и относительно беспокойных вассалов, но вместе с тем он представлял своей личностью один из идеальных образов средневекового аскетизма Он молился днем и ночью, он постился и приказывал бичевать себя, он проливал благоговейные слезы, а после того, как он в конце 1244 года тяжело заболел и окружающие уже отчаялись в его исцелении, то его первым словом после глубокого обморока было, как го-

ворят, приказание, чтобы на его плече был прикреплен знак креста пилигримов. Его близкие испугались и старались навести его на другие мысли, но он упорствовал в своей воле, принял крест и, после того, как Лионский собор утвердил упомянутые выше решения способствовать священной войне, он созвал вельмож своего государства в парламенте в Париже. Здесь его пример и проповедь папского легата, кардинала Одо Тускуланского, повлияла так, что целый ряд знатных господ решил принять участие в странствии к Святым местам, между прочим три брата короля, Роберт Артуа, Альфонс Пуатье, Карл Анжуйский, затем герцог Гуго Бургундский, граф Вильгельм Фландрский, граф Петр Бретанский, а из числа менее сильных Иоанн Жуанвильский, сенешаль Шампанский, достойный биограф короля Людовика. Между тем до начала крестового похода и после этого было еще далеко. Едва ли было достижимо всеобщее поднятие христианства к войне с исламом, о чем мечтал Людовик, и даже число французов, которые заявили готовность к крестовому походу, было недостаточно для того, чтобы приступить к нему с основательными надеждами на успех. Из последнего затруднения король, как по крайней мере рассказывают, вышел тем, что велел сделать тайно знаки креста на новых одеждах, которые он по обычаю дарил на Рождество всем своим приближенным и поэтому сделал почетным долгом для своего рыцарства следовать за ним на Восток. Но вне Франции предприятие Людовика не нашло большой поддержки. Только в Англии, с которой после долгой распри король заключил наконец перемирие, некоторые бароны и епископы приняли крест и решили участвовать во французском крестовом походе. Затем дал еще обет совершить странствие к Святым местам король Гакон Норвежский, и Людовик предложил ему, как опытному мореплавателю, принять управление всем флотом пилигримов, но Гакон устранился обязательства, которое могло бы отсюда произойти, и поэтому ответил, что его норвежцы слишком буйный народ, чтобы он мог вести его в Сирию вместе с французами; и он вскоре отложил поход на Восток, потому что римская курия позволила ему обратиться

оружие против язычников по его соседству¹ Если бы только Людовику удалось, как он долго надеялся, получить подкрепление для своего войска из Германии и Италии! Но здесь все зависело от хода отношений между императором и папой Фридрих искал мира и потому вызывался, как только позволят ему обстоятельства, или сам он пойти в Сирию, или отпустить с французами своего сына Конрада, или по крайней мере поддержать французов по мере сил кораблями, оружием и съестными припасами Людовик с радостью слышал такие слова и неоднократно старался быть посредником между императором и папой, потому что, несмотря на свое смиренное благочестивое настроение, он был вполне убежден, что Иннокентий относился к своему противнику с безмерным презрением и ненавистью. Но папу нельзя было смягчить: в Италии свирепствовала борьба Гвельфов и Гибеллинов, в Германии выставляли одного за другим антикоролей против Штауфенов, и потому в обеих странах нечего было и думать об оживлении прежней охоты к странствиям в Святую Землю Наконец, и в самой Франции возникла серьезная опасность для римской теократии и для крестового похода Людовика IX. Большое число французских баронов, возмущенных властолюбивыми требованиями папы и приверженного ему духовенства, составило союз для ограничения богатых владений церкви в деньгах и имениях и для сокращения судебной власти клира, и знатнейшие сановники Франции, и во главе их королева-мать, Бланка, должны были еще раз настоятельно просить короля, чтобы он не исполнял обета, данного им только в болезни, по крайней мере не рискуя собой, потому что не представляется никакой надежды на успех при том раздоре, который господствовал как на Западе, так и на Востоке. Однако Иннокентий с большою ловкостью противодействовал этому союзу тем, что

¹ Гакон уже принял однажды крест в 1237 году и торжественно повторил это после разрушения Иерусалима харизмийцами. Но ни Григорий IX, ни Иннокентий IV не побуждали его серьезно к исполнению этого намерения и, напротив, позволяли ему, вместо того, покорение язычников на севере. Кажется, каждый раз после обета отправиться в Святую Землю Гакон боялся, что исполнение обета влечет его в распрю между церковью и империей, и папы, по ходу их политики, имели достаточно причин удержать уступчивостью его доброе расположение

привлекал на свою сторону то одного, то другого влиятельного человека, оказывая милости, и говорят, что представление своих подданных благочестивый Людовик обещоружил тем, что согласился с их требованием сложить крест, которого он потребовал в невменяемом состоянии болезни, но тотчас после того потребовал себе знак креста, как человек здоровый и с сознательной волей. Таким образом, был решено, что новый крестовый поход будет предпринят пока только небольшим французским войском с небольшим отрядом англичан.

Между тем наступил 1248 год. Весною этого года королевские замки французского дворянства наполнились ревностными вооружениями. Людовик, раньше чем двинуться, велел своим чиновникам и монахам, которых он рассылал во все стороны, объявлять его подданным, что он готов оказать помощь во всякой просьбе, которая будет справедливо заявлена. Этому благородному примеру последовали и другие знатные люди, как например это известно о владетеле Жуанвильском. Затем король отправился в Сен-Дени, чтобы в святом месте принять знамя Франции, священную орифламу, вместе с пилигримским посохом и сумой, и рыцари подобным же образом освятились перед началом крестового похода посещением разных священных мест. Когда войско двинулось в поход, оно представляло удивительное зрелище. На короле не было ни меха, ни светлой одежды, ни дорогого металла: его шпоры были железные, его собственное одеяние и конский убор были просты и темного цвета, и в этом также гордое рыцарство прекрасной Франции последовало его примеру. Но уже поход до морского берега нарушил высокую гармонию, которой была исполнена эта толпа пилигримов. Местности в долине Роны были еще наполнены последними отголосками Альбигийских войн, разными раздорами и насилиями, и войско должно было прокладывать себе путь среди кровопролитных сражений. Вследствие этого целая масса простых воинов потеряла охоту к священному предприятую, повернула назад, и в Лионе выкупила освобождение от пилигримского обета у папы Иннокентия, которому эти деньги были очень не лишними. Наконец, в последние дни августа Людовик отплыл вместе с главной частью войска с родного берега из Эгморта на флоте, состоявшем большей частью из нанятых генуэзских кораблей, между

тем как остальные его войска отплыли из других гаваней, особенно из Марсели

Ближайшей целью путешествия был Кипр 17 сентября король благополучно достиг острова, и, конечно, лучше всего для него было бы, если бы он продолжал поход без остановки. Но так как некоторые отряды его войска еще не прибыли, то он промедлил здесь и затем решил остаться зиму на острове. В продолжение зимы король Генрих Кипрский и его рыцари заявили, что готовы вместе с французами бороться против ислама, но вред, который нанесла крестоносному войску долгая бездеятельность, сильно перевесил это приращение силы. Французские бароны истратили свои денежные средства еще до начала войны, то там, то сям среди пестрого народа, наполнившего гавани Кипра, вспыхивали кровавые схватки, и если не было недостатка в пище и питье, так как Людовик также заранее велел собрать на острове большие запасы, зато непривычный климат и неправильный образ жизни порождали опасные болезни, от которых погибли кроме многих знатных господ и множества простого народа, не менее 260 рыцарей. Кроме того, король Людовик сам ослабил свою армию, послав небольшой отряд князю Боэмунду V Антиохийскому, который просил у него помощи против туркменских орд, между тем как армянские послы, жившие при французском дворе, в блестящем виде изображали победоносную борьбу своих соотечественников с иконийскими сельджуками и этими рассказами сумели многих пилигримов вступить на службу к королю Гетуму Император Бальдуин II Константинопольский тоже старался добыть из рядов крестоносного войска подкрепление для своего притесненного государства и получил по крайней мере обещание, что подкрепление будет ему дано после счастливого окончания крестового похода. Даже монголы требовали своего рода помощи от Людовика IX, они отправили посольство в Кипр, которое наговорило много слов о склонности князей своего народа к христианской вере и указывало на то, что война монголов с халифатом Багдадским и борьба крестоносцев с Эйюбитами в сущности составляет предприятия против одного и того же врага. Людовик ответил на это увещаниями обратиться в христианство и посылкой дорогих подарков, а именно великолепно украшенного шатра

Кажется, во время долгого пребывания на острове французы составили роковой план напасть на врагов не в Сирии, а в Египте Император Фридрих, который все время был в наилучших отношениях с королем Людовиком и, несмотря на свою распрю с папой, охотно снабжал короля своими военными припасами, насколько можно судить, всегда был того мнения, что крестоносцы попробуют завоевать Иерусалим. Напротив того, римская курия, которая должна была бояться, что Штауфены тогда утвердятся на Востоке, вероятно, побуждала французов к походу на Египет. В этом же направлении могло повлиять и то, что в то время восточные христиане были в различных мелочных ссорах между собой, и тамплиеры старались даже подвинуть короля Людовика не на смелый бой, а на слабый мирный договор с султаном Эйюбом. Тогда могло казаться лучше, не стесняясь враждой и сепаративными желаньями сирийских партий, схватить быка за рога и большим поражением Египта раз и навсегда решить судьбу Святой Земли. Ужасное несчастье, которое некогда постигло на Ниле кардинала Пелагия, не остановило дерзкого предприятия, потому что крестоносцы думали, что легко могут избежать ошибок, которые сделал этот неумелый полководец.

Весной 1249 года начались ревностные приготовления к переезду в Египет. С трудом набирали во всех сторон достаточный флот, как из больших военных кораблей, так и небольших и плоскодонных судов для непосредственного нападения на неприятельский берег. Пришли еще некоторые подкрепления из Греции, где зимовала часть крестоносцев. Когда все было собрано вместе, то насчитывалось более двух с половиной тысяч французских рыцарей, значительные толпы кипрских, сирийских и английских господ со множеством оруженосцев и слуг — вообще видное войско. Флот состоял из 120 больших и более 1600 мелких судов, но вооружение этой армады потребовало много времени. Потом отплытие было задержано бурной погодой. Наконец, 30 мая, армада вышла в открытое море и через несколько дней увидела берег Египта и башни Дамиетты.

Султан Эйюб, хотя с некоторого времени был тяжело болен, все-таки заботливо приготовился к этому нападению. Его войска и корабли были готовы к прикрытию главных гаваней в дельте Нила. Поэтому, когда кресто-

носы подплыли к дамиеттскому устью Нила: они увидели перед собой большую враждебную силу, готовую к бою. Но и в них, после долгих бездейственных промедлений, с удвоенной силой вспыхнула прежняя ярая жажда боя. Хотя 5 июня — вблизи берега находилась только часть их флота, рыцари тотчас кинулись в самые маленькие суденышки, приставали там и сям и навстречу скачущим врагам выставляли ряды своих неодолимых копьев. Король Людовик, горя нетерпением, прыгнул с борта по плечи в воду и стал наряду со своими храбрецами. Вскоре христиане стали достаточно сильны, чтобы перейти к нападению, а мусульмане, сильно напуганные своей неожиданной неудачей, после слабого сопротивления покинули поле сражения.

Высадка последовала на том же самом месте, как в 1218 году, в низменностях на западе от Дамиеттского устья Нила. Разбитые перешли по понтонному мосту через Нил, назад в Дамиетту, но только распространили там панику, которой сами прониклись, среди гарнизона и жителей крепости. Долгое сопротивление ужасному, необузданному нападению христиан казалось невозможным, и в то же время не ожидалось никакой большой помощи от больного султана. Поэтому в темноте ночи бежали с боязливой поспешностью на юг, во внутрь страны, сначала войска, потом обыватели города с женами и детьми. На другой день, 6 июня, христиане были еще заняты выгрузкой своих военных припасов, когда к ним пришла поразительная весть об очищении Дамиетты. С великим ликованием, с священными песнями они двинулись в оставленный город, завладели богатой добычей, обратили мечети в христианские церкви и поставили над ними епископа.

Таким образом, начало этого крестового похода ознаменовалось необычным счастьем. Но все-таки надежды на будущее были весьма смутны. Султан Эйюб назначил строгие наказания бежавшим из Дамиетты и этим успешно предупредил дальнейшее распространение трусости среди своих войск. Кроме того, войско росло со дня на день, благодаря свежим подкреплениям, и вскоре оказалось таким воинственным, что оно могло уже высылать один за другим отряды легких всадников, чтобы беспокоить христиан внезапными нападениями: некоторые мусульмане были даже так отважны, что в темную ночь за

мешивались между пилигримами и убивали то там, то сям спящих, чтобы получить награду, которая им была обещана за такие смелые выходки. С другой стороны, число христиан было едва достаточно, чтобы занимать Дамиетту и в то же время начать большое предприятие внутри страны, а хуже всего было то, что время года на долгие месяцы задерживало продолжение крестового похода. Некогда кардинал Пелагий начал летом свой поход к Каиру и был побежден не оружием врагов, а скорее разлитием Нила. Поэтому теперь не нужно было покидать безопасного положения на берегу до тех пор, пока поздняя осень не будет защищать от страшных наводнений.

Между тем король Людовик велел усилить укрепления Дамиетты вне города, в лагере, защищенном окопами. Здесь христиане могли, правда, не подвергаясь опасности, ожидать дальнейшего хода событий, но новая бездеятельность, на которую они были осуждены, в высшей степени вредила внутренней твердости войска. Как рыцари, так и слуги предались беспорядочному распутству, лагерь наполнился завистью и враждой, и нередко некоторые знатные господа предпринимали дерзкие грабительские набеги в окрестности или тайно выезжали на безумно отважный бой с неприятелем несмотря на то, что всякие такие самовольные действия были строго запрещены. Король Людовик, предавшись исключительно своим благочестивым побуждениям, не обладал необходимой решительностью и твердостью, чтобы сильной рукой подавить все эти беспорядки — и дисциплина войска до такой степени расшаталась, что оставляла очень мало надежды на дальнейшие победы.

Летом и осенью 1249 года в Дамиетту прибыли, правда, еще значительные подкрепления, напр., отряд англичан под предводительством Вильгельма «Длинный меч», графа Салисбюри, а в особенности целое войско оставшихся французов, которых только теперь привел с родины один из братьев Людовика, Альфонс Пуатье. Однако, когда после этого был военный совет о продолжении крестового похода, среди французских баронов оказалась большая разногласица мнений. Одни требовали завоевания Александрии, т. е. обдуманного, осторожного расширения христианского господства на египетском берегу, другие упрямо требовали похода на Каир, на том

вании, что если хочешь убить змею, то должно разбить ей голову. Во главе этих бурных воевателей стоял Роберт Артуа. Людовик не мог противоречить своему отцу, более разумные рыцари не хотели, наконец, отказаться трусами, одним словом, 20 ноября войско двинулось и двинулось к югу, вдоль Нила, по тому же несчастному пути, который три десятилетия тому назад привел христиан к гибели.

Войско двигалось чрезвычайно медленно. Для небольшого расстояния от Дамьетты к Мансуре потребовался целый месяц. В продолжение этого времени неприятель выступал против христиан только небольшими отрядами, было трудно также преодолевать затруднения пути, так что можно было почти прийти к мысли, что задержания происходили от переговоров о заключении мира. Говорят, что султан Эйюб предложил тогда крестоносцам выдачу Иерусалимского королевства и выгодный торговый договор, если они отдадут ему Дамьетту и вообще очистят Египет. Но это известие недостаточно достоверно, и мы знаем только, что христиане потеряли чрезвычайно много времени, в которое они тем легче могли бы достигнуть самых решительных успехов, что султан Эйюб умер уже 21 ноября, между тем как его сын Туранша находился далеко, в Месопотамии. Правда, вдова Эйюба, султанша Шедшер Эддурр старалась скрыть смерть своего супруга, пока не прибудет в Египет быстро оповещенный наследник престола, а один из ее важнейших офицеров, Фахреддин, возбуждал религиозный фанатизм мусульман к войне против христиан, но очевидно, что сила Эйюбитов едва выдержала бы в этот момент сильное и быстрое нападение крестоносцев.

Наконец, 21 декабря, войско пилигримов, в числе 60000 человек, подступило к Мансуре, но очутилось здесь в весьма тягостном положении. С правой его стороны находился Дамьеттский рукав Нила, впереди широкий и глубокий канал Ашмум Тана, который тянется от Нила на северо-восток, а по другую сторону канала расположились, опираясь на крепкую Мансуру, лучшие боевые силы неприятеля, частью на суше, частью на кораблях египетского нильского флота. Таким образом, мусульмане занимали необыкновенно твердую позицию, к которой французы думали подойти только тем, что начали строить плотину через канал Ашмум Тана. Это было и

трудное и продолжительное предприятие, которое давало врагам сотни случаев к почти безопасной и успешной обороне. Метательные машины египтян обстреливали рабочих на плотине почти непрерывно, их корабли внезапно нападали на отдельные части христианского флота, который следовал за крестоносным войском до Мансуры. Их сухопутные войска переходили в отдаленных местах то Нил, то канал и нападали на крестоносцев к их ужасу с тыла. Ввиду этих обстоятельств король Людовик велел сильно укрепить окопами лагерь, который он занял со своими людьми на мысе между Нилом и каналом, а для защиты работавших на плотине велел поставить многочисленные метательные машины и воздвигнуть две большие башни. Из-под их крыш скатывались камни в канал, между тем как с их зубцов летели стрелы и копья в мусульман. Плотина постепенно подвигалась вперед, но когда она приблизилась к противоположному берегу, неприятель направил течение реки в искусственно сделанное за ней углубление, так что перед рабочими снова разлилась водная поверхность. Французы еще не испугались этого. Но когда обе башни были зажжены неприятельскими снарядами и когда третья башня, постройка которой удалась только с большими усилиями, потерпела ту же судьбу, то король и бароны увидели себя в самом беспомощном положении. Массы войск окончательно одичали за это печальное время. В одном месте являлся раздор и возмущение против начальников, в других тупое отчаяние или злые насмешки над христианами, потому что «Бога, которого называют повелителем войск, так часто побеждают его враги, что, вероятно, закон Магомета сильнее, чем вера Иисуса Христа».

Во время этой горькой беды один бедуин предложил королю Людовику за большое вознаграждение показать брод через канал, немного в сторону от христианского лагеря. Предложение было принято, и рано утром, 8 февраля 1250 г., большая часть войска потихоньку двинулась, между тем как другая часть осталась караулить лагерь. Переправа удалась без особенных потерь, хотя глубина воды была довольно значительна. Во главе войска должны были идти тамплиеры, а затем должен был следовать граф Роберт Артуа. Но последний просил короля пустить его вперед и обещал не делать необдуманного нападения. Людовик поверил слову буйного прии

и допустил этим самым ужасное несчастье. Едва граф Роберт завидел первые неприятельские отряды, как с громким воинственным криком бросился на них. Тампьеры примкнули к нему. Они на всем скаку достигли Мансуры, въехали в город и проскакали через него. Падавшие на пути были раздавлены. Однако мусульмане ободрились в тылу этого войска, забррикадировали Мансуру и вовлекли отрезанные войска в ужасный бой, в котором были убиты граф Роберт, триста французских царей, почти все англичане и около восьмидесяти миллиеров. Остальные эскадроны крестоносного войска следовали между тем примеру принца, произвели в Мансурском лагере под Мансурой убийства и разрушения и убили самого эмира Фахреддина. Но и здесь неприятель мало-помалу оправился и принудил христиан ввиду невыгодных отдельных сражений. Лучшими войсками неприятеля были мамелюки, туркменские воины, «высшие сраженныи», которых султан Эйюб, подобно своим родственникам, в большом числе привлек к себе на Мансубу¹. Главный бой сосредоточивался долго и кровопролитно около отряда рыцарей, которым предводительствовал сам король Людовик. Правда, этот отряд защищался с героическим мужеством, и иной храбрый рыцарь мог бы сказать, что когда-нибудь расскажет французским дамам о том жарком дне. Но мало-помалу христиане были отпущены к каналу, Людовик был в величайшей опасности попасть в руки врагов. Распространилось отчаяние и пошло многих к трусливой попытке бежать через воду. Течение увлекало ослабленных людей и уносило в море трупы, вместе с лошадьми и оружием, целыми массами. Когда лагерному гарнизону удалось с большим трудом перекинуть через канал мост и прийти на помощь к королю. Мусульмане, также сильно истощенные, наконец прекратили бой и предоставили христианам владеть южным берегом канала. Египтяне имели право радоваться такому исходу этого сражения, потому что выгода, которой

¹ Первоначально мамелюки были рабы, подготовленные к военной службе. Эйюбиты преимущественно пользовались ими и составили из них образцовое войско, которое набиралось из разных народностей, в особенности из туркменских племен. При султани Эйюбе они сделались так многочисленны и сильны, что вскоре могли добиваться победы над теми князьями и народами, которым до тех пор служили мечом.

достигли крестоносцы, была победой Пирра. У них не было средств заполнить те огромные опустошения, которые сделала среди них смерть.

Следующие дни прошли в общем спокойно. Христиане окопали и тот лагерь, который заняли теперь на южной стороне канала, и рядом с прежним временным мостом построили второй, более крепкий мост. Но уже 11 февраля появился с большой силой неприятель и напал со всех сторон на позиции пилигримов. Мусульмане набросились на своих противников с огнем и оружием, сожгли новые укрепления, которые второпях были сделаны только из дерева, и вторглись там и сям в улицы лагеря. Нужна была самая непоколебимая стойкость всех крестоносных рыцарей и самого короля, чтобы мало-помалу уничтожить мусульман, которые считали, что победа уже в их руках, и заставить их покинуть поле сражения.

Сила сопротивления, которую христиане выказывали в этот день, доставила им недели на две спокойствие, прерывавшееся только незначительными стычками. Однако, они не могли воспользоваться этим, чтобы приготовить к дальнейшему походу на Каир, потому что были уже слишком слабы для этого. Для них был только один выбор — остаться на Ашмунском канале или вернуться в Дамиетту. Последнее могло быть спасением, между тем как первое вело к верной гибели. Слишком гордые для того, чтобы вовремя уступить неприятелю, христиане со дня на день оставались в своем лагере, пока стремительная опасность, в которой они находились, не стала ясна для самых близоруких глаз.

А именно, 27 февраля в Мансуру прибыл юный султан Таранша, и в военные предприятия египтян вошла новая жизнь. Правда, сначала египтяне не сделали нападения на храброе христианское рыцарство, но зато большое число египетских кораблей было тайно переправлено в Нил между Мансурой и Дамиеттой, чтобы напасть оттуда в тыл крестоносного флота. Последний внезапно очутился под нападением с двух сторон и окончательно погиб от двойного натиска. После этого мусульманам было уже не трудно отрезать и сухопутное сообщение между Дамиеттой и лагерем крестоносного войска. Египетские партизанские отряды перехватили целые караваны, которые должны были доставлять съестные припасы к Ашмунскому каналу. В христианском лагере от-

крылся голод и, в связи с жарой африканского лета произвел ужасно опустошительную моровую язву. Наконец, король Людовик понял, что он принужден отступить: он покинул лагерь, лежащий к югу от канала, и оставил только мосты через него с мостовым укреплением на другом берегу. Кроме того, он предложил султану мир и обещал освободить Дамиетту, если христианам возвратят Иерусалимское государство. Но Туранша не согласился на это, и вскоре горькая нужда заставила султана совершенно покинуть позицию при канале. Уже с 5 на 6 апреля остатки войска и флота должны были стараться открыть путь в Дамиетту. Но враги были очень сильным и заметили приготовления французов к отступлению. Кроме того, это отступление было сделано так беспорядочно, что даже не были сломаны мосты через Ашмунский канал, и неприятель был как приглашен к быстрому преследованию. Только что французы начали отступление сухим путем и водой, мусульмане уже всюду следовали за ними по пятам. Кровоточивый бой загорался только там, где какой-нибудь рыцарь готов был скорее получить мученический венец, чем сдаться «язычникам». В остальном, последним результатом давалась победа. Они убивали сколько хотели христиан, которые, слабые и больные, едва двигались, а тем не менее могли управлять оружием остальных: они взяли их в плен. Король Людовик, может быть, мог бы спастись, если бы, как ему советовали, ушел впереди своих. Но чистосердечивый воин никак не хотел этого и, наоборот, находился в арьергарде своего войска. Конечно, он также мог более сражаться, потому что и он подвергся лагерьной моровой язве. Он лежал, наконец, глубоко раненный, на земле, его голова покоилась на коленях молодой женщины, которая в это время была поблизости от его смерти: ожидалась с часу на час, между тем как мусульмане подступали все ближе. Его захватили в плен вместе с его братьями и всем тем, кто еще был убит на полях и на суше отуманенными победой врагами: ни кто не спасся.

Когда в лагере Туранши пронеслась весть об этом огромном успехе, то там поднялось шумное ликование. «И ты хочешь представить себе число убитых,— писал султан своему наместнику в Дамаск,— то подумай о моровом песке, и ты не ошибешься». Пленных повели в Ман-

суру связанными; тысячи из них, преимущественно белые люди, вместе с рыцарями, были мало-помалу перебиты; зато с королем, его братьями и остальными значными господами мусульмане обращались с большей бережливостью, отчасти даже с внимательной нежностью, потому что султан надеялся заключить с ними выгодный договор. Вскоре начались переговоры, а так как даже угрозами нельзя было заставить французов к иному соглашению, то вскоре пришли к следующему результату: за свое освобождение из плена король должен был очистить Дамиетту, а за освобождение своих товарищей заплатить миллион червонцев, круглой суммой десять миллионов франков. Но так как при своей высокой щедрости король не испугался громадной величины выкупа, то Туранша не хотел уступить своему пленнику в великодушии и сам спустил сумму с требуемого миллиона на 800000 червонцев.

Но этим договором еще не кончились страдания, которые должны были перенести французские крестоносцы. Потому что Туранша был легкомысленный и неразумный юноша, который, несмотря на одержанную блестящую победу, уже возбудил к себе в Египте злую неприязнь Султанша-вдова Шедшер Эддурр, важнейшие эмиры страны, храбрые мамелюки, одним словом, все, которым он был обязан своим престолом и победой, были оскорблены его пренебрежением, в он сам безрассудным образом предпочел им своих молодых товарищей, которых он только незадолго привел с собой в Египет. Первые ждали для себя еще худшего, когда, вернув Дамиетту, султан окончательно утвердился в правлении. Составился заговор на жизнь Туранши. 2 мая на него напал с обнаженным мечом эмир мамелюков Бибарс, очень даровитый, но вместе с тем необузданный дикий воин, но только ранил его. Тотчас же после этого мамелюки поднялись целой массой, взяли приступом дворец султана и ужасным образом убили несчастного.

Пленные христиане были свидетелями страшной сцены; они боялись, что возмущение может обратиться и против них, и действительно в том диком смятении, которое последовало за смертью Туранши, их жизнь находилась некоторое время в серьезной опасности. Но мало-помалу волнение улеглось. Шедшер-Эддурр была назначена регентшей. Эмир Эйбек сделан при ней на-

ником государства, и договор заключенный с королем Людовиком, не только был подтвержден, но даже только изменен в том, что тотчас после освобождения пленников должна была быть уплачена только половина пленных денег, а остальная только по прибытии пленников в Сирию.

Между тем в Дамiette проявлялось изменчивое настроение. При первом известии о гибели крестоносной армии, часть тамошних христиан трусливо хотела покинуть город. Но в стенах Дамiette находилась также супруга Людовика, Маргарита, которая совершила до своего путешествия вместе с пилигримами и в это самое время родила сына, Иоанна, который получил прозвище Тристана, в память печального времени, в котором он начал свою жизнь. Благородная женщина не сробела, несмотря на свое в разных отношениях стесненное положение, и одобрительными словами и богатыми подарками побудила своих единоверцев удержать Дамiette до освобождения короля. Но, кажется, из этого едва не произошла новая опасность. Те же самые люди, которые в первую минуту страха думали только о бегстве — особенно называют итальянских купцов — в конце концов, так говорят, самым решительным образом противились сдаче города, как в 1221 году.

6 мая пробил час для освобождения знатнейших пленников. Но они до последней минуты должны были находиться в страхе и заботе. Едва крестоносцы очистили Дамiette, как дикие орды мусульманских воинов бросились в город и избили множество пилигримов, оставшихся там по болезни, которые по договору должны были быть пощажены. В то же время эмиры совещались между собой, не будет ли для них выгоднее удержать в плену короля и баронов. Военные люди были против освобождения, и только жадность большинства к обещанным деньгам помешала нарушению договора, по крайней мере, в этом отношении. Был уже поздний вечер, когда наконец Людовик и его близкие были освобождены и могли отправиться к более счастливым товарищам, которые ожидали их близ Дамiette.

На следующее утро некоторые бароны немедленно выехали на родину. У них не было другой мысли, как бежать из этой страны, где они подверглись таким невыносимым бедствиям. Напротив, Людовик остался еще не-

сколько дней на египетском берегу, потому что хотел тотчас же уплатить обещанную половину выкупа и этим прежде всего добыть свободу своему брату, графу Альфонсу Пуатье, который оставался у неприятеля заложником. С большим трудом была собрана огромная сумма в 400000 червонцев. Так как у Людовика не достало собственных средств, он должен был просить у присутствующих тамплиеров займа, а когда последние заявили, что не могут самовольно распоряжаться сокровищами ордена, то не оставалось ничего другого, как просто отнять у них нужную сумму. Когда мусульмане были вполне удовлетворены, король отправился на берег моря, чтобы отплыть. Но он еще не ушел в море, как его догнал отпущенный наконец Альфонс Пуатье. Тяжело измученные страдальцы вместе сели на корабли и отправились в Аккон, где их ожидал самый сердечный прием.

Но можно ли было продолжать отсюда крестовый поход? Людовик командовал теперь немногими графами и рыцарями, которые почти без исключения исполнены были страстным желанием вернуться домой, и их желание было сильно поддержано известиями, приходившими из Франции. А именно, на их родине сначала так мало верили гибели гордого крестоносного войска, что первых посланцев, которые принесли это печальное известие, преследовали как обманщиков и частью даже казнили. Но мало-помалу пришлось убедиться в справедливости ужасного слуха, и французы стали бояться, что противники французской короны, особенно англичане, воспользуются удобным случаем для возобновления прежних враждебных действий. Поэтому королева Бланка уговаривала своего сына вернуться во Францию как только можно скорее. Но Людовик был другого мнения и настаивал на нем, хотя на собранном в Акконе военном совете все французские бароны, кроме одного, были решительно против него. Этот единственный был владетель Жуанвильский, сенешал Шампанский, которого король уже давно полюбил за его отвагу, так же как за его откровенный и даже в злейшей опасности хороший характер, и все больше к нему привязывался. Опираясь на его одобрение, Людовик объявил, что хочет остаться в Святой Земле еще некоторое время.

Это решение короля имело, впрочем, то основание, что расчет с египтянами был еще не вполне окончен. До

Они пор египтяне отпустили из плена одновременно с Людовиком только небольшое число знатных господ, между тем как в Египте оставались в заключении еще многие другие христиане, которые были взяты мусульманами частью во время последнего похода, а частью еще в прежние годы. При заключении договора эмиры обязались отпустить всех этих несчастных, а также всех больных, оставшихся в Нильской области до выздоровления. Правда, больные были большею частью убиты необузданными врагами при обратном занятии Дамьетты, и тем более совесть заставляла благочестивого Людовика сделать все, что было в его силах, для несчастных, оставшихся еще в живых. Поэтому он отправил посла к эмирам, чтобы напомнить им об исполнении договора. Успех этой меры был крайне невелик, потому что вместо многих тысяч были отпущены только несколько сотен пленных и части таких, которые были каждый с состоянием заплатить за себя особый выкуп. Но вскоре после этого представился удобный случай добиться от эмиров угрозами того, чего они не хотели выполнить по доброй воле. Убийство султана Туранши глубоко оскорбило сирийских мусульман; они не хотели подчиниться управлению египетских офицеров, явились претенденты на султанское достоинство, и одни из них, князь Юсуф Галевский, правнук Саладина, захватил Дамаск, двинулся оттуда на юг и предложил христианам союз для войны с Каиром. Между тем в области Нила также произошел переворот. Эмиры, чтобы усилить свое положение, удалили от правления султаншу Шудшер-Эддурр и возвели на престол принца Музу, внука Алькамила, но они боялись, что не могут однако равняться с соединенными силами дамаскинцев и христиан. Когда Людовик пригрозил им теперь соединиться с Юсуфом, если они не исполнят его волю, они вторично дали свободу нескольким толпам пленных рыцарей, слуг и детей и даже отказались от второй половины выкупа, которую король был им еще должен.

Среди всего этого прошло довольно много времени, и у Людовика пробудилось желание новых подвигов за Святую Землю. Правда, число его военных сил все уменьшалось, потому что среди них ужасно свирепствовали смертельные болезни, большею частью последствия перенесенных страданий, и потому, что почти вся знать, между прочим также графы Пуатье и Анжу, вернулись во Фран-

цию Но, несмотря на это, король надеялся вскоре получить возможность выступить на войну с сильным врагом, так как родина не покинет его окончательно. В августе 1250 года он красноречивым окружным посланием призывал своих подданных сесть на корабли следующей весной, чтобы вместе с ними изгнать из Святых мест врагов Иисуса Христа. То время, пока к нему еще не прибыли новые войска, он употребил отчасти на полонничество в Назарет, которое он совершил с величайшим смирением, одетый во власяницу на голое тело, отчасти на восстановление разрушенного города и крепости Цезареи.

Франция не осталась совсем безучастной к воззванию о помощи своего благочестивого короля. Но движение, которое началось теперь, было могилой последних надежд Святой Земли. В то время, как герцоги, графы и рыцари решительно отказывались приносить дальнейшие жертвы для Иерусалима, простой народ, как во дни Петра Амьенского, поднялся, исполненный необузданного фанатизма и своим слепым увлечением причинил великий вред делу Креста. Около Пасхи 1251 года в Пикардии и во Фландрии, то есть в местностях, около которых подвизался Петр Пустынный, появился старый фанатик, который, по словам его, был признан к крестовой проповеди повелением Девы Марии. Так как он называл себя уроженцем Венгрии, то его называли венгерским учителем, а после его несчастной смерти его упрекали в том, что он был отступник, научился у мусульман колдовству и хотел только выдать султану Вавилона (Каира) множество христиан, чтобы через это он завладел Францией. На самом деле учитель хотел с войском двинуться войной против ислама. Но он обратился к крестьянам и пастухам, потому что Господь показал немилость к тщеславному рыцарству, а бедным и презираемым дарует честь спасения Святого Гроба. К нему стекались тысячи людей, являлись знамения и чудеса: в крестьянское войско замешались мальчики, девки и всякий сброд, и вскоре вся эта толпа, как ужасный бич страны, переходила с места на место. Одни убивали и грабили, потому что могли делать это безнаказанно, другие воровали, чтобы утолить голод, но хуже всего влиял дух возмущения, который насадило учение этого проповедника. Так как спасти Иерусалим должны были не знатные, а простые люди,

значит, эти последние были призваны занять также места
ничальства, а также и духовенства. Они думали, что не
нуждаются больше ни в папе, ни в епископах, ни в ученых
теологах, ни в монахах, они совершали и расторгали
браки, они проповедовали, святили воду, исповедовали
и разрешали грехи Священников, которые им сопротив-
лялись, хватали, мучили и многих из них убили. Наконец,
так бывало и в прежних народных движениях этого рода,
дошло до злобного преследования несчастных
ев

Движение этих диких сумасбродов, «пасторалей»,
шло из Амьена через Париж и Орлеан до Буржа.
Они держались довольно долго благодаря большому их
числу, доходившему до 100000. Но когда за Буржем учи-
тель был убит одним человеком, не верившим в его чу-
деса, вся эта толпа быстро рассеялась. Более благора-
зумные вернулись по домам, самые возбужденные пали
в распри и битве со своими прежними товарищами или
были захвачены и казнены правительством. Единствен-
ным следствием всего этого безумного предприятия было
то, что все больше распространялось отвращение к кре-
стовым проповедям.

Поэтому Людовик почти не мог ожидать подкрепле-
ния из Франции. Но ему не высылали помощи и короли
Кастилии и Англии, которые в то время приняли крест.
Один из них вскоре умер, а другой воспользовался своим
обетом паломничества только для того, чтобы наполнить
свою кассу жертвованиями на крестовый поход. Но
самым вредным было опять отношение папы к делу Свя-
той Земли. Правда, исполняя просьбы Людовика, Инно-
кентий IV призывал в обширном районе народы к кресто-
вому походу, но в то же время непрерывно и с страстной
любовью продолжал войну со Штауфенами. Император
Фридрих, который искренне сожалел о неудаче францу-
зов в Египте и старался об освобождении пленных в
Каире, умер 13 декабря 1250. Папа с тою же непримир-
имой ненавистью преследовал его сына и преемника, ко-
роля Конрада IV: крестовый поход проповедовал против
него; крестоносцы должны были распространять господ-
ство церкви не на Востоке, а в Европе; от кого же тогда
можно было требовать жертв для войны с исламом?

Однако разрушение надежд не заставило короля Лю-
довика тотчас же оставить Сирию. «ни это, ни какое

другое несчастье,— говорил он,— не может отнять у меня любви к Христу» Весь 1251 год он усердно строил стены Цезареи и от времени до времени обращался к христианскому миру с просьбой о помощи, но они остались бесплодны. Весною 1252 года ему как будто представился удобный случай к успешным действиям, потому что египтяне, находившиеся в тяжелой борьбе с сирийскими мусульманами, предложили ему союз против последних. Людовик пошел в Иоппе, чтобы оттуда соединиться с египтянами несколько южнее. Но неприятель занял Газу большими силами и этим принудил французов оставаться в Иоппе в бездействии. Король возмущался вынужденным досугом для укрепления этого города новыми стенами и башнями: он сам таскал камни для постройки, чтобы заслужить прощение своих грехов. Во время его пребывания в Иоппе к нему явилась Люция, вдова только что умершего Боэмунда V Антиохского, и ее сын, Боэмунд VI, и просили его разрешить их разногласие. А именно, Люция, по несовершеннолетию своего сына, была правительницей Триполиса и Антиохии, но жила исключительно в первом городе и потому подвергалась большой опасности; другой город, который нуждался в более сильной защите, потому что его постоянно теснили турки. Поэтому ее сын, рано развившийся даровитый юноша, желал тотчас получить в свое управление по крайней мере Антиохию, достиг теперь при помощи Людовика своей цели и с тех пор посвятил себя отважной защите древней столицы своих предков.

В 1253 году положение восточных христиан внезапно изменилось. Египтяне и сирийцы заключили мир и составили теперь могущественную враждебную массу, которая легко могла бы истребить крестоносцев, если бы этого захотела. Дамасские войска, которые до сих пор занимали Газу, вскоре возвратились на свою родину. Проходя мимо Иоппе и Аккона, они ужасно напугали жителей: ворвались в Сидон, который незадолго перед тем уже был раз взят мусульманами, и с ужасной дикостью там бесчинствовали и убивали. Людовик последовал за ними с небольшим войском из Иоппе на север, по дороге делались предложения захватить то или другое неприятельское место, и вследствие того часть его рыцарей сделала попытку взять Баниас, а наконец так же пошел в Сидон. Так как дамаскинцы уже ушли оттуда, он занимался

погребением умерших и восстановлением разрушенных стен. При этом он сам помогал переносить к могилам трупы, подвергшиеся уже тлению.

Таким образом, пребывание Людовика в Сирии могло продолжиться еще некоторое время. Но тамошние христиане мало-помалу начали желать, чтобы он оставил Святую Землю: они, очевидно, боялись, что именно его присутствие будет возбуждать мусульман к нападению. К тому же в ноябре 1252 г. умерла его умная мать Бланка, и Франция требовала своего короля, который более чем когда-нибудь обязан был защищать свое государство от внутренних и внешних врагов. Все это начало колебать решимость Людовика. Тем не менее он и теперь продолжал совершать процессии, моля Бога о знамени: остаться ему или вернуться домой, и только 24 апреля 1254 г. он отплыл из Аккона со своей женой и детьми. Корабль Людовика претерпевал большие опасности от тумана и непогоды, но молитвы и благочестивые обеты приносили ему и его семье спасение в каждой опасности, и в конце июня Людовик со своими близкими благополучно прибыл к берегам Франции.

Народ принял его с одушевлением. Хотя крестовый поход был самым страшным образом неудачен и сам Людовик был виноват в некоторых ошибках в управлении войсками, но все это перевешивалось удивительной твердостью короля, которую он одинаково высказал и в победе, и в ужаснейшем поражении. Он явился для французов идеальным образцом христианского рыцарства. В нем еще раз выразилось все то, что они почитали под именем Петра Амьенского и Готфрида Бульонского. Он был искренне предан церкви, не служа никакой иерархической тенденции. Несмотря на свое мечтательное благочестие и аскетическое самобичевание, он не забыл и основных условий нашего бытия и прежде всего был нежным супругом и отцом. Отважный, как лучший из его современников, непреклонный перед самыми тяжелыми ударами судьбы, соотверженно щедрый для окружающих и преданный в своей жизни — он выполнял таким образом свой долг перед родою, за которые по смерти должен был получить звание Святого.

ГЛАВА XI

Конец господства христиан на Востоке¹ Сирия с 1254 года

Когда король Людовик покинул Свя-
тую Землю в 1254 году, решение во-
проса о существовании или погибели
тамошнего христианства главным образом зависело от
соседних мусульманских государей. Но последние очень
плохо пользовались своей силой, так как вместо того,
чтобы единодушно вооружиться против врагов своей

¹ Вилькен, *Geschichte der Kreuzzüge*, том VII, *Geschichte der Chaldäer*, том IV, Faure, *Histoire de Saint Louis*, Wallon, *Saint Louis et son temps*, De Mas Latrie, *Histoire de l'île de Chypre* Гейд, *Geschichte des Levantehandels* Вильке, *Geschichte des Ordens Tempelherren* Дале Рерихт, *Завоевание Аккона мусульманами (1291 г.)*, напечатано в *Forschungen zur deutsche Geschichte* т XX, 1879 Гавеман, *Geschichte des Ausgangs der Tempelherrenordens*, Штутгарт и Тюбинген 1846. Michelet, *Proces des Templiers*, 2 тома Париж 1841 и 1851 Прути, *Geheimlehre und Geheim statuten des Tempelherrenordens*, Берлин

ры, они снова начали терзать друг друга. Еще в 1254 году эмир Эйбек вытеснил с египетского престола молодого Музу, сам объявил себя султаном и, чтобы укрепить свое положение, женился на султанше-вдове Шедшер-Эддурр. После этого часть мамелюков оставила Египет и возбудила к войне с Эйбеком сирийских князей, в особенности Юсуфа Галевского и Дамасского. Хотя Эйбеку удалось счастливо отразить нападение врагов, но в 1257 году он был умерщвлен в ванне по приказанию жены, в которой он возбудил ревность. Шедшер-Эддурр не долго наслаждалась плодами этого злодеяния, потому что против нее возмутилось большинство египетских офицеров, они лишили ее жизни и возвели на престол сына Эйбека, а наконец, в 1259 году, вместо него принял титул султана один из эмиров, Котуз. Во время этих переворотов сирийские князья со своими союзниками мамелюками еще несколько раз нападали на Египет, но и тут не достигли никаких успехов и большею частью потому, что мамелюки со своей необузданностью поссорились с своими союзниками и почти все погибли в бою с ними.

Таким образом, последние пятидесятые годы тринадцатого века еще раз дали христианам время принять меры для отстранения приближающейся гибели. Правда, их боевая сила была невелика, потому что кроме войск крестоносных государств, в Сирии находился только небольшой французский отряд, оставленный королем Людовиком, а с Запада приходило очень мало пилигримов, годных к войне. Но несмотря на то, их положение было еще

1879 г. Геерен, опыт объяснения последствий крестовых походов для Европы, *Histor. Werke II*, Геттинген 1821. Кампшulte, *Zur Geschichte des Mittelalters*, Бонн 1864, Прутц, *Христианство и ислам в течение средних веков и культурно-исторические результаты крестовых походов* в *Histor. Taschenbüch*, год 1878. Обе, упомянутые в этом перечислении, работы Прутца богаты поучительными подробностями, зато некоторые заключающиеся в них общие суждения возбуждают сомнения. Так, например, Прутц делает тонкие замечания о дружественных отношениях, которые до крестовых походов существовали в некоторых из сравнениях между христианами и мусульманами, но выводит из этого заключение, что в то время вообще не существовало раздора между этими исповеданиями. Он забывает при этом простой факт что именно только мусульмане отняли у христиан Сирию и Месопотамию, Африку и Испанию, а наконец и Малую Азию, а в будущем угрожали отнять и другие области, факт который имеет гораздо больше значения, чем дружественные отношения ислама с христианами, и который дает крестовым походам гораздо больше глубокое право, чем желает допустить Прутц.

не так безнадежно, как можно было думать, судя по все-
предыдущему Христианские города и крепости были е-
весьма многолюдны и скрывали большие богатства, ко-
торые накопились у них от прибыльной торговли с За-
падом и с мусульманской Сирией Здесь было достаточ-
средств, чтобы с самоотвержением, единодушием и му-
ростью найти твердые основания для долгой героической
обороны; и потому худшее зло заключалось только в том,
что все группы и слои христианского населения были в
то время именно всего дальше от только что названных
добродетелей Князья и правители более крупных обла-
стей и городов занимались политикой всякий на свой
лад, так что, не заботясь об интересах целого, они нахо-
дились с мусульманами то в войне, то в мире, судя по
своим минутным личным выгодам Тамплиеры и иоанниты
конечно, ходили в этом на знатных баронов, а кроме
того, старались вредить друг другу и почти непрерывно
враждовали между собой в 1259 году в Акконе загорелся
даже ярый бой между обоими орденами из-за пустого
повода, и в этом бою были убиты почти все находившиеся
в Акконе тамплиеры. Наконец, купцы и простой народ в
портовых городах привыкли самым алчным образом
извлекать всевозможную выгоду, в особенности от при-
бывших с Запада пилигримов главное местопребывание
крестоносцев Аккон уже многие годы с худшей сто-
роны известен был в Европе коварством и кознями, кото-
рые ожидали там благочестивых странников немцы
всегда больше всего терпели в этом романском городе,
но бесчестность акконского народа была так известна
по всему свету, что папский легат Одо Тускуланский, быв-
ший с королем Людовиком в святой Земле, прямо заявил
Жуанвилю: «необходимо, чтобы Господь наказал этот
народ и омыл город кровью его обитателей, чтобы пришел
другой народ и удостоился божественной милости, пото-
му что теперешний народ Аккона не достоин этой Бо-
жией милости» Неудивительно, что при таких обстоя-
тельствах расшатывался государственный порядок во
владениях христиан, грабежи и убийства становились
обыкновенным делом и общественная безопасность могла
быть восстановлена только кровавыми уголовными за-
конами.

Между тем над погибелью крестоносных государств
работали в те годы не только обитатели Сирийского бере-

га, их самым роковым образом поддерживали в этом европейцы, в особенности граждане итальянских приморских городов, которые враждовали между собой с ядовитой завистью. Дело в том, что эти города, особенно Венеция, Генуя и Пиза, имели свои торговые колонии в Акконе, Тире, Бейруте и других местах, которые во времена победы Саладина большею частью были истреблены, но с тех пор итальянцы с живейшим усердием вновь основали их и старались дать им еще более сильное положение, чем прежде. Самым ясным признаком этого было то, что между тем как раньше каждое отдельное колониальное общество имело самостоятельного начальника, в тринадцатом столетии мы находим начальственные лица во главе всех торговых поселений каждой метрополии. Так был один венецианский баил или *bajulis Venetorum in Akkou, in Tyro et in tota Syria*, два *consules et Vicencomites Januensis in Syria*, сначала несколько, а потом только один *consul Pisanorum Accon et totius Syriac*. Провансальские города Сен-Жилль, Монпелье, Марсель и Барселона, которые имели в Сирии только небольшие колонии, последовали этому примеру по крайней мере настолько, что основали провансальскую общину под управлением шести или семи консулов. Начальники этих могущественных союзов принадлежали, конечно, к самым влиятельным лицам христианского Востока и не только находились в беспрерывной вражде с тамошними феодальными владельцами, для которых привилегированное положение колоний было бельмом на глазу, но пользовались также каждым случаем, чтобы вредить друг другу и обогащать своих соотечественников на счет своих соперников. Поэтому уже в первой половине тринадцатого столетия возник ряд торговых войн, в которых приняли участие, как метрополии, так и колонии, но только в пятидесятых годах возгорелась борьба, которая больше, чем что-нибудь другое, помогла гибели крестоносных государств. А именно венецианцы и генуэзцы враждовали тогда из за монастырского здания, посвященного св. Саве, которое находилось между их кварталами в Акконе, и обе колониальные общины требовали его для себя. Наконец, в 1256 году, генуэзцы взялись за оружие, захватили в союзе с пизанцами все венецианские корабли, находившиеся в Акконской гавани, и крайним образом стеснили своих прагов и внутри города, а в то же время тогдашний пра

витель Тира, Филипп Монфортский, прогнал венецианцев из своей области. В Венеции по получении известия об этих несчастных случаях решено было охранить свои интересы во что бы то ни стало. Сначала сошлись с пизанцами и побудили их совсем перейти на другую сторону. Затем был заключен дружественный союз с провансальцами и тамплиерами, с немецкой знатью и большинством сирийских баронов, так что союзниками Генуи остались только упомянутый Филипп Монфортский и иоанниты. Наконец, венецианцы прислали сильный флот для подкрепления своих колонистов, побили генуэзцев на воде и на суше и заняли большую часть Аккона. Этот город ужасно пострадал во время долго бушевавшей войны, многие дома и башни сгорели или разрушены были тяжелыми камнями с осадных машин, как говорят, в то время в Акконе погибло не менее 20000 человек. Поэтому сирийским властям стало приходиться на ум, что для их собственного блага важнее всего было положить конец этой борьбе. Они попросили папу Александра IV о посредничестве, и ему удалось добиться временного перемирия между Венецией, Генуей и Пизой. Между тем в Акконский рейд прибыл сильный генуэзский флот и был более чем наполовину истреблен встретившим его венецианским флотом в долгом, жарком бою — 24 июня 1258 года. Немногие генуэзские корабли, избегнувшие поражения, спаслись в Гавани Тира, и *consules Januensium* с тех пор отчаялись удержаться долее в Акконе, они покинули свое тамошнее поселение и переехали вместе с общиной своих соотечественников в Тир. Блестящая победа, которую одержали венецианцы, конечно, сделала их очень мало склонными согласиться на окончательный мир, которого от них требовали. Но папа не испугался этого, напротив, поручил одному легату продолжать мирные переговоры и, быть может, (точных известий мы не имеем), достиг в начале 1261 года желаемого прекращения неприязненных действий. Однако тотчас после того Генуя вошла, как мы видели выше, в союз с императором Михаилом Палеологом для разрушения Латинской империи и вытеснения венецианцев из Константинополя. Следствием этой меры было то, что Венеция с удвоенной лютостью продолжала войну против опасной соперницы. С тех пор военный шум наполнял все моря, на которых встречались флоты этих обоих городов, так же как и Пизы, все берега, где они

вели торговлю неисчислимые сокровища погибали с их кораблями и в их колониях, и мало-помалу в это дикое смятение были вовлечены главные места христианской Сирии. В 1264 году венецианцы пытались взять Тир. А Филипп Монфортский и генуэзцы, как говорят, соединились для нападения на Аккон с мусульманами, и если это недостаточно доказано, то во всяком случае генуэзцы долго и усиленно теснили Аккон в 1267 году, в то самое время, когда христианам на Востоке уже явно угрожали смертельные опасности со стороны ислама. Наконец, в 1270 году было заключено перемирие между Венецией и Генуей, по которому генуэзцам возвращалась часть их прежних владений в Акконе; в 1277 году венецианцы были снова приняты в Тире; но в 1282 загорелась новая война между Генуей и Пизой из-за острова Корсики. Ужасная морская битва при острове Мелории 6 августа 1284 г. хотя истребила лучшую часть пизанских военных сил, но война продолжалась еще долго и вновь затянула сирийские города. Только в 1288 г. был заключен мир, который наложил на пизанцев самые унижительные условия и относительно их акконской колониальной общины, особенно относительно разорения их тамошних укреплений. Так эти итальянские купцы с ненавистью и завистью свирепствовали друг против друга как раз накануне печального конца христианства на Востоке.

Если мы вернемся к последним пятидесятым годам, то после всего вышешприведенного нельзя удивляться, что в то время, когда крупные мусульманские князья воевали между собой, христиане не могли противостоять даже незначительным противникам. Антиохия с трудом оборонялась от диких туркменских орд, и рыцарство Иерусалимского государства потерпело от тех же врагов тяжелое поражение, которому подверглись особенно тамплиеры, между тем, как госпиталиты, конечно, из ненависти к первым, не приняли участия во всеобщей борьбе и потому не понесли никаких потерь. Но все эти, сравнительно мелкие, распри быстро отошли на задний план перед самой громадной опасностью, которая в ту же минуту грозила как христианской, так и мусульманской культуре передней Азии. Монголы распространили в эти годы свои завоевания в Персии и Месопотамии до Северной Сирии и Палестины. Их побудил к этому отчасти король Гетум Армянский, который, будучи стеснен своими му-

сультманскими соседями, хотел направить на них этих воинственных варваров. Вследствие этого монгольский хан Гулагу, брат великого хана Мангу, ворвался в 1256 году в Персию, вскоре занял открытую страну и при этом встретил в лютой войне главную силу фанатической секты ассасинов, взял штурмом их самые сильные укрепления, взял в плен их главного начальника и велел тысячами избивать его кровожадных подданных. Затем победитель пошел к Багдаду, захватил в 1258 году частью изменой, частью силой великолепную резиденцию халифа, набрав в завоеванном городе несметные сокровища и, убив «последнего халифа» Альмустазима, навсегда положил конец Багдадскому халифату. Наконец в 1259 г. Гулагу прибыл в Сирию и в кровопролитном бою завоевал Галек, а Дамаск, напротив, взял прямо, потому что здесь, как в большинстве сирийских городов, все немели от смертельного страха. Князья этих мест в ужасе бежали на юг; важнейший из них, Юсуф Галубский и Дамасский, был однако схвачен и казнен монголами, другие спаслись в Египте, последнем убежище мусульман, между тем как вся внутренняя Сирия попала под власть ужасных врагов.

Поведение христиан в этой потрясающей перемене судьбы соответствовало такому жалкому распадению, которое делало невозможным с их стороны какое-либо единодушное действие. Так как при войне с исламом монголы, понятно, показывали дружественное отношение к христианам, то часть последних усердно к ним присоединилась. Гетум Армянский, который по крайней мере вызвал предприятия Гулагу, привел ему вспомогательное войско; Боэмунд VI смиренно явился на поклон в лагерь хана и за то получил обещание, что княжество Антиохийское будет восстановлено во всем том объеме, какой имело оно в прежние лучшие времена, дамасские христиане ругались своим магометанским согражданам, заставляли их преклоняться перед изображением креста и даже начали разрушать мечети. На Западе добрые отношения сирийских единоверцев к монголам возбудили большую радость. говорили о том, что Гулагу хочет сделаться христианином и что со времен Константина и благочестивой Елены никто не оказал христианству более благодеяний, чем этот хан и его супруга Донгуз Хатун. Но на все это тамплиеры и госпиталиты заявили, когда должны были войти в союз с Гулагу или признать его главенство: «что они надели

орденские одежды не для того, чтобы вести спокойную жизнь, а для того, чтобы умереть за Спасителя, и что, если придут монгольские черти, то они найдут на поле сражений слуг Христа готовыми к бою» Упрямой дерзостью, звучащей в этих словах, отвечали последовавшие за этим дела. Рыцари сделали грабительский набег на мусульманские области, теперь однако подвластные монголам, и даже убили посольство, которое за это требовало от них удовлетворения. После этого гораздо более многочисленные силы варваров сделали нападение и на христианскую область Сидон был завоеван и частью разрушен Аккон трепетал от приближения ужасных врагов и, разорив все мирные предместья перед воротами города старался обеспечить от штурма свои укрепления. Но главное следствие двойственной политики христиан состояло в том, что как бы ни кончился всемирный бой между монголами и мусульманами, крестоносные государства во всяком случае видели теперь перед собой сильно раздраженного врага.

Решение не заставило себя долго ждать. Вскоре после своих сирийских побед Гулагу получил известие, что умер его брат Мангу. Он тотчас вернулся на северо-восток во внутреннюю Азию и поручил продолжение войны с исламом своему полководцу Кетбоге и оставил ему часть своего войска. После этого мусульмане наконец осмелились мужественно выступить навстречу врагу Султан Котуз двинулся с сильным египетским войском и с бежавшими к нему единоверными князьями в Сирию, начал 3 сентября 1260 г при Эйн Джалуте, в древней Галилее, на монголов, победил их в кровавом сражении, убил Кетбогу, взял в плен его детей, одним словом, одержал самую блестящую победу. Через несколько месяцев после того такое же поражение при Гимсе на Оронте потерпело другое монгольское войско, которое хотело исправить неудачу своих соотечественников, затем через несколько лет умер Гулагу, не успев основательно отомстить мусульманам, чего он все время желал, и таким образом наводнение Сирии варварами Центральной Азии так же быстро пропало, как оно пришло, и в то же время господство ислама утвердилось в этой области крепче, чем много десятков лет назад.

Султан Бибарс

Султан Котуз недолго наслаждался плодами победы при Эйн-Джалуте. Когда в октябре 1160 года он хотел вернуться в Египет, то его убил из-за уязвленного честолюбия эмир Бибарс, руки которого были уже запачканы кровью султана Туранши. После этого войска убитого возвели Бибарса на престол, вскоре ему подчинились нераздельно Египет и Сирия.

Это был властолюбивый государь, который с тех пор приобрел такую же власть, какую некогда пользовался Саладин, и который и способен и склонен был продолжать во всех главных пунктах политику этого великого предшественника. Еще будучи туркменским рабом, с темным цветом кожи, он вошел в ряды египетских мамелюков и в короткое время достиг среди них большой славы своими военными способностями. Ислам в большей мере был обязан ему победой над Людовиком IX, и хотя он с тех пор два раза направил смертоносное оружие против правителей Египта, но даже эти злодеяния только увеличивали боязливое почитание, с которым мусульманский народ смотрел на лютого героя. Будучи султаном, он был так же неизменно вероломен и жесток к соперникам или врагам, как прежде, когда был эмиром, но во всех других отношениях он выполнял свою правительскую задачу не только с должною мудростью, но также и с большим благородством. Как добрый магометанин, он пунктуально исполнял предписания корана, сам жил воздержанно, принуждал свои войска к такой же умеренности и при помощи религиозных возбуждений поощрял их к бурной отваге. Справедливый к своим подданным, какого бы племени и какой бы веры они ни были, он, несмотря на самую ужасную строгость, дал народным массам чувство безопасности и довольства; и хотя он, как второй Саладин, считал главной задачей своей жизни борьбу с христианством на Востоке до полного его истребления, но все-таки он был политически беспристрастен и достаточно проницателен, чтобы не пренебрегать полезными союзами с некоторыми европейскими державами. Он вступил в дружественные сношения с Михаилом Палеологом, когда тот завоевал Константинополь, он постоянно поддерживал хорошие отношения с королем Манфредом

Сицилийским, которые из-за прибыльной торговли уже в продолжение двух поколений существовали между Штауфенами и правителями Египта, способный король Яков Арагонский, друг Манфреда, отправил послов в Каир, и даже враг и преемник Штауфенов, Карл Анжуйский, понимал, что ему выгодно поддерживать на Ниле ту дружбу, в которой так часто укоряла его предшественников римская церковь

Христиане относительно этого султана находились в самом плачевном положении. На Западе всюду господствующим чувством была крайняя неохота приносить еще какие бы ни было жертвы для священной войны; и папы Александр IV (1254—1261), Урбан IV (1261—1264) и Климент IV (1265—1268), опять прежде всего виноваты были в том, что уже не могло быть больше и речи о пробуждении прежнего одушевления. Они стремились больше всего только к полному истреблению «проклятого рода» Штауфенов, к устранению Манфреда и Конрадина. Против этих «врагов церкви» проповедовали крестовый поход знатные легаты и простые монахи, и за борьбу против них обещали такое же отпущение грехов, как за поход в Сирию. Остальные крестовые проповеди, которых, правда, говорилось также очень много, разединяли свое влияние, потому что направлялись то против языческих пруссов и лифляндцев, то против монголов на европейском Востоке, то против испанских магометан и даже за восстановление латинской империи против греков.

Могли ли при этих обстоятельствах помочь грамоты, которые писались папами о деле Иерусалима королю Людовику IX и французским князьям, к немецким королям, герцогам и графам и почти всем правителям и народам римско-католического мира, и тягостные подати на крестовый поход, наложенные на всех их духовенством? Благочестивый Людовик, правда, дал значительные суммы на войну с Бибарсом и запретил своим подданным на несколько лет турниры, так же как и мотанье денег на бесполезную светскую роскошь, в некоторых местах какой-нибудь знатный господин принимал крест; но упомянутые крестовые налоги вызывали в массе недовольство и отказы в платеже, и в продолжение всего седьмого десятилетия из более знатных пилигримов в Сирию пришел только граф Неверский с небольшим отрядом французских рыцарей.

На Востоке дела обстояли не лучше Тамплиеры и госпиталиты, дворяне и рыцари Аккона, Тира и Антиохии, Кипра и Армении и теперь еще не думали об единомудном союзе для защиты общего дела. Если одна их группа желала мира с мусульманами, то другая мешала переговорам, возобновляя войну. Всякий стремился поймать только ближайшую выгоду, не думая о том, что мир ислама выступал теперь против маленьких христианских областей уже не в прежней разрозненности, а в твердом единодушии, управляемый сильной военной рукой Франки. окончательной глупостью дразнили к нападению даже лично султана Бибарса, не согласившись на размен пленных, которых он предложил Поистине, для преемника Саладина не могло найтись более благоприятного часа, чтобы окончательно довершить дело великого Эйюбита.

В 1262 году Бибарс велел прежде всего нескольким военным отрядам опустошить княжество Антиохийское, в следующем году он сам повел свои войска в Сирию. Знать самых южных христианских городов Иоппе и Арзуфа поспешила ему навстречу с подарками, чтобы купить пощаду для себя и своих людей. Рыцари Аккона, которые также хотели сговориться с султаном, получили, напротив, насмешливый отказ и должны были вытерпеть сильное нападение. Однако в конце концов Бибарс ограничился тем, что внушил им сильный страх и, ужасно опустошив земли за Акконом, Тиром и Триполисом вплоть до Антиохии, вернулся в Египет, так что этим походом он, видимо, намеревался сделать только рекогносцировку враждебных позиций, а не думал пока о серьезной войне.

Как мы уже упоминали, в 1264 году на христианскую Сирию особенно вредно влияла война итальянских приморских городов, когда венецианцы пытались завоевать Тир. Несмотря на то, крестоносные рыцари предприняли, однако, дерзкий разбойничий поход в область мусульман и поощряли армян и монголов к нападению на султана. Но Бибарс без особенного труда отразил короля Гетума и монголов, и после того стал вооружаться к методической войне с франками. Когда его приготвления были окончены, т. е. когда были построены многочисленные осадные машины, он появился внезапно — в феврале 1265 года — под Цезареей. Он быстро овладел городскими стенами, но цитадель требовала правильной осады. Здесь мусульманам помогли как их отличные машины, так и отвага и

неутомимость их султана, который не боялся самой страшной свалки боя, и сам наблюдал под штурмовыми крышами за действиями стенобитных орудий. Через несколько дней мужество оборонявшихся было сломлено, укрепление сдалось, и Бибарс так основательно разрушил его вместе с городом, что не осталось камня на камне. С места этих развалин он направился тотчас в Арзуф. Госпиталиты храбро защищали город и крепости. Но султан приказал засыпать рвы и вдохновлял свои войска к опасной работе, сам таская землю и камни. Через сорок дней тяжелого труда (с половины марта до конца апреля) уже было сделано так много, что можно было решиться на всеобщий штурм. Султан все-таки боялся встретить большее сопротивление. Но сила гарнизона была уже истощена: город едва оборонялся, а через несколько дней сдалась и крепость. Во время боя было убито около ста госпиталитов, потом взято было в плен около тысячи рыцарей и слуг и захвачена богатая добыча. Потом Арзуф, как и Цезарея, был сровнен с землей.

Эти предприятия султана не заставили остальных христиан взяться за оружие. Только за два дня до гибели Арзуфа прибыло в Аккон небольшое кипрское войско. Но Бибарс остерегался тотчас же напасть на собравшиеся там силы. Довольный достигнутым результатом, он пока вернулся в Египет.

Но он оставил христиан в покое ненадолго. Уже весной 1266 года он снова направился на север. Он, медленно двигаясь, прошел Палестину, между тем как некоторые его эмиры отправились вперед в северную Сирию и страшно свирепствовали огнем и мечом в христианских областях. Раньше чем можно было понять, куда султан хотел идти со своим главным войском, он внезапно бросился на большую крепость тамплиеров Сафед, на северо-западе от Тивериадского озера, важнейшую опору остальных христианских владений внутри страны. Крепость считалась неприступной, по пламенному рвению египетских войск вскоре удалось отнять у гарнизона веру в возможность продолжительного сопротивления. Здесь могло бы помочь только быстрое подкрепление. Однако госпиталиты, оставленные во время Арзуфской битвы без помощи тамплиеров, теперь точно так же не имели желания помочь последним в Сафед, а так как другие христианские господа искали дружбы с султаном, то крепость

была безнадежно потеряна. Осажденные наконец вошли в переговоры с Бибарсом, и он, как говорят, побудил их к сдаче крепости обещанием милостивого обхождения с ними. Но, когда ворота крепости были отворены, он взял в плен христиан числом около тысячи и почти всех велел казнить. Чтобы отомстить за это, был предпринят поход в Тивериадскую область значительным отрядом рыцарей, который наконец собрался из Кипра и из остатков Иерусалимского государства, но вследствие беспорядочности похода окончился чувствительным поражением.

Нападение, которое задумал король Гетум, было подавлено еще в самом начале отрядом войска, высланным против него, и так основательно, что Гетум должен был согласиться на уступку земель. В конце концов госпиталиты, в бедствиях этого года желавшие перемирия, получили его, но только под условием, что они больше не будут получать деньги, которые они до тех пор выжимали у некоторых владетелей народов мусульманской Сирии, между прочим, у остатков ассасинов в городах Ливана.

В 1267 году Бибарс главным образом занимался восстановлением и усилением укреплений Сафед. Как ему хотелось уничтожить приморские города, опорные пункты крестоносцев, так он столь же решительно намеревался сделать оборонительные позиции внутренней страны гвердыми опорами своего господства. Из Сафед султан предпринял несколько набегов на Аккон и на Тир, опустошил страну, захватил много пленных и велел отрубить им головы. У христиан этот год печальнейшим образом ознаменовался еще нападением на Аккон.

Весною 1268 г. Бибарс снова предпринял более крупные дела. 7 марта он появился перед Иоппе, взял город и срыл его цитадель. Оттуда он с быстротой молнии двинулся к Бофору, большой крепости тамплиеров, позади Сидона. Гарнизон ее был немногочислен. Правда, тамплиеры Аккона хотели прийти на помощь, но письмо, в котором они об этом сообщили, попало в руки султана, который послал в Бофор письмо с противоположным известием и этим побудил осажденных к сдаче. Гордая крепость была тотчас же, как Сафед, обращена в мусульманский военный пункт.

Затем султан напал на Боэмунда VI, которого особенно ненавидел за его прежний союз с монголами. Сначала он яростно опустошил область Триполиса, а потом

внезапно стал угрожать Антиохии Рыцарство этого города пыталось обороняться в открытом поле, но было побито, и 16 мая султан потребовал сдачи большой крепости Переговоры, которые начались по этому поводу, остались безуспешны 19 мая Бибарс решился на штурм и еще в тот же день, с неслыханной удачей, взобрался на стены, которые два столетия тому назад оказали такое непоколебимое сопротивление крестоносцам Меч победителей ужасно свирепствовал среди обитателей несчастного города на Оронте Цитадель еще держалась. Но так как она была расположена на потерянных постах, то не оставалось ничего, как просить милости султана Кроме женщин и детей, в плен было взято 8 тысяч мужчин, а по окончании битвы прекрасный город и высокая крепость на скале были совершенно преданы огню¹ Вследствие этого северная Сирия была навсегда потеряна для христиан, потому что теперь франки добровольно оставили те немногие места, которые они до сих пор там удерживали. Между тем та же беда, которая постигла Антиохию, казалось, уже грозила и Триполису По крайней мере, Бибарс прямо заявил это князю Бозмунду насмешливыми словами, и, когда последний смиренно просил о мире, ему был, правда, обещан мир, но султан имел при этом смелость въехать в Триполис в качестве собственного посла и высмотреть положение места Остальные восточные христиане относились ко всем этим ударам судьбы отчасти с дерзким задором, отчасти с жалким рабским чувством, склонным и к трусости, и к измене; так что Бибарс имел право ответить королю Карлу Сицилийскому, который просил у него пощады для своих единоверцев, что не от него зависит помешать гибели франков, потому что они сами готовят свою гибель, и что самый изкий из них старается разрушить то, что сделал бы самый великий

Второй крестовый поход Людовика IX

Возрастающие бедствия Святой Земли, просьбы сирийских франков о помощи и воззвания пап произвели, наконец, еще одно значительное движение христианства

¹ В общем при завоевании Антиохии погибло 17000 человек, а 100000 было взято в плен

против ислама. Во главе этого движения стоял Святой Людовик, который после своего несчастного крестового похода не переставал с молитвенным чувством думать об Иерусалиме и для удовлетворения своего благочестивого стремления уже давно собирался во второе паломничество. Поэтому в 1266 году он обратился к папе Клименту IV, который после некоторых колебаний, внушенных ему чувством ответственности, наконец одобрил намерение короля. В марте 1267 года Людовик созвал вельмож своего государства в Париж и перед их глазами принял крест. Его брат, граф Альфонс Пуатье, который уже несколько раньше дал обет паломничества, тотчас присоединился к нему. Сыновья Людовика, Филипп, Иоанн, Тристан и Петр, немедленно последовали примеру отца. Король Тибо Наваррский, графы Артуа, Бретанский и Фландский и многие другие французские владетели тоже заявили себя готовыми принять участие в походе на Восток. Несмотря на то, предприятие сначала ограничилось сравнительно несколькими лицами, потому что большинство рыцарства Людовика совсем не имело желания снова жертвовать имуществом и кровью ради безнадежной войны против ислама. Решительно отказался сопровождать короля даже храбрый сенешаль Жуанвиль, отчасти потому, что не мог оставить родины, не причинив самому себе большого вреда, отчасти потому, что люди, поощрявшие этот крестовый поход, брали на себя смертельный грех, так как старевшему и болезненному Людовику были уже не под силу трудности похода! Поэтому необходимы были усиленные и продолжительные возбуждения со стороны и короля и папы, чтобы двинуть наконец французское рыцарство на военный поход и чтобы заставить духовенство внести необходимый крестовый налог.

Кроме Франции, паломническим одушевлением был охвачен также король Яков Аррагонский. Этот государь провел до того времени длинную жизнь, полную кровавых войн и славных побед над испанскими магометанами и чувствовал стремление показать остроту своего меча и на Востоке. Приблизительно в то время, когда король Людовик вел переговоры с папой, он принял крест и с той поры ревностно вооружался к священной войне. Летом 1269 года он окончил свои приготовления: 4 сентября он отплыл из Барселоны с значительными войсками. Но

через несколько дней его настигла сильная буря, которая сильно попортила часть его флота и принудила большую часть кораблей остановиться в одной французской гавани. Здесь королю Якову было отомщено то, что он приступил к путешествию вопреки наиболее влиятельным лицам своего двора. Со всех сторон к нему приставали, чтобы он бросил предприятие, которого «Сам Господь, видно, не одобряет» и таким образом единственный более крупный крестовый поход, предпринятый из Испании, быстро окончился. Только немногие корабли Якова, под управлением его незаконного сына, Фернана Санчеса, дошли до Сирии и этим подкреплением побудили тамошних христиан сделать набег на земли, лежащие за Акком, но благодаря бдительности мусульман этот набег окончился очень несчастным сражением. После того на родину вернулись и аррагонцы, бежавшие от этой войны.

Между тем король Людовик прилежно продолжал вооружаться и вместо короля Якова приобрел других союзников. Его брат, король Карл Сицилийский, готов был принять участие в походе с большим войском Английские принцы Эдуард и Эдмунд, сыновья Генриха III, вместе со многими знатными людьми своей родины приняли крест и, благодаря займу у французов, получили возможность набрать видное войско. Наконец и среди храбрых фризов еще раз возбудилось прежнее желание к яростному бою с «язычниками», так что тысячи давали обет паломничества, и был приготовлен к отплытию могущественный флот. Когда с этим надежды на успех предприятия увеличились, Людовик решил начать поход весной 1270. Раньше, чем покинуть свою страну, он по возможности позаботился об устранении в ней всякой вражды, удовлетворял тех, кто мог иметь к нему какие-нибудь притязания, и щедро рукою приводил в порядок имущество своих детей, как будто предчувствуя свой близкий конец. Затем он принял в Сен-Дени орифламмный пилигримский посох и суму и отправился в Эгморт, сборное место своего войска. Но посадка его на корабли на некоторое время затянулась. Хотя за флотом для переправы Людовик обратился к венецианцам и генуэзцам, но Венеция, из боязни помешать своей торговле с Египтом, не осмелилась исполнить просьбу короля, а Генуя, поставившая в конце концов значительное число кораблей с многочисленной корабельной прислугой, не доставила

их вовремя в Эгморт Между тем среди собравшихся пилигримов началась кровавая распря, которую Людовика удалось усмирить только с трудом Наконец, в начале июля, началось путешествие, и через несколько дней, в которые крестоносцам пришлось вынести сильную бурю и волнение, они достигли ближайшей цели, гавани Кальяри на сардинском берегу Здесь крестоносцы держали военный совет, и было решено и объявлено, что войско двинется не прямой дорогой в Сирию, и не в Египет, а сначала в Тунис Эту внезапную новость хотели оправдать тем, что эмир Тунисский имел склонность к христианству и что, конечно, перейдет к нему открыто, если на него будет сделано достаточное давление Если бы эта надежда оказалась ошибочной, то, во всяком случае, было очень желательно отнять у правителя Египта подкрепления, которые он получает из Туниса войсками, лошадьми и оружием, кроме того, этот город так богат, что завоеванием его христиане получили бы большие вспомогательные средства для дальнейшей войны с магометанами

Но в сущности направление крестового похода на Тунис произошло не из-за приведенных причин, но под влиянием совсем других обстоятельств, а именно, Тунис платил дань Сицилийскому королевству, пока там господствовали Штауфены. С тех пор, как Карл Анжуйский прибыл в Палермо для правления, эмир прекратил уплату дани, и его страна сделалась в то время убежищем для приверженцев Штауфенов, которые угрожали оттуда положению французов в южной Италии Поэтому король Карл, без сомнения, прежде всего старался о том, чтобы направить силу крестоносцев против Туниса, и благочестивый Людовик, когда его подкупила к этому походу ловкая игра, был только жертвою эгоистических расчетов

15 июля король Франции вместе с пилигримами, которые до сих пор собрались вокруг него — это были, кроме генуэзцев, большую часть его подданные — оставил гавань Кальяри и после счастливого плавания прибыл 17 июля на тунисский рейд Адмирал Флоран де Варенн прибыл в тот же день и занял на берегу важный пост Но Людовик отозвал его назад, думая, что адмирал забрался слишком далеко без достаточных сил. На следующий день все войско высадилось на узкой полосе берега

которая тянется между морем и Тунисским озером. Мусульманские войска были близко, но не решались напасть. 19 и 20 июля произошли сражения. Но христиане без большого труда победили неприятеля и двинулись с этой полосы берега до места древнего Карфагена, где они нашли достаточное пространство для своего лагеря.

Тунис находился в серьезной опасности, потому что там не ожидали такого сильного нападения и в данную минуту чувствовался даже недостаток в съестных припасах. Между тем эмир собрал как можно скорее свои военные силы, заключил множество христиан, находившихся в его власти, и угрожал им смертью, если французы двинутся против его столицы. Кроме того, смелый Бибарс с письмом ободрял его к храброй защите, обещал ему помощь и действительно принял меры к тому, чтобы дойти из Египта до Туниса с сухопутным войском.

Лучшим спасением для тунисцев оказались, однако, ошибочные действия короля Людовика, который, как прежде на Ниле, так и теперь в Карфагене, не сумел найти надлежащего времени для достижения победы. Может быть, король Людовик все еще думал, что кровопролитные сражения не нужны, потому что мусульманский враг в самом скором времени превратится в христианского друга, но во всяком случае король решил не начинать более крупных предприятий, пока в лагерь не прибудет король Карл с сицилийским войском; он совершенно отказывался низложить противника быстрыми ударами; напротив, довольствовался укреплением своего лагеря и дал время тунисскому владельцу приготовить самое сильное сопротивление. Единственный успех, которого крестоносцы достигли при этих обстоятельствах, было завоевание так называемого карфагенского замка. Генуэзцы, требовавшие этого дела и получившие на него позволение, 23 июля взяли приступом это сильное укрепление, лежавшее на классической почве. Но после этого христиане ограничились тем, что только отражали от своего лагеря нападения мусульман, которые вскоре начались и с каждым днем становились все смелее. Мало того, благодаря предубеждениям, с которыми начал поход король и, по крайней мере, часть его соратников, неприятелю удалось обмануть их глупейшим образом. Однажды три знатные магометанина пришли к форпостам и выразили желание перейти в христианство; хотя они и были захвачены

в плен, но их словам поверили. Тотчас после того явилось около сотни магометан, которые также просили крещения, и, пока с ними велись переговоры, пришла большая толпа неприятелей, бросилась с оружием на христиан, и, раньше чем ее удалось прогнать, было убито шестьдесят христиан. Те трое пленных, которых привлекли к допросу об этом нападении, заявили, что оно, очевидно, было сделано их врагами, и что если их отпустят на волю, то они на другой же день возвратятся более чем с двумя тысячами единоверцев и с большим количеством съестных припасов. Их действительно отпустили, но, конечно, чтобы больше их не увидеть.

Крестоносное войско еще недолго стояло в Карфагене, когда на него поднялся враг, более страшный, чем вся сила и хитрость мусульман. Палящее солнце Африки причинило тяжелые болезни, которые в короткое время ужасно свирепствовали среди простого народа и среди знатных господ. 3 августа умер второй сын Людовика, Иоанн Тристан, который некогда начал свою короткую жизнь на Ниле в минуту бедствия и кончил ее опять на африканской земле, в такое же печальное время. Через несколько дней умер епископ Рудольф из Альбано, который сопровождал войско пилигримов в качестве папского легата, а наконец заболел сам король Людовик. Он был уже очень слаб и потому можно было предвидеть дурной исход его болезни. Действительно, Людовик вскоре почувствовал приближение своей смерти. Однако, верный своему долгу и благочестивый, он, пока мог, забился о крестоносцах, дрожащей рукой написал знаменитое, мудрое и теплое поучение своему сыну и наследнику престола Филиппу, потом погрузился в усердную молитву и скончался спокойно и мирно 25 августа 1270 г. 11 августа 1287 года папа Бонифаций VIII причислил благородного покойника к лику святых.

Смерти одного этого человека было достаточно, чтобы совершенно изменить характер крестового похода. На следник и нынешний король Филипп III, «Смелый» почти не обладал мечтательным паломническим настроением своего отца. К тому же, в самый час смерти святого Людовика, в лагерь пилигримов прибыл король Карл Сицилийский со своими войсками и кораблями и потому крестовый поход мог преследовать только ясно определенные политические и военные цели. Но и при таких обстоя-

тельствах христиане сначала не могли думать ни о чем другом, как о том, как бы прогнать мусульманские силы с поля. Последние со смерти короля Людовика становились все смелее в своих нападениях на лагерь крестоносцев. Поэтому короли Карл Сицилийский, Филипп Французский и Тибо Наваррский принимали бой везде, где могли, сначала несколькими горячими сражениями оттеснили неприятеля из соседства лагеря, затем частью своего флота заняли тунисские воды и наконец еще раз обратили войско мусульман в бегство, неподалеку от их столицы. Этим было выиграно как бы основание к заключению мира. Ни у Карла, ни у Филиппа не было охоты осаждать Тунис, завоевать его и удержать посредством дорогого гарнизона трудно защитимое место. Но эмир таким чувствительным образом узнал силу французов и сицилийцев, что готов был прямо возобновить смиренные отношения, которые он имел прежде к Штауфенам. Несмотря на то, масса христианского войска требовала штурма, т. е. разграбления богатого Туниса, между тем как государи согласились на том, что им было выгоднее, и потому 30 октября¹ был заключен следующий договор. Подданные государей, заключавших договор, могут вполне свободно и безопасно жить в землях обеих сторон, особенно по торговым делам. В областях Туниса не должно мешать христианскому духовенству строить церкви, учреждать кладбища и там громко молиться и проповедовать как на родине. Никто из государей, состоящих в договоре, не потерпит в своей земле мятежных подданных другого. Пленные будут выданы обеими сторонами без выкупа. Христианские короли немедленно очистят область Туниса. Эмир заплатил им в три срока военные издержки в 210000 унций золота (около восьми с половиной миллионов марок немецкими деньгами), кроме того будет вносить вдвойне прежнюю дань Сицилийскому престолу и отдаст всю невыплаченную дань за пять лет.

Этим договором было достигнуто то, что вообще могло быть здесь достигнуто. Королю Людовику был поставлен

¹ О заключении договора мы имеем известия и документы частью от 30 октября, частью от 21 ноября. Судя по ним, он состоялся «dans deux actes successifs, analogues au fond et quant aux stipulations générales, mais différents dans l'expression et assez éloignés par le date»

как бы памятник дозволением христианского богослужения в Тунисе, а затем крестоносные государи позаботились приобрести как можно больше денег и отнять у сторонников Штауфенов их лучший опорный пункт на далеком юге.

В течение ноября французы и итальянцы покинули африканский берег и прибыли вскоре на Сицилию. К ним примкнул принц Эдуард Английский и его соотечественники, которые только что высадились в Карфагене, между тем как флот фризов, которые храбро участвовали уже в последних битвах с эмиром Тунисским, направился прямым путем в Сирию. Из Сицилии должен был продолжиться и крестовый поход королей и принцев. Но так как их флот был на переезде захвачен страшной бурей и значительная часть его была уничтожена, и так как далеко король Филипп настоятельно желал вернуться в свое королевство, а большинство пилигримов было сильно истощено болезнями и лишениями (теперь еще быстро один за другим умерли Тибо Наваррский и граф Альфонс Пуатье, брат Людовика IX, то было решено на время отложить предприятие и собраться для окончания его только через три года. Только англичане, которые до сих пор перенесли немного трудов, не соглашались на это, и потому они перезимовали в Сицилии и весной 1271 г. отплыли в Сирию в сопровождении нескольких французских баронов.

Конец господства христиан в Сирии

После завоевания Антиохии султан Бибарс некоторое время не беспокоил серьезно сирийских христиан. В 1269 и 1270 годах его внимание было обращено главным образом на планы и действия монголов и крестоносцев Запада. В Иране и соседних с ним областях Месопотамии и Малой Азии господствовал в то время сын Гулагу хан Абага, который снова серьезно угрожал Сирии в дружественном союзе с армянами и европейскими христианами. Но сила монголов не была уже больше так страшна, как несколько лет назад, потому что их громадное царство распалось на несколько отдельных государств, и Береке, хан Кипчакский (она севернее Персии) находился во вражде с Абага. Поэтому Бибарс заключил

союз с Береке и этим несколько застраховал себя от ярости иранских монголов, между тем как смерть Людовика IX и возвращение королей Французского, Сицилийского и Наваррского в свои государства освободили его от страха перед крестоносцами. Однако, как только султан почувствовал, что у него руки снова развязаны для войны с сирийскими христианами, он тотчас бросился на их владения с обновленной необузданностью. В начале 1271 года он явился с большой силой перед замком госпиталитов Краком в земле за Триполисом¹, взял его после короткой осады, затем направился к недалеко расположенным крепостям Боэмунда VI, покорил их, между прочим сильную крепость Аккор, наконец осадил Монфор, главное укрепление рыцарей Немецкого ордена вблизи Аккона и завладел им 12 июня. При этом, после каждого удара, который он наносил своим противникам, он осыпал их злыми насмешками или пророчеством о скорой их окончательной гибели и этим побудил мало-помалу госпиталитов, тамплиеров и Боэмунда VI Триполисского большими жертвами купить у него перемирие.

Между тем несчастные христиане получили, правда, некоторое подкрепление, когда сирийского берега достигли остатки фризских пилигримов, из которых многие погибли на пути, и принц Эдуард с небольшим войском. Вскоре после того прибыл в Аккон также брат Эдуарда, принц Эдмунд. Но даже и с этими подкреплениями христиане были слишком слабы, чтобы начать нападения на Бибарса, тем более, что перемирие, в которое не вошли только Аккон с соседними городами и крепостями, осуждало к бездействию целую половину их военных сил. Поэтому султан видел себя в приятном положении — беззаботно переходил от одного дерзкого предприятия к другому. Но теперь он направил свое оружие еще не против главного гнезда враждебной силы, против самого Аккона, а против Кипра, покорением которого он надеялся приобрести господствующую позицию, как бы в тылу сирийских христиан. С величайшей ревностью он старался

¹ Этот Крак «Le Crac des chevaliers», не нужно смешивать с тем большим укреплением Краком в Моавитской стране, которое играло большую роль особенно в век Саладина. Le Crac des chevaliers часто называют также курдским замком по курдскому гарнизону, который некогда там находился.

вывести в море сильный военный флот, которого у него до сих пор не было, и в самом деле ему удалось еще в 1271 году отправить против Кипра целую эскадру. Но на этот раз дело не удалось, корабли наткнулись на рифы перед неприятельским берегом, и все сделались добычей частью волн, частью христиан: к тому же последние в своей беде послали за помощью к хану Абага, дикие орды которого наводнили северную Сирию с ужасными опустошениями. Однако Бибарс тотчас двинулся против монголов, быстро оттеснил их обратно в их царство, вскоре вся сила султана снова угрожала крестоносцам, которые уже было успели потешиться несколькими безнаказанными набегами и грабительскими походами в область мусульман. Тут им помог король Карл Сицилийский, побудив Бибарса 22 апреля 1272 г. согласиться на перемирие также для города Аккона и окрестных местностей на десять лет, десять месяцев и десять дней. В этой сделке не были, однако, особенно упомянуты английские принцы. Младший из них, Эдмунд, правда, тотчас после того вернулся на родину, но старший, Эдуард, напротив, остался некоторое время в Сирии, и потому Бибарс не посоветился подкупить ассасинов для убийства этого противника. 16 июня 1272 года на принца напал один убийца, добившийся его доверия: ему, правда, удалось отклонить смертельный удар и даже убить нападавшего, но все-таки он получил тяжелую рану, ему понадобилось значительное время для выздоровления и затем он также покинул Святую Землю, чтобы вскоре вступить в правление отцовских государств.

В продолжение следующих годов султан поддерживал в общем перемирие, которое обещал христианам, без сомнения, не потому, что дал им слово, а потому, что хотел дать повода к новым крестовым походам, а кроме того хотел основательнее, чем прежде, рассчитаться с моголами. Но все-таки он воспользовался удобным случаем, чтобы в перемирии выиграть преимущество над христианами. Когда в марте 1275 года умер Бозмунд VI, оставив несовершеннолетнего наследника престола, Бозмунда VII, и регентство, приступившее к правлению в Триполисе, просило у Бибарса покровительства и утверждения, он выставил ряд тяжелых требований и настоял на том, чтобы по крайней мере ему была обеспечена ежегодная дань в 20000 червонцев и отпущение на волю 20 пленных

мусульман Но в особенности султан направил всю свою хитрость и все силы своих народов на подавление монголов. Он постоянно находился в хороших отношениях с ханом Кипчакским, между тем как хан Персидский и король Армянский соединились против него и пытались подогреть для своего дела христианский Запад. В сирийско-месопотамских пограничных областях на верхнем Евфрате почти непрерывно бушевала война; султану удалось некоторые смелые походы; кроме того, армяне потерпели так сильно, что их лучшие города погибли в пожаре и разграблении, а весной 1277 года Бибарс сделал нападение даже на восточную Малую Азию, которое хотя и не дало никакого прочного успеха, но все-таки чувствительно ослабило господство монголов в этой местности.

Теперь великий мамелюкский султан стоял на высоте своих успехов благодаря ему ислам снова сильно возвысился над христианами и монголами Кроме того, он напал в Сирии на ассасинов, персидские владения которых были уничтожены ханом Гулагу, и отнял у них самостоятельность в такой степени, что они стали только послушным орудием убийства по его упрямой воле; а из Египта он дошел со своим победоносным мечом до самых гор Нубии Но как сильно ни тяготело его строгое правление на его подданных, твердость и блеск этого правления составили ему гордую славу в мире Востока: он открыл пути, по которым мусульмане могли снова достигнуть нераздельного господства в странах передней Азии.

19 июня 1277 Бибарс после короткой болезни внезапно умер в Дамаске, неизвестно, вследствие ли лихорадки или отравленного питья, которое он смешал с безвредным или которое ему было подано с враждебной целью.

В последние дни этого султана, немало еще раз, однако, грозило всеобщее восстание христиан В сентябре 1271 г кардиналы после почти трехлетнего пустования папского престола выбрали главою римской церкви благочестивого и одушевленного на священную войну Теобальда, из благородного рода Висконти Григорий X, как звали нового папу, в ту минуту находился именно в Святой Земле как пилигрим, когда к нему пришло известие об его избрании. Он распростился с тамошними христианами проповедью, в которой применил к себе слова псалма «Если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня дисница моя; и прилипни язык мой к гортани моей,

если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалим во главе веселия моего» Вернувшись в Европу, он призвал королей и народы христианства на новый крестовый поход и собрал в Лионе всеобщий собор (с мая до июня 1274), на котором наряду с решением чисто западных дел должен был быть поставлен вопрос о соединении греческой и римской церкви и о вооружении на войну против Бибарса. Но ревностные усилия папы имели мало успеха. Правда, собор был одним из самых блестящих конгрессов средних веков: кроме прелатов, князей и послов римского христианства, были здесь послы от греческого императора, от армян и от иранских монголов. Между тем ни дело соединения церквей, ни дело священной войны не получили значительных успехов: в последнем отношении возбуждало надежды то, что монгольские послы соглашались креститься; было также решено, что в продолжение шести лет церковь должна отдавать десятую часть своих доходов как крестоносную подать, но ничего больше не было достигнуто. Папа не испугался того, и после собора все время взывал ко всему свету о крестовом походе¹ и с большей радостью увидал, что малопомалу приняли крест или обязались к окончательному исполнению данного прежде паломнического обета крестовый поход, а давнишнее отвращение народных масс к священной войне только увеличилось вследствие тягостных крестовых податей, которые назначил Лионский собор.

10 января 1276 Григорий X умер. В следующие годы быстро следовали один за другим несколько пап, которые во время своего короткого правления не могли продолжить дела своих предшественников. Затем разразилась Сицилийская вечерня и вызвала долгую войну между неаполитанскими Анжуйцами и наследниками Штауфенов, которая была опять для римской церкви важнее, чем освобождение Иерусалима. Поэтому Святая Земля была безнадежно отдана на произвол сильных врагов

¹ Крестовая проповедь дошла тогда до Финляндии и Исландии, даже до норвежских колоний на берегах Гренландии и Лабрадора.

Для мусульман была во многих отношениях и высшей степени важна деятельность западных христиан. Со смерти султана Бибарса для царства ислама наступили тяжелые годы. Правда, сын покойного, Альмелик Ассанд, девятнадцатилетний юноша, беспрепятственно взошел на престол при помощи верных слуг своего отца, но благодаря своей собственной испорченности вскоре его потерял. Как некогда султан Туранша в 1250 году, так и он окружил себя молодыми любимцами, жестоко обходился и угрожал достойнейшим эмирам и вызвал этим против себя восстание, которое летом 1279 года стоило ему престола, а вскоре потом и жизни, так как весьма вероятно, что он умер не своей смертью. Вместо него султаном сделан был его брат Бедреддин Саламиш. Но так как последнему было только семь лет, то с самого начала правление было в руках важнейшего из этих эмиров, Килавуна, который уже при Бибарсе превзошел своих боевых товарищей, мамелюкских офицеров, своими способностями и успехами и теперь стал наместником во главе султаната. Но через несколько месяцев Килавун захотел править сам, устранил мальчика-султана и в Египте был признан, между тем как в Сирии против него выступил соперником другой эмир, Сонкор Алашкар. Оба претендента боролись в продолжение 1280 года в кровавых сражениях. Наконец Килавун оказался сильнейшим, так что притесненный Сонкор признал его господином. Между тем однако иранские монголы, призванные Сонкором на помощь, пришли в Сирию и ужасно опустошили ее северную часть. Килавун собрал против этих врагов всю свою силу и так основательно побил монголов и их союзников армян в долго колебавшейся битве При Гимсе, осенью 1281 г., что с этой стороны ислам надолго был обеспечен от всякой опасности.

Таким образом, в продолжение 1277—1281 годов мусульмане были совсем заняты внутренними распрями и войной с монголами. При таких обстоятельствах новый крестовый поход мог бы иметь некоторые надежды на успех. Но, как мы видели, Европа не делала больше никакой серьезной попытки помочь сирийским христианам, а эти по своему дурному обыкновению собственными руками неустанно готовили себе погибель. В Триполисе разгорелась в то время безобразная распря из-за опекунского управления, вместо юного Боэмунда VII На

одной стороне стояли вдова Боэмунда VI, Сибилла армянская, ее доверенный епископом Варфоломей из Тортоз и светское рыцарство этой маленькой страны. Противниками этой партии были епископ Вильгельм Триполисский знатный римлянин, который до сих пор имел большое влияние в графстве и хорошо устроил в нем многих из своих соотечественников, а кроме него в особенности тамплиеры. Юный Боэмунд держался своей матери, но то же время раздражал епископа Вильгельма и тамплиеров насмешками и насилием. Оскорбленные старались отомстить и в союзе с соседним знатным владельцем Гвидо Гибелетом сделали не менее трех нападений на своих врагов в Триполисе, Правда, нападения обыкновенно не удавались, кажется, потому, что Гвидо Гибелету не доставало решительности для энергичных действий, зато Боэмунд осаждал некоторое время Гибелета, взял штурмом и ограбил дом тамплиеров в Триполисе и в завоеванном орденом доме позволил кучке помогавших ему мусульман совершить магометанское богослужение. Всеобщее озлобление, которое причинили эти дела, заставило наконец римскую церковь отлучить Боэмунда VII и наложить интердикт на Триполис; однако юный князь отвечал на это наказание еще большей дерзостью, оскорблял духовных лиц и только через некоторое время примирился со своими противниками.

В таком же печальном положении были тогда остатки Иерусалимского государства. Главной причиной раздоров и здесь была борьба за правление. Со времени поражения Штауфенов в Сирии, как мы видели выше, престолы кипрский и иерусалимский соединились между собой, несмотря на то, великому немецкому императорскому роду еще долго приписывался иерусалимский королевский титул. Конрад IV и даже юный Конрадин именовались королями иерусалимскими, между тем как их современники, король Генрих I Кипрский и его сын король Гуго II (+1267 г.) были называемы только правителями или регентами (seigneurs) Иерусалима. Но с этим последним, который достиг только четырнадцати лет, вымер род кипрских Лузиньянов по мужской линии и ему наследовал, как основатель новой династии, его родственник Гуго III, до сих пор бывший принцем Антиохийским¹. Этот Гуго,

¹ Родителями Гуго III были Изабелла Лузиньянская, сестра короля Генриха I, и Генрих Антиохийский, брат князя Боэмунда VI

который уже за несколько лет до вступления на престол был, за своего несовершеннолетнего родственника, регентом Кипра и Иерусалима, не хотел уже, будучи королем, сносить поминальное главенство Штауфенов, и так как рыцарство Иерусалимского государства было в таком же настроении то ему удалось не только на острове, но и в Сирии быть признанным за настоящего господина страны. Кроме того, ему помогла катастрофа с Конрадином, последовавшая почти одновременно, и таким образом 24 сентября 1269 г. его торжественно венчали в Тире королем Иерусалима. Но хотя Штауфены и не могли более выступить против узурпаторства их прав, но его поступок все таки нашел с другой стороны угрожающее сопротивление. А именно, двоюродная бабушка Гуго III, престарелая принцесса Мария Антиохийская, по прекращении рода настоящих Лузиньянов, имела такое же юридическое право на Иерусалимский престол, как теперешний его заместитель¹. Она потребовала также, чтобы Гуго был удален с престола и чтобы она сама заняла его, и, когда она не могла достигнуть своей цели ни обращениями к вельможам Иерусалимского государства, ни жалобами римскому папе, она уступила наконец свои права жадному на земли королю Карлу Сицилийскому за годовую пенсию. Последний, летом 1277, направил в Сирию небольшой флот, под управлением графа Рожера Сан-Серино, завладел Акконом и потребовал, чтобы ему присягнули как королю Иерусалимскому. Гуго мог только слабо сопротивляться этому нападению. Кипрское ры-

¹ Мария была дочерью Боэмунда IV и Мелюзина, которая в свою очередь была дочерью Изабеллы Иерусалимской, которая во время третьего крестового похода была четыре раза замужем, и Мелюзина была ее дочь от четвертого брака с Амальрихом Лузиньянским. Таким образом

Изабелла,

дочь короля Амальриха Иерусалимского, третий муж — Генрих Шампанский, четвертый муж Амальрих Лузиньянский

(3) Алиса

(4) Мелюзина

Муж: Гуго I Кипрский

Муж: Боэмунд IV Антиохийский

Изабелла

Мария

Муж: Генрих Антиохийский

Гуго Кипрский

Эту Марию часто называли женой Фридриха «Антиохийского», незаконного сына императора Фридриха II. Но она не была замужем, а тот Фридрих был женат на одной знатной римлянке, по имени Маргарит.

царство потребовало от него и добилось, что вне родного острова оно служило своему королю оружием только четыре месяца в году, а с большинством иерусалимцев, а именно с самыми сильными и самовольными жителями Аккона, венецианцами и тамплиерами, Гуго, между тем, совсем перессорился. Попытка взять Аккон, которую король сделал еще в 1277 году, не удалась самым жалким образом, и только через шесть лет, когда силы его противников были глубоко ослаблены Сицилийской вечерней, он мог надеяться на лучший успех. Осенью 1283 г он вооружился в Тире к войне, но заболел там и умер 26 марта 1284 года. Его старший сын Иоанн наследовал после него правление Кипром, но умер уже 20 мая 1285 года, раньше, чем успел предъявить свое право на Иерусалимский престол. Только младшему сыну Гуго, королю Генриху II, удалось летом 1286 г изгнать сицилийцев из Аккона и снова объединить в одних руках престолы обоих небольших государств.

В продолжение тех лет, когда султан Килавун пролагал основание своему позднему могуществу, христиане вредили себе не только борьбой за правительственные права в остатках графства Триполитанского и государства Иерусалимского, но вскоре после того и госпиталиты осмеливались делать дерзкие грабительские набеги в мусульманскую область из своей сильной крепости Маркаба, которая возвышалась на почти неприступных скалах на берегу к северу от Триполиса. Килавун был очень раздражен этим. Но так как он именно в то время отправлялся в поход против монголов, он снова согласился на мирный договор на десять лет с госпиталитами, когда они пожелали возобновить с ним перемирие. Когда затем он одержал решительную победу при Гимсе, то к нему обратились и тамплиеры с другими вельможами и рыцарями христианской Сирии и смиренно просили о такой же сделке. Султан исполнил их просьбу, без сомнения, потому, что не хотел тотчас вслед за тяжелой войной с монголами вызывать крестоносцев на последний бой за их существование, и таким образом с 1281 до 1283 года состоялся целый ряд договоров с рыцарскими орденами, графом Триполитанским и властями Аккона, по этим договорам за христианами повсюду обеспечивалось перемирие на десять лет, десять месяцев и десять дней, а христиане

обязывались за это нигде не усиливать укреплений, и исключая немногих, прямо указанных мест, и извещать султана за два месяца о приближении новых войск пилигримов.

Но мир на таких основаниях не мог держаться долго. Этого не допускали ни высокомерие и раздоры партий среди христиан, ни стремление Килавуна к покорению всей Сирии. Кто первый нарушил договор, неизвестно: мусульманские историки утверждают; что султан снова взялся за меч только законно отмщая за вероломство христиан. В апреле 1285 г он, после приготовлений, которые держал в тайне, появился внезапно перед крепостью Маркабом и, подкопав стены, принудил его к покорности. Потом он обратился к высокой башне с толстыми стенами, Маракии, которая лежала немного южнее Маркаба на скале в море на расстоянии двух выстрелов из лука от берега. Без военных кораблей нельзя было взять этой башни, а так как Килавун располагал только сухопутными войсками, то он угрожал триполиссцам опустошительным нападением, если они не заставят Бартоломея, властителя этой крепости на острове, добровольно ее очистить. Боэмунд VII был поставлен этим в очень трудное положение, потому что Бартоломей, суровый и храбрый воин, хотел удержаться во что бы то ни стало. Наконец князю удалось сломить непоколебимый дух упряма. Сильный оплот был покинут гарнизоном и разрушен общими силами христианских и мусульманских рабочих.

При этих успехах Килавуна христиане смертельно напугались и снова просили мира. Больше всего боялись армяне, потому что вследствие долголетнего их союза с монголами, мусульмане особенно должны были их преследовать своей ненавистью. Султан еще раз согласился на перемирие, за что армяне должны были, правда, обещать ежегодную уплату чрезвычайно большой суммы денег, а также и в некоторых других отношениях оказывать мусульманам свою покорность. Кроме того, дорого купленный мир, в сущности, состоялся только потому, что Килавуну до продолжения войны с христианами хотелось сделать совершенно безвредными нескольких знатных лиц внутри своего государства, а именно эмира Сонкора, некогда его соперника. Как только ему это удалось, он снова направил свое оружие против крестоносцев. На этот раз он двинулся к Лаодикее, где с некоторого вре-

мени христиане снова утвердились и откуда они вели громадные торговые сношения с внутренними магометанскими землями, что наполняло завистью и соревнованием египетских купцов. Но этот важный город нелегко было бы завоевать, если бы его укрепления не было незадолго до того наполовину разрушены землетрясением. Но и так осада представляла большие трудности, потому что судьба города зависела от обладания стенами и башнями, которые воздвигнуты были на одном острове в гавани, и крепость вместе с окружающими и принадлежащими к ней замками сдалась победителю только тогда, когда войны султана провели каменную дамбу до острова и осыпали крепость снарядами своих военных машин.

После этого Килавун вооружился на войну за Триполис. Этот город уже давно был в отчаянном положении, потому что Бозмунд VII умер 19 октября 1287 года, не оставив потомства, и на наследство заявили притязания и его мать Сибилла и сестра Люция. Последней, бывшей замужем за французским рыцарем Наржо де Туси, не было в Сирии. До ее приезда Бартоломей Гибелет должен был править в Триполисе как наместник. Но последнему хотелось упрочить власть в графстве за собой и потому он много наобещал с одной стороны султану, с другой — генуэзцам, если они ему в этом помогут. Почти одновременно с этим в Триполис прибыли принцесса Люция с небольшим флотом и генуэзский адмирал Заккария с несколькими кораблями. Последний старался извлечь из сделки с Гибелетом выгоды для своих соотечественников, но потом склонился больше к принцессе, и она, вероятно, наследовала бы последнему Бозмунду, если бы истребление графства мечом мусульман могло быть отдалено еще на некоторое время.

Жалкие распри партий в Триполисе понятным образом побудили султана как можно скорее выполнить и без того уже решенное нападение. После самых заботливых приготовлений, которые были неизбежны при многочисленности населения и сильных укреплениях города, он в марте 1280 года расположился лагерем под неприятельскими стенами с могущественным войском и сильными осадными машинами. Правда, в этот час высшей опасности раздор между крестоносцами умолк: киприоты прислали помощь, и находившиеся всегда в неприязни генуэзцы, пизанцы и венецианцы, госпиталиты и тамплиеры

соединились единодушно в защите. Но натиск магометан был непреодолим. Стены были подрыты или разбиты, а защитники их разогнаны огнестрельными снарядами. 27 апреля победители бурно прорвались сквозь брешь. Христиане оборонялись всеми силами. Но напрасно еще семь тысяч человек проливали кровь в яростном бою с превосходящими силами неприятеля. Мало-помалу свирепые толпы врагов рассыпались по всем частям завоеванного города. Только небольшая часть гарнизона и населения спаслась на кораблях в Кипр. Оставшиеся мужчины были перебиты, женщины и дети уведены в рабство. Была собрана громадная добыча, а все остальное, дворцы, хижины, стены и башни преданы пламени. Падение большинства мелких мест, принадлежащих Триполитскому графству, завершило ужасную трагедию.

Папа Николай IV с глубоким горем принял известие о новом несчастье, постигшем Святую Землю, и с горькой заботой почувствовал, что конец христианства в Сирии гораздо надвинулся. Чтобы помочь, сколько было в его силах, он вооружил на крестовые подати небольшой флот и послал его в Аккон. Но корабли были недостаточно снабжены прислужгой, а военные люди дурно вооружены; в короткий срок большинство из них вернулось назад в Италию. Еще хуже дело пошло с призывами к составлению нового крестового похода, которые папа рассылал по разным странам, христианские короли жали плечами или по крайней мере откладывали крестовый поход, какой могли иметь в виду, на слишком далекое время. Последняя надежда возлагалась на многие посольства иранских монголов, которые в это время призывали в Риме, во Франции и Англии христиан на общую войну против султана Килавуна. Но и это, в конце концов, нисколько не помогло сирийским христианам, отчасти потому, что в Европе не было сделано ничего серьезного в их пользу, отчасти потому, что у монголов, занятых внутренними распрями, не было достаточно сил для большой войны вне страны. Однако безнадежное положение христианства в Сирии всего ярче осветилось тем, что весной 1290 года генуэзцы, только что прекрасно сражавшиеся на стенах Триполиса, из-за торговых выгод заключили дружественный договор с Египтом и что одновременно с этим короли Арагонского дома, враги римской курии и неаполитанской Анжуйской династии, Альфонс III Ара-

гонский и его брат Яков Сицилийский, вошли даже в тесный оборонительный и наступательный союз с могущественным Килавуном

При этих обстоятельствах решительное нападение мусульман на последние остатки Иерусалимского государства не могло долго заставить себя ждать. Правда, после падения Триполиса, султан, летом 1289 г., дал двухлетнее перемирие королю Генриху II Кипрскому и Иерусалимскому, но христиане сами позаботились о том, чтобы быть совершенно изгнанными с сирийского берега еще до истечения этого срока. Воины Аккона или наемники папы Николая или распущенные люди из каких-нибудь других франкских отрядов, произвели в соседней магометанской области грубые насилия и таким образом, к удовольствию султана, нарушили мир. Султан действовал при этом с видом умеренности, требуя только удовлетворения за нарушение мира. Он надеялся, конечно, на то, что события теперь сами собой развернутся неудержимо по его желанию. В самом деле, знатные лица в Акконе не могли осилить тамошних народных масс и потому не были в состоянии дать достаточного удовлетворения, так что в конце концов Килавун имел на своей стороне полное право и справедливость, когда он теперь же снова объявил христианам войну.

Аккон был в те времена одним из прекраснейших и цветущих городов в мире. Церкви и подобные замкам дворцы, гостинные дворы и склады товаров, сады и водопроводы, окруженные громадными укреплениями, занимали широкое пространство. Самая оживленная торговля собрала здесь драгоценности половины мира. В густом населении города встречались все национальности Европы и даже почти все культурные народы земного шара. Наглая страсть к наслаждениям перемешивалась здесь с благочестивой мечтальностью, высокие героизм с трусливым торгашеством, и эта смесь добра и зла, благородства и низости сделала то, что последний акт великой трагедии священной войны еще раз вполне выражает все добродетели, как и все ошибки и недостатки, которые когда-нибудь проявлялись у крестоносцев.

Известие о воинственных намерениях султана Килавуна в первую минуту произвело в Акконе сильное смущение. Но после того как патриарх Николай Иерусалимский произнес одушевленную речь, то рыцари, граждане

и наемные слуги единодушно решили до последней капли крови защищать «великолепный город Аккон, ворота к Святым местам обетованной Земли». В Европу были отправлены послы, чтобы просить быстрой помощи у папы и христианских королей; и если эта просьба уже не имела больше успеха, то по крайней мере духовные рыцарские ордена, кажется, получили подкрепление с Запада. Кроме того, пришло на помощь несколько военных отрядов из соседних приморских городов и из Кипра; и вместе с небольшими отрядами, которые уже многие годы содержались в Святой Земле королями Франции и Англии, собралась в конце концов военная сила в 20000 человек. По своей численности это войско было в состоянии долго защищать сильную крепость, и вначале войско было исполнено величайшей отваги; но широким источником всяких несчастий был крайний недостаток в единодушии послушании и дисциплине. Христианам не доставало настоящего предводителя, потому что юный король Генрих II Кипрский не пользовался между ними достаточным значением и к тому же до самого конца осады Аккона преспокойно пребывал в Кипре. Тамплиеры, госпиталиты и немецкие господа, пизанцы и венецианцы, рыцари Сирии и Кипра, Англии и Франции составили, правда, порядок сражения, которому все должны были следовать; но затем каждая группа делала, собственно, только то, что казалось нужным для ее собственной пользы, а низшее солдатство грешило против священной важности этой войны дерзким самоуправством и диким распутством.

Между тем султан Килавун вооружался всеми силами и со всем старанием. Так как он знал, что для достижения победы нужно преодолеть еще много трудов и опасностей, которыми пугали некоторые из его эмиров, то он велел собраться всем своим законникам, чтобы они объяснили, что христиане нарушили мир и что потому война с Акконом составляет священную обязанность для мусульман. Осенью 1290 года он оставил Каир, чтобы разбить свой шатер среди войск, собиравшихся в Сирии. Но он не успел далеко дойти, как заболел и умер, 10 ноября 1290. Но эта смерть только ухудшила виды христиан на ближайшее будущее, потому что сын и преемник Килавуна, султан Альмелик Алашраф, не только с одинаковым усердием продолжал предприятие, начатое его отцом, но кроме того своим ужасным нравом угрожал каждому своему противнику полкой гибелью

В марте 1291 года авангард мусульманских войск прибыл на поле под Аккон. Мало-помалу следовали другие отряды, а когда в начале апреля прибыл и султан, там находилось уже огромное войско со всеми необходимыми к этой войне орудиями. Насчитывалось 92 осадные машины, из которых одна была так велика, что нужно было нагрюзить 100 повозок, запряженных быками, чтобы подвезти отдельные ее части. Бой начался мелкими и более крупными сражениями в открытом поле перед воротами Аккона. Христиане делали смелые вылазки и соревновались в твердости и отваге. Но рассудительные люди уже вскоре должны были предвидеть дурной исход осады при превосходстве сил неприятеля и при невероятности западной помощи, и потому тамплиеры, которые в прежние мирные времена были в довольно хороших отношениях с мамелюкскими султанами, пытались побудить Азашрафа к перемирию. Но переговоры не удались или по неисполнимости требований султана, или же по безрассудству большой толпы в Акконе, которая была настроена упрямо, чтобы отклонить от себя гибель тяжелыми жертвами.

4 мая осажденные были обрадованы прибытием короля Генриха и небольшого кипрского вспомогательного отряда, но тотчас после того бедствия войны начали достигать своей высшей точки. С 5 мая мусульмане в нескольких местах разом бросились на стены и башни Аккона с подкопами, нападениями и обстреливанием всякого рода. Бой свирепствовал без перерыва день за днем, исчерпал силы обороняющихся и почти не оставлял им надежды удержать крепость. Тогда многие зажиточные граждане отослали на Кипр своих жен, детей и сокровища и наконец сами последовали за бежавшими на безопасный остров. Говорят, что первыми, оставившими таким образом общее дело, были люди, принадлежавшие к итальянским колониальным общинам. Но вскоре отчаяние овладело почти всеми слоями населения Аккона: рыцари и слуги отплывали оттуда, а ночью с 15 на 16 мая вернулся на Кипр и король Генрих со своими войсками и тремя тысячами других беглецов, присоединившихся к нему¹. Гарнизон крепости, оставшийся для последней

¹ Короля Генриха горько осуждают за это бегство от знамени. Быть может, лучше всего может извинить его то обстоятельство, что это был болезненный человек и потому мало был способен выдержать до конца ужасную битву

битвы, достигал от 12000 до 13000 человек.

16 мая султан пробовал штурмом ворваться в город. Окопы были засыпаны, целая полоса стены разрушена, и победный крик мусульман уже раздавался по улицам наполовину завоеванного города. Но христиане еще раз поднялись на подвиги высшего геройства, вытолкнули ворвавшихся из города, особенно благодаря храбрости госпиталитов, и замкнули бреши временной стеной из камней и всяких орудий. Но все-таки падения крепости нельзя было больше отстранить. Предводители крестоносцев знали это и 17 мая обсуждали, не следует ли теперь начать всеобщее отступление на Кипр. Между тем кораблей недоставало даже для того, чтобы спасти хотя бы незначительную часть осажденных от верной гибели, и поэтому было принято отважное решение — вместе ожидать конца. Проповедь, молитва и причащение подкрепили посвященных смерти к последнему бою.

18 мая превосходные числом силы мусульман, также разгоряченные религиозными возбуждениями, надвинулись со всех сторон штурмом. Много раз нападающие были отбиты, но наконец снова открыли бреши, сломали одни ворота и рассыпались густыми толпами по всем улицам города. Напрасно было саможертвование некоторых христианских богатырей, особенно тамплиеров, которые в этот бедственный день соревновались с госпиталитами в отваге и старались смыть своей кровью много старых грехов! Победители подвигались все дальше. Они убивали тысячи за тысячами мужчин и женщин и детей сохраняли для рабской службы или для скотских насилий. Только небольшим кучкам удалось бежать в гавань и на корабли. Но и из них спаслись немногие, потому что на море была сильная буря и переполненные суда тонули. Наконец несколько тысяч бежали в крепкий замок тамплиеров, который расположен был на крайнем западе города у самого морского берега. Они повели переговоры с султаном о милостивых условиях сдачи. Но враги, которые вслед за тем заняли замок, произвели над побежденными такие злодеяния, что последние снова схватились за оружие, убили находившихся среди них мусульман и заперли ворота. Целые дни здесь продолжались еще переговоры и битвы. Некоторые из замкнутых спаслись к морю, остальные все погибли от меча свирепствующих противников. Пленные мужчины, которые после

того еще остались в руках мусульман, также все были умерщвлены, и ислам ликовал, хотя о поздней, но тем более полной мести за убиение Саладинова гарнизона в Акконе, которое некогда совершил Ричард Львиное Сердце. Затем город был зажжен, и гордый Аккон был сровнен с землей, подобно стольким прекрасным христианским городам, которые возбуждали удивление половины мира.

Падение этой большой крепости было для сирийского христианства не началом конца, а самым концом. У крестоносцев были еще значительные места, обнесенные крепкими стенами, именно Тортоза, Бейрут, Сидон, Тир и «Замок пилигримов», гордое укрепление тамплиеров, на берегу к югу от Аккона. Но продолжение войны казалось нигде более возможным. Христиане там и сям бежали, тотчас по получении известия о победе мусульман. В других местах достаточно было пригрозить войной, чтобы подавить последнюю мысль о сопротивлении и произвести выселение из долго обитаемых местностей. Через несколько недель после страшного 18 мая сирийский берег был совсем покинут сынами Запада.

Альмелик Алашраф торжествовал великий успех, которого добился, пышными празднествами в Дамаске и Каире. Христиане горевали об участи Аккона и стали упрекать друг друга в том, что оставили «ягненка между волками». Папа Николай IV взывал к новым крестовым походам, некоторые князья и короли уже приняли крест, некоторые давали паломнический обет и надеялись, что в союзе с монголами можно будет отнять Святой Гроб из рук мусульман. Но на эту войну уже не собралось никакого войска. Только несколько богатых генуэзцев вооружили в 1301 году небольшой флот, исполненный благочестивых мечтаний, к войне против ислама, и во Франции вскоре после этого простой народ еще раз поднялся в поход на Восток, но исполнил его так же, как богатые прежде, грабежом христианских местностей и диким преследованием евреев. Но вообще остались без всякого действия и крестовые проповеди, и военные планы, вырабатываемые с великими надеждами и усердием учеными людьми, во главе которых стоял благородный венецианец Марино Сануто, и Европа с этих пор ограничилась опять тем, что удовлетворяла свое пламенное стремление поклониться Святому Гробу невоенными паломничествами, как в века до крестовых походов.

Но наконец и их рыцарское государство, подобно остальным франкским владениям в Архипелаге, погибло от меча османов. Армении и Кипра. Первое из них, правда, совсем пережило время своего лучшего расцвета уже при первых королях, Льве I и его зяте Гетуме I, но, несмотря на то, гибель этого христианского государства, кажется, была скорее задержана, чем ускорена падением Аккона. Как мы видели, Гетум ревностно хлопотал о союзе между христианами и монголами, чтобы устоять против преобладания мусульманских сил. Монголы действительно с ним соединились, но в конце концов владетелями Египта и Сирии остались мамелюкские султаны, и в своих походах они нанесли армянам много вреда. При его сыне, Льве II (1271—1289), и при внуке Гетуме II (1289—1307) положение ухудшилось во многих отношениях, несмотря на отважные подвиги армян. Новыми нападениями мамелюки вынудили у них дань, огромная сумма которой все больше увеличивалась, и это глубоко ослабляло оборонительную силу страны. Соседние монголы в начале четырнадцатого столетия обратились в ислам и с той поры перестали подкреплять своих старых союзников против султанов Египта и Сирии. Наконец, армянские короли сами просили о помощи на Западе и за то обещали подчинение своей церкви власти папства, но этим только усилили раздор партий, который и без того свирепствовал уже в их несчастной стране. Гетум II несколько раз отказывался от престола, отчасти добровольно, отчасти по принуждению, и умер наконец насильственной смертью, после того как армянские вельможи составили против него заговор с одним монгольским офицером. Маленькое государство, конечно, погибло бы уже тогда, если бы многие франки после своего изгнания с сирийского берега не нашли здесь убежища и особенно если бы деятельные торговые сношения, которые оживляли до тех пор улицы Триполиса и Аккона, не перешли в армянские города. С конца тринадцатого столетия, в продолжение почти одного поколения приморский город Лаяццо, расположенный почти в самом углу залива, разделяющего Киликию от Сирии, находился в поразительно цветущем состоянии. Здесь купцы Азии встречались с итальянцами, французами и испанцами; здесь разменивались драгоценнейшие произведения половины мира, и государственная касса Армении находила в тех пошлинах, которые

налагала на торговлю, средства, чтобы уплатить требуемую египетским султаном дань и сколько-нибудь удовлетворить нуждам родины.

Но и при этом быстро приходил последний час этого королевства. Внутренние распри и несчастные дела с османами, монголами и мамелюками сменяли друг друга. Кроме того, в 1342 году умер последний мужской отпрыск владетельного дома, Лев IV, или V, а ветвь кипрских Лузиньянов, которая была по матери армянской крови и теперь была призвана на престол, тем менее была в состоянии отклонить угрожающее падение, что с тех пор политическое и церковное разделение партий стало еще сильнее. Несколько королей были убиты; некоторое время престол не был занят; наконец, мамелюки с большими силами перешли границы, рассеяли армянское войско, сожгли деревни, города и замки и заставили последнего короля, Льва V или VI, отправиться в 1375 году в плен в Каир из горного замка Габана, в котором он храбро защищался в продолжение девяти месяцев. Самостоятельность Армении была уничтожена этим навсегда, и цветущее состояние Киликийской земли разрушено в самом основании. Король Лев, после того как был выпущен на свободу и поселился на западе, умер в Париже в 1393 году.

Королевство кипрское, к которому мы наконец должны обратиться, пережило армянское государство на несколько поколений и далеко превзошло его с падения Аккона в счастье и блеске. Прекрасный остров уже в мае 1291 года имел в прошедшем одно из самых благополучных столетий всей своей истории. Заселение его франкскими колонистами в эпоху третьего крестового похода произошло сравнительно легко, отчасти потому, что более богатые из прежних греческих жителей бежали, а оставшиеся более бедные смиренно подчинились господству воинственных пришельцев, отчасти потому, что в то время целые толпы латинцев готовы были с радостью занять новые жилища. Таким образом страна очень быстро наполнилась фракскими рыцарями, купцами и духовенством; земледелие, промышленность и торговля сильно оживились; повсюду поднялись замки и торговые склады, церкви и монастыри, и единственное значительное затруднение для дальнейшего счастливого развития этого государства заключалось в упрямом отвращении подчи-

ненного греческого населения к римской церкви. Между тем опасность, которая могла отсюда возникнуть, была устранена тем, что кипрские короли умно позаботились о том, чтобы строгие законы, с которыми римская империя выступила против греческого исповедания, были применяемы самым мягким образом. Кроме того, правители острова осеяла часто слава, что они были регентами Иерусалимского королевства. Их двор был сборным пунктом для большинства вельмож христианского Востока; здесь было мало-помалу собрано и кодифицировано древнее право Иерусалимского государства; и для обучения последнего короля из мужского поколения Лузиньянов, т. е. мальчика Гуго II (1253—1267), святой Фома Аквинат, как говорят, первоначально набросал свое знаменитое сочинение «De regimine principum».

Гуго III (1267—1284), как было выше упомянуто, отцовской стороны был сыном антиохийского княжеского дома, но как король, он называл себя Гуго Лузиньянским и потому его и его преемников причисляют обыкновенно просто к роду первых правителей Кипра. Его правление ознаменовалось различными несчастьями на сирийском берегу; несмотря на то, он, кажется, был не совсем не достоин прозвища «великого», которое он носит в истории острова, потому что он, человек образованный и деятельный, управлял подчиненными областями умно и успешно. Его второй сын, Генрих II (1285—1324), потерял Аккон, а в Кипре также вел жалкую жизнь, потому что был во вражде со своими братьями, которые временами устраняли его от престола; кроме того, он часто тяжело страдал от припадков болезни и, наконец, умер, не оставив наследника. Несмотря на то, годы его правления составляют начало самого блестящего времени средневекового Кипра. Большинство рыцарей и купцов, которые тогда покинули в бегстве старые сирийские жилища, не пошли с госпиталитами на Родос и с армянами в Лаяццо, но усилили оборонительную и рабочую силу цветущего острова. Кроме того, пришли новые поселенцы с Запада, прельщенные богатствами этого самого передового поста франкского господства, и таким образом Кипр сделался в 14 столетии «la frontiere puissante et necessaire de la Chrestienté catholique». Граждане европейских торговых городов перенесли в Кипр свои колониальные общины, которых не могли больше поддерживать в Си-

рии. Фамагуста, гавань, воспетая и прославленная в сагах и сказках, сделалась главным пунктом их деятельности. Здесь нагружались на корабли продукты острова, сахар и вино, хлопчатая бумага и золотые нитки. Все сокровища Азии, все продукты Европы встречались здесь в таких же огромных количествах, как раньше разве в Акконе. Ослепительное богатство наполняло дома этого города, и к этому вскоре достаточно присоединились также роскошь и наслаждения всякого рода.

Особенные влияния со стороны Европы благоприятствовали этому развитию жизни острова. В первые десятилетия после падения Аккона еще жила надежда на освобождение Иерусалима при помощи новых крестовых походов. Но христиане думали, что лучше всего подготовятся к будущей войне тем, если прервут всякие мирные сношения с мусульманами. Египтяне нуждались в строительном материале и железе Европы и наполняли свою военную кассу из пошлины, которую налагали на торговлю: действительно, можно было повредить им самым тяжелым образом, прервав с ними всякие сношения. Поэтому римская церковь попробовала строжайшими приказаниями запретить безбожную торговлю с египтянами и если возможно, со всеми магометанами: правда, церковь достигла немногого, потому что этой мерой слишком вредила сильным частным интересам, а наконец при том унижении, до которого она упала в Авиньоне, она за деньги давала дозволения на такую торговлю; но на некоторое время сношениям с областью мамелюков грозила большая опасность; были высланы военные корабли для того, чтобы в открытом море ловить «дурных христиан», которые решались плыть в Александрию или Дамиекту, и киприоты извлекли из этого величайшие выгоды. Они не только ревностно принялись за выгодную морскую полицию, но они с радостью увидели также, что западные купцы из страха от церковных угроз все в большем числе направляли свой путь к Фамагусте, то есть к христианской гавани, куда могли являться без опасений, но откуда так же безопасно поддерживались живейшие сношения с соседним материком.

После Генриха II правил его племянник, Гуго IV, в продолжение 35 лет (1324—1359) Кипр переживал большею частью хорошее время. Король был в союзе с венецианцами, госпиталитами и папой ради войны с

исламом. Завоевание Смирны, которая после того пол столетия оставалась в руках родосских рыцарей, составляет блестящий пункт его времени. Его сын и преемник, Петр I (1359—1369), обладал сильным, гениальным, но в то же время склонным к чистому безумству характером. Он поклялся, с обнаженным мечом у горла, истребить всех магометан. Он взял штурмом приморский город Атталию, где некогда в 1148 году Людовик VII претерпел такие тяжелые страдания, и произвел там ужасное кровопролитие. Затем он объехал всю Европу, чтобы воодушевить западные народы к новому крестовому походу. В честь его давались пиры и турниры, ему делались подарки и обещания, но для своего великого предприятия он в конце концов получил только небольшую поддержку. Несмотря на то, он осмелился сделать нападение на Египет, завоевать и ограбить Александрию (октябрь 1365), но потом должен был снова сдать город, так как нельзя было долго удержать этот отдаленный пост. В следующие годы он сделал еще несколько подобных опытов на сирийском берегу, но в то же время так сильно раздражил своих приближенных распутством и жестокостью, что они возмутились и убили его в январе 1369 года. При его сыне Петре II, который правил до 1382 года, началось падение небольшого государства. С гордыми итальянскими колониальными общинами королям Кипра уже до сих пор пришлось выдержать несколько неприятных столкновений, но теперь случился особенно тяжелый раздор с генуэзцами, которые, наконец, — в 1373 году — присвоили себе Фамагусту, монополизировали для себя тамошнюю торговлю и совершенно сломили силу Кипрского государства тяжелыми военными контрибуциями, которые на него наложили. Король Петр II и его преемники много раз, но тщетно старались избавиться от жестоких оков, которые на них наложили генуэзцы. Несчастные войны отчасти с могущественной морской республикой, отчасти с египетскими султанами приводили их все в более и более стесненное положение. Кипрская государственная казна, наполненная некогда через край, вскоре совсем опустела; и блеск Фамагусты также быстро поблек, потому что генуэзцы были слишком слабы, чтобы с тем же оживлением продолжать торговлю половины мира, которая там процветала до их монопольного господства. Раздоры в королевском доме и враждебные

столкновения между католическим и греческим населением острова довершили беду; и хотя в конце концов один смелый воин, король Яков II, побочный отпрыск Лузиньянского рода, и отнял снова у генуэзцев Фамагусту (1464), то все-таки нельзя было больше поддерживать государственную самостоятельность и вообще прежнее благополучие Кипра. Король Яков должен был искать чужеземной поддержки и поэтому женился на венецианской патрицианке Катерине Корнаре. Через несколько времени после его смерти Венеция подчинила остров своему господству (1489), владела им еще почти целое столетие, но, наконец, он был отнят у них подобно всем их другим левантским владениям, победоносно наступающими османами.

Заключительный обзор

В конце этой истории крестовых походов остается еще ряд общих соображений.

В литературе по истории крестовых походов часто идет речь о развитии и преобразовании, которое должно было в самом корне охватить вооруженные пилигримства и мало-помалу совершенно видоизменить весь их основной характер. Но в действительности этого можно заметить мало, и скорее надо указать то, что священная война от начала и до конца, пока вообще какие-нибудь государи и народы вступали в нее, собственно, покоилась на одном и том же основании и проходила в одинаковых формах.

Папы, принимая пилигримов под свое покровительство и раздавая им разные милости, создали род крестonosного права. Между тем уже Урбан II на Клермонском соборе сделал решительные шаги в этом направлении, и как совершенно новую меру со стороны пап позднейшего времени можно указать на то, что наряду с податью кровью, которую Запад платил священной войне своими крестовыми войсками, они назначили еще денежную подать, в виде крестonosной десятины. Первый потребовал у духовенства римского христианства этой подати Иннокентий III, в 1215, на Латеранском соборе. Этому примеру последовали позднейшие папы: десятина

на крестовые походы беспрестанно взималась во всех странах от Италии до Норвегии и даже далекой Гренландии и долго пережила падение Аккона, потому что еще в четырнадцатом столетии эта подать много раз требовалась, собиралась и в значительных суммах употребляема была для поддержки восточных христиан, а именно королей Армении и Кипра.

Но, говорят также, не через пап, а через государей Европы крестовые походы испытали глубокое преобразование. Если в 1096 году во главе священного предприятия столи Урбан II и Адемар Монтейльский, «dux belli», то во втором крестовом походе, как этого нельзя отрицать, ход событий зависел больше от Людовика VII и Конрада III, чем от Евгения III и его легатов, а около 1189 года Филипп-Август, Ричард Львиное Сердце и особенно император Фридрих I вели христианское военное предприятие почти исключительно по своему усмотрению. Из этого выводили, что хотя вначале крестовые походы находились под руководством курии, но мало-помалу все-таки попали в руки государственных властей. Но это положение нельзя принимать безусловно. Когда на престоле Петра сидел такой слабый человек, как Евгений III, или когда во главе государства стояли особенно умные и сильные государи, то само собой разумеется, что тогда светское вельможи требовало и получало большее влияние, чем власть церковная. Но вообще папы в двенадцатом и тринадцатом столетиях точно так же призывали к священной войне, как в одиннадцатом, так же оказывали пилигримам покровительство и так же назначали легатов к крестоносным войскам. В то же самое время народы совершенно таким же образом поднимались на войну, то тесно сплоченные вокруг могущественного короля или императора, то идя в поход отдельными толпами, так что не может быть собственно и речи о том, будто бы крестовые походы получили вполне государственный характер. Кроме того, в начале тринадцатого столетия властители церкви Иннокентий III, Гоннорий III, кардинал Пелагий и т. д. — гораздо сильнее влияли на ход священной войны, чем когда-нибудь Урбан II¹ и Адемар Монтейльский или кто-нибудь из пап и легатов двенадцатого столетия.

¹ Исключая, конечно, великой проповеди Урбана на Клермонском соборе, которая вообще впервые вызвала к жизни крестовый поход

Сказанное о мнимом государственном значении крестовых походов применяется и к тому, что говорят об их позднейшем светском характере. Хотя в позднейших пилигримствах и выступает очень сильно жажда земных выгод — четвертый поход из-за этого совсем отклонился от своей цели, — император Фридрих I, Ричард Львиное Сердце, Фридрих II и многие другие крестоносные государи старались принести пользу христианству не только бурной ревностью к вере, но и путем умных переговоров с мусульманами; но разве в этом было что-нибудь существенно новое? Во время первого крестового похода Боэмунд и норманны точно так же стремились к новым завоеваниям; Раймунд и его рыцари соревновали им в этом; все войско очень любило денежную прибыль, и высший совет пилигримских князей уже в 1097 году не пренебрег войти в дружественные дипломатические сношения с «безбожными язычниками» Египта — Фатидами.

Таким образом, относительно изменения в характере крестовых походов можно заметить только то, что само собой необходимо оказывается из постепенного укрепления западных государств и из развития многообразных международных отношений. Но та сила, которой пилигримство особенно обязано своим возникновением и своей особенной окраской, а именно разгар религиозного стремления, пламенность средневекового аскетизма — была едва затронута этой переменой¹. Нет сомнения, что эта сила прежде всего действовала в сердцах пилигримов как в одиннадцатом, так и в двенадцатом и тринадцатом столетиях. Сотоварищи Готфрида и Петра по новизне своего предприятия были, вероятно, исполнены еще более фантастическим рвением, чем спутники Людовика VII и Фридриха I; между тем, во все времена, если не все, то большинство крестоносцев несомненно из-за религиозного стремления терпели войну, нужду и смерть. Конечно,

¹ В обоих вышеупомянутых сочинениях Пруцц отводит слишком незначительное место влиянию аскетизма. По его мнению, крестовые походы в гораздо большей степени основывались на отчаянии бедняков о своем угнетенном положении, на вымогании денег и имущества господами и на других подобных побуждениях. Насколько сильно действовали такие побуждения, об этом в нашем изложении не умалчивается. Но, несмотря на то, религиозное стремление было и остается сильнейшим побуждением, которое много раз охватывало громадные массы от знатных до простых людей.

мало-помалу сила аскетизма ослабевала и вместе с этим кончалась и священная война. Но угасание религиозного стремления большею частью было результатом тех же причин, которые вообще произвели окончательную неудачу обширной борьбе за обратное подчинение Востока господству креста. Поэтому мы переходим теперь к рассмотрению этих причин.

Если мы, чтобы не запутывать напрасно изложения, оставим теперь в стороне давно отвергнутые нелепые мнения, по которым крестовые походы были только результатом отчасти дурных страстей, отчасти безумной фантастической мечтательности¹ и потому уже с самого начала не могли рассчитывать на какой-либо прочный успех, то в новейшей литературе с особой настойчивостью указываются две причины окончательной неудачи вооруженных пилигримств в Святую Землю. Во-первых, обращается внимание на то, что главным побуждением для обратного завоевания древнейших мест христианской культуры было именно религиозное, т. е., в высшей степени непригодное для совершения дела, которое должно было бы опираться на политическо-военную основу. А во-вторых, самым строгим образом порицаются те нравственные недостатки, которые оказались в характере крестоносцев, и особенно франков на Востоке, и на эти недостатки возлагается ответственность в падении христианских надежд. В обоих мнениях есть много верного: преобладание религиозного побуждения и безнравственность франков на Востоке были бесконечно вредны. Но это все-таки не указывает вполне главных причин неудачи крестовых походов, а также и не освещает их надлежащим образом.

Как показывает вся вышеизложенная история, крестовые походы хотели не просто освободить Иерусалим, но, кроме того, снова подчинить Восток христианскому западному господству. В этом смысле они представляются переселением народов, направленных на восток, но которое началось в век весьма скудных географических познаний и крайне неразвитых средств сообщения. Поэтому

¹ Здесь подразумеваются взгляды Вольтера, Дегиня (Desguignes), Геллера, Гакена и т. д., следовательно, результаты рационалистического понимания истории в прошлом столетии.

эти пилигримства могли совершаться только при таком огромном расходе человеческого материала, что уже поэтому было сомнительно, чтобы осталось затем достаточно сил для колонизации значительных пространств Востока. Великое германское переселение народов, которое стоит в начале средневековой истории, иногда прославляется, правда, как самое блестящее и самое победоносное проявление германской силы, но иногда указывалось и на то, что при этом переселении погибло сравнительно с достигнутым результатом поистине ужасное множество благороднейших племен и что поэтому нам представляется здесь одна из самых потрясающих трагедий во всей истории человечества. Последнему взгляду нельзя отказать в известной верности; и если мы сравним, насколько легче было подчинить из Германии — Францию, Италию и Испанию, чем, выходя с Запада, завоевать и удержать далекую Сирию, то мы должны сказать, что сумма тех пилигримов, которые действительно достигли Востока (даже не говоря о том, что многие из них постоянно снова возвращались на родину), только при необыкновенно благоприятных обстоятельствах была достаточно для того, чтобы приготовить для европейской культуры прочный пункт на далеком Востоке. Поэтому одною из главных причин неудачи крестовых походов, а может быть, первую и важнейшую, надо считать недостаточную массивность западного переселения в Сирию.

Это утверждение могло бы быть тем справедливее, что во время крестового переселения народов ужасный расход человеческого материала был еще особенно увеличен тем благочестивым стремлением, которое наполняло сердца пилигримов, а именно — дух аскетизма большую частью вызвал к жизни и поддержал вооруженные пилигримства: без него они были немыслимы в том виде, который они приняли; но он же снова отнял у них массу тех самых сил, которые на вербовал для них. Именно это мечтательное настроение, которое слишком часто не обращало внимания на основные условия больших политическо-военных предприятий, привело сотни тысяч людей к нужде и смерти и так же способствовало гибели пилигримов, как бесконечная даль походов, трудность содержания и палящее солнце Азии. Стоит только вспомнить о временах Петра Амьенского и Бернарда Клервоского, чтобы одним взглядом увидеть, какой неизмеримый

вред нанес дух аскетизма в этом направлении.

Но многие пилигримы все-таки превозмогли препятствия, которые приготовили себе сами своей близорукой глупостью, счастливо избегли всех опасностей похода, морского путешествия и войны с сельджуками и мало-помалу колонизировали значительный кусок прекрасной Сирии, так что христианам представлялась по крайней мере возможность утвердиться здесь навсегда, если бы и в остальном они могли воспользоваться упомянутыми необычайно благоприятными обстоятельствами. Но такие обстоятельства были далеко не во всех отношениях, и самым неблагоприятным образом тяготели на франках отношения к грекам. Мы достаточно видели выше, какие препятствия успехам крестового знамени приготовила империалистическая тенденция Комненов и до какой степени роковою она стала как для Иерусалима, так и для Константинополя. Поэтому греческая политика в веке крестовых походов может считаться второй главной причиной разрушения христианского господства на Востоке.

Но почти с начала первого крестового похода и франки враждовали друг с другом к собственному своему величайшему вреду. Здесь начали норманны и провансальцы, за ними последовали короли Иерусалимские, князья Антиохийские, графы Эдессы и Триполиса, магистры тамплиеров и госпиталитов, почти все власти крестоносных государств. В судьбу сирийских колоний вредно вмешались с Запада соперничество генуэзцев и венецианцев, вражда немцев, французов и англичан, но больше всего теократическое направление римской курии; папы тринадцатого столетия сильнейшим образом погрешили против собственного создания, Иерусалимского государства, своим необузданным властолюбием. Таким образом разнообразный раздор, который вооружил друг против друга папскую и императорскую власть, государей и народы франкского мира в веке крестовых походов, нужно считать за третью причину печального исхода священной войны.

К политике присоединяется мораль, потому что уже этот раздор среди франков основывался по крайней мере во многих случаях — на моральной испорченности. Кроме того пилигримы достаточно часто увлекались всевозможными дурными делами, и не было плутовства, распущенности и богохульства, которых бы не было между

обитателями крестоносных государств. Но этой безнравственности — каким ни была она великим злом — все-таки не должно давать преувеличенного значения, и не следует, как это иногда бывает, утверждать, что уже одной этой испорченности сирийских франков было достаточно, чтобы объяснить неудачу войны против ислама, — потому что, хотя мы и знаем о множестве постыдных дел, в которых были виновны отдельные лица в Иерусалиме, Триполисе, Антиохии, но это еще не дает нам никакого права произносить огульный приговор над целым народом, и мы тем более должны остерегаться от такого приговора, что наши источники, по средневековому поучительному мирозерцанию смотрят на каждое несчастье, которое постигает христиан, как на наказание за их грехи. «Reccatis exigentibus» (по грехам) франки терпят поражения и потому они являются грешнее, чем были на самом деле. Выше всех сомнений остается тот факт, что до падения Аккона, несмотря на все несчастья отдельных лиц, сделаны были замечательные успехи как в гражданской мирной работе, так и в храбром ведении военного дела, и потому непозволительно вперед отнимать у восточного христианства как бы право на существование из-за их испорченности. Нравственные прегрешения, в которых франки были виновны к своему несчастью, без сомнения будут достаточно осуждены, если здесь мы приведем их как четвертую и последнюю причину, но все-таки как одну из главных причин неудачи крестовых походов.

Если мы вкратце соберем сказанное и обратим при этом внимание на хронологический порядок, в котором эти «главные причины» в особенности действовали в великой трагедии крестовых походов, то является следующий результат. Громадные массы людей двигаются на Восток, во всяком случае достаточно сильные, чтобы прочно присвоить себе далекие земли. Но извращенность аскетического стремления, трудности похода, меч врагов причиняют громадные потери. Несмотря на то, еще остаются некоторые надежды на удачу, и только после того как сила франков почти уничтожилась в ужасном столкновении между сельджуками и греками, виды на будущее становятся совсем безнадежны. Только после того, *когда как бы не предстояло уже решать никакой великой жизненной задачи*, нравственная распушенность крестонос

цев, в которой и прежде не было недостатка, вредит гораздо больше общему делу, и в то же время на сирийских колониях роковым образом отражаются раздоры на Западе, в особенности борьба между церковью и императорской властью*

После того на Сирийском берегу в отчаянном бою погибают последние защитники креста. Запад не присылает им уже никакой помощи, потому что аскетическое стремление погасло, большею частью из-за тех же причин, которые привели к падению крестоносных государств. Европа возмущается распутством, в котором были виновны поборники Христа на Востоке, и требует освобождения от оков, которые церковь наложила на дух народов. Из всех средств, которые церковь употребляла для завершения своей теократии, быть может, ни одно в конце концов не повредило ей так чувствительно, как злоупотребление крестовой проповедью, которую она отстранила умы как от Святого Гроба, так и от римского престола.

До какой степени иначе могло бы развиваться крестоносное переселение народов, если бы причины неуспеха не были так многочисленны? Если представить себе, что одной из них не существует, то легко могло бы быть, что Сирия стала бы могущественным франкским государством, а Малая Азия крепким оплотом греческой империи. Северному краю Африки, отрезанному от мусульманской Азии, трудно было бы удержаться самостоятельным во вражде с усилившимся христианством; для христианства была бы вновь преобретена почти вся область эллинской, можно бы сказать, западной культуры. Но вместо этого последовало уничтожение сирийских колоний. С тех пор монголы, мамелюки и османы все с возрастающим успехом работали над тем, чтобы повергнуть в нищету и варварство прекрасные земли Передней Азии и северной Африки. Границы возделанной земли постепенно съежи-

* Надо, конечно, принять в соображение то, что нравственная испорченность сирийских христиан только мало-помалу обратилась в серьезную опасность для прочности крестоносных государств. После победы Саладина и горьких разочарований, которые принесены были следующими крестовыми походами, стали распространяться все в более широком кругу дерзкая безучастность к общему делу, дикая алчность во всевозможных формах, ужасное распутство, неверие и суеверие. Но даже при обвинительном приговоре, к которому эта испорченность дает слишком много поводов, не следует забывать, как много таких зол было в то время на Западе и как дурно влияла на сирийские колонии именно европейская испорченность и нечест

вались, плоскогорья становятся бесплодными, поселения распадаются и народы погибают. Начиная с Азии, османы приготовили такую же бедствующую участь европейским провинциям Греческой империи и землям по нижнему Дунаю: с трудом наконец поставлена была преграда их наступлению на границах Германии.

Поэтому крестовые походы представляются нам столь же могущественными, как и совершенно неудачным падением Запада на мир Востока, вообще победоносно-расширяющийся уже несколько столетий. Наряду с поражением христиан идут самые триумфальные успехи ислама. Его область распространяется повсюду, за исключением Пиренейского полуострова. Около конца средних веков убежищем христианской культуры осталась только западная половина Европы.

Несметные жертвы, которые Запад напрасно принес, несказанно тяжелые потери, которые он испытал, вся трагедия крестовых походов с ее ужасными последствиями, все это перевесили и превзошли однако те общие успехи культуры, которые были вызваны вооруженными пилигримами в Святую Землю*. Хотя последнее в основании и верно, *совершенно верно*, но все-таки не должно довольствоваться, как часто делается, тем, чтобы сумму знаний, которую крестоносцы приобрели в крестовых походах, в особенности от своих противников, считать совершенно достаточным вознаграждением за все упомянутые бедствия. Это не совсем отвечало бы сущности дела, величественной высоте всемирно-исторических событий.

Остановимся, во-первых, еще немного на том значении, которое века крестовых походов или позднейшие средние века вообще имели на культуру мусульманских народов. Здесь можно сказать мало хорошего. Хотя некогда наводнение арабами Передней Азии и северной Африки основало богатый венец магометанских культурных государств: юношеская сила арабов умно воспользовалась результатами античной и христианской образованности и кое-где самостоятельно повела его дальше; исламист-

* Одним из хороших результатов крестовых походов было то, что они различным образом оживительно влияли на распространение христианства и культуры в славянском мире. Например, скандинавские князья употребили в этом направлении доходы крестовой десятины и в особенности Немецкий орден нашел на Балтийском море место своей плодотворной деятельности. Но подробности об этом не входят в задачу этой книги.

ские государства еще во время крестовых походов показались христианам в блеске глубокого знания и богатых сил; но затем здесь не явилось уже дальнейшего успеха. Племена, которые в течение крестовых походов захватили господство в области ислама, туркменские племена сельджуков и османов, мамелюки и монголы, не были в состоянии своими силами значительно расширить область человеческого знания. Они тратили капитал, который им представляли покоренные земли: мало-помалу наступило заатишье, а затем с каждым столетием все быстрее подвигалось падение. Правда, солдатская сила ислама осталась еще достаточно сильна, чтобы изгнать христиан из Азии; ее было достаточно и для того, чтобы сделать самые обширные завоевания в Европе, которая еще целые века страдала от многих из тех бедствий, какие уже причинили поражения ее на Востоке; но всякое господство мусульман все более и более ограничивалось формой грубого военного деспотизма, портило и грубо подавляло благосостояние и образованность покоренных народов, и с тех пор и донныне являлось культурной силой только там, где живут варварские племена, как например внутри Африки.

Таким образом, ужасный объем всемирно-исторической трагедии, которая заключалась в веке крестовых походов, будет вполне понятен только тогда, когда мы представим себе, какое бедствие внесли мусульмане, и особенно османы, в следующие столетия в подчиненный ими круг земли. И за все эти бедствия, как говорят, достаточное вознаграждение дал тот успех, который представляет западная культура со времен Готфрида Бульонского. Посмотрим, насколько, собственно, мы можем считать это суждение правильным.

Когда пилигрим покидал тесные границы родины, он узнавал большую часть населенной земли. Перед его глазами тянутся меняющиеся картины. Вид чужих земель, странные животные и растения, веселое небо юга производили на него сильное действие. Он имел сношения с людьми, с которыми часто мог изъясняться только знаками. Их одежда и вооружение были для него новы; характер местности, устройство домов, форма каждого бытового предмета заставляла его думать. В Греческой земле, как и на Востоке, уцелели еще поучительные остатки античной жизни: от государственного управления Римской империи переходили из рода в род военные

учреждения и основы податной системы, хотя различным образом измененные и ухудшенные. Ученые люди на Босфоре прилежно собирали и хранили сокровища классической литературы, среди мусульман с особенной любовью и умом изучались философия и естествознание эллинов. В сельском хозяйстве, в большинстве отраслях промышленности, в художественных способностях жителей древних культурных стран между Дунаем и Евфратом далеко превосходили франков. Драгоценнейшие произведения всех поясов, которые к ним стекались, в самом ярком свете указывали на это превосходство: их большие города представляли любознательности пилигримов едва одолжимый материал самых любопытных вещей. Кроме того, уже греки не были папскими христианами, а мусульмане были врагами креста, и однако же они не были чудовищами и демонами, как могла ожидать ребяческая фантазия иных благочестивых людей из числа первых крестоносцев. Напротив, рыцарский дух пилигримов был поражен и восхищен добротой и щедростью, храбростью магометанских властителей: крестоносцы приучались уважать врага и привыкали относиться к нему, как к себе подобному. Дух терпимости проникал в сердца и вместе с ним дух сомнения во всемогуществе пап и непогрешимости церковного учения.

Юная Европа ревностно и с большим успехом училась во время своих учебных странствий на Восток, как можно было бы назвать крестовые походы. Поразительным множеством восточных слов наши языки показывают, как много мы заимствовали у магометан. Вместе с выражениями к нам все чаще приходили впервые и самые вещи. Из Азии происходят наш ситец (Kattun) и кисея (Musselin), софа, матрацы и альковы, базар, магазин и арсенал, пошлина (donane), соляной налог (gabelle), тариф и цехины, наряду с неисчислимым множеством других. Едва ли найдется какая-нибудь область политической, военной, торговой, промышленной, научной, художественной и даже церковной жизни, которая не получила бы обогащения с Востока. Даже всеобщее употребление венка из роз в позднейших средних веках Запада произошло опять из подражания восточному обычаю.

Но могут ли эти отдельные факты, вся сумма этих возбуждений и поучений уравновесить те огромные потери, которые область господства западной культуры потер-

пела с одиннадцатого до семнадцатого столетия? Кто бы мог решиться это утверждать!

Равновесие между потерей и прибылью, или скорее перёвес последней и вместе с тем успех, который крестовые походы внесли во всемирную историю, не указывается достаточно также и тем, когда влиянию вооруженных пилигримств приписывается развитие феодализма и рыцарства, расцвет городов в самостоятельные общины, начало новейшего строя государств и обществ, и то сопротивление, которое поднялось против господства римской церкви и ее учений в еретических кругах. Поэтому, что хотя, как это само собой следует из всего выше сказанного, это отчасти и верно, но только отчасти, а в большей половине все преобразование европейской жизни от одиннадцатого до четырнадцатого столетия, без сомнения, основывается на побуждениях, главный корень которых кроется во внутренней истории Запада.

И, тем не менее крестовые походы оказали благотворнейшее действие, бесконечно благотворное. Ко всем упомянутым многообразным возбуждающим влияниям они присоединяли еще одно, которое только и придало всем им полное значение и давало оплодотворенным силам Запада возможность распусться и развернуться в быстром расцвете; а именно, они значительно обогатили до тех пор слишком бедную деньгами Европу. Может показаться парадоксом, что мы также решительно выдвигаем этот пункт, но он этого заслуживает. Самое реальное и самое идеальное часто находятся во взаимной зависимости и идут рука об руку. Священная война, начатая из ненависти к исламу, привела к самым живым торговым связям с мусульманами. Сокровища Азии открылись для европейцев и сообщили им самые сильные побуждения улучшить и умножить произведения их собственной почвы, направить силу их духа, ума и ловкость рук на оживление промышленности. Следствием этого было то, что народы Европы начали работать сильнее, стали чувствовать присущие им способности в стремлении к творчеству. Куда прежде всего направился денежный поток этих международных сношений, там в смелой отваге и борьбе и зарождался новый век. Поэтому Италия есть первенец между новейшими народами и рядом с подвижными купцами Флоренции и Венеции стоит мыслящий облик Данта, который прощается со средними веками.

ми и пророчески указывает задачи нового поколения. Стала шевелиться та сила, которая должна была воссоздать классическую древность из развалин и обломков, охватить победоносными руками земной шар и окончательно сломить господство одной церкви. Дух новейшей культуры Запада пробудился, несравненно превышая все способности, которые природа дала восточным племенам, победоносный уже в своей юношеской борьбе против османов и с тех пор неутомимый в своей задаче освободить Константинополь и Иерусалим, или вернее весь Восток, насколько еще можно его спасти от ига варварства

Д о п о л н е н и е

В заключение этой книги упомянем еще, что в Париже в последние годы существует ученое собрание, которое поставило себе целью издавать источники для истории латинского Востока, т. е. главным образом для истории крестовых походов и государств крестоносцев и представить здесь желательное дополнение к большому «Recueil des historiens des croisades». Это «Société de L'Orient Latin», в числе руководителей которого выделяется упомянутый выше граф Риан, издает *serie géographique* и *serie historique* из самых источников. Первая серия, из которой вышло в свет два тома, должна по сделанным до сих пор объявлениям заключать *Itinera hierosolymita et descriptiones Terrae Sanctae latine conscripta: Itinéraires français; Itinerary italiani, Itinera graeca*. Из *serie historique* недавно был издан только один том: *La prise d'Alexandrie, par Guillaume de Machaut* (завоевание Александрии королем Петром I кипрским в 1365), изданный Массом Латри (*De Mas Latrie*). Во время печатания нашей книги вышел первый том *Quinti belli sacri scriptores minores* (издание Рёрихта), за которым вскоре должен следовать второй том *Société de L'Orient Latin*, кроме того поддерживает отдельные литературные предприятия, важные для истории крестовых походов; это — так называемая *publications patronnées par la Société*, из которых до сих пор вышли: *Numismatique de L'Orient Latin, par G. Sehtumberger*. и: *De passagiis in Terram Sanctam, ed. M. Thomas*, та иллюстрированная рукопись, из которой заимствован ряд выше приведенных рисунков. К этим изданиям в самом скромном времени должен прибавиться первый том *Archives de L'Orient Latin*, периодического издания, которое в роде «*Forschungen zur deutschen Ge-*

schichte» будет заключать крупные и мелкие сообщения по истории крестовых походов и, без сомнения, окажется в высокой степени достойным внимания специалистов.

Первые листы этого находящегося в печати первого тома Archives de L'O. L. были благосклонно сообщены мне графом Рианом. Они заключают в себе принадлежащее перу вышеназванного ученого начало важного сочинения, а именно *Laventaire critique des lettres historique des croisades*», которое должно заключать в себе неожиданные объяснения подлинности и неподлинности относящихся сюда рукописей, и даже ненапечатанные до сих пор письма крестоносцев. Я не могу здесь ближе указывать важность этих объяснений независимо от других причин уже потому, что в моем распоряжении, находятся только первые листы названного сочинения. Мы скажем только о номере XXXI инвентаря, потому что там затронут спорный вопрос, относительно которого Риан уже раз высказался в недавно вышедшей своей работе

А именно, говорят, что император Алексей незадолго до первого крестового похода послал графу Роберту I Фландрскому письмо с настойчивой просьбой о помощи против сельджуков. Это письмо считалось исследователями то подлинным, то подложным. Граф Риан сначала в своей собственной книге (*Alexii I. Comneni Romanorum imperatoris ad Robertum I. Flandriae comitem epistola spuria, Genevae MDCCCLXXIX* и потом в упомянутом *Inventaire* старался привести доказательства подложности этого письма. В своем предыдущем изложении я совсем не касался этого письма, потому что также считая его подложным, и следовательно в этом отношении совершенно согласен с Рианом.

Но этот ученый пошел еще дальше отрицания этого письма и подвергнул сомнению, чтобы в числе поводов к первому крестовому походу могла вообще идти речь о какой-нибудь просьбе греческого императора о западно-европейской помощи против сельджуков.. По словам автора, у Алексея в то время не было настоятельной необходимости в военной помощи; известно, правда, что он был в деятельных сношениях с западными европейцами, в особенности с папой Урбаном II, но при этом шла речь о церковных делах; на синоде в Пиаченце, где греческое посольство встретилось с папой,.. речь, вероятно, должна была идти только о церковных делах. Поэтому (полагает Риан)

мысль о крестовом походе была вызвана в голове папы не греческими просьбами о помощи, но жалобами на бедствия христиан в Иерусалиме и кроме того страхом перед Альморавидами, победителями Испании.

Но я не нахожу, что Риан привел до сих пор достаточные доказательства своего взгляда, как ни подкупает он на первый взгляд. Из византийской истории накануне крестового похода нам известно слишком мало точных подробностей, чтобы только на основании факта, что бедствие от сельджуков не было тогда смертельной опасностью, иметь право сомневаться в обращенной к папе просьбе о помощи. Решение зависит только от оценки сообщений, которыми мы обязаны некоторым западным хронистам того времени (главное место у Бернольда Sanct Blasien, Pertz, Mon. Germ. SS.V. 461). Но этим сообщением Алексей, правда, требовал от папы не настоящего крестового похода, но доставления значительной военной поддержки; и я до сих пор, как говорил, не могу убедиться, чтобы эти по всей видимости совершенно неподозрительные современные известия шли из того же источника, как *epistola spurin ad Robertum comiteur*

Но если бы это было и так, но Риан, по крайней мере, допускает, что в церковных сношениях между Алексеем и Урбаном «*se sont pent-être glises quelques mots relatifs aux ravages des Tures en Asie Minueres*» такие слова могли бы сильно действовать в голове папы и составить решительный толчок для крестоносной проповеди. Риант думает, правда, что в таком случае Урбан призвал бы христиан на борьбу в Малой Азии, а не в Сирии. Но в уме папы волновались в пестрой смеси забота о Константинополе и о Иерусалиме, политические соображения и аскетическое стремление. Возвышение задуманного крестового похода с реальной политической почвы в мистические сферы было достаточно легко, а подстановка Иерусалима, как цель похода, вместо Константинополя, была бы тем менее поразительна, что Иерусалима можно было достигнуть только через Константинополь и после предполагаемого поражения сельджуков.

Во всяком случае, гораздо удивительнее была бы замена малоазиатского театра войны сирийским, если бы, как хочет Риан, наступление Альморавидов в Испании главным образом побуждало папу к крестоносной проповеди. Правда, у него могла быть несомненно такая же

забота об Испании, как и забота о всех древнехристианских землях, которые в то время были уже в руках магометан или которым они угрожали. Но чтобы объяснить, каким образом Урбан для поддержки испанцев мог задумать крестовый поход в Азию, Риан должен принять, что в то время не вполне ясно представляли значение слова «Гиспания» (хронисты того времени называют Гиспанией как Испанию, так часть Азии через испорченное Испангань) и что при полном незнании политических отношений внутри магометанского мира думали оказать пользу испанцам посредством диверсии в Азию.

Итак, пока я не могу считать доказанным утверждение Риана, что греки не ждали никакой военной поддержки от западной Европы и что они во всяком случае были поражены крестовым походом. Но я все-таки хотел бы оставить за собой окончательное суждение об этом вопросе до тех пор, пока *Iuventaire* Риана не будет закончен, по крайней мере для века первого крестового похода, так как, быть может, из ожидаемых там новых сообщений могут последовать обратные заключения.

Но если бы даже Риан оказался тогда прав, то относительно главного вывода, который мог быть связан с его словами, мое изложение политики Комненов несколько бы этим не опровергалось, а напротив, сколько я вижу, было бы только подтверждено. Император Алексей, как ни было тогда трудно устроить соглашение между греками и крестоносцами, полезное для обеих сторон... только еще яснее и решительнее, чем до сих пор можно было принимать, поставил бы себе задачей прийти к такому соглашению, не унижая крестоносцев до орудий своего властолюбия, до удобной опоры для своей империи, но доставляя им справедливые уступки и ведя с ними переговоры, как две равные силы. Потилика Комненов и по мнению Риана сделала грубую ошибку, которая в большей мере повела к неудаче крестовых походов... и которую я в заключение не могу выразить лучше, чем словами, в которых сам Риан говорит об императоре Алексее: «*qui revait déjà l'empire universel, qui garda toujours, dans les eirconstancen les plus difficiles un sentiment éxagéré de sa dignité personnelle qui, plus tard, mit la tenacite qui l'on sait á faire les chefs de la l-re croisade ses hommes liges et ses débiteurs enfin qui ue vouleít des Latins qu'á titre d'auxiliaires salariés, jamais d'alliés et encore moins de libera-teurs*».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	
Восток и запад до крестовых походов	25
Глава вторая	
Первый крестовый поход	41
Глава третья	
Норманы и греки от 1099 до 1119	91
Глава четвертая	
История королевства Иерусалимского с 1100 до 1143	128
Глава пятая	
Второй крестовый поход	163
Глава шестая	
История королевства Иерусалимского от 1149 до 1188	197
Глава седьмая	
Третий крестовый поход	245
Глава восьмая	
Четвертый крестовый поход	305
Глава девятая	
Пятый крестовый поход	363
Глава десятая	
Шестой крестовый поход	413
Глава одиннадцатая	
Конец господства христиан на Востоке	448
Заключительный обзор	508

Лицензия ЛР № 962308 от 24 февраля 1993 г.
Сдано в набор 06.03.95 Подписано в печать 10.04.95 Формат 84x108 1/32 Бум тип № 2
Гарнитура литературная Фотолабор Высокая печать Усл печ л 26,9 Тираж 20 000 экз
Заказ № 44

Издательство «Феникс» 3440007 г Ростов-на-Дону пер Соборный 17

АО «Книга» 344019, г Ростов-на-Дону ул Советская, 57